

У ЧЭН-ЭНЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ЗАПАД

РОМАН

ТОМ IV

Перевод с китайского
В. КОЛОКОЛОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Примечания

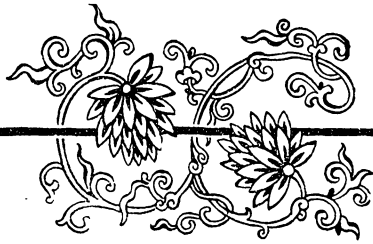
В. КОЛОКОЛОВА

Переводы стихов под редакцией

И. ГОЛУБЕВА

Оформление художника

Г. ФИШЕРА

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ,

повествующая о том, как смышленная обезьяна пробуравила вазу, содержащую женское и мужское начала, и как главарь демонов вновь вступил на путь Истины

Итак, Великий Мудрец Сунь У-кун подошел к входу в пещеру и заглянул в нее. И он увидел, что:

На дне пещеры груды черепов
Пугали дырами глазниц незрячих,
Мерцанием оскаленных зубов;
Костей там было, что деревьев в чаще,
Шел от гниющих трупов дух смердящий,
Вздымавшийся до самых облаков.
Людские волосы, как войлок настоящий,
Свились в непроницаемый покров;
Качались остовы, и свет лился мертвящий
От обнаженных белых костяков.
Забравшийся в пещеру, по колено
Увяз бы в жиже мерзостного тлена,
Запутался б среди связок и мотков
Жил, вытянутых из людей, безвинно убиенных...
Там горы трупов и кровавые моря;
В котлах, на сковородках необъятных
Людское мясо жарят бесенята;
Летит зловещий дым, костры трещат, горя,
Хохочут демоны, живых людей моря,
Безжалостно кромсая плоть живую,
Ее с костей соскабливая и свежую.
Помню обезьяньего царя,
Кто б мог отвагу обрести такую,
Чтоб добровольно в этот ад сойти? —
Подобного ему героя не найти! ¹

Однако, пробравшись за вторые ворота, Сунь У-кун так и ахнул, там все было по-иному: удивительная чистота и тишина

¹ В главе семьдесят пятой стихи в обработке А. Эфрон.

поразили его. Его взору открылись замечательные красоты и широчайшие просторы. По обеим сторонам расстилались роскошные луга с диковинными цветами, вдаль уходили стройные ряды высоких сосен и изумрудно-зеленых бамбуков. Пройдя несколько ли, Сунь У-кун подошел к третьим воротам и юркнул в них. Тут он увидел трех демонов, восседавших на возвышении, очень лютых и свирепых. Особенно страшным ему показался средний:

Клыки — что долото, а зубы — что пила,
Квадратный лик, а голова кругла,
Разящий взгляд — что молнии стрела.
Огромный, вздернутый, широкий нос
Среди лица торчит, словно утес,
Рокошет голос громом дальних гроз.
Широк разлет его бровей густых,
Как лисий хвост червонно-огневых,
Заря свой отсвет затеряла в них;
Одним движением он повергает в страх
Зверей, над коими царит в лесах,
Когда ж сидит, суров и недвижим,
Все демоны трепещут перед ним;
«Льва черного» он гордо носит имя
Меж подданными верными своими.

По левую сторону от него сидел второй демон:

Золотистые, как у феникса, глаза его
Были ясные и лучистые, пылали заревом.
Лоб покатый его бороздился морщинами,
Было нескладным туловище его длинное.
Нежен был голосок, как журчанье ручья прохладного.
Ликом же был он похож на дьявола бычьеголового.
Волосы серебристые росли из носа его,
Словно хвост лошадиный, висели космами.
Ими он прикрывал страшную пасть зубастую,
Пряча угрозу ее и совершенствуясь нравственно.
Старым клыкастым тапиром долгие годы звался он.

А теперь послушайте, как выглядел демон, сидевший с правой стороны:

На длинной шее грифа голова,
И за плечами крылья золотые.
Взгляд, как у барса, а зрачки большие
Горят, как две звезды, как солнца два.
Трепещет Север, тёплый Юг дрожит,
Столь демон сей силен, хитер, отважен!
Не только людям — он драконам страшен,
Когда спокойно в воздухе парит.
Когда в полете он, трясутся в страхе птицы,
Ведь каждая из них его когтей боится.
Летает он за сотню тысяч ли —
Недаром Кондором его великим нарекли!

Перед демонами по обеим сторонам выстроилось в ряд свыше сотни больших и малых бесов, видимо, главарей. Все они были в боевых доспехах и шлемах. Их грозный вид внушал ужас, все они были преисполнены жажды крови.

При виде такого зрелища Сунь У-кун пришел в неопишемую радость. Не испытывая ни малейшего страха, он большими шагами вошел в ворота, снял с себя колотушку с колокольцами и, приблизившись к демонам, приветствовал их возгласом:

— О великие князья!

Демоны усмехнулись.

— Никак это ты, разведчик, вернулся? — спросил старший.

— Да, я.

— Ну как? Когда обходил гору дозором, узнал, куда делся Сунь У-кун?

— О великие князья, — изобразив испуг, ответил Сунь У-кун. — Даже при вас мне страшно рассказывать...

— Чего ж ты боишься? — удивился старший демон.

— Получив ваше повеление, я тотчас отправился в дозор, — принялся сочинять Сунь У-кун. — Иду себе, как полагается, стучу в колотушку и позваниваю колокольцами, вдруг поднимаю голову и вижу великана, который сидит на корточках и точит железный брус. Я было принял его за духа Хранителя дорог. Если бы он поднялся, то наверняка оказался бы в десять чжан ростом. Сидел он у камня на берегу горного ручья. Обольет камень пригоршней воды, поточит брус, что-то пробормочет и опять сначала. Стал я прислушиваться. Оказывается, он сетовал, что брус не проявил своей чудодейственной силы, что надо наточить его до блеска, а тогда можно будет явиться сюда и... побить вас, великие князья. Тут я смекнул, что это и есть Сунь У-кун, а потому и прибыл доложить вам.

Старший демон, выслушав Сунь У-куна, задрожал от страха и покрылся холодным потом.

— Братцы, — проговорил он, — не будем лучше трогать Танского монаха. Ученик его обладает необыкновенными чарами. Он уже заранее готовит козни против нас. Вот отточит он свой волшебный посох и примется бить нас, что тогда будет?!

И он тут же отдал распоряжение:

— Меньшие братья наши! Велите всем подчиненным бесам и бесенятам собраться в пещерах, а ворота все запереть наглухо. Пусть Танский монах идет своей дорогой.

Один из старшин бесовских отрядов, уже знавший о том, что произошло перед воротами, доложил старшему демону:

— О великий князь! Все бесенята разбежались куда глаза глядят...

— Как разбежались? — возмущился старший демон. — Видно, и они беду почуяли! Ну, живо! Запирайте ворота быстрее!

Бесы гурьбой бросились исполнять приказание и заперли на засовы все ворота.

Сунь У-кун не на шутку встревожился: «Ну, вот! Ворота заперли, а теперь примутся за меня. Начнут расспрашивать да еще о домашних делах, а я и не знаю, что отвечать. Выдам себя с головой и окажусь в их лапах. Дай-ка попугаю их еще, лишь бы

они ворота оставили открытыми, тогда можно будет бежать!»

Он выступил вперед и, обращаясь к демонам, заговорил серьезным тоном:

— Великие князья! Послушайте, что еще сказал Сунь У-кун. От этого никому из нас не поздоровится.

— Что же он сказал? — нетерпеливо спросил старший демон.

— Он сказал, что собирается с тебя, старший князь, содрать шкуру, второму князю переломать кости, а у третьего вытянуть жилы. Если мы запрем ворота и останемся здесь, не миновать нам беды. Сунь У-кун может превратиться в муху, проникнет сюда через щель в воротах и захватит нас всех. Что тогда будет?! Старший демон задумался.

— Будем начеку, братцы! — промолвил он наконец. — Вы ведь знаете, что в наших пещерах мухи не водятся. Если заметите муху, то знайте, что это Сунь У-кун.

Сунь У-кун при этих словах усмехнулся про себя и подумал: «Обращусь-ка в мушку да напугаю их как следует! Может, они и в самом деле откроют ворота?»

Он шмыгнул в сторону, вырвал у себя шерстинку из затылка, дунул на нее и прошептал: «Превратись!» Шерстинка сразу же превратилась в золотую мушку, которая полетела прямо на старшего демона и стукнулась об его лицо. Демон оторопел и в ужасе закричал:

— Братцы! Дело дрянное! Словечко о мухе оказалось заветным! Пролезла-таки, проклятая, через ворота!

Все бесы пришли в полное замешательство: одни хватались за метлы и веники, другие — за мухогонок и, сбивая друг друга с ног, ловили мушку.

Сунь У-кун не удержался и хихикнул. А смеяться ему не следовало: при смехе его лицо принимало первоначальный облик. Так случилось и теперь. Третий демон успел заметить перемену в лице Сунь У-куна и подскочил к нему.

— Братцы! Вот он, обманщик! — закричал демон, изо всех сил вцепившись в него. — Чуть было не провел нас.

— Ну и умен же ты! — насмешливо перебил демона самый старший. — Кто кого обманывает?

— Да вот этот самый, кто наговорил здесь с три короба, — ответил третий демон, не выпуская Сунь У-куна. — Он вовсе не дозорный, а самый что ни на есть настоящий Сунь У-кун. Убежден, что он повстречался с нашим дозорным, прикончил его, принял его облик и явился сюда морочить нам голову.

Сунь У-кун опешил. «Узнал меня!» — промелькнуло у него в голове. Ломая руки, он с мольбой обратился к демонам:

— Как может статься, что я Сунь У-кун? Я же дозорный! Великий князь! Он обознался...

Старший демон рассмеялся.

— Братец! Он и впрямь дозорный. На перекличках, что бы-

вают у нас по три раза на дню, я его хорошо приметил: он всегда торчал у меня перед глазами.

Обратившись к Сунь У-куну, он спросил:

— Есть у тебя табличка, удостоверяющая твою личность?

— Есть, — отвечал Сунь У-кун и, подняв полу камзола, достал табличку, привязанную к поясу.

Убедившись в том, что табличка не поддельная, старый демон совершенно успокоился:

— Братец! Отпусти его и не обижай больше!

Но третий демон не унимался.

— Брат мой! Ты не заметил, что с ним произошло, когда он отвернулся в сторону и засмеялся, — с досадой сказал он. — Я сразу же узнал его по морде, точь-в-точь такая же, как у бога Грома. Когда я его схватил, он снова принял вид дозорного.

С этими словами демон кликнул слуг и велел им принести веревку. Затем он повалил Сунь У-куна наземь, крепко скрутил ему руки и ноги, сорвал с него одежду, и все убедились, что это обезьяна.

Вы ведь помните, что Сунь У-кун обладал способностью совершать семьдесят два превращения. Он мог принимать вид пернатых, четвероногих, насекомых, мог превращаться в цветы, растения, в посуду, утварь, причем в таких случаях от его тела не оставалось ни малейшего следа. Но когда он превращался в человекообразные существа, у него изменялись лишь лицо и голова, а туловище оставалось прежним, покрытым густой желтой шерстью, с ярко-красными ягодицами и с хвостом сзади.

— Да, туловище у него точь-в-точь такое же, как у Сунь У-куна, — промолвил старый демон, разглядывая связанного, — но лицом он вылитый дозорный.

Повернувшись к слугам, он приказал:

— Ребятки! Прежде всего приготовьте вино и закуски. Надо поднести чарку нашему третьему князю за его великую заслугу. Теперь можно не сомневаться в том, что нам удастся полакомиться мясом Танского монаха, раз уж сам Сунь У-кун попался и лежит у наших ног.

Третий демон, однако, перебил его.

— Пока не будем угощаться вином, — сказал он. — Сунь У-кун очень увертлив и к тому же владеет способом избавления от пут. Боюсь, как бы он не удрал. Прикажи слугам притащить сюда большую вазу. Мы упрячем в нее Сунь У-куна, а уж потом попируем на славу.

Старый демон громко расхохотался:

— Вот это дело! Правильно!

Он тотчас же отрядил тридцать шесть бесенят, которым велел войти во внутренние покои, открыть кладовую и принести оттуда огромную вазу.

Хотите знать, какой величины была эта ваза? В вышину она была в два чи и четыре цуня. А зачем нужно было посылать

тридцать шесть бесенят, чтоб притащить ее? А затем, что ваза эта была не простая. Она была сокровищницей, в которой хранились два великих начала природы: женское и мужское. Внутри вазы находилось семь драгоценностей из разных сплавов, восемь гадательных триграмм да еще двадцать четыре эфира — соответственно всем временам года. А тридцать шесть бесенят нужны были для того, чтобы создать соответствие с числом звезд в созвездиях Зодиака, иначе эту вазу нельзя было бы даже сдвинуть с места.

Вскоре ваза была внесена и установлена за третьими воротами. Ее очистили от пыли, сняли крышку, затем развязали Сунь У-куна, раздели его догола и втокнули головой в вазу. Струя волшебного воздуха со свистом всосала Сунь У-куна во внутрь. Вазу плотно закрыли крышкой и опечатали, после чего все отравились пировать.

— Ну, мартышка,— говорили бесы,— наконец-то ты попала в драгоценную вазу. Не придется тебе больше путешествовать на Запад, и не думай об этом. Если и сможешь еще раз отправиться к Будде за священными книгами, то не иначе как зародившись в чьей-либо утробе и снова пережив свое младенчество.

Вы бы видели, с каким ликованием толпа бесов, больших и малых, принялась праздновать победу, но об этом рассказывать не стоит.

Между тем Сунь У-кун, оказавшись внутри вазы, уменьшился настолько, что удобно уселся на дне ее,— все благодаря своей способности превращаться. Прошло довольно много времени, и он почувствовал, что внутри вазы стало сыро и прохладно. Сунь У-кун беззвучно рассмеялся.

— Ну и бесы! — проговорил он. — На вид такие важные, а на самом деле пустомели. Вздумали страшать, будто всякий, кто попадет в эту вазу, через часок, а то и меньше, обязательно растворится и станет зловонной жижей?.. Здесь настолько прохладно, что можно годами сидеть в ней и ничего подобного не случится...

Увы, Великий Мудрец Сунь У-кун, очевидно, не знал секрета этой вазы. Если бы человек, заключенный в нее, просидел молча пусть даже целый год, целый год там было бы прохладно, но при первом же звуке человеческой речи в ней появлялся огонь, который сжигал человека. Не успел Сунь У-кун договорить до конца, как пламя заполнило всю вазу. К счастью, Сунь У-кун, мастер на все руки, прочел заклинание от огня, прицелкнул пальцами и спокойно оставался на своем месте, не проявляя ни малейшего чувства страха. Он перенес огненную бурю, продолжавшуюся примерно с полчаса, после чего вдруг заметил, что со всех сторон его окружают откуда-то появившиеся змеи. Их было штук сорок. Все они принялись жалить его. Сунь У-кун завертел руками,

словно колесом, навертел на них змей и, поднатужившись, разордал их всех пополам, получилось восемьдесят половинок.

Прошло еще немного времени и вдруг, откуда ни возьмись, появилось три огненных дракона, которые стали обвивать Сунь У-куна с головы до ног и начали кружить его с такой силой, что он не мог устоять и стал терять сознание.

— Все могу одолеть, но с этими драконами мне будет трудно справиться,— горестно воскликнул он. «Если я не избавлюсь от них сейчас же, то очень скоро они сожгут мне сердце своим огненным дыханием! Как же быть?» — подумал он. Тут он смекнул: «Дай-ка я увеличусь и раздавлю их!»

Молодец Сунь У-кун! Он прищелкнул пальцами, прочел заклинание и воскликнул: «Превратись!» — после чего сразу же вырос на целый чжан. Стенки вазы тоже раздвинулись. Тогда он разом уменьшился, но и ваза соответственно уменьшилась.

— Вот те на! — встревожился Сунь У-кун.— Я увеличиваюсь — и ваза тоже, я уменьшаюсь — и она тоже! Что делать?

Тут он вдруг почувствовал боль в ступнях ног и пощупал их руками. Оказалось, что от огня они уже начали размягчаться. Вне себя от волнения он воскликнул:

— Как мне быть? Ступни стали мякнуть! Видно, придется мне стать калекой!

Он не выдержал, и слезы хлынули из его глаз.

И, как всегда в минуты крайней опасности, подвергаясь мучениям и страданиям, Сунь У-кун обратился мыслями к своему наставнику.

— О мой наставник! — воскликнул он.— В том году, когда я вступил на путь истинного учения Будды, бодисатва Гуаньинь убедила меня творить добро и избавила от небесной кары. Потом, перенеся тяжкие страдания, я провел тебя через многие горы. Я расправлялся в пути со всякими дьяволами-оборотнями, покорил Чжу Ба-цзе и переманил на нашу сторону Ша-сэна. Вместе с ними мы продолжали наш путь на Запад, преодолевая тысячи невзгод, в надежде достигнуть обители Будды и завершить полное перерождение. Мог ли я ожидать, что попадусь в лапы этим гнусным дьяволам? А все моя неосторожность, за которую я могу заплатить жизнью. Тебя, мой наставник, я оставил в горах, на перепутье, и ты не сможешь продолжать свой путь! Должно быть, я попал в такую беду за мои прежние проделки.

Продолжая сокрушаться, Сунь У-кун вдруг вспомнил:

— Целы ли у меня те три спасительных волоска, которые я получил в подарок от бодисатвы Гуаньинь на горе Свернувшаяся змея? Надо поискать их!

Он стал шарить рукой по телу и, наконец, нащупал на затылке три волоска, очень жестких и колючих.

— Какая у меня мягкая и приятная шерсть,— обрадовался он,— и только эти три волоска колются, как острия копий. Уверен, что они-то и спасут мне жизнь!

Стиснув зубы от боли, он выдернул три волоска, дунул на них своим волшебным дыханием и произнес: «Превращайтесь!» Один из волосков сразу же превратился в алмаз, другой — в бамбуковую пластинку, а третий — в шелковый шнурок. Стянув концы пластинки шнурком наподобие лука и приспособив алмаз в виде сверла к тетиве этой самодельной дрели, Сунь У-кун начал сверлить стенку вазы снизу у самого дна. Едва успел он просверлить маленькую дырочку, как через нее сразу же проник свет.

— О счастье! Вот удача! — ликовал Сунь У-кун, не помня себя от радости.— Ну, теперь-то я выберусь отсюда!

Только было собрался он вылезти, как вдруг внутри вазы опять стало прохладно. Как бы вы думали, почему? Дело в том, что волшебный воздух, в котором содержались женское и мужское начала, успел улетучиться через дырочку.

Молодец Сунь У-кун! Водворив на место три волоска, он стал уменьшаться и превратился в личинку цикады, очень легкую и проворную, тоненькую, длиною с бровинку, и благополучно вылез через дырочку. Но он еще и не думал бежать. Распустив крылышки, он полетел к старому демону и уселся на макушке его головы. В это время демон пил вино. Он резко поставил чарку на стол и громко воскликнул:

— Ну как, братцы? Сунь У-кун, пожалуй, уже растворился? Братья-демоны рассмеялись:

— Неужели он до сих пор еще жив?

Старый демон тотчас распорядился притащить вазу. Тридцать шесть бесенят бросились за вазой и были поражены, что она стала намного легче.

— Великий князь, — доложили они, — ваза-то полегчала!

— Вздор! — прикрикнул на них старый дьявол.— Как может она полегчать, когда в ней действует животворный воздух!

Среди бесенят нашелся, однако, упрямец, который приподнял вазу и воскликнул:

— Гляди, разве не видишь, насколько она стала легче?

Старый демон сорвал крышку с вазы, заглянул в нее и, увидев, что она просвечивает, от ужаса даже лишился голоса.

— В вазе,— прохрипел он, путая слова,— пустота высвободилась!

Великий Мудрец, сидевший у дьявола на голове, не удержался и воскликнул:

— Сыночек! — и, так же путая слова, добавил. — Поимка удрала!

Приближенные, подхватив последнее слово, закричали:

— Удрала! Удрала!

Тотчас последовал приказ закрыть ворота.

Тем временем Сунь У-кун встряхнулся, и сорванная с него одежда вновь оказалась на нем. Он принял прежний облик дозорного, успел выбежать за ворота и, обернувшись, выругался:

— Отныне не будешь у меня нахальничать, дьявольское семя! Ваза твоя продырявлена, и больше ты не сможешь мучить в ней людей! Теперь она годится разве только для нужника.

Шумно выражая свою радость, Сунь У-кун ловко вскочил на край облака и помчался прямо к тому месту, где оставил Танского монаха.

Как раз в это время монах совершал молитву и подбрасывал в воздух щепотки пыли вместо ладана.

Сунь У-кун задержал облако и стал вслушиваться в слова молитвы Танского монаха, который, сложив руки ладонями вместе и обратив лицо к небу, взывал:

— О праведные небожители, обитающие в заоблачных высотах, небесные духи, посланцы четных и нечетных счастливых дней, а также все божества и духи небес! Молю вас оградите от напасти моего мудрого ученика Сунь У-куна! Ваша божественная прозорливость неизмерима, а чудодейственная сила великого учения безгранична!

Эти слова молитвы вызвали у Сунь У-куна еще больший прилив рвения быть полезным наставнику. Он приблизился и, сойдя с облака, предстал перед Танским монахом!

— Вот и я! — воскликнул он.

Танский монах заключил его в объятия.

— О Сунь У-кун! — проговорил он. — Ты, верно, очень далеко ходил, разведывая эту гору, и потому так долго не возвращался. Должно быть, тебе пришлось перенести немало всяких злоключений. Я очень беспокоился. Ну, расскажи, какие напасти ждут нас в этих горах?

— Дорогой наставник! — с усмешкой отвечал Сунь У-кун. — На этот раз мне, непутевому, удалось, во-первых, узнать, что всех живущих в восточных землях ожидает счастливая судьба, во-вторых, твои добродетели оказались безграничными, а в-третьих, благодаря своему волшебству... — И он принялся подробно рассказывать о том, как превратился в дозорного бесенка, как затем был заключен в чудесную вазу и как выбрался из нее. Он закончил свой рассказ возгласом: — А то, что я опять сподобился лицезреть тебя, досточтимый наставник мой, означает, что меня действительно, как говорится, смерть не берет!

Танский монах принял благодарить Сунь У-куна как только мог, а затем спросил его:

— Не пришлось ли тебе сразиться с дьяволами-оборотнями?

— Нет, — отвечал Сунь У-кун.

— Как же ты можешь поручиться, что я благополучно переправлюсь через эту гору?

Сунь У-кун, всегда отличавшийся задором, с жаром возразил:

— А почему бы мне не поручиться?

— Но ведь ты не мерился силами с этими дьяволами, — продолжал сомневаться Танский монах. — Неизвестно, кто окажется

победителем. А пока это неизвестно, как могу я отважиться на дальнейший путь?

Великий Мудрец рассмеялся.

— Наставник! Чересчур уж ты несведущ в превращениях. Напомню тебе пословицу: «Из одной шелковинки нитку не спрясть, одной ладонью не захлопать». В горах обитают три главных демона, а у них в подчинении множество бесов и бесенят. Как мог я один вступить с ними в бой?

На это Танский монах заметил:

— «Один в поле не воин». Конечно, тебе одному трудно было справиться с ними. Однако твои спутники, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, тоже владеют чарами. Пусть они идут вместе с тобой. Всем вам общими усилиями легче будет расчистить путь через горы.

Глубоко вздохнув, Сунь У-кун ответил:

— Ты совершенно прав, наставник! Пусть Ша-сэн будет неотлучно при тебе, готовый охранять тебя в любую минуту, а Чжу Ба-цзе вели следовать за мной.

Дурень испугался.

— Братец ты мой, что с тобой? Ослеп, что ли? Ты погляди на меня, на что я годеи! Ведь у меня нет никаких способностей, и я буду служить тебе одной лишь помехой. Какая тебе от меня польза?

— Не беспокойся,— ответил Сунь У-кун, —хоть у тебя и нет особых талантов, но все же тебя нельзя считать пустым местом. В народе говорят: «Пустишь ветры, усилишь ветер». С тобой я буду чувствовать себя храбрее.

— Ну ладно,— ответил Чжу Ба-цзе,— так и быть, только ты не оставляй меня одного и обещай выручить меня, когда случится беда.

Танский монах прервал его:

— Сам будь осторожен. А я останусь здесь с Ша-сэном.

Чжу Ба-цзе приободрился и вместе с Сунь У-куном, воспользовавшись порывом ветра, вскочил на облако, которое доставило их на самую вершину горы. Они быстро добрались до пещеры.

Еще издали они увидели, что ворота в пещеру плотно заперты и кругом ни души. Сунь У-кун подошел к входу, держа наготове железный посох, и зычным голосом крикнул:

— Эй, бесы! Отворяйте ворота! Выходите скорей! Я, старый Сунь У-кун, хочу сразиться с вами!

Бесенята бросились к старому демону с докладом. Тот, дрожа всем телом от страха, твердил:

— Недаром говорят, что обезьяны очень злы. Теперь и мне пришлось убедиться в этом.

Находившийся рядом второй демон спросил:

— Братец, что ты хочешь этим сказать?

Старый демон ответил:

— Ты же знаешь, как Сунь У-кун превратился в дозорного, проник к нам в пещеру, и мы не могли распознать его. К счастью,

его распознал третий брат, и мы посадили негодя в вазу. Но он прибег к волшебству, просверлил вазу, забрал одежду и удрал. Теперь он снова кричит у ворот и вызывает нас на бой. Кто же из вас осмелится первым выйти ему навстречу?

Наступило молчание. Демон снова спросил, и опять никто не ответил. Казалось, все оглохли и онемели.

Старый демон разгневался и заорал:

— Мы находимся на большой дороге, которая ведет в Западную страну. В этой стране распространили о нас дурную славу. Если мы теперь, в ответ на оскорбления Сунь У-куна, не выйдем сразиться с ним, то покроем себя позором. Пусть я стар, но я первым вступлю с ним в бой. Ничего, на третьей схватке я его одолею, и Танский монах достанется нам. Если же я потерплю поражение, мы закроем ворота, и пусть он уберется от нас подальше.

С этими словами демон облачился в военные доспехи, подпоясался и вышел.

О, что за чудище увидели перед собой Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе!

Железнолоб и медноглав, он в шлеме был стальным,
Высокий, радужный султан снял на шлеме том,
Густые пряди бороды так по ветру вились,
Как будто темных две реки со щек его лились.
Продолговатые глаза сверкали, горячи,
Из-под нависших туч бровей, как молнии в ночи.
И ровный ряд его зубов и ряд кривых когтей
Казались зубчиков пилы отточенной острей.
Он был в доспехах боевых и панцирь золотой,
Стан крепкий плотно облегал поверхностью литой.
Шнурок, сплетенный в три жгута из барса крепких жил,
Все облаченье украшал и поясом служил.
В руках держал он свой стальной, свой смертоносный меч,
Из ножен вынутый для новых подвигов и сеч.
Казался демон храбрецом, каких уж больше нет;
Громоподобно крикнул он: «Кто там стучит чуть свет?»

Великий Мудрец Сунь У-кун повернулся к нему и сказал:

— Это я, твой властелин, Сунь У-кун, прозванный Великим Мудрецом, равным небу!

Демон рассмеялся:

— Это ты, Сунь У-кун? Ну и храбрая же ты мартышка! Я ведь тебя не трогал, чего же ради ты явился сюда и вызываешь меня на бой?

Сунь У-кун ответил:

— В пословице сказано: «Волны поднимаются, когда дует ветер, когда нет прибой, вода спокойна». Разве искал бы я встречи с тобой, если бы ты не задел меня? Только потому, что ты и вся твоя шайка оборотней собрались вместе в расчете полакомиться моим наставником, я и явился сюда разделаться с вами.

— Ишь ты, забияка! — удивился старший демон. — Уж не собираешься ли ты вступить в драку со мной, подняв такой крик у моих ворот?

— Совершенно верно! — задорно ответил Сунь У-кун.

— Перестань бахвалиться! — надменно произнес демон. — Если я напущу на тебя свое бесовское войско, и оно вступит с тобою в бой по всем правилам военного искусства, действуя по сигналам флагов и барабанов, то все станут говорить, что я, словно тигр в своем логове, обидел тебя, бедняжку. Давай-ка лучше вступим в бой один на один, чур не звать никого на подмогу!

Сунь У-кун согласился.

— Чжу Ба-цзе, — позвал он, — отойди-ка в сторонку. Посмотрим, как он справится со мной, старым Сунь У-куном!

Дурень быстро отошел в сторону.

— Ну, подходи! — закричал демон. — Сперва стань и стой не двигаясь, я раза три хвачу тебя по голове. Устоишь — пропущу твоего Танского монаха, не устоишь — живо подавай его мне на закуску.

Выслушав демона, Сунь У-кун со смехом сказал:

— Вот что, дьявол, если у тебя в пещере есть кисть и бумага, пусть принесут сюда, мы с тобой напишем договор о том, что я не признаю тебя правым даже если ты будешь рубить мне голову, начиная с сегодняшнего дня и до будущего года!

Тут дьявол встряхнулся, чтобы набраться храбрости, широко расставил ноги, поднял меч обеими руками и со всего размаху ударил Сунь У-куна по голове. Сунь У-кун принял удар. Раздался резкий металлический звук, и меч отскочил от головы Сунь У-куна, не причинив ей ни малейшего вреда, даже то место, куда пришелся удар, и то не покраснело.

— Ну и крепкая же у этой мартышки башка, — изумился демон.

Сунь У-кун засмеялся.

— Ты, видно, не знаешь, каков я! Вот послушай!

Я был рожден крепкоголовым,
И череп мой прочнее меди;
Пожалуй, не найдешь на свете
Владельца черепа такого,
Что не боялся бы ударов,
Пусть нанесенных топором!
В печи плавильной я недаром
Был в молодости закален!
Коль хочешь знать, как это было,
Спроси владыку Лао-цзюня,
Как плавил меня, калили,
Какие прилагали силы,
Чтобы сломить мой дух безумный.
Как Двадцати восьми созвездий
Властители, собравшись вместе,
Меня, томимы чувством мести,
Бросали из огня да в воду,
Верховным существам в угоду.
Но мышцы прочные мои
Меня, что панцирь, охраняли.
Со мной враги не овладели:
Лишь крепче стал я в эти дни.

Но мой наставник дорогой
Нашел, что той закалки мало,
И потому мне приказал он
К тому ж и обруч золотой
Надвинуть на затылок мой,
Чтобы еще прочнее стал он.

Тут демон закричал:

— Мартышка! Перестань заговаривать зубы. Держись! Сейчас я стукну тебя еще разок! Клянусь, что не пощажу твоей жизни.

Сунь У-кун ответил:

— Как бы ты ни старался, и на этот раз ничего у тебя не выйдет.

— Посмотрим, — ответил дьявол, — ты, мартышка, не знаешь, какой у меня меч:

Он был плавлен в пламени небывалом,
Он стократную испытал закалку,
И в сражениях непобедимым стал он —
От такого меча помереть не жалко!
С тремя правилами боевыми знаком он,
Для шести боевых приемов годен,
Боевого искусства постиг законы,
В поединках истинно превосходит.
Несравненное он являет чудо;
Хоть объемист, как туловище удава,
Хвостком мушиным проникает всюду,
Обретая с каждым ударом славу.
Коль в горах взмахнешь им — разгонишь тучи,
Коль взмахнешь над морем — восстанут волны...
Он отточен мастером наилучшим
И волшебной силы навеки полон.
Он храним в пещере, в глубоких недрах,
Но в руках могучих, в разгар сраженья,
Смерть и страх рассеивает щедро,
Никогда не ведая поражения.
Кто б ты ни был, а проиграешь битву,
Коли голову под мой меч подставишь:
Пополам расколется, словно тыква,
Череп твой, что так дерзновенно хвалишь.

Великий Мудрец рассмеялся.

— Да ты, видно, ослеп, — сказал он, — раз принимаешь мою голову за тыкву. Ладно, руби! Только смотри не промахнись! Ну-ка, попробуй еще раз, посмотрим, что получится.

Дьявол снова поднял свой меч и изо всех сил ударил им. А Сунь У-кун нарочно подставил голову. Раздался треск, и голова раскололась надвое. Сунь У-кун тотчас же перекувырнулся, и тут же появился его двойник. Дьявол пришел в замешательство и опустил меч. Чжу Ба-цзе, наблюдавший издали, громко рассмеялся.

— Хорошо бы почтенному демону рубануть дважды, тогда получилось бы четверо, верно?

Уставившись на обоих Сунь У-кунов, старый дьявол в недоумении спросил:

— Я слышал о том, что ты умеешь раздваиваться, но как удалось тебе сделать это сейчас, прямо у меня на глазах?

— А что такое «раздваиваться»? — прикинувшись простаком, спросил Сунь У-кун.

Дьявол пояснил:

— Когда я ударил тебя в первый раз, ты даже не шелохнулся, а от второго удара из тебя сразу получилось двое.

Оба Сунь У-куна засмеялись.

— Ты только не бойся, — сказали они в один голос, — в ответ на тысячу твоих ударов нас тоже станут тысячи.

— Ишь ты, мартышка! — ехидно произнес дьявол. — Раздваиваться ты умеешь! А вот как соединишься в одно целое? Если сумеешь это сделать, позволю тебе ударить меня разок твоим посохом.

— Давай, только без обмана, — отвечал Сунь У-кун, — ты хотел ударить меня три раза, а ударил только два, теперь ты предлагаешь мне стукнуть тебя разок. Ну что же, ладно, если я ударю тебя не раз, а больше, то пусть отныне меня не называют Сунь У-куном!

— Идет! — согласился дьявол.

Тут Великий Мудрец обхватил своего двойника, перекувыркнулся вместе с ним на земле, и перед демоном вновь очутился один Сунь У-кун, который сразу же замахнулся посохом на дьявола. Но тот отбил посох мечом и закричал:

— Экая ты невежа! С похоронным посохом хочешь вступить со мной в поединок!

— Ты бы прежде узнал, что это за посох. Он прославился и на небе и под землей! — крикнул в ответ Сунь У-кун.

— Как так прославился? — изумился дьявол.

Тут Сунь У-кун поведал демону историю своего посоха:

Девяносто дней в печи плавильной
Чудесный сплав кипел непрестанно;
Лао-цзюнь великий рукою сильной
Ковал его на своей наковальне.
Правителю Юю достался посох,
Им названный «волшебным сокровищем», —
С тех пор-то он во всем мире славится,
Не ведая поражений в побоищах.
В четырех морях его сила проверена,
На восьми реках его мощь испробована;
По нем пущена резьба затаенная,
Золотые ободья красиво подогнаны,
Сверкают пламенем, блестят, как зеркало.
Посередине — звезды Ковша небесного,
Кругом — узоры с тайным значением;
Письмена древние на нем начертаны,
Приводящие духов и бесов в смятение.
«Начала благого чудесным посохом»
Сие оружие называется.

В глубинах водных сначала хранимое,
От человеческих взоров спрятанное
Моим оружием стало любимым оно.
И множит славу свою незапятнанною.
В моих руках оно изменяется,
С моею волею всегда согласное —
Горою Хэншаньскою расширяется
И возвышается до неба ясного,
Железной проволокой утоньшается,
И раздается мешком наполненным,
И пролезает в ушко игольное,
И яркой радугой переливается.
Чуть шевельну его — в ясном воздухе
Цветное облако тотчас рождается;
Коль бысь я посохом, не зная роздыха,
Тогда, как молния, он взвизывает,
Мрак собирается, метет метелица,
Туманы холодные по небу стелются.
Посох достался мне, когда путь истинный
Душе смятенной моей представился,
К добру склонившийся, мой дух воинственный
Ог буйства прежнего навек избавился.
С волшебным посохом вернулся в горы я,
Чтоб там, в тиши и в уединении,
Постичь усилиями упорными
Науку тайную превращения.
Когда со мною мое оружие —
Драконы, тигры всегда покорны мне;
Его страшатся и в небе сущие,
Пред ним склоняются и силы черные,
Прошел я с ним края небесные,
Земли окраины, просторы водные,
Прodelки буйные и неуместные
Свершил с ним вместе в чертогах горних я.
В саду, где персики растут прекрасные,
Мы духов празднество шутя нарушили;
Князя небесные в борьбу ужасную
Со мной вступили, единодушные.
Все же одолеть им не удалось меня.
Ночью со мною скрестил оружие,
Но разогнал я бойцов непрошенных
Своею палицей, с победой дружную.
Сто тысяч воинов, небесных жителей,
Бежали в ужасе, как дети малые,
От верной гибели ища укрытия, —
Но даже ревность ног не помогла им.
На Небо Высшее и Чудотворное
Где Тунминдяньские дворцы воздвигнуты,
С поднятой палицей взлетел проворно я,
Мной были жители врасплох застигнуты.
И полководцы все, непобедимые,
И громовержцы все, дворца хранители,
Меня заметив у врат обители,
Бежали, словно огнем палимые,
В бою желая со мною встретиться.
И с ними справился неумолимо я!
Пока метались духи-служители,
Гонцы проворные небес властители,
Чертог чудесный Большой Медведицы
Вверх дном, играючи, опрокинул я.

Подверг разгрому небес красавицу,
Палату дивную Полюса Южного.
Увидев силу мою недюжинную,
Мощь неизбывную моей палицы,
Владыка неба к Будде отправился,
Чтоб тот помог ему со мною справиться.
Кто знает загодя исход сражения?
Кто может выигрыша ждать заведомо?
Сколь часто терпит тот поражения,
Кто в бой за скорою спешил победою!
И я, тяжелою горой придавленный,
Ждал половину тысячелетия,
Пока Гуаньинь самой избавлен был
От непомерного наказания.
В то время встретился с монахом Танским я,
Желавшим выполнить задачу трудную —
Начать опасное, большое странствие
В края далекие, где мудрый Будда жил;
К добру великому влекомый сызмала,
Хотел благой монах из ада вызволить,
Спасти все души, невинно сгубленные.
А для того ему были надобны
Книги священные, давно хранимые
У Будды мудрого, в царстве Западном.
Узнав, что трудности непобедимые
И встречи с силами злыми, дьявольскими,
Ждут на дороге к святой обители,
Монах просил, чтоб телохранителем
Его я сделался и с ним отправился
И ограждал его своею палицей
От нечести, что на пути появится.
Итак, последовал я за учителем;
Немало дьяволов и духов мерзостных
Со мной оружие скрестили дерзостно.
Нетрудно было мне с ними справиться!
В котлах Янь-вана их мясо варится,
В пыль невесомую превращается.
Так будет с каждым, кто с этой палицей,
Тая злой умысел, встречается!
Чудесный Доунигун разрушен ею был,
В пределах горных, средь неба ясного.
Ведь эта палица — причина гибели
И Сэнлодяньского дворца подземного.
Мое оружие крушило демонов,
Злых духов, оборотней, их приспешников, —
Еще немного, и поразило бы
Того, кто судьбы решает грешников.
Оно своею чудесной силою
Всех полководцев горных рассеяло;
Великой мощью его встревожены,
Они бежали к Югу и к Северу,
На девяти светилах попрятались.
Скажу воистину, что в мире вряд ли есть
Еще оружие, с этим схожее.
От взлетов этой волшебной палицы
Из берегов выходят реки бурные,
Хребты гранитные содрогаются,
Мглой покрывается небо лазурное.
Она сильнее меча булатного,
Духа звезды Тайсуй, воина славного;

С пути на Запад сметает всякого —
Врага сокрытого, недруга явного,—
Монаха Танского охраняющая,
Всех злобных демонов сокрушающая!

Дьявол слушал с дрожью эти слова и, не помня себя, замахнулся на Сунь У-куна своим мечом. Злорадно посмеиваясь, Царь обезьян выступил навстречу со своим железным посохом. Они сперва схватились у самого входа в пещеру, а потом совершили прыжок и оказались в воздухе, продолжая смертный бой. Вот послушайте, что это был за бой!

Сокровищем волшебным называлось
Оружие Сунь У-куна не напрасно:
Сама река небесная являлась
Свидетельницей подвигов прекрасных,
Что совершала палица, покорна
Велениям владельца своего:
Коварный бес, исполнен злобы черной,
Напрасно меч свой поднял на того,
Кто, истребляя зло, знал только лишь победы,—
Тем самым на себя навлек большие беды
Неумный дьявол, чей ничтожный меч
Был недостоин настоящих сеч.
Враги могли, пожалуй, помириться,
Покуда у пещеры шло сраженье.
Как только в воздухе пришлось обоим биться,
Никто не помышлял о примиренье!
Боролись недруги в жестоком исступленьи,
Один — желая Сюань-цзана съесть,
Другой — погибель от наставника отвесь.
Лик одного все время изменялся
От ужаса, испуга, напряженья,
Другой же был, как угорь, весь в движенье,
Как змей, всем телом гибким извивался...
Туман от жаркой битвы поднялся,
И землю скрыл собой и небеса,
Добро и зло изыскивали средства
Друг друга одолеть, сражаясь за наследство,
Оставленное Буддой всеблагим.
Монах и Сунь У-кун за книгами стремились,
Что на далеком Западе хранились,
А дьявол преграждал дорогу им.

Более двадцати раз схватывались противники, но так и нельзя было сказать, кто победит. Чжу Ба-цзе, наблюдавший за поединком, не вытерпел, когда увидел, что сражающиеся вошли в раж, и, подхватив свои грабли, при первом же порыве ветра подпрыгнул вверх и принялся бить дьявола. Тот растерялся и, бросив свой меч, побежал без оглядки с поля сражения. Он не знал, что Чжу Ба-цзе, напористый по своей натуре, наводит страх лишь дерзостью своей и грубостью, демон видел только рыло, огромнейшие уши, могучие руки и наводящие страх грабли.

Сунь У-кун стал кричать:
— Бей его! Держи!

Чжу Ба-цзе набрался храбрости и пустился вдогонку за дьяволом, высоко подняв грабли. Почуввав погоню, дьявол задержался на склоне горы и, обратившись лицом к ветру, качнулся из стороны в сторону, сразу приняв свой настоящий облик. Разинув громадную пасть, он собрался проглотить Чжу Ба-цзе. Чжу Ба-цзе струсил и стремглав бросился в кусты, не обращая внимания на колючки и шипы, исцарапавшие в кровь его руки и ноги. Он рассек себе голову, но не замечал боли и, притаившись в траве, прислушивался к стуку колотушек, доносившемуся до него.

Вскоре подоспел и Сунь У-кун. Чудовище снова разинуло пасть, вознамерившись проглотить его. А это как раз и нужно было Сунь У-куну. Он спрятав свой посох, выступил навстречу, и дьявол разом проглотил его. Это так напугало дурачка Чжу Ба-цзе, лежавшего в траве, что он принялся бормотать что-то, изливая свою досаду на Сунь У-куна:

— До чего же неосторожная обезьяна! Ведь знал, что чудовище хочет сожрать тебя, надо было удрать, а не лезть к нему в пасть. Сейчас ты еще праведный монах, хоть и находишься в брюхе этого чудовища, но во что ты превратишься завтра?!

Одержав победу, дьявол удалился. Дурень выполз из травы и помчался обратно по старой дороге.

Вернемся теперь к Танскому монаху, который сидел на противоположном склоне горы вместе с Ша-сэном в ожидании Чжу Ба-цзе и Сунь У-куна. Оба они увидели Чжу Ба-цзе, который, запыхавшись, бежал к ним. Танский монах испуганно спросил его:

— Что случилось? Отчего у тебя такой истерзанный вид? А Сунь У-кун где? Почему его не видно?

Чжу Ба-цзе стал громко плакать.

— Наставник мой! — причитал он сквозь рыдания. — Сунь У-куна сожрало чудовище!

От страха Танский монах повалился наземь, а затем вскочил, начал бить себя кулаками в грудь и топтать ногами.

— О мой ученик! — горестно воскликнул он. — Ты уверял меня, что обладаешь способностью покорять всех дьяволов и оборотней, и ручался, что доставишь меня в Западную обитель Будды целым и невредимым. Как же случилось, что ты попался в лапы дьяволу и погиб? О, горе мне, горе! Выходит, что все наши труды и подвиги пропали даром!

Скорбь Танского монаха была поистине безгранична. Чжу Ба-цзе даже не пытался утешить своего наставника и спокойно обратился к Ша-сэну:

— Давай разделим с тобой поровну всю поклажу.

— А для чего делить ее, братец? — удивился Ша-сэн.

— Как для чего? Поделим и разойдемся каждый в свою сторону, — ответил Чжу Ба-цзе. — Ты отправишься к себе, на реку Сыпучих песков, где снова займешься людоедством, а я пойду в свое селение Гаолаочжуан, проведу мою супруженьку. Белого

коня мы продадим и на вырученные деньги купим наставнику все необходимое для погребения его тела.

От этих слов у Танского монаха дыханье сперло, и он завопил не своим голосом, взывая к небу.

Тут мы их пока оставим и вернемся к Сунь У-куну.

Мы уже рассказали вам о том, что дьявол проглотил Сунь У-куна и, довольный своей удачей, направился прямо к себе, в свою пещеру. Толпа бесенят выбежала ему навстречу и стала расспрашивать, как прошла битва.

— Одного поймал,— самодовольно сказал старый демон.

— Братец! Кого же тебе удалось поймать? — спросил второй демон, не скрывая радости.

— Самого Сунь У-куна! — с гордостью ответил старый демон.

— Где же он?

— У меня в брюхе.

От этих слов третий демон сильно встревожился.

— Я не предупредил тебя, дорогой брат, что Сунь У-куна нельзя проглатывать.

В этот момент из живота дьявола послышался голос:

— Очень даже можно! Насытил свою утробу и вообще голодать тебе больше никогда не придется!

Стоявшие вблизи бесенята услышали и в страхе закричали:

— О великий князь. Плохо дело! Сунь У-кун кричит у тебя в животе!

— Чего испугались? — ответил старый демон.— Я сумел его проглотить, сумею и избавиться от него. Живо ступайте на кухню и сварите мне соленый рисовый отвар. Я выпью этого отвара и изгоню Сунь У-куна. Потом сварю его на медленном огне и приготовлю как закуску к вину.

Бесенята наварили полтаза рисового отвара и принесли дьяволу. Тот разом осушил его до дна, затем засунул два пальца, но Сунь У-кун словно пустил корни в животе и даже не сдвинулся с места. Напрасно дьявол старался. Сунь У-кун так крепко схватил его изнутри за глотку, что у того голова закружилась и в глазах зарябило. От натуги у него даже лопнул желчный пузырь. Но Сунь У-кун прочно сидел на месте. Старый дьявол, задыхаясь, стал кричать:

— Сунь У-кун, ты что не вылезашь?

— Еще рано,— отвечал Сунь У-кун.— Да мне и здесь хорошо, нечего вылезать!

— Чего хорошего? — удивился дьявол.

— Эх, дьявол! До чего же ты непонятливый! — недовольным тоном проговорил Сунь У-кун.— С тех пор как я стал монахом, живу очень бедно: наступает осенняя прохлада, а я все хожу в своем простом рубище. Зато здесь, у тебя в животе, тепло и не дует. Вот я перезимую у тебя, а уж потом вылезу.

Бесенята все это слышали и, обратившись к старому демону, завопили:

— О великий князь! Сунь У-кун собирается зимовать у тебя в животе!

— Ну и что ж? — ответил старый дьявол, стараясь казаться невозмутимым.— Пускай себе зимует. А я погружусь в созерцание да еще прибегну к способу перемещения внутренностей и за всю зиму не возьму в рот ни крошки еды. Вот и уморю голодом эту противную мартышку, которую даже конская зараза не берет!

— Сынок! До чего же ты глуп! — воскликнул Сунь У-кун.— Охраняя Танского монаха в его пути за священными книгами, мне довелось проходить с ним через Кантон, где я прихватил с собой складной котелочек, очень удобный, чтоб готовить в нем разную пищу. Вот я заберу у тебя все твои печенки, селезенки, легкие да кишки и наготовлю себе столько еды, что ее хватит до самой весны, до того дня, когда поминают покойных предков, и еще на дорогу останется.

Услышав эти слова, второй демон не на шутку перепугался.

— Братец! — проговорил он.— Эта обезьяна, пожалуй, так и сделает...

— Ладно,— стал урезонивать его третий демон,— пусть готовит себе пищу, но, спрашивается, куда он приладит свой котелок?

Сунь У-кун услышал и крикнул:

— Пристрою его на костях, вот и хорошо будет!

— Да нет! Совсем не хорошо! — ответил третий демон.— Допустим, что тебе удастся приладить котелок, но как только ты станешь разводить огонь, дым пойдет через ноздри и наш повелитель начнет чихать!

Сунь У-кун рассмеялся:

— Пустяки! Я пробью железным посохом дыру у него на макушке, и она послужит слуховым окном и в то же время дымогарной трубой.

Старый дьявол хоть и храбрился, однако душа его от страха едва не ушла в пятки. Стараясь напустить на себя спокойствие, он пролепетал:

— Братцы мои! Не бойтесь! Пусть принесут мою настойку. Я убежден, что от нескольких чарок обезьяне станет худо.

Сунь У-кун усмехнулся про себя. «Пятьсот лет тому назад,— вспомнил он,— когда я учинил буйство в небесных чертогах, я съел пилюлю Лао-цзюня, выпил вино Нефритового императора, съел персики царицы Сиванму, наелся фениксовых мозгов и драконовой печени, словом, чего только я не наглотался, и ничего со мной не случилось. Каким же зельем думает он опохмелить меня?»

Тем временем бесенята принесли два кувшина процеженной настойки. Налив чарку до краев, они поднесли ее старому дьяволу. Пока тот держал чарку в руке, до Сунь У-куна дошел запах зелья. «Не дам ему пить!» — решил он про себя, наслаждаясь винным ароматом.

Ну и молодец Сунь У-кун! Мотнув головой, он превратил ее в устье воронки и подставил под самую глотку дьявола. Тот глотнул из чарки, и все содержимое попало в рот Сунь У-куну. Таким образом Сунь У-кун пропустил в себя чарок семь или восемь. Наконец старый дьявол перестал пить.

— Что-то вино не действует? — удивился он.— Бывало, раньше от двух чарок в животе жгло, как от огня, а сейчас сколько выпил и ничего, даже не покраснел...

Зато Сунь У-кун от вина развеселился: он стал прыгать, плясать, хватался за печенку и качался на ней, как на качелях, совершал разные акробатические фигуры и кувыркался через голову колесом. От всей этой пляски у чудовища нестерпимо разболелся живот. Упав на землю, старый демон стал кататься от боли. Что произошло в дальнейшем, осталось ли чудовище в живых, или сдохло, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о том, как Сунь У-кун пребывал в утробе дьявола, а также о том, как вместе с Чжу Ба-цзе он покорил второго дьявола

Мы остановились на том, как Великий Мудрец Сунь У-кун препирался со старым демоном, находясь у него в животе, пока тот, бездыханный, не повалился наземь. Не заговори он опять, вы подумали бы, что он мертв, но время от времени он все же шевелил руками. Когда дыхание вернулось к нему, он стал взывать: — О великий бодисатва! О Мудрец, равный небу! Всемилоостивейший и вселюбящий Сунь У-кун...

Великий Мудрец прервал его:

— Покороче, сынок! Не трать времени попусту на разные величания. Зови меня просто: дедушка *

Дьяволу было жаль расставаться с жизнью, и он был готов на все.

— Дед! Дедушка! — заголосил он. — Я кругом виноват. По своей дурости проглотил тебя и за это должен сейчас поплатиться жизнью. Всецело уповаю на твою доброту и сострадание. Сжался надо мной, я, как и всякая букашка и козявка, хочу жить. Обещаю тебе преправить твоего наставника через гору.

Сунь У-кун никогда не щадил врагов, но ради Танского монаха готов был пойти на что угодно. Мольбы старого демона и его почтительность в обращении напомнили Сунь У-куну о том, что он дал обет творить добро.

— Так и быть! — проговорил он. — Пощажу тебя на сей раз, только ты скажи, как думаешь преправить моего наставника через гору?

Старый дьявол ответил:

— У меня здесь нет ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни изумруда, ни агата, ни кораллов, ни глазури, ни янтаря, ни

перламутра — словом, никаких драгоценностей. Зато мы, три брата, собственноручно перенесем твоего наставника в роскошном паланкине через эти горные кручи. Вот все, что я могу пообещать тебе.

Сунь У-кун обрадовался.

— Что ж, твое обещание дороже всяких драгоценностей. Я согласен. Ну-ка, разинь пасть, я вылезу!

Только было собрался дьявол раскрыть свой огромный рот, как к нему подошел младший брат и вполголоса сказал:

— Когда он окажется у тебя на зубах, хорошенько разжуй его и снова проглоти. Тогда он не сможет причинить тебе никакого вреда.

Сунь У-кун все слышал и, прежде чем вылезти, выставил сперва свой железный посох. Дьявол изо всей силы лягнул зубами, раздался треск, и несколько передних зубов дьявола раскрошились на мелкие кусочки. Втянув обратно посох, Сунь У-кун закричал:

— Ну и хорош ты, нечего сказать! Я было пощадил тебя и собрался вылезать, а ты что? Хотел разжевать меня, чтобы лишиться жизни?! Шалишь, брат! Теперь уж я не вылезу! Ни за что не вылезу, пока не изведу тебя живьем!

Тут старый дьявол взъялся на своего младшего брата:

— Ах ты, негодяй! Родного брата подвел! Мы с ним уговорились по-хорошему, а ты подбил меня разжевать его. Теперь он остался жив и невредим, зато я потерял зубы и десна болит. Что же это получается?!

От укоров старшего брата младший пришел в ярость и решил испробовать еще одно средство.

— Сунь У-кун! — заорал он. — Слава о тебе как о храбром воине гремит везде и всюду. Ты показал свою удасть в Южных воротах неба и в небесных чертогах Нефритового императора. По дороге на Запад, в обитель Будды, ты истребил невесть сколько дьяволов и оборотней. Я думал, ты и в самом деле герой, а ты оказался жалкой, ничтожной мартышкой...

— С чего это ты взял? — перебил его Сунь У-кун.

— Знаешь пословицу: «Любо поглядеть на заезжего гостя из дальних стран, слава о нем разносится на десятки тысяч ли»? — задорно ответил третий демон. — Вылезай! Я с тобой сражусь, вот тогда и узнаю, что ты за молодец. А то забрался в чужое брюхо и занимаешься недостойными проделками.

Услышав эти слова, Сунь У-кун подумал: «А ведь он прав, трижды прав! Мне сейчас ничего не стоит порвать кишки этому дьяволу, выдрать печенку и замучить его насмерть, но этим я лишь запятнаю свое доброе имя... Ладно, так и быть!..»

И он громко крикнул:

— Разевай-ка пасть! Я вылезу и померяюсь с тобой силой. Только выйди сперва на просторное место, а то здесь, в пещере, слишком тесно, и мне неловко будет действовать моим посохом.

Третий демон, услышав эти слова, сразу же собрал всех бесов и бесенят и расставил их в боевом порядке. Их набралось более тридцати тысяч. Все они были отлично вооружены. Выйдя из пещеры, бесы расположились полукругом у входа, готовые сразиться с Сунь У-куном.

Второй брат дьявола взял под руки старого демона, вывел его за ворота и крикнул:

— Эй, Сунь У-кун! Вылезай! Мы на поле боя, здесь есть где развернуться!

Сунь У-куну были хорошо слышны карканье ворон и стрекотанье сорок, а также курлыканье журавлей и шум ветра; это убедило его, что дьявол и в самом деле находится на открытом месте. На миг его все же охватило раздумье. «Если я не вылезу, то опозорюсь перед ними. Но ведь эти дьяволы коварны: обещали проводить моего наставника через горы, уговорили меня вылезти, а сами чуть было не лишили меня жизни. Теперь небось выстроили против меня все свое войско. Эх, была не была! Покажу-ка я им свою удалу во всей ее красе! Вылезу! Но все же надо будет оставить свой корешок в брюхе этого дьявола!»

Он быстро выдрал волосок из хвоста, дунул на него и произнес: «Превратись!» Волосок сразу же превратился в нитку длиной более сорока чжан. Эта нитка обладала удивительным свойством: на воздухе она сама утолщалась. Один конец этой нитки Сунь У-кун привязал к сердцу и желчному пузырю дьявола, но не туго, так, чтобы не причинить чудовищу боли, однако стоило потянуть за другой конец, как узел затягивался, причиняя нестерпимую боль. Сунь У-кун с усмешкой подумал: «Если они согласятся переправить моего наставника, то я помилию их. Если же они снова возьмутся за оружие, я не стану тратить время на то, чтобы драться с ними, а дерну за эту ниточку — и все».

После этого Сунь У-кун уменьшился и полез наружу. Добравшись до гортани, он увидел широко разинутую четырехугольную пасть чудовища, со стальными клыками и резаками, острыми, как отточенные лезвия.

«Плохо дело! — подумал он и сразу же сообразил. — Если я полезу через рот, — нитка потянется за мной, и когда дьявол почувствует боль, он стиснет зубы и, чего доброго, нитку перегрызет! Надо вылезать через другое место, где нет зубов...»

Ну, как не похвалить Сунь У-куна?! Свернув клубком нитку, он полез по гортани, пробрался в нос и дополз до ноздрей. У дьявола нестерпимо защекотало в носу, и он чихнул с такой силой, что Сунь У-кун пробкой вылетел наружу.

Очутившись на воле, Сунь У-кун потянулся и сразу же стал ростом в три чжана. В одной руке он держал конец нити, а в другой — свой железный посох.

Не думая о последствиях, старый демон, увидев Сунь У-куна, тут же занес над его головой свой булатный меч. Но Сунь У-кун отбил удар. Тут на него ринулся второй демон — с копьем, и тре-

тий — с пикой. Тогда Сунь У-кун, спрятав посох, стремительно вскочил на облако и удалился, потянув за собой нитку. Чтобы не попасть в окружение бесов, которые помешали бы ему действовать, он выскочил из вражеского стана и поднялся до самой вершины горы, где было просторно и безлюдно. Там он покинул облако и сразу же обеими руками изо всех сил рванул нить на себя. Вот когда острая боль пронзила старого дьявола до самого сердца! Он тотчас подскочил кверху, а Великий Мудрец в это время еще раз дернул нитку. Толпа бесов и бесенят, издали наблюдавшая за всем происходившим, хором заорала:

— Великий князь! Не дразни его! Пусть убирается отсюда! С чего это вдруг он вздумал запускать бумажного змея? * Ведь день весенних поминок еще не наступил. Гляди, как старается!

Между тем Сунь У-кун, слыша эти крики, еще сильнее поднатужился и даже прижал нить ногой. Старый дьявол веретеном закружился в воздухе и со свистом грохнулся на землю, да так сильно, что на засохшей глине под склоном горы, куда свалился дьявол, образовалась яма глубиной не менее двух чи.

Второй и третий дьяволы переполозились, сразу же ухватились за край облака и, прижав его книзу, очутились у своего старшего брата; вцепившись в нить, к которой он был привязан, они опустились на колени и завопили:

— О Великий Мудрец! Мы слышали, что ты праведник, великодушие которого неизмеримо как море, но кто знал, что ты окажешься такой гадиной, нутро у которой хуже крысиного и гаже, чем у слизняка! Мы по-честному вызвали тебя на бой и никак не ожидали, что ты привяжешь нашего старшего братца за сердце да еще этакой ниткой!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Ну и негодяи же вы! — крикнул он. — Не вы ли первые пытались обманом выманить меня, чтобы разжевать насмерть, а на этот раз выстроили против меня все свое полчище! Разве честно вызывать на бой одного против десятков тысяч? Вот я его поташу к своему наставнику! Сейчас же поташу!

Дьяволы все вместе стали отбивать земные поклоны.

— Великий Мудрец! Смилуйся и пожалей! — молили они. — Пощади нас! Обещаем тебе перенести через горы уважаемого наставника, почтенного отца нашего!

Сунь У-кун, смеясь, ответил им:

— Вы хотите сохранить жизнь своему старшему? Возьмите меч и перерубите нитку, вот и все!

Старый дьявол простонал:

— Дедушка! Снаружи-то перерубишь, но как отвязать ее от сердца? Как избавиться от тошноты, которую она вызывает, задевая все время за гортань?

— Ах, вот что! — воскликнул Сунь У-кун. — Ну, это тоже просто. Разинь-ка пасть: я влезу и отвяжу нитку.

Старый дьявол перепугался.

— Влезешь и не захочешь вылезти! — сказал он. — Ох, тяжело мне! Ой, как тошно!

— Ладно! — произнес Сунь У-кун. — Я знаю, как, находясь снаружи, развязывать внутренние узлы. Так и быть, отвяжу нитку, но с условием, что ты действительно переправишь моего наставника. Обещаешь?

— Как только отвяжешь, сразу же переправлю! — произнес дьявол. — Больше не посмею обманывать тебя!

Великий Мудрец поверил дьяволу, а потому сразу же встряхнулся всем телом и вобрал в себя волосок. У дьявола тут же прекратилась боль в сердце. Это был способ скрытого превращения, которым владел Сунь У-кун. Он-то и дал возможность Сунь У-куну привязать свой волосок к сердцу дьявола.

Трое дьяволов-оборотней встали в ряд перед Сунь У-куном и принялись благодарить его:

— Великий Мудрец! — говорили они. — Просим тебя вернуться к своему наставнику и предупредить его, что мы переправим его через гору. Соберите свою поклажу, а мы сейчас отправимся за паланкином.

Бесы и бесенята убрали оружие и вернулись в пещеру.

Вобрав в себя нитку, Великий Мудрец обошел гору с востока и издали увидел Танского монаха, который катался по земле от горя и плакал навзрыд. Тем временем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн делили поклажу.

Сунь У-кун чуть слышно вздохнул.

«Все ясно! — подумал он. — Чжу Ба-цзе наверняка рассказал наставнику о том, что демон сожрал меня, а сам занялся дележом поклажи, чтобы уйти куда вздумается. Надо подать голос», — и, спустившись с облака, Сунь У-кун крикнул:

— Наставник!

Ша-сэн услышал и стал укорять Чжу Ба-цзе:

— Недаром сказано: «Катафалк добра не сулит»! Сунь У-кун жив-живехонек, а ты наговорил, что его дьявол сожрал, и все для того, чтобы заняться этим черным делом. Смотри! Разве не он идет сюда?

— Но ведь я собственными глазами видел, как дьявол проглотил его, — возразил Чжу Ба-цзе. — Думаю, что сегодня несчастливое число, и перед нами появилась его душа.

Сунь У-кун подошел ближе и, размахнувшись, дал Чжу Ба-цзе оплеуху. Чжу Ба-цзе покачнулся.

— Ах ты, негодная тварь! — воскликнул Великий Мудрец. — Значит, по-твоему, это не я, а моя душа?!

Притворившись обиженным, Чжу Ба-цзе стал оправдываться:

— Братец! Ведь дьявол сожрал тебя! Как же это ты... опять ожил?

— Чирей ты, вот кто! Никакой пользы от тебя нет! — сердито ответил Сунь У-кун. — Когда он меня проглотил, я сразу же схватил его за кишки, начал мять ему легкие да еще продел нит-

ку через сердце и стал тянуть за нее, так что от боли он чуть не подох. Остальные демоны по очереди начали кланяться мне в поги, умоляя пощадить его. Наконец я согласился. Сейчас они доставят сюда паланкин и переправят нашего наставника через гору.

Танский монах, слышавший весь этот рассказ, сразу вскочил на ноги и низко поклонился Сунь У-куну.

— О ученик мой! — воскликнул он. — Опять из-за меня ты чуть было не погиб! Если бы я поверил словам Чжу Ба-цзе, то сейчас меня уже не было бы в живых.

Размахивая кулаками, Сунь У-кун подскочил к Чжу Ба-цзе, надавал ему тумаков и отчитал его:

— Дурак ты этакий, набитый мякиной! Лентяй! Нет в тебе ничего человеческого! — Затем, обратившись к Танскому монаху, Сунь У-кун сказал: — Ты уж не сердись, наставник, сейчас сюда явятся оборотни и проводят тебя через гору.

Ша-сэну было стыдно, что он послушался Чжу Ба-цзе. Чтоб скрыть свое смущение, он поспешно собрал вещи, взнуздав коня и оседлав его. Вчетвером они вышли на дорогу и стали дожидаться паланкина.

Здесь мы их пока и оставим.

Вернемся к дьяволам, удалившимся в пещеру со всеми своими бесами.

— Братец! — обратился второй дьявол к старшему. — Я думал, что Сунь У-кун, как говорят, «девятоголовый и восьмихвостый», а он совсем невелик. Не надо было глотать его. Он бы ни за что не одолел ни тебя, ни меня, доведись нам только сразиться с ним. Мы бы утопили его в плевках наших десятков тысяч бесов и бесенят. А ты взял да проглотил его. Вот он и помучил тебя, очутившись в брюхе. Да разве может он равняться с тобой? Мы, конечно, и не подумаем провожать Танского монаха. Нам важно было сохранить тебе жизнь, вот мы и обманули его, чтобы он вылез из тебя.

— Ишь ты, какой хитрый! — ехидно произнес старый демон. — Объясни, пожалуйста, почему ты не хочешь проводить их наставника?

— Я знаю, как изловить эту обезьяну, — хвастливо заявил второй демон, — дай мне только три тысячи бесенят.

— Да хоть весь наш лагерь, чего там говорить о трех тысячах! — обрадовался старый дьявол. — Пусть это будет нашей общей заслугой.

Второй демон сразу же отобрал три тысячи бесенят, вывел их из пещеры и выстроил двумя рядами по сторонам большой дороги. Затем он велел знаменщику с синим флагом отправиться в качестве гонца к Сунь У-куну и вызвать его на бой.

— Эй, Сунь У-кун! — кричал знаменосец. — Выходи скорей сразиться с нашим вторым великим князем!

Чжу Ба-цзе услышал и рассмеялся:

— Братец,— сказал он,— есть такая поговорка: «Своих не обманывают». А ты явился сюда морочить нам голову всякими небылицами. Зачем же ты врал, что покорил дьяволов и они вот-вот явятся сюда с паланкином, чтобы переправить нашего наставника через гору?

Сунь У-кун спокойно ответил:

— Старого дьявола я покорил, и он не посмеет больше тягаться со мной: от одного моего имени у него теперь голова трещит. Это, верно, второй дьявол вызывает меня на бой. Должен сказать вам, братцы, что все три дьявола — братья, и как они преданы друг другу! Нас тоже три брата, но разве есть у нас такое чувство? Я покорил старшего дьявола — появился второй! Вот тебе, Чжу Ба-цзе, и следовало бы сразиться с ним!

— А думаешь, я боюсь его? — ответил Чжу Ба-цзе.— Сейчас увидишь, как я расправлюсь с ним!

— Собрался, так ступай! — напутствовал его Сунь У-кун.

— И пойду! — засмеялся Чжу Ба-цзе.— Только вот что, братец, одолжи-ка мне свою чудесную веревку.

— На что она тебе? — удивился Сунь У-кун.— Ты же не умеешь проникать в брюхо и привязывать веревку к сердцу.

— Я обвяжусь ею,— ответил Чжу Ба-цзе,— и она послужит мне спасательной веревкой. Вы с Ша-сэном будете держать ее за другой конец и разматывать. Как только увидите, что я побеждаю, отпустите веревку, и я схвачу дьявола. Если же я потерплю поражение, тащите меня обратно, чтобы дьявол не уволок меня.

Сунь У-кун усмехнулся про себя: «Ну и потешусь я над ним!»— и тут же, обвязав его веревкой, пустил в бой.

Размахивая граблями, Чжу Ба-цзе подбежал к обрыву и закричал:

— Эй, дьявол, выходи! Сам Чжу Ба-цзе, прародитель всего твоего племени, идет на тебя!

Знаменщик с синим флагом поспешно доложил своему повелителю:

— О великий князь! Сюда идет какой-то монах с длинным рылом и огромными ушами.

Второй демон немедленно вышел из стана и, увидев Чжу Ба-цзе, без лишних слов пошел на него с копьём наперевес. Чжу Ба-цзе занес грабли и пошел навстречу. Они сошлись у склона горы и не успели схватиться раз семь или восемь, как Чжу Ба-цзе почувствовал, что у него слабеют руки и ему не устоять перед врагом. Пospешно обернувшись, он крикнул:

— Братцы, плохо дело! Тащите меня обратно! Тащите же!

Но Сунь У-кун, хотя и слышал его, нарочно ослабил веревку и даже закинул ее конец вперед.

Потерпев поражение, Чжу Ба-цзе пустился наутек. Он не заметил, что нитка волочится за ним, запутался и упал. Он попытался было подняться, но снова упал и на этот раз разбил себе

все рыло. Тут дьявол настиг его, вытянул свой хобот, обвил им, словно дракон, несчастного Чжу Ба-цзе и с победой вернулся в пещеру. Ликующие бесы запели победную песню и разошлись.

Танский монах, находившийся под горой, наблюдал за боем и очень рассердился на Сунь У-куна.

— Теперь я понимаю, — сказал он, — почему Чжу Ба-цзе желал твоей смерти! Между вами нет чувства братской любви, а одна только зависть и злоба. Вот и сейчас он взывал к тебе, просил оттащить его за веревку, а ты, мало того что не стал тащить, так еще и конец веревки выпустил?! Вот он и попал в беду, что теперь делать?

— Наставник! — притворно улыбаясь, ответил Сунь У-кун. — Очень уж ты любишь его и потому прикрываешь все его слабости. Когда меня схватили, ты ничуть не беспокоился. Еще бы! Рядом были твои помощники, готовые пожертвовать ради тебя жизнью. А вот когда этот дуралей попался, ты пеняешь на меня. Пусть и он немного пострадает, будет по крайней мере знать, как достаются священные книги!

— Ученик мой! — укоризненно произнес Танский монах. — Разве не беспокоился я о тебе, когда ты ходил сражаться с дьяволом? Но я был уверен, что ты не пострадешь, так как владеешь огромной волшебной силой. А наш дурачок — неповоротлив, да к тому же не обладает такими чарами, как ты, поэтому заранее можно было сказать, что с ним случится беда. Прошу тебя, выручи его.

— Мстительным быть не следует, — ответил Сунь У-кун, — и я сейчас отправлюсь выручать нашего брата.

С этими словами он стремительно поднялся на гору. «Этот дурак желал мне смерти, — со злобой думал Сунь У-кун. — Пусть теперь за это поплатится! Прежде всего надо будет разузнать, что сделал с ним дьявол. Вот помучают его там, а уж потом я его вызволю!»

Произнеся заклинание и прищелкнув пальцами, Сунь У-кун встряхнулся, превратился в цикаду и вспорхнул. Затем он прицепился к уху Чжу Ба-цзе и таким образом очутился вместе с дьяволом у пещеры. Ведя за собой тысячи бесов и бесенят, второй демон подошел к входу в пещеру и приказал сделать привал, а сам тем временем внес схваченного им Чжу Ба-цзе во внутрь.

— Ну вот, братец! Одного изловил! — торжествующе произнес он.

— Ну-ка, покажи, кого ты изловил? — спросил старый дьявол.

Второй демон разжал хобот и бросил Чжу Ба-цзе наземь.

— Он?

— Нет. Этот негодяй ни на что не годен, — отозвался старый демон.

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе обрадовался.

— Великий князь, — проговорил он, — раз я ни на что не годен, отпусти меня и излови того, кто тебе нужен.

Тут вмешался третий демон:

— Ничего, пусть остается, все же он один из учеников Танского монаха — Чжу Ба-цзе. Свяжем его пока и посадим в пруд на заднем дворе, пусть помокнет. А когда с него слезет шерсть, мы ему вспорем брюхо, выпотрошим, засолим и завялим тушу, и в ненастную пору будем закусывать, попивая винцо.

Чжу Ба-цзе переполошился.

— Теперь конец мне пришел! — стонал он. — Напоролся на дьяволов, торгующих солониной!

Толпа оборотней набросилась на Чжу Ба-цзе. Его скрутили по рукам и ногам, поддели коромыслом и понесли к пруду, где бросили в воду. После этого все вернулись в пещеру.

Великий Мудрец все же успел взлететь и видел сверху, как Чжу Ба-цзе вертел рылом, то погружаясь, то всплывая, и отчаянно сопел. На него нельзя было смотреть без смеха. Он походил на огромную почерневшую корону лотоса, какая бывает в начале осени, уже побитая инеем, с выпавшими из коробочки семенами. Глядя на Чжу Ба-цзе, Великий Мудрец одновременно испытывал и ненависть и жалость.

«Как же быть? — думал он. — Ведь Чжу Ба-цзе тоже участник собора под деревом с драконообразными цветами и исповедует учение Будды. И все же нельзя простить ему того, что он всякий раз, как случается беда, начинает делить поклажу, чтобы уйти куда вздумается. Кроме того, он всегда подбивает наставника читать заклинание о сжатии обруча на моей голове. На днях я слышал от Ша-сэна, будто Чжу Ба-цзе стал тайком копить деньги. Как бы узнать, правда это или нет? Вот я его сейчас припугну, и все узнаю».

Что за молодец Сунь У-кун! Подлетев к уху Чжу Ба-цзе и переменяв голос, он стал звать:

— Чжу У-нэн! Чжу У-нэн!

Чжу Ба-цзе опешил. «Кто же это здесь может знать, что я зовусь еще Чжу У-нэн? — подумал он. — Ведь этим именем меня нарекла бодисатва Гуаньинь. Но с того времени, как я последовал за Танским монахом, меня стали звать Чжу Ба-цзе. Тьфу ты, вот уж не везет!» Однако любопытство взяло верх, и он спросил:

— Кто назвал меня монашеским именем?

— Я! — отозвался Сунь У-кун.

— Кто ты такой?

— Я из сыского приказа, — отвечал Сунь У-кун зловещим голосом.

Дурень совсем растерялся.

— Господин начальник, — пролепетал он, — от кого же?

— Меня послал за тобой правитель пятого судилища Преисподней, — важно ответил Сунь У-кун.

— Господин начальник! — взмолился Чжу Ба-цзе. — Вернись

обратно и доложи своему повелителю, который хорошо знаком с моим старшим братом в монашестве, Сунь У-куном, что я, мол, прошу его отсрочить явку на один день. А завтра снова приходишь!

— Не городи чепуху! — возразил Сунь У-кун. — Знаешьловицу? «Раз правитель Преисподней назначил умереть в час третьей стражи, кто посмеет задержать до четвертой!» Живо ступай за мной, не то я поволоку тебя на веревке!

— Господин начальник! — продолжал молить Чжу Ба-цзе. — Погляди на меня, ведь мне еще пожить хочется. Погоди денек: здешние дьяволы за это время схватят моего наставника и его учеников, мы еще раз повидаемся и тогда все вместе расстанемся с жизнью.

Сунь У-кун злорадно посмеивался про себя.

— Ну ладно! — сказал он примирительно. — Сегодня я должен увести с собой еще тридцать человек, и всех в разное время. Отправляюсь-ка я пока за ними, а потом приду за тобой, вот и пройдет денек. Нет ли у тебя денег на дорогу? Подкинь хоть сколько-нибудь.

— Смилуйся! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Откуда могут быть деньги на дорогу у того, кто отрешился от мирской суеты?

— Если нет, поведу на веревке! Ступай за мной! — строго прикрикнул Сунь У-кун.

— Господин начальник! — в полном смятении взмолился Чжу Ба-цзе. — Не закидывай на меня петлю! Я ведь знаю, что твоя веревка зовется «ловцом жизни», — затянется петлей, и дух вон! Есть у меня деньги, — заговорил он другим тоном, — да только совсем немного.

— Где? — обрадовался Сунь У-кун. — Ну-ка, доставай живей!

— Пожалей ты меня! Пожалей! — простонал Чжу Ба-цзе. — С тех пор как я стал монахом, добрые люди, видя, что брюхо у меня довольно вместительное, помимо пицци давали мне еще иногда кое-какую мелочишку, и мне перепало больше, чем другим. А я брал да прятал. Вот и набралось у меня пять чохов серебром; держать деньги при себе мне было очень неудобно. Намедни, когда мы были в городе, я упросил золотых дел мастера сплавить их в один слиток. Но мастер оказался бессовестным: украл часть моего серебра, и слиток получился всего на четыре чоха с шестью грошами. Вот и возьми его.

Продолжая посмеиваться про себя, Сунь У-кун все же удивился: «Куда же он запрятал серебро, дуралей голоштаный? — подумал он. — Ему ведь и штаны-то купить не на что!»

— Говори, — сказал он, — где твое серебро?

— Я засунул его в левое ухо, — ответил Чжу Ба-цзе. — Будь добр, возьми сам, а то я ведь связан.

Сунь У-кун сразу же, как только услышал эти слова, просунул руку в ухо Чжу Ба-цзе и действительно нащупал там слиток серебра в виде седельца, весом на все четыре чоха с пятью, а

может, и с шестью грошами; взяв его в руку, он не выдержал и громко захохотал.

Дурень тотчас узнал Сунь У-куна по голосу и, барахтаясь в воде, стал ругать его:

— Чтоб тебе сохнуть, обезьяна проклятая! Я терплю такие страдания, а ты явился вымогать у меня последнее мое добро.

Сунь У-кун снова расхохотался.

— Ну и вздул бы я тебя, тухлятина! Вот мне действительно пришлось перенести невесть сколько горя и страданий, а ты тем временем копил себе денежки!

— Эх ты, бесстыжий! — разозлился Чжу Ба-цзе. — Какие же это деньги? Я по крохам собирал, отказывал себе в еде, чтобы купить хоть материи и сшить одежду, а ты напугал меня и обманом все забрал. Верни хоть сколько-нибудь!

— Ни полгроша тебе не достанется, — твердо произнес Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе снова выругался, но тут же добавил:

— Так и быть, эти деньги подношу тебе в дар за спасение моей жизни. Обещай только, что вызволишь меня отсюда.

— Ладно, не горячись! — спокойно ответил Сунь У-кун. — Обожди немного, и я спасу тебя.

Сунь У-кун спрятал деньги, после чего тотчас принял свой обычный облик. Взяв в руки железный посох, он подтолкнул им Чжу Ба-цзе поближе, потом схватил его за ноги обеими руками, вытащил на берег и снял с него веревки. Чжу Ба-цзе подпрыгнул, сбросил с себя одежду, выжал ее, встряхнул и снова надел на себя еще совсем сырую.

— Братец! — ласково произнес он, обращаясь к Сунь У-куну. — Давай откроем задние ворота и убежим отсюда!

— Достоин ли будет нашего звания бежать через задние ворота? — насмешливо спросил Сунь У-кун. — Пойдем-ка лучше через передние.

— У меня ноги затекли, — плаксиво ответил Чжу Ба-цзе, — не могу бежать...

Размахивая посохом, Сунь У-кун направился к выходу. Чжу Ба-цзе ковылял за ним, но стоило ему увидеть у вторых ворот свои грабли, как он тут же оттолкнул охранявшего их бесенка, схватил их и ринулся напролом. Пробиваясь через третий ряд ворот, они вместе с Сунь У-куном перебили несметное количество бесенят. Когда старый демон услышал об этом, он стал укорять второго демона.

— Эх ты, ловкач! Ну и ловкач! Гляди-ка, Сунь У-кун похитил твоего Чжу Ба-цзе и смертным боем бьет у ворот наших бесенят.

Второй демон встрепенулся и помчался к воротам с копьём в руке.

— Ах ты, мерзкая обезьяна! — громко бранился он. — До чего же ты наглая! Как ты смеешь так нахально вести себя?

Сунь У-кун тотчас же остановился. Но дьявол без дальнейших разговоров бросился на Сунь У-куна с копьем. А тот не спеша, словно степенный монах, ухватился за свой железный посох и начал наносить врагу встречные удары. Ну и хорош был бой:

Колдун-тапир клыки оскалил,
Со злобы мощь свою утроив.
И львиный царь и старший дьявол,
Бесовскую собравши рать,
Все меж собою сговорились,
Как победить им трех героев,
А после Танского монаха
Втроем осилить и сожрать!

Но Сунь У-кун хитер и ловок,
И мысль его парит, как птица.
За истину решил он биться
И злобных одолеть врагов.
А Чжу Ба-цзе был простодушен
И к демонам попал в темницу.
Царь обезьян проник в пещеру
И спас беднягу из оков.

За ними вслед погнался дьявол,
Разя налево и направо.
Копье и посох вмиг скрестились,
Крутясь, как яростный тайфун.
Грозил герою черный демон
Копьем, похожим на удава,
И посохом — морским драконом —
Разил отважный Сунь У-кун.

От взмахов посоха всклубились
Над ними огненные тучи.
Туман от дьявольских ударов
Зловонной серою дышал.
Из-за паломника святого
Свершился этот бой могучий.
Где не было врагу пощады,
И жалости никто не ждал! ¹

Тем временем Чжу Ба-цзе, видя, что Великий Мудрец вступил в бой с дьяволом-оборотнем, прислонил свои грабли к горной скале у перевала и спокойно наблюдал за ходом битвы, даже и не думая идти на помощь Сунь У-куну.

Вскоре дьявол убедился, что посох Сунь У-куна довольно увесист, а Сунь У-кун между тем оказался настолько увертлив, что не получил даже царапины. Тогда дьявол перестал нападать и лишь отбивал удары копьем, готовясь вытянуть хобот и обвить им своего противника. Сунь У-кун разгадал умысел врага и, взявшись обеими руками за концы посоха, мгновенно поднял его высоко над головой. В этот момент дьявол обхватил хоботом туловище Сунь У-куна, но руки его оставались свободными. Посмотрели

¹ С 76-й по 87-ю главу стихи в обработке В. Марковой.

бы вы, что он стал выделывать своим посохом, забавляясь концом хобота.

Чжу Ба-цзе не выдержал и стал бить себя в грудь кулаками.

— Эх, дьявол! — воскликнул он. — Меня, разиню, ты сразу поймал хоботом так, что я даже пошевелить руками не смог, а у этой вертлявой обезьяны почему-то оставил руки свободными. Она тебе хобот проткнет, от боли у тебя слезы из глаз брызнут и ты выпустишь ее из рук!

У Сунь У-куна, по правде говоря, не было такого намерения, но Чжу Ба-цзе своими словами надоумил его. Сунь У-кун тотчас взмахнул посохом, который стал толщиной с куриное яйцо, а длиною более одного чжана, и начал засовывать его дьяволу в хобот. Дьявол струсил и, громко фыркнув, разжал хобот, но Сунь У-кун вцепился в него руками и стал тащить. Чтобы спастись от боли, дьявол послушно следовал за движениями рук Сунь У-куна. Тут только Чжу Ба-цзе расхрабрился и решил помочь Сунь У-куну. Схватив грабли, он собрался бить дьявола по ляжкам, но Сунь У-кун остановил его.

— Так не годится! — вскричал он. — У твоих граблей зубья очень острые и проткнут кожу насквозь, так что кровь потечет. Тогда наставник опять будет браниться и обзовет нас душегубами! Лучше бей его рукоятью!

Чжу Ба-цзе послушался и стал размеренно, шаг за шагом, бить оборотня, погоняя его, а Сунь У-кун тем временем тянул его за хобот и вел вниз под гору. Издали можно было подумать, что это два раба-погонщика ведут слона.

Танский монах все время пристально вглядывался вдаль и вдруг заметил своих учеников, которые приближались с криками и шумом. Он поспешно подозвал к себе Ша-сэна.

— У-цзин! Смотри-ка! Кого это тащит Сунь У-кун?

Ша-сэн взглянул и засмеялся.

— Да это же оборотень, — проговорил он сквозь смех. — Видишь, Сунь У-кун тащит его за хобот? Вот миляга-то!

— Прекрасно! — обрадовался Танский монах. — Гляди, какой здоровенный оборотень, и хобот у него длиннющий! — воскликнул он. — Ну-ка, спроси у него, согласится ли он переправить нас через гору. За это мы поощрим его и не причиним вреда.

Ша-сэн пошел навстречу, громко крича на ходу:

— Эй вы! Наставник велел сказать, что поощрит дьявола и не причинит ему никакого вреда, если он даст обещание переправить нас через гору.

Дьявол услышал эти слова, повалился на колени и обещал выполнить все, что от него потребуют. Сунь У-кун все время держал его за хобот так, что дьявол, когда говорил, гнусавил, словно был сильно простужен.

— О великий властитель мой, Танский наставник! — молил второй демон. — Если ты пощадишь меня, я немедленно переправлю тебя через гору на паланкине.

Сунь У-кун поспешил ответить за наставника:

— Наставник и мы, ученики его, побеждаем людей добротой. Пусть будет по-твоему, — пока мы пощадим тебя. Ступай скорей за паланкином. Но смотри, если и на этот раз вы измените слову, мы изловим всех вас и тогда уж не ждите пощады!

Дьявол совершил земной поклон и удалился.

А Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе принялись рассказывать, что с ними произошло. О том, как Чжу Ба-цзе, испытывая жгучий стыд, сушил свои одежды, развесив их у склона горы, и как они ждали паланкин, мы распространяться не будем.

Дрожа от страха, второй демон вернулся в пещеру. О том, как Сунь У-кун ухватил его за хобот и потащил куда-то, бесенята успели сообщить старому и младшему демонам еще до его появления. Старый демон был в отчаянии и вместе с третьим демоном и толпой бесов вышел из пещеры. Но тут они увидели второго демона, и все вместе вернулись обратно.

Второй демон передал всем о милосердии Танского монаха и о его умении побеждать людей добром. Все молча переглянулись. Никто не посмел перечить.

— Согласен ли ты, мой старший брат, переправить Танского монаха через гору? — спросил второй демон.

— Братец! Зачем же спрашивать об этом? — отвечал старый демон. — Сунь У-кун добр и справедлив. Находясь у меня в брюхе, он мог тысячу раз погубить меня, если бы захотел. Вот и теперь, когда он уволок тебя за хобот, тоже мог не отпустить тебя. Страшно подумать, что бы было, если бы он повредил кончик твоего хобота! Живо собирайтесь, пойдем провожать Танского монаха!

Тут младший демон рассмеялся и воскликнул:

— Провожайте, провожайте!

— Ты, кажется, чем-то недоволен? — спросил его старый демон. — Не хочешь провожать — не надо, и без тебя обойдемся.

Третий демон опять рассмеялся.

— Разрешите сказать, уважаемые братья! — произнес он. — Лучше бы Танский монах не просил, чтобы мы его провожали, а прошел бы тихо и незаметно. Но раз он требует этого, пусть пеняет на себя. Я приготовлю ему ловушку, которая называется «Выманить тигра из горного логова».

— «Выманить тигра из горного логова»? — переспросил старый демон. — Что это значит?

— Мы сейчас поднимем на ноги всех наших бесов, пересчитаем их, и из каждого десятка тысяч отберем по одной тысяче, из тысячи отберем сотню, а затем из сотни отберем шестнадцать и еще тридцать...

Старый дьявол удивился.

— Как же так — сперва шестнадцать, а потом еще тридцать? — спросил он.

— Тридцать нам надо таких, — пояснил третий демон, — которые умеют парить и жарить. Мы дадим им отборного риса, лучшей муки, ростки бамбука, бутоны чая, разных грибов, бобового сыра и вермишель. Прикажем им отойти на двадцать или тридцать ли, разбить палатки, приготовить еду и чай и ожидать Танского монаха.

— Ну, а шестнадцать для чего? — продолжал недоумевать старый дьявол.

— Восемь из них пусть несут паланкин, а другие восемь побегут впереди и будут разгонять прохожих и встречных. А вы, братья, сопровождают паланкин слева и справа на всем пути до первого привала. Мой город расположен к западу отсюда на расстоянии четырехсот с лишним ли. Там уже будут люди и кони наготове, чтобы встретить Танского монаха. Когда он начнет приближаться к городу, то мы сделаем то-то и то-то (тут он понизил голос до шепота), а затем разлучим Танского монаха с его учениками так, чтобы они даже не видели друг друга. На долю этих шестнадцати чертенят и выпадет честь изловить самого Танского монаха.

Этот план действий настолько понравился старому демону, что он полностью пришел в себя и даже воспрянул духом.

— Хорошо! Хорошо! Хорошо! — твердил он непрестанно.

Дьяволы сразу же устроили переключку и отобрали сперва тридцать бесов, которых снабдили всеми припасами, а затем еще шестнадцать, которым велели нести роскошный паланкин, благоухающий всевозможными ароматами. Дьяволы покинули пещеру, а оставшимся бесам было приказано: «Никому не выходить и не шататься без дела в горах! Знайте, что Сунь У-кун отличается подозрительностью, и, если заметит кого-нибудь из вас, у него сразу же возникнут сомнения, и он разгадает ваш замысел!»

Ведя за собой всю свиту, старый демон дошел до большой дороги и стал громко звать:

— О владыка наш, Танский монах! Отныне пусть дорожная пыль не докучает тебе. Просим поторопиться в путь, чтобы пораньше переправиться через гору!

Услышав зов, Танский монах спросил Сунь У-куна:

— Кто это зовет меня?

Сунь У-кун стал всматриваться и сказал:

— Я вижу того самого дьявола, которого мне удалось покорить. Он явился сюда с паланкином, чтобы перенести тебя через гору.

Танский монах молитвенно сложил руки и, устремив взор в небо, стал восклицать:

— О благо! О благо! Если бы не ты, мой мудрый ученик, разве смог бы я выбраться отсюда живым?!

После этого он направился к паланкину и поклонился дьяволам и всей их свите.

— Я очень признателен вам за доброе отношение,— торжественно произнес он.— Когда мы будем возвращаться к себе на восток со священными книгами, то сочтем своим долгом прославить вас среди всех жителей нашей столицы Чанъань!

Тут дьяволы и бесы совершили земной поклон, а затем старый демон предложил Танскому монаху занять место в паланкине.

Несчастный Танский монах, рожденный от плоти и крови, не представлял себе, что попался на удочку. Да и Великий Мудрец Сунь У-кун, по натуре своей верный и прямой, как властитель Северной Полярной звезды и Золотой небожитель учения Будды, не ожидал, что дьявол, который обязан ему своей жизнью, замыслил недоброе. Он велел Чжу Ба-цзе немедленно навьючить поклажу на коня и неотступно следовать за Ша-эном, а сам возглавил шествие и зорко смотрел по сторонам, помахивая своим железным посохом. Восемь бесов несли паланкин, а другие восемь бежали впереди и громкими криками разгоняли прохожих. Трое дьяволов-оборотней поддерживали оглобли паланкина. Танский наставник блаженствовал на мягких подушках и предавался тихой радости. Вот вся процессия взобралась на высокую гору и двинулась по большой дороге.

Кто мог знать, что в этой радости таится скорбь? В одной канонической книге сказано:

Когда счастье достигнет высшего предела,
Тогда же рождается зло.

Есть еще и такое изречение:

К встрече со звездой Долголетия
Может судьба нас привести;
К воротам скорбного дома
Звезда, ниспадая, утешенье готова принести.

Трое дьяволов, единомышленники в своем заговоре, шли как стражи, охраняя паланкин с обеих сторон, и были весьма предупредительны. Пройдя тридцать ли, устроили небольшой привал, а через пятьдесят ли снова расположились на отдых. Всякий раз подавали еду и питье. Дьяволы просили разрешения располагаться на отдых до наступления сумерек. Всю дорогу поддерживался образцовый порядок. На дню кормили три раза, причем выбор блюд удовлетворял все вкусы и желания. Для ночлега выбирали превосходные места, и путники спокойно отдыхали.

Продвинувшись на запад более чем на четыреста ли, путники вдруг увидели город. Великий Мудрец Сунь У-кун, с высоко поднятым железным посохом, оказался впереди на расстоянии всего лишь одного ли от паланкина. При виде города он так испугался, что даже оступился и упал, тщетно пытаясь подняться на ноги. Вас, наверное, удивило, почему Сунь У-кун, такой храбрый, вдруг испугался? А дело в том, что он узрел над этим городом зловеющий туман, невидимый для простых смертных.

Там над кровлями
 Демоны водят нечистые игры,
 Там у каждых ворот
 Стражи в обличье волчьем стоят.
 Воеводами служат
 Свирепые пестрые тигры,
 И тигрят беломордых
 Идет за отрядом отряд.
 Там олени-гонцы
 От заставы снуют до заставы,
 А лисицы ползут
 По следам незнакомых людей.
 Там вдоль стен городских
 Разлеглись, голодая, удавы,
 И повсюду кишат
 Исполнинские скопища змей.
 Там матерые волки
 Сидят на высоких балконах,
 Отдают повеленья,
 Огонь извергая и чад,
 И пятнистые барсы
 Резвятся в садах, в павильонах,—
 Окликая друг друга,
 Хохочут, поют и кричат.
 Злые духи проносят знамена
 И бьют в барабаны,
 Привиденья во тьме
 Стерегут перекрестки дорог.
 И проносят большие тюки
 Кабанов караваны,
 И зайчата торговлю ведут
 И зовут на порог.
 Это княжество
 Некогда было блаженной страной,
 Называлось «Уделом Зари
 И Небесных гостей».
 Все давно изменилось.
 Тот город за черной стеною
 Стал убежищем оборотней
 И коварных чертей.

Как раз в тот самый момент, когда Сунь У-кун в ужасе смотрел на бесовское наваждение, позади раздался свист ветра. Сунь У-кун быстро обернулся и увидел третьего демона, который со страшной силой нанес ему удар по голове замечательной пикой с разукрашенным древком. Сунь У-кун мгновенно перевернулся и, вскочив на ноги, пустил в ход свой железный посох-палицу с золотыми обручами. Оба они, тяжело дыша от расправившего их гнева и злобы, не находили слов и дрались, скрежеща зубами от ярости.

Между тем старый демон подал знак и, подняв свой стальной меч, накинулся на Чжу Ба-цзе. В сильном смятении Чжу Ба-цзе бросил коня, завертел своими граблями, а затем стал колотить ими куда попало. Второй демон нацелился длинным копьём на Ша-сэна, но тот успел отразить удар своим волшебным посохом. Так на вершине начался жаркий бой трех дьяволов с тремя монахами.

Шестнадцать бесов по сигналу стали действовать: один схватил белого коня, другой завладел поклажей, остальные ринулись на Танского монаха, потащили паланкин прямо к окраине города и стали громко кричать: «О великий князь, властитель наш! Твой замысел удался на славу. Танский монах уже в наших руках».

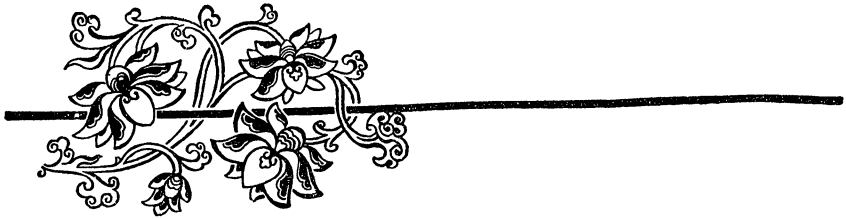
Толпы бесов и бесенят стали сбегаться со стен города. Городские ворота широко распахнулись, и была дана команда: свернуть знамена и заглушить барабаны, не поднимать никакого шума и не бить в гонги. Все стали говорить: «Великий князь велел не производить никакого шума, чтобы не испугать Танского монаха. Его ни в коем случае нельзя пугать, иначе его мясо прокиснет и не пригодится в пищу!»

Толпа бесов и бесенят, ликуя, приветствовала Танского монаха низкими поклонами как главу всех монахов. Его внесли на паланкине прямо в тронный зал дворца с золотыми колокольцами. Там его усадили на почетное место в самой середине зала и принялись угощать и чаем и яствами, кружились и хлопотали возле него со всех сторон.

Несчастный монах в состоянии полузабытья с трудом открыл глаза, но не увидел ни одного близкого ему лица.

Как в дальнейшем повернется его судьба? Останется он жив или погибнет — об этом вы, читатель, узнаете из следующей главы.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ,

повествующая о том, как были обмануты дьяволы-оборотни и как все они преклонились перед Буддой

Не будем пока рассказывать вам о страданиях и мучениях Танского монаха. Обратимся к трем дьяволам, которые дрались не на жизнь, а на смерть с тремя монахами — Сунь У-куном и его духовными братьями. Они бились с одинаковой яростью, не щадя сил своих. Видно, про них говорится в пословице: «Нашла коса на камень». Бой происходил на пригорке к востоку от города. Вот послушайте, что это был за бой!

Трое на трое сшиблись враги
И оружие скрестили
Шесть могучих борцов,
Соревнуясь в проворстве и силе,
Шесть различных желаний
Вступили в борьбу меж собой.
Шесть стремлений и чувств,
Разъяренные, ринулись в бой.

Есть небесных дворцов тридцать шесть,
И всегда там весна.
А страстей на земле — шестью шесть,
Между ними — война!*
Сунь У-кун воздымал свою палицу
С гневом и жаром,
Но и черт отражал алебардой
Удар за ударом.

И второй омерзительный демон
Был грозен и зол,—
Он дразнил Чжу Ба-цзе
И копьём его адским колол.
Чжу Ба-цзе подымал на врага
Исполинские грабли,
Но могучие руки его
Постепенно ослабли.

И великий подвижник Ша-сэп
Не простой был монах:
Колдовской, зачарованный посох
Сжимал он в руках.
Поражал им третьего дьявола
Смело с размаху.
Старый дьявол секирой сражался,
Не ведая страха.

Трое славных борцов
Защищали наставника честь.
Трех проклятых врагов
Разжигали и злоба и месть.
Распаляясь от гнева,
Бойцы поражали сплеча
И взлетели на воздух,
Заклятий слова бормоча.

От ударов рождался огонь.
Облака заклубились.
Все носились в тумане,
Сцепились во тьме и кружились,
И сквозь черное марево,
Из грозových облаков
Только слышался рев,
Да хрипенье, да стоны врагов.

Долго бились шесть чародеев. Уже стало смеркаться, поползли туманы, подгоняемые ветром, и вскоре совсем стемнело. А как вам известно, у Чжу Ба-цзе были огромные уши, которые свисали прямо на глаза, поэтому он в сумерки почти ничего не видел. Он неуклюже ворочал руками и ногами и не мог отбивать удары противника. Наконец, улучив момент, он бросился бежать, волоча за собою грабли. Старый дьявол помчался за ним и едва не зарубил мечом. К счастью, Чжу Ба-цзе удалось увернуться, и дьявол отхватил концом меча лишь несколько щетинок на его загривке. Продолжая преследовать Чжу Ба-цзе, дьявол все же нашел его и, схватив зубами за голову, помчался с ним в город. Там он бросил его бесенятам, велел крепко связать веревками и поместить во дворце, в тронном зале с золотыми колокольцами. Затем, вскочив на облако, старый дьявол помчался обратно к месту боя, чтобы в нужный момент прийти на помощь своим братьям. Ша-сэп понял, что дело принимает дурной оборот, и, сделав ложный выпад своим волшебным посохом, неожиданно повернулся и бросился наутек, спасая жизнь. Второй демон вытянул хобот, протрубил в него и обвинил им Ша-сэпа. Затем он доставил его в город, где тоже передал бесенятам, приказав связать пленника и поместить его в том же зале.

Сам же он взвился в воздух, полетел к братьям и стал кричать им, чтобы они изловили Сунь У-куна.

Сунь У-кун, видя, как оба его брата попали в лапы врагам, понял, что одному ему не справиться. Не зря говорится: «Одной рукой не отразишь двух кулаков, а двумя кулаками не перешибешь четыре руки». Сунь У-кун издал клич, отбил своим волшеб-

ным посохом удары всех трех дьяволов сразу, перекувырнулся и, вскочив на облако, умчался. Третий демон, видя, что Сунь У-кун пустился наутек, сразу же встряхнулся и принял свой первоначальный облик — превратился вмиг в огромную птицу. Расправив крылья, он полетел вдогонку за Сунь У-куном. И как бы вы думали, догнал он его? Помните, когда Сунь У-кун учинил буйство в небесных чертогах, против него не устояло стотысячное войско небесного царя, а от небесных духов он спасся благодаря умению летать на волшебном облаке: перекувырнется разок — и восемь тысяч ли позади, перекувырнется другой, — глядишь, сто тысяч ли отмахал. Никто не мог догнать его. Однако этот дьявол одним взмахом крыльев покрывал расстояние в девяносто тысяч ли. Стоило ему два раза взмахнуть крыльями, как он настиг Сунь У-куна и, клюнув его, зажал в когти, да так крепко, что тот даже пошевелиться не мог. Чтобы он ни придумывал, избавиться от когтей ему не удалось бы. Предположим, с помощью волшебства он принял бы другой облик или стал невидимым, ему все равно некуда было бы деваться. Он мог увеличиться, но тогда дьявол разжал бы когти, а если бы он стал уменьшаться, дьявол еще крепче стиснул бы его. И вот дьявол со своей добычей снова направился в город. Там он разжал когти, сбросил Сунь У-куна прямо в пыль и приказал бесенятам связать его и поместить вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. Старый и второй демоны вышли к младшему и приветствовали его. Затем все трое направились во дворец. Дьяволам, конечно, повезло! Не свяжи они Сунь У-куна, он наверняка расправился бы с ними.

Было время второй стражи. Дьяволы столкнули Танского монаха с места, на которое с почетом усадили его вначале. При свете фонарей Танский монах увидел своих спутников: они лежали на полу, связанные по рукам и ногам. Сюань-цзан упал на грудь Сунь У-куна и заплакал.

— О мой верный ученик, — причитал Танский монах, — из каких бед ты выручал меня, скольких дьяволов-оборотней покорил своим волшебством, а теперь ты сам попался. Что же будет со мною, с несчастным монахом?

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, услышав эти причитания, не удержались и зарыдали. Один только Сунь У-кун оставался спокойным.

— Не волнуйся, наставник! — посмеиваясь, сказал он. — И вы, братья, не плачьте! Что бы эти дьяволы ни придумывали, все равно они не причинят нам никакого вреда. Пусть заснут крепче, тогда мы спокойно выберемся отсюда.

Чжу Ба-цзе не выдержал.

— Братец, ты снова затеваешь недоброе! Мы ведь связаны пеньковыми веревками, да еще смоченными водой. Тебе-то хорошо, ты ведь тощий и не чувствуешь боли, а каково мне! Да ты взгляни на мои руки. Веревка впилась в них на глубину двух цуней! Как же избавиться от таких пут?

— Подумаешь, пеньковая веревка,— со смехом сказал Сунь У-кун.— Да если бы нас связали канатом толщиной с чайную чашку, и то для меня ничего не стоило бы освободиться. Знаешь пословицу: «Осенний ветер пролетает мимо ушей»? Мне это не впервые.

Пока они беседовали, до их слуха донеслись слова старого дьявола:

— Ай да младший братец! До чего же силен, умен и как ловко выполнил свой замысел! Сам Танский монах оказался в наших руках.

Затем последовало приказание:

— Эй, слуги, пусть пятеро носят воду, семеро — чистят котел, десять — разжигают огонь, а двадцать — тащат железную клетку. В этой клетке сварим на пару четырех монахов. Сами отведем, да и слугам нашим дадим по лакомому кусочку, пусть и они обретут долголетие.

Чжу Ба-цзе задрожал от страха.

— Слышишь, братец? Эти дьяволы собираются нас сварить и съесть.

— Не бойся! Дай только мне узнать, мастера ли они готовить пищу.

Ша-сэн заплакал.

— Дорогой брат,— сквозь слезы проговорил он,— перестань шутить, не время! Считай, что одной ногой мы уже в преисподней. Не все ли равно теперь — мастера они готовить пищу или нет.

Не успел Ша-сэн проговорить это, как до них донесся голос второго дьявола:

— Вот Чжу Ба-цзе будет трудно сварить на пару.

Чжу Ба-цзе просиял:

— Амитофо! — воскликнул он.— Кто мой тайный благодетель?

Затем раздался голос третьего дьявола:

— Если будет трудно сварить, мы сдерем с него шкуру.

Тут Чжу Ба-цзе так перепугался, что начал вопить не своим голосом.

— Не надо сдирать! Не надо! В крутом кипятке все равно разварится!

Тогда вмешался старый дьявол:

— Того, кто плохо варится, нужно положить на нижнюю решетку клетки.

Сунь У-кун расхохотался.

— Ну, Чжу Ба-цзе, не бойся, эти дьяволы ничего не смыслят в стряпне.

— Откуда ты знаешь? — любопытствовал Ша-сэн.

— А вот откуда. Когда варят на пару, продукты начинают развариваться сверху. То, что плохо разваривается, кладут на верхнюю решетку и увеличивают огонь, чтобы он охватил кругом весь котел. Если же класть их на нижнюю решетку, хоть

полгода вари, все равно останутся сырыми. А дьявол говорит, что Чжу Ба-цзе надо положить вниз. Ясно, что он ни черта не смыслит.

— Братец! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Выходит, они собираются сварить нас заживо. И как только увидят, что пар от меня не идет, отшатат, перевернут на другую сторону и снова на огонь, пока не разварят с обеих сторон. Стало быть, нутро мое останется сырым. Так, что ли?

Пока он говорил, прибежали бесенята.

— Вода кипит! — доложили они.

Дьявол распорядился втащить пленников. Толпа бесенят сразу же приступила к делу. Чжу Ба-цзе уложили на самую нижнюю решетку клетки, а Ша-сэна — на вторую. Сунь У-кун, смекнув, что и его сейчас понесут, тотчас освободился от веревок. Зажгли фонари. «При таком тусклом свете удобно действовать!» — мелькнуло у Сунь У-куна в голове. Он вырвал у себя шерстинку, дунул на нее своим волшебным дыханием и произнес: «Превратись!» Шерстинка сразу же превратилась в точную копию Сунь У-куна, тоже связанного веревками. Сам же он, став бесплотным, подскочил вверх, застыл в воздухе и, свесив голову, стал смотреть вниз.

Бесенята, конечно, ничего не заметили, а потащили мнимого Сунь У-куна и положили его на третью решетку. Наконец дошла очередь до Танского монаха. Его повалили навзничь, скрутили веревками и внесли на четвертую решетку. Дрова были сухие, и костер горел ярким пламенем.

Великий Мудрец не смог удержаться от горестного взгласа:

— Чжу Ба-цзе и Ша-сэну вначале ничего не сделается, а вот бедный наставник сразу разварится. Надо, не мешкая, спасти его!

Добрый Сунь У-кун тотчас прищелкнул пальцами и произнес заклинание: «Ом мани падме хум! Цянь Юань Хэн Ли Чжэнь!» Не успел он произнести последние слова, как к нему в виде тучки явился царь драконов Северного моря и, низко кланяясь, воскликнул:

— Дракон Ао-шунь из Северного моря приветствует тебя!

Сунь У-кун остановил его:

— Ну что за церемонии! Встань! Прошу тебя! Не будь серьезного дела, я не осмелился бы потревожить тебя. Но мой наставник попал в плен к злым дьяволам, которые посадили его в железную клетку и собираются сварить на пару. Огради его от беды и не дай ему погибнуть!

Дракон сразу же превратился в ледяной ветер и начал дуть, мешая огню лизать днище котла. Таким образом наши друзья оставались пока невредимыми.

В конце третьей стражи старый дьявол распорядился:

— Эй вы, подручные! Хорошенько стерегите пленников! Пусть десять бесенят по очереди поддерживают огонь, а мы на

время покинем дворец и отдохнем хоть немного. Очень уж мы переутомились, гоняясь за Танским монахом и его учениками, да еще четверо суток не спали, когда везли его сюда. Ну, ничего, зато теперь им не уйти отсюда. В пятаю стражу, как только начнет светать, они будут готовы, тогда можно будет заправить их чесноком, послать, подлить уксусу. Затем вы разбудите нас, и мы полакомимся их мясом.

Бесы обещали в точности выполнить приказание, и трое дьяволов разошлись по своим опочивальням.

Находившемуся на краю облака Сунь У-куну было отчетливо слышно каждое слово старого дьявола, однако из железной клетки не доносилось ни звука. «Что же это такое?—думал Сунь У-кун.— Ведь там нестерпимая жара. Почему же они не стонут, не жалуются? Неужто сварились? Дай-ка спущусь пониже и послушаю!»

Добрый Мудрец вскочил на ноги, встряхнулся и, превратившись в муху, уселся снаружи, у верхней решетки клетки.

— Черт возьми,—услышал он ругань Чжу Ба-цзе,— как бы узнать, собираются нас тушить или варить на пару?

— Братец! — отозвался Ша-сэн.— Что значит «тушить» и «варить на пару»? Объясни!

— Когда тушат, накрывают крышкой, а когда парят, то крышкой не накрывают.

Вслед за этим раздался голос Танского монаха.

— Братцы! Крышкой пока не накрыли!

— Нам повезло! — обрадовался Чжу Ба-цзе.— Эту ночь мы, видно, еще проживем! Наверно, нас будут варить на пару.

Убедившись, что все трое живы, Сунь У-кун подлетел к крышке и легонько прикрыл ею железную клетку. Танский монах испугался.

— Братцы,— в ужасе прошептал он,— накрыли крышкой!

— Ну все, теперь конец! — упавшим голосом произнес Чжу Ба-цзе.— Нас будут тушить, и к концу ночи мы сваримся.

Ша-сэн и Танский монах расплакались, словно дети.

— Не плачьте! — утешал их Чжу Ба-цзе.— Видно, истопники сменились.

— Откуда ты знаешь? — удивился Ша-сэн.

— Когда нас втащили сюда,— отвечал Чжу Ба-цзе,— мне было даже приятно. У меня ведь застарелая простуда, а тепло в таких случаях очень полезно. Сейчас, не знаю откуда, повеяло холодом. Эй, начальник истопников! — громко крикнул Чжу Ба-цзе: — Поддай-ка жару! Дров жалко, что ли? Ведь не твои!

Сунь У-кун, услышав эти слова, усмехнулся: «Ну и дуралей! — подумал он.— Холод можно еще перенести, а вот если жара хватит, то с жизнью распрощаешься. Ну, нечего терять время, надо скорее выручать их, а то Чжу Ба-цзе своим криком всех переполошит. Но для того, чтобы спасти их, я должен принять свой прежний облик. Как же быть? Бежать? Но меня могут увидеть, поднимут крик, разбудят дьяволов, и тогда хлопот не оберешься.

Нет, сперва надо напустить на них чары... — И тут Сунь У-кун вспомнил:— Давно, когда я стал зваться Великим Мудрецом, помню, как-то раз играли мы с хранителем небесного царства в цайцюань и я выиграл у него снотворных мушек; кажется, несколько штук у меня еще осталось. Напушу-ка я их на бесенят».

Он стал шарить у пояса и нашел двенадцать штук.

«Пушу десять, а парочку оставлю для развода»,— решил Сунь У-кун.

Так он и сделал. Каждому истопнику он бросил в лицо по мушке. Мушки забрались в ноздри, и бесенят стало неудержимо клонить ко сну, они засыпали, падая на землю. Один только бесенок с кочергой не поддавался дремоте. Он вертел головой, тер лапами лицо, хватался за нос и беспрестанно чихал.

«Этот негодяй смекнул в чем дело,— подумал Сунь У-кун.— Запушу-ка я ему парочку «гусариков»! — И он бросил ему в лицо еще одну мушку.— Пусть бегают навстречу друг другу. Уж какая-нибудь из них угомонит его»,— решил Сунь У-кун.

Бесенок зевнул раза два или три, потянулся, выронил кочергу, шлепнулся наземь и заснул непробудным сном.

— Вот это способ! — промолвил Сунь У-кун. Он тотчас принял свой обычный вид, подошел к клетке и позвал: — Наставник!

Танский монах услышал.

— О Сунь У-кун! Спаси меня! — воскликнул он.

— Ты где, братец? Снаружи? — спросил Ша-сэн.

— Еще бы! Стану я обрекать себя на подобные мучения! — задорно ответил Сунь У-кун.

— Ну, братец! — рассердился Чжу Ба-цзе.— Ты скользкий, вот и выскользнул, а мы, словно козлы отпущения, ждем, когда нас сварят.

— Не кричи, Дурень! — смеясь, ответил Сунь У-кун.— Я ведь пришел спасать вас.

— Если спасать, так уж до конца, братец,— умоляюще произнес Чжу Ба-цзе,— чтобы нам снова не пришлось париться.

Тем временем Сунь У-кун открыл верхнюю часть клетки, освободил наставника, встряхнулся и вобрал в себя шерстинку, превращенную в двойника, затем одного за другим высвободил Ша-сэна и Чжу Ба-цзе. Как только Дурень почувствовал себя на свободе, он сразу же вознамерился бежать.

— Пстой! — остановил его Сунь У-кун.— Не торопись! — Прищелкнув пальцами и произнеся заклинание, он отпустил дракона и тогда только снова обратился к Чжу Ба-цзе: — До Западного неба, где обитает Будда, пока очень далеко,— сказал он,— на пути еще встретятся высокие горы с крутыми вершинами. Нашему наставнику с его слабыми ногами не пройти пешком через такие препятствия. Нужно идти выручать коня.

Бы бы видели, с какой легкостью Сунь У-кун на четвереньках пробрался в зал с золотыми колокольцами. Бесы и бесенята спали вповалку в самых различных позах. Никто из них не слышал, как

Сунь У-кун отвязывал поводья. Как вам известно, это был не простой конь, а конь-дракон. Он узнал Сунь У-куна, поэтому стоял смиренно, не лягался и не ржал. Вы помните, конечно, что Сунь У-куну когда-то приходилось ухаживать за конями и ему был пожалован чин бимавэня — конюшего. Великий Мудрец бесшумно вывел коня, подтянул подпругу, взнуздal как полагается, а затем попросил наставника сесть верхом. Танский монах, дрожа от страха, с трудом взобрался на коня и хотел было ехать, но Сунь У-кун остановил его.

— Прошу тебя, не спеши,— сказал он.— По дороге на Запад нам еще повстречаются разные правители и цари, которым придется предъявлять подорожное свидетельство, иначе они нас не пропустят. Что мы им предъявим? Сейчас схожу за поклажей.

— Когда меня вносили в ворота,— сказал Танский монах,— я заметил, что бесы положили поклажу слева от входа в зал с золотыми колокольцами. Там же осталось и коромысло.

— Понятно! — ответил Сунь У-кун и так же неслышно ступая отправился на поиски во дворец. Вдруг он заметил в одном углу мерцающее сияние. «Это, должно быть, и есть поклажа»,— сообразил он. А дело было в том, что парчовая ряса Танского монаха была украшена жемчужиной, от которой и исходило сияние. Сунь У-кун поспешно подошел к узлам, здесь же лежало и коромысло. Узлы были целы и даже не развязаны. Он поспешно забрал их вместе с коромыслом и передал Ша-сэну.

Чжу Ба-цзе повел коня, который хорошо знал дорогу, и они направились прямо к главным воротам, но тут послышался стук караульных колотушек и звон колокольцев. На воротах оказался замок с печатью.

— Ишь ты, какие осторожные эти дьяволы! — воскликнул Сунь У-кун.— Как же нам выбраться отсюда?

— Пойдемте через задние ворота,— предложил Чжу Ба-цзе.

Так они и сделали. Сунь У-кун шел впереди, указывая дорогу. Но и здесь слышался стук колотушек и звякали колокольцы. На задних воротах тоже висел замок с печатью. «Как же быть? — подумал Сунь У-кун.— Если бы с нами не было Танского монаха с его плотским телом, мы трое во всяком случае выбрались бы отсюда и улетели на облаке. Но с ним мы не можем взлететь, только потому, что он еще не переступил границы трех миров, в которых господствуют желания, страсти и бесчувствие, он все еще находится в пределах пяти стихий тщеславия, любостыжательства, разгула, надменности и лени, сам он происходит от родителей, не очистившихся от грехов».

— Плохо дело! — сказал Сунь У-кун.

— Братец! Незачем ломать голову,— посоветовал Чжу Ба-цзе.— Поищем такое место, где нет ни колотушек, ни колокольцев и никакой охраны. Там мы поможем нашему наставнику перелезть через забор и выберемся отсюда.

Сунь У-кун засмеялся.

— Ну и придумал! — сказал он. — Ведь если сделать, как ты предлагаешь, то потом, когда мы будем возвращаться со священными книгами, ты же своим длинным языком везде разболтаешь, что мы, монахи, лазали через чужие заборы.

— Сейчас не время читать нравоучения, — перебил его Чжу Ба-цзе. — Подумай лучше, как спастись!

Сунь У-кун не мог предложить ничего лучшего, и они решили последовать совету Чжу Ба-цзе. Подойдя к гладкой стене, наши путники стали думать, как перелезть через нее.

Но надо же было случиться беде! Видно, зловещая звезда не покинула несчастного Сюань-цзана. Трое дьяволов вдруг проснулись и, почувяв, что Танский монах сбежал, стали кричать. Кое-как напялив на себя одежду, они бросились в зал.

— Сколько раз прокипел Танский монах? — спрашивали они бесов.

Однако бесенята-истопники так крепко спали, что даже удары палок не могли их разбудить. Остальные бесы спросонья отвечали заплетающимся языком:

— Се-се-се-семь разков прокипели!

Затем, немного придя в себя, они стремглав кинулись к котлу, увидели сброшенную на пол железную клеть, спящих истопников и в ужасе явились к дьяволам.

— Великие князья! Сбе-сбе-сбе-сбежали! — с трудом доложили они.

Трое дьяволов поспешно вышли из тронного зала, направились к котлу и, внимательно осмотрев его, убедились, что клеть действительно сброшена на пол, кипяток остыл, а от огня даже головешек не осталось. Истопники спали мертвым сном и громко храпели. Тут дьяволы-оборотни подняли невообразимый крик.

— Живее в погоню, ловите Танского монаха!

От этого страшного крика бесенята проснулись, вскочили на ноги, похватали оружие и бросились к главным воротам. Но тут все было в порядке. Печать и замок оказались на месте, колотушки стучали, колокольцы звенели.

Бесы стали спрашивать ночных дозорных, карауливших за воротами:

— Не видели, откуда выбежал Танский монах?

— Отсюда никто не выходил! — в один голос отвечали дозорные.

Тогда бесы кинулись к задним воротам. Но и здесь замок и печать, колотушки и колокольцы — все было на месте. Суматоха усилилась, — стали зажигать факелы, фонари. Кругом запылало красное зарево, стало светло как днем. Тут все отчетливо увидели, как четыре беглеца пытаются перелезть через стену. Старый дьявол подбежал к ним и закричал:

— Вы куда?!

У Танского монаха от испуга обмякли руки и ноги, и он, как мешок, рухнул со стены на землю. Старый дьявол тут же схватил

его. Тем временем второй дьявол поймал Ша-сэна, третий вцепился в Чжу Ба-цзе. Остальные бесы тащили поклажу и вели белого коня. Одному только Сунь У-куну удалось бежать. Чжу Ба-цзе, бормоча под нос ругательства, изливал свою досаду на Сунь У-куна.

— Чтоб тебе ни дна ни покрышки! — ворчал он. — Я же говорил, если будешь спасать, то уж до конца. Теперь нас опять спрячут в железную клетку и станут варить!

Дьяволы притащили Танского монаха в тронный зал, — они, видимо, отказались от намерения сварить его. Второй дьявол велел слугам привязать Чжу Ба-цзе к одному из передних столбов, поддерживавших крышу дворца. Третий демон распорядился привязать Ша-сэна к такому же заднему столбу. А старый демон не выпускал Танского монаха, обхватив его своими ручищами.

— Ты что его держишь, братец?! — спросил младший брат дьявола. — Неужели хочешь съесть его живьем? Вряд ли он придется тебе по вкусу. То ли дело простые мужики и парни, — поймал и тут же ешь себе на здоровье. А это, брат, редчайшее лакомство из высочайшего удела, им можно лакомиться только в свободную пору, когда погода ненастная. Перед этим надо тщательно привести себя в порядок, причем вкушать его нужно под первосортное вино и нежную музыку!

Старый дьявол рассмеялся.

— Ты совершенно прав, брат мой, — молвил он, — боюсь только, что опять появится Сунь У-кун и похитит его.

— У нас во дворце есть узорчатая беседка с разными благовоениями, в ней стоит железный поставец. Давай упрячем в него Танского монаха, запрем беседку и пустим слух о том, что мы съели Танского монаха сырым. Пусть бесенята разнесут этот слух по всему городу. Будь уверен, Сунь У-кун непременно явится, чтобы пронюхать, как обстоят дела. Узнав о том, что мы съели Танского монаха, он придет в такое уныние, что, безусловно, уберется во свояси. Мы же подождем несколько дней, пока не убедимся, что Сунь У-кун не станет больше тревожить нас, а уж тогда притащим сюда монаха и будем понемногу лакомиться. Ну как? Что ты на это скажешь?

Оба демона очень обрадовались и стали хвалить своего младшего брата:

— Молодец! Правильно говоришь!

После этого дьяволы схватили несчастного монаха и, не дожидаясь рассвета, поволокли его в беседку и втолкнули в железный поставец. Двери в беседку наглухо закрыли.

Молва о том, что дьяволы съели Сюань-цзана, быстро облетела весь город. Но об этом рассказывать мы не будем.

Вернемся к Сунь У-куну. Вы знаете, что он удрал на облаке, спасая жизнь, и не мог позаботиться о Танском монахе. Он направился прямо к пещере Льва и верблюда и там уничтожил своим посохом всех бесенят до единого, хотя их было десятки тысяч.

Когда он возвращался назад, на востоке уже взошло солнце. Приблизившись к городу, Сунь У-кун не осмелился вызвать дьяволов на бой. Ведь известно, что: «Из одной пряди нитки не скрутишь, одной ладонью не захлопаешь». Он спустился с облака, качнулся из стороны в сторону и, превратившись в маленького бесенка, проник в город, где стал обходить все улицы и переулки, чтобы хоть что-нибудь разузнать. В городе только и было разговоров о том, что Танского монаха этой ночью заживо съел великий князь. Вот когда Сунь У-кун действительно встревожился. Он устремился во дворец и заглянул в зал с золотыми колокольцами, где увидел множество оборотней, раздетых в одежды из желтой материи, в меховых шапках, отороченных золотом, с красными лакированными дубинками в руках и с табличками из слоновой кости у пояса. Все они сновали взад и вперед. Глядя на них, Сунь У-кун подумал: «Это, наверное, дворцовые служащие. Превращусь-ка и я в такого, войду туда и все разузнаю».

Ну и Сунь У-кун! Он сразу же принял вид дворцового служащего и, смешавшись с остальными, вошел в золотые ворота дворца. Вдруг он заметил привязанного к столбу Чжу Ба-цзе, который чуть слышно стонал. Сунь У-кун приблизился к нему и окликнул:

— Чжу У-нэн!

Чжу Ба-цзе узнал Сунь У-куна по голосу и взмолился.

— Дорогой братец, это ты? Спаси меня!

— Спасу, — ответил Сунь У-кун, — скажи только, где наставник.

— Наставника нет в живых, — ответил Чжу Ба-цзе. — Вчера ночью эти дьяволы живьем сожрали его!

Услышав эти слова, Сунь У-кун лишился голоса и заплакал. Чжу Ба-цзе стал утешать его:

— Братец, не плачь! Я передаю тебе только то, что слышал от этих бесов, но собственными глазами не видел. Ты лучше не теряй зря времени и узнай точнее.

Сунь У-кун перестал плакать и направился дальше. Он обошел дворец и заметил Ша-сэна, который был привязан к другому столбу. Подойдя к нему поближе и коснувшись его рукой, Сунь У-кун позвал:

— Ша У-цзин!

Ша-сэн тоже сразу узнал голос Сунь У-куна.

— Это ты, братец, проник сюда? — обрадовался он. — Спаси меня! Спаси!

— Тебя спасти не трудно — подбодрил его Сунь У-кун, — но скажи мне, не знаешь ли ты, где наш наставник?

У Ша-сэна закапали слезы из глаз.

— Братец! — горестно ответил он. — Оборотни не дождались, пока наш наставник сварится, и съели его живьем!

Сомнений больше не было. Оба его брата говорили одно и то же. Сунь У-куну показалось, будто сердце его пронзил острый

нож. Он не стал спасать ни Чжу Ба-цзе, ни Ша-сэна, стремительно подпрыгнул вверх, поднялся в воздух и помчался на пригорок у восточной стороны города. Там он спустился с облака и принялся громко рыдать и причитать, мысленно обращаясь к наставнику.

Я грущу, вспоминая,
    Как я в небесах провинился.
Небывалые муки
    В тот день ожидали меня.
Ты, мой добрый наставник,
    Тогда предо мною явился.
Ты избавил от пытки меня,
    От меча и огня.

И живой благодарностью полон,
    Любовью глубокой,
Я к обители Будды
    Направился вместе с тобой,
С искушением дьявольским
    В сердце боролся жестоко
И, стремясь к совершенству,
    Сражался с бесовской гурьбой.

Я желал, чтобы цели достиг ты,
    Мой добрый учитель,
Но тебя я не спас,
    И не можешь ты путь завершить.
Ты погиб, не пройдя сквозь ворота
    В святую обитель.
Ты погиб... я живу без тебя...
    И не знаю, как жить!

Долго терзался Сунь У-кун, пребывая в скорби и печали. Долго размышлял он, задавал себе всевозможные вопросы, но не находил на них ответа.

«Это все он, наш Будда Татагата, в своей обители высшего блаженства от безделья насочинял всякие книги. Подумаешь! Священные книги! «Три сокровища»! — раздумывал он.— Да если у него действительно было намерение склонять всех к добру, позаботился бы лучше о том, чтобы самому доставить эти книги в восточные земли. Разве тогда не стали бы они распространяться среди людей вечно? Видно, жалко ему расставаться с этими книгами, вот и приходится таким, как мы, ходить к нему на поклон. Разве знает он, сколько мучений вынесли мы, переходя через тысячи гор. И все зря! Сегодня к утру мой наставник лишился жизни! Кончено! Все кончено! Ну что ж, полечу-ка я на облаке к самому Будде и расскажу ему все, что произошло. Если он согласится передать мне свои книги, я доставлю их в восточные земли. Пусть люди узнают, что ждет их в награду за добрые дела. В то же время я исполню данный мною обет. Если же Будда не даст мне своих книг, я попрошу его снять с моей головы волшебный обруч, оставлю его Будде, а

сам вернусь в свою пещеру, где буду царствовать над обезьянами и забавляться с ними».

Решив так, Сунь У-кун сразу же вскочил на облако и направился прямо в страну Небесных бамбуков. Не прошло и часа, как показалась чудодейственная гора Линшань. Еще миг, и Сунь У-кун, прижав книзу облако, достиг основания пика Горный орел. Не успел он поднять голову, как его обступили четыре великана — хранителя Будды и грозно спросили:

— Ты куда направляешься?

Вежливо поклонившись, Сунь У-кун ответил:

— Мне нужно видеть Будду Татагату по важному делу.

Старший из хранителей по имени Юн-чжу, досточтимый князь, правитель горного хребта Золотой зари в горах Куэнь-лунь, крикнул:

— Эй ты, мартышка! Слишком грубо и дерзко себя ведешь! В прошлый раз мы много сил потратили, чтобы выручить тебя из лап дьявола с головой Быка, а сейчас при встрече с нами ты не проявил ни малейшей учтивости. Если ты явился по важному делу, обожди здесь, пока мы доложим Будде. Если он разрешит, мы тебя пропустим. Тут тебе, братец, не Южные ворота неба, где ты можешь входить и выходить, когда тебе вздумается! Ну-ка, отойди!

Наш Великий Мудрец Сунь У-кун был и без того сильно огорчен и раздосадован, а потому, услышав такое обращение, вскипел неудержимой яростью и стал кричать так, что потревожил самого Будду.

В это время Будда сидел на своем троне в виде цветка лотоса с девятью лепестками и объяснял священные книги своим наиболее близким ученикам — восемнадцати архатам. Он прервал свои объяснения и сказал:

— Сунь У-кун явился! Ступайте и примите его.

Выполняя повеление Будды, архаты чинно, двумя рядами, вышли из ворот с приветственными возгласами:

— О Великий Мудрец Сунь У-кун! Сам Будда зовет тебя.

Четыре хранителя Будды, стоявшие у ворот, сразу же расступились и пропустили Сунь У-куна. Архаты провели Сунь У-куна к трону Будды. При виде Будды Сунь У-кун пал ниц, и слезы ручьем хлынули из его глаз.

— Что случилось? Чем ты так опечален? — участливо спросил Будда.

— Я, твой ученик, неоднократно был удостоен милости внимать твоим поучениям и пользовался твоим покровительством. С того времени, как я вступил на путь твоего истинного учения, на меня возложена обязанность охранять Танского монаха, которого я почитаю как своего наставника. Трудно передать, сколько горя нам пришлось изведать на далеком пути к тебе. И вот сейчас мы достигли горы Льва и верблюда, где оказалась пещера, а поодаль и город того же названия.

Три лютых дьявола, три родных брата, владеют этой горой, пещерой и городом. Старший зовется царь Львов, средний — царь Тапиров, а младший — Великий кондор. Они и схватили моего наставника. Мы трое, его ученики, потерпели полное поражение в борьбе с дьяволами. Нас всех связали и поместили в железную клетку, чтоб сварить. К счастью, мне удалось бежать, и я призвал на помощь царя драконов из Северного моря, который избавил наставника от этих мук. В ту же ночь я вызволил наставника и обоих моих братьев из железной клетки, но, увы, избавить их от власти злой звезды я не смог — наставник снова попался в лапы дьяволам. Когда рассвело, я проник в город: хотел узнать, какова судьба моего учителя. И узнал, что эти проклятые чудовища, беспощадные и хищные, в ту же ночь растерзали моего наставника, сожрали его живьем, и от него теперь не осталось ни костей, ни мяса. К тому же я сам видел моих собратьев, Чжу У-нэна и Ша У-цзина, которых тоже ожидает лютая смерть, привязанными к столбу. Спасти их не в моих силах, потому только я и явился сюда преклониться перед тобой, всемогущий Будда Татагата. Уповая на твою величайшую доброту и сострадание, молю тебя снять заклятие, которым сковывает мою голову обруч, и взять его обратно. Меня же отпусти на гору Цветов и плодов, где меня ожидает привольная жизнь и забавы с моими мар-тышками.

При последних словах слезы градом покатились из глаз Сунь У-куна, и он разрыдался.

— Успокойся! — смеясь, проговорил Будда Татагата. — У этих оборотней чары оказались столь могущественны, что ты не смог одолеть их, вот ты и убиваешься.

Сунь У-кун опустился на колени и стал бить себя в грудь.

— Не скрою от тебя, Будда Татагата, — сказал он, — с того года, когда я учинил буйство в небесных чертогах и меня прозвали Великим Мудрецом, с того времени, как я появился в образе человека, ни один враг еще не одолел меня. Но на сей раз проклятым дьяволам удалось провести меня.

— Не досадуй! — стал утешать его Будда. — Я хорошо их знаю.

Сунь У-кун сразу же осекся и вполголоса спросил:

— О милосердный Будда! Правду ли говорят, что они приходят тебе сродни? Я слышал об этом от людей.

Будда прервал его.

— Экая ты хитрая обезьяна! — воскликнул он. — Как могут подобные твари находиться со мной в родстве?

— Откуда же ты их знаешь, — улыбнулся Сунь У-кун, — если не состоишь с ними в родстве?

— Я наблюдал за ними своим всевидящим оком, — пояснил Будда. — Вот откуда я их знаю. Над старым оборотнем и его вторым братом здесь есть хозяева. — И Будда кликнул: — Ананда и Кашьяпа! * Идите сюда! Пусть один из вас отправится на

облаке к горе Пяти террас и призовет сюда Вэнь Шу, а другой пусть летит к горе Брови красавицы и призовет Пу Сяня.

Оба достойных архата тотчас отправились выполнять повеление Будды.

— Я отправил их за хозяевами старого оборотня и его второго брата,— объяснил Будда Сунь У-куну.— Говоря по правде,— добавил он,— третий оборотень в какой-то мере приходится мне сродни.

— С какой стороны? — живо спросил Сунь У-кун.— Со стороны отца или матери?

Будда не сразу ответил на вопрос.

— Видишь ли,— сказал он, помолчав,— с того времени, как первоначальный хаос начал распадаться, небо разверзлось в первый период — «цзы», земля образовалась во второй период — «чоу», а люди появились в третий период — «инь». Затем небо вновь совокупилось с землей и народились все твари. Среди тварей выделились звери, бегающие по земле, и птицы, летающие по воздуху. Старшим над всеми зверями является жираф, а над всеми птицами — феникс. Феникс был сверх всего наделен еще животворным духом и породил павлинов и кондоров. Павлины при своем появлении на свет, оказались наиболее лютыми и способны были поедать людей. Они всасывали их в себя сразу на расстоянии сорока пяти ли. Как-то раз я находился на снежной вершине горы, чтоб упражняться в достижении роста в шесть чжан с озолочением всего туловища, но меня сразу же всосал павлин, и я попал прямо к нему в брюхо. Я уж хотел было выбраться через задний проход, но побоялся измазаться. Тогда я перебил ему позвоночник, вылез и вскарабкался на чудодейственную гору Линшань. У меня было желание убить этого павлина, но все Будды стали уговаривать меня не делать этого. Ведь погубить павлина, все равно, что погубить родную мать. Поэтому я и оставил павлина в скопище пернатых, обитающих на этой горе, и пожаловал ему почетный титул «Великий просвещенный повелитель павлинов, породивший Будду». А кондор был рожден той же самкой, что и павлин. Теперь ты понимаешь, какое между нами родство?

— Так вот оно что! — рассмеялся Сунь У-кун.— Значит, если продолжить эту линию родства, то получится, что ты, Будда, приходишься племянником оборотню со стороны матери.

— Придется, видно, мне самому отправиться на расправу с этим оборотнем,— сказал Будда, не дослушав Сунь У-куна.

После этого Сунь У-кун земно поклонился Будде и произнес:

— Умоляю тебя, сделай милость и хоть раз сойди со своего трона!

Будда выполнил просьбу Сунь У-куна и в сопровождении всей свиты вышел из наружных ворот своей обители. Там он встретился с Анандой и Кашьяпой, которые привели двух

бодисать: Особо просвещенного Вэнь Шу и во всем сведущего Пу Сяня. Оба они совершили поклон перед Буддой Татагатой.

— Бодисатва,— обратился Будда к Вэнь Шу,— сколько времени прошло с тех пор, как твой зверь покинул гору?

— Семь дней,— отвечал Вэнь Шу.

— Семь дней — это значит несколько мирских тысячелетий,— промолвил Будда.— Сколько живых тварей погубил он за это время! Следуйте за мной, надо скорей изловить его! — приказал он.

Сопровождаемый двумя бодисатвами, Будда со всей свитой поднялся в воздух и полетел. Вот как об этом рассказывается в стихах:

Высокая лазурь
Покрылась облаками,
Даруя благодать
И силу без конца...
Сам Будда вышел в путь
Из горнего дворца
И, милосердный,
Шествует над нами.

Он помыслом проник
В сердца земных существ,
Он тайну разъяснил
Их смерти и рожденья,
Все превращения,
Зверей, людей, божеств,
И цель глубокую
Их перевоплощенья.

И перед ним неслись торжественно
Пятьсот
Архатов избранных,
Святителей смиренных,
А позади него
Держали путь с высот
Три тысячи святых —
Соратников блаженных.

А рядом с ним
Неслись Цзяшэ, Ано,
Готовые на бой.
И — бодисать опора —
Пу Сянь, Вэнь Шу.
И было решено,
Что подчинится им
Вся дьявольская свора!

Благодаря тому что Сунь У-кун обладал столь добрыми чувствами, ему удалось упросить Будду-прародителя прийти на помощь. Вскоре они увидели зловещий город.

— О Будда! — воскликнул Сунь У-кун.— Вон там, где клубятся черные испарения, столица государства Льва и верблюда.

— Ты спустишься первым,— приказал Будда,— войди в город и вступи в бой с этими оборотнями. Только смотри, не побеждай их. Сделай вид, что потерпел поражение, и возвращайся сюда, а я уж сам с ними справлюсь.

Великий Мудрец направил облако прямо к городу и, спустившись на городскую стену, стал кричать и ругаться:

— Эй вы, скоты негодные! Выходите сюда сразиться со мной, старым Сунь У-куном!

Находившиеся в дозорных вышках бесенята перепугались и сломя голову бросились вниз, издавая громкие вопли:

— О великий князь! Сунь У-кун находится на городской стене и вызывает вас на бой!

— Ну и обезьяна! — вскричал старый дьявол.— Три дня не показывалась и, на тебе, с утра явилась, не иначе как привела с собой кого-то на помощь!

— Чего бояться! — вскричал третий брат.— Давайте вместе пойдем и посмотрим!

Трое дьяволов с оружием в руках устремились на городскую стену. Увидев Сунь У-куна, они, не говоря ни слова, сразу же набросились на него. Сунь У-кун, вращая свой посох, вышел им навстречу. Они схватывались раз семь или восемь, после чего Сунь У-кун, притворившись побежденным, бросился бсжать. Дьяволы во всю глотку закричали ему вслед:

— Ты куда?!

Тут Сунь У-кун перекувырнулся и очутился на облаке. Дьяволы вскочили на другое облако и пустились в погоню. Сунь У-кун мгновенно уклонился в сторону и скрылся в лучах сияния, исходившего от Будды. Тут дьяволы-оборотни увидели перед собой трех достопочтенных Будд, олицетворяющих Прошедшее, Будущее и Настоящее, в окружении пятисот архатов и трех тысяч праведных приверженцев Будды Татагаты. Они кольцом обступили трех оборотней да так плотно, что даже капля воды не могла бы просочиться.

У старого дьявола от страха отнялись руки и ноги.

— Братцы! — закричал он.— Плохо дело! Эта обезьяна — настоящий черт, выросший из земли! Как же ей удалось призвать сюда моего властителя?!

— Не бойся, братец! — старался подбодрить его третий дьявол.— Мы втроем разом набросимся на Будду, собьем его с ног нашим оружием и завладеем его дивным храмом Раскатов грома...

Старый дьявол в самом деле замахнулся мечом на Будду. Но тут Вэнь Шу и Пу Сянь прочли заклинание и прикрикнули:

— Экие скоты негодные! Все не возвращается на истинный путь и не раскаиваетесь? Чего же вы ждете?!

Старый дьявол и его второй брат испугались и больше не посмели хорохориться. Они побросали оружие, перекувырнулись через голову и приняли свой настоящий облик. Двое бодисатв

кинули им на спины свои сидения в виде цветка лотоса и сразу же уселись на них, а оборотни, опустив уши, изъявили полную покорность.

Так двумя бодисатвами были пойманы Черный Лев и Белый тапир. Один только третий оборотень не покорился. Он расправил крылья, отбросил свою замечательную пику, взвился в воздух и, играя широко растопыренными когтями, кинулся на Царя обезьян, который скрылся в лучах сияния Будды. Будда предугадал намерение оборотня и метнул в него золотистый луч. Голова оборотня, с макушкой в виде сорочьего гнезда, метнулась против ветра и превратилась в окровавленный кусок мяса. Продолжая играть когтями, оборотень ринулся было на Будду, но тот поднял руку, перепонки на крыльях оборотня тотчас лопнули, и он не мог больше летать. Он тут же сел на макушку Будды и принял свой первоначальный образ. Это оказался огромный кондор с орлиными крыльями золотистого цвета. Раскрыв клюв, он вдруг заговорил:

— О Будда Татагата! Зачем ты околдовал меня своими могущественными чарами?

— Ты натворил немало бед! — отвечал Будда. — Но если последуешь за мной и станешь творить добро, то этим, может быть, искупишь свою вину.

— У тебя там надо соблюдать посты, питаться одними овощами, жить в крайней бедности, терпеть лишения. А здесь я ем человечину и ни в чем себе не отказываю. Грех падет на тебя, если ты уморишь меня голодом.

— Мне подвластны четыре огромных острова, — отвечал Будда, — великое множество живых существ живет на них, уповая на меня. Я велю им приносить тебе жертвы за каждое твое доброе деяние.

Кондор попытался было освободиться, хотел бежать, но все его старания оказались тщетными. Пришлось покориться.

Между тем Сунь У-кун перекувырнулся и, очутившись перед Буддой, стал отбивать земные поклоны.

— О мой повелитель! — восклицал он — Ты изловил оборотней и устранил великую напасть, но моего бедного наставника все равно уже нет в живых.

Щелкая зубами, кондор закричал:

— Противная обезьяна! Нашла-таки злодеев, которые покорили меня. Когда это мы сожрали твоего наставника? Разве не он находится там, в узорчатой беседке, в железном постае?

Услышав эти слова, Сунь У-кун поклонился Будде до земли и снова поблагодарил его. Опасаясь, как бы не выпустить кондора, Будда велел Сунь У-куну скрыться в лучезарном сиянии и совершить заклинание, предохраняющее от всякой напасти. Затем он вернулся на облако и вместе со всей свитой полетел к своей драгоценной обители.

Тем временем Сунь У-кун на облаке спустился на землю и вошел в город. Там уже не было ни одного бесенка. Недаром говорится: «Без головы змея не ползает, без крыльев птица не летает».

Узнав о том, что их властители покорились Будде, бесенята удрали, спасая свою жизнь. Сунь У-кун освободил Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, нашел поклажу и отыскал коня.

— Наш наставник жив! — сообщил он своим братьям. — Идемте за мной!

Он провел их в дворцовый сад, где они нашли узорчатую беседку. А когда заглянули внутрь, то увидели в ней железный поставец, из которого доносились глухие стенания Танского монаха. Ша-сэн вскрыл поставец своим волшебным посохом, покоряющим оборотней, и, сдвинув крышку, позвал: «Наставник!»

При виде своих учеников Танский монах зарыдал.

— Братцы! — говорил он сквозь слезы. — Как это вам удалось покорить этих дьяволов? И откуда вы узнали, что я здесь?

Тут Сунь У-кун подробно рассказал ему все, что произошло, от самого начала до самого конца.

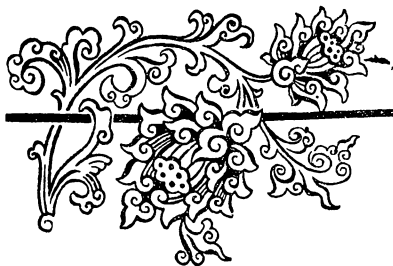
Танский монах был растроган до глубины души и непрестанно благодарил.

Наставник и его ученики разыскали еду в хоромах дворца, приготовили чай, сварили кашу, наелись досыта, привели себя в порядок и, выйдя из города, отправились по большой дороге дальше на Запад.

Вот уж действительно верно сказано, что: «За книгами священных идти должны только люди праведные» и что: «Мысленные переживания и душевные треволнения всегда оказываются пустыми».

Когда закончится это путешествие и наши путники смогут лицезреть Будду, вы узнаете из следующих глав.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ,

из которой читатель узнает о том, как странствующие монахи преисполнились жалостью к детям, вызвали для их спасения духов, а также о том, как в зале дворца распознали дьявола и вели беседу о добродетели

Едва откроешь ты души своей ворота
Желаньям и страстям,—
Тебе грозит беда:
Стремглав ворвутся демоны туда,
А их изгнать — великая забота!
Как трудно, совершенствуясь, идти
К спасению по высшему пути!
Но изгони из сердца злые страсти,
Чтоб сор земли стряхнуть и отмести.
Храни себя от их враждебной власти.
Держи на привязи мятежный ум
И сердце укроти уздою дум.
Когда ж соблазнов ты развеешь тучи,
Отвергнешь себялюбие и ложь,
Очищенный, в нирвану попадешь.
Подстерегай счастливый час и случай,
Чтоб демонов коварных побороть
И усмирить бунтующую плоть.
И только подвиг завершив могучий,
Мирские узы ты расторгнешь сам
И возлетишь из клетки к небесам!

Итак, вы уже знаете, что Великий Мудрец Сунь У-кун, исчерпав всю свою изобретательность, обратился к Будде Татагате, который привел к покорности злых духов и тем самым избавил Танского монаха и его учеников от беды. Покинув город Диковинного верблюда, они продолжали свой путь на Запад. Прошло еще несколько месяцев, приближалась зима.

Всюду в горных лесах
Перезрели, полопались сливы,
У озер
Ледяною корою покрылись заливы,
И, нахмурясь,
Угрюмые сосны чернеют вдали,
И багряные листья,
Спадая на землю, кружатся,
И летящие плоские тучи
Снегами грозятся,
И высокие травы
На горных лугах полегли.
Наступающей стужи
Мы всюду встречаем приметы.
До костей передрогли.
Теплом очага не согреты...

Наставник и его ученики стойко переносили все невзгоды, как говорится: «Ночевали под дождем и ели под открытым небом». И вот впереди снова показались строения.

— Сунь У-кун! Что за город виднеется вдаль? — спросил Танский монах.

— Вот подойдем поближе, тогда и узнаем, — ответил Сунь У-кун. — Если это столица княжества, то надо будет получить там пропуск по проходному свидетельству, если же просто областной или окружной город, то мы так пройдем.

Беседуя, они подошли к городским воротам.

Танский монах спешился, и все четверо вышли на площадку перед главными воротами, полукругом обнесенную стеной. Здесь они увидели пожилого воина-стражника, который, прислонившись к стене, сладко спал на солнышке, убаюканный ветерком. Сунь У-кун подошел к нему и, тряхнув, окликнул:

— Эй, начальник!

Стражник сразу же в испуге проснулся, вытаращил глаза и, увидев Сунь У-куна, поспешно опустился на колени, отбивая земные поклоны и приговаривая:

— Отец! Отец!

— Чего зря шумишь? — остановил его Сунь У-кун. — Я ведь не святой и не злой дух. Чего ж это ты вздумал величать меня отцом?

— А ты разве не бог Грома? — спросил стражник, продолжая стучать лбом о землю.

— Глупости! — воскликнул Сунь У-кун. — Я монах из восточных земель и иду на Запад за священными книгами. Мы только что прибыли сюда, не знаем, как называется этот город, вот я и решил спросить тебя.

Тут стражник оправился от испуга, зевнул, поднялся и, потягиваясь, ответил:

— О почтеннейший! Почтеннейший! Прости мою вину! Эта страна вначале носила название государство Нищенствующих монахов бикшу, а теперь ее переименовали в Страну детей.

— Есть ли в этой стране государь-правитель? — спросил Сунь У-кун.

— Ну как же не быть? Есть, есть, есть, — ответил стражник.

Тут Сунь У-кун обернулся к Танскому монаху и сказал:

— Наставник! Эта страна прежде называлась государством Нищенствующих монахов бикшу, а теперь ее переименовали в Страну детей. Никак не пойму, зачем это сделали.

Танского монаха тоже охватило сомнение, и он нерешительно произнес:

— Если это была страна бикшу, то почему ее стали называть Страной детей?

— По-моему, царь нищенствующих монахов бикшу скончался, а на престол возвели малолетнего царя, вот поэтому ей и дали такое название, — выразил свою догадку Чжу Ба-цзе.

— Не может этого быть, — возразил Танский монах. — Никак не может быть! Давайте пройдем в город и спросим у кого-нибудь из прохожих.

— Вот это правильно, — поддержал наставника Ша-сэн. — Этот старый стражник ничего не знает, а вид нашего старшего братца так напугал его, что он стал молотить всякий вздор. Пойдемте в город и там все разузнаем.

Они прошли через третьи ворота, вышли на главную улицу, ведущую к базару, и стали смотреть по сторонам. Прохожие были нарядно одеты и имели весьма благообразный вид.

Вот как рассказывается в стихах об этом городе:

Из питейных домов
С веселящимся шумным народом,
Из веселых кварталов
Разносятся песни и гам.
Сколько лавок
И вывесок пестрых, висящих над входом!
Сколько пышной парчи!
И числа нет узорным шелкам!

На базарах конца нет и края
Веселой торговле.
Сколько улиц кругом,
Сколько тысяч домов — и не счесть!
Сколько разных торговых рядов
Под высокою кровлей!
Вот источник богатств,
Приносящих довольство и честь.

Все спешат и снуют,
Продают — ради денег и славы! —
Золотые изделия,
Чай, и шелка, и нефрит,
Но чем ближе к дворцу,
Тем прохожие все величавей!
Как нарядны! Как чинны!
Там строгий порядок царят!

Наставник вместе со своими учениками, которые вели коня и несли поклажу, шагал по городу. Шли они долго и никак не могли наглядеться на его пышность и великолепии. Они заметили, что у каждого дома висят корзины, в которых носят гусей.

— Братцы,— спросил, наконец, Танский монах,— почему это здесь почти на каждом воротах висят корзины для гусей?

Чжу Ба-цзе стал оглядываться по сторонам и действительно увидел, что над каждыми воротами висят корзины, покрытые разноцветными шелковыми пологам.

— Наставник! — сказал он, рассмеявшись,— сегодня, наверное, счастливый день, в который устраивают свадьбы и встречи с друзьями. По этому случаю и вывесили корзины.

— Чепуха! — возразил Сунь У-кун.— Разве бывает, чтобы у всех на один и тот же день приходились семейные праздники! Нет, тут что-то не то. Погодите, сейчас я все разуюнаю.

— Не ходи! — крикнул Танский монах, удруживая Сунь У-куна.— Уж очень ты безобразен на вид, напугаешь людей.

— Я могу изменить свой облик,— ответил Сунь У-кун.

Ну и молодец Сунь У-кун! Пришелкнув пальцами и прочтя заклинание, он встряхнулся, превратился в пчелку, расправил крылышки и, подлетев к ближайшей корзинке, пролез под полог. Каково же было его удивление, когда он в корзинке увидел ребенка. В другой корзинке тоже оказался ребенок. Сунь У-кун просмотрел одну за другой несколько корзинок и во всех обнаружил детей, причем только мальчиков, ни одной девочки не было. Некоторые из них забавлялись, другие кричали и плакали, третьи лакомились фруктами или спали. Сунь У-кун не стал осматривать остальные корзинки и, приняв свой настоящий облик, вернулся к Танскому монаху.

— В корзинках дети,— доложил он наставнику,— причем самому старшему не больше семи лет, а самому маленькому нет и пяти. Не знаю, в чем тут дело.

Танский монах задумался.

Свернув за угол, путники увидели какое-то учреждение. Это оказалась почтовая станция с постоялым двором.

Танский монах обрадовался.

— Братья,— сказал он,— давайте зайдём сюда. Во-первых, мы узнаем, что это за город; во-вторых, дадим передохнуть нашему коню и, наконец, попросимся на ночлег, ведь уже вечерет.

— Правильно,— поддержал наставника Ша-сэн,— идемте скорей!

Все четверо, довольные, вошли в помещение. Дежурный по станции доложил о них смотрителю. Путников пригласили войти. После взаимных приветствий все расселись по местам, и смотритель обратился к Танскому монаху:

— Почтеннейший! Откуда путь держишь?

— Я, бедный монах, иду из восточных земель, из великого Танского государства, на Запад за священными книгами. У нас есть при себе проходное свидетельство, и мы сочли своим долгом предъявить его и получить пропуск, а заодно попроситься у вас на ночлег и передохнуть с дороги.

Смотритель станции велел тотчас же подать чаю, а затем распорядился устроить путников на ночлег. Танский монах поблагодарил его и спросил:

— Могу ли я надеяться побывать сегодня на приеме у вашего правителя и предъявить ему свое проходное свидетельство?

— Нет, — ответил смотритель, — сегодня уже поздно. Придется вам отправиться завтра на утренний прием. А пока располагайтесь поудобнее и отдыхайте.

Вскоре все было приготовлено, и смотритель станции пригласил четверых путников вместе с ним покушать, а слугам тем временем велел подмести и проветрить помещение, отведенное гостям для ночлега. Танский монах не переставал благодарить за радушный прием. Во время трапезы наставник обратился к смотрителю станции с такими словами:

— Сейчас на, бедных монахов, мучает сомнение, которое мы никак не можем разрешить. Помогите нам, пожалуйста! Интересно знать, как у вас здесь появляются дети на свет и как их растят?

— Есть поговорка: «На небе два солнца не светят, а среди людей не бывает двух разных истин», — начал объяснять смотритель. — Всем известно, что дети рождаются от семени отца и крови матери, десять лун зародыш пребывает в материнской утробе, а в положенное время появляется на свет. Мать кормит младенца грудью три года, после чего он постепенно принимает свой настоящий облик. Неужто вам об этом ничего не известно? Не может быть!

— Выходит, в вашей стране все происходит точно так же, как и в нашей, — вежливо ответил Танский монах. — Почему же в вашем городе над воротами каждого дома висят корзины для гусей, а в каждой корзине находится ребенок? Этого мы никак не можем понять, а потому и осмелились потревожить тебя своими расспросами.

Тут смотритель станции приложил палец ко рту и, понизив голос до шепота, сказал:

— Почтеннейший, пусть это вас не тревожит! Ни с кем не говорите об этом! Спокойно устраивайтесь на ночлег, а завтра утром отправляйтесь в путь-дорогу.

Но Танский монах настолько был взволнован, что схватил за рукав смотрителя станции и, притянув его себе, стал настаивать, чтобы он обязательно разъяснил, в чем дело. Но тот лишь головой мотал и все повторял:

— Будьте осторожны! Будьте осторожны!

Однако Танский монах изо всех сил вцепился в смотрителя и

не выпускал его. Он, видимо, во что бы то ни стало решил, хотя бы ценою жизни, выведать у него всю правду.

Пришлось смотрителю удалить всех служащих и слуг из помещения. Оставшись наедине с монахами, при свете ночника он начал едва слышно рассказывать им:

— Это случилось при нынешнем правителе, человеке беспутном, и лежит на его совести. К чему вам знать об этом?

— В чем же беспутство вашего правителя? — перебил его Танский монах. — Уж ты, пожалуйста, все толком объясни нам. Иначе мы не успокоимся.

— Так вот, знайте, что прежде эта страна называлась государство Нищенствующих монахов бикшу, — ответил смотритель, — а теперь в народе распевают песенки, в которых нашу страну называют Страной детей. Три года назад здесь появился какой-то старец, одетый даосом, который водил с собой девицу лет шестнадцати, — надо прямо сказать, очаровательную и грациозную, а лицом похожую на бодисатву Гуаньинь. Старец взял да и поднес ее в дар нашему правителю, которому она понравилась, и так он ее полюбил, что ввел к себе во дворец и дал ей прозвище Прекрасная государыня. Вскоре он стал коситься на своих законных цариц в трех дворцах и на любимиц в шести палатах и дни и ночи проводил в непрестанных утехах и веселии с молодой красавицей, и вот довел себя до того, что ослаб и духом и телом, перестал есть и пить, жизнь в нем едва теплится. Лекарши из придворной лечебной палаты испробовали все лучшие средства, но ничего не помогает. Даоса, который подарил девицу, стали величать государевым тестем. Он знает секрет заморских снадобий, которые могут продлить жизнь. Когда-то ему довелось побывать на трех священных островах, где он собрал все целебные травы. Однако заливать их нужно отваром, приготовленным из сердец и печени тысячи ста одиннадцати детей. Зато действие его снадобья волшебное. Кто выпьет, тот тысячу лет не состарится. В корзинках как раз и находятся дети, которым суждено пойти на приготовление отвара. А родители их не смеют даже плакать из страха перед государем. Вот почему нашу страну стали называть Страной детей. Когда будешь завтра получать пропуск по проходному свидетельству, смотри ничего не говори правителю.

С этими словами он удалился.

Танский монах от страха не в силах был пошевелиться, по щекам его неудержимо катились слезы.

— О неразумный государь, — прерывающимся голосом заговорил он. — Своими неумными желаниями и страстями ты навлек на себя хворь и болезнь, зачем же теперь губить столько невинных детских жизней?! О горе! Великое горе! Сердце мое разрывается от жалости к несчастным детям.

Вот что рассказывают стихи об этом печальном событии:

Правитель той страны
Впал в мерзостную ересь,
Утратив Истину,
Колдунью полюбил.
Коварным замыслом красавицы
Доверясь,
Он душу погубил
И тело погубил.

Ища бессмертия,
Поверив безусловно
Советам демона,
Забыл он стыд и честь,
Чтоб дни свои продлить,
Решил он поголовно
Всех истребить детей,
Сварить сердца — и съесть!

Правдивые слова
Хозяина трактира
Так поразили слух
Монаха-мудреца,
Что вдруг лишился он
Спокойствия и мира,
Лицом на землю пал
И плакал без конца.

Перед светильником
Не прекращал стенанья
И слезы проливал,
Рыдал за часом час,
И к Будде он взывал
В глубины созерцанья,
Молясь, чтоб он детей
От лютой смерти спас.

Чжу Ба-цзе подошел к наставнику и стал утешать его:

— Наставник, что с тобой, ты, как говорится, притащил в дом чужой гроб и оплакиваешь покойника. Знаешь пословицу: «Если государь велит своему слуге умереть, а тот не умирает, значит, он не предан; если отец велит сыну погибнуть, а сын не погибает, значит, он непочтителен!» Ведь правитель губит свой народ, какое же тебе до этого дело?! Ложись спать и не убивайся из-за чужого горя.

— Брат! — обливаясь слезами, сказал Танский монах. — Какой ты бесчувственный! А ведь для нас, людей, покинувших мир суеты, первая заповедь это сострадание и добрые дела. Как же можно допустить, чтобы неразумный государь по своему неразумению совершал подобные поступки! Никто еще не слышал о том, чтобы отвар из человеческих сердец и печенок мог продлить жизнь! Как же мне не горевать и не убиваться?

— Не горюй и не печалься, наставник, — вмешался Ша-сэн. — Завтра утром, когда пойдешь получать проходное свидетельство, поговори с правителем. Если же он тебя не послушает, тогда посмотрим, что за птица тесть государя. Боюсь, что этот тесть как

раз и есть злой оборотень, который сам хочет полакомиться человеческим мясом, вот он и придумал такой способ лечения. Все может быть.

— Ша-сэн, пожалуй, верно говорит,— отозвался Сунь У-кун.— Ложись спать, наставник, а завтра я отправлюсь с тобой вместе на прием к правителю. Посмотрим, что из себя представляет этот тесть государя. Если он человек, то, значит, сбился с правильного пути, впал в ересь и зря возлагает все надежды на снадобья, считая их истинным средством исцеления, тогда я, Сунь У-кун, постараюсь обратить его на путь Истины. Если же он злой дух-оборотень, я схвачу его и покажу правителю здешнего государства, каков он в действительности, а затем научу государя умерять страсти и заботиться о своем здоровье; ни за что не дам ему загубить столько невинных детских жизней.

Танский монах так был растроган словами Сунь У-куна, что поспешно поклонился ему и с чувством произнес:

— Брат! Ты прекрасно придумал, молодец! Только у неразумного государя об этом деле нельзя ничего спрашивать, а то он, чего доброго, по своему неразумению обвинит нас в распространении ложных слухов и тогда не знаю даже, что с нами сделают!

— Ничего,— засмеялся Сунь У-кун,— как-нибудь справимся. А сейчас прежде всего надо унести подальше от города все корзинки с детьми и спрятать их. Местные власти, разумеется, явятся с докладом, а неразумный правитель станет либо советовать с тестем государя, либо заставит отобрать столько же детей. Тогда, не опасаясь, что на нас возведут обвинение, и можно будет заговорить с ним об этом деле.

Танский монах очень обрадовался и спросил:

— Как же тебе удастся вынести корзинки из города?— И тут же добавил: — Если ты избавишь детей от гибели, это зачтется тебе, мой мудрый ученик, как великое благодеяние, равное по величине самому небу! Только действуй как можно скорее, ибо малейшее промедление может оказаться роковым!

Сунь У-кун приосанился и начал отдавать распоряжения Чжу Ба-цзе и Ша-сэну.

— Оставайтесь пока с учителем,— говорил он,— и ждите. Я вызову северный ветер, и как только вы услышите его завывание, знайте, что дети уже за городом.

Тут все трое монахов хором прочли псалом:

Я верю в великого Будду,
В спасителя нашего верю...

Великий Мудрец Сунь У-кун вышел за ворота, присвистнул и сразу же поднялся в воздух. Там он прищелкнул пальцами и прочел заклинание.

Тотчас же к нему явились: дух — хранитель города, дух местности, духи очагов, повелители духов пяти стран света,

вникающие в суть явлений природы, четыре дежурных божества времени, небесные посланцы Лю-дин и Лю-цзя, а также духи — хранители кумирен. Все они, совершив вежливый поклон, обратились к Сунь У-куну с вопросом:

— Великий Мудрец! Что привело тебя сюда — уж нестряслась ли какая-нибудь беда в ночную пору?

— Идя на Запад, мы попали в страну Нищенствующих монахов, — отвечал Сунь У-кун. — Правитель этой страны оказался человеком беспутным и всецело доверился злому духу-оборотню. А этот оборотень требует сейчас, чтобы ему дали сердца и печенки детей. Он говорит, что они необходимы ему для приготовления отвара, которым правитель должен запить снадобье, приносящее долголетие. Мой наставник не в силах вынести подобного злодействия и желает, чтобы мы спасли детей и уничтожили злого оборотня. Поэтому я и призвал вас всех, уважаемые духи, и прошу каждого проявить свое волшебство и вынести в отдаленные горы и ущелья или в глухие леса на один-два дня все корзины, висящие на воротах домов в этом городе, в которых находятся маленькие дети. Спрячьте их, кормите разными съедобными плодами, смотрите, чтобы они не голодали и не захворали, не пугались и не плакали. А когда я уничтожу злого оборотня, наведу порядок в стране, уговорю правителя вступить на путь Истины, мы тронемся в дорогу, тогда вы и доставите детей обратно.

Духи тотчас же принялись выполнять приказ Сунь У-куна и стали спускаться на землю, приготовившись пустить в ход волшебные чары. Завыл северный ветер, мгла окутала город.

Внезапно дунул ветер,
Узор померкнул звездный,
И лунный лик, сияющий
Над кругом всей земли,
Закрылся черным облаком,
И взвился вихрь морозный,
И грохот урагана
Послышался вдали.

Все ближе гул зловещий,
Все громче вой и гомон.
И, словно сотни дьяволов
Сюда слетелись вдруг,
Тайфун упал на город
И все затмил кругом он,
И горожан беспомощных
Всех охватил испуг.

Родители кидаются
В туман и мрак крошечный,
Хотят ребят испуганных
Под кровлю увести,
И, не страшась правителя,
Пытаются поспешно
Детей, в гусиных клетках томящихся,
Спасти!

Как было все угрюмо,
И сумрачно, и грозно,
Крутящаяся вьюга,
Клубящаяся мгла!
Боролись люди с бурей,
Замерзли на морозе,
Корою ледяною
Покрылись их тела.

Метались, плача, матери
В тревоге безнадежной,
Отцы, рыдая, звали,
Те — сына, эти — дочь,
Дядья и деды древние
Во тьме блуждали снежной,
Хоть жизни не щадили,
Но не могли помочь.

Везде кружились вихри!
И духи-исполины,
По воле Сунь У-куна
Слетевшие на зов,
С дрожащими младенцами
Гусиные корзины
В горах укрыли бережно
И в глубине лесов.

Пусть эту ночь родители
Всю провели в печали,
Безвременно погибшую
Оплакав детвору,
Зато рассвет безоблачный
С веселием встречали,
Найдя детей любимых
У двери поутру.

Об этом знаменательном событии сложены еще и такие стихи:

Как много было их,
Подвижников безгрешных,
Буддийских мудрецов,
Достойных всех похвал!
И звали Мохо * тех,
Кто долго и успешно
Деяния добра и правды
Совершал.

Десятки тысяч их,
Великого Ученья
Святых учеников,
На праведном пути,
Кто в трех прибежищах *
Искал успокоенья,
Кто заповедей пять *
Старался соблюсти.

И к Будде светлomu
Возносятся моленья,
Чтоб людям он простил
Былые прегрешенья.

Не царь был виноват,
Забывший стыд и жалость,
К несчастиям детей
В стране бикшу тогда;
Нет, видно, давно —
В прошедшие года —
В их прежнюю судьбу
Несовершенство вкралось.

Но мудрый Сунь У-кун,
Душой страдаая сам,
Всем духам приказал
Спасти детей в корзинах.
И подвиг совершил,
Угодный небесам,
Заслуги превзойдя
Буддийского брамина *.

В ту ночь, в час, когда сменилась третья стража, духи благополучно доставили детей в безопасное место и приютили их там.

Тем временем Сунь У-кун по благодатному лучу спустился на землю и направился прямо во двор почтовой станции. До него донеслась молитва:

Я верю в великого Будду,
В спасителя нашего верю...

Ликуя, вошел Сунь У-кун в помещение и воскликнул:

— Наставник, вот и я! Ну как, бушевал здесь ветер?

— Ну и ветер был! — вставил свое слово Чжу Ба-цзе.

— А что с детьми? Удалось их спасти? — нетерпеливо спросил Танский монах.

— Они все до единого доставлены в безопасное место, — ответил Сунь У-кун. — А когда мы все уладим и отправимся в дальнейший путь, — их привезут обратно.

Танский монах принялся благодарить Сунь У-куна и лишь теперь спокойно улегся спать.

Едва забрезжил рассвет, Танский монах проснулся, привел себя в порядок и позвал Сунь У-куна.

— Брат У-кун! Я пойду во дворец за пропуском, — сказал он.

— Наставник! Боюсь, что один ты там ничего не добьешься! — ответил Сунь У-кун. — Пойдем вместе, посмотрим, что из себя представляет здешний злодей-еретик, заправляющий всеми делами в государстве.

— Как бы своей грубостью ты не навлек гнев правителя, — растерянно произнес Танский монах. — Ведь кланяться ему ты не пожелаешь.

— А он меня и не увидит, — ответил Сунь У-кун. — Я буду невидимо следовать за тобой, а если понадобится, то сразу же приду на помощь.

Ответ Сунь У-куна очень обрадовал Танского монаха. Он велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну сторожить поклажу и коня, а сам собрался в путь. В это время вошел смотритель станции, чтобы повидаться с Танским монахом, и был поражен переменой, происшедшей со вчерашнего дня во внешнем его облике. В самом деле:

...Он теперь одет
В халат буддийский из расшитой ткани
С чудесной яшмой.

На голове
Убор, как у святого Сакья-муни,
И так же волосы уложены.

В руках
Он держит стройный посох с девятью
Большими кольцами. В груди таит он
Незримый луч сияния святого.

И в ладанке из золотой парчи,
Сверкающей узорами, на сердце
Он проходную грамоту хранит.
Ступает плавно, медленно, спокойно,
Как будто он архат, с небес сошедший.

Так он одет. Взгляни, как он похож
На образ светлого живого Будды.

Совершив положенные поклоны, смотритель станции приблизился к Танскому монаху и шепнул ему на ухо, чтобы он не говорил с правителем о делах, которые его не касаются.

Танский монах кивнул в знак согласия и обещал.

Тем временем Великий Мудрец Сунь У-кун шмыгнул к дверям, встряхнулся, прочел заклинание и, превратившись в цикаду, с жужжанием взлетел на головной убор Танского монаха. Тот вышел из помещения почтовой станции и направился прямо во дворец на утренний прием.

У ворот его остановил придворный евнух. Танский монах совершил вежливый поклон и произнес:

— Я — бедный монах, иду из восточных земель, где находится великое Танское государство, на Запад за священными книгами. Ныне, прибыв в ваши земли, я счел своим долгом явиться сюда, чтобы получить пропуск по своему проходному свидетельству. Мне хотелось бы повидаться со здешним правителем. Покорно прошу тебя доложить обо мне.

Придворный евнух отправился с докладом к правителю. Правитель был очень обрадован и произнес:

— Недаром говорится: «Монах из дальних стран к добру имеет талисман!» Вели ему, пусть войдет!

Придворный евнух передал волю своего повелителя Танскому монаху и пригласил его последовать за ним во дворец.

После того как Танский монах совершил церемонию приветствия у ступеней трона, правитель предложил ему взойти на возвышение и сесть рядом с ним. Танский монах учтиво побла-

годарил его за честь и милость и уселся на указанное место. Присмотревшись повнимательнее к правителю, Танский монах отметил про себя, что вид у него жалкий и изнуренный. Когда он жестом пригласил Танского монаха занять место, руки у него дрожали, а когда говорил — голос прерывался.

Танский монах показал правителю свое проходное свидетельство, но тот не мог прочесть ни строчки, так как и зрение у него стало слабым, — он несколько раз просматривал бумагу. Наконец взял свою драгоценную печать, приложил ее, а затем поставил подпись, после чего вернул свидетельство Танскому монаху, и тот спрятал его у себя.

Не успел правитель спросить, зачем понадобилось Танскому монаху отправиться за священными книгами, как появился саванник для поручений и доложил:

— Тестя государя изволил пожаловать!

Правитель с трудом сошел со своего ложа, поддерживаемый приближенными евнухами, и встретил прибывшего поясным поклоном.

Танский монах вскочил с места, стал в сторонке и начал исподтишка разглядывать тестя государя. Это был благообразного вида старец даос, он важно, вразвалку шествовал по яшмовым ступеням трона:

Бледно-желтая ткань *
С шелестеньем, приятным для слуха,
С головы ниспадает
В разводах небес девяти*,
И от рясы сверкающей
Из журавлиного пуха
Запах сливы цветущей
Несется за ним по пути.

Три лазурных шнура разукрашенных —
Царственный пояс! —
Туго-натуго
Бедра его оплетают кругом.
Он спокойно ступает,
О будущем не беспокоясь,
В конопляных сандалиях,
С поднятым гордо челом.

И таинственный посох
В руках у него извивался
Из волшебной лианы,
Как змей узловатый, живой.
И парчовый мешочек, блестя,
На груди красовался,
Весь в драконах и фениксах,
Полон волшебной травой.

И чело его, яшмы светлее,
Довольством сияло
И — в сознании власти —
Дышало покоем всегда.

А на грудь, развеваясь по ветру,
Легко ниспадала
Завитая, вся в кольцах,
Седая его борода.

Но зрачки его желтым огнем,
Как у тигра, горели,
И глаза его были длиннее,
Чем брови его.
И струился за ним аромат,
Как из сада в апреле,
И в движениях гордых
Сквозило его торжество!

И у тронных ступеней
Почтительно старца встречали
Сто придворных чинов,
И, отдав ему должную честь,
До земли наклоняясь,
Торжественно все возвещали:
«К государю пришел
Государя возвышенный тесть».

Подходя к трону правителя, старец даже не подумал поклониться, а продолжал идти, гордо подняв голову. Когда же он приблизился, правитель выпрямился, поддерживаемый приближенными.

— Приветствую тебя, тесть государя! — сказал правитель. — Сегодня ты очастливил меня своим ранним посещением.

Затем он жестом пригласил даоса сесть слева от себя.

Танский монах сделал шаг вперед, склонился в глубоком поклоне и вежливо произнес:

— О великий тесть государя! Разрешите мне, бедному монаху, справиться о вашем здоровье!

Но тесть государя продолжал важно восседать на своем месте, не отвечая на приветствие. Затем, повернувшись лицом к правителю, он спросил его:

— Зачем явился этот монах?

— Он из восточных земель, — ответил правитель, — его послал Танский император на Запад за священными книгами. А сюда он пришел получить пропуск по проходному свидетельству.

— Путь на Запад, — засмеялся тесть государя, — зловец и бесконечен. Что там хорошего?

— Запад издавна славится как страна высшего блаженства, — возразил Танский монах. — Как же можно говорить, что там нехорошо.

Тут в разговор вмешался правитель государства.

— Хотелось бы знать, верно ли говорят, будто с незапамятных времен монахи — дети Будды? Никак не могу понять! Неужели монахи, уверовавшие в Будду, не умирают, обретают долголетие?

При этих словах Танский монах молитвенно сложил руки и стал объяснять правителю:

— Для того, кто становится монахом, сразу же прекращаются все мирские тревожения, кто постигнет истинную природу, тому все законы больше не нужны. Великий ум, беспредельный в своих знаниях, открыл, что безмятежный покой бывает только пока человек не родится. Человек пребывает в нирване, пока безмолвствуют его природные склонности. Когда пусты его три мира, он управляет всеми поводами, ведущими к порокам; когда чисты его шесть чувств, то исчезают тысячи семян зла. Ты, повелитель, тверд в Истине и сам все понимаешь: если сердце чисто в своих помыслах, то оно только одно и будет сиять в тебе полным блеском, и если сохранишь в себе такое сердце, то сияние его проникнет во все пределы. Кто праведный, у того нет недостатка в чем-либо, нет также чего-либо излишнего, что можно наблюдать и при жизни; к чему прибегать к исключительным мерам и искать в них спасение, если воображаемые образы принимают какой-либо облик, который сулит недобрый конец? Для начала, чтобы погрузиться в самоотрешение, надо совершить подвижничество, сесть уединенно и предаться самосозерцанию. Основой самосовершенствования, по правде говоря, являются щедро раздаваемые милости и совершение благодеяний. Когда великий мастер не в ударе, он знает, что не следует приниматься ни за какие дела; если хорошо задуманный план не подготовлен к осуществлению, необходимо целиком отложить его. Но если в сердце ты непоколебим, то мечты твои все сбудутся наверняка; кто говорит о том, что силой темной Инь восполнить можно силу света Ян, тот лжет тебе, скажу по правде; он создает тебе приманку для отвода глаз обещанием пустым о долгоденствии твоём. Стоит тебе отказаться вообще от всех мирских желаний, и сразу станут пустыми твои все страсти к предметам и к существам живым. Будь прост во всем и меньше проявляй желаний и любви, тогда и долгоденствие само придет к тебе и станет вечным.

Тесть государя, внимательно слушавший Танского монаха, при последних словах его разразился громким смехом.

— Ха! Ха! Ха! — хохотал он, указывая пальцем на Сюаньцзана. — Вот так монах! Сколько нагородил разной чепухи! Значит, чтобы пребывать в состоянии блаженства, надо обязательно уяснить свою природу? Да ты и сам толком не знаешь, как можно уничтожить свои природные склонности! Сиди и чахни в своем созерцании. Все это глупые бредни. Недаром сложили про вас меткую поговорку:

Сиди, сиди, сиди, сиди,—
До дырки ты протрешь халат.
Ты — в состоянье «Самеди» *,
Огонь горит в твоей груди,
А между тем, того гляди,
Хоромы у тебя сгорят!

Видно, ничего он не знает о нас: тот, кто совершенствует себя, чтобы стать бессмертным, заботится о своем здоровье, а кто постигнет учение Дао, тот станет духом пронизательнее всех. Возьми с собой плетушку и ковш из тыквы-горлянки и пойдешь в горы к друзьям своим. Там соберешь лекарственные травы, какие только есть на свете, будешь ими лечить людей. Соберешь цветов бессмертника, сплетишь из стебельков соломенную шляпу, а из душистого ятрышника набьешь подстилку для постели. Споешь песню, похлопаешь в ладоши, затем уснешь под облаками. Каким же способом постичь учение Дао? Очень просто: повсюду прославляй превыше всего учение наше и правильным его считай. Как воду наговаривать ты научись и как изгонять разбойный дух в мирянах. Потом узнай, как извлекать из неба и земли их лучшие эфиры и собирать цвет жизненных сил, тающихся в Луне и Солнце. И, наконец, ты можешь приступить к тому, чтоб сочетать силы Инь и Ян в пилюле для жизни вечной, соразмеряя огонь и воду, ядро пилюли бессмертия завяжет плод. В числах «два» и «восемь» растворится сила Инь и станет твой раскусод мутным и неясным, а в числах «три» и «девять» сила Ян расти начнет, и в мрак ты вступишь Преисподней. И будешь ты класть в снадобье, сообразуясь с временами года, все разные вещества, пусть пройдут еще девять оборотов в тигле, где будет вариться твое снадобье, и оно, наконец, будет готово. Тогда ты воссядешь на чудесную черную птицу Луань, и она поднимет тебя в Пурпурный дворец¹, сядешь верхом на белого аиста и поднимешься до самой столицы Нефритового императора. Будешь любоваться всеми красотами небесных чертогов и прославлять таинства учения Дао.

А теперь сравни мое учение со своим — учением Сакья-муни, требующим неподвижного спокойствия и созерцания, подавления в себе всех страстей и угашения духа! Ведь даже когда ты войдешь в нирвану, все равно останется твоя зловонная оболочка и тебе не оторваться от бренного мира! Из всех трех учений² нет выше моего. Недаром издавна одно лишь Дао считалось достойным уважения.

Правитель государства от этих слов пришел в неопиcуемый восторг. А придворные чины подхватили последние слова тестя государя и стали хором повторять:

— Одно лишь Дао достойно уважения!

Танский монах, видя, что все в один голос восхваляют его противника, пришел в сильное смущение.

Между тем правитель государства велел приготовить постную трапезу для гостей, пришедших издалека, и затем проводить их из города.

---

¹ Даосский монастырь в горах.

² Под тремя учениями имеются в виду конфуцианство, буддизм и даосизм.

Танский монах еще раз поблагодарил за милость и честь и покинул дворец. Не успел он сойти с тронного возвышения и направиться к выходу, как Сунь У-кун очутился возле его уха.

— Наставник! — сказал он. — Этот тесть государя самый настоящий оборотень. А здешний правитель всецело находится в его власти. Ты иди пока на станцию и жди, когда позовут на трапезу, а я побуду здесь, может быть, еще что-нибудь разузнаю.

Танский монах покинул дворец, и тут мы пока расстанемся с ним.

Вернемся теперь к Сунь У-куну. Взмахнув крылышками, он влетел в приемный зал дворца Золотых колокольчиков, сел на изумрудную ширму и вдруг увидел, как из рядов сановников вышел начальник стражи.

— Повелитель мой! — воскликнул он. — Сегодня ночью над городом пронесся сильный ветер, он сорвал все корзины с детьми и унес их. До сих пор никто не знает, где они.

Правитель пришел в ужас от этого сообщения и в то же время его охватило чувство досады. Обратившись к тестю государя, он с раздражением произнес:

— Не иначе, как само небо хочет моей гибели! С каждым месяцем мне становится все хуже, и придворные лекари не в силах вылечить меня. Я был так счастлив, когда ты рассказал мне о своем чудесном средстве, и с нетерпением ждал наступления полудня, когда должны были приготовить отвар. Кто мог подумать, что налетит ветер и унесет корзины с детьми. Видно, так и есть, само небо хочет моей гибели.

— Повелитель! — сказал тесть государя. — Не надо огорчаться. Небо дарует тебе долгую жизнь и именно поэтому ветер унес детей.

— Как же так? — изумился правитель. — Ведь теперь не из чего готовить отвар, а ты говоришь, что небо дарует мне долгую жизнь.

— Сегодня утром, когда я явился к тебе на прием, — ответил тесть государя, — я увидел прекраснейшее средство для приготовления отвара, которое во много раз сильнее, чем сердца тысячи ста одиннадцати мальчиков. Отвар из них продлил бы тебе жизнь всего на тысячу лет, а средство, о котором я сейчас говорю, даст тебе возможность прожить сотни тысяч лет.

Правитель никак не мог понять, что имеет в виду тесть государя. Наконец тот уступил настойчивым просьбам правителя и сказал:

— У монаха из восточных земель, который идет за священными книгами, весьма благообразный вид. Это значит, что он прошел через десять перерождений в самоусовершенствовании. С самого раннего детства ведет монашескую жизнь и еще ни разу не источал из себя первичную жизненную силу. Он в десятки

тысяч раз лучше, чем все эти дети. Если приготовить отвар из его сердца и печени и запить им мое чудесное снадобье, то можно прожить целых десять тысяч лет.

Неразумный правитель поверил словам тестя государя.

— Что ж ты мне раньше об этом не сказал? — огорчился он. — Знал бы я, так не отпустил бы его.

— Это легко исправить! — утешил его тесть государя. — Ведь он прежде вкусит трапезу и лишь потом тронется в путь; надо сейчас же отдать приказ закрыть все городские ворота и выделить отряд воинов. Они плотным кольцом окружают здание почтовой станции и постоянного двора, схватят монаха и доставят сюда. Вначале нужно вежливо попросить его отдать свое сердце. Если он согласится, мы вскроем ножом его грудь и извлечем сердце, а затем похороним его с императорскими почестями, можно даже воздвигнуть в честь его храм и приносить жертвы; если же он не согласится, надо связать его и применить к нему силу. Разве это так трудно?

Неразумный правитель послушался совета тестя государя и велел закрыть все городские ворота, а старшим и младшим начальникам дворцовой стражи приказал окружить почтовую станцию и постоянный двор при ней.

Сунь У-кун, который слышал весь разговор, вспорхнул и мигом очутился у почтовой станции. Приняв свой прежний вид, он вошел в помещение и сразу же обратился к Танскому монаху.

— Наставник! Беда! Беда! — взволнованно сказал он.

Танский монах, который только что вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном сытно поел, услышав эти слова, так испугался, что сразу же без чувств упал на пол, весь покрылся холодным потом и не мог вымолвить ни слова. Ша-сэн кинулся поднимать его, приговаривая: «Наставник! Очнись! Очнись!»

— Ну, какая беда? Какая? — спросил Чжу Ба-цзе. — Ты бы лучше рассказал все толком, да по порядку, чем пугать наставника!

— Как только наставник покинул дворец, — торопливо заговорил Сунь У-кун, — я стал следить за всем, что происходило там, и убедился, что тесть государя — злой оборотень. Когда к правителю явился начальник стражи и доложил о том, что ветер унес корзины с детьми, правитель был очень раздосадован, но оборотень сразу же утешил и обрадовал его, сказав: «Это само небо дарует тебе долгую жизнь!» Оборотень уговорил правителя схватить нашего наставника и сварить из его сердца и печени отвар. Он сказал правителю, что это продлит ему жизнь на сотни тысяч лет. Неразумный правитель поверил оборотню и выделил отряд отборных воинов, приказав им окружить станцию и постоянный двор. Кроме того, сейчас сюда явится сановник в парчовой одежде, который будет просить сердце у нашего наставника!

Чжу Ба-цзе захохотал:

— Сострадание мы проявили. Детей спасли! Ветер подняли! А в беду все же попали!

Трясаясь от страха, Танский монах поднялся на ноги и, ухватившись за Сунь У-куна, стал причитать:

— Что же нам теперь делать? Просвещенный ученик мой, скажи, что делать?

— Если хочешь, чтобы все обошлось благополучно, — сказал Сунь У-кун, — то надо «великое» представить «ничтожным».

— Что значит: «великое» представить «ничтожным»? — спросил Ша-сэн.

— Я могу спасти наставника лишь в том случае, если он станет учеником, а я наставником, — сказал Сунь У-кун.

— Я охотно готов стать твоим учеником и даже учеником твоих учеников, если только ты спасешь мне жизнь, — с мольбой в голосе произнес Танский монах.

— Если так, то медлить нечего, — решительно сказал Сунь У-кун и принялся отдавать распоряжения.

— Чжу Ба-цзе! Скорей замеси немного глины, — скомандовал он.

Дурень тотчас же достал свои грабли и наковырял из пола немного земли. Однако он побоялся выйти из помещения, чтоб принести воды, а потому отошел в сторону и поднял полы одежды. Смочив землю, он замесил комок глины и передал его Сунь У-куну. Тот раскатал из земли блин, а затем прижал к своему лицу, чтобы сделать с него точный слепок. Потом он велел Танскому монаху стать перед ним неподвижно и молча, после чего налепил слепок на его лицо, прочел магическое заклинание, дунул волшебным дыханием и произнес: «Изменись!» Танский монах сразу же принял облик Сунь У-куна. Он снял свои одежды и надел на себя одежду Сунь У-куна. А Сунь У-кун поспешил нарядиться в одеяния Танского монаха, щелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся и тотчас же принял благообразный вид Танского монаха. Теперь даже Чжу Ба-цзе и Ша-сэну было бы трудно распознать его.

Едва монахи успели преобразиться, как послышались удары в гонги и барабаны и показался целый лес копий и мечей. Это был трехтысячный отряд дворцовой стражи, который прибыл под командой придворных чинов и окружил кольцом почтовую станцию с постоялым двором. Затем монахи увидели сановника в парчовом одеянии, который вошел в помещение и спросил:

— Где здесь почтенный наставник — монах из восточных земель, посланец Танского императора?

Смотритель станции перепугался и повалился в ноги важному наставнику.

— Он находится в следующем помещении для постояльцев, — проговорил смотритель, указывая на дверь.

Важный сановник прошел в помещение, где были монахи.

— Почтенный наставник из Танского государства! — торжественно возвестил он. — Мой повелитель приглашает тебя к себе!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн стали по обеим сторонам мнимого Танского монаха, а тот вышел к сановнику, совершил церемонный поклон и спросил:

— Не можешь ли сказать мне, великий сановник, о чем хочет говорить со мной твой повелитель?

Тот подошел поближе и, взяв его за руку, сказал:

— Пойдем со мной ко двору. Думаю, что государь хочет взять тебя на службу.

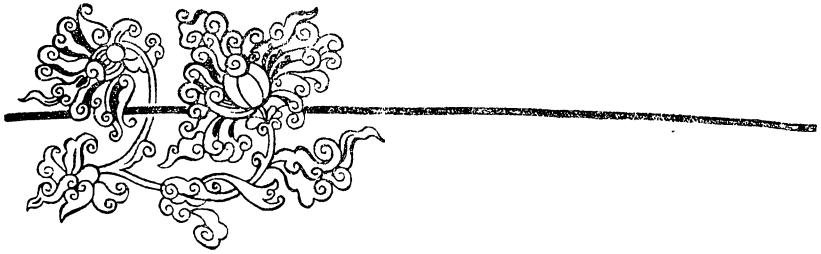
Вот уж поистине:

Обманом оборотень злой
Добру жестокий дал урок.
Монах безмерной добротой
Сам на себя беду навлек.

Если вам интересно узнать, что произошло с Сунь У-куном, обратитесь к следующей главе.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ,

из которой вы узнаете о том, как Сунь У-кун нашел пещеру, поймал укрывшегося в ней злого оборотня и встретил почтенного духа Долголетия, а также о том, как правитель государства Нищенствующих монахов бикшу собственными глазами увидел возвращение детей

Итак, мы остановились на том, как важный сановник в парчовой одежде взял за руку мнимого Танского монаха и вывел его из помещения почтовой станции. Дворцовая стража сразу же обступила их плотным кольцом и сопровождала до самых ворот дворца. Там придворному внуху было сказано: «Мы пригласили сюда Танского монаха и просим доложить об этом государю».

Внух поспешно вошел во дворец и сообщил неразумному правителю все, что ему было сказано, а тот отдал распоряжение просить монаха пожаловать к нему.

Войдя во дворец, толпа придворных чинов и служителей опустилась на колени у ступеней трона. Один только мнимый Танский монах невозмутимо стоял посреди зала перед тронными ступенями.

— Правитель! — зычным голосом произнес он. — О чем хочешь ты говорить со мною, бедным монахом?

— Я давно страдаю недугом и никак не могу исцелиться, — с улыбкой ответил правитель. — К счастью, тесть государя посоветовал мне чудодейственное средство. Оно уже готово, нечем только запивать его. Вот я и пригласил тебя, почтенный наставник, чтобы попросить то, из чего необходимо приготовить отвар. Если я вылечусь от своего недуга, то обещаю построить в честь тебя храм. Там круглый год будут приносить тебе жертвы, вечно будут гореть неугасимые светильники и куриться фимиам, чтобы слава о тебе не померкла во веки веков.

— Я — монах, отрешившийся от всего земного,— сказал Сунь У-кун,— ничего у меня нет. Не знаю, что посоветовал тебе тесть государя просить у меня.

— Мне нужны твои сердце и печень,— решительно сказал неразумный правитель.

— Не стану скрывать от тебя, правитель, сердец у меня несколько. Какое тебе нужно? — с самым серьезным видом спросил Сунь У-кун.

Тесть государя не удержался и, тыча пальцем в сторону Сунь У-куна, закричал:

— Давай свое черное сердце! Слышишь?

— Ну что ж! — невозмутимо произнес мнимый Сюань-цзан,— раз на то пошло, давайте мне нож, только живее. Сейчас я вскрою свое нутро. Если там окажется черное сердце, то я сочту своим долгом почтительно преподнести его вам.

Правитель обрадовался, стал благодарить мнимого Танского монаха и велел сановнику для поручений подать кривой короткий нож. Приняв нож и держа его в одной руке, мнимый монах другой рукой расстегнул одежду и выпятил грудь вперед. Затем он взялся за живот левой рукой, держа нож в правой. Раздался характерный звук и из вспоротого живота ¹ со стуком посыпались сердца, образовав целую грудую. Гражданские чины от страха побледнели, да и у военных мурашки побежали по телу.

— Оказывается, у этого монаха множество сердец,— удивился тесть государя, наблюдавший за происходившим с тронного возвышения.

Между тем мнимый Танский монах стал ворошить грудую сердец, дымящихся кровью, и по одному показывал их собравшимся. Тут было красное сердце, белое, желтое, было сердце алчное, честолюбивое, ревнивое и завистливое, хитрое и коварное, заносчивое, спесивое, пренебрежительное, пагубное, злое, устрашающее, осторожное, невоздержанное и необузданное, скрытное и боязливое и еще много разных нехороших сердец, но черного сердца так и не оказалось.

Неразумный правитель до того был напуган этим зрелищем, что начал отчаянно отмахиваться руками и ногами, язык ему не повиновался и, дрожа всем телом от страха, он мог лишь кричать:

— Убери! Убери!

Наконец Сунь У-куну все это надоело, он снял с себя свои чары и сразу же предстал в своем настоящем виде.

— Государь! — крикнул он.— Ты просто слеп! У всех нас, буддийских монахов, добрые сердца, только у твоего тестя в утробе черное сердце, вот из него-то и хорошо бы приготовить отвар для твоего снадобья. Если не веришь мне, погоди минутку, я сейчас достану его и покажу.

---

¹ По китайским народным представлениям, сердце находится в верхней части живота в области желудка.

Тесть государя при этих словах вытаращил глаза и стал внимательно разглядывать Сунь У-куна. Он заметил, что «монах» переменился до неузнаваемости.

И вдруг он вспомнил: это был тот самый Сунь У-кун, котор ого он знал еще пятьсот лет назад. Тесть государя сразу съежился и, вскочив на облако, стал быстро подниматься вверх. Сунь У-кун тут же перекувырнулся в воздухе и закричал:

— Ты куда? Постой! Сейчас я угощу тебя моим посохом.

Тесть государя поспешно вооружился своим посохом, извилистым, как дракон, и бросился навстречу Сунь У-куну. Ну и бой разыгрался между ними!

Вот послушайте:

Большая палица
И посох, как дракон,
Скрестились яростно
В клубах палящей серы.
Был оборотнем тесть правителя.
И он
Лисице облик дал
Прекраснейшей гетеры.

Правитель падок был
До сладостных утех,
Он истомил себя
Порочною любовью.
А оборотень — тесть,
Собрав малюток всех,
Упиться захотел
Младенческой кровью.

Но на свою беду
Колдун не разгадал,
Кто перед ним стоял,
Какой герой могучий,
Не знал, что Сунь У-кун
Врагов уничтожал,
Спасая всех друзей
От смерти неминучей.

Железной палицей
Взмахнув над головой,
Бьет Сунь У-кун врага,
Дыша могучим жаром.
Но оборотень злой
Вращает посох свой,
Отводит в сторону
Удар он за ударом.

От грозной палицы
Летят огонь и дым.
Бледнеют жители,
Бегут, дрожа от страха,
А демон-чародей
Оружием своим
Вздымает до небес
Туман и клубы праха,

Придворные дрожат.
Дрожит весь двор царя.
Трясутся воины,
И, взяв пример с улиток,
Попрятались кто где,
Уже не говоря
Про всех придворных дам,
Наложниц, фавориток.

Сам неразумный царь
От ужаса дрожал,
Закрыв глаза, бежал,
И, позабыв молитвы,
Укрылся в глубине
Дворцовых тайных зал,
И в страхе ожидал
Конца ужасной битвы.

А палица меж тем
В руках у силача
Рычала, словно тигр,
Носясь над головами,
Резвилась, прыгала
И рушилась сплеча
На темя колдуна,
Сверкая ободками.

Хоть злого колдуна
Порой бросало в дрожь,
Сражался бодро он,
С врагом в проворстве споря,
Он посохом разил,
И посох был похож
На змея, всплывшего
Из огненного моря.

Большой переполох,
Великая беда
Случилась в этот день
В прославленной столице.
Ее правителям
И жителям тогда
Немало довелось
Узреть и подивиться.

Колдун не избежал
В тот день своей судьбы,
Бежал он,
Словно рысь, в последний раз ощерясь.
Но ясно стало всем
Свидетелям борьбы,
Где зло и где добро,
Где истина, где ересь!

Раз двадцать, а то и больше, сходился злой оборотень с Сунь У-куном, но не мог устоять против его волшебного посоха с золотыми обручами. Наконец он сделал ложный выпад и превратился сразу же в холодный луч, метнувшись во внутренние покои

дворца. Там он схватил подаренную им деву, вывел ее за ворота дворца, обратил ее в холодный луч и вместе с ней исчез.

Сунь У-кун прижал край облака книзу, спустился у самого входа в тронный зал и, войдя в него, обратился к находившимся там многочисленным сановникам:

— Ну и хорош ваш тесть государя! Нечего сказать!

Сановники принялись разом отбивать низкие поклоны и изъявлять благодарность мудрому монаху. Но Сунь У-кун остановил их.

— Нечего кланяться! Идите ищите вашего неразумного правителя!

— Когда начался бой, он так испугался, что бросился бежать со всех ног, и теперь мы не знаем, в каком из дворцов он укрылся.

— Ступайте, найдите его, только живее! — приказал Сунь У-кун. — А то Прекрасная государыня утащит его куда-нибудь.

Тут все чины вместе с Сунь У-куном бросились во дворец Прекрасной государыни, но там было пусто: ни правителя, ни его любимицы. Тем временем к Сунь У-куну явились все жены и наложницы царя, обитательницы главного женского дворца, восточного и западного дворцов и шести палат. Все они хором благодарили Великого Мудреца, земно кланялись ему.

— Прошу вас, встаньте! — велел им Сунь У-кун. — Пока еще рано благодарить! Идите лучше и ищите своего повелителя!

Вскоре из дворцовых покоев появилось несколько евнухов, которые вели под руки своего неразумного государя. При виде повелителя все сановники и прочие чины повалились ему в ноги и разом воскликнули:

— О повелитель наш! Как мы признательны сему святому монаху, прибывшему сюда, в нашу страну; он открыл нам, где правда, где ложь. Ведь тесть государя, который исчез, оказался злым оборотнем. С ним исчезла также и Прекрасная государыня.

Услышав эти слова, правитель тотчас же пригласил Сунь У-куна в парадный зал дворца, где низко поклонился ему в знак благодарности, и промолвил:

— Почтеннейший! Почему это ты так сильно изменился? Когда ты прибыл сюда, у тебя был очень благообразный вид.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Не стану скрывать от тебя государь, — ответил он. — В первый раз у тебя был не я, а мой наставник, Сюань-цзан, названный брат Танского императора. Я же только его ученик. Зовут меня Сунь У-кун. У наставника еще есть два ученика: Чжу У-нэн и Ша У-цзин. Все они находятся сейчас на постоялом дворе при почтовой станции. Узнав, что ты послушался злого оборотня и замыслил приготовить из сердца и печени моего наставника

отвар, чтобы запивать снадобье, я принял облик своего наставника и явился сюда лишь за тем, чтобы привести в покорность злого чародея.

Правитель выслушал Сунь У-куна и приказал самому великому сановнику Тай-цзаю * отправиться на почтовую станцию и пригласить Танского монаха и его учеников пожаловать ко двору.

Между тем, узнав о том, что Сунь У-кун принял свой первоначальный облик и вступил в бой со злым оборотнем, Танский монах до того перепугался, что душа у него, как говорится, едва не покинула тела. К счастью, рядом с ним были Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, которые утешали и подбадривали его. Кроме того, наставника томил и мучил зловонный запах глины, наклепленной ему на лицо, и как раз в тот момент, когда он испытывал особое неудовольствие, вдруг за дверьми раздался голос:

— Наставник! Я — Тай-цзай, и явился сюда по приказу моего повелителя просить тебя пожаловать ко двору, где тебе будет воздана благодарность за совершенное благодеяние.

Чжу Ба-цзе не удержался от смеха.

— Наставник! Не бойся! Не бойся! На этот раз тебя приглашают не за тем, чтобы вырезать у тебя сердце; видно, наш Сунь У-кун справился с оборотнем и тебя зовут, чтобы отблагодарить и отпраздновать победу.

— Возможно, что это так,— скорбно отозвался Танский монах,— пусть меня зовут праздновать победу, но как я покажусь людям в таком виде, с этой зловонной глиной на лице?

— Ничего не поделаешь,— сочувственно произнес Чжу Ба-цзе,— пойдем сперва к Сунь У-куну, пусть он снимет с тебя свои чары.

Танский монах долго колебался и наконец последовал за Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, которые несли поклажу и вели коня. Когда они вышли из ворот почтовой станции, Тай-цзай, увидев их, так и обомлел от страха.

— О небо! — воскликнул он.— Да ведь это же самые настоящие чудища!

— Не посетуй на нашу уродливость,— с достоинством произнес Ша-сэн.— Мы не виноваты в этом. А наставник наш сразу же примет благообразный вид, как только встретится со своим старшим учеником.

Трое путников, сопровождаемые огромной толпой, прибыли во дворец и прошли к тронному залу без всякого доклада.

Сунь У-кун, увидев их, поспешно сбежал с тронного возвышения. Он остановился перед наставником, снял с лица его глину, дунул на него, своим волшебным дыханием и произнес: «Изменись!» Танский монах принял свой первоначальный облик и сразу же преобразился. Правитель тоже сошел с трона и приветствовал Танского монаха.

— О мой наставник! — повторял он.— Почтенный Будда!

Тем временем ученики Сюань-цзана привязали коня и подошли к тронному залу представиться. Сунь У-кун завел беседу.

— Государь! — молвил он. — Не скажешь ли нам, из какой страны прибыл к тебе этот злой оборотень. Я хоть сейчас готов отправиться за ним и схватить его вместе с его отродьем, чтобы вырвать с корнем зло.

А надо вам сказать, читатель, что за изумрудными ширмами находились все жены и любимицы государя из трех дворцов и шести палат. Они слышали все, что говорил Сунь У-кун, и при последних его словах, забыв приличие и не смущаясь присутствием посторонних мужчин, вышли из-за ширмы и стали земно кланяться Сунь У-куну.

— Умоляем тебя, святой монах, почтенный Будда наш, соверши свое великое волшебство, яви чудотворную силу, — молили они, — скоси ты прочь всю сорную траву и выполи ее с корнем! Пусть сгинет злое отродье! Поистине ты окажешь нам величайшее благодеяние, которого мы не забудем во всю нашу жизнь.

Сунь У-кун в свою очередь поспешил низко поклониться в ответ на их поклоны и, обратившись к правителю, стал просить его поскорее сказать, где живет злой оборотень.

Превозмогая жгучий стыд, правитель начал рассказывать:

— Три года назад, когда он впервые появился здесь, я как-то раз спросил его, откуда он родом. Он ответил, что живет неподалеку от нашего города, в семидесяти ли к югу отсюда, в селении Цветов на склоне горы Люлиньпо. Там его родина. До преклонных лет у него не было детей и лишь от второй жены родилась дочь. Когда он явился сюда, девушке исполнилось шестнадцать лет. Он сказал, что она еще никому не просватана и выразил желание преподнести ее мне в знак своих верноподданнических чувств. Мне очень полюбилась эта девчонка, я взял ее к себе и наслаждался с ней во дворце всеми радостями жизни. Не ожидал я, что получу от нее недуг. Все знаменитые лекари лечили меня, но ничего не помогло. А оборотень взялся вылечить меня: «У меня, — сказал он, — есть чудесное снадобье, только запивать его надо отваром из сердец детей!» Я по своему неразумению поверил ему. У жителей отобрали маленьких детей и сегодня ровно в полдень должны были вырезать у них сердца. Но нежданно-негаданно явились вы, святые монахи, словно с неба снизошли, а тут еще как нарочно исчезли все корзины с детьми. Оборотень давай меня уговаривать, что, мол, сей святой монах в течение десяти поколений совершенствовал себя, ни разу еще не источал из себя изначальную мужскую силу, и если взять у него сердце, то оно окажется в десять тысяч раз полезней, чем сердца всех детей вместе взятых. На меня словно затмение какое-то нашло, не знал я, что вы, святые монахи, распознаете злого оборотня. Осмелюсь молить вас явить свою великую волшебную

силу и искоренить на будущее это страшное зло. Готов отдать вам за это все достояние моего государства!

— Не будем ничего скрывать друг от друга,— смеясь, ответил Сунь У-кун. — Детей велел мне спрятать мой наставник из чувства жалости и сострадания к ним. А о твоих богатствах лучше не говори. Если я изловлю оборотня, то это зачтется мне как заслуга, вот и все.

Затем, обратившись к Чжу Ба-цзе, Сунь У-кун сказал:

— Пойдем со мною, Чжу Ба-цзе!

— Я бы с удовольствием,— ответил тот,— но у меня в брюхе совсем пусто, надо бы сперва набраться сил!

Правитель, услышав эти слова, тут же распорядился:

— Живей приготовить трапезу!

Не прошло и часа, как угощение было подано.

Чжу Ба-цзе досыта наелся, приободрился и последовал за Сунь У-куном. Они вскочили на облако и умчались. Ошеломленные этим зрелищем, правитель государства, все его жены и наложницы, а также многие гражданские и военные чины, задрав голову вверх, в страхе совершали поклоны.

— Вот уж, право, сущие праведники и истинные Будды снизошли к нам, грешным! — причитали многие из них.

Великий Мудрец Сунь У-кун в сопровождении Чжу Ба-цзе направился прямо на юг, к тому месту, которое отстояло на семьдесят ли от города. Там они придержали ветер и облако и стали искать логово злого оборотня. Их взорам представился чистый ручей, протекавший в узких горных расселинах, сплошь покрытых густыми зарослями ив и тополей, но селения Цветов нигде не было видно. Вот уж поистине:

На десять тысяч цин¹
Раскинулись долины,
И взорам не обнять
Степную благодать.
Под мгlistой тенью ив,
Растущих вдоль плотины,
Селенье спряталось —
И кровель не видать.

Не находя нигде селения, Сунь У-кун щелкнул пальцами и прочел заклинание. Тотчас же явился местный дух земли, который опустился на колени и дрожа от страха пролепетал:

— Великий Мудрец! Местный дух горы Люлиньпо кланяется тебе до земли!

— Не бойся! — успокоил его Сунь У-кун. — Я вовсе не собираюсь бить тебя. Скажи мне только, где здесь селение, которое носит название селение Цветов.

— Такого селения здесь нет,— отвечал дух,— но есть пеще-

---

¹ Ц и н — мера площади, равная 17 га.

ра под таким названием. Теперь я догадываюсь, в чем дело. Ты, Великий Мудрец, вероятно, прибыл сюда из страны бикшу, не так ли?

— Совершенно верно! — подтвердил Сунь У-кун. — Ты прав. Какой-то злой оборотень обманул правителя страны бикшу. Я сразу понял, что обманщик на самом деле оборотень и тотчас же вступил с ним в бой. Но он превратился в холодный луч и исчез. От тамошнего правителя я узнал, что три года назад этот оборотень подарил ему молодую девицу и что живет оборотень в семидесяти ли к югу от города, в селении Цветов на склоне горы Люлиньпо. Вот я и явился сюда на розыски, увидел гору, поросшую ивами, а селения Цветов не нашел. Поэтому я вызвал тебя, чтобы справиться.

Дух земли снова поклонился до земли и проговорил:

— Великий Мудрец! Молю тебя, прости мне мою вину. Должен сознаться, что правитель страны бикшу — властитель здешних мест. Надо было мне рассказать ему про оборотня. Но оборотень этот обладает огромной волшебной силой, и если бы он узнал, что я выдал его, он принялся бы истязать и тиранить меня, поэтому я и смолчал. А теперь, раз уж ты, Великий Мудрец, сам явился сюда, я открою тебе тайну, как добраться до него. Ступай на южный берег ручья, там увидишь тополь с девятью большими ветвями. Обойди его кругом: три раза влево и три раза вправо. Потом хлопни по стволу ладонями и три раза подряд кликни: «Откройте ворота!» Ворота откроются, и ты увидишь пещеру Цветов.

Великий Мудрец внимательно выслушал духа, затем велел ему убраться, перепрыгнул вместе с Чжу Ба-цзе через ручей и стал искать тополь, который они действительно скоро увидели. Это было огромное дерево с могучими корнями и девятью огромными ветвями.

— Отойди-ка подальше, — сказал Сунь У-кун, обращаясь к Чжу Ба-дзе, — и стой там, пока я не найду оборотня. А когда я выгоню его из пещеры, принимай его на себя.

Чжу Ба-цзе послушался, отошел на пол-ли от дерева и встал там как вкопанный. Тем временем наш Великий Мудрец, следуя совету местного духа, стал кружиться вокруг дерева: сперва три раза влево, потом три раза вправо. После этого он хлопнул ладонями по дереву и трижды произнес: «Откройте ворота!» В тот же миг раздался резкий звук, ворота распахнулись, а от дерева не осталось и следа. Вокруг все сверкало и переливалось всеми цветами радуги, но ни одного живого существа не было видно. Сунь У-кун отважно ринулся в ворота, и взору его открылась удивительная по своей красоте картина:

Разноцветный туман
Колыхался вокруг без конца,
Словно скрылась луна за шелками,
И в отблеске чудном

Зарумянилось солнце.
К ступеням большого дворца
Подступала поляна,
Одетая мхом изумрудным.

И растет и растет
Белоснежный туманный покров.
Травы нежные дышат
Волшебным, живым ароматом,
И дорожка прямая
Бежит по лужайкам покатым
В многоцветном ковре
Из неизвестных чудесных цветов.

Меж стволов
Вьется ветер весенний струей прихотливой,
Пчелы в улья приносят
Цветов ароматную дань.
Этот сад,— как похож он
На остров бессмертья счастливый:
На Пэнлай, на Инчжоу,
На благостный сад Ланьюань! *

Петли длинные лоз
По сверкающим вьются скамейкам,
И лианы обвили мосты
Над волною реки.
Через камень оград
За нектаром душистым и клейким
Залетают, танцуя среди орхидей,
Мотыльки.

Сунь У-кун быстро зашагал, внимательно глядя перед собой. На каменной плите, служившей экраном перед входом во вторые ворота, он увидел надпись из четырех больших иероглифов: «Дворец цветов бессмертного старца». Сгорая от нетерпения, Сунь У-кун завернул за экран и увидел самого оборотня. Он держал в объятых красотку и, захлебываясь, рассказывал ей о том, что случилось в столице страны бикшу. Затем оба они горестно воскликнули:

— Как жаль! Такой хороший случай! Три года собирались и сегодня могли бы завершить все дело, если бы не эта обезьянья морда, которая взяла да все испортила!

Сунь У-кун подбежал к оборотню и, выхватив свой посох, закричал что было силы:

— Я вам задам, мохнатые! О каком это «хорошем случае» вы говорите? Огведайте-ка вкус моего посоха!

Старый оборотень выпустил из объятий красотку и, взмахнув своим посохом, бросился навстречу Сунь У-куну. И вот у пещеры разгорелся бой. Противники дрались не на жизнь, а на смерть, не так, как в первый раз. Вот послушайте:

Лишь палицей
Царь обезьяний взмахнет,
Из палицы брызжет
Огонь золотистый.
И, мрак нагоняя,
Из посоха бьет
Дыханье дракона
Струю нечистой.
— Как смел ты пролезть
Сквозь ворота, злодей?—
Царю обезьян
Закричал чародей.

— Поклялся всех оборотней
Истребить я,—
Великий Мудрец
Отвечает ему.
Колдун свирепеет:
— А ты здесь к чему?
Твоя ли забота,
Что мог обольстить я
Правителя бикшу?
Что девы наитья
Его покорили?
Что отроков тьму
Собрал я
И крови задумал испить я?

Герой отвечает:
— Мой добрый учитель
Велел заступиться
За бедных детей.
Тебя отучу
От кровавых затей!
Меня ты узнаешь,
Коварный мучитель!
Ты Будды святого
Изведает власть! —
И палицей в демона
Метит попасть.

В их сердце
Вскипают и ярость и злоба.
О жизни своей
Не заботятся оба,
Пытаясь врага
Захватить врасплох.
Тот — палицей бьет,
А этот — драконом,
И мечутся оба
По склонам зеленым,
И топчут траву
И узорчатый мох.

Заря угасает
В пещере проклятой.
Не слышно
Волшебных цветов аромата.

Сгустилась вокруг
Непроглядная ночь,
Удары оружия
Взвихрили воздух,
И птицы,
Спокойно уснувшие в гнездах,
Взмахнули крылами
И кинулись прочь,
От грохота битвы
Земля задрожала,
Колдунья-красавица
Прочь убежала.

Все яростней битва.
Удары все чаще,
Сражается посохом
Злой чародей.
Но Царь обезьян —
Он мстит за детей! —
Разит его палицей,
Грозно гремящей,
Удар за ударом
Наносит в упор
И гонит злодея
Из тьмы на простор.

Но граблями
Там Чжу Ба-цзе замахнулся,
И демон
Холодным лучом обернулся.

Вам известно, читатель, что Чжу Ба-цзе не пошел в пещеру и, слыша яростные крики и вопли сражающихся, едва удерживался, чтобы не ринуться в бой. Не находя себе места от нетерпения, он взмахнул граблями и изо всей силы ударил по тополию. Огромное дерево со стоном повалилось наземь. В остервенении Чжу Ба-цзе ударил по дереву еще несколько раз, и вдруг из него брызнула алая кровь и послышались звуки, похожие на стон.

— Вот те на! — удивился Чжу Ба-цзе. — Дерево-то оказывается оборотень!

Он поднял грабли, готовясь нанести еще один сокрушительный удар, но в этот момент увидел Сунь У-куна, который гнал оборотня из пещеры. Не говоря ни слова, Чжу Ба-цзе бросился вперед и принялся что было сил колотить оборотня. Старый колдун, который и без того уже выдохся, увидев Чжу Ба-цзе с граблями, пришел в смятение и, обратившись холодным лучом, умчался на восток. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе с воинственными криками помчались за ним. Вдруг их оглушил резкий крик птицы Люань и трубный глас аиста, а вслед затем появился яркий луч света. Они стали всматриваться и узнали в луче старца духа звезды Южного предела неба *. Старец сразу же накрыл рукой, словно колпаком, холодный луч и воскликнул:

— Погоди, Великий Мудрец, и ты, полководец звезды Тянь-пэн. Дайте мне, старику, поклониться вам, как положено!

Сунь У-кун тотчас же совершил ответный поклон, а затем спросил:

— Брат мой, дух звезды Долголетия, откуда изволил пожаловать?

Чжу Ба-цзе со смехом сказал:

— Эх ты, дурная голова! Накрыл холодный луч. Да ведь ты же поймал оборотня!

— Здесь он! Не уйдет! — тоже засмеявшись, ответил старец. — Прошу вас, пощадите его, оставьте ему жизнь.

— А кем он тебе приходится, брат мой? — удивился Сунь У-кун. — Зачем ты вступился за него и просишь о пощаде?

— Да я ведь ездил на нем, — отвечал старец, — не ожидал я, что он удерет от меня и превратится в оборотня.

— Раз эта тварь принадлежит тебе, прикажи ей показаться нам в своем настоящем виде, — попросил Сунь У-кун.

При этих словах старец выпустил холодный луч и строго прикрикнул:

— Скотина ты этакая! Живо предстань в своем настоящем виде, тогда тебя пощадят!

Тут оборотень встряхнулся — это был белый олень. Старец поднял с земли кривой суковатый посох, приговаривая:

— Какая скотина, а? Даже мой посох уволокла с собой!

Олень, ни слова не говоря, припал к земле и лишь головой кивал, словно отбивая поклоны; из глаз его струились слезы.

Был тот белый олень,
Словно яшма, покрыт письменами.
Он, блаженствуя, пасся
В нагорных целебных садах.
Дух звезды Долголетия
Носился на нем в облаках,
Вдоль Небесной Реки
Пролетая высоко над нами.
На рогах красовались
Четырнадцать длинных развилин.
Был он оборотнем,
А теперь навсегда обессилен.
Он тайком обучился
Бесовским заклятьям и чарам:
Колдовать, становиться драконом,
Холодным лучом.

Жил в волшебном дворце он,
И было ему нипочем
Обернуться святым мудрецом
И наставником старым.

Но расплата пришла,
И возмездия ждал его день:
Пред хозяином снова склонился
Покорный олень.

Дух звезды Долголетия простился с Сунь У-куном, сел верхом на оленя и собрался было отправиться в путь, но Сунь У-кун удержал его:

— Постой-ка, брат! — сказал он. — Надо завершить еще два дела.

— Какие там еще дела? — удивился старец.

— Надо поймать его красотку и узнать, что это за тварь, — ответил Сунь У-кун. — Кроме того, мы должны все вместе отправиться в страну бикшу и предстать перед ее неразумным правителем; пусть посмотрит на оборотня в его настоящем виде и откажется от своих прежних повелений.

— Ну что же, — ответил старец, — придется, видно, мне потерпеть. Ступайте с полководцем звезды Тяньпэн в пещеру и изловите красотку. Заодно и ее покажете в настоящем виде.

— Так ты жди нас здесь, брат, — попросил Сунь У-кун. — Мы живо справимся и вернемся сюда.

Чжу Ба-цзе приосанился и направился вслед за Сунь У-куном в пещеру Цветов бессмертного старца.

— Идем за оборотнем! Идем за оборотнем! — кричал Чжу Ба-цзе зычным голосом.

А красотка тем временем дрожала от страха. Бежать было некуда. Услышав крики Чжу Ба-цзе, она спряталась за каменным экраном перед воротами, но задних ворот в пещере не было, — выскочить она не могла, и Чжу Ба-цзе увидел ее.

— Ты куда? — заорал он, видя, как заметалась красотка. — Погоди, гнусная тварь, я покажу тебе, как морочить добрых людей! Видишь эти грабли?

У красотки в руках не было никакого оружия, и она, отскочив в сторону, превратилась в холодный луч и помчалась к выходу. Но Сунь У-кун не растерялся и сразу же преградил ей путь. «Бац! Бац!» — раздались удары посохом, и оборотень, потеряв опору в ногах, упал на землю, прямо в пыль, где сразу же принял свой первоначальный облик. Представьте себе, это была лисичка с белой мордочкой! Чжу Ба-цзе не удержался, высоко поднял грабли и одним ударом размозжил ей голову. Бедная лисичка! Еще недавно она была обворожительной красавицей, одним взглядом покоряющей целые города! А сейчас это был неподвижный мохнатый комок.

— Не трогай ее! — закричал Сунь У-кун. — Пусть правитель полюбуется своей красоткой!

Без всякого отвращения Чжу Ба-цзе схватил лисичку за хвост и поволок ее за собой, выйдя вместе с Сунь У-куном из пещеры.

Тем временем дух звезды Долголетия, глядя рукой голову оленя, журил его:

— Ах ты, скот этакий! — говорил он. — Как же это ты провел меня? Оставил своего хозяина, а сам превратился в оборотня! Да

если бы я не подоспел сюда, Великий Мудрец избил бы тебя до смерти!

В этот момент к ним подошел Сунь У-кун и спросил:

— Ты о чем тут толкуешь?

— Да вот все браню своего оленя!

Чжу Ба-цзе швырнул лисицу прямо к оленю.

— Не твоя ли это любимая доченька? — злорадно спросил он.

Олень помотал головой и, вытянув морду, стал обнюхивать мертвую лисицу, после чего жалобно замычал.

Дух звезды Долголетия хлопнул его по голове.

— Скотина! Довольно с тебя и того, что ты остался жив, — укоризненно сказал он. — А ты еще обнюхиваешь эту падаль!

Он быстро снял с себя пояс, привязал один конец к шее животного, а другой взял в руки.

— Великий Мудрец! — сказал он, обращаясь к Сунь У-куну. — Я готов идти с тобой в страну бикшу.

— Постой! — остановил его Сунь У-кун. — Надо очистить это место от всяких следов нечисти, чтобы впредь она вновь не завелась.

Чжу Ба-цзе, услышав эти слова, сразу же стал ломать растущие вокруг ивы. А Сунь У-кун прочел волшебное заклинание, и перед ним снова предстал местный дух земли.

— Набери скорей сухого хвороста. Мы разведем костер и выжжем всю нечисть, которая здесь завелась, чтобы она больше не причиняла зла людям.

Дух земли покружился: сразу же подул северный ветер и откуда ни возьмись появился целый сонм духов-воинов, которые приволокли несметное количество разных сухих трав и сухой камыш. Образовался огромный стог растений, которые сохли в течение двух лет и от одной искры могли загореться, словно облитые гарным маслом.

— Ба-цзе! — крикнул Сунь У-кун. — Не ломай деревья! Давай завалим пещеру этим стогом, подожжем его, и все сгорит дотла.

И действительно; как только взметнулся огонь, пещера Цветов, в которой жил оборотень, превратилась в бушующее море пламени.

После этого Сунь У-кун велел духу земли убраться восвояси. А затем вместе с Чжу Ба-цзе и духом звезды Долголетия, который вел на поводу оленя и тащил лисицу, прибыл ко дворцу правителя страны бикшу.

— Вот тебе твоя красotka, любуйся! — воскликнул Сунь У-кун, указывая на лисицу. — Разве можно было любить ее?

Правитель весь дрожал от страха. Все придворные, в том числе жены и наложницы правителя, увидев Великого Мудреца Сунь У-куна и духа звезды Долголетия, который тащил на поводу

белого оленя, оцепенели от страха и принялись отбивать земные поклоны. Подойдя к правителю, Сунь У-кун взял его под руку и, смеясь, сказал:

— Хватит кланяться! Вот этот олень как раз и есть тесть государя. Ты бы лучше ему поклонился!

Правитель не знал, куда деваться от стыда.

— Благодарю тебя, святой монах, за избавление от смерти невинных детей моей страны,— лепетал он.— Вот уж поистине вы оказали нам милость, такую же великую, как само небо!

Затем он распорядился, чтобы приготовили обильную трапезу из постных блюд.

Широко распахнулись ворота восточного дворца, и правитель пригласил туда в знак благодарности духа звезды Долголетия, Танского монаха и его учеников. Танский монах и Шасэн приветствовали духа звезды Долголетия вежливым поклоном, а затем они оба заинтересовались белым оленем.

— Каким же образом он мог попасть сюда и натворить столько зла, если принадлежит вам? — спросили они у старца.

Дух звезды Долголетия рассмеялся.

— Вот как было дело,— начал он,— недавно мимо моей горы проносился Восточный князь *. Я задержал его у себя и уселся играть с ним в шашки. Не успели мы закончить партию, как эта скотина вдруг куда-то исчезла. Когда гость мой удалился, я пустился на поиски, но нигде не мог его найти. Тогда я стал прикидывать по пальцам, куда он мог деваться, и сообразил, что он может находиться только здесь. Едва я направился сюда, как повстречал Великого Мудреца Сунь У-куна, который прикончил бы эту скотину, если бы я еще немного задержался.

В это время явились слуги с докладом: «Кушать подано!»
Каких только не было яств на этом пиру! Вот послушайте:

Числа нет украшениям богатым
У входа в зал. Там — тысячи ковров,
Завес узорных из живых цветов.
Дворец наполнен дивным ароматом.
Для пира пышный стол уже готов,
Парчовой, яркой скатертью накрытый,
Ковер червлёный застилает плиты,
Как облако на утренней заре.
Из ста курильниц фимиам сандала
Плывет, клубясь, до пестрых балок зала.
Стол тонет в золоте и серебре:
Там овощей полны большие блюда,
Приятен вид их, тонок аромат.
В корзинах, сложенные свежей грудой,
Там фрукты разноцветные лежат.
Там звери разные, за рядом ряд,
Отлитые из леденца цветного:
Вот барс, вот пара уток «Юаньян»,
Вот лев, вот конь, вот лев багряный снова,
А вот верблюд и стадо обезьян.

Здесь ковш похож на птицу-рыболова,
Бокала клюв похож на какаду.
Там виноград разложен на виду.
А персики? — один сочнее другого!

Стручков, бобов, орехов разных тьма.
Колочие плоды, личжи, каштаны
И фундуки... А здесь лежат бананы,
И финики, и фиги, и хурма,
Фруктовые пастилы и печенья,
И лакомые сласти на меду —
Все дразнит обоняние и зреньё.
Куски сыров лежат в одном ряду
С творожниками... Просто объеденье!

Вот в чашах виноградное вино
С густым настоем из сосновых шишек,
На золотых подносах горы пышек!
Душистый рис, наваленный стеной!
Под масляной и сахарной подливой
Разложены, нарядны, горделивы,
Зажаренные овощи, ярки,
Сочны, точь-в-точь пионов лепестки!
Здесь все цветет, дымится и сверкает.
Горячий суп в серебряных котлах,
Настоемный на пряных овощах,
С лапшой, заправлен перцем: разжигает
Желанье он и дразнит жадный вкус.

Все перечислить я и не берусь,
Все кушанья, все блюда, все названья...
А сколько там кореньев и грибов,
Закусок разных — тысячи сортов!
Ростки бамбука, тающие сладко
На языке, как сахар, без остатка.
Все десять самых лучших овощей:
Инбирь нагорный, сладкий лук-порей,
Листы бобовые, латук с салатом,
Петрушка, спаржа, нежный сельдерей
И мальва с мелкокрошеным шпинатом.
В стихах как опишу я сотни блюд,
Их вкус и запах, соус и приправу?
Всех и не счесть, а новые несут!..

На славу пир! — могу сказать по праву.

Гости начали с того, что сперва определили места за столом по порядку старшинства. Первое место было предложено занять духу звезды Долголетия. Танский монах занял второе место. Правитель государства сел напротив. По бокам расселись Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Далее, слева и справа, уселись несколько великих сановников и советников Тай-ши *, после чего сразу же было отдано распоряжение сановнику, ведавшему музыкой, пением и пляской, начинать представление. Правитель собственноручно подносил гостям пурпурные бокалы, наполненные вином. Один лишь Танский монах не выпил ни глотка.

— Брат! — сказал Чжу Ба-цзе, обращаясь к Сунь У-куну. — Бери все мои фрукты и плоды, а взамен отдай мне все супы и рис.

Сунь У-кун согласился, и Дурень принялся уплетать за обе щеки, ни крошки не оставляя после себя.

Но вот пир подошел к концу, и дух звезды Долголетия стал прощаться. Правитель приблизился к нему, опустился на колени и начал с поклонами молить его дать совет, как избавиться от недуга и продлить жизнь.

— Я, видишь ли, искал своего оленя, а потому не взял с собой никаких пилюль и снадобий, — отвечал дух Долголетия. — Я бы охотно дал тебе совет, как излечиться, но уж больно ты слаб и хил, не сможешь выполнить его. Ба! Да у меня в рукаве осталось еще три финика из тех, что я набрал для Восточного князя, когда потчевал его чаем. На, возьми их в подарок!

Правитель тут же проглотил их и почувствовал облегчение: болезнь начала выходить из него. Вот почему впоследствии тот, кто вкушал финики, обретал долголетие.

Чжу Ба-цзе стал просить старца:

— Почтеннейший дух Долголетия! Дай и мне хоть несколько фиников.

— А у меня больше нет при себе! — отвечал старец. — Как-нибудь в другой раз я подарю тебе хоть несколько цзиней.

С этими словами он вышел из восточного дворца, поблагодарил за угощение, подозвал к себе белого оленя, вскочил ему на спину и улетел на облаке.

Мы не станем рассказывать здесь о том, как правитель со своими женами и наложницами, все жители, знатные и простые, возжигали фимиам, кланялись и благодарили.

— Ну, братья, — сказал Танский монах, — и нам пора в путь. Давайте прощаться с правителем.

Но правитель ни за что не хотел отпускать монахов, слезно молил их остаться и просветить его учением Будды.

— Государь! — сказал Сунь У-кун. — Возьми себе за правило отныне поменьше предаваться страстям, побольше совершать тайных благотворений, во всех делах старайся добром перекрывать зло, и этого будет вполне достаточно, чтобы изгнать болезнь и продлить жизнь. В этом и заключается наше учение.

Тогда правитель велел вынести два подноса с рассыпным золотом и серебром и преподнес его монахам на дорожные расходы. Но Танский монах наотрез отказался взять хотя бы крупицу. Однако правитель государства не унимался. Он велел подать царский выезд, предложил Танскому монаху занять место в своей колеснице, и сам вместе с женами и наложницами выкатил ее за ворота дворца. На всех улицах и базарах толпами собрались жители, каждый хотел хоть чем-нибудь проявить свою

благодарность: кто подносил воду, кто возжигал душистый ладан; так наших путников провожали до городских ворот.

Неожиданно налетел сильный ветер, и с воздуха по обеим сторонам дороги плавно опустились корзины — тысяча сто одиннадцать штук. Дети, которые находились в них, громко плакали. Их незримо охраняли дух — хранитель города, дух местности, духи очагов, повелитель духов пяти стран света, четыре божества времени, небесные посланцы Лю-дин и Лю-цзя и, наконец, духи — хранители кумирен. Обращаясь к Сунь У-куну, они воскликнули:

— Великий Мудрец! Мы в точности выполнили твое повеление и укрыли всех этих детей. Ныне, узнав, что ты, Великий Мудрец, справился с оборотнем и отправляешься в дальнейший путь, мы решили вернуть сюда всех детей.

Правитель вместе со всеми своими приближенными, а так же все сановники и простой народ стали отбивать земные поклоны.

— Благодарю вас всех, уважаемые духи! — громко произнес Сунь У-кун, взглянув на небо.— Возвращайтесь к себе. Я велю всем людям этой страны постоянно приносить вам в благодарность жертвы.

Вновь зашумел, завыл сильный северный ветер и быстро умчался.

Сунь У-кун велел жителям города забрать своих детей. Весть об этом сразу же разнеслась по всему городу. Родители явились, радостные и ликующие, вынимали детей из корзин, обнимали их, называя разными ласковыми именами, некоторые даже прыгали от радости, смеялись, и все в один голос упрашивали Танского монаха и его спутников: «Обязательно зайдите к нам, мы хотим отблагодарить вас хоть чем-нибудь за спасение наших детей!»

Старые и малые, мужчины и женщины без всякого страха подходили к ученикам Сюань-цзана, несмотря на их безобразную внешность; Танского монаха, Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна подхватили на руки, взяли под уздцы коня, потащили поклажу и так возвратились в город. Правитель не мог помешать жителям изъявлять благодарность. И вот начались угощения. Кто не мог пригласить к себе монахов, подносил им подарки: монашеские головные уборы, сандалии, одежду, чулки. В общем, всех их снарядили с ног до головы.

Лишь через месяц монахи покинули страну бикшу. Перед их уходом с них срисовали образа, возвели в их честь памятные таблицы в домовых храмах и стали совершать перед ними жертвоприношения. Все это произошло потому, что

Монахи много сделали добра
И тысячи людей спасли от смерти.
Огромная возвысилась гора
Деяний добрых — до небесной тверди!

Если хотите знать, какие еще события произошли после этого, прочитайте следующие главы.

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ,

в которой повествуется о том, как дева-оборотень хотела сойтись с монахом праведным и как сметливый Сунь У-кун отстоял своего наставника и распознал в деве злого духа

Итак, сам правитель страны бикшу, все его придворные чины, а также жители столицы провожали Танского монаха и его спутников целых двадцать ли и никак не могли расстаться с ними. Танскому монаху едва удалось покинуть царскую колесницу. Оседлав коня, он тут же распростился со всеми и пустился в путь-дорогу. Долго еще смотрели вслед путникам провожающие и вернулись в город лишь тогда, когда те исчезли из виду.

Прошло много времени, лютая зима сменилась весной, и уже близилось лето, а путники все шли и шли, и не было ни конца ни края полевым цветам в степных просторах, дремучим лесам в неприступных горах. Волшебница-природа поражала своей красотой и пьянила ароматом цветов и трав. Но вот впереди показался огромный горный кряж с неприступными вершинами. Танский монах встревожился, однако не подал вида и спокойно спросил:

— Братья! Что скажете? Можно пройти через эту высокую гору?

Сунь У-кун, как обычно, рассмеялся.

— Наставник! — проговорил он. — Можно подумать, что ты никогда не отправлялся в далекое путешествие. Да разве ты княжич или царевич какой, что живет взаперти и ничего не видит, вроде лягушки, попавшей в колодец. Ведь еще в древности говорили: «Гора дороге не помеха». Зачем же спрашивать, можно пройти или нет.

— Все это верно,— отвечал Танский монах,— боюсь только, что на этих кручах водятся чудовища, которые могут напасть на нас.

— Не беспокойся! — вмешался Чжу Ба-цзе.— Отсюда до страны высшего блаженства, где обитает Будда, не так уж далеко. Уверен, что теперь с нами ничего не случится.

Беседуя, Танский монах и его ученики не заметили, как подошли к подножию горы. Сунь У-кун вооружился своим посохом с золотыми обручами и поднялся на вершину горы.

— Наставник! — крикнул он.— Здесь, оказывается, прекрасная дорога! Она опоясывает горы. Живей поднимайтесь сюда!

Танский монах прищпорил коня.

— Брат Чжу Ба-цзе! Возьми коромысло с поклажей, — попросил Ша-сэн.

Чжу Ба-цзе взвалил поклажу на спину. Ша-сэн взял коня под уздцы, Танский монах покрепче уселся в седле, и они все вместе последовали за Сунь У-куном. С вершины открывался поистине прекрасный вид.

Туман и облака
Вершины обвивали,
Журчали между скал
Десятки ручейков.
Дорога шла
Средь множества цветов,
Что сладкий аромат,
Качаясь, изливали.
О первых летних днях
Кукушки куковали.
Белели сотни груш,
Синели слив плоды,
И ветви зыбких ив,
Растущих у воды,
Румянец персиков,
Кольшась, оттеняли.
Стрижи носились,
Душу веселя:
Знак, что давно
Засеяны поля.

За кряжем кряж
Теснился и сверкал.
Над кручами
Шумели сосны хором.
Нагорный путь
Змеился между скал,
Как спутанный клубок,
Причудливым узором.
Обрывы плющ обвил
И стебли диких трав.
В горах шумели роц
Раскидистые чащи.

Как тысяча клинков,
Стеной грозящей,
Теснились пики,
Над предгорьем встав.

И водопад
С заоблачной вершины,
Гремя, спадает
В гулкие долины...

Наставник попридержал коня, любуясь горными видами. Где-то вдруг защебетала птичка, и невольная тоска по родным местам охватила монаха.

— Братья! — воскликнул он, придержав коня, и сложил стихи:

Ах, с той поры, как волю Сына Неба *
На государевой табличке * начертали
И за «парчовой ширмой» * во дворце
Мне проходную грамоту вручили,—
Не знаю я покоя.

Бросил я
В день «Смотра фонарей» * страну родную
И с Танским императором расстался.
Разлука эта мне была горька,
Как для земли горька разлука с небом.
Но только я оставил позади
Торжественные проводы, как разом
Нахлынули опасности и беды:
Лисицы-оборотни, бесы-тигры,
Колдуньи, оболъстительницы-ведьмы,
Неслышанные грозы, ураганы,
Лесные дебри и разливы рек,—
Все дружно встали на моем пути,
Мне угрожая гибелью.

Давно
Перевалили мы «двенадцать кряжей
Ушаньских гор» *.

И новое несчастье
Меня подстерегает. О, когда ж
Я родину свою опять увижу?

— Наставник! — с укором молвил Сунь У-кун. — Очень уж часто ты грустишь о родине. Человеку, отрешившемуся от мира, это не подобает. Спокойно продолжай свой путь и ни о чем не думай. Недаром еще в древности говорили:

Кто хочет богатства и славы добиться,
Тот с мирным досугом навеки простится.

— Все это верно, ученик мой, — возразил ему Танский монах, — однако мы идем, идем, а я до сих пор не знаю, где страна высшего блаженства, обитель Будды.

— Учитель! — вмешался тут Чжу Ба-цзе. — Думается мне, что Будда Татагата не хочет расставаться со своими книгами, вот и переселился в другое место, зная, что мы идем за ними.

Иначе, чем объяснить, что мы никак не можем добраться до его райской обители?

— Попридержи язык!— оборвал его Ша-сэн.— Иди за старшим братом да помалкивай. Не надо только времени терять даром; ведь должен наступить день, когда мы достигнем цели.

Продолжая беседовать, наши путники подошли к густому бору, где росли черные сосны. Тут Танский монах окончательно потерял присутствие духа.

— Сунь У-кун!— испуганно произнес он.— Что же это такое? Не успели мы преодолеть горные кручи, как перед нами вырос дремучий лес? Нет, все это неспроста!

— А что нам лес!— беззаботно ответил Сунь У-кун.

— Как что?— одернул его Танский монах.— Разве не знаешь пословицу: «Кто кажется чересчур честным — не всегда честен. Кто выглядит чересчур добрым, может оказаться злым». Нам не раз доводилось проходить через густые леса, но в дремучей чаще мы еще не бывали!

Вы бы видели, читатель, что это был за лес!

Лес дремучий встал пред нами,
Путь заветный заграждая.
Он с востока лег на запад
Дикой чащей между скал,
С юга уходил на север
Грозным строем черных сосен,
И в ущельях каменных
Он проходы заграждал.

На восток глядят, на запад
Грозно вздыбленные кручи.
Сосны мрачные теснятся,
Подымаясь к небесам.
Там шиповник и терновник
Разрослись стеной колючей,
И лианы всюду вьются
По ветвям и по стволам.

С кряжистых суков свисая,
Петли цепкие скрутились.
Кто, войдя сюда с востока,
Путь на запад обретет?
Кто пройти тот лес возьмется
С севера на юг далекий?
Будет в зарослях кружиться
Целый месяц или год.

Можно в чаще той скитаться
Круглый год, не различая
Ни луны над головою,
Ни огня в ночной дали.
Круглый год блуждать ты будешь,
Не приметив над собою
Звездного Ковша * на небе,
Хоть пройдешь сто сотен ли!

О, взгляни, какие дёбри!
Сколько здесь цветов таится,
Сколько трав растёт волшебных,
Им не нужен солнца свет.
Здесь ты ясени увидишь,
Ствол их толстый в семь обхватов,
Лет им тысяча и больше,
Крепче их и выше нет.

Можжевельники седые,—
Десять тысяч лет их возраст!
Сосны чёрные толпятся,
Что им выюга и мороз!
Сколько здесь плодов и ягод!
Сколько персиков пушистых!
Кисло-сладких шаюя*,
Смоков и виноградных лоз!

Все сплелось, срослось, сцепилось,
Перепуталось ветвями,
Все переплелось корнями
Средь извечной тесноты.
Даже сам святой отшельник
Не найдёт себе приюта,
Не найдёт в лесу дороги,
Сквозь колючие кусты.

Сколько птиц ты здесь услышишь
Сколько пташек голосистых!
Серокрылые кукушки
Здесь кукуют без конца.
Нежно голуби воркуют,
Дикие орлы клекочут,
И суровый старый ворон
Кормит жадного птенца.

Заливаясь звонкой трелью,
Там летает пересмешник,
Иволга порхает в танце
И уносится, крича.
Там хвостатые стрекочут
Вороватые сороки,
Стаи ласточек взлетают
И кружатся, щебеча.

Суется попугай,
То трещат и звонко свищут,
Сквозь лианы пролетая,
Сквозь кусты и бурелом,
То стараются упрямо
Говорить по-человечьи,
Разные слова бормочут,
Как заученный псалом.

Там зверей ты встретишь хищных.
Старый тигр таится в чаще,
Меж стволов скользит неслышно,
Скалит зубы, бьёт хвостом.

Престарелые лисицы
Роют норы в темных недрах,
В обольстительниц-колдуний
Превращаются потом.

Слышишь, волк завыл угрюмо?
Все живое содрогнулось.
В этих дебрях заповедных
Страшно путнику блуждать.
Сам небесный император
И могучий Вайсравана,—
И они могли от страха
В этой чаще задрожать!

Однако Сунь У-кун действительно ничего не боялся. Он шел впереди, прорубая дорогу посохом, и вел Танского монаха в самую чащу леса. Целых полдня блуждали путники по лесу, которому не было ни конца ни края.

Танский монах, наконец, не выдержал и взмолился:

— Братья! Здесь так хорошо и спокойно, как еще не бывало ни в одном из многих лесов, через которые нам пришлось пройти. Вы только посмотрите, какие замечательные цветы, удивительные растения! Так хотелось бы посидеть здесь хоть недолго. И конь бы передохнул. А ты, Сунь У-кун, тем временем сходил бы да раздобыл чего-нибудь поесть. Я что-то проголодался.

— Ну что ж!— отвечал Сунь У-кун.— В таком случае слезай с коня, наставник! Я постараюсь принести тебе чего-нибудь.

Танский монах послушался Сунь У-куна и спешился. Чжу Ба-цзе крепко-накрепко привязал коня к дереву, а Ша-сэн опустил на землю поклажу, достал патру и передал ее Сунь У-куну.

— Сиди на месте, наставник, и ничего не бойся!— проговорил Сунь У-кун.— Я мигом слетаю туда и обратно.

Танский монах уселся под сенью сосны, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэн стали собирать цветы и ягоды, чтобы поразмяться.

Сунь У-кун одним прыжком поднялся высоко в небо, встал на благодатное облачко и, взглянув вниз, увидел сияние. Оно исходило из лесной чащи.

— Чудесно! Замечательно!— не утерпев, воскликнул Сунь У-кун, желая воздать хвалу Танскому монаху, истому праведнику. Он совершенствовался целых десять поколений, и вот теперь над головой его незримо сиял благовещий нимб.

— Я, старый Сунь У-кун,— продолжал Царь обезьян,— пятьсот лет назад учинил великое буйство в небесных чертогах, на чудесном облаке долетал до конца земли, побывал на краю неба, собрал вокруг себя целую толпу оборотней и провозгласил себя Великим Мудрецом, равным небу, покорял драконов и укрощал тигров, вычеркнул себя из книги смерти. Я, старый Сунь У-кун, носил трехъярусную золотую корону, надевал золотую кольчугу и латы, в руках держал посох с золотыми обручами, на ногах носил башмаки, шагающие по облакам! У меня в услу-

жении находилось сорок семь тысяч покорных мне духов-оборотней, которые величали меня: «Отец наш, Великий Мудрец». Но теперь я превратился в человека, избавился от небесной кары и стал твоим покорным слугой и учеником. Это благовещее сияние вокруг твоей головы, чудесный мой наставник, говорит о том, что тебя ждут многие блага по возвращении в восточные земли, стало быть и мне, старому Сунь У-куну, безусловно выпадет счастье получить истинное перерождение.

Пока Сунь У-кун рассуждал так с самим собою, с южной стороны неба, из-за леса, вдруг показался черный дым, который стал быстро подниматься вверх.

Сунь У-кун вздрогнул.

— В клубах этого дыма,— проговорил он,— несомненно, кроется злой дух. Не может быть, чтобы от Чжу Ба-цзе и Ша-сэна могло исходить нечто подобное...

Пока Сунь У-кун думал да гадал, откуда мог взяться черный дым, Танский монах сидел в лесу, погружившись в глубокое созерцание своей внутренней природы, и напевал сутру о великомудром брамине, впавшем в нирвану. Вдруг раздался жалобный крик: «Спасите! Спасите!» Танский монах сильно встревожился.

— Да восторжествует благо!— воскликнул он.— Кто может взывать о помощи в этой глухой лесной чаще? Может, волк задрал кого-нибудь или тигры и барсы напугали? Надо пойти посмотреть!

С этими словами он встал с места и пошел на крик. Он миновал тысячелетние кипарисы и в десятки раз более старые сосны, перелез через густые поросли разных вьющихся растений и, наконец, очутился рядом с несчастным существом. Он увидел женщину: верхняя часть ее тела была привязана лианами к стволу огромного дерева, а нижняя часть закопана в землю. Танский монах замер на месте и обратился к женщине с вопросом:

— О добрая женщина! Скажи мне, за что тебя привязали к дереву?

Танский монах своими плотскими очами не мог распознать в женщине злого духа. Между тем в ответ на участливое обращение женщина залилась слезами. Ее румяное личико, по которому катились слезы, было настолько прелестным, что рыбы в смущении скрывались на дно, а гуси садились на землю. Глаза ее, полные скорби, были настолько прекрасны, что луна от стыда за свое безобразие укрылась бы за облака, а цветы в смущении опустили бы головки.

Танский монах не решился приблизиться к ней и, стоя на месте, продолжал расспрашивать:

— О добрая женщина! Какое же ты совершила преступление? Скажи мне, бедному монаху. Может быть, я смогу помочь тебе?

Тут оборотень стал морочить Танского монаха хитрыми речами и выдумками.

— О наставник!— воскликнула женщина.— Мои родители живут в стране Нищих браминов, в двухстах ли отсюда. Они добрые, хорошие люди, всегда жили в согласии друг с другом, а также со всеми родными и друзьями. Но случилось так, что в этом году, в день поминовения усопших, они пригласили всех родных, а также всех домочадцев, и старых и малых, на родовое кладбище, чтобы привести в порядок могилы предков. Кто в паланкине, кто верхом прибыл за город на кладбище. Но как только мы начали обряд жертвоприношения и стали жечь фигурки коней из бумаги, раздались удары в гонги и барабаны, а затем на нас набросилась шайка грабителей с ножами и дубинами. Они грозили убить нас. Мои родители и наши родственники, спасая жизнь, бросились бежать. Я же от страха не могла даже пошевелинуться и лежала на земле без движения. Грабители схватили меня и уволокли в горы. Их старший главарь хотел сделать меня своей женой, но я полюбилась в второму главарю, и третьему, и четвертому, да и многим другим. Они стали ссориться между собой, никак не могли сговориться и потому решили привязать меня к этому большому дереву, а сами куда-то скрылись. Пять дней и пять ночей я терплю эти невыносимые муки. Мне казалось, что смерть уже совсем близко. Не знаю, кто из моих предков и в каком поколении совершил добродетельный поступок, но, видимо, само небо послало мне тебя. Умоляю, прояви милосердие, спаси меня. До конца дней своих не забуду я твоего благодеяния, даже когда сойду в подземное царство!

Женщина умолкла, и слезы снова хлынули из ее глаз.

Танский монах — по натуре своей человек сердобольный — не выдержал и тоже заплакал. Всхлипывая, стал он звать своих учеников:

— Братья!

Бродившие поблизости Чжу Ба-цзе и Ша-сэн услышали зов своего наставника.

— Уж не повстречался ли наш учитель с каким-нибудь своим родственником?— высказал предположение Чжу Ба-цзе.

Ша-сэн рассмеялся:

— Вот еще, вздор какой!— сквозь смех проговорил он.— Сколько времени идем и не встретили на своем пути ни одного доброго человека! Откуда же мог взяться здесь родственник нашего учителя?

— Чего же ради наставник расплакался?— упорствовал Чжу Ба-цзе.— Пойдем, увидишь, чья правда.

Ша-сэн вернулся, отвязал коня, взвалил поклажу и крикнул:

— Учитель! Зачем ты звал нас?

Когда ученики подошли к своему наставнику, тот указал им рукой на дерево.

— Чжу Ба-цзе!— вскричал он.— Освободи эту добрую женщину! Спаси ее от смерти!

Чжу Ба-цзе, не задумываясь над тем, что может случиться, начал действовать.

Вернемся теперь к Великому Мудрецу Сунь У-куну, который все еще пребывал в воздухе. Заметив, что черное облако сгущается и накрыло светлое сияние, он воскликнул:

— Дело дрянь! Уж не напал ли злой дух на нашего наставника? Бог с ним, с пропитанием, это пустяки. Надо скорей вернуться и узнать, что случилось с учителем!

С этой мыслью Сунь У-кун тотчас повернул назад свое облачко и спустился в лесной чаще. Увидев, что Чжу Ба-цзе распутывает веревки, Сунь У-кун кинулся к нему, схватил за ухо и так ударил, что Дурень сразу же повалился наземь.

— Ты что же это ни с того ни с сего повалил меня? Силу свою пробуешь, что ли? — спросил Чжу Ба-цзе, поднимаясь с земли. — Мне наставник велел спасти человека!

— Брось! Не развязывай! — усмехнувшись, сказал Сунь У-кун. — Это же оборотень! Видишь, как плачет, чтобы обмануть нас!

— Ах ты, несносная обезьяна! — в сердцах воскликнул Танский монах. — Явился со своими глупыми выдумками! Как только тебе в голову пришло, что эта несчастная дева — оборотень?!

— Наставник, ничего ты не понимаешь! — отвечал Сунь У-кун. — Все эти штучки мне хорошо известны. Оборотни, когда хотят полакомиться человеческим мясом, всегда так поступают. Чжу Ба-цзе надулся.

— Учитель! — злобно проговорил он. — Не верь ты ему, конской заразе! Обманывает он тебя! Девица эта из здешних мест, а мы пришли сюда из далекой восточной земли, никогда не имели с ней никаких дел, она не родственница нам, не возлюбленная. Зачем же зря говорить, что она оборотень? Это он усладил нас вперед, а сам тем временем явился сюда, сделал с ней все, что ему было надо, а теперь валит весь грех на нее!

— Негодяй! — вскипел Сунь У-кун. — Замолчи! Да разве за все время нашего путешествия я совершил хоть один проступок? А вот ты, обжора, только и думаешь, как бы удовлетворить свою похоть, и ради выгоды готов отца родного продать. Сознайся, уж не сам ли ты захотел породниться с ней, да и привязал ее к дереву!

Танский монах принял мирить их.

— Полно! Полно! Чжу Ба-цзе! Твой старший брат часто бывает прав. Раз он так говорит, давайте оставим ее здесь, бог с ней! Пойдем дальше своей дорогой!

— Вот это правильно! — в восторге воскликнул Сунь У-кун. — Значит, тебе, наставник, покровительствует сама судьба! Скорей садись на коня. А как только выберемся из леса, найдутся люди, которые не откажут нам в подаянии.

Все четверо двинулись вперед, оставив оборотня привязанным к дереву.

Оставшись в лесу, оборотень, скрежеща зубами от ярости бормотал:

— Много раз слыхала я о том, что Сунь У-кун обладает огромной волшебной силой, и вот нынче сама убедилась в том, что не зря про него идет такая молва. Зато Танский монах — совсем еще невинный отрок. Он сохранил свое целомудрие и, видимо, ни разу еще не источал из себя мужской силы. Я бы приворожила его к себе и сочеталась бы с ним брачными узами, чтобы обрести бессмертие, а эта обезьяна распознала меня, разбила все мои замыслы и увела монаха от меня. Освободи они меня от веревок, я тут же вцепилась бы в Танского монаха и завладела им! А теперь выходит, что зря я старалась. Поймай! Позову-ка его еще разок! Посмотрим, что из этого получится!

Дева-оборотень, не дотрагиваясь до лиан, которыми была привязана, произнесла несколько ласковых слов и, легонько дунув, пустила их с попутным ветерком вдогонку, прямо в уши Танскому монаху. Хотите знать, о чем взывала она? Вот ее слова:

— О наставник! Как мог ты не пожалеть человеческой жизни и обречь меня на верную гибель? Как после этого ты сможешь поклониться Будде и просить у него священные книги?

Услышав эти слова, Танский монах тотчас же придержал коня и воскликнул:

— Сунь У-кун! Ступай назад и освободи деву от веревок.

— Что это ты, наставник, опять вспомнил про нее?— удивился Сунь У-кун.

— Да она ведь кричит!— ответил Танский монах.

— Ты что-нибудь слышишь?— спросил Сунь У-кун, обращаясь к Чжу Ба-цзе.

— У меня, должно быть, уши заложило,— ответил тот,— ничего не слышу.

— Ну, а ты, Ша-сэн, что-нибудь слышал?

— Мне что-то ни к чему: иду себе с ношей, ни о чем не думаю, поэтому ничего не слышу,— ответил он.

— Вот и я тоже ничего не слышу,— сказал Сунь У-кун, обращаясь к Танскому монаху.— Ты скажи, наставник, что она там кричит?

— Упрекает меня,— ответил Танский монах,— и совершенно справедливо. Говорит, как смогу я предстать перед Буддой и просить у него священные книги после того, как оставил ее погибать в лесу. Знаешь поговорку: «Спасти человеческую душу лучше, чем выстроить семярусную пагоду». Живо ступай, освободи ее! Сейчас это, пожалуй, важнее, чем священные книги и поклонение Будде!

Сунь У-кун дерзко рассмеялся.

— Наставник! Раз тебе так приспичило совершить доброе деяние, то ничего не поделаешь, снадобья от этого нет никакого!

Но ты вспомни, сколько гор тебе пришлось перейти за то время, что ты покинул восточные земли! Сколько злых дьяволов-оборотней попадалось в этих горах? Они хватали тебя, тащили в свои пещеры, а мне, старому Сунь У-куну, то и дело приходилось пускать в ход свой посох, убивать всяких бесов, чтобы выручать тебя из беды. И вдруг сейчас ты решил проявить жалость к какой-то ведьме-оборотню и хочешь, чтоб я спас ее.

— Вот что я скажу вам, братья мои,— серьезно проговорил Танский монах, перебивая Сунь У-куна.— Еще древние люди говорили: «Если можешь совершить благодеяние, пусть самое малое, никогда не пренебрегай им; если же совершил злодеяние, не оправдывайся тем, что оно невелико». Послушай меня, Сунь У-кун, и спаси несчастную деву!

— Ах, вот как!— грубо воскликнул Сунь У-кун.— Раз уж на то пошло, то скажу тебе прямо, что это дело мне, старому Сунь У-куну, не под силу! Если хочешь спасти оборотня, спасай, я не смею больше отговаривать тебя, а то ты опять разозлишься. Поступай как хочешь, только спасай ее сам!

— Замолчи!— крикнул Танский монах.— Оставайся здесь, а я с Чжу Ба-цзе пойду освобожу ее.

Танский монах вернулся в лес, велел Чжу Ба-цзе развязать лианы, когорыми дева была привязана к дереву, затем приказал ему вырыть граблями нижнюю часть ее тела из земли. Дева-оборотень вылезла из ямы, расправила затекшие члены, оправила свои одежды и пошла за Танским монахом из леса, радостная и довольная. Сунь У-кун, увидев их, стал зло смеяться.

— Ты что смеешься, обезьянья морда!— выругал его Танский монах.

— Чего смеюсь? А вот послушай:

Когда улыбается счастье,
Хорошего друга ты встретишь.
Когда угрожает несчастье,
Прекрасную деву заметишь!

Танский монах окончательно обозлился.

— Негодная ты мартышка! Болтаешь всякий вздор! От самого рождения и до сей поры я веду монашеский образ жизни. Я получил царское повеление отправиться на Запад, и вот сейчас спешу с почтением поклониться Будде и попросить у него священные книги; я непохож на тех, кто гонится за выгодой. Как же ты смеешь говорить, что мне угрожает несчастье?

— Наставник!— с улыбкой перебил его Сунь У-кун.— Ты в самом деле с младенческого возраста стал монахом, вот потому, видно, и не знаешь мирских порядков и законов, а умеешь только читать каноны и молиться Будде. Девушка эта молода, смазлива, а мы все — монахи, отрешившиеся от земных утех. Если мы

пойдем с ней вместе и по дороге встретим дурного человека, нас схватят, сдадут властям и обвинят в прелюбодеянии; не посчитаются с тем, что мы направляемся на поклон к Будде за священными книгами. А если нас и не обвинят в прелюбодеянии, то начнут допытываться, не похитили ли мы деву, чтобы получить выкуп. А за это с тебя, наставник, спросят ставленную грамоту*, да еще избыют до смерти; Чжу Ба-цзе будет осужден на каторгу, Ша-сэна отправят в ссылку, да и мне, старому Сунь У-куну, непоздоровится. Как примутся мучить да терзать, так никакие речи не помогут.

— Хватит врать!— прикрикнул на него Танский монах.— Спасал деву я один, с меня и спросят. Вы тут ни при чем!

— Хоть вы и говорите, наставник, что за все ответите сами,— возразил Сунь У-кун,— но, видимо, не подозреваете, что на самом деле не спасаете, а губите человека.

— Отчего же?— удивился Танский монах.— Я спас ее и вывел из леса, а ты говоришь, что я гублю ее!

— В лесу,— стал пояснять Сунь У-кун.— она умерла бы с голоду через несколько дней, а то и через полмесяца, но после этого душа ее благополучно переселилась бы в царство теней. Ты ведь едешь верхом на быстром коне, мы и то еле поспеваем за тобой. Как же сможешь угнаться за нами дева, с такими крохотными ножками? А стоит нам упустить ее из виду, как на нее нападут тигры, барсы или злые волки, они растерзают ее на части, вот и выходит, что ты станешь виновником ее гибели. Правду я говорю?

Танский монах задумался.

— Пожалуй, ты прав!— сказал он.— Хорошо, что надумил меня. Как же нам быть теперь?

— Возьми ее в охапку, и пусть она едет с тобой вместе верхом,— смеясь, предложил Сунь У-кун.

Танский монах задумался и, наконец, сказал:

— Да разве к лицу мне вдвоем с девицей ехать верхом на лошади?!

— Но не может же она идти за тобой,— не унимался Сунь У-кун.

— Я велю Чжу Ба-цзе нести ее!— решительно произнес Танский монах.

— Ну, Дурень,— захихикал Сунь У-кун,— повезло тебе. Счастье выпало на твою долю!

— Ну и повезло!— сердито отозвался Чжу Ба-цзе.— «В дальней дороге не бывает легкой ноши»,— продолжал он,— подумаешь, какое счастье тащить ее на спине!

— Морда у тебя длинная,— захлебываясь от смеха, трунил Сунь У-кун,— запрокинь ее назад, да и веди любовные разговоры. Очень даже удобно!

Чжу Ба-цзе не стерпел таких насмешек. Он стал бить себя кулаком в грудь и топтать ногами от ярости.

— Вот наказание так наказание! Ты лучше избежь меня, наставник, я стерплю боль от побоев, только не заставляй нести ее. Ведь после Сунь У-кун всю жизнь будет порочить мое доброе имя. Я хорошо его знаю, он ведь такой... Нет! Ни за что не понесу!

— Ну ладно, ладно!— стал успокаивать его Танский монах.— Я вполне могу идти пешком. Вот слезу сейчас с коня, а Чжу Ба-цзе пускай ведет его, вот и все!

Сунь У-кун разразился громким хохотом.

— Вот везет нашему Дурню: всегда оказывается при деле!

— Опять за свое, обезьянья морда!— оборвал его Танский монах.— Знаешь, что говорили древние люди: «Добрый конь способен пройти тысячу ли, но сам без человека никуда не направится!» Допустим, что я буду идти очень медленно. Неужели вы бросите меня одного на дороге? Конечно, нет. Вы тоже пойдете медленно. Мы все вместе, с этой доброй женщиной, спустимся с горы, и там, может быть, найдем какой-нибудь монастырь, скит или просто селение, где и оставим ее на попечение добрых людей. Таким образом, мы спасем ей жизнь.

— Наставник прав,— сказал Сунь У-кун с самым серьезным видом,— идемте же скорей!

Танский монах бодро пошел впереди, за ним последовал и Ша-сэн с поклажей и Чжу Ба-цзе, который вел порожнего коня. За Чжу Ба-цзе шла дева, а за ней Сунь У-кун, держа наготове железный посох.

Так прошли они двадцать, а то и все тридцать ли. Начало смеркаться. Вдруг они увидели какие-то строения с башнями.

— Брат!— обратился Танский монах к Сунь У-куну.— Я убежден, что это какой-то богатый монастырь! Вот здесь и попросимся на ночлег, а завтра ранним утром отправимся дальше.

Сунь У-кун поддержал его.

— Наставник правду говорит! Так и сделаем. Ну-ка, подтягивайтесь поживей!

Вскоре они подошли к воротам.

— Вы обождите меня здесь,— сказал Танский монах,— а я пойду проситься на ночлег. Если мне не откажут, позову вас!

Путники расположились под ивами, только Сунь У-кун стоял и наблюдал за девой.

Наставник пошел вперед. Подойдя к воротам, он увидел, что они покосились. Кругом царило запустение и не было ни души. Танский монах приоткрыл ворота и стал осматривать двор. Сердце его сжалось от грусти и скорби: длинная галерея вокруг храма была пуста. Древний монастырь казался покинутым, когда-то богатый двор порос мхом и лишайником, дорожки заросли бурьяном. То тут то там мелькали светляки, словно ле-

тающие фонарики, не слышно было колокола, отбивающего часы, лишь раздавалось кваканье лягушек. У праведного монаха потекли из глаз непрошенные слезы.

Вот как выглядел этот монастырь:

Храм разрушен,
И кровля успела, прогнив, обвалиться,
В кельях тихо и пыльно.
И гонга не слышится звон.
Всюду битый кирпич
И поломанная черепица.
Балки, треснув, прогнулись.
Столбы покосились колонн.

В кухне пусто,
Завален очаг перепрелой гнилью,
И трава разрослась
На парадных и черных дворах.
Украшенья разбиты,
И плиты подернулись пылью.
Барабаны без кожи.
И башня рассыпалась в прах.

Многоцветных лампад
Перебиты узорные стекла.
Потускнел образ Будды.
Упали архаты вокруг.
И богини чело Гуаньинь,
Словно глина, размокло.
И она уронила
И чашу и ветку из рук.
Дни за днями проходят,
И здесь ты не встретишь монаха.
Только вихри в провалах
И в каменных сводах поют.
Только тигр иногда забредает,
Не ведая страха,
Только барс и лисица
Ночами находят приют.

Покривились столбы
Монастырской старинной ограды.
Повалился забор,
И молельня вот-вот упадет.
И калитка распахнута настежь
И створки ворот.
Грустно людям бродить меж развалин,
А демоны — рады.

Старинный монастырь,
Заброшенный, затих.
Лишь ветры
В храмину слетаются пустую.
И зимние дожди
Размыли лик святых,
И Будды голову
Размыли золотую.

Сквозь трещины в стене
Глядит глухая даль.
И даже духу тьмы
Ночлег здесь дик и страшен.
Разбитый колокол
В душе родит печаль...
Жаль древней звонницы
И жаль упавших башен.

Набравшись храбрости, Танский монах прошел через вторые ворота. Здесь он увидел развалины колокольни и сторожевой башни. Его внимание привлек медный колокол, вросший в землю. Верхняя его часть покрылась белым как снег налетом, а внизу он стал синим, как индиго. Произошло это оттого, что колокол долго лежал под открытым небом. Белый налет на верхней его части образовался от дождей, а синева — от испарений земли.

Поглаживая колокол рукою, Танский монах стал причитать над ним:

Ты когда-то
На башне высокой висел
И качался на балке,
Резной и богатой.
Ты рассвет, как петух,
Возвещал нам когда-то,
И, прощаясь с закатом,
Твой голос звенел.

Где ж прилежный умелец,
Подвижник простой,
Тот, кто гулкую бронзу
В горниле расплавил?
Расскажи, где ваятель,
Где мастер святой,
Кто в узорную форму
Струю золотую направил?

Скрылись оба в подземных чертогах
В назначенный час.
Имена их забыты.
Твой голос угас.

Танский монах стал громко вздыхать и охать, не подозревая, что растревожит обитателей монастыря. Первым услышал его голос монах, ведавший возжиганием лампад и фимиама. Он поднялся с земли, подобрал обломок кирпича и кинул его прямо в колокол. Раздался металлический звук. Танский монах с перепугу повалился наземь, затем хотел бежать, но зацепился за корень дерева и снова упал. Лежа на земле, он поднял голову и стал звать:

Упавший колокол!
Я плакал средь развалин
Об участи твоей
В вечерней тишине.
В безлюдных сумерках
Ты вдруг ответил мне
Могильным голосом,
И гул твой был печален.

Испуганный монах,
Подумал я, скорбя,
Что оборотня дух
Вселился и в тебя.

Тем временем монах подбежал к Сюань-цзану, помог ему подняться и учтиво сказал:

— Прошу тебя, отец, вставай скорей! Не думай, будто колокол превратился в оборотня, это я только что кинул в него осколком кирпича, вот он и звякнул!

Танский монах поднял голову и поглядел на говорившего.

— А сам ты не оборотень камней или деревьев? Может, злой дух?— с опаской спросил Танский монах, вглядываясь в безобразное чумазое лицо незнакомца.— Имей в виду, что я из великого Танского государства. Мои ученики умеют покорять драконов и укрощать тигров. И если только ты заденешь их, прощайся с жизнью!

Монах опустил на колени.

— Отец родной! Ты не бойся!— молил он.— Я вовсе не оборотень и не злой дух, а служу в этом монастыре, слежу за лампадами и курильницами. Мне по душе пришлись твои добрые речи, обращенные к колоколу, вот я и захотел приветствовать тебя. Однако я побоялся, думал, это козни одного оборотня, а потому и решил сначала кинуть в колокол кусок кирпича. Прошу тебя, отец, вставай!

Выслушав монаха, Сюань-цзан совсем успокоился.

— Ну и напугал ты меня!— сказал он чумазому.— Чуть не до смерти! А теперь веди меня к себе!

Монах повел Сюань-цзана за собой, и они вошли за третьи ворота. Тут перед Сюань-цзаном предстала совсем иная картина.

Из серо-голубого кирпича
Крутые стены
Росписью покрыты.
Изгибы крыши покрывают плиты,
Как ярко-изумрудная парча.
Над храмом Будды —
Блеск луча,—
Стрела летит, горя.
И нет числа
Кумирам.
А там внизу
Ступени алтаря
Сверкают белой яшмой и порфиром.

В восторге благостном
Душой крылатой
Узришь ты храм Пило *
Здесь в час заката.
Наполнена стоцветным ароматом
Манджутры пышная молежня... Посмотри!
Украшенный орнаментом богатым,
Зеленый зал затмил огонь зари.

Там сотни книг буддийских —
Древний клад!—
В крутящихся хранилищах лежат!
Трехъярусные круглых пагод крыши
Увенчаны узорным куполком.
Большие вазы
Украшают ниши.
Всех пагод башня Уфулоу выше.
Покрыта плотным, вышитым ковром
Ее верхов цветная черепица.
Она зовется Счастья пятерица*.

О пятикратном счастье молиться
Ты должен,
Повторяя горячо:
Жизнь долгая, богатство и здоровье,
Святая добродетель, и еще —
Смерть в старости
На мирном изголовье.

А там, где расположены сиденья
Молящихся,
Там тишина вокруг...
Там молодой качается бамбук,
Колышатся сквозных побегов тени.
Там созерцающих монахов круг,
Молчанье иль святое песнопенье.

И тысяча могучих, темных сосен
У храма Будды охраняют вход.
Всегда в багряном облаке цветет
Луч золотистый
Благодатных вёсен
В святом дворце Закатных облаков.
Слышны порою тихие молебны,
Молитвенные хоры...
По утрам
Сюда доносится
И нежный и целебный
С лугов далеких аромат цветов.
С высокой башни здесь по вечерам
Бой барабана слышится дозорный.

Опять монахи соберутся тут
И, сидя рядом,
Молча и упорно
Ряды заплат на рубище кладут.
Кому из них дарован ум высокий
И кто пойдет в вечерней тишине
Читать при ярко блещущей луне
Полунствивших книг
Святые строки?..

Но храмы пусты.
Только на дворе
Чуть слышен говор, звон,
Из кухни шум приятный.
Оттуда светит отблеск фонарей,
И ветер долетает ароматный!

Очарованный представившейся его глазам картиной, Сюаньцзан не осмелился идти дальше и обратился к монаху:

— Скажите мне, праведный монах, почему это у вас при входе царит запустение, а здесь, внутри, такое благолепие?

Монах ухмыльнулся.

— Почтенный отец!— ответил он.— На этой горе по соседству с нами поселились дерзкие разбойники. В ясную погоду они бродят по горе, грабят людей, а в ненастье укрываются в нашем монастыре. Это они повалили изваяния хранителей Будды и сломали все, что было сделано из дерева, чтобы разводить костры. Обитатели нашего монастыря все слабые и хилые, вот и боятся слово им сказать. Поэтому мы и решили отдать этим насильникам переднюю часть монастыря под жилье, а сами собрали подавния от разных благодетелей и выстроили себе другой монастырь, на задворках. Так у нас на Западе принято размежевывать чистых от нечистых...

— Так вот оно что!— произнес Танский монах.

Они пошли дальше и увидели еще одни ворота, а над воротами пять крупных иероглифов: «Храм Созерцания лесов и обуздания морей»¹. Только было они собрались войти в ворота, как из них вышел буддийский монах. Послушайте, как он выглядит:

Из сукна и парчи золотистой
Убор головной,
Слева ловко приколотый,
Шпилькою держится длинной.
Стан его облегает
Широкий халат шерстяной,
Как у древних буддийских браминов,
По моде старинной.

И свисают с ушей
Два сверкающих медных кольца,
И глаза его, светом горя,
Улыбаются кротко,
А в руке верещит болан-гу²,
Барабанчик-трещотка,
И на диком наречье
Он сутры твердит без конца.
И не ведал наставник,
Что здесь — ламаистские храмы*,
Что он видит монаха-буддиста,
Слугу далай-ламы!

Когда монах-лама вышел из ворот и увидел Танского монаха, с его благообразным лицом, красивыми бровями, ясным взором,

---

¹ Под «морями» следует понимать все мирские страсти, а «леса» понимаются в значении множества дум и мыслей.

² Болан, или болан-гу — название барабанчика, укрепленного на палке, к которой приделаны два шарика на веревочке; при вращении палки шарики по инерции бьют по барабанчику.

высоким лбом и ровной макушкой головы, с длинными ушами, свисающими до плеч, и длинными ниже колен руками, он подумал, что перед ним сам праведный небожитель-архат, сошедший с небес на грешную землю. Он подошел поближе к Сюань-цзану, лицо его выражало радость. Посмеиваясь от удовольствия, он стал ощупывать руки и ноги Танского монаха, потрогал его нос, потянул за уши,— все это он делал для того, чтобы выказать свое по-родственному близкое и сердечное расположение. Затем он взял Танского монаха за руку и привел к настоятелю монастыря. После положенной церемонии приветствий настоятель стал расспрашивать Танского монаха.

— Почтенный наставник!— вежливо начал он.— Откуда изволил прибыть сюда?

— Я твой младший брат в монашестве, следуя из восточных земель по повелению Танского императора на Запад в храм Раскатов грома, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Когда я проходил эти места, стало смеркаться, и я зашел в твой благочестивый монастырь, чтобы попроситься на ночлег. Завтра, ранним утром, я снова отправлюсь в путь. Прошу тебя внять моей просьбе и приютить...

— Не ожидал я от тебя такого! — перебил его настоятель.— Недостойно ведешь себя! Мы ведь не по доброй воле отпустились от мирской жизни,— продолжал он,— родители нас произвели на свет не в добрый час, может быть, они в чем-нибудь провинились перед духом Цветного зонта*, не смогли прокормить нас, пришлось нам покинуть родной кров и принять монашество. Так раз уж ты тоже стал верным учеником Будды, не говори пустых слов и не лги!

— Я говорю сушную правду,— возмутился Танский монах.

— Ты мне не рассказывай!— строго произнес настоятель.— Я знаю, как далек путь от восточных земель до райской обители Будды на Западе! Знаю также, сколько на пути этом встречается гор и пещер, в которых водятся духи-оборотни. Да разве ты, такой щуплый и изнеженный, отважился бы один пойти за священными книгами?!

— Уважаемый настоятель,— смиренно отвечал Танский монах,— ты совершенно прав. Я, бедный монах, один, конечно, не смог бы достичь этих мест. Но у меня есть трое учеников, моих спутников, которые прокладывают путь через горы и реки, охраняют меня от всяких напастей, потому мне и удалось прибыть сюда, в твое благочестивое пристанище.

— Где же они, твои высокочтимые ученики?— нетерпеливо спросил настоятель.

— Они ждут за воротами,— ответил Сюань-цзан.

При этих словах настоятель монастыря всполошился.

— Наставник! Ты ведь не знаешь, что у нас здесь водятся тигры и волки и живут лютые разбойники, которые нападают на людей. Мы даже днем боимся выходить отсюда, и ворота запи-

раем еще засветло. Как можно было оставить добрых людей за воротами да в такую пору?

После этого Сюань-цзан стал подзывать к себе прислужников:

— Братья! Ступайте скорей за ворота и попросите учеников моих войти!— приказал он.

Двое послушников выбежали за ворота, увидели Сунь У-куна и чуть было не упали со страха. При виде Чжу Ба-цзе они еще больше перепугались, упали на землю, отползли от него на четвереньках, поднялись и вихрем помчались обратно.

— Отец!— обратились они к Танскому монаху.— Беда! Твсих спутников не стало! У ворот стоят злые духи-оборотни!— А как они выглядят?— спросил Танский монах.

Прислужники стали впопыхах рассказывать:

— У одного морда совсем как у бога Грома, а у другого настоящее свиное рыло. А еще один с темным лицом и огромными клыками. Рядом с ними еще какая-то девица с напوماженными волосами, напудренная!

Танский монах весело рассмеялся.

— Вы просто их не распознали,— сказал он.— Эти трое как раз и являются моими учениками. А девицу я спас от гибели в сосновом бору и привел сюда.

— Отец!— заинтересовались послушники.— Как же так получилось, что у тебя, такого благообразного на вид, оказались столь безобразные ученики?

— Что ж поделаешь!— вздохнул Танский монах.— Хоть они и некрасивы, зато оченьгодились мне Ступайте скорей, зовите их. Не то один из них, похожий на бога Грома, чего доброго, ворвется сюда, а он забияка и большой буян, так как произошел он не от человека.

Прислужники снова выбежали за ворота и, дрожа от страха, опустились на колени.

— Уважаемые господа!— заговорили они, низко кланясь.— Батюшка Танский монах приглашает вас к себе.

Чжу Ба-цзе засмеялся.

— Раз нас просят, значит все в порядке. Но чего это они так трясутся?— спросил он, обращаясь к Сунь У-куну.

— Увидели нас, вот и испугались,— ответил Великий Мудрец.

— Тьфу ты!— сплюнул Чжу Ба-цзе с досадой.— Мы же не виноваты, что уродились такими!

— Ты пока лучше прикрой свое уродство,— посоветовал ему Сунь У-кун.

Дурень послушался его, ткнул рыло за пазуху, наклонил голову и так пошел, ведя коня за собой. Ша-сэн взвалил ношу на плечи и последовал за ним. Позади всех шел Сунь У-кун, внимательно следя за девицей, которая шла впереди. Миновав развалины и пустые кельи, они вошли в третьи ворота. Там они

привязали коня, сложили поклажу и направились к настоятелю. Встретившись с монахом-ламой как подобает, расселись по старшинству. Затем настоятель пошел во внутреннее помещение и вскоре вышел оттуда, ведя за собой нескольких послушников. Когда закончилась церемония знакомства, послушники прибрали помещение и стали готовить трапезу.

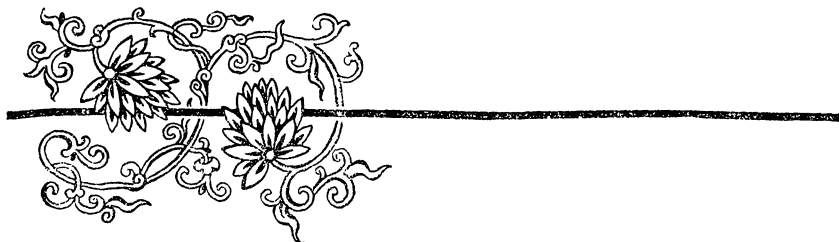
Вот уж поистине:

Чтоб накопить заслуги,
Думать будут
Монахи о любви и доброте.
Когда кругом
В чести ученье Будды,
То и монахи,
В мудрой простоте,
Друг друга похвалить не позабудут!

Если вы хотите знать, читатель, как покинули этот монастырь наши путники, прочтите следующие главы.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ,

из которой читатель узнает о том, как смышленная обезьяна распознала оборотня и как в бору Черных сосен ученики искали своего наставника

Наш рассказ мы прервали на том, как Танский монах и его ученики познакомились с обитателями монастыря Созерцания лесов и обуздания морей, где их приветливо встретили и сытно накормили. Подкрепившись, путники отдали остатки пищи спасенной девице, которая тоже немного поела. Вскоре стемнело, и в доме настоятеля зажгли фонари. Сюда целой толпой пришли монахи. Им очень хотелось узнать историю Танского монаха, почему он отправился за священными книгами, и, кроме того, любопытно было поглазеть на деву.

Сюань-цзан обратился к настоятелю с вопросом:

— Не скажешь ли нам, благочестивый владыка монастыря, какова дорога на Запад? Мы завтра же, ранним утром, покинем вашу драгоценную обитель.

Лама вдруг опустился на колени, Танский монах сконфузился и начал поспешно поднимать его:

— Что ты, владыка!— торопливо заговорил он.— Вставай скорей, прошу тебя! Ведь я просто спросил тебя о дороге! Зачем же выказывать мне такое уважение?

— Почтенный наставник! Дорога на Запад прямая и ровная,— отвечал лама,— завтра утром можешь отправляться в путь, ни о чем не заботясь. Тревожит меня лишь одно обстоятельство, о котором я хотел сказать тебе, как только вошли твои спутники, но побоялся оскорбить твое достоинство. Сейчас, подкрепившись, я все же решил набраться смелости и скажу тебе всю правду. Ты, наставник, прибыл сюда из восточных земель, совершил путь далекий и трудный, и я буду очень рад.

если ты со своими учениками расположишься на отдых в моей келье, но вот с девушкой не знаю, что делать. Куда бы ее устроить на ночлег?

— Владыка! Ты только не подумай, что у нас насчет этой девы есть какие-либо дурные намерения,— ответил Танский монах.— Мы увидели ее утром, когда проходили через бор Черных сосен, она была привязана к дереву. Мой ученик Сунь У-кун ни за что не хотел спасать ее, а во мне пробудилось чувство сострадания, и я спас ее. Ты сам распорядись, куда ее уложить спать.

— Поскольку ты, наставник, так великодушен,— с чувством произнес настоятель,— я устрою ее в храме Владыки неба, за его изваянием. Велю постлать ей сенца и приготовить постель, пусть себе спит.

— Вот и хорошо!— обрадовался Танский монах.

Послушники тут же повели деву в храм и устроили ей постель за престолом божества.

После этого Танский монах попросил настоятеля и всех монахов не заботиться больше о нем и его учениках, и все разошлись на покой.

— Сунь У-кун! Ложись-ка пораньше, пораньше встанешь!— ласково сказал Танский монах.— Измучился небось.

Путники очень скоро заснули, а Сунь У-кун даже во сне охранял своего наставника, не отлучаясь от него ни на минуту. Наступила глухая ночь.

Стихли звуки.

Не видно прохожих.

Безмолвье царит.

На востоке всплывает луна,

И круга и ярка.

Тихо звезды мерцают.

Небесная блещет река.

В барабан бьют на башне.

И стража на смену спешит.

О том, как прошла ночь, мы рассказывать не будем. Утром Сунь У-кун поднялся первым, велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну собрать поклажу и приготовить коня, а сам стал будить наставника.

— Наставник! Учитель!— звал Сунь У-кун.

Танский монах приподнял голову, но ничего не ответил.

— Что с тобой?— забеспокоился Сунь У-кун.

— Голова кружится и в глазах темно,— простонал Танский монах.— Все тело болит, даже кости ломит.

Чжу Ба-цзе ощупал тело Сюань-цзана, тот весь горел.

— Я знаю, в чем дело!— засмеялся Чжу Ба-цзе.— Видно, вчера учитель обрадовался бесплатной еде и съел лишнего, а спал, запрокинув голову, вот его и схватило.

— Глупости!— прикрикнул на Дурня Сунь У-кун.— Вот я сейчас спрошу самого наставника, тогда узнаем, что с ним.

— В полночь я вставал по малой нужде,— объяснил слабым голосом Танский монах,— вышел с непокрытой головой, меня и продуло.

— Вот это вполне возможно,— подтвердил Сунь У-кун.— Ну, а сейчас сможешь ты отправиться в дорогу?

— Да что ты!— произнес Танский монах.— Я даже подняться не в силах, как же я заберусь на коня? Опять из-за меня задержка!

— Наставник! Зачем ты так говоришь?— стал утешать его Сунь У-кун.— Кого же ты задерживаешь? Знаешь пословицу: «Кто хоть один день был твоим учителем, чти его как отца родного до конца своей жизни!» Мы, твои ученики, все равно, что твои сыновья. Ведь не зря говорят: «Сыну не надобно золото, ни серебро, а нужна ему любовь родительская!» Раз ты захворал, о какой же задержке может идти речь? Почему бы нам не побыть здесь несколько дней, пока ты поправишься!

И вот все трое учеников принялись выхаживать своего больного учителя. Незаметно прошло утро, настал полдень, опять наступили сумерки, пролетела ночь, и снова забрезжил рассвет.

Время шло незаметно, прошло два дня, а на третий Танский монах поднялся и подозвал к себе Сунь У-куна.

— Эти дни мне было так плохо, что я не мог даже справиться о спасенной нами доброй женщине. Носили ли ей пищу?— спросил он.

Сунь У-кун засмеялся.

— Что ты все о ней беспокоишься? Позаботился бы лучше о своем здоровье.

— Да, да, ты прав!— ответил Танский монах.— Поддержи меня, я хочу встать. Достань бумагу, кисть и тушь да одолжи тушечницу.

— Для чего тебе?— удивился Сунь У-кун.

— Мне надо написать письмо,— отвечал наставник,— я вложу в конверт также мое проходное свидетельство, а тебя попрошу доставить этот пакет в столицу Чанъань и отдать самому государю Тай-цзуну.

— Для меня это сущие пустяки!— уверенно сказал Сунь У-кун.— На что-либо другое я, может быть, и неспособен, но что касается доставки писем, так на это я всегда готов. Ты только запечатай письмо как следует. Я совершу всего один прыжок и попаду прямо в Чанъань, там вручу письмо Танскому императору, затем снова совершу прыжок и предстану пред тобой. У тебя за это время даже тушь не успеет высохнуть в тушечнице. Но, постой! О чем же ты собираешься писать? Ну-ка, расскажи мне! Успеешь написать.

Тут из глаз Танского монаха потекли слезы.

— Вот что я напишу,— молвил он:

Покорный твой слуга, монах несчастный,
В слезах я трижды быю тебе челом,
Желаю счастья тебе, здоровья
На много, много лет.

И пусть прочтут
Перед тобой, о мудрый государь,
Придворные чины и воеводы
Мое послание.

Пусть все узнают,
О чем тебе поведать я хочу.

С надеждой я пошел к горе Линшань
В тот самый день, когда ты повелел
Мне родину покинуть, чтоб узреть
Лицо святого Будды...

Но, увы!
Не ожидал я, сколько тяжких бед
И сколько трудностей в пути я встречу!
Не помышлял о том, что злой недуг
На полпути меня задержит.

Горе!
Как тяжело болен я, и силы нет
Идти вперед! А до дверей блаженных
Жилища Будды, до святых ворот
Его ученья — слишком далеко.
Святые книги, знаю, ждут меня,
Но не судьба мне их достать. Напрасно
Потратил я в дороге столько сил...
Об этом доложить тебе я должен.
И я прошу освободить меня
От порученья твоего. Я болен,
И стар, и слаб. За книгами идти
В тяжелый путь на Запад повели,
Взамен меня, кому-нибудь другому!

Выслушав Танского монаха, Сунь У-кун разразился громким смехом.

— Ха, ха, ха!— заливался он.— Что же это ты, наставник, совсем раскис? Чуть прихворнул, и вон что надумал! Если когда-нибудь ты действительно тяжело заболеешь и будешь при смерти, обратись ко мне: я знаю, чем помочь. Мигом слетаю в Преисподнюю и спрошу: «Кто из вас, правителей Подземного царства, замыслил недоброе? Кто из здешних судей осмелился писать повестку? Где здесь ваш бес-посыльный, которому поручено схватить моего наставника?» А если они меня рассердят, я покажу им, кто я такой, еще почище, чем в прошлый раз, когда учинил буйство в небесных чертогах. Со своим волшебным посохом я ворвусь в самое пекло, поймаю правителей Преисподней — Янь-ванов всех десяти отделений,— и у каждого из них вытяну все жилы. Никому не дам пощады!

— Братец! Не шути!— сказал Танский монах.— Я ведь в самом деле тяжело болен.

Чжу Ба-цзе вступился за учителя.

— Брат!— сказал он.— Зачем ты перечишь наставнику. Он говорит, что ему плохо, а ты свое твердишь! Вот заноза! Давай лучше решим, что нам делать: продадим коня, заложим вещи ростовщику, купим гроб, похороним наставника, а сами разойдемся всяк в свою сторону.

— Ну и Дурень! Опять вздор мелет!— перебил его Сунь У-кун.— Ты, видно, не знаешь, что наш наставник — второй по старшинству ученик самого Будды Татагаты. Первоначально нашего наставника называли «Золотым кузнечиком»*, но как-то раз он совершил проступок, за что теперь ему и положено перенести испытание.

— Как же так?— удивился Чжу Ба-цзе.— Ты говоришь, что наш наставник когда-то провинился перед Буддой. Но ведь за это он уже был наказан: его разжаловали и послали в восточные земли, там он прошел через все искусства и разные перипетии, принял человеческий облик и дал обет пойти на Запад поклониться Будде и взять у него священные книги. По дороге его хватили разные дьяволы-оборотни, связывали по рукам и ногам, подвешивали к потолку, подвергали разным мучениям и страданиям... Казалось бы, одного этого вполне достаточно для искупления вины, зачем же еще подвергать его болезни?

— Да где тебе знать это!— насмешливо произнес Сунь У-кун.— Вот как было дело. Слушай! Наш наставник как-то раз, слушая поучения Будды, задремал. А когда Будда стал задавать вопросы, то из-под левого башмака нашего наставника выкатилось зернышко, упало и полетело вниз, на грешную землю. Вот за это и положено нашему наставнику проболеть три дня.

— В таком случае, сколько же лет придется мне болеть за то, что я разбрасываю еду, когда ем?— робко спросил он.

— Братец!— ответил Сунь У-кун.— О таких, как ты, Будда даже и не думает. Ты, наверное, не слыхал стихи:

Люди полют рис,
А солнце их палит.
Падают на стебли
Капли пота,
Кажное зерно,
Посеял кто-то,
Ест богач,
А труженик забывает...

Наставнику осталось хворать еще один сегодняшний день, завтра он будет совсем здоров.

— Да мне и сегодня лучше,— произнес Танский монах.— Все время хочется пить. Ты бы сходил за холодной водицей.

— Вот и хорошо!— обрадовался Сунь У-кун.— Раз хочется

пить, значит дело идет на поправку. Погоди, сейчас я схожу за водой!

Он поспешно достал патру и отправился на задний двор, где находилась монастырская кухня. Там он заметил, что у всех монахов красные, заплаканные глаза. Все они всхлипывали и, видимо, едва сдерживали рыдания.

— Эге! Да вы, оказывается, скупые и мелочные!— обратился к ним Сунь У-кун.— Мы пробыли у вас всего несколько дней и собираемся перед уходом отблагодарить вас за гостеприимство и возместить расходы на топливо. Чего же это вы так разнюнились?

Монахи в сильном смущении спустились на колени.

— Мы не смеем, не смеем!— заговорили они.

— Что значит «не смеем»?— спросил Сунь У-кун.— Может быть, вы хотите сказать, что вас объедает тот из нас, у кого длинное рыло и большое брюхо?

— Почтенный отец! Не в том дело!— начали объяснять монахи.— Нас в этом монастыре сто десять душ. Если каждый возьмется прокормить вас хоть один день, то все вместе мы сможем кормить вас сто с лишним дней. Разве посмели бы мы обижаться на вас и считать какие-то харчи?

— А если не в этом дело, то отчего же тогда вы плачете?— спросил Сунь У-кун.

— Отец наш!— ответили монахи.— К нам в монастырь забрался какой-то злой дух-оборотень. По вечерам мы посылаем двоих послушников отбивать часы в колокол и бить в барабан. Каждый раз мы слышим, как они звонят и барабанят, но назад не возвращаются. А когда на другой день идем искать их, то находим возле огорода, на заднем дворе, монашеские шапки, соломенные туфли и обглоданные кости. Кто-то их пожирает. Вы живете у нас три дня, и за это время мы лишились шестерых послушников. Мы не из пугливых и зря никогда не сокрушаемся. А не осмеливались сказать об этом лишь потому, что ваш наставник хворает, однако слез своих не сумели скрыть от тебя.

Сунь У-кун слушал их, испытывая тревогу и радость одновременно.

— Теперь все ясно,— сказал он решительно.— В монастыре завелся злой дух-оборотень, который губит людей. Хотите, уничтожу его?

— Отец! Послушай нас!— взмолились монахи.— Ты же знаешь, что все злые духи-оборотни обладают волшебной силой. Так и этот. Он безусловно умеет летать на облаках и туманах, наверняка знает все ходы и выходы в подземном царстве! Древние люди недаром сложили замечательную поговорку: «Не верь чересчур большой честности, остерегайся также бесчеловечности!» Не сердись, отец наш, и позволь нам сказать тебе все, что мы думаем. Если тебе удастся поймать злого оборотня и уни-

чтожить его с корнем, воистину это будет счастьем трех жизней наших; * ну, а если тебе не удастся, тогда ты навлечешь на нас множество бед.

— Что это значит: «множество бед»? — спросил Сунь У-кун, задетый за живое.

— Скажем тебе прямо, ничего не скрывая, — ответили монахи. — Нас собралось здесь в этом глухом монастыре сто десять душ. Все мы с малых лет покинули мир сует: Вот послушай, как мы живем:

Лишь волосы большие отрастут,
Мы тут же их сбрасываем острой бритвой.
Заплаты нашиваем там и тут
На рубище с усердной молитвой.
Чуть утро, окружаем водоем
И умываемся струей студенной,
И, пальцы с пальцами сложив, поклоны
Смиранные пред Буддою кладем.
Мы в нем священную опору ищем.
Приходит ночь — и тихий фимиам
Мы зажигаем пред его жилищем.
Дадао * — «Путь великий» — близок нам.
Зубами щелкаем, чтоб вознести
Сердца и помыслы к святому Будде,
«Амитофо» мы на ночь не забудем
С благоговением произнести.
И, голову подняв, мы видим Будд,
Святых отцов, подвижников блаженных,
Сияющих на лотосах священных,
Которые на небесах цветут,
Мы много праведников различаем
Всех девяти высоких ступеней *,
Душою разгораясь все сильнее.
Три звездных колесницы * мы встречаем:
На них и бодисатвы и архаты,
И посреди миров рождаюсь вновь,
Там Будды милосердного любовь
Плывет — спасения челнок крылатый!
Хотим тогда войти в Покоя сад *
И Сакья-муни там узреть воочью.
Потом к земле мы опускаем взгляд
И проникаем к сердца средоточью.
Стараемся вселенную спасти,
Пять заповедей строго соблюдая,
Чтоб, наши заблужденья постигая,
От сущности всю бренность отмести...
Когда приходят данапати * к нам,
Мы рады приношеньям и дарам.
Тогда —

Мы, старые
И малые,
И мальчики
И взрослые,
Жирные,
Поджарые,
Низкие
И рослые,

Мы все, отрекшись от сует,
В медь гонга бьем,
В бок деревянной рыбы,
Чтоб все пришедшие внимать могли бы
Словам из глав «Ученья Будды цвет»*
И к чтению глав мы добавляем к стати
Письмо, которое, с тоской в груди,
Прислал под старость лянский царь У-ди*.
А если не приходят данапати,
Тогда —

Мы, прежние
И новые,
Веселые,
Суровые,
Крестьяне
Прямо с пашни
И богачи
Вчерашние,

Мы закрываем при луне врата,
Проверим все засовы и запоры.
Нас птиц ночных не потревожат споры,
Их крики, их возня и суета.
Садимся мы на коврики свои
И, погружаясь в самоотрешенье,
Душой уходим в древнее ученье
Терпения, страданья и любви.

Вот почему не можем укрощать
Мы оборотней хищных и драконов,
Не изучаем демонских законов,
Как духов злых заклятием встречать.
Врага раздразишь ты, и алчный демон
Сто десять душ сожрет в один присест,
И жизни колесо от этих мест
Назад покатится.

И будет, дьявол, тем он
Обрадован, что рухнет монастырь,
Что от него останется пустырь...
И вечной славы нас лишишь тогда ты
В грядущем царстве Будды Татагаты.

Все горести, которые нас ждут,
Когда рассержен будет враг проклятый,
Почтительно мы изложили тут.

Слушая речи монахов, Сунь У-кун все больше распаялся от гнева, поднимавшегося в сердце и доходившего до печени. Неукротимая злоба бушевала в нем.

— Ну и дураки же вы! — громко крикнул он. — Вы знаете лишь одно: каков злой дух-оборотень, а на что способен я, старый Сунь У-кун, вы и представления не имеете!

Монахи сконфуженно признались:

— По правде говоря, действительно не знаем.

— Тогда послушайте, сейчас я вам расскажу о себе, — с гордостью произнес Сунь У-кун.

Как-то раз я поднялся
На гору Плодов и цветов,
И мятежные мне подчинились
Драконы и тигры,
И в небесных чертогах
Затеял я буйные игры,
Напугав и священных архатов
И древних отцов.

Но лишь только мучительный голод
Проснулся в груди,
В тайнике Лао-цзюня
Две-три я похитил пилюли,
А замучила жажда,
Я выпил, лишь стражи заснули,
Чарок семь со стола
Императора неба Юй-ди.

Тут бессмертным сияньем
Глаза у меня засверкали,
И не черным, не белым огнем,
А огнем золотым.
Небеса омрачились тогда
Облаками печали,
И луна потускнела,
Закутавшись в траурный дым.

В золотых украшениях,—
Не посох я выбрал, а чудо! —
Мне как раз по руке,
Не страшна с ним любая беда!
Я похитил его,
Ускользнув невидимкой оттуда,
Той же самой дорогой,
Какою проник я туда.

Так меня ль испугать
Кровожадностью демона злого?
Что мне оборотни!
Что мне происки дьявольских сил!
Что мне черти большие и малые!
Беса любого,
Ухватив, разорву пополам,
Сколько б он ни просил!

Задрожит и по норам попрячется
Свора их злая,
Не спасут их
Ни ноги, ни крылья, когда налечу,
Изрублю я коварных,
Сожгу непокорных дотла я,
Как зерно, истолку,
И, как легкую пыль, размельчу,

Восьмерых я бессмертных
Могуществом превосхожу*,
Тех, что ездили за море.
Бросьте сомненья и страхи!

Я поймаю вам оборотня
И его покажу,
Чтоб вы знали меня,
Мудреца Сунь У-куна, монахи!

Монахи, насупившись, слушали Великого Мудреца, а сами думали, покачивая головами: «Ну и расхвастался этот лысый прохвост! Видно, неспроста!» Однако они не стали ему перечить и даже высказали свое одобрение к тому, что он сказал. Один только старый лама не удержался.

— Постой!— сказал он.— Как же ты собираешься ловить оборотня, когда твой наставник хворает? Как бы с ним чего не случилось, пока ты будешь биться с чародеем. Как говорится в пословице: «И не заметишь, как получишь рану». Смотри, затеешь с оборотнем драку, впутаешь в нее учителя — нехорошо получится.

— Да, ты прав! Совершенно прав!— ответил Сунь У-кун, спохватившись.— Я пока снесу холодной водицы испить моему учителю, а там видно будет.

С этими словами Сунь У-кун зачерпнул холодной воды, вышел из кухни и направился в келью настоятеля.

— Наставник!— окликнул он Танского монаха.— Выпей холодной водички!

Танский монах, мучимый жаждой, приподнялся, принял патру обеими руками и осушил ее до дна. Вот уж верно сказано: «Когда хочешь пить, капля воды кажется слаще нектара, когда снадобье верное, хворь как рукой снимет».

— Не хочешь ли поесть чего-нибудь, наставник?— спросил Сунь У-кун, видя, что Танский монах приободрился и глаза его оживились.— Может быть, рисового отвара принести?

— Что ж! Я с охотой поел бы немного,— согласился Танский монах.— Эта вода оказалась для меня живительной влагой, вроде пилюли бессмертия!— пошутил он.— Я почти совсем здоров.

— Наш учитель выздоровел,— громким голосом воскликнул Сунь У-кун, — просит рисового отвара.

Монахи засуетились, приготавливая еду. Одни промывали рис, другие раскатывали тесто, жарили блины, варили на пару пампушки, и вскоре наготовили еды на четыре или пять столов. Однако Танский монах съел лишь полплошки рисового отвара. Сунь У-кун и Ша-сэн отведали по одной порции каждого блюда, а со всем остальным справился один Чжу Ба-цзе, который набил себе полное брюхо. После трапезы убрали посуду, зажгли фонари, и все монахи разошлись, оставив наших путников одних в келье.

— Который день мы здесь находимся?— спросил Танский монах.

— Ровно три дня!— ответил Сунь У-кун.— Завтра к вечеру будет четыре.

— За три дня сколько бы мы успели пройти,— вздохнул Танский монах.

— Зачем считать?— остановил его Сунь У-кун.— Завтра же тронемся в путь!

— Вот это правильно,— обрадовался Танский монах.— Хоть я и не совсем выздоровел, а двигаться надо.

— В таком случае,— сказал Сунь У-кун,— позволь мне сегодня ночью изловить злого оборотня.

Танский монах сильно встревожился.

— Какого же еще оборотня ты вздумал изловить?— с неподдельным ужасом спросил он.

— В этом монастыре завелся хищный оборотень,— спокойно ответил Сунь У-кун,— вот я и решил избавить от него здешних монахов.

— Брат мой! — укоризненно произнес Танский монах.— Как можешь ты помышлять о поимке оборотня, если я не совсем еще оправился от болезни? А вдруг у этого оборотня чары окажутся сильнее твоих, и ты его не одолеешь, тогда мне останется лишь погибнуть, не так ли?

— Плохо ты обо мне думаешь! — рассердился Сунь У-кун.— До сих пор я на всем пути всегда одерживал верх над злыми духами-оборотнями. Видел ли ты хоть раз, чтобы я потерпел поражение? Стоит мне лишь приложить руки, как я сразу же выхожу победителем!

Но Танский монах продолжал отговаривать его.

— Брат мой! — умолял он.— Вспомни мудрое изречение: «Коль случай есть, ты бедным помощь окажи, а где пощады просят — пощади! Все лучше сердцем управлять, чем волю дать ему! Чем в спор пускаться злобный, достойнее сдержаться!»

Великий Мудрец, видя, что Танский монах всячески отговаривает его от намерения покорить злого оборотня, рассказал ему всю правду.

— Наставник! Вот что я скажу тебе. Оборотень поселился в монастыре и пожирает людей!

— Кого же он сожрал? — упавшим голосом спросил Танский монах, испугавшись не на шутку.

— Мы находимся здесь всего три дня, а за это время он сожрал уже шестерых послушников.

— Какой ужас! — содрогнулся Танский монах.— Недаром говорят: «Когда заяц помирает, даже лисица горюет!» А уж если животные горюют друг о друге, то людям само небо велело сокрушаться о погибших! Этот оборотень пожирает монахов. А я ведь тоже монах. Ладно, отпускаю тебя, только смотри будь осторожен!

— Об этом говорить не стоит! — обрадовался Сунь У-кун.— Мне бы только добраться до этого оборотня,—я с ним разделюсь!

И, несмотря на поздний час, Сунь У-кун велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну зорко охранять Танского монаха, а сам, хихикая от радости, выскочил из кельи настоятеля и направился прямо к храму Будды. В небе сверкали звезды, но луна еще не взошла. В храме было совсем темно. Сунь У-кун раздул священный огонь*, зажег хрустальные лампы и начал бить то в барабан, то в колокол. После этого он встряхнулся и превратился в подростка-послушника лет двенадцати. На нем была узкая рубаха из желтого шелка, а поверх — длинное монашеское одеяние из белого холста. В руках он держал «деревянную колотушку-рыбу», стучал в нее, а сам читал нараспев какую-то сутру. Прошло время первой стражи, но никто не появлялся, и кругом все было тихо. Наступила вторая стража, взошла луна в ущербе, и вдруг в храме послышалось завывание ветра.

Ну и ветер это был! Вот послушайте:

Темнота покрыла небо,
Словно черной, плотной тушью.
Ничего кругом не видно
В облаках волнистой мглы.
Грозно дунул вихрь летучий,
Закрутил он пыль сначала,
А потом валить на землю
Стал могучие стволы.

Тьма зловещая сгустилась,
Замигав, померкли звезды,
И луна багрово светит
Сквозь дремучий бурелом,
И Чан-э, луны богиня,
Солошу* в объятьях держит,
Чтоб, упав, не поломало
Землю огненным стволом.

И нефритовый зайчонок*
На луне в тревоге скачет,
Плачет, что найти не может
Таз волшебный для лекарств,
А испуганные духи
Девяти светил небесных
Спешно закрывают двери
Девяти небесных царств.

И правители-драконы
Четырех морей великих,
Содрогнувшись, все ворота
Поспешили запереть.
Духи храмов растеряли
Всех служителей усердных.
В небесах, на тучах старцы
Не решаются лететь.

И в чертогах Преисподней
Царь Янь-ван напрасно кличет
Устрашителя-владыку
С лошадиной головой.

Судьи адские в тревоге
Разбежались, каждый ловит
Вихрем сорванную шапку,
С перепугу сам не свой.

До того разбушевался
Ураган, что камни стонут,
На верхах Куньлуня скалы
Своротил с железных жил,
В реках воду взбаламутил,
Влагу выплеснул в озерах
И, стеною вздыбив волны,
Дно морское обнажил.

Не успел пронестись ураган, как вдруг весь храм наполнился ароматом орхидей и мускуса и послышался нежный звон яшмовых подвесок. Сунь У-кун насторожился, поднял голову и стал всматриваться. Ба! Да это была настоящая красавица, которая шествовала прямо к алтарю Будды. Сунь У-кун стал нараспев читать сутру, притворяясь, что не замечает деву. Красавица подошла к нему, нежно обняла и спросила:

— Что за сутру ты читаешь, блаженный отрок?

— Ту, что должен прочесть по обету, — ответил Сунь У-кун, ничуть не смущаясь.

— Но ведь все уже давно спят, отчего же ты бодрствуешь? — спросила дева.

— Как же мне не читать, ведь я дал обет! — отвечал Сунь У-кун, словно оправдываясь.

Красавица еще крепче обняла его и поцеловала в губы.

— Пойдем со мною на задний двор! Там мы с тобой позабудемся, — предложила она, пытаясь увлечь за собой послушника.

Сунь У-кун нарочно отвернулся, чтобы подзадорить оборотня, и сказал:

— Ты, видно, ошиблась во мне!

— А ты умеешь гадать по лицу? — перебила его дева.

— Да, кое-что смыслю в этом, — ответил Сунь У-кун.

— Ну, так отгадай, кто я такая! — лукаво попросила красавица.

— По-моему, — сказал Сунь У-кун, — ты любишь тайком предаваться любовным утехам и за это свекор со свекровью выгнали тебя из дому.

— Вот и не угадал! Вот и не угадал! — обрадовалась дева. — Слушай кто я такая:

Не свекор,
Не жестокая свекровь
Меня за незаконную любовь,
Озlobясь,
Из дому навек прогнали,

Судьба моя в той жизни решена
На горе мне.
И не моя вина,
Что бедной мне
В мужья мальчишку дали.

Не ведал он,
Как быть ему с женой,
Вдвоем со мной
Оставшись в брачной спальне.
И убежала я...
Что может быть печальней?
С тех пор приходится мне жить одной.

Давай проведем вместе эту звездную ночь. Я знаю, что свидание с тобой самой судьбой мне назначено. Мы пойдем на задний двор и там понежмся, как пара чудесных птиц Луань! — закончила дева и потянула за собой Сунь У-куна.

Сунь У-кун выслушал ее и подумал про себя: «Те глупые послушники поддались соблазну любовных утех, а потому распрощались с жизнью. Теперь она, видимо, хочет и меня провести». Отпрянув от девы, он округлил глаза:

— Я ведь монашеского звания, милая тетенька! Мне еще очень мало лет, и я не знаю, что значит понежиться.

— Пойдем со мной! — тянула его дева. — Я научу тебя.

Усмехнувшись про себя, Сунь У-кун подумал: «Ладно, так и быть! Пойду посмотрю, что она собирается сделать со мной».

Обнявшись, они вышли из храма Будды и направились к огороду на заднем дворе. Вдруг дева-оборотень неожиданно подставила ножку Сунь У-куну, и он упал наземь. Сама же она с возгласами: «Любимый мой! Дорогой мой!» — ухватила его руками за то место, которое, читатель, нельзя назвать. Сунь У-кун подумал: «Ай-ай-ай! Она и впрямь собирается сожрать меня, старого Сунь У-куна!»

Схватив ее за руки, он ловким движением ног повалил ее, и она покатилась по земле.

— Милый мой! Ишь ты каков! — закричала дева-оборотень. — Оказывается, сумел повалить свою тетеньку!

Тем временем Сунь У-кун стал прикидывать: «Когда же еще, как не сейчас, расправиться с этим оборотнем! Ведь правду говорят: «Кто первый бить начнет — выигрывает, кто опоздает — проигрывает!»

Сунь У-кун скрестил руки, выгнул спину, подпрыгнул, принял свой первоначальный облик и принялся вертеть колесом железный посох с золотыми обручами, готовясь нанести оборотню сокрушительный удар по голове.

Повалившись наземь, дева-оборотень струхнула: «Вот так послушник, — с тревогой подумала она, — какой злощия!» Те-

перь перед ней был не кто иной, как ученик Танского монаха, Сунь У-кун. Но это ничуть ее не испугало.

Вы только послушайте, что это был за оборотень!

Крепок нос у нее,
Словно клюв или выступ железный.
Вся в серебряной шерсти,
Ни зверь она, ни человек.
Домом служат ей норы,
Приотом — туманные бездны,
И в любой котловине
Готов ей надежный ночлег.

Триста лет, как возникла она,
И не ведала сроду
Ни добра, ни любви,
Хоть была на вершине Линшань,
Но наелась там воску, цветов
И душистого меду,
И низвергла с небес ее
Будды могучая длань.

Но назвал ее дочерью
Царь То-та Ли, что над нами
В небесах, и сестрою Наследника
Стала она.
То не птица Цзинвэй*,
Что моря завалила камнями,
Не Ао — черепаха,
Что выдержать горы должна.
Не страшны ей драконы — мечи
Колдуна Лэй Хуаня;*
Преградить ей дорогу не в силах
Янцзы или Хань;
Не грозит ей погибелью
Нож знаменитый Люй-цяня,
Что пред нею вершина Хэньшань
Или горы Тайшань!
А захочет она
Обернуться к нам ликом девичьим,
И цветок и луну
Затмевает ее красота.
Кто помыслит тогда,
Что под этим чудесным обличем
Морда мерзкой лисицы таится
Иль образ крота?

Обладая великими чарами, оборотень сразу же вооружился двумя обоюдоострыми мечами и принял бой. Раздался громкий звон скрестившегося оружия: «дин-дин — дан-дан». Оборотень ловко отражал удары Сунь У-куна: укрываясь слева, нападал справа, делал выпады вправо и отступал влево. Сунь У-кун хоть и был сильнее, но не мог сразить врага. И вот опять поднялся

сильный северный ветер, и ущербная луна померкла. Посмотрели бы вы, как они сражались! Ну и хорош был бой!
Вот послушайте:

Дунул ветер, взвились вихри,
Вся страна пришла в смятенье.
Звезды яркие затмились,
Еле виден свет луны.
Но в обширном храме Будды
Тишина и запустенье,
И других божеств молельни
Все безмолвием полны.

А в саду, в тени деревьев,
Грохот слышен, звон и крики.
Сунь У-кун, боец великий,
Небом признанный мудрец,
И красавица колдунья,
Оборотень многоликий,
Состязаясь в грозных чарах,
В бой вступили наконец.

Сердце девы, словно птица,
Выскочить на волю хочет,
Прочит смелому монаху
Смерть от острого меча.
Но и сердце Сунь У-куна
Грозной яростью клокочет,
И красавицу колдунью
Бьет он посохом плеча.

Как у злобной чаровницы
Два меча летают ловко!
Дьяволица, а не дева!
Образ демоиский, как встарь!
Но, чтоб посохом сражаться,
Тоже ведь нужна сноровка,
И в проворстве Махарачже *
Равен обезьяний Царь!

Посох с грохотом летает,
Раздается гул удара;
Словно молнии, порхают
Два меча в густой пыли.
Или уточек влюбленных
В храме разлучилась пара?
Иль красавицу в чертогах
Хитрой сетью оплели?

Здесь рыдают обезьяны,
Слыша гром и гул сраженья.
Там испуганные гуси,
Вспокошились и кричат.
Восемнадцати архатов
Дух исполнен восхищенья.
Тридцать два небесных свода
В изумлении молчат,

Сунь У-кун разил без промаха. Дева-оборотень поняла, что ей не устоять против расшвирепевшего противника. Она нахмурилась, и ей сразу же пришел на ум прекрасный замысел. Сжавшись всем телом, она вдруг кинулась бежать от Сунь У-куна.

— Стой, негодница! Куда?— закричал Великий Мудрец, предвкушая победу.— Сдавайся живей.

Но дева-оборотень, не обращая внимания на грозные крики, бежала без оглядки. Когда Сунь У-кун почти догнал ее, она скинула цветной башмачок с левой ноги, дунула на него своим волшебным дыханием, прочла какое-то заклинание и воскликнула: «Превратись!» Башмачок тотчас же превратился в точную копию девы-оборотня, с двумя мечами в руках. Сама же она вдруг стала невидимой и унеслась прочь, став легким ветерком.

Видно, зловещая звезда взошла над несчастным Танским монахом. Дева-оборотень ворвалась в келью настоятеля, схватила Сюань-цзана и умчалась с ним в заоблачные высоты. Не успел он и глазом моргнуть, как дева-оборотень доставила его на гору под названием Провал в пустоту и привела в Бездонную пещеру. Там она приказала слугам приготовить свадебный пир. Но об этом мы рассказывать пока не будем.

Тем временем Сунь У-кун, пылая жгучей ненавистью, сражался с мнимой дева-оборотнем. Вот он изловчился и одним ударом свалил ее наземь... увы! оказалось, что это был всего лишь цветной башмачок. Сунь У-кун понял, что дева-оборотень провела его, и стремглав полетел к своему наставнику. Но его уже и след простыл! Чжу Ба-цзе и Ша-сэнь лопотали что-то несвязное, но Сунь У-кун не стал их слушать. Задыхаясь от гнева, распивавшего ему грудь, он подхватил свой посох и начал бить, что было силы, приговаривая:

— Убью вас! Убью!

Чжу Ба-цзе заметался, ища спасения. Зато Ша-сэнь показал себя достойным полководцем-стратегом с горы Линшань! Он решил укротить Сунь У-куна мягкостью и покорностью. Приблизившись к нему, Ша-сэнь опустился на колени.

— Брат, — сказал он с невозмутимым спокойствием, — я все понял! Ты хочешь прикончить нас обоих, решил не спасать наставника и думаешь вернуться в свои прежние владения.

— Вот убью вас и пойду выручать наставника один! — запальчиво крикнул в ответ Сунь У-кун.

Ша-сэнь рассмеялся.

— Что ты говоришь, братец! — продолжал он. — Ведь без нас тебе никак не обойтись. «Из одной шелковинки нитку не скрутишь, одной ладонью не захлопаешь!» Кто будет сторожить тебе поклажу и смотреть за конем? Лучше нам жить в дружбе, как жили Гуань Чжун и Бао Шу-я*, нежели враждовать словно

Сунь Бинь с Пан Цзюанем*. Еще в давние времена люди сложили такую поговорку: «На тигра иди с родным братом, а помогать в бою зови отца с сыном!» Прошу тебя, братец, не убивай нас! Как только рассветет, мы отправимся с тобой на розыски нашего наставника и не пощадим сил своих, чтобы спасти его.

Великий Мудрец не только владел волшебством, он был к тому же весьма рассудительным и знал, как и когда надо действовать. Глядя, как смиренно просит Ша-сэн о пощаде, Сунь У-кун проникся жалостью к нему.

— Хватит вам стоять на коленях! Подымайтесь на ноги, — произнес примирительным тоном Сунь У-кун, злость у него прошла, — зато завтра все силы положите на то, чтобы отыскать нашего учителя!

— Я все возьму на себя! — растроганно воскликнул Чжу Ба-цзе, поняв, что Сунь У-кун решил пощадить их.

Остаток ночи ни один из учеников не мог уснуть. Поглощенные думами о своем наставнике, они досадовали на себя за то, что не могут вызвать солнце, чтобы оно своим появлением рассеяло все звезды на небе.

Так они просидели до самого утра и уже собрались было идти, как вдруг монахи-ламы появились в дверях.

— Куда собрались, уважаемые? — спросили они.

Сунь У-кун сконфуженно засмеялся.

— Мне даже не совсем удобно признаться вам, — проговорил он в смущении, — вчера я так расхвастался перед вами, говорил, что поймаю злого оборотня, но случилось все по-другому: оборотня не поймал, а нашего наставника мы потеряли и сейчас собираемся идти разыскивать его.

— О небо! — перепугались ламы. — Из-за такого пустячного дела пострадал ваш почтенный наставник! Куда же вы думаете направиться искать его?..

— Мы знаем куда! — уверенно ответил Сунь У-кун.

— Не спешите! Позавтракайте сначала, а потом и пойдете! — торопливо заговорили ламы.

Тут же подали миски с супом и отварным рисом. Чжу Ба-цзе набросился на еду и мигом все упледел.

— Добрые отцы монахи! — сказал он, облизываясь. — Как только отыщем учителя, так непременно вернемся и отблагодарим вас!

— Опять собираешься обедать людей, — сердито осадил его Сунь У-кун. — Ступай-ка в храм Будды и посмотри, там ли девица.

— Ее там нет! — хором закричали ламы. — Она исчезла! Она побывала там лишь тот вечер, когда вы пришли, а на другой день ее уже не стало!

Сунь У-кун, радостный и веселый, расстался с монахами, велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну вести коня и тащить поклажу, и все втроем они направились прямо на восток.

— Братец! Не ошибся ли ты?— заволновался Чжу Ба-цзе.— Зачем ты повел нас обратно?

— Может, ты скажешь, куда надо идти?— ехидно спросил Сунь У-кун.— Я своими золотистыми зрчками и огненным взором сразу же разглядел, что за дева была привязана к дереву, а вы стали за нее заступаться. Между тем за эти дни она уже сожрала нескольких монахов-послушников! Она же похитила нашего наставника! Вот какую добрую женщину спасли вы! А теперь надо искать ее там, где мы встретились с нею впервые.

— Да, да, да! Ты прав,— согласились Чжу Ба-цзе и Ша-сэн.— Вот уж поистине: «Тонкое содержится в грубом!»— а мы-то и не додумались до этого! Идем, идем скорей!

Все трое вскоре оказались в чаще леса.

Над лесом клубятся
Туманные тучи,
И скалы врезаются
В кряжистый бор,
И петли тропинок
Змеятся вдоль кручи,
И чертят лисицы
Волшебный узор.

Безлюдны чащобы,
И пусты поляны.
Лишь волк промелькнет,
Или барс и шакал.
Как им в эту пору
Найти Сюань-цзана?
Об этом никто из монахов
Не знал!

Сунь У-кун, горячий по натуре, выхватил свой посох, встряхнул и стал точь-в-точь таким, каким был, когда учинил великое буйство в небесных чертогах. У него появилось три головы и шесть рук. Он вооружился сразу тремя посохами и начал ломать деревья. По лесу пошел треск и гул.

— Гляди-ка, Ша-сэн!— воскликнул Чжу Ба-цзе.— Наш старший братец от злости рехнулся. От отчаялся найти учителя и вымещает свою злобу на деревьях!

Но, оказывается, Великий Мудрец пробил просеку и этим вызвал появление двух духов. Один из них был дух — хранитель горы, а другой — местный дух земли. Оба духа опустили на колени перед Сунь У-куном.

— Великий Мудрец! — смиренно молвили они.— К тебе явились дух горы и местный дух земли!

Чжу Ба-цзе удивился:

— Ну и силен наш брат,— промолвил он.— Стоило ему пробить одну только просеку и сразу же появилось два духа. А что, если он прорубит еще одну просеку, не появится ли тогда дух Тай-суй?

Сунь У-кун со строгим видом обратился к обоим духам.

— Ну и хороши же вы! — начал он. — До какого безобразия дошли! Шайка наглых разбойников приносит вам жертвы, угощает вас свининой и бараниной, а вы якшаетесь с ними, потворствуете им, да еще и разных оборотней к себе привадили! Вот теперь они похитили моего наставника! Сейчас же говорите, куда его спрятали, не то я изобью вас!

Духи сильно стухнули и стали оправдываться:

— Великий Мудрец! Зря ругаешь нас! На этой горе нет оборотней! А тот, кто похитил твоего наставника, мне не подвластен! Но я кое-что знаю про ветер, который ночью прошумел здесь.

— Раз знаешь, выкладывай все по порядку! — приказал Сунь У-кун.

— Оборотень, который похитил твоего наставника, находится в южной стране, за тысячу ли отсюда! Там есть гора, которая называется Провалом в пустоту, а в ней Бездонная пещера. Дух-оборотень, который поселился в этой пещере, явился сюда, принял облик девы и похитил твоего наставника.

Сунь У-кун, выслушав его, в душе встревожился, но не подал виду, и велел духам убраться. Затем он принял свой прежний облик и удрученно произнес, обращаясь к спутникам:

— Наш наставник находится очень далеко от нас!

— В таком случае надо на облаках догнать его! — предложил Чжу Ба-цзе.

Ну и Дурень! Он вызвал порыв сильного ветра и поднялся первым. За ним последовал Ша-сэнь. Вы, вероятно, помните, читатель, что белый конь в прошлом был драконом. С поклажей на спине он тоже вскочил на облако. А Великий Мудрец Сунь У-кун перекувырнулся через голову и понесся прямо на юг. Вскоре показалась какая-то гора, и облако, на котором были наши путники, зацепилось за ее вершину. Все трое, придержав коня, стали разглядывать гору:

Там тянутся к солнцу
Гранитные зубья,
Чтоб синее небо
Разбить на куски.
Там пики пронзают
Лазурные глубины,
Волну разрезая
Небесной Реки.
И с тучами вровень
Дерев миллионы
Дремучей стеною
По кручам встают,
И пестрые птицы
Под сенью зеленой
Порхают, щебечут
И в чаще снуют.
Там хищные звери
Скользят меж стволами,

Олени и серны
Пасутся стадами,
И травы
Волшебный струят аромат
На южных отрогах,
В цветущих долинах.
А к северу склоны
В нетающих льдинах,
И снежные глыбы
Там вечно лежат.
Как мрачны обрывы,
Как скалы красивые!
Там кряжи встают,—
За стеною стена!
Там кольцами вьются
Потоков извивы,
Там пенится, брызжет
Речная волна.
Там черные сосны
Столпились сурово.
Там сердце
У вонна дрогнет любого!

Ты там не заметишь
Следов человека.
Не встретишь в горах
Собирателя трав,
В лесу не услышишь
Топор дровосека.
Лишь барсы коварные
Тешат свой нрав.
Там тигры
Резвятся на диком раздолье,
Проклятый туман
Нагоняя хвостом.
Там скачут, колдуя,
Лисицы на воле,
И черные вихри
Клубятся потом.

— Ну, брат! На такой неприступной горе, безусловно, водятся дьяволы и оборотни! — уверенно произнес Чжу Ба-цзе, оглядев гору.

— Еще бы! — отозвался Сунь У-кун.— Знаешь пословицу: «На высокой горе всегда черти водятся. На скалистых хребтах души-оборотни живут». Вот что, — продолжал он, обернувшись к Ша-сэну, — ты побудь здесь со мной, а Чжу Ба-цзе пусть спустится вниз и узнает толком, где здесь проходит дорога и есть ли какая-нибудь пещера. Непременно узнай, есть ли ворота в пещере и в какую сторону они открываются! — добавил он, обращаясь к Чжу Ба-цзе.— Разузнай все как следует, чтобы мы смогли выручить из беды нашего наставника!

— Вот не везет мне, старому Чжу Ба-цзе! — заворчал Дурень.— Вечно приходится за всех отдуваться!

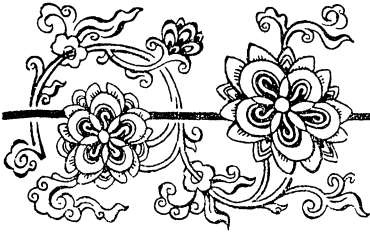
— Ладно тебе,— осадил его Сунь У-кун.— Не ты ли говорил ночью, что возьмешь все на себя? Чего же теперь отлыниваешь?

— Не кричи! — сердито ответил Чжу Ба-цзе.— Я и так пойду!

Он отложил в сторону свои грабли,отряхнул одежду и начал спускаться с высокой горы, чтобы найти дорогу или тропку.

О том, что произошло дальше, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ,

в которой будет рассказано о том, как обольстительная дева хотела сочетаться с силой Ян и как непорочное начало защищалось от ее посягательств

Итак, мы уже знаем, что Чжу Ба-цзе спрыгнул с облака на высокую гору и отправился искать дорогу. Ему удалось найти тропу, по которой он и прошел несколько ли. Неожиданно его внимание привлекли две девы-оборотня, которые черпали воду из колодца. Вы спросите, как догадался Чжу Ба-цзе, что они оборотни? А очень просто. У дев были давно вышедшие из моды очень высокие прически. Дурень подошел к ним поближе и крикнул:

— Эй вы, оборотни!

Девы разозлились.

— Какой грубиян, а еще монах! — воскликнули они с возмущением. — Мы его совсем не знаем, никогда и двух слов с ним не сказали, а он позволяет себе так оскорблять нас! — С этими словами девы схватили коромысла и принялись бить Чжу Ба-цзе по голове.

А Дурень, как вы знаете, не взял с собой никакого оружия и ему нечем было отбиваться. Поэтому, получив несколько увесистых ударов, он обхватил голову руками и помчался обратно.

— Братец! Пойдем отсюда! — жалобно взмолился он, обращаясь к Сунь У-куну. — Очень уж лихие здесь оборотни!

— С чего это ты взял, что они лихие? — удивился Сунь У-кун.

— А вот с чего, — стал рассказывать Чжу Ба-цзе. — Под горой, в ущелье, я увидел двух девиц-оборотней, которые черпали воду из колодца. Я их окликнул, а они напали на меня и поколотили своими коромыслами.

— А как ты их окликнул? — спросил Сунь У-кун.

— Да очень просто: «Эй вы, оборотни!»

— Мало они тебя побили,— рассмеялся Сунь У-кун.

— Спасибо на добром слове! — обиделся Чжу Ба-цзе.— У меня и так вся голова распухла!

— «Смиранный благополучно пройдет всю Поднебесную, а невежа и шага не ступит!» — смеясь, произнес Сунь У-кун.— Пойми, ты, наконец, что будь у тебя хоть тысяча рук, все равно надо быть вежливым и обходительным, особенно с незнакомыми. Эти девы — здешние жительницы, а ты — странник монах из далеких стран. С какой же стати ты, ни с того ни с сего, обозвал их оборотнями? Правильно они сделали, что побили тебя. Не меня же им бить за это. Разве ты не знаешь, что «больше всего люди ценят вежливость и музыку!»

— Вот хоть убей не знал я этого! — проворчал Чжу Ба-цзе.

— А известны ли тебе две породы деревьев? — спросил Сунь У-кун.— Ты ведь долгое время жил в горах и занимался там людоедством.

— Что за породы? Понятия не имею! — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Одна порода это тополь, а другая — сандал. Древесина у тополя очень мягкая, и опытный мастер вырезывает из нее изображения святых праведников, даже самого Будду Татагату, покрывает их позолотой, раскрашивает, оправляет яшмой, украшает узорами, и десятки тысяч людей воскуривают перед этим изображением фимиам, поклоняются ему. Вот какое безмерное счастье выпадает на долю тополя. А вот у сандала древесина очень твердая. Поэтому сандаловое дерево идет на маслбойки и из него делают жом, который стягивают железным обручем. И все эти мучения сандаловое дерево переносит лишь потому, что древесина у него очень твердая.

— Братец, что же ты раньше не рассказал мне эту притчу? — укоризненно произнес Чжу Ба-цзе.— Может, они и не побили бы меня.

— А что тебе стоит еще раз сходить и вежливо приветствовать их? — лукаво спросил Сунь У-кун.

— Как же я пойду? Они сразу же узнают меня! — возразил Чжу Ба-цзе.

— А ты прими другой облик,— посоветовал Великий Мудрец.

— Ладно,— согласился Чжу Ба-цзе,— но что я им скажу?

— Ты преобразишься сперва, а потом подойди к ним, соверши учтивый поклон и разгляди, какого они возраста. Если нам ровесницы, то назови их сестрицами, а если постарше, величай бабушками.

— Нет, так не пойдет! — воскликнул Чжу Ба-цзе.— Мы слишком далеко жили от них, чтобы набиваться в родственники.

— Ну что ты! Вовсе и не надо набиваться им в родню! — рассмеялся Сунь У-кун.— Ты только постарайся завести с ними

разговор. Если окажется, что это они похитили наставника, то нам легче будет действовать; если же не они, то и возиться с ними нечего.

— Ты совершенно прав! — согласился Чжу Ба-цзе. — Попробую еще разок сходить к ним!

Ну и молодец Чжу Ба-цзе! Он заткнул за пояс грабли, спустился с горы, встряхнулся и превратился в темнолицего толстого монаха. Медленно, вразвалку подошел он к девам и, совершив перед ними глубокий поклон, протяжно произнес приветствие:

— Бабуси! Бедный монах бьет вам челом!

Девы развеселились.

— Вот это настоящий монах! — зашебетали они. — И поклонился как следует и вежливые слова сказал.

— Ты откуда, почтеннейший? — спросили девы.

Чжу Ба-цзе растерялся, куда-то в сторону махнул рукой и пробормотал:

— Оттуда!

— А куда направляешься?

— Туда!

— Как же тебя зовут?

— Как зовут? — повторил Чжу Ба-цзе, не зная, что сказать. Девы звонко рассмеялись.

— Всем хорош этот монах, только простоват немного. Повторяет чужие слова, сам ничего сказать не умеет.

— Бабуси, — набравшись духу спросил Чжу Ба-цзе, — вы для чего воду набираете?

— А ты и не знаешь, почтеннейший, — затараторили девы, — наша хозяйка нынешней ночью притащила к себе в пещеру Танского монаха и хочет завлечь его. У нас в пещере вода не чистая, вот она и послала нас сюда за этой прекрасной водой, в которой слились силы Инь и Ян. Скоро у нас начнется богатый пир, разных яств и плодов будет видимо-невидимо, и все постные, специально для этого Танского монаха. А вечером хозяйка породнится с ним!

От этих слов Чжу Ба-цзе весь как-то сжался и опрометью бросился бежать, крича на ходу!

— Ша-сэн! Неси сюда поклажу скорей! Разделим ее между собой — и баста!

— Что ты, братец! — откликнулся Ша-сэн. — Зачем же мы станем устраивать дележ?

— Ты возьмешь свою долю и вернешься к себе на реку Сыпучих песков и опять станешь людоедом, я отправлюсь в Гаолаочжуан повидаться с родными, а старший брат Сунь У-кун — в свою пещеру на горе Цветов и плодов, где станут прославлять его мудрость. Белый конь пусть возвращается в великое море-океан и снова станет драконом. Наш наставник решил породниться с девой-оборотнем и, видно, останется жить у нее в пещере!

Нам делать здесь больше нечего, и мы вправе жить теперь, как нам вздумается.

— Ну, пошел наш Дурень молоть чепуху! — сказал Сунь У-кун.

— Это сын твой мелет чепуху, — разозлился Чжу Ба-цзе. — Только что девы-оборотни сказали мне, что уже готовится пир в честь Танского монаха, нашего наставника, а после пира он породнится с их хозяйкой!

— Наш наставник томится в пещере у оборотня и ждет не дождется, когда мы спасем его, а ты, Дурень, смеешь болтать про него такую чепуху! — возмутился Сунь У-кун.

— Как же спасти его? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Мы пойдем следом за девами, дойдем до пещеры. А там сразу же и начнем действовать сообща.

Дурню не оставалось ничего другого, как повиноваться. Сунь У-кун еще издали заметил дев-оборотней, которые углублялись в горы. Но не прошли они и двадцати ли, как вдруг исчезли.

— Братец! Уж не черт ли их уволок средь бела дня?! — встревожился Чжу Ба-цзе.

— Ну и глаза у тебя! — насмешливо воскликнул Сунь У-кун. — Где же это ты черта увидел?

— Если не черт, то кто же их уволок? — раздраженно ответил Чжу Ба-цзе. — Они ведь только что шли, воду несли и вдруг куда-то пропали. Ясное дело, что их черти забрали.

— А по-моему, они скрылись в пещере. Вот я сейчас посмотрю!

И с этими словами Великий Мудрец широко раскрыл свои замечательные глаза с золотистыми зрачками и стал оглядывать гору. Там не было ни души. Лишь перед большой отвесной скалой стояла ажурная вышка очень тонкой работы, перед которой разбиты были клумбы с цветами, а рядом декоративные ворота, обращенные на все четыре стороны, с башней в три яруса. Сунь У-кун направился к этим воротам в сопровождении Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Здесь в глаза им бросилось шесть крупных нероглифов, блестящих над входом: «Бездонная пещера горы Провал в пустоту».

— Братцы! — проговорил Сунь У-кун. — Видите, за этой ширмой и спряталась ведьма! А вот где сами ворота и как они открываются, — пока неизвестно.

— Поищем! — ответил Ша-сэн. — Наверно, недалеко, совсем недалеко!

Все трое стали внимательно оглядываться по сторонам. Оказалось, что башня стоит на огромной скале, окружностью более десяти квадратных ли. Посередине скалы они заметили отверстие, как у большого чана, откуда струился луч света.

— Братец! — сказал Чжу Ба-цзе. — Это, наверное, и есть вход в пещеру!

— Странно! — промолвил Сунь У-кун, оглядев отверстие.— Скажу вам без обмана, что мне, старому Сунь У-куну, еще ни разу не приходилось видеть подобного входа, хотя за время нашего путешествия на Запад я побывал во многих пещерах и имел дело с их обитателями. Вот что! Ты, Чжу Ба-цзе, спускайся вниз первым! Узнай, какова глубина пещеры и что в ней есть, тогда нам легче будет выручать наставника.

Но Чжу Ба-цзе замотал головой.

— Нет, я не могу! Не могу! — упирался он.— Ты же знаешь, какой я грузный. Если оступлюсь, кто знает, может быть, мне придется лететь вниз года два или три, чтобы достигнуть дна!

— Неужели так глубоко? — удивился Сунь У-кун.

— Сам посмотри! — предложил Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун припал к отверстию и начал всматриваться. Страшная пропасть зияла перед ним. Да и в окрестности пещера была, пожалуй, более трехсот ли.

— Здорово! — воскликнул Сунь У-кун.— В самом деле очень глубоко!

— Давайте вернемся, — заговорил Чжу Ба-цзе умоляющим тоном, — все равно нам не спасти наставника!

— Вот еще! — вскипел Сунь У-кун.— Перестань увливать да наводить страх! Ну-ка, складывайте узлы с поклажей да привяжите коня к столбу у арки, — приказал он.— Ты возьмешь грабли, Чжу Ба-цзе, а ты, Ша-сэн, вооружись своим волшебным посохом. Загородите выход из пещеры, я же полезу внутрь и все разузнаю. Если наш наставник действительно в пещере, я буду гнать оборотня к выходу, а вы тем временем не выпускайте его из пещеры. Такой способ называется «согласованные действия войск изнутри и снаружи». Вот убьем чародейку, тогда и спасем нашего учителя!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн безропотно повиновались Сунь У-куну.

Великий Мудрец поднатужился и прыгнул в пещеру. Под ногами у него оказалось благовещее облачко, из которого исходило множество разноцветных лучей, а тело его тысячами слоев окружал благодатный эфир. Вскоре Сунь У-кун достиг самой глубины пещеры, откуда исходил ослепительно-яркий свет. Там, оказывается, было такое же солнце, как и на земле, шелестел ветерок, росли цветы, травы, плоды и деревья.

— Какое здесь чудное место! — воскликнул восхищенный Сунь У-кун.— Когда я появился на свет, небо даровало мне пещеру Водного занавеса, и я думал, что нет места на свете лучше моей пещеры, но теперь я вижу, что и эта пещера — сущий рай на земле!

Разглядывая местность, Сунь У-кун увидел ворота, с которых двумя потоками струилась вода. Вокруг росли сосны и бамбуки. За воротами виднелось много строений.

«Вот там, наверное, и живет сама ведьма,— подумал Сунь У-кун.— А не пробраться ли мне туда? Разузнаю, что и как! Нет! В таком виде нельзя появляться ей на глаза: сразу же узнает меня. Надо сперва преобразиться».

Тут Сунь У-кун встряхнулся, прищелкнул пальцами, прочел заклинание и сразу же превратился в обыкновенную муху. После этого он взлетел на ворота и стал осматриваться. В беседке, украшенной цветами, он увидел ведьму-оборотня, которая восседала на высоком сиденье. Теперь она выглядела совсем не так, как в бору Черных сосен, привязанная к дереву, или в монастыре, когда Сунь У-кун чуть было не схватил ее. Да и одега она была гораздо пышнее. Вот послушайте:

Взбиты волосы пышным узлом
Над прелестной головкой.
Блещет гребень,—
И пряди взлетают вороньим крылом.
Бархат ярко-зеленый,
Цветами разубранный, ловко
Облегает ей бедра
И грудь огибает кругом.

Десять розовых пальчиков
Тоненьких, словно побег
Молодого бамбука,
Глядят из ее рукавов.
И на крошечных ножках,
К любви призывая и неге,
Из-под платья ее
Пара пестрых видна башмачков.

И лицо ее, словно луна,
Под облаком пудры.
И пунцовые губки
Двух вишенек спелых нежней.
— Нет прелестнее девы! —
Сказал бы и самый премудрый.
И богиня Чан Э
Красотой не сравнилась бы с ней.

Нынче утром,
Святого паломника сон потревожа,
Утащила беднягу монаха
В подземный дворец,
Чтобы с ним разделить
Изголовье любовного ложа
И греховной усладой
Его покорить наконец.

Сунь У-кун молча прислушивался, что скажет ведьма-оборотень. Вскоре ее вишневые губки раскрылись, и она, радостная и довольная, позвала к себе служанок.

— Скорее несите сюда все постные блюда,— приказала она.— Мы поедем с дорогим монахом, а затем он станет мне мужем.

Сунь У-кун усмехнулся: «Оказывается, она и впрямь надеется на это! А я-то думал, что все это выдумки Чжу Ба-цзе. Однако надо поискать наставника! Интересно знать, что у него сейчас на душе. Если чертовка сумела приворожить его, пусть живет себе здесь на здоровье!»

Расправив крылышки, Сунь У-кун влетел во внутреннее помещение и, осмотревшись, заметил, что окно на восточную веранду, переплет которого был оклеен красной бумагой, внизу почему-то было темным, а сверху светилось странным светом. Он сразу же догадался, что за этим окном сидит Танский монах. Сунь У-кун стукнулся головой об бумагу, пробил крохотную дырочку и пролез на веранду. Он прожужжал над головой наставника и уселся прямо на его гладко выбритое темя.

— Наставник! — крикнул Сунь У-кун.

Танский монах, услышав знакомый голос, взмолился:

— Братец! Выручи меня!

— Ничего не выйдет, учитель! — отвечал Сунь У-кун. — Эта ведьма уже велела подавать угощение, собирается вместе с тобой покушать, а потом и породниться. Может, у вас родится мальчик или девочка. Как-никак все же это будет твое монашеское потомство. Чего же тебе печалиться?

Услышав эти слова, Танский монах заскрежетал зубами.

— Брат, — волнуясь, заговорил он, — с тех пор как я покинул Чанъань, пришел на гору Усиншань, где взял тебя в спутники, и за все время нашего пути на Запад, был ли такой случай, чтобы меня хоть раз потянуло к чему-либо скоромному? Скажи, был ли такой день, чтобы я выражал какие-либо греховные намерения? А эта ведьма требует, чтобы я с ней сошелся! Да если я утрачу свою непорочную силу Ян, то мое колесо жизни покатится вспять за Темные горы Инь-шань*, и тогда мне никогда больше не придется даже мечтать о чудесном перерождении!

— Не надо так говорить! — засмеялся Сунь У-кун. — Раз уж у тебя такое искреннее желание попасть в обитель Будды на Западе и получить священные книги, я, старый Сунь У-кун, доставлю тебя туда, вот и все!

— Но как нам выбраться отсюда? — спросил Танский монах. — Я ведь совсем не помню, каким путем очутился здесь.

— Где уж тут запомнить. Ведь это не обычная пещера. Сюда приходится пролезать сверху. Стало быть, чтобы спасти тебя, надо будет лезть снизу вверх. Если тебе повезет, то нам удастся пролезть через верхнее отверстие, а нет — будешь здесь томиться еще немало дней.

— Как же быть? Как избавиться от такой напасти? — проговорил Танский монах со слезами на глазах.

— Ничего, ничего! — успокоил его Сунь У-кун. — Когда ведьма поднесет тебе вина, выпей чарочку. Нужно только, чтобы она поторопилась к себе, тогда я сразу же превращусь в кузнечика и прыгну в ее чарку, спрятавшись под пеной. А когда

она осушит чарку, я попаду к ней в живот. Там уж я ей задам: порву все внутренности, вырву сердце и печенку, разорву кишки, чтобы она сразу же сдохла, тогда только ты сможешь выбраться отсюда.

— Брат мой! — испуганно промолвил Танский монах. — Чересчур уж ты разошелся! Разве можно так бесчеловечно поступать?!

— Если ты будешь думать только о том, чтобы делать добро, то тебе лучше распрощаться с жизнью, — возразил Сунь У-кун. — Помни, что оборотни творят зло и навлекают пагубу на людей. Никак не пойму, почему ты жалеешь ее.

— Ну ладно! Пусть будет по-твоему! Только не оставляй меня одного! — произнес Танский монах с мольбой в голосе.

Вот уж поистине, с тех пор как Сунь У-кун стал учеником Танского монаха и сопровождал его на Запад, Танский монах полностью зависел от него.

Не успели учитель и его ученик уговориться, как действовать, а дева-оборотень тут как тут — пришла звать Танского монаха на трапезу.

— Почтенный наставник! — крикнула она.

Танский монах не посмел откликнуться. Дева еще раз позвала его. Но он снова промолчал. А дело было в том, что Сюань-цзан вспомнил изречение:

«Рот откроешь — добрый дух из тебя
улетит!
Языком шевельнешь — беда
тут же родится!»

Однако молчать все время тоже было страшно. Дева могла разгневаться и тут же прикончить его. При мысли об этом Сюань-цзан окончательно растерялся, как говорится, его уста вопрошали сердце, а сердце вопрошало уста. Пока он раздумывал, дева снова окликнула его:

— Почтенный наставник!

— Я здесь, повелительница! — ответил, наконец, Танский монах. Этот ответ он вырвал из себя словно кусок живого мяса. Почему же тот, кого все считали прямодушным, удостоенным чести идти за священными книгами на Запад, в райскую обитель Будды, на этот раз все же откликнулся на зов обольстительной девы? Кто так спросит, тот, значит, никогда не бывал на грани жизни и смерти. На зов ответили уста Сюань-цзана, а сердце его молчало. Между тем дева-оборотень, услышав голос Танского монаха, толкнула дверь, подошла к нему, подняла его с места и, прижавшись к нему всем телом, коснулась его лица своей щечкой и взяла его за руки. Вы бы видели, какие она принимала обворожительные позы, сколько было в ней пленительной грации! Но разве знала она, что творится в этот момент в душе несчастного монаха.

Тем временем Сунь У-кун лишь посмеивался про себя и думал: «Пожалуй, наставнику не устоять против этакого соблазна!»

Но праведный монах,
Святой душой страдая,
На образ сладостный
Очей не подымал.
Как дивно хороша была
Колдунья злая,
Милей небесных дев,
Превыше всех похвал!

Смогу ли бровь ее
Сравнить с листочком ивы
И с нежным персиком
Сравнить ее чело?
Как башмачки ее
Расшитые красивы!
А волосы черней,
Чем ворона крыло!

С улыбкой за руку
Она берет монаха.
Он повинуется,
Хотя в душе не рад.
И чувствует праведник,
Невольно полный страха,
Дыханье орхидей
И амбры аромат.

Дева-оборотень повела Танского монаха к цветочной беседке: — Дорогой наставник! — молвила она зардевшись, — Я приготовила тебе чарочку вина и хочу выпить вместе с тобою!

— Владычица! Я во всю жизнь свою не вкушал ничего скоромного! — отказался Танский монах.

— А мы и не будем вкушать скоромного, — игриво сказала она, — у нас в пещере вода не очень чистая, вот я и велела принести чистой воды из горного колодца, в которой соединены силы Инь и Ян. На этой воде специально для тебя приготовлены всевозможные блюда из плодов и овощей.

Танский монах вошел в беседку, и вот что представилось его взору:

Там красивые ворота
Пестрой бахромой обвиты,
На шнурах парчовых кисти
Разноцветные висят.
Из курильниц драгоценных
В виде львов с узорной гривой,
Наполняя всю беседку,
Льется сладкий аромат.

На столах, покрытых лаком,
Разукрашенных богато,
С тонко врезанным рисунком,
Как для царственных гостей,

На плетенных из бамбука
Лакированных подносах —
Сотни лакомств, привезенных
Из далеких областей.

Много тут плодов румяных:
Яблоки, большие груши,
Мякоть лотосов мучнистых,
Радующих вкус и взгляд,
Много абрикосов белых,
И серебряных, и желтых,
Много слив и винограда.
Груды персиков лежат.

Фиги, финики, маслины,
Золотые апельсины,
С тонкокожим мандарином
Рядом — спелая хурма.
Сколько лакомых каштанов,
Сколько фундуков ¹ каленых
И личжи с колючей кожей.
Здесь орехов разных тьма!

А закусок сколько свежих!
Ветви юные бамбука
И сянъянь ² с приятным вкусом,
Сыр душистый из бобов,
Листья, корни трав целебных,
Овощи с подливой острой,
Жаренные в постном масле,
Сотни лакомых грибов!

Здесь горох и чечевица,
Молодой латук зеленый,
Там фасоль под сладкой соей,
Нежный сахарный батат,
И с начинкой баклажаны
Запеченные, как будто
Жареные перепелки,
В пряном соусе лежат.

Фаршированная тыква
С выскобленной серединой.
В нежной масляной подливе,
Рядом семечки в меду.
Репы, сдобренные острым
Уксусом, имбирь, корица,
Перец красный и зеленый,
Ломти дыни на виду!

Сколько острых и соленых,
Сладких, горьких, пряных, терпких
Яств и кушаний различных,
Сколько лакомств было тут.
Все гам были сочетанья,
Вина все и все приправы!
И всего там было вдоволь,
Много сотен разных блюд!

---

¹ Ф у н д у к — одна из разновидностей лесных орехов.

² С я н ь т я н ь — название грибов из породы шампиньонов.

Дева взяла изящными, словно выточенными из яшмы пальчиками, золотую чарку и наполнила ее до краев чудесным вином.

— Наставник дорогой! Отведай, будь милостив! — ласково произнесла она, обеими руками поднося чарку Танскому монаху. — Милый мой! Прошу тебя выпить за нашу счастливую встречу.

Танский монах в смущении пролепетал что-то, принял вино, обратил глаза к небу и про себя прочел молитву:

«О божества и духи, хранители учения Будды, постигшие явления природы во всех пяти странах света, и четыре стража времени! Обращается к вам с мольбой самый меньшой брат ваш, Чэнь Сюань-цзан! Вам поручила богиня Гуаньинь незримо охранять меня с того дня, как я покинул восточные земли, дабы я смог достичь храма Раскатов грома, поклониться Будде и испросить у него священные книги. И вот ныне в пути меня схватил злой дух-оборотень в образе девы и вынуждает слиться с ним. Он вручил мне сию чарку вина и велит испить ее. Если это вино нехмельное, я хоть и через силу, выпью его, чтобы освободиться, завершить мой путь и лицезреть Будду. Если же вино окажется скоромным, то я подвергнусь вечным мукам колеса жизни, обернувшись вспять за нарушение моего обета!»

Между тем Великий Мудрец Сунь У-кун, превратившись в кузнечика, притаился за ухом своего наставника и все время нашептывал ему, что надо делать. Его слова были слышны одному только Танскому монаху. Сунь У-кун знал, что учитель любит простое виноградное вино, и велел ему осушить поднесенную чарку. Тот скрепя сердце выпил и, поспешно наполнив вином эту же чарку, поднес ее деве-оборотню. Вино запенилось. Тогда Сунь У-кун незаметно прыгнул прямо в пену и скрылся под ней. Дева приняла чарку, но не стала пить, а дважды поклонилась Танскому монаху, после чего произнесла еще несколько ласковых слов с выражением благодарности. После этого она взяла чарку, в которой пена уже осела, и увидела насекомое. Ей, конечно, и в голову не пришло, что это Сунь У²-кун. Она мизинчиком достала его из чарки и стряхнула на землю.

Сунь У-кун, видя, что его замысел не удался, сразу же превратился в голодного коршуна.

Когти, словно из яшмы,
И перья на крыльях из стали.
Желтым блеском
От злости глаза у него засверкали.
И за тысячи ли убегают,
Чтоб лучше укрыться,
Все волшебные зайцы
И оборотни-лиснцы.

Если голоден он,
Налетает стремительней бури
На добычу — и жертву уносит
В просторы лазури.

Сытый, он залетает высоко,
В небесные двери,
И когтей его крепких
Страхатся и люди и звери.

И вот коршун взлетел над столом и выпустил свои когти. Раздались грохот и звон: посуда, яства, блюда и миски, блюдца и кувшины — все полетело на пол и разбилось вдребезги. Коршун покинул Танского монаха и улетел прочь. У девы от страха едва не разорвалось сердце и не лопнула печенка. Да и Танский монах порядком стухнул. Дрожа от страха, дева-оборотень крепко прижала к себе Сюань-цзана.

— Дорогой наставник! Откуда появилось это чудовище? — спросила она.

— Не знаю, — робко ответил он.

— Как я старалась усладить тебя, какие придумывала яства! — сокрушенно произнесла дева-оборотень. — Так надо же было появиться этому стервятнику! Противный, всю посуду мою перебил!

— Госпожа, — вмешались тут служанки, — с посудой еще как-нибудь обойдемся, а вот что делать с яствами? Они все на полу и смешались с грязью. Как же их есть теперь?

Танский монах отлично понимал, что все это проделки Сунь У-куна.

— А я поняла, что случилось! — воскликнула дева-оборотень, обращаясь к своим служанкам и слугам. — Видно, Небо и Земля не довольны тем, что я задержала Танского монаха, вот они и наслали на меня это чудовище. Скорей уберите осколки и заново приготовьте вино и закуски! Подавайте все, что есть: и постное и скоромное. А я тем временем попрошу Небо быть сватом, а Землю — сватьей и скрепить наш союз.

После этого дева снова отвела Сюань-цзана на восточную веранду и заперла его там. Здесь мы пока и распрощаемся с ним.

Вернемся к Сунь У-куну, который вылетел из беседки и умчался прочь. Приняв свой первоначальный облик, он поднялся к отверстию пещеры и крикнул:

— Пропустите!

Чжу Ба-цзе рассмеялся.

— Ша-сэн! Братец явился!

Оба они убрали свое оружие, и Сунь У-кун выскочил наружу.

— Ну что, видел оборотня? А наставник наш где? — допытывался Чжу Ба-цзе, дергая Сунь У-куна.

— Видел, видел, и оборотня и наставника видел.

— Что же с ним сделал оборотень? — продолжал допрашивать Чжу Ба-цзе. — Связал его? Будет варить его или парить?

— Никто не собирается его ни варить, ни парить, — переводя дух, сказал Сунь У-кун. — Там ему приготовлено угощение, после которого хотят... ну, словом, ты знаешь, заняться с ним этим делом.

— Эге! Ты небось выпил там свадебного винца! — с завистью и не без ехидства произнес Чжу Ба-цзе.— Повезло тебе, нечего сказать!

— Перестань! — осадил его Сунь У-кун.— Жизнь нашего наставника в опасности! О каком же свадебном вине может идти речь?!

— А почему тогда ты появился здесь? — удивился Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун подробно рассказал все как было и поведал о своей неудаче.

— Вот как нескладно получилось, братец! А ты всякие глупости болтаешь! — сказал в заключение Сунь У-кун.— Раз мы знаем теперь, где наш учитель, я непременно спасу его!

С этими словами Сунь У-кун снова полез в пещеру, опять превратился в обыкновенную муху, уселся на тех же самых воротах и стал прислушиваться. Из беседки доносилось злобное фырканье оборотня. Вдруг Сунь У-кун услышал, как она приказала служанкам:

— Подавайте сюда все, что есть: и постное и скоромное! Да захватите бумагу для воскурения фимиама! Я сейчас принесу жертвы Небу и Земле и попрошу их быть нашими сватами. Уж на этот раз я обязательно породнюсь с ним, этим благообразным монахом.

Сунь У-кун ухмыльнулся про себя. «У этого оборотня ни стыда ни совести! — подумал он.— Ведь надо же средь бела дня затащить к себе монаха, запереть его на замок и строить против него такие козни! погоди! Дай только добраться до тебя. Я покажу тебе, каков я, старый Сунь У-кун!»

Он с жужжанием пролетел прямо к восточной веранде, где находился наставник, и увидел, что у Танского монаха слезы градом катятся по щекам. Сунь У-кун вновь уселся ему на макушку и стал звать:

— Наставник!

Танский монах услышал знакомый голос, вскочил и, заскрежетав от ярости зубами, стал браниться:

— Ах ты, противная мартышка! Хвалишься своей храбростью, а на самом деле можешь только свою шкуру спасти. Настоящий герой не думает о себе! Что толку, перебил всю посуду? Дева еще больше распалилась и теперь ждет не дождется, когда я стану ее мужем. Она приказала готовить новые угощения, и постные и скоромные! Что же теперь делать?!

Усмехаясь про себя, Сунь У-кун стал успокаивать Сюань-цзана.

— Не сердись на меня, наставник! — мягко сказал он.— Я знаю, как спасти тебя!

— Ну как, скажи.— обрадовался Танский монах.

— Когда я улетал отсюда,— ответил Сунь У-кун,— то заметил, что за домом есть сад. Постарайся заманить туда деву, предложи ей прогуляться, а остальное предоставь мне.

— Как же ты сможешь спасти меня в саду? — с недоумением спросил Танский монах.

— А вот как! — ответил Великий Мудрец. — Ты ступай с ней к персиковым деревьям, подойди к одному из них и остановись. А я тем временем взлечу на ветку и превращусь в румяный персик. Затем скажи, что тебе хочется отведать плодов. Сорви сперва красный персик, это буду я. Она, конечно, тоже сорвет персик. Тогда уговори ее обменяться! Возьми ее персик, а ей отдай свой. Как только я попаду к ней в живот, то сразу же примусь рвать на части все ее внутренности, пока она не сдохнет. Вот тогда ты и избавишься от нее!

— Зачем же тебе обязательно забираться к ней в живот? — удивился Танский монах. — Ведь у тебя так много разных приемов, чтобы одолеть ее!

— Наставник! Ты, видно, не знаешь, в чем дело, — произнес Сунь У-кун. — Если бы эта пещера была как и все остальные, я, разумеется, сразился бы с девой и одолел ее. Но вся беда в том, что отсюда очень трудно выбраться. Кроме того, если я нападу на ведьму, вся свора бесенят, и старых и малых, кинется на нас. Чего доброго и меня схватят, что тогда с нами будет? Нет, придется сделать так, как я предлагаю; иначе нам не выбраться отсюда подобру-поздорову.

Танский монах внимательно выслушал Сунь У-куна и кивнул головой в знак согласия.

— Ты только не оставляй меня одного! — умоляющим тоном проговорил он.

— Ладно, ладно! — ответил Сунь У-кун. — Я ведь тут, у тебя на голове!

На этот раз учитель с учеником обо всем договорились. Танский монах поднялся и, взявшись обеими руками за оконный переплет веранды, стал громко звать:

— Владычица! Владычица!

Дева услышала его зов и, радостно посмеиваясь, подбежала к веранде.

— Милый мой! Что ты хочешь сказать мне? — нежно спросила она.

— Не можешь ли ты вывести меня куда-нибудь прогуляться? — ответил Танский монах. — Ведь за то время, как я покинул Чанъань и отправился в дорогу на Запад, не было дня, чтобы не приходилось преодолевать горы и реки, и я очень измаялся, а в монастыре, где вчера ночевал, меня сильно продуло, и я тяжело заболел. Сегодня я пропотел, и мне гораздо лучше. К тому же ты, повелительница, позаботилась обо мне и доставила сюда, в твою волшебную обитель. Но, просидев здесь целый день, я почувствовал томление духа, и мне хотелось бы развеяться.

Ведьма пришла в неопишуемую радость:

— Милый мой! Как я рада слышать от тебя это. Пойдем в сад, погуляем.

— Эй, слуги! — крикнула она. — Возьмите ключи, откройте ворота в сад и подметите там дорожки!

Толпа бесенят со всех ног бросилась исполнять ее приказание.

Тем временем ведьма открыла веранду и взяла под руку Танского монаха.

Вы бы видели, как шествовала ведьма с Танским монахом, окруженная целой свитой маленьких чертенок, с напوماженными головками и напудренными личиками, нежных и грациозных, которые ни на шаг не отступали от них!

Бедный монах! Неожиданно попав в окружение этих прелестных созданий в роскошных нарядах, он молчал, словно немой. Не будь у него искреннего желания предстать перед Буддой, которое исходило из сердца твердого, словно кованое железо, он бы, пожалуй, не устоял перед подобным соблазном. Во всяком случае другой бы на его месте, падкий до вина и женщин, не раздобыл бы священных книг.

Когда они дошли до ворот сада, ведьма наклонилась к Танскому монаху и стала вкрадчиво нашептывать ему на ухо:

— Дорогой мой! Давай мы с тобой позабавимся тут. Право же, у тебя сразу пройдут тоска и печаль!

Взявшись за руки и прижимаясь друг к другу, они вошли в сад. Танский монах стал осматриваться. Здесь было удивительно красиво!

Везде краса, везде отрада взорам!
Обрамлены хвощом и мхом седым,
Дорожки чудным выгнуты узором.
Сквозных шелков струится легкий дым
На окнах и на нишах.

Все беседки
Одела сычуаньская парча.
Подует легкий ветерок сквозь ветки,
Качнется шелк, о чем-то лепеча...

Дождь прошумит... Как тысяча жемчужин,
Сверкают капли.

Сбрызнуты росой,
Горды деревья свежую красой.
Но солнца луч всегда с цветами дружен,
И всюду здесь цветы — вблизи, вдали.
Там абрикосов ветви расцвели,
И цвет их, как бессмертных одеянья...
И манит взор и дразнит обонянье
Созревший персик в золотой пыли.
А вот луноподобные бананы.
Их листья, словно веера Тай-чжэнь*,
Блестят на солнце и не любят тень.
Там бабочки порхают целый день.
Переплетают цепкие лианы
Магнолий ветви, сосен и дубов
И обвиваются вокруг стволов.
Взгляни, за белой каменной оградой,
Вокруг террас, среди пустых дворов,
Порхая, нволги резвиться рады.

Там блещут золотом дворцы, а тут
Сверкающие высятся строения
И башни островерхие растут.
Причудливы их кровли, украшенья,
Затейливы и странны имена:
Вот «Кровля темных бабочек» видна,
Вот «Зал освобождения от хмеля»,
«Дом, где дождя приятно слушать шум»,
«Сгущенный аромат», «Чертоги дум...»
Пунцовые завесы еле-еле
Колеблются, украшены кругом
То золотом, то крупным жемчугом,
Узор парчи нигде не одинаков,
Везде висит густая бахрома.
Как шримсов щупальца —

Подводных раков...

А сколько здесь нарядных павильонов!
«Беседка грусти», «Сень любовных стонов»,
Здесь красят брови и царит сурьма,
Там «Зал забвения всего земного»,
Минуешь их, другие встретишь снова.
На пестрых досках всюду письмена —
Древнейших иероглифов изгибы:
Различных зал, построек имена.
Там изумить озера нас могли бы:
Вот озеро «Счастливая луна»,
Пруд, где полощут чаши для вина,
Вот пруд, где кисти шапок промывают,
Вот озеро, где аисты летают...
Сверкая пестрым золотом хвостов,
Резвятся рыбки, вьются между листьев,
Еще дворцы: вот «Павильон цветов»,
Рисованных по шелку тонкой кистью.
Вот для забав потешный павильон,
Вот «Башня любования закатом».
Шкатулка есть с орнаментом богатым,
И для нее одной дворец сооружен,
Наполненный чудесным ароматом!..

Какие камни посреди прудов!
Как много пестрых глыб и валунов!
Есть камни, словно перья попугая,
И мрамор есть, и розовый хрусталь.
Там — среди скал — расселина сквозная:
Как на Тай-ху, в ней голубеет даль,
И всюду мох, как бахрома густая,
Колышется, росинками блистая.
Везде растет «Тигровый ус» — камыш.
А вдалеке мелькают из-за крыши
Искусственно воздвигнутые горки.
Вот странный холм — «Зеленой ширмы створки»,
Вот холм «Свистящий ветер», а на том
Растет «Трава бессмертия»...

Кругом

Рассажены кусты, покрытые цветами,
И всюду тихо зыблется бамбук —
Хвост феникса...

Шагнем, и перед нами

Корзины чайных роз качнутся вдруг...

Здесь, на террасе, разные качели,
Столбы для игр, мячи и карусели.
Все вместе дивный мастер намечтал,
Художник тушью нам нарисовал
И вышил разноцветными шелками
Лазурный город с пестрыми стенами
И кровлями, увитыми плющом.
Взгляни, беседка в соснах перед нами,
В магнолиях напротив спрятан дом,
И в розах утопает напоследок
Вот эта крайняя из всех беседок!
Пионы вдоль перил стоят толпой,
Пунцовые камелии кустятся,
Как будто сотни красок меж собой
Наперебой спешат соревноваться.
Там лилии белеют на холмах.
Жасмин цветет на солнечных откосах.
Магнолии хотят, алея в росах,
Чтоб передал красу их кисти взмах.
От красной туи небо пламенеет,
Но дивный цвет как описать в стихах?
Тот отблеск пусть опишет, кто сумеет!

Да, этот сад с другими несравним,—
Что парки Ланьюаня перед ним?
А если сопоставить ароматы,
То пахнут здесь цветы еще живей
Прославленных цветов из сада Вэй.*
И если, друг, весной придешь сюда ты,
Осмотришь все беседки, все цветы,
Вдохнешь их запах, нежный и целебный,
Все, все ты здесь найдешь!
Не встретишь ты
Цветов одной гортензии волшебной.

Танский монах, держа за руку деву-оборотня, шел по саду, восторгался его красотой и не мог наглядеться на замечательные цветы и растения. Они шли мимо теремов и беседок и незаметно очутились в самой красивой части сада, где росли плодовые деревья. Подняв голову невзначай, Танский монах увидел перед собой персиковое дерево. Сунь У-кун ущипнул наставника и тот понял, что надо остановиться.

Взлетев на сучок, Сунь У-кун встряхнулся и превратился в румяный персик, очень лакомый на вид.

— Владычица, — обратился Танский монах к деве-оборотню, — сколько в твоём саду ароматных цветов и спелых плодов! — и он тут же сложил стих:

Сотни пчел золотых
Над цветами летают,
Собирая нектар там и тут...

Сотни птичек
По веткам деревьев порхают
И плоды золотые клюют!

Разглядывая персиковое дерево, он с невинным видом спросил:

— Почему на этом дереве есть и красные и зеленые персики? Чем это объясняется?

— Не будь на небе двух сил — Инь и Ян, — отвечала ему дева-оборотень, — Солнце и Луна не светили бы нам; не будь на Земле Инь и Ян — не росли бы ни деревья, ни травы; не будь Инь и Ян среди людей — они не разделялись бы на мужчин и женщин. Те плоды, что обращены к солнцу, поспевают скорее, потому что солнышко, обладатель великой силы Ян, греет их своими лучами, оттого они и красные; а на северной стороне, где солнышка не бывает, плоды еще незрелые, а потому зеленые. Таков уж закон сил природы: Инь и Ян!

— Спасибо тебе, что вразумила меня, — отвечал Танский монах. — Я, право, не знал этого!

С этими словами он подошел к дереву, протянул руку к красному персику и сорвал его. Дева тоже сорвала персик, но зеленый. Изогнувшись в поклоне, Сюань-цзан обеими руками поднес деве персик и произнес:

— Владычица! Ты любишь яркие цвета¹, вот и скушай, пожалуйста, этот румяный персик! А зеленый дай мне!

Дева-оборотень сразу же согласилась, подумав про себя: «Ах, какой милый монах! Вот уж поистине праведник! Еще не стал моим супругом, а уже так заботлив ко мне!»

Радостная и довольная, она уважила просьбу Танского монаха и поблагодарила его. Сюань-цзан принял у нее зеленый персик и сразу же начал его есть. Дева последовала его примеру. Она раскрыла свой алый ротик, блеснули белоснежные зубки. Но не успела она поднести персик ко рту, как Сунь У-кун, который вообще отличался нетерпеливостью, перекувырнулся и мигом проскочил ей в горло, а оттуда прямо в живот. Дева-оборотень перепугалась и кинулась к Танскому монаху.

— Наставник! Какой злой персик! — в ужасе воскликнула она. — Проскочил целиком, не позволив мне даже надкусить его! Как же это получилось?

— Наверное, тебе самой не терпелось скушать только что созревший спелый плод, вот ты и проглотила его, — объяснил Сюань-цзан.

— Я даже косточку не успела выплюнуть! Он сам пролез мне в горло! — жаловалась дева.

— Да что ты! — успокаивал ее Танский монах. — Просто тебе так понравился этот персик, что ты на радостях не выплюнула косточки, и целиком проглотила его!

Тем временем Сунь У-кун, пробравшийся в живот к деве, принял свой настоящий облик и стал звать Танского монаха.

---

¹ Непереводаемая игра слов: «яркие цвета» в переносном смысле — страсти, вожделение.

— Наставник! — кричал он. — Не говори с ней! Теперь она в моих руках!

— Братец мой, — жалостливо отозвался Танский монах, — не будь очень жесток с ней, не терзай ее!

— С кем это ты . переговариваешься? — встревожилась дева.

— Со своим учеником Сунь У-куном, — ответил он.

— А где он, этот Сунь У-кун? — продолжала расспрашивать дева.

— У тебя в животе! Неужто ты не понимаешь, что персик, который ты только что проглотила, как раз и есть он сам!

От этих слов дева-оборотень совсем растерялась.

— Все кончено! Все кончено! — восклицала она. — Смерть моя пришла, раз эта обезьянья морда пролезла в мою утробу! Сунь У-кун! — крикнула она. — Скажи мне, зачем ты пробрался ко мне в утробу?

— Да просто так, — злобно ответил ей Сунь У-кун. — Я съем твои легкие и печеньку, твоё сердце с семью отверстиями и тремя ворсинками, переберу все твоё нутро, и получится из тебя пустой, как барабан, оборотень.

От этих слов дева пришла в такой ужас, что чуть было не лишилась чувств. Она обняла Танского монаха и, дрожа от страха, стала причитать:

— О дорогой наставник! Послушай, что я скажу тебе:

В прошедшем бытии
Нам накрепко связали
«Шнурями красными» *
И судьбы и труды.
Как нам в разлуке быть?
Нет тяжелей печали!
Так рыба жить
Не может без воды.
Разрушена любовь
У нас двоих отныне:
Ты будешь одинок,
Я буду жить в пустыне.
Под «Голубым мостом» *
Река разбушевалась,
Мост залила, и нам
К молебне не пройти.
Развеяя филлиам...
Увы, какая жалость,
Что разошлись у нас
Заветные пути!
Пророчил счастье день,
Но он без свадьбы прожит.
А встретимся ль еще когда-нибудь?
Быть может!

Сунь У-кун слышал ее жалобные причитанья и боялся, как бы наставник по своему мягкосердечию не разжалобился и не

поддался на обман ведьмы. Он начал размахивать кулаками и колотить ногами, распирая внутренности ведьмы в разные стороны. Изнемогая от боли, дева-оборотень повалилась прямо в пыль и больше не могла вымолвить ни словечка. Сунь У-кун подумал, что она околела, и прекратил свои упражнения. Однако дева очнулась и стала кричать:

— Эй, слуги! Где вы?

Слуги и служанки, которые сопровождали свою хозяйку до ворот сада, оставили ее с Танским монахом, а сами разбрелись в разные стороны и принялись забавляться кому как вздумается: кто собирал цветы, кто травы, лишь бы не мешать любовным утехам девы-оборотня.

Услышав истошные крики хозяйки, слуги со всех ног бросились к ней и увидели ее лежащей на земле, с перекосившимся от нестерпимой боли лицом. Она силилась подняться на ноги, ползая на четвереньках. Подбежав к своей госпоже, слуги поспешно подхватили ее под руки и подняли.

— Сударыня! Госпожа наша! — забеспокоились они. — Что с тобой? Где у тебя болит? Не сердце ли?

— Нет! Нет! Нет! — с трудом вымолвила дева-оборотень. — Не спрашивайте меня ни о чем. У меня в животе сидит бес. Живо проводите монаха отсюда, тогда меня пощадят!

Слуги обступили Танского монаха и хотели понести его на руках.

Но Сунь У-кун закричал:

— Это еще что? Кто смеет нести на руках моего учителя?! Я требую, чтобы ты сама вынесла его на волю, тогда только я пощажу тебя!

Дева-оборотень послушалась Сунь У-куна. Она встряхнулась, взвалила Танского монаха себе на спину и быстрыми шагами направилась к выходу.

— Госпожа! Ты куда? — спрашивали слуги, еле поспевая за ней.

— Сейчас я вынесу вон этого негодяя, — ответила им дева, — а себе поищу другого в мужья. Недаром говорят: «Лишь бы пять озер да луна оставались на месте. Тогда в них всегда будет отражение золотого серпа!»

Ну и оборотень! Вы бы видели, как ловко он поднялся вверх по сияющему лучу прямо к выходу. Но вот послышался громкий звон оружия.

— Братец! — воскликнул Танский монах. — Там наверху кто-то есть!

— Это, наверное, Чжу Ба-цзе со своими граблями, — отозвался Сунь У-кун. — Ну-ка, оклики его!

Танский монах стал кричать:

— Чжу Ба-цзе! Чжу Ба-цзе!

Чжу Ба-цзе услышал голос наставника и заорал:

— Ша-сэн! Наш наставник сейчас будет здесь!

Они оба освободили проход, и оттуда выскочила дева-оборотень с Танским монахом за спиной. Вот и получилось, что

Царь обезьян премудрый
Заклятья знал и зелья,
И оборотня злобного
Все ж развенчал обман,
А Чжу Ба-цзе с Ша-сэном
У входа в подземелье
Стояли не напрасно:
Вернулся Сюань-цзан.

Если вы хотите узнать, осталась ли в живых дева-оборотень, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ,

повествующая о том, как смышленная обезьяна узнала, кому подвластна дева-оборотень и как эта дева возвратилась к своей истинной природе

Мы остановились на том, как дева-оборотень вынесла Танского монаха из пещеры.

Ша-сэн подбежал к наставнику, приветствовал его, а затем спросил:

— Где же наш старший брат, Сунь У-кун?

Чжу Ба-цзе не удержался, чтобы не съехидничать:

— У него, наверное, свои расчеты,— сказал он.— Даю голову наотрез, что он остался в пещере вместо наставника!

Но Танский монах, указывая рукой на живот девы, сказал:

— Вот он где!

Чжу Ба-цзе рассмеялся.

— Ну, Сунь У-кун мастер потрошить! Что же он там делает? Эй ты,— крикнул Чжу Ба-цзе,— вылезай скорее!

В этот момент раздался голос Сунь У-куна:

— Открой рот пошире! Сейчас вылезу!

Дева разинула рот, а Великий Мудрец, став совсем маленьким, подобрался к ее горлу и уже хотел выскочить, но побоялся, как бы дева, чего доброго, не перекусила его. Тогда он поспешно достал свой посох, дунул на него волшебным дыханием и воскликнул: «Превратись!» Посох тотчас же превратился в косточку с краями острыми, как шипы. Один край Сунь У-кун вонзил в верхнее небо девы, а сам вытянулся и одним прыжком выскочил изо рта, причем успел на лету подцепить и посох, превращенный в косточку. Очутившись на земле, Сунь У-кун принял свой обычный облик и, взмахнув своим волшебным посохом, кинулся

бить деву-оборотня. Но у девы в руках неизвестно откуда появилось два меча, и она со звоном стала отбивать удары железного посоха. Противники вступили в бой прямо на вершине горы. Ну и жаркий это был бой! Вот послушайте:

Два клинка в руках у колдуньи,
Взад-вперед летая, пляшут.
Отражают все удары
Два отточенных меча.
Сунь У-кун в великом гневе
Посохом железным машет
С золотыми ободками,—
Оборотня бьет сплеча!

Сунь У-кун, рожденный небом,
Полон мести, полон гнева,
Он сражается, могучий,—
Всем воителям пример!
А рожденная землею,
Обольстительница-дева,
Оборотень и лисица,
Все ж прелестней всех гетер.

Злоба грудь им распирает.
Злоба ярость пробудила.
Каждый чары применяет,
Завоеванные встарь.
Ведьма побороть стремится
Ян — таинственную силу,
Силу Инь изгнать стремится.
Обезьян отважный Царь.

Вновь от посоха по небу
Мгла морозная клубится!
Огненную пыль взметают
Звонкие клинки мечей.
Чародей и чародейка
Оба насмерть стали биться
За наставника-монаха,
Бой кипит все горячей!

Ведь огонь с водой не могут
Никогда перемешаться.
Сила Инь не уживется
С благородной силой Ян.
И святой не примирится
С черным духом святотатца,
И не пощадит колдунью
Царь могучий обезьян.

Два меча в пылу сраженья
С грозным посохом встречались.
Два врага в дыму сражались
В вихре гибельной борьбы.
Тучи пламенем венчались,
Горы гнулись и качались,
Бури огненные мчались,
Наземь рушились дубы!

Чжу Ба-цзе смотрел, смотрел, как Сунь У-кун сражается с девой-оборотнем, и, наконец, стал ворчать.

— Братец! — сказал он Ша-сэну. — Чего же это Сунь У-кун дурака валяет? Ведь только что он был в брюхе у ведьмы, что стоило ему пустить в ход кулаки, порвать ей внутренности, пробить живот и вылезти наружу, — тогда с этой чертовкой было бы покончено! А он зачем-то вылез через рот и вступил с ней в бой, — вот теперь она ему покажет.

— А ты ведь прав! — отозвался Ша-сэн. — Но как бы там ни было, спасением наставника мы обязаны старшему брату. Давай поможем ему, возьмем наше оружие и разделаемся с ведьмой, а наставника попросим пока посидеть в сторонке.

— Да что ты! Нет, нет, нет! — замахал руками Чжу Ба-цзе. — Знаешь, какие у ведьмы чары? Нам с ней не справиться.

— С чего это ты взял? — возразил Ша-сэн. — Если даже мы и не справимся, то все же поможем брату. Ведь это наше общее дело.

Дурень встрепенулся, схватил грабли и крикнул:

— Ну, пошли!

Ни слова не сказав наставнику, они вскочили на облако и помчались, — один с граблями, другой с волшебным посохом, — и принялись колотить деву-оборотня. Между тем дева уже утомилась и, когда увидела еще двоих противников, поняла, что ей не устоять. Она быстро повернулась и бросилась бежать. Сунь У-кун закричал:

— Братцы! Держи ее!

Но когда те стали настигать деву, она вдруг сбросила с правой ноги башмачок, дунула на него своим волшебным дыханием, произнесла заклинание и промолвила: «Превратись!» Башмачок тут же принял облик девы, которая так же ловко размахивала двумя мечами. Сама же она вдруг скрылась из глаз, превратилась в легкий ветерок и понеслась обратно. Ей и на этот раз не удалось одолеть монахов. Пора бы ей, казалось, подумать о спасении своей жизни, а между тем вышло иначе. Видно, зловещая звезда не покидала несчастного Танского монаха! Подлетев к арке у отверстия, служившего входом в пещеру, ведьма увидела Сюань-цзана, подлетела к нему и потащила с собой. Попутно она подцепила и поклажу, перекусила зубами поводья, которыми был привязан конь, и его тоже увела с собой. Здесь мы пока и оставим ее.

Тем временем Чжу Ба-цзе изловчился и изо всех сил хватил граблями деву-оборотня. Но, увы! На ее месте теперь лежал расшитый башмачок.

— Эх вы, дурачье! — вскричал Сунь У-кун, глядя на башмачок. — Вам бы надо было сторожить наставника! Кто вас звал сюда?! Что вы натворили?

— Ну что, Ша-сэн? — торжествующе сказал Чжу Ба-цзе. — Говорил я, что не надо соваться! На эту обезьяну никогда не угодишь! Мы помогли ему расправиться с оборотнем, а он еще ругается!

— Хороша помощь! — воскликнул Сунь У-кун с досадой. — Эта ведьма сыграла точно такую же шутку еще вчера, когда я бился с ней, и я попался на ее удочку. Не знаю, что там с наставником, ведь вы оставили его одного. Давайте поспешим к нему!

Все трое помчались обратно, но учителя и след простыл. Вместе с ним пропали поклажа и белый конь.

Чжу Ба-цзе заметался из стороны в сторону. Ша-сэн бегал за ним и всюду искал наставника. Великий Мудрец Сунь У-кун тоже был взволнован и раздосадован. Вдруг он заметил обрывок поводев на краю дороги. Он поднял его, и слезы неудержимым потоком хлынули из его глаз.

— О наставник! — громко зарыдал он. — Когда я уходил, были здесь и всадник и конь, а вернулся — нашел лишь обрывки поводев!

Получилось так, как сказано в одном стихотворении:

Я коня вспоминаю,
Лишь только увижу седло.
О любимой рыдаю —
Оттого на душе тяжело!

Неожиданно Чжу Ба-цзе захохотал.

— Ну и негодяй же ты! — возмутился Сунь У-кун. — Опять небось вздумал отправиться к своим родственникам?

Продолжая смеяться, Чжу Ба-цзе стал объяснять.

— Не в этом дело, братец! — проговорил он. — Я уверен, что ведьма опять уволокла наставника в свою пещеру. Мне вспомнилась поговорка: «Нет дела, которое бы не вышло на третий раз». Ты уже два раза побывал в пещере, придется и в третий раз пролезть туда. И я ручаюсь, что теперь тебя ждет удача.

Сунь У-кун вытер слезы.

— Что поделаешь? — вздохнул он. — Сейчас не время думать о себе. Придется снова лезть в пещеру. Теперь нет ни поклажи, ни коня, и всем нужно будет охранять лишь выход из пещеры.

Великий Мудрец тут же повернулся и прыгнул через отверстие вниз. Ну и молодец! На этот раз он решил появиться в пещере в своем первоначальном облике.

Вот послушайте:

Он с малолетства
Выглядел чудно:
Глаза, как шелки,
Обезьяньи щеки,
Но было с детских лет
Ему дано
Возвышенное сердце,
Ум глубокий.

Глаза сверкают
Золотым огнем.
Лоб разделен
Широкой седловиной,
Он весь покрыт
Колючею щетиной,
Как будто иглы
Выросли на нем.

Пугает недруга
Его наряд:
На бедрах
Юбка из тигровой шкуры,
На поясе
Сверкают и гремят
Подвески,
Амулеты и фигуры.

Когда в лазурь
Взмывает он легко,
Туманы тают
И редеют тучи,
А лишь нырнет он
В море глубоко,
Как сотни волн
Вздываются все круче.

И он привык
Держать двумя руками,
Разя врага,
Кидаясь в грозный бой,
Железный,
С золотыми ободками,
Губительный,
Всесильный посох свой.

Во всеоружье
Сил своих чудесных
С князьями высших сфер
Он начал воевать.
И он один погнал
Великую их рать —
Сто восемь тысяч
Воевод небесных!

Но Буддою святым
Обузданный воитель,
Тогда-то получил он
Наконец
Высокий чин:
«Возвышенный мудрец,
Всех обезьяньих царств
Правитель и властитель».

Храня наставника
На западном пути,
Он вместе с ним
Стремится обрести
Святые книги —
Клад старинной веры,

И он на облаке
Слетел на дно пещеры,
Чтоб Сюань-цзана
От беды спасти.

Покинув облако, Сунь У-кун прыгнул прямо к тому месту, где было жилье девы-оборотня. Входные ворота, однако, оказались запертыми, и Сунь У-кун разнес их своим посохом. Теперь путь был свободен. Сунь У-кун огляделся. Вокруг было тихо и безлюдно. На восточной веранде тоже никого не было. Из цветочной беседки исчезли куда-то все столы и стулья, а также разная утварь и безделушки.

Как вы помните, пещера занимала по окружности более трехсот ли, и у оборотня здесь было видимо-невидимо всяких потайных логовищ. Когда дева-оборотень в первый раз похитила Танского монаха, она доставила его на это место. Теперь же, опасаясь как бы Сунь У-кун вновь не отыскал его, она сразу же переселилась, но куда — этого Великий Мудрец не знал. От досады и негодования он стал топтать ногами и колотить себя в грудь.

— Наставник! Откликнись! — закричал он во всю глотку. Никто не отзывался. — Бедный мой учитель, что за несчастная твоя судьба, видно, на беду свою отправился ты за священными книгами! Почему ты не откликаешься? Где же мне искать тебя? — Сунь У-кун уже потерял всякую надежду и впал в отчаяние, но в этот момент до него донесся легкий аромат. Сунь У-куна сразу же осенило: «Видно, там кто-то есть», — подумал он, оглянувшись.

Он быстро повернул назад, держа посох наготове. Но всюду было тихо и спокойно. Неожиданно внимание его привлекла постройка из трех комнат, обращенных на север. Внутри стоял лакированный столик с украшением в виде дракона с разинутой пастью, предназначенный для жертвоприношений. На столике была золотая курильница, из которой шел ароматный дым. На стене висела табличка с золотыми иероглифами. Вот что на ней было написано: «Место для почтенного отца небесного князя Ли!» Немного пониже стояла другая табличка с надписью: «Место для уважаемого старшего брата Ночжа».

Увидев таблички, Сунь У-кун очень обрадовался, не стал больше искать ни деву-оборотня, ни Танского монаха, превратил свой посох в иголку, засунул ее в ухо, взял в обе руки таблички и курильницу, вернулся к своему облачку и направился прямо к выходу. Подлетев к отверстию, служившему выходом из пещеры, он стал смеяться.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, услышав голос Сунь У-куна, освободили проход в отверстие.

— Ты чего радуешься, братец? — спросили они в один голос. — Уж не выручил ли ты наставника из беды?

— А нам и незачем его спасать! — отвечал Сунь У-кун. — Потребуем его у этой таблички.

— Братец! Ведь табличка не оборотень,— удивился Чжу Ба-цзе,— она даже говорить не умеет. Как же можно требовать, чтобы она вернула нам наставника?

Сунь У-кун положил табличку на землю.

— Ты прочти! — сказал он.

Ша-сэнь подошел поближе и стал читать: «Место для достопочтенного отца небесного князя Ли», «Место для уважаемого старшего брата Ночжа».

— Что это значит? — спросил он:— Не понимаю!

— А вот что! На табличках написаны имена тех, кому дева-оборотень приносит жертвы,— пояснил Сунь У-кун.— Когда я проник в ее жилище,— продолжал он,— там никого не оказалось, исчезла даже вся утварь, и я обнаружил только эти таблички. Уверен, что дева-оборотень — дочь небесного князя Ли и младшая сестра его сына Ночжа. Она, видимо, задумала спуститься на грешную землю, превратилась в оборотня и похитила нашего наставника. К кому же обращаться за помощью, как не к небесному князю и его сыну? Вы пока побудьте здесь и покараульте у входа, а я возьму эти таблички, отправлюсь в небесные чертоги к Нефритовому императору и подам ему жалобу, пусть велит небесному князю и его сыну вернуть нам наставника.

— Братец! Постой! — сказал Чжу Ба-цзе.— Знаешь пословицу: «Кто желает смерти ближнему, тот сам ее не избежит». Нужно, чтобы жалоба была справедлива, тем более что подаешь ты ее самому императору. Тут уж никак нельзя быть неосмотрительным! Ну-ка, скажи мне, что собираешься изложить в жалобе?

— Я знаю, что сказать,— отвечал Великий Мудрец,— во-первых, я покажу эти таблички и курильницу в качестве вещественных улик, а кроме того, подам еще и письменную жалобу.

— Что же ты там пишешь? — нетерпеливо спросил Чжу Ба-цзе. — Прочти!

Сунь У-кун стал читать:

— «Податель сей жалобы Сунь У-кун. Возраст указан в родословной книге, ныне ученик и последователь Танского монаха по прозвищу «Трипитака», который по повелению Танского императора направляется к Будде за священными книгами.

Жалоба по делу о похищении человека оборотнем.

Ныне, по недосмотру небесного князя Ли, по имени Цзин, а по прозвищу То-та, и его наследного сына по имени Ночжа, из их хором сбежала родная дочь, каковая превратилась в злого оборотня и поселилась в пещере под названием Бездонная, что на горе Провал в пустоту, находящейся на грешной земле. Она уже успела завлечь и погубить насметное число людей. Совсем недавно она похитила моего наставника и упрятала в свое логово, которое никак нельзя найти. Мне не хотелось бы подавать сию жалобу, но, опасаясь, что отец и брат не проявят человечности и дадут сей деве, которая является их дочерью

и сестрой, продолжать творить зло и причинять пагубу всем людям, я вынужден это сделать.

Покорно прошу явить сострадание, приказать привести их на суд, повелеть им прибрать к рукам оборотня, спасти моего наставника и определить справедливое наказание за совершенные преступления, что будет великим благодеянием.

По сему делу подаю жалобу верховному владыке».

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн внимательно выслушали Сунь У-куна и очень обрадовались.

— Братец! Жалоба твоя вполне справедлива, — сказали они, — и ты безусловно выиграешь тяжбу. Но только не медли и поскорей возвращайся, не то эта ведьма что-нибудь натворит с нашим наставником и погубит его.

— Я мигом! — весело ответил Сунь У-кун. — Самое большее — пока рис разварится, а то и скорее — пока чайник вскипит!

Молодец Сунь У-кун! Держа в руке таблички и курильницу, он поднатужился и вскочил на благодатное облачко, которое доставило его прямо к Южным небесным воротам. Как раз в это время там оказались небесный князь Великой силы и небесный князь Хранитель государства, которые, завидев Сунь У-куна, изогнулись в три погибели и, конечно, не посмели задерживать его. Сунь У-кун направился прямо в зал Правосудия. Там его с почтительным поклоном приветствовали великие небесные наставники: Чжан Лао-лин, Гэ Сюань, Сюй Чжэнь-цзюнь и Цю Чу-цзи.

— Зачем пожаловал, Великий Мудрец? — спросили они.

— Принес письменную жалобу, — отвечал Сунь У-кун.

Небесные наставники перепугались и стали переговариваться между собой:

— На кого же из нас вздумал жаловаться этот бездельник?

Но делать было нечего, и им пришлось ввести его в зал Чудотворного неба и доложить о нем. Сразу же последовало высочайшее повеление подвести Сунь У-куна к трону верховного Владыки.

Сунь У-кун положил рядом с собой таблички и курильницу, обратился лицом к Нефритовому императору и совершил положенные поклоны, после чего и подал жалобу. Небесный наставник Гэ Сюань принял жалобу, развернул ее и положил на столик перед Владыкой. Нефритовый император прочел жалобу от начала до конца и, уяснив, в чем дело, начертал на этой же бумаге свое повеление, чтобы немедленно послать духа Долголетия к небесному князю Ли, пребывающему во дворце Облачные хоромы, и велеть ему явиться на суд!

Тут Сунь У-кун выступил вперед.

— О великий Владыка! — сказал он. — Прошу тебя построже наказать виновных, иначе они еще чего-нибудь сотворят.

— Пусть истец отправится вместе с посланцем! — повелел Нефритовый император в ответ на просьбу Сунь У-куна.

— Как, и мне тоже идти? — изумился Сунь У-кун.

— Раз Владыка приказал, значит ты должен отправиться вместе с духом Долголетия, — отвечали четыре небесных наставника.

Сунь У-кун так и сделал и, вскочив на облако, последовал за духом. Вскоре они прибыли ко дворцу Облачные хоромы. Это было постоянное жилье небесного князя Ли. Отрок, стоявший у входа во дворец, узнал духа Долголетия и побежал докладывать о нем:

— Дух Долголетия изволил пожаловать! — возвестил он.

Небесный князь тотчас же вышел встречать гостя. И когда увидел, что прибывший держит в руках бумагу от Нефритового императора, велел немедленно воскурить фимиам. Повернувшись снова лицом к гостю, он заметил Сунь У-куна, который следовал позади. Чувство гнева сразу же охватило небесного князя. И почему бы, вы думали, он разгневался? А вот почему. Еще когда Великий Мудрец Сунь У-кун учинил буйство в небесных чертогах, Нефритовый император назначил небесного князя главным предводителем небесного войска, а его сына Ночжа — духом-правителем в Саньтань и Хайхуэй. Оба они повели тогда небесное войско, чтобы усмирить Сунь У-куна. Произошло несколько сражений, но победы они не смогли одержать. Хотя и прошло с тех пор пятьсот лет, а чувство злобы и мести еще не покинуло небесного князя, вот почему при виде Сунь У-куна гнев охватил его. Однако любопытство взяло верх, поэтому он не сдержался и спросил:

— Почтенный дух! Какой же высочайший указ доставил ты мне?

— Указ, начертанный на жалобе Великого Мудреца Сунь У-куна, которую он подал на тебя! — отвечал дух звезды Долголетия.

Небесный князь и без того был зол, а тут, услышав слово «жалоба», заорал громовым голосом:

— Что за жалобу он подал на меня?

— Он обвиняет тебя в том, что ты вскормил оборотня, который похищает и губит людей. Ты лучше воскури фимиам и прочти, пожалуйста, сам, что написано, — посоветовал дух Долголетия.

Тяжело дыша, разгневанный князь возжег фимиам, обратился к небу и поблагодарил за монаршую милость. Затем он распечатал бумагу, прочел указ и от негодования стукнул кулаком по жертвенному столику.

— Этакая обезьянья морда! — вскричал князь. — Ведь все это одна клевета!

— Смири свой гнев! — остановил его дух звезды Долголетия. — У него есть вещественные улики, которые он представил

владыке: таблички с твоим именем и именем сына и курильница. Он утверждает, что дева-оборотень — твоя родная дочь!

— У меня есть три сына и одна дочь! — сказал небесный князь. — Старшего сына зовут Цзинь-ча. Он прислуживает самому Будде Татагате и состоит в должности хранителя веры передней палаты. Второго сына зовут Муча. Он находится у Южного моря и является учеником бодисатвы Гуаньинь. Третьего сына зовут Ночжа. Он находится при мне и всюду сопровождает меня. Дочери же всего семь лет, зовут ее Чжэнь-ин. Она еще ничего не смыслит в людских делах, как же может она быть оборотнем?! Если не веришь, я сейчас вынесу ее и покажу! Ну и наглая же обезьяна! Клеветать нельзя даже на простых смертных, живущих на грешной земле, а не то что на меня, главного из всех небожителей, которому предоставлено право сперва казнить, а потом докладывать! В законе сказано: «За клевету взыскивать тройне!» — И он тут же кликнул своих подчиненных: — Несите сюда веревки для связывания оборотней и свяжите эту обезьяню морду! — распорядился он.

Стоявшие в ряд у самого входа духи — Цзюйлин, Юйду и Яоча — сразу же накинулись на Сунь У-куна и связали его.

— Смотри, небесный князь, не навлеки на себя беду! — предупредил встревоженный дух звезды Долголетия. — Я явился с ним сюда по высочайшему повелению в качестве посланца, чтобы вызвать тебя на суд. А твои пути так тяжелы, что того и гляди он задохнется. Что тогда будет?

— О дух звезды Долголетия! — едва сдерживая себя, ответил небесный князь. — Да разве можно терпеть между нами подобного клеветника?! Ты пока что посиди здесь, а я тем временем схожу за тесаком, которым срубят головы оборотням, и зарублю эту мерзкую обезьяню морду! После этого мы с тобой вместе отправимся к Владыке, и я дам ответ!

Дух звезды Долголетия от этих слов еще больше перепугался.

— Как же это ты так просчитался? — обратился он к Сунь У-куну, когда они остались вдвоем. — Разве можно было столь неосмотрительно подать жалобу на высочайшее имя? Ты даже не проверил, как обстоит дело, и наобум затеял тяжбу. Что, если тебе придется за это поплатиться жизнью?

Но Сунь У-кун не выказывал ни малейшего страха.

— Успокойся, почтенный! — посмеивался он. — Ничего не случится! У меня всегда так бывает, сперва проигрываю, а под конец выигрываю!

Не успел он закончить, как вошел небесный князь с тесаком в руке. Подойдя к Сунь У-куну, он замахнулся, чтобы срубить ему голову, но тут подоспел его сын Ночжа и отвел удар своим ятаганом.

— Отец! — вскричал он. — Смири свой гнев!

Небесный князь от испуга даже побледнел.

Казалось бы, отец должен прикрикнуть на сына, посмеив-

него вмешаться и отвести его удар. Однако получилось наоборот. Отец побелел от страха! А дело было вот в чем. Когда Ночжа родился, на его левой ладони был знак, который читается «но», а на правой «чжа», поэтому князь и назвал его «Ночжа». На третье утро мальчик бросился в море, чтобы обмыться, и навлек беду: опрокинул ногами хрустальный дворец дракона, поймал самого дракона и хотел вытянуть из него жилы для шнурка. Небесный князь узнал об этом и, опасаясь тяжких последствий, хотел убить мальчика. Ночжа разгневался на отца, взял нож, отрезал у себя мясо и отдал матери, в знак того, что возвращает ей то, что она породила, а затем кости отдал отцу. Вернув родителям мясо и кости, он унесся душой на Запад, в райскую обитель Будды, жаловаться ему. Как раз в это время Будда читал священные книги всем собравшимся возле него бодисатвам. Вдруг он услышал, что над роскошным балдахином с хоругвями кто-то кричит истошным голосом: «Спасите!» Будда взглянул своим всевидящим оком и увидел там душу Ночжи. Он сразу же сотворил ему кости из зеленого корня лотоса, а из листьев сделал тело, после чего прочел заклинание — тарни, возвращающее жизнь мертвым, и Ночжа ожил. С помощью божественной силы он покорил злых духов и дьяволов обитателей девяноста шести пещер и стал обладателем великих чар. Впоследствии он задумал убить небесного князя, чтобы отомстить ему. Небесный князь обратился с жалобой к Будде Татагате. Будда, который ставил превыше всего согласие и любовь, подарил небесному князю ажурную золотую пагоду тончайшей работы, в которой покоились частички пепла Будды. На каждом ярусе этой пагоды были выточены фигурки разных Будд, и вся она сверкала и блестела. Затем Будда позвал Ночжа и велел ему считать небесного князя своим отцом. Таким путем ему удалось прекратить вражду и обиду. Вот почему небесного князя Ли прозвали То-та, что значит «поддерживающий пагоду». В этот день небесный князь не был занят, находился у себя дома, не держал пагоды в руке, а потому и перепугался, опасаясь, что Ночжа вздумает мстить ему. Он быстро обернулся и взял в руки пагоду.

— Сын мой! — ласково промолвил он. — Зачем ты отвел мой удар и не дал убить обезьяну?

Ночжа отбросил ятаган, совершил земной поклон перед небесным князем и сказал:

— Отец мой, князь! У тебя действительно есть дочь, которая находится на грешной земле.

— Сын мой! — стараясь быть спокойным, возразил князь. — У меня только четверо детей. Откуда же взялась еще какая-то дочь?

— Ты забыл, отец, — отвечал Ночжа. — Это дочь не родная. Триста лет тому назад, на горе Линшань она съела у Будды Татагаты его драгоценную свечу, и Будда велел нам с тобой взять с собой небесных воинов и схватить ее. Ее бы следовало тогда же

прикончить, но Будда Татагата велел ее пощадить и сказал: «Если рыб ты разводишь в пруду и сохраняешь им жизнь, если кормишь оленей в горах, в награду получишь ты долгую жизнь!» За твою милость дева-оборотень поклонилась тебе и назвала тебя своим отцом, а меня своим старшим братом. Там внизу, на земле, она установила в честь тебя и меня две таблички и курильницу, в которой возжигает нам фимиам. Не ожидали мы с тобой, что она снова примется творить зло! Она похитила Танского монаха, чтобы погубить его. Однако Сунь У-кун разыскал пещеру, принес оттуда таблички и подал на нас жалобу верховному Владыке.

— Сын мой! А я ведь действительно совсем забыл о ней! — с ужасом и изумлением произнес небесный князь. — Как же ее зовут?

— У нее три имени, — ответил наследник, — одно имя, данное ей там, где она появилась: Крыса с белой шерстью и железным рылом. Когда она украдкой сгрызла драгоценную свечу Будды, ее стали называть полубодисатва Гуаньинь. Когда же ее пощадил и отпустил в низшую сферу грешной земли, там она опять переименовала имя и теперь называет себя госпожа Взрыхлительница земли.

Небесный князь теперь только все вспомнил, отложил пагоду и бросился развязывать Сунь У-куна. Но тот заупрямился.

— Как ты смеешь развязывать меня! Я хочу в веревках предстать перед верховным Владыкой, тогда только выиграю свою таямбу!

Небесный князь пришел в ужасное смятение, и у него даже руки обмякли. Наследник молчал, а вся челядь и подручные князя поспешили улизнуть.

Между тем Великий Мудрец Сунь У-кун стал кататься по земле и требовать, чтобы небесный князь немедленно отправился на суд. Небесный князь ничего не мог придумать и стал умолять духа звезды Долголетия, чтобы тот уговорил Сунь У-куна пожалеть его. Но дух звезды Долголетия не соглашался.

— Ты же знаешь поговорку, которую сложили еще в древние времена: «Будь великодушен во всех делах!» Уж очень ты круто поступил: велел связать его, да еще сам хотел зарубить. Эта обезьяна прославилась своей наглостью. Чего же ты теперь от меня хочешь? Что я могу с ней сделать? Твой сын подтверждает, что дева-оборотень приходится тебе дочерью, пусть не родной. И как бы ты ни отговаривался, тебе все равно не уйти от наказания.

— Почтеннейший дух! — взмолился небесный князь. — Что же мне делать, чтобы снять с себя вину?

— Я бы и сам рад помирить вас, но не знаю, как приступить к делу! — отвечал дух звезды Долголетия.

— А ты расскажи ему, как было дело, когда его призвали в небесные чертоги и пожаловали ему звание бимавэнь, — посоветовал князь.

Дух подошел к Сунь У-куну и стал гладить его рукой.

— Великий Мудрец, — заговорил он примирительным тоном, — ради меня, дозволь развязать тебя, и мы отправимся к верховному Владыке.

— Нет, дорогой мой! Не надо развязывать! — решительно сказал Сунь У-кун. — Я могу перекатываться и сам доберусь.

— Ишь ты, какая безжалостная обезьяна! — засмеялся дух. — Когда-то я тебе оказал немалую услугу, а теперь ты не хочешь исполнить даже такую пустячную просьбу.

— Какую же услугу ты оказал мне? — спросил Сунь У-кун.

— А помнишь, в том году, когда ты жил на горе Цветов и плодов, укрощал тигров, покорял драконов и вычеркнул свое имя из книги Смерти, собрал толпу бесов-оборотней и натворил всякие безобразия, Владыка неба хотел тогда же схватить тебя. Ведь это я умолил его призвать тебя на небо и пожаловать тебе чин конюшего со званием бимавэнь. А ты выпил священного вина у Нефритового императора и стал буяннить. Тебя еще раз призвали, опять-таки по моей просьбе, и пожаловали тебя званием «Великий Мудрец, равный небу». Но ты не угомонился, снова набедокурил, украл персики, тайком выпил вино, своровал у Лао-цзюня пилюли бессмертия и стал бессмертным. Если бы не я, разве ходил бы ты сейчас на свободе?

— Есть хорошая древняя пословица, — сказал Сунь У-кун: — «Не попадай, когда помрешь, в одну могилу со стариком». Ишь как ловко ты меня поддел! Я, собственно говоря, ничего особенного и не вытворял, только когда был назначен конюшим, побуянил немного в небесных чертогах — больше ничего! Ну ладно! Так и быть, согласен только из уважения к тебе, но пусть он сам меня развязывает!

Небесный князь робко приблизился к Великому Мудрецу, снял веревки, предложил ему одеться и пригласил занять почетное место, а затем сам он и все его приближенные поклонились Сунь У-куну.

Обернувшись лицом к духу звезды Долголетия, Сунь У-кун сказал:

— Ну что, говорил я тебе, что сперва проигрываю, а после выигрываю, так уж у меня и идет моя «торговля». Поторопи его скорей собираться на суд; не проворонить бы мне моего учителя!

— Не спеши! — ответил дух Долголетия. — После всего, что произошло, не худо бы выпить чашечку чаю!

— Ах вот как! — холодно оборвал его Сунь У-кун. — Ты хочешь с ним чаевничать, получить от него взятку, продать преступнику и выпустить его! Да знаешь ли, какое положено наказание за неуважение к высочайшему указу?

— Не буду чай пить! Не буду! — перебил дух разошедшегося Сунь У-куна. — Уж ты готов и меня в это дело впутать.

Обратившись к небесному князю, он твердо произнес:

— Ну, князь, скорей собирайся и идем!

Но небесный князь боялся идти на суд. А вдруг Сунь У-кун начнет нести про него разные небылицы, будет грубить? Как с ним тягаться, с таким болтуном? Вновь пришлось князю обратиться к духу и умолять его, чтобы он замолвил за него словечко.

— Я хочу сказать тебе еще одно слово, — сказал дух Долголетия, повернувшись к Сунь У-куну, — только обещаю тебе, что исполнишь мою просьбу, идет?

— Я и так ради тебя простил ему и тесак и веревки, — ответил Сунь У-кун, — чего же ты еще хочешь? Говори прямо! Если скажешь складно, то пусть будет по-твоему, а нет, так уж не взыщи!

— Ну что ж! — вздохнул дух. — Недаром говорят: «Один день суда, десять дней побоев!» Ты написал в своей жалобе, что дева-оборотень является дочерью небесного князя, а он говорит, что это неправда. Вот вы и будете препираться друг с другом перед тронном верховного Владыки, один будет говорить одно, а другой — другое. Я знаю, что один день на небе равен целому году в низшей сфере на грешной земле. За этот срок дева-оборотень успеет не только породниться с твоим наставником, но и народить маленького монашка. Таким образом, великое дело, которое должен выполнить твой наставник...

Сунь У-кун опустил голову и погрузился в раздумье: «А ведь он прав! Я обещал Чжу Ба-цзе и Ша-сэну, когда расставался с ними, что вернусь, пока успеет свариться рис, а то и скорее, пока вскипит чайник. А сколько времени я здесь скандалю!»

— Начальник, как же быть с высочайшим указом? — спросил он, колеблясь.

— Пусть небесный князь Ли соберет свое войско и отправится с тобой вместе на грешную землю укротить оборотня, а я пойду с ответом, — предложил дух звезды Долголетия.

— Что же ты скажешь Нефритовому императору? — спросил Сунь У-кун.

— Скажу, что истец сбежал, — улыбнулся дух, — тогда и ответчика оставят в покое.

— Вот это здорово! — зло засмеялся Сунь У-кун. — Я ради тебя пошел на уступки, а ты за это хочешь оговорить меня! Вели ему собирать свое войско и пусть ждет меня за Южными небесными воротами. А мы с тобой, не теряя времени, отправимся к Владыке и дадим ему ответ.

Небесный князь испугался.

— Если он пойдет, то может наговорить, что я нарушил приказ Владыки.

— За кого же ты меня принимаешь? — крикнул Сунь У-кун, сверкнув глазами на небесного князя. — Знай, что я настоящий муж! Дал слово, значит сдержу его. Неужели я стану чернить тебя?!

Небесный князь тут же принялся благодарить Сунь У-куна, а Великий Мудрец вместе с духом отправился к Нефритовому императору.

Тем временем небесный князь собрал лучших своих воинов и направился с ними прямо за Южные небесные ворота.

А дух звезды Долголетия вместе с Сунь У-куном предстали перед Нефритовым императором и стали докладывать ему:

— Губительницей Танского монаха оказалась дева — она же оборотень крысы с белой шерстью и железным рылом. В табличках она ложно назвала небесного князя и его сына своим отцом и братом. Узнав об этом, небесный князь собрал свое войско и отправился на землю, чтобы схватить ее. Умоляем тебя, достопочтенный Владыка неба, простить его и помиловать.

Нефритовый император уже знал обо всем, что произошло, и, проявив великую монаршую милость, повелел прекратить дело.

Сунь У-кун тотчас же помчался на своем лучистом облачке к Южным небесным воротам. Там он увидел небесного князя, его наследника и воинов, которые пребывали в ожидании.

До чего же были хороши эти войны и их начальник! Словно вихрь, вздымая облака и туманы, они кинулись встречать Великого Мудреца Сунь У-куна, а затем все как один устремились на облаке на землю и вскоре оказались на горе Провал в пустоту.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэнь проглядели все глаза, дожидаясь Сунь У-куна, и, наконец, увидели небесное воинство, приближавшееся к ним вместе с Сунь У-куном. Дурень бросился навстречу небесному князю и приветствовал его вежливыми поклонами.

— Прости за беспокойство! — повторял он с виноватым видом.

— Дорогой мой полководец звезды Тянь-пэн! — смущенно ответил небесный князь. — Ты, очевидно, не знаешь, что эта дева-оборотень провела нас обоих, меня и сына, воскурив перед нами свечи и назвав меня своим отцом, а его — своим братом. Сейчас она дошла до такой наглости, что заперла у себя твоего наставника. Прошу не пенять, что мы немного задержались... Скажи, пожалуйста, эта ли гора называется Провал в пустоту? Где здесь ворота в пещеру и в какую сторону они открываются?

— Эта дорога теперь мне хорошо знакома, — вмешался Сунь У-кун. — Тут находится пещера, которая называется Бездонной. В окружности она имеет более трехсот ли. В ней ведьма устроила себе тьму-тьмущую логовищ. В прошлый раз наставник находился в том месте, где стоят узорчатые ворота, с которых двумя каскадами стекает вода, а теперь там совсем тихо и пусто, нет ни одного оборотня. Не знаю, куда она переселилась.

— Как ни хитри, куда ни прячься, а от небесных сетей и земных силков никуда не денешься! — важно произнес небесный князь. — Идемте к вратам пещеры, а там посмотрим, что делать.

Все тронулись в путь. Они прошли более десяти ли и, наконец, очутились у огромной скалы.

— Вот здесь! — воскликнул Сунь У-кун, указывая рукой на отверстие, напоминавшее отверстие чана.

— Как же достать тигренка, не входя в логово тигра? — шутовски спросил небесный князь. — А ну, кто из вас отважится полезть первым?

— Я! — воскликнул Сунь У-кун.

— Мне поручено истреблять всех оборотней, — сказал Ночжа, — поэтому я должен быть первым!

Дурень Чжу Ба-цзе стал проталкиваться вперед:

— Головным все же должен быть я, старый Чжу Ба-цзе! — заорал он.

— Не шумите! — строго произнес небесный князь. — Слушайте меня: пусть Великий Мудрец Сунь У-кун и мой сын Ночжа спустятся с воинами, а мы втроем останемся сторожить у входа и будем, как сказано в военных книгах: «Действовать согласованно изнутри и извне!» Вот тогда у оборотня не окажется никакого выхода: ни вверх, ни вниз, — тут-то мы ей и покажем.

Присутствующие все разом, по-военному, ответили одним только словом: «Есть!»

Представьте себе, словно струя воды, в отверстие устремились Сунь У-кун, за ним наследник Ночжа и все небесные воины! Там они вскочили на лучистые облака и стали плавно опускаться вниз, с восхищением разглядывая пещеру. Она и в самом деле была красоты удивительной:

Там такое же солнце сияет
В обычные сроки,
И луна по ночам
Озаряет просторы земли.
Расстилаются реки,
Журчат и сверкают потоки,
И высокие горы
Рядами синеют вдали.

И ручей по жемчужному дну,
Извиваясь, несется.
Все восторг вызывает,
И сердце пленяет, и взор,
И над гладью пруда,
И над яшмовой гладью колодца
Поднимается радужный пар,
Улетая в простор.

Сколько пестрых дворцов!
Как узорные башни красны!
За стеной ярко-красных оград
Зеленеют сады.
Здесь весною цветут тополя,
Распускаются ивы,
Ближе к осени
Лотосы блещут над гладью воды,
Как в небесной стране,
Все изящества полно и меры.
На земле
Ты не часто увидишь такие пещеры!

Вскоре войско прибыло к прежнему жилью девы-оборотня и задержало над ним лучистые облака. Все устремились через ворота на поиски. То тут то там раздавались крики воинов, которые разбрелись по всей пещере. Они истоптали всю траву, обошли все триста ли, но нигде не обнаружили ни оборотня, ни Танского монаха. Многие стали говорить: «Наверное, эта скотина уже давно сбежала из пещеры и находится где-то очень далеко!» Никто не догадывался, что в юго-восточной части пещеры, в темном углу, на самой глубине, была еще одна совсем маленькая пещера. В нее вели ворота, внутри была небольшая комнатуха, где стояло несколько горшков с цветами, а перед крылечком рос бамбук. Внутри было мрачно и сыро. На этот раз дева-оборотень затащила Танского монаха именно сюда и вынуждала его к сожительству с ней, уверяя, что Сунь У-кун больше никогда не разыщет его. Однако, кто знал, что ей не суждено было соединиться с Танским монахом? Случилось так, что среди ее маленьких бесенят, которые сидели в пещере, сбившись в кучу, и скулили, нашелся один похрабрее. Он высунул голову и стал выглядывать из пещеры, а в это время проходил мимо воин и наткнулся на бесенка. «Здесь!» — закричал он. Тут Сунь У-кун, разъярившись, вооружился своим железным посохом с золотыми обручами и одним прыжком ворвался в пещеру, где собрались все бесенята. Наследник Ночжа сейчас же напустил на них небесных воинов. Деваться бесенятам было некуда.

Сунь У-кун нашел Танского монаха, коня-дракона и всю поклажу. Дева-оборотень тоже оказалась там. Бежать было некуда, и она кинулась в ноги наследнику Ночжа, отбивая земные поклоны и умоляя сохранить ей жизнь.

— Я не по своему желанию явился сюда, а по повелению Нефритового императора! — ответил ей наследник Ночжа. — Мы с отцом сжалились над тобой, когда ты сгрызла свечу у Будды Татагаты. Что же случилось? Разве построишь храм, если монахи растаскивают бревна?

Тут он издал громкий возглас, и перед ним предстал один из небесных воинов.

— Достаньте веревки для связывания оборотней! — приказал ему Ночжа. — Пусть всех бесов свяжут.

Дева-оборотень тоже не избежала этой горькой участи. Затем все вернулись к своим лучистым облакам и на них вылетели из пещеры. Сунь У-кун от радости все время хихикал. Небесный князь освободил проход в устье пещеры и встретил Сунь У-куна такими словами:

— Поздравляю! На этот раз тебе удалось все же встретиться со своим учителем!

— Премного тебе благодарен! — радостно ответил Сунь У-кун и подвел к нему Танского монаха, который тоже низкими поклонами выразил благодарность небесному князю и его сыну Ночжа.

Ша-сэн и Чжу Ба-цзе хотели тут же убить деву-оборотня, но небесный князь удержал их.

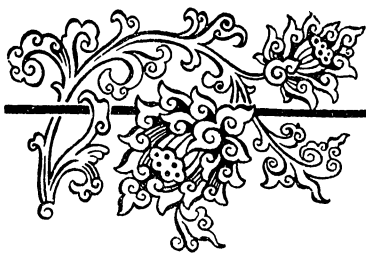
— Она взята под стражу по указу Нефритового императора, и никто не вправе изменить его, — торжественно произнес он. — Мы должны доставить ее к Владыке и доложить об исполнении его повеления.

Тут небесный князь со своим наследником во главе небесного войска, взявшего под конвой связанных оборотней, отправились на небо, чтобы ждать там окончательного решения. Сунь У-кун взял под свою защиту Танского монаха, Ша-сэн собрал поклажу, Чжу Ба-цзе взнуздal коня и предложил наставнику сесть верхом, после чего все они снова двинулись в путь.

Взгляни: порвалась золотая нить,
Что должна была любящих соединить
Вместе на вечные времена.
Высохло море счастья до дна.
На дверце клетки сломан затвор,
И пленник вырвался на простор!

Если вам интересно узнать, как продолжали свой путь наши герои, обратитесь к следующим главам.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой повествуется о том, почему монахи-путники оказались неистребимыми, а также о том, как наступило великое прозрение у законного правителя

Итак, вам известно, что Танский монах избежал соблазна, сохранил свою непорочную силу Ян и продолжал путь на Запад, сопровождаемый своими учениками.

Незаметно подошло лето и наступила пора, о которой говорится: «Едва подует знойный ветерок и дождичек польет — так сразу сливы поспевают».

Перед путниками открывались картины одна прекраснее другой.

Ветерок шаловливо порхает
В тенистой листве,
Юных лотосов листья
Растут на прудах и озерах,
И птенцов обучают стрижи
Щебетать в синеве,
И пушистых побегов бамбука
Доносится шорох.

По лазури разносится
Пестрых цветов аромат,
И покрыли нагорные склоны
Целебные травы.
Тростники вдоль ручьев,
Словно стройные копья, стоят,
И гранаты, алая,
Украсили путь сквозь дубравы.

А четверо путников все шли и шли под палящим зноем и, наконец, дошли до места, где по обеим сторонам дороги густо росли высокие ивы. Неожиданно из-за деревьев появилась пожилая женщина, которая вела за руку ребенка.

— Стой, монах! — закричала женщина. — Дальше ехать нельзя! Скорей поворачивай назад! Дорога на Запад — это дорога смерти!

От этих слов Танский монах едва не упал с лошади, затем спешился и начал расспрашивать женщину.

— О добрая женщина! — молвил он. — Есть древняя поговорка: «Море широко — в нем рыбам раздолье; небо просторно — в нем птицам вольготно!» Неужто на Запад нет никакой другой дороги?

Указывая рукой на Запад, женщина стала рассказывать:

— В пяти или шести ли отсюда начинаются владения государства, в котором всеми способами искореняют учение Будды. Правитель этого государства в своем прошлом перерождении вступил во вражду с Буддой, а в своем нынешнем существовании без всякого повода стал творить великое зло. Два года тому назад он объявил, что дал зарок истребить десять тысяч буддийских монахов. И вот с тех пор он непрестанно уничтожает несчастных и уже загубил девять тысяч девятьсот девяносто шесть человек, имена которых неизвестны. До десяти тысяч не хватает всего четырех монахов, но они должны быть чем-нибудь знамениты, чтобы достойно завершить установленное число. Если вы войдете в столицу государства, то можете распрощаться с жизнью, — пророчески закончила она.

Танский монах пришел в неописуемый ужас от этих слов.

— Добрая женщина, — дрожа от страха, едва вымолвил он, — я очень признателен тебе... от всего сердца благодарю тебя за доброту твою... Но, скажи, неужели же нет никакой другой дороги, по которой можно было бы пройти, не заходя в столицу этого государства?

— Нет, никак не обойдешь ее, — засмеялась женщина. — Никак! — уверенно повторила она. — Разве только что по воздуху, если умеешь летать...

Чжу Ба-цзе, стоявший в сторонке, не удержался и хвастливо заявил:

— А ты не пугай нас — мы умеем летать на облаках.

Сунь У-кун, обладающий золотистыми зрачками и огненным взором, сразу же распознал в женщине бодисатву Гуаньинь, а в ребенке — ее ученика, отрока Шань-цай. Повалившись наземь, он в смятении начал отбивать земные поклоны.

— О бодисатва! — восклицал он. — Прости, что не встретил тебя как подобает!

Между тем под ногами бодисатвы закружилось облако, сияющее разноцветными лучами, и она стала легко подниматься ввысь вместе со своим учеником. При виде этого чуда Танский монах еще больше перепугался и упал наземь. Затем он встал на колени и тоже начал отбивать земные поклоны. Его примеру последовали Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Облако быстро исчезло из виду и понеслось прямо к берегам Южного моря.

Сунь У-кун поднялся и стал поднимать своего наставника, — Вставай, учитель! — сказал он. — Бодисатва уже вернулась к себе, на свою священную гору.

— Сунь У-кун! Почему же ты не сказал мне, что это бодисатва, — упрекнул его Танский монах, — ты ведь знал.

— Да я не успел, — засмеялся Сунь У-кун. — Ты еще только спрашивал, а я уже кланялся.

— Скажи, как же нам теперь быть? — в один голос спросили Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. — Милосердная Гуаньинь предупредила нас, что впереди находится страна, где истребляют буддийских монахов. Куда же нам теперь идти?

— Да перестаньте вы трусить наконец! — одернул их Сунь У-кун. — Вспомните, сколько лютых дьяволов и свирепых оборотней попало к нам на пути, сколько хищных тигров и страшных драконов угрожали нам из своих логовиц в горах и озерах, и все же они не смогли причинить нам вреда. А здесь перед нами страна, в которой живут самые обыкновенные люди, чего же нам бояться? Меня другое тревожит. Уже вечерет, того и гляди появятся жители деревень, возвращающиеся с городского рынка, увидят нас и начнут болтать, что встретили монахов, а это нам совсем некстати. Давайте лучше поищем укромное местечко для нашего учителя, а там обсудим, что делать дальше.

Танский монах согласился. Наши путники свернули в сторону от большой дороги, нашли глубокую яму и засели в ней.

Когда все устроились, Сунь У-кун сказал:

— Братцы! Вы берегите нашего наставника и охраняйте его как следует. А я изменю свой облик, побываю в столичном городе и посмотрю, что там происходит. Может быть, найдется глухая дорога, по которой нам удастся пройти ночью незамеченными.

— Смотри, будь осторожен! — напутствовал его Танский монах. — Помни, что царские законы неумолимы! Не играй с огнем!

— Не беспокойся! — смеясь, ответил Сунь У-кун. — Я сам знаю, как мне надо поступать!

С этими словами наш Великий Мудрец со свистом совершил прыжок вверх и... о чудо!

Хоть не тянули вверх его канатом,
Не подпирали ног его подпоркой,—
Мудрец вознеся, словно был крылатым,
И с облака все оглядел он зорко.
Не знаем мы, в кого мог уродиться
Наш Сунь У-кун, но легче он, чем птица.

Утвердившись на своем волшебном облачке, Сунь У-кун стал внимательно смотреть вниз. Его взору представился столичный город, полный веселья и благополучия.

«Какое хорошее место! — подумал Сунь У-кун. — И чего ради там искореняют буддийскую веру?»

Пока он разглядывал город, стало смеркаться.

Побледнело на западе
Пламя вечерней зари,
С десяти перекрестков
Сверкнули во тьме фонари.
В девяти павильонах дворца
Финмиам воскурили,
И вечерние колокола
В тишине прозвонили.
Через восемь ворот
На ночлег караваны сошлись.
Семь мерцающих звезд
Озарили туманную высь.
Но в шести лагерях
Прозвучали рога боевые,
Уронили вечерние капли
Часы водяные.
И друг друга на башнях окликнули
Пять сторожей,
И четыре тумана смешались,
И стало свежей.
Весь народ разошелся,
И три опустело базара.
Тихо, по двое, скрылись супруги,
За парюю пара.
И уснули за вышитым пологом...
Только луна
Поднимается ввысь на востоке —
Как прежде одна.

«Надо, пожалуй, спуститься вниз, — подумал Сунь У-кун, — и расспросить о дороге, но в таком виде никак нельзя, сразу распознают, что монах».

Прочтя заклинание и щелкнув пальцами, Сунь У-кун встряхнулся и превратился в ночную бабочку.

Как эта бабочка
Нарядна и стройна!
И крылышки ее —
На перепонке жесткой,
Приметит ли фонарь,
Или свечу из воска, —
И тотчас, быстрая,
К огню летит она.

И в пламя жаркое
Кидается стремглав,
Как будто погасить
Светильник хочет,
Солому прелюю
Ее личинка точит,
И роется
Среди прогнивших трав.

И крепнет
Силою природы животворной,
И бабочкой ночной —
Сквозь превращений ряд —
Она становится,
И где огни горят,
Туда, бесстрашная,
Она летит проворно.

Красив ее наряд,
Пунцовый и богатый.
За светлячком
Она охотиться не прочь.
От крылышек ее
Струятся ароматы.
Она не любит дня,
Но ей приятна ночь.

И вот ночная бабочка, порхая в воздухе, опустилась к базарной площади и стала летать под стрехами крыш, огибая углы домов. Вдруг она увидела множество строений, над воротами которых висели зажженные фонари.

«Кто это летом вздумал праздновать новый год? — подумал Сунь У-кун. — Вон сколько фонарей позажигали».

Он подлетел поближе и начал вглядываться. Между домами, как раз посередине, он заметил дом, над воротами которого висел не круглый, а квадратный фонарь. На фонаре была надпись из шести иероглифов: «Гостиный двор для приезжих купцов», а ниже еще — четыре иероглифа: «Гостиный дом Ванамладшего».

Тут только Сунь У-кун смекнул, что здесь гостиница. Вытянув шею, он стал разглядывать, что делается внутри. Несколько человек, поужинав, разделись, скинули головные повязки, вымыли руки и ноги и улеглись спать.

— Ну, теперь наш наставник пройдет благополучно! — обрадовался Сунь У-кун.

Как бы вы думали, почему вдруг на ум ему пришла такая мысль? Пожалуй, не догадаетесь. А дело было в том, что Сунь У-кун решил обокрасть проезжих, когда они уснут, утащить их одежды и головные повязки, с тем чтобы самим переодеться мирянами и войти в город.

Однако тут случилась неожиданная для Сунь У-куна неприятность. Пока он раздумывал, как осуществить свой замысел, к проезжим подошел хозяин гостиницы и обратился к ним с такими словами:

— Уважаемые господа! Будьте осторожны! У нас здесь есть лихие люди. Берегите свои вещи и поклажу.

Торговые люди, попав в чужие края, всегда бывают очень осмотрительными. А после такого предупреждения и вовсе насторожились. Вскочив на постелях, они стали благодарить хозяина.

— Спасибо тебе за добрый совет,— говорили они,— но беда в том, что мы с дороги очень устали и можем крепко уснуть, так что нас и не добудисься. Возьми-ка наши одежды, головные повязки и поклажу да спрячь где-нибудь у себя, а завтра, когда начнет светать, отдашь их нам, чтобы мы могли отправиться в дальнейший путь.

Хозяин по имени Ван Сяо-эр так и сделал. Он собрал все вещи своих постояльцев и отнес к себе в помещение. Сунь У-кун, не желая отказаться от задуманного плана, расправил крылышки и полетел вслед за хозяином, где и уселся на вешалке для головных повязок.

Между тем Ван Сяо-эр вышел к воротам, снял фонарь, убрал вывеску, закрыл двери и окна, затем вернулся и лег спать. А надо вам сказать, что у этого Вана была жена и двое крикливых озорных ребятишек. Они еще не уgomонились и ни за что не хотели ложиться спать. Мать была занята починкой одежды и, видимо, тоже не собиралась ложиться.

«Если ждать, пока эта баба уляжется,— подумал Сунь У-кун,— с моим наставником опять что-нибудь случится! Кроме того, в столь поздний час городские ворота могут оказаться закрытыми». Сунь У-кун не утерпел и слетел вниз, прямо на фонарь, чтобы погасить его. Вот уж поистине:

Кинулся прямо в огонь —
И фонарь погасил.
Лоб опалил,
Но наставнику жизнь сохранил!

Фонарь погас. Сунь У-кун снова встряхнулся и превратился в крысу. Пискнув раза два, он спрыгнул на пол, ухватил одежды и головные повязки и бросился из помещения. Женщина растерялась и стала будить мужа:

— Старик! Просыпайся! Беда случилась! Крыса оборотнем обернулась!

Сунь У-кун, услышав ее крик, сразу же прибег к другому средству. Держа дверь, он закричал:

— Не слушай ее, Ван Сяо-эр! Она врет! Я вовсе не крыса и не оборотень. Честный человек темными делами не занимается. Я — Великий Мудрец, равный небу, сошедший на землю. Мне поручено охранять Танского монаха в пути на Запад за священными книгами. А сюда я прибыл лишь затем, чтобы одолжить одежду и головной убор для моего наставника, Танского монаха, и переодеть его в мирянина, так как непутевый правитель твоей страны поступает с монахами бесчеловечно. Как только мы пройдем через город, я все верну тебе.

От этих слов Ван Сяо-эр кубарем скатился с постели, впопыхах схватил попавшие под руку штаны и, приняв их в темноте за рубаху, стал напяливать на себя.

Тем временем наш Великий Мудрец уже успел умчаться на облаке. Приняв свой первоначальный вид, он опустился около ямы. Первым его заметил Танский монах, который в это время рассматривал звезды и луну.

— Ну как, брат мой, можно будет нам пройти через страну? — спросил он, подходя к Сунь У-куну.

Великий Мудрец повернулся к своему наставнику, положил к его ногам принесенные одежды и сказал:

— Наставник! Монаху через эту страну никак не пройти, надо изменить облик!

— Что же ты предлагаешь? — раздраженно спросил Чжу Ба-цзе. — Легко сказать, изменить облик, да для этого надо полгода отращивать волосы.

— Разве можем мы ждать полгода? — перебил его Сунь У-кун. — Нам нужно сейчас же преобразиться в мирян.

— Да ты что, в своем ли уме? — опешил Чжу Ба-цзе. — Мы ведь монахи, как же мы сможем сразу преобразиться в мирян и надеть головные повязки? Если нам и удастся закрепить их по краям, то привязать их не за что: волос-то ведь нет!

— Перестань болтать! — сердито прервал его Танский монах. — Давай говорить серьезно. В самом деле, как же нам поступить? — спросил он, обернувшись к Сунь У-куну.

— Наставник! После того как я побывал в городе, могу тебе сказать следующее: здешний государь хоть и истребляет буддийских монахов по своему неразумию, но все же является сыном неба. Над городом я узрел благовещее сияние и признаки радости. Я успел ознакомиться с расположением улиц в городе и освоил местный говор, так что могу беседовать с жителями. Эти одежды и головные повязки я занял у них в гостинице. Давайте переоденемся, пойдем в город и устроимся там на ночлег с тем, чтобы до рассвета, в часы четвертой стражи, подняться, попросить хозяина накормить нас и к пятой страже выйти из городских ворот. А там уж мы устремимся по большой дороге на Запад и, если кому-либо придет на ум задержать нас, мы сможем отговориться тем, что являемся государевыми посланцами и что сам правитель этой страны — искоренительницы буддийского учения — не осмелился задержать нас и пропустил через свою столицу.

— Ты очень хорошо придумал, — сказал Ша-сэн. — Так и сделаем!

Танский монах скрепя сердце снял с себя монашеское одеяние и головной убор, переделался и повязал голову. Ша-сэн тоже переделался. У Чжу Ба-цзе голова оказалась чересчур большой, и повязка никак не завязывалась. Пришлось Сунь У-куну разорвать повязку на две части, а потом сшить оба конца и обвязать голову Чжу Ба-цзе. Из одежд, что принес Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе выбрал самые просторные и облачился в них. Последним переделался Сунь У-кун.

— Господа,— сказал он, обратившись к переодетым монахам,— нам придется на время забыть четыре слова: «наставник», «учитель», «собрат» и «ученики».

— Если мы отрешимся от этих четырех слов, то как же станем называть друг друга? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Мы будем выдавать себя за родных братьев,— предложил Сунь У-кун.— Наставника будем называть Тан, он будет у нас старшим. Ты будешь называться Чжу, третьим, Ша-сэн — Ша, четвертым, а я — Сунем, вторым. Но давайте условимся, что в гостинице вы все будете молчать, только я буду разговаривать и отвечать. Если же они станут допытываться, чем мы торгуем, скажем, что продаем коней и вот одного, белого, привели из нашего табуна в качестве образца, что нас всего десять братьев и мы, четверо, явились сюда первыми, чтобы снять помещение и заняться торговлей. Хозяева гостиницы безусловно примут нас очень радушно, мы у них перекусим, отдохнем, а перед уходом я превращу осколки битой черепицы в серебряные слитки, расплачусь с ними, поблагодарю, и мы сразу же отправимся в дальнейший путь.

Пришлось Танскому монаху скрепя сердце и на это согласиться.

И вот все четверо путников с конем и поклажей поспешили к городу. Здесь царили мир и покой, и, несмотря на поздний час, городские ворота еще не были закрыты. Путники беспрепятственно прошли в город и дошли до гостиницы. Вана-младшего. Оттуда доносились громкие крики: «Куда девалась моя головная повязка? Где мои одежды?»

Сунь У-кун, притворившись, что ничего не знает, повел спутников в другую гостиницу, стоявшую наискосок. Там еще горели фонари. Приблизившись к воротам, Сунь У-кун стал звать:

— Эй, хозяин! Найдется у тебя свободное местечко? Мы хотим передохнуть с дороги!

Изнутри послышался женский голос:

— Прошу дорогих гостей пожаловать, наверху есть свободные места.

После этого вышел какой-то здоровенный парень, который взял у Сунь У-куна поводья и увел коня во двор.

Стараясь держаться в тени от света фонаря, Сунь У-кун повел за собой Танского монаха прямо наверх. Им отвели очень уютную комнату с удобной мебелью. Все уселись возле окна, которое Сунь У-кун поспешил открыть, и стали любоваться ярким светом луны, озарявшим комнату. Пришел слуга с зажженным фонарем. Но Сунь У-кун не впустил его, задул огонь в фонаре и сказал:

— Луна светит так ярко, что фонарь не потребуется!

Едва слуга спустился вниз, как явилась девушка-служанка с четырьмя чашками свежего чая. Сунь У-кун принял у нее чай,

но в комнату не пустил. Затем пришла старуха и стала сбоку, у входа.

— Откуда изволили прибыть, дорогие гости, — начала она расспрашивать, — и какие товары везете?

— Мы пришли из северных стран, — бойко отвечал Сунь У-кун. — Есть у нас добрые кони для продажи.

— Уж больно ты молод, чтобы торговать конями, — недоверчиво заметила женщина.

— А вот у нас старший, — продолжал Сунь У-кун, — его фамилия Тан, а это — третий брат, его зовут Чжу, а тот — четвертый. Его фамилия Ша, а меня зовут Сунь. Я — второй брат.

Женщина засмеялась:

— Родные братья, а с разными фамилиями!

— Совершенно верно, фамилии у нас действительно разные, а живем все вместе. Нас всего десять братьев. Мы, четверо, прибыли сюда первыми, чтобы подыскать помещение. А шестеро остались за городом на ночлег, так как они ведут целый табун лошадей, а с табуном неудобно поздно являться в город. Мы хотим снять помещение, переночевать, а завтра с утра они явятся в город, и мы начнем продавать коней; как только распродадим, отправимся обратно.

— Сколько же у вас коней в табуне? — любопытствовала женщина.

— Всех, считая и жеребят, сто десять! — ответил Сунь У-кун и глазом не моргнув. — Все они из той же породы, что наш белый конь, только масть у них разная.

— Ты, видно, опытный купец, господин Сунь, — улыбнулась женщина. — Знаешь, к кому обратиться, прямо ко мне пожаловал. В других гостиницах тебя бы и не приняли, тесно у них. А у меня двор просторный. Конюшня большущая, есть резки для соломы и корыта для пойла, сена и фуража хватит даже на несколько сот лошадей. Я согласна принять всех вас, но с одним условием: я уже много лет держу гостиницу, все меня знают и уважают. Моего покойного мужа звали Чжао. К несчастью, он давно умер. Моя гостиница называется: «Гостиный дом вдовы Чжао». Порядок у нас такой: сперва договориться по-подлому, а уж потом обходиться по-благородному, то есть сперва условиться о плате за постой, а уж потом рассчитываться. Обслуживание у нас ведется по трем разрядам.

— Ты дело говоришь, — перебил ее Сунь У-кун. — Что же это за три разряда? Ну-ка, объясни! Я только знаю такую поговорку: «Товары бывают в разной цене, а постояльцев ценят всегда одинаково».

— У нас здесь принято обслуживать по высшему, среднему и низшему разрядам, — начала объяснять хозяйка. — Тем постояльцам, которые пожелают первый разряд, ежедневно подается стол из пяти разных блюд и пяти разных плодов со всевозможными лакомствами, рассчитанный на двоих; по желанию

постояльца приглашается певичка, чтобы веселила и ублажала. По этому разряду с каждого постояльца взимается плата в размере пяти цяней¹ серебром за каждый день постоя, считая и помещение.

— Подходяще! — рассмеялся Сунь У-кун. — У нас за пять цяней даже певичку не пригласишь!

Не слушая его, хозяйка продолжала объяснять:

— По среднему разряду полагается общий стол для всех, но можно заказывать разные фрукты, вина, если задумаете играть в застольную игру. Без певички плата за второй разряд два цяня серебром в день.

— Тоже недурно! — заметил Сунь У-кун. — Ну, а третий разряд?

— Мне даже неудобно говорить перед столь достопочтенными гостями, — застыдилась хозяйка.

— А ты говори! Чего там стесняться! — подзадорил ее Сунь У-кун. — По крайней мере мы сможем выбрать подходящий разряд для каждого из нас.

— По третьему разряду никакого обслуживания не полагается, — сказала хозяйка. — Что останется в котле, то постоялец и ест, пока не наестся досыта, а там возьмет сам себе сенца, постелит на полу, где ему удобнее, и спит. Когда рассветет, заплатит несколько грошей, сколько в силах уплатить, и ладно, ни в какие споры с такими постояльцами у нас не вступают.

— Вот счастье для меня! — вскричал Чжу Ба-цзе. — Мне, старому Чжу, только этого и надо! Подойду к котлу, наемся вволю, залягу спать — и наплевать мне на все!

— Братец! Что ты говоришь! — остановил его Сунь У-кун. — Неужто мы, скитаясь по разным странам, не заработали нескольких лянов серебра, чтобы пожить в свое удовольствие! — Обратившись к хозяйке, он сказал ей: — Устрой нас по высшему разряду!

Хозяйка очень обрадовалась и сразу же принялась хлопотать:

— Подайте лучшего чаю! Живо приготовьте все, — крикнула она прислуге. Спустившись вниз, она продолжала суетиться: — Режьте кур! Режьте гусей! Готовьте приправы! Забейте свинью и барана! Если не съедят, останется на завтра! Припасите лучшего вина! Рис берите самый чистый! На блины отсыпьте лучшей белой муки!

В комнате, где находились наши путники, было слышно каждое слово.

— Как же нам быть? — тихо спросил Танский монах, наклонившись к Сунь У-куну. — Она велит резать кур и гусей, забить свинью и барана, а кто из нас посмеет прикоснуться к скоромному? Ведь мы же дали обет поститься!

---

¹ Цянь — мера веса, приблизительно в 4 грамма.

— Я придумал, как поступить! — воскликнул Сунь У-кун и, подойдя к двери, затопал ногами, чтобы привлечь к себе внимание.

— Хозяюшка Чжао, — крикнул он, — поднимись-ка к нам! Хозяйка поспешно вбежала наверх.

— Что прикажешь, господин? — спросила она.

— Сегодня никакой живности резать не надо, — решительно сказал Сунь У-кун. — У нас нынче постный день.

— А вы постоянно поститесь или по месяцам? — испуганно спросила хозяйка.

— Ни то, ни другое, — спокойно ответил Сунь У-кун. — Наш пост называется: «Пост дня «Гэн-шэнь»¹. Сегодня как раз день Гэн-шэнь и мы должны поститься. Как только минует час третьей ночной стражи, начнется следующий день — Синь-ю², и можно будет разговляться. Так что ты, хозяйюшка, уж лучше завтра режь скотину, а сейчас приготовь нам чего-нибудь постенького, мы тебе все равно заплатим по высшему разряду.

Хозяйка еще больше обрадовалась. Сбежав вниз, она стала отдавать новые распоряжения:

— Не режьте птицу! Не режьте скотину! Достаньте древесных грибов! Несите молодые побеги миньского бамбука³, бобовый сыр, лапшу! Сбегайте на огород за свежими овощами! Готовьте мучной суп! Месите тесто для клецок! Сварите еще риса! Заваривайте душистый чай!

На кухне работали опытные повара, привыкшие ко всяким прихотям. Они сразу же принялись застряпню, приготовили все как следует и подали гостям. Принесли также разные леденцы и засахаренные фрукты. Путники поели всего вдоволь.

— Не отведаете ли слабого винца? — предложила хозяйка.

— У нас только старший брат Тан непьющий, — сказал Сунь У-кун, — а мы, пожалуй, пропустим по несколько чарочек.

Хозяйка принесла целый сосуд подогретого вина. Не успели они разлить вино по чаркам, как внизу вдруг раздались какие-то резкие звуки, словно ударили в колотушку.

— Хозяюшка! — воскликнул Сунь У-кун. — Что там случилось?

— Ничего, ничего! — успокоила хозяйка. — Из нашей пригородной усадьбы пришло несколько человек, они принесли зерно, чтобы уплатить за аренду. Пришли они поздно, и я уложила их спать внизу. А потом и вы прибыли, уважаемые господа. Я

---

¹ Г э н - ш э н ь. — Имеется в виду день рождения последнего императора Монгольской династии Юань, известного также под именем Шунь-ди (1333—1367 гг.), гибель которого в свое время оплакивалась монголами. Ген-шэнь — 28-е число «малого» лунного месяца (в 30 дней).

² С и н ь - ю — 29-е число «малого» лунного месяца.

³ М и н ь с к и й б а м б у к — название особой породы бамбука, растущего в провинции Фуцзянь (Южный Китай).

велела им вынести паланкин и отправиться за певичками, так как мне больше некого было послать. Это, видимо, они стукнули оглоблями паланкина об потолок.

— Хорошо, что я вовремя узнал об этом! — обрадовался Сунь У-кун. — Скажи им скорей, что певичек приглашать не надо. Во-первых, у нас постный день; во-вторых, не все братья собрались. Пусть лучше завтра привезут. Пригласим еще девиц и погуляем на славу! Потом коней продадим и отправимся в путь.

— Ну и добрые люди! — восторгалась хозяйка. — До чего ласковые, выдержанные!

— Несите паланкин обратно! — крикнула она людям. — Не надо никого приглашать!

После трапезы путники наконец остались одни.

Танский монах приблизился к Сунь У-куну и прошептал ему на эхо:

— Где же спать будем?

— Вот здесь, в этой комнате! — отвечал Сунь У-кун.

— Неудобно! — прошептал Танский монах. — Мы с дороги умаялись, заснем крепко, а если кто из слуг войдет, то сразу же признает в нас монахов, так как во сне головные повязки сползут у нас. Чего доброго, они шум поднимут, что тогда делать станем?

— Да, это верно! — задумался Сунь У-кун. Он опять подошел к дверям и потопал ногами. Хозяйка поднялась к ним и спросила:

— Чем могу служить, господин Сунь?

— Где нам спать? — спросил Сунь У-кун.

— Здесь, в комнате! — ответила она. — Тут очень хорошо, нет комаров и ветерок продувает. Откройте пошире окно и прекрасно выспитесь.

— Нам нельзя здесь спать! — сказал Сунь У-кун. — Наш третий брат Чжу немного простыл, четвертого брата Ша слегка просквозило, старший брат Тан спит только в полной темноте, да и я не привык спать на свету. Это место для спанья нам не подходит.

Хозяйка сошла вниз, оперлась на прилавок и стала удрученно вздыхать. К ней подошла дочь с ребеночком на руках и спросила:

— О чем вздыхаешь, мама? Есть такая пословица: «Десять дней сидишь на мели, зато в один день девять перекатов пройдешь!» Сейчас самая знойная пора, когда дела идут не очень хорошо, зато осенью заработаем.

— Дочь моя! — печально отозвалась хозяйка. — Я вовсе не потому грущу, что дела идут неважно. Нынче вечером, когда я уже собиралась закрывать, в час ночной стражи, у меня сняли помещение четыре барышника, торгующие лошадьми, и потребовали, чтобы их обслуживали по первому разряду. По правде

говоря, я надеялась на них кое-что заработать, но они показали постную пищу. Вот почему я и вздыхаю.

— Раз они у тебя уже поели, неловко отправлять их к другим хозяевам, — сказала дочка. — Завтра ты накормишь их скромным, напоишь вином и отлично заработаешь.

— Да все они какие-то больные и хилые, — ответила мать недовольным голосом. — Кто боится сквозняка, кто света, хотят спать в полной темноте. А ты сама знаешь, у нас ведь дом сквозной. Где найти для них темное да закрытое помещение? Пусть пропадет зря все, чем я их накормила. Предложу им перейти к другим хозяевам, вот и все!

— Не спеши, мать, — сказала дочка. — У нас в доме есть темное место, без всяких сквозняков... Очень хорошее!

— Где же?

— Когда отец еще был жив, он сделал большой ларь, примерно в четыре чи¹ шириной, в семь чи длиной и в три чи вышиной. В нем вполне могут улечься шесть, а то и семь человек. Пусть они заберутся в него и спят, — посоветовала дочь.

— Не знаю, согласятся ли они. Сейчас спрошу! — обрадовалась хозяйка. — Господин Сунь! Темной комнаты у меня в доме нет, есть только большой ларь, хорошо сколоченный. В нем не сквозит и свет не проходит. Что, если я предложу вам переночевать в нем?

— Вот и отлично! — просиял Сунь У-кун.

Хозяйка тотчас же велела нескольким постояльцам вынести ларь во двор, открыла крышку и предложила дорогим гостям сойти вниз. Сунь У-кун повел наставника, Ша-сэн понес поклажу, и все они направились к ларю, держась в тени от фонаря.

Чжу Ба-цзе первым впрыгнул в ларь. Ша-сэн передал ему поклажу и стал поддерживать Танского монаха, помогая ему влезть внутрь. Затем и сам полез. Тем временем Сунь У-кун вспомнил о коне.

— Где наш конь? — спросил он.

Кто-то из слуг ответил:

— Он привязан на заднем дворе и ест корм.

— Приведи его сюда, — распорядился Сунь У-кун, — да притащи заодно и кормушку. Коня привяжешь крепко-накрепко к ларю.

Очутившись в ларе, он закричал хозяйке:

— Хозяюшка Чжао! Закрой нас крышкой, да покрепче! В проушки продень замок и запири нас на ключ. Обойди ларь и посмотри, не сквозит ли где, — щелочки заклей бумагой! Завтра утром пораньше встань и выпусти нас.

— Уж больно вы осторожны, — воскликнула вдова.

О том, как хозяйка и все домохозяды легли спать, мы рассказывать не будем.

---

¹ Чи — 32 сантиметра.

Обратимся к нашим четверым путникам, залезшим в ларь! Несчастные! Повязки, к которым они не привыкли, нестерпимо давили голову, кроме того, они изнывали от жары. Первым делом они сорвали головные повязки и разделись. Вееров у них не было, и они стали обмахиваться своими монашескими шапками. Теснота была такая, что они наваливались друг на друга. Так они промаялись до второй стражи и, наконец, все-таки уснули. Один только Сунь У-кун не спал и навлек беду. Он ущипнул Чжу Ба-це за ногу. Дурень поджал ногу и стал впросонках бранить Сунь У-куна:

— Спал бы лучше! И так замаялись. С чего это ты вздумал забавляться?

Однако Сунь У-кун не унимался и стал громко говорить:

— У нас поначалу было чистых пять тысяч лян. От прошлой продажи коней мы получили три тысячи, сейчас в этих двух узлах у нас наличными четыре тысячи. От продажи табуна мы получим еще три тысячи. Неплохо заработали, пожалуй, хватит!

Чжу Ба-це до того хотел спать, что не стал даже отвечать Сунь У-куну.

Кто мог предвидеть, что слуги, водоносы и истопники этой гостиницы давно уже состоят в одной шайке с разбойниками?! И вот один из них, услышав, как Сунь У-кун подсчитывает барыши, тотчас же послал за разбойниками. Вскоре десятка два разбойников, с факелами и дубинами, ворвались во двор. Хозяйка так перепугалась, что заперлась у себя в комнате и предоставила в распоряжение грабителей весь свой постоянный двор. Но разбойников не интересовали ни посуда, ни утварь. Они искали богатых постояльцев. Наверху их не оказалось. С ярко пылающими факелами разбойники рыскали по всему двору и вдруг увидели во внутреннем дворике большой ларь, к которому был привязан белый конь. Ларь был заперт на замок и так тяжел, что его нельзя было ни приподнять, ни сдвинуть с места.

— Купцы — люди бывалые и осторожные, — заговорили разбойники. — В этом ларе, наверно, запрятаны мешки с золотом и серебром да разные материи. Давайте уведем коня и вынесем ларь за город! Там мы разобьем его и поделим между собой все богатства. Что? Неплохо будет?

Разбойники отыскивали крепкие веревки и дубины, подняли ларь и потащили его, покачивая на ходу.

Чжу Ба-це проснулся и стал бормотать спросонья:

— Спи, братец, спи! Полно тебе баловаться! Чего ты укачи-ваешь меня?

— Молчи! — прошипел Сунь У-кун. — Никто тебя не укачивает.

Вслед за тем проснулись Танский монах и Ша-сэн.

— Кто это нас несет? — испуганно спросили они.

— Не шумите! — остановил их Сунь У-кун. — Пусть себе тащат! Авьось дотащат до Западной обители Будды, нам меньше придется идти!

Однако грабители, предвкушая богатую добычу, понесли ларь не на запад, а на восток. Они зарезали стражников, открыли ворота и вышли. Но в городе сразу же поднялась тревога. Перепуганные сторожа со всех постов кинулись с докладом к начальнику конной и пешей стражи. А поскольку происшествие касалось непосредственно самих начальников, они немедленно подняли на ноги свои войска и пустились в погоню за разбойниками. Те не осмелились оказать сопротивление, бросили ларь и белого коня, а сами, прячась в густой траве, разбежались. Как ни старались войска изловить грабителей, им не удалось поймать ни одного. Им достались только огромный ларь и белый конь. С этими трофеями войска вернулись в город. Начальник дозоров и караулов не сводил восхищенных глаз с белого коня. А конь, право, был очень хорош:

До земли
Серебристыми нитями грива повисла.
Словно яшмовый,
Хвост до земли ниспадает, блестя.
Он коня Сушуан *
На бегу обгоняет шутя,
А с другими конями равнять
Нет ни цели, ни смысла!

За него десять сотен
Серебряных слитков могли
Заплатить на базаре.
Он взапуски с ветром помчится,
Без усилий обгонит он ветер
На тысячу ли!
Он на горы взлетает,
И в облаке может кружиться.

Он на солнце красив
И прекрасен при полной луне.
Под луною он бел, словно лебедь,
И снегу подобен.
Не дракон ли морской он,
Приплывший на пенной волне?
Но драконы коварны,
А он — и могуч и не злобен!

Начальник дозоров и караулов не захотел сидеть на своем коне, оседдал красавца белого коня и повел все войско обратно в город. Ларь был внесен в управление и опечатан в присутствии подчиненных. Затем начальник велел охранять ларь с тем, чтобы утром доложить о случившемся государю и получить от него повеление, как быть дальше. О том, как все чины разошлись по местам, мы рассказывать не будем.

Между тем Танский монах досадовал и негодовал на Сунь У-куна.

— Экая ты противная обезьяна! — говорил он. — Ни за что ни про что погубила меня! Если бы нас схватили, пока мы были на воле, мы смогли бы оправдаться даже перед самим правителем, который истребляет буддийских монахов. А теперь мы сидим в этом ларе, который сперва похитили разбойники, а затем забрали войска. Завтра мы предстанем перед правителем государства совсем готовенькими к казни и нас попросят: «Пожалуйте под тесак!» Так мы и закруглим его заветное число десять тысяч.

— Тише! Снаружи стоят люди! Они могут услышать и откроют ларь. Тогда нас свяжут по рукам и ногам и непременно подвезут к потолку. Потерпи еще немного, наставник, если хочешь избежать подобной участи. Завтра мы увидим здешнего неразумного правителя и я сам стану держать ответ перед ним. Уверю тебя, что ни один волос не упадет с головы твоей. Успокойся и поспи.

Ко времени третьей стражи Сунь У-кун стал действовать. Он вытащил посох, дунул на него своим волшебным дыханием и произнес: «Превратись!» Посох сразу же превратился в сверло. Двумя-тремя движениями Сунь У-кун просверлил дырочку в дне ларя, спрятал сверло, встряхнулся и, превратившись в муравья, вылез наружу. Вновь приняв свой первоначальный облик, он вскочил на благодатное облачко и направился прямо к воротам дворца, в котором жил правитель этого государства.

Как раз в это время правитель крепко спал. Сунь У-кун выдрал у себя всю шерсть с левого плеча, дунул на нее и приказал: «Превратись!» Все ворсинки моментально превратились в маленьких Сунь У-кунов. Затем он выдрал у себя всю шерсть с правого плеча, тоже дунул на нее и приказал: «Превратись!» Все шерстинки превратились в маленьких усыпляющих мушек. Прочитав заклинание, Сунь У-кун вызвал местных духов и велел им отправиться по всем внутренним покоям дворца, по жилищам крупных и мелких сановников пяти палат, шести отделов и всех присутствий и всякому, кто имеет какой-либо чин, пускал в лицо по усыпляющей мушке, чтобы все они уснули глубоким сном. Затем он взял в руки посох с золотыми обручами, повертел его, махнул им и воскликнул: «Ну, милый, превратись!» И посох тотчас превратился в тьму-тьмущую острых бритв. Одну из них он взял себе, а остальные велел разобрать своим бесчисленным двойникам, которые отправились во внутренние покои дворца, в палаты и покои и всюду брили головы сановникам.

Вот уж поистине:

Законы Будды вечны: нет конца им,
Но их решил правитель уничтожить.
Они связали небо воедино,
Они связали с небесами землю
И путь великий в безднах проложили.

Прекрасны тайны трех учений Будды,
Но сущность этих тайн одна и та же.
В ларе скрывался Сунь У-кун премудрый.
В сверло волшебный посох обратил он
И, просверлив дыру, на волю вышел,
И мудрость светлую явил он миру,
И острые ворсинки раскидал он,
И разорвал невежества покровы.
Правителя возмездье миновало,
Он завершил свое перерождение:
Отныне будет он витать в просторах,
Не зная ни рождения, ни смерти.

К концу ночи все сановники были обриты. Сунь У-кун вновь прочел заклинание, отозвал всех духов местности и отправил их восвояси, а сам встряхнулся и вернул на место шерстинки и ворсинки. Бритвы он соединил в одну, которая приняла свой настоящий вид, то есть стала опять железным посохом с золотыми обручами. Сунь У-кун уменьшил его до размеров иглы и засунул в ухо. Затем он снова превратился в муравья и пролез через дырочку обратно в ларь. Там он принял свой обычный облик и стал утешать своего наставника. Здесь мы пока и оставим их.

Вернемся во дворцовые покои. Прислужницы проснулись ни свет ни заря и принялись мыться и причесываться. Но оказалось, что ни у одной из них на голове нет волос. Безволосыми сделались также и дворцовые евнухи всех рангов. Все они толпой кинулись к царским опочивальням и стали играть на музыкальных инструментах, чтобы разбудить высочайших особ, проливая при этом горькие слезы, но не осмеливались обмолвиться ни единым словом. Прошло немного времени, и первой проснулась царица в третьей опочивальне, у которой на голове тоже не оказалось волос. Она поспешно передвинула светильник и с ужасом убедилась, что на царственном ложе, покрытый парчовым одеялом, сладко спал не монарх, а... монах со свежевыбритой головой. Царица не удержалась, заголосила и разбудила правителя. Он торопливо протер глаза и увидел, что царица наголо обрита.

— Голубушка! Что с тобой случилось?

— О повелитель мой! Но ведь и у тебя нет волос!

Правитель стал щупать голову и от страха чуть было не лишился чувств.

— Что же это с нами случилось! — воскликнул он.

Тем временем перед ним опустились на колени придворные служительницы, прислужницы гарема, любимицы правителя, евнухи всех рангов, у которых тоже были обриты головы.

— О властитель! — вопили они. — Мы все сделали монахами!

Слезы заструились из глаз правителя.

— Я думаю, что это мне наказание за загубленных монахов, —

нерешительно произнес он.— Не смейте разглашать то, что произошло, а то еще гражданские и военные чины станут судачить и порицать нас. Пока что ступайте и приготовьте зал для утреннего приема.

А надо вам сказать, что все старшие и младшие сановники пяти палат, шести отделов и разных присутствий еще до рассвета поднялись на ноги, чтобы готовиться к утреннему приему. Но за ночь все они тоже оказались бритоголовыми. Каждый из них уже написал по этому поводу докладную записку.

На улицах столицы
Захлопали бичи.
Чиновники, сановники
Все едут на прием.
Как их печальны лица!
Как слезы горячи!
Царю они доложат
О бедствии своем:
Неведомая сила
Подкралась к ним в ночи
И волосы обрила!

Если вас интересует, что случилось с ларем, который был захвачен у разбойников, и остались ли в живых Танский монах и его спутники, не сочтите за труд и прочитайте следующую главу.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ,

из которой читатель узнает, как смышленая обезьяна решила подшутить над Чжу Ба-цзе и как владыка дьяволов умудрился похитить праведного монаха

Итак, наступил час утреннего приема правителя государства. Гражданские и военные чины, неся грамоты в руках, целой толпой явились на прием и обратились к своему властелину с такими словами:

— О повелитель наш! Умоляем простить преступление, совершенное против правил приличия.

— Я не вижу, в чем ваше преступление,— возразил государь,— у всех у вас вполне благопристойный вид.

— О владыка наш,— воскликнули хором сановники,— не знаем как, но в эту ночь мы все лишились волос!

Держа в руках грамоты об исчезновении волос, государь сошел с трона.

— Я и сам не знаю, что случилось,— сказал он дрогнувшим голосом, обращаясь ко всем присутствующим.— За эту ночь все обитатели дворца, большие и малые, тоже оказались без волос!

Тут слезы хлынули из глаз правителя. За ним навзрыд заплакали сановники. После этого государь и все его чины, не переставая рыдать, дали торжественную клятву:

— Отныне мы никогда больше не будем убивать монахов!

Правитель вернулся на трон, а сановники расположились как положено — по рангам и чинам.

— Кто хочет доложить о каких-либо делах или происшествиях, пусть подойдет,— приказал правитель,— остальные могут удалиться.

Из группы военных чинов сразу же протиснулся вперед главный начальник дозоров и караулов, а из рядов гражданских

чинно вышел начальник пешей и конной охраны восточной заставы города. Подойдя к ступенькам трона, оба они совершили земной поклон.

— Мы удостоены твоего милостивого повеления охранять столицу,— так начали они свой доклад.— Ночью мы захватили у разбойников большой ларь и белого коня. Просим дать указание, как нам поступить с захваченным, ибо не осмеливаемся действовать самовольно.

Правитель государства очень обрадовался.

— Доставьте сюда коня вместе с ларем!

Оба сановника поспешно покинули дворец, прибыли в управление, отобрали рослых воинов и стражников и велели им нести ларь во дворец.

У Танского монаха душа в пятки ушла.

— Братья! — едва выговорил он.— Что мы скажем государю?

— Не кричи, учитель,— остановил его Сунь У-кун, посмеиваясь про себя.— Я уже все обдумал. Вот увидишь, как только откроют ларь, государь станет величать нас духовными наставниками и поклонится нам. Надо только, чтобы Чжу Ба-цзе не вступал с ним в пререкания.

— Да неужто я посмею перечить государю? — возразил Чжу Ба-цзе.— Одно лишь то, что нас не зарежут, уже будет безмерным счастьем для меня!

Едва он успел проговорить последние слова, как ларь был доставлен к тронному залу. Его внесли в зал Пяти фениксов и поместили перед красным крыльцом возле трона.

Затем оба сановника пригласили государя выйти посмотреть. Он приказал немедленно открыть ларь. Как только сняли крышку, Чжу Ба-цзе не вытерпел и выпрыгнул наружу. У многих сановников от страха затряслись печеньки и отнялся язык. Затем из ларя показался Сунь У-кун, который помог выйти Танскому монаху, и, наконец, появился Ша-сэн с поклажей.

Чжу Ба-цзе сразу же заметил, что градоначальник держит белого коня. Он подошел к нему, плюнул с досады и громко заявил:

— Конь этот мой! Отдай его!

Градоначальник до того перепугался, что не удержался на ногах и кубарем полетел наземь. Все четверо путников встали в ряд перед ступеньками трона. Правитель государства, убедившись в том, что все они монахи, поспешно сошел вниз, вызвал всех цариц и придворных прислужниц из трех дворцов в тронный зал Золотых колокольчиков и там, вместе с сановниками и военными чинами, совершил поклонение перед четырьмя монахами.

— Откуда изволил прибыть, уважаемый наставник? — спросил правитель.

— Я из восточных земель великого Танского государства послан на Запад, в храм Раскатов грома, что находится в стране

Зарослей небесного бамбука*, чтобы поклониться Будде и испросить у него священные книги,— отвечал Танский монах.

— Уважаемый наставник, ты прибыл издалека, объясни же нам, почему ты устроился на отдых в этом ларе?

— Мы, бедные монахи, узнали, что ты, государь, дал обет убивать монахов, а потому не осмелились открыто показаться в твоём государстве. Мы переоделись мирянами, и, когда наступила ночь, попросились на ночлег в постоялый двор. Однако, опасаясь, что люди опознают нас, мы устроились на ночевку в этом ларе. На нашу беду, ларь украли разбойники, но градоначальник отнял его у разбойников и доставил сюда. И вот теперь нам довелось лицезреть твой царственный лик, который нам так же дорог, как солнце, проглянувшее сквозь тучи. Умоляем тебя, государь, помиловать и отпустить нас! Да уподобится благодеяние твое глубине морской!

— Не знали мы, что ты, достопочтенный наставник, из великой Небесной империи! — воскликнул изумленный правитель.— Прости, что не оказали тебе достойного приема. В течение долгого времени у меня действительно было желание уничтожить всех монахов до единого, за то что когда-то они зло оклеветали меня. Чтобы отомстить им, я дал обет небу истребить десять тысяч монахов. Не ожидал я, однако, что ныне сам окажусь в числе последователей Будды, который повелел всем нам сделаться монахами. Ныне я сам и все мои сановники, а также царицы и их прислужницы лишились волос. Прошу тебя, уважаемый наставник, пролей на нас хоть каплю света учения Будды, не поскупись на свои премудрые наставления. Мы все выражаем желание стать твоими учениками!

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе принялся громко хохотать.

— Любопытно знать, какие же будут сделаны подношения моему наставнику по этому случаю! — проговорил он сквозь смех.

— Если почтенный наставник согласится уважить мою просьбу,— спокойно ответил правитель,— я готов подарить ему все сокровища моего государства!

— Не говори о сокровищах! — вмешался Сунь У-кун.— Мы честные монахи, а не какие-нибудь стяжатели. Ты только дай нам пропуск по нашему проходному свидетельству и проводи нас из города. За это мы обещаем тебе незыблемое царствование, счастье и долгоденствие.

От этих слов правитель государства пришел в восторг и приказал устроить в храме Прославления сановников торжественный пир. Правитель и его сановники в полном согласии приняли единое учение Будды. Тотчас было подписано дорожное свидетельство, после чего правитель спросил Танского монаха, как бы он посоветовал переименовать государство.

Тут снова вмешался Сунь У-кун.

— Государь,— молвил он,— в название твоего государства

входят слова «учение Будды». Пусть они останутся и в новом названии твоего государства, а слово «искоренение» не подходит. Как только мы пройдем через твою страну, его можно будет заменить словом «почитание». Пусть за это в твоей стране моря станут спокойными и реки чистыми, да преуспевают тысячи поколений твоих потомков, да будут ветры и дожди во благовремени и да воцарится спокойствие во всем твоём государстве!

Правитель сердечно поблагодарил за милосердные пожелания и велел приготовить для путников парадный выезд. Затем он сам отправился провожать Танского монаха и его спутников.

С этого времени государь и его сановники вступили на праведный путь и стали творить добрые дела, однако рассказывать об этом мы не будем.

Итак, Танский монах простился с правителем государства, которое теперь стало называться страна Почитания учения Будды, и весело взобрался на своего коня.

— Брат У-кун! Великая заслуга совершена тобой! — радостно воскликнул он. — На этот раз ты отлично все придумал!

— Однако, — сказал Ша-сэн, — во всей этой истории меня удивляет лишь одно, — где ты нашел столько цирюльников, которые за ночь успели обрить такое количество голов?

Тогда Сунь У-кун рассказал про все свое волшебство, которое он применил, и так рассмешил наставника и его учеников, что они долго не могли успокоиться.

Вдруг путники заметили перед собой высокую гору, которая преградила им путь. Танский монах придержал коня и обратился к своим ученикам:

— Братья, — сказал он, — смотрите, какая перед нами величественная гора. Надо быть осторожнее!

— Не беспокойся! — со смехом сказал Сунь У-кун. — Ручаюсь, что с тобой ничего не случится!

— Не говори так, — возразил Танский монах. — Погляди лучше, какие неприступные пики высятся над этой горой и как далеко распространяют они свои зловещие испарения! Грозные облака клубятся над вершинами. Я чувствую, как меня охватывают страх и ужас, все тело мое немеет, дух неспокоен и мысли в смятении!

— Наставник! Ты, верно, забыл сутру о смешении, сочиненную У Чао*, благочестивым наставником-созерцателем! — сказал Сунь У-кун.

— Нет, я ее помню! — отвечал Танский монах.

— Может быть, ты и помнишь, но к ней есть еще хвалебное четверостишие, которое ты наверняка забыл, — усмехнулся Сунь У-кун.

— Что же это за четверостишие? — спросил Танский монах.
Сунь У-кун прочел его наизусть:

В краю далеком
Будды не ищи,
Хоть на горе Линшань
Его дворец.
В твоей душе
Спасения ключи:
Линшань отыщешь
В сердце наконец.

Ты пристальней взглядишь
В свою же грудь:
Там пагода,
Подобная Линшань.
Ищи — и ты найдешь
Великий путь.
К добру иди —
И совершенным стань!

— Неужто я не знаю? — сказал Танский монах.— Если придержи-
ваться того, о чем говорится в этом четверостишии, то
выходит, что все священные книги сводятся лишь к совершенство-
ванию духа!

— Само собой разумеется,— поддержал Сунь У-кун и доба-
вил:

Ах, если сердце чисто,
Как стекло,
Оно во тьме
Лампадой яркой блещет
И в суетном томленьи
Не трепещет.
Спокоен дух,
И все кругом светло.

Но стоит ошибиться,—
И тревога,
И косность, и грехи
Тебя подстерегут.
Десятки тысяч лет
Напрасно пробегут,
Не завершишь трудов,
Не кончится дорога.

Ты к Истине иди
Дорогой мудрых дел.
И, если дух
К добру стремиться не устанет,
Блаженным будет
Твой земной удел:
Храм Будды
Всюду пред тобой предстанет!

Для таких пугливых, как ты,— закончил он, глядя с иро-
нией на своего наставника,— никогда не знающих душевного
покоя, Великий Путь так же далек, как чертоги Будды в храме
Раскатов грома. Перестань же зря сомневаться и следуй за мной!

После этих слов у Танского монаха на душе стало легко и покойно: все заботы и думы разом покинули его.

Путники, не останавливаясь, шли дальше и вскоре оказались на горе. Тут их взорам открылась картина удивительной красоты:

Гора поистине
Прекрасною была:
Вся в пестрой зелени,
Вся в пятнах разноцветных,
Волнистых облаков
Над ней клубилась мгла,
А перед нею тень
Глубокая легла
В ущельях сумрачных,
В прохладе рощ приветных.

Порхают птички там
На ветках, на кустах,
Как капельки дождя,
Как быстрые снежинки.
И сосны вдалеке,
Как тонкие тростинки,
Касаются небес
На каменных хребтах.

Там звери хищные
Среди стволов снуют.
Лисицы рыжие
Дерутся за добычу,
Волчицы старые
Волчат пугливых кличут,
И сотни барсуков
Нашли себе приют.
Мохнатых обезьян
Там слышен визг и вой.
Они грызут плоды,
Орехи жадно ищут,
Куницы бегают,
Гиены всюду рыщут
И возятся бобры,
Скрываясь под водой.

Порою слышится
Незримой птицы крик,
Остерегающей нас
Голосом скрипучим.
Олени прыгают
По изумрудным кручам,
Карабкается лось
На каменистый пик.

Проворных грызунов
В траве мелькает рать,
Мартышек суетня,
Их бешеные игры...
И ревом яростным
Все заглушают тигры,

Всегда готовые
Других зверей пожрать.
Там вихри горные
В густой листве шумят,
Стволы переплели
Упругие лианы,
И чащи орхидей,
Пионы и тюльпаны
Вдоль пенистых ручьев
Струят свой аромат.

Из-под воды растут
Причудливые скалы.
Вершины черные
Уходят в недра туч,
Но как преодолеть
Отроги диких круч?..
И наших путников
Смутился дух усталый.

Так много бурных рек!
Так непроглядна мгла
В глубинах горных чаш!
И пропастей так много
И неприступных скал!..
Но путников дорога
Изогнутой дугой
Обратно увела,

Наставник и его ученики не на шутку струхнули, но все же продолжали свой путь. Вдруг послышалось завывание ветра. Танский монах насмерть перепугался.

— Буря! — едва вымолвил он.

— Весной дует теплый ветерок, — беззаботно ответил Сунь У-кун, — летом — юго-восточный, осенью — ветер, от которого желтеют листья, а зимою — северный буран; каждому времени года соответствует определенный ветер. Чего же бояться? — насмешливо спросил он.

— Уж очень неожиданно он налетел! — проговорил Танский монах. — И я уверен, что это вовсе не обычный, ниспосланный небом ветер.

— Еще исстари повелось, что ветер поднимается с земли, — сказал Сунь У-кун, — а облака выходят из гор. Где же это видно, чтобы ветер был ниспослан небом?

Не успел он проговорить последние слова, как вдруг поднялся густой туман.

Безбрежный,
Сперва пеленой он надвинулся бледной,
Потом потемнел,
Словно густоокрашенный шелк,
Он землю окутал.
И солнце пропало бесследно,
И звери притихли.
И птичий щебет умолк,

Нагорные рощи исчезли,
Во мраке мелькая.
И черная пыль
Со всех за клубилась сторон.
И небо затмилось.
И тьма наступила такая,
Как было при хаосе древнем,
В начале времен.
Вздыхается пыль,
Закрывая лазурь небосвода,
И все собиратели трав
Словно канули в воду...

У Танского монаха сердце затрепетало от ужаса.

— У-кун, как же так? Ветер еще не утих и вдруг поднялся такой туман?

— Погодите! — ответил Сунь У-кун. — Прошу вас слезть пока с коня, а двое братьев пусть покараулят вас, я же отправлюсь посмотреть, что ждет нас на этой горе.

До чего же мил наш Великий Мудрец!

Он согнулся дугой и, разогнувшись, разом взлетел высоко в воздух. Приложив к бровям руку козырьком и широко раскрыв свои огненные глаза, он опустил голову и стал разглядывать, что было внизу. Ему удалось разглядеть оборотня, который сидел на краю самого крутого обрыва. Вот как выглядел этот оборотень:

Он огромного роста,
Оружием весь разукрашен,
И клыки, словно сверла стальные,
Из пасти торчат.
Он, надменный, сидит,
Изрыгая отравленный чад.
Словно клев у стервятника,
Загнутый нос его страшен.

А глаза, как у тигра, желты и круглы,
И всегда
На зверей, бесенят и людей
Нагоняет он ужас.
Он огонь выдувает,
Над дикою бездной натужась,
И торчит, как седая щетина,
Его борода.

В дикой ярости
Он завладел неприступной скалою,
И железный валец
Он сжимает в железной руке.
Смотрит робко толпа чертенят,
В беспредельной тоске,
Как плюется огнем он,
Как дышит смертельною мглою.

Вглядевшись пристальнее, Сунь У-кун заметил несколько десятков бесенят, которые стояли рядами слева и справа от главного оборотня, в то время как он напускал ветер и туман.

Усмехнувшись про себя, Сунь У-кун подумал: «Оказывается, наш наставник тоже обладает некоторым даром предвидения. Он сразу понял, что это не обычный ветер. Так оно и есть. Вот, значит, кто здесь забавляется. Если я, старый Сунь У-кун, применю прием, который называется «Чеснок растолочь», то есть слечу вниз и начну бить его своим посохом, то, пожалуй, сразу же прикончу его. Однако расправиться с ним таким простым способом, значит запятнать свое доброе имя».

Надо сказать, что Сунь У-кун от природы был храбр и никогда в жизни не строил козней против своих врагов.

«Вернусь-ка я лучше обратно,— подумал он,— и подмаслю Чжу Ба-цзе: пусть сразится с оборотнем. Если Чжу Ба-цзе одержит победу, значит, нам повезло; если же ничего не сможет сделать и оборотень захватит его, то я отправлюсь на выручку и опять прославлюсь. Кстати, Чжу Ба-цзе стал что-то важничать, разленился и не хочет ничего делать; он очень несговорчив и к тому же обжора. Дай-ка я его надую, посмотрим, что он скажет!»

Сунь У-кун спустился вниз на облаке и явился перед Танским монахом.

— Ну, что предвещают нам ветер и туман?— спросил тот Сунь У-куна.

— Да уже прояснилось, и все утихло,— ответил Сунь У-кун.

— Ты прав,— согласился Танский монах,— стало значительно светлее и тише.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Наставник! — сказал он.— Обычно я всегда все вижу, а на этот раз ошибся. Я утверждал, что в ветрах и туманах часто бывают злые духи-оборотни, но оказывается, что это не так.

— Почему ты так говоришь? — заинтересовался Танский монах.

— А вот почему. Неподалеку отсюда расположено селение, в котором живут добрые люди. Они варят рис и готовят пампушки из белой муки специально для монахов. Этот туман исходит от парилок, в которых готовят еду на пару.

Чжу Ба-цзе, слышавший эти слова, принял их за правду, привлек к себе Сунь У-куна и тихонько спросил:

— Брат, а ты хоть успел поесть?

— Успел, но немного,— отвечал Сунь У-кун,— овощи пере-солили, и мне они не понравились!

— Тьфу! — плюнул с досады Чжу Ба-цзе. — А я наелся бы досыта, не посмотрел бы, что солоно! А стало бы неумоготу от жажды, вернулся бы и попил воды.

— А ты разве хочешь есть? — вкрадчиво спросил Сунь У-кун.

— Еще бы! — ответил Чжу Ба-цзе.— Я порядком проголодался. Что, если я первым отправлюсь туда и поем немного?

— И не говори об этом, брат! — сказал Сунь У-кун. — Знаешь, что сказано в древних книгах: «Пока отец жив, сын не должен самовольничать». Кто же из нас осмелится опередить наставника?

— Если ты будешь молчать, — сказал Чжу Ба-цзе, — то я сейчас же отправлюсь.

— Я ничего не скажу, но посмотрим, как тебе это удастся, — задорно ответил Сунь У-кун.

Однако, когда разговор заходил о еде, Чжу Ба-цзе становился смекалистым. Подойдя к наставнику, он поклонился ему и сказал:

— Наставник, старший брат сказал мне, что жители селения, находящегося неподалеку отсюда, готовят еду для монахов. Но как быть с нашим конем? Не доставим ли мы лишние хлопоты этим добрым людям? Понадобится и сено и зерно! К счастью, ветер утих и туман рассеялся. Вы посидите здесь, а я тем временем принесу сочной травы, мы сперва покормим коня, а уж потом пойдем к добрым людям просить пропитание...

Танский монах очень обрадовался.

— Чудесно! — сказал он. — Что это ты вдруг стал таким заботливым и предупредительным? Ступай и живо возвращайся!

Посмеиваясь про себя, Дурень собрался в путь, но Сунь У-кун задержал его.

— Брат! Там кормят только благообразных монахов, а уродливым ничего не дают, — сказал он.

— В таком случае я сейчас преобразуюсь, — ответил Чжу Ба-цзе.

— Вот это верно! — одобрил Сунь У-кун. — Так и сделай. А наш Чжу Ба-цзе, как вам уже известно, владел секретом тридцати шести превращений. Войдя в горное ущелье, он прищелкнул пальцами, прочел заклинание, встряхнулся и превратился в низкорослого тощего монаха. Держа в руках деревянную колотушку в форме рыбы, он стал стучать в нее, напевая в такт гнусавым голосом одно и то же: «О великий бодисатва!» — так как не знал наизусть ни одной сутры.

Тем временем чудовище вобрало в себя ветер и туман, приказало всем бесенятам расположиться кольцевым строем у большой дороги, притаиться и ждать путников. На свою беду Дурень вскоре оказался в этом кольце. Бесенята кинулись на него, окружили и давай хватать, кто за одежду, кто за пояс. Все столпились и сгрудились вокруг него и разом принялись действовать.

— Да перестаньте же вы хватать меня, — кричал Чжу Ба-цзе, не понимая, в чем дело, — не тащите! Я побываю у всех вас, зайду поест в каждый дом.

— Что же это ты собираешься есть? — загалдели бесенята.

— Да ведь у вас здесь кормят монахов, вошь я и пришел, — недоумевающе произнес Чжу Ба-цзе.

— Ах, вот в чем дело! — вскричали бесенята. — Ты решил, что тут кормят монахов! Тебе, видимо, неизвестно, что у нас как раз наоборот: едят монахов. Мы все — здешние горные духи-оборотни, охотимся только за вами, монахами, хватаем вас и тащим к себе, сажаем в клеть-парилку, варим на пару и поедаем. А ты вздумал у нас поживиться!

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе струхнул. «Экая обезьяна! — с досадой подумал он. — Опять провела меня! Наговорил, что здесь, мол, гостеприимные селения, где кормят монахов. Какое же это селение? И где тут трапеза? Оказывается, я попал к оборотням!» Раздраженный бесцеремонным обращением бесенят, Дурень сразу же принял свой первоначальный облик, вытащил из-за пояса грабли и начал колотить ими куда попало. Бесенята отпрянули от него и что было духу помчались к своему главарю.

— О великий князь! Беда пришла! — сообщили они.

— Какая еще беда? — удивился главный оборотень.

— На гору явился монах, аккуратненький такой, — начали рассказывать бесенята, — мы стали говорить, что схватим его, потащим домой, сварим на пару и целиком съедим, а если не целиком, то оставим на другой день, благо погода пасмурная, но этот монах, оказалось, умеет превращаться, чего мы никак не предполагали.

— В кого же он превратился? — спросил старый оборотень.

— В чудовище с длинным рылом и огромными ушами, а на хребте щетина! — затараторили бесенята. — Ничуть непохож на человека. Он схватил грабли и, вращая их колесом в воздухе, стал бить ими куда попало, бессовестный! Так напугал нас, что мы прибежали к тебе, великий князь, доложить об этом.

— Не бойтесь! — успокоил их оборотень. — Сейчас я сам выйду, погляжу на него!

Размахивая железным вальком, оборотень вышел к Чжу Ба-цзе и, приблизившись к нему, стал его разглядывать. Тот в самом деле был ужасно безобразен. Вот послушайте:

Нос тупой, в аршин длиною.
Рыло — словно пест огромный.
Как серебряные гвозди,
Два больших клыка торчат.
Уши хлопают, как крылья,
Подымая ветер темный,
Круглые глаза, моргая,
Желтым пламенем горят.

Он порос густой щетиной,
На железный лес похожей.
На затылке — стрел колючих
Вырос частокол большой.
Под своей мохнатой шерстью
Он покрыт шершавой кожей,
Он покрыт седой коростой
И коричневой паршой.

Над косматой головою
Вертит он двумя руками
Смертоносное оружие —
Грабли с девятью зубцами.

Набравшись храбрости, оборотень дерзко окликнул Чжу Ба-цзе:

— Ты откуда явился и как называешься? Живо отвечай, если хочешь, чтобы я пощадил твою жизнь!

— Сынок мой, как же это ты не узнал меня, своего прародителя Чжу Ба-цзе! — ядовито проговорил он. — Ну-ка, подойди поближе да послушай, что я тебе скажу!

До ушей мой рот огромный,
И клыки мои стальные.
Дивной мощью наделен я.
Я в щетине до колен.
Юй-хуан — Владыка неба, —
Дал мне титул воеводы
И правителем назначил
Мира вод — звезды Тянь-пэн.

Под моим началом было
Ровно восемьдесят тысяч
Войнов Реки Небесной,
Каждый был могуч и смел.
Я в небесных жил чертогах;
То-то было мне раздолье:
Что ни день, то пир горою!
Вволю пил я, вволю ел.

Но однажды вдруг напился,
Опьянел, развеселился
И с придворною красоткой
Развлекался и шутил.
Стал я удалю хвалиться,
На «Ковше» и на «Быке» я
Два дворца, сиявших в небе,
В груды камня обратил!

Блюдо полное сожрал я
С чудотворными грибами
У владительницы Неба,
У царицы Сиванму.
Юй-хуан мне в наказание
Всыпал тысячу ударов.
И швырнул меня на землю,
Вниз, к несчастью моему!

Строго-настрога велел он,
Чтобы в этом низшем мире
Я душе моей заблудшей
Всю заботу уделил.
Я ж, когда сюда спустился,
В полуживя превратился
И, конечно, Юй-хуана
Наставления забыл.

И задумал я жениться.
Захотел я взять невесту
Из далекого селенья,
Но печален мой удел:
Сунь У-кун со мной столкнулся,
Посохом он замахнулся
С золотыми ободками,—
И меня он одолел.

А теперь я преклонился
Пред паломником шраманом*.
Я теперь коня седлаю.
Я ношу тяжелый груз.
Все долги прошедших жизней
Нынче должен искупить я:
За возврат в обитель неба
Я в смиреннии борюсь.

Чжу Тянь-пэн я прежде звался —
«Воин на ногах железных».
Чжу Ба-цзе, монах-служитель
В постриженье я зовусь.

— Значит, ты состоишь в учениках у Танского монаха, — зарорал оборотень, выслушав Чжу Ба-цзе. — Я слышал, что у твоего наставника очень вкусное мясо, и давно собирался схватить его с тобою вместе, но ты сам явился! Неужто я пощажу тебя? Стой! Ни с места. Видишь, какой у меня валек!

— Скотина ты этакая! — возмутился Чжу Ба-цзе. — Не иначе, как ты из рода Красильных дел мастеров*.

— С чего это ты взял? — не понял насмешки оборотень.

— Ну как же, — дерзко ответил Чжу Ба-цзе, — иначе ты бы не держал в руках валек.

От подобной дерзости оборотень пришел в ярость, приблизился почти вплотную к Чжу Ба-цзе и стал колотить его куда попало.

И вот в горном ущелье разыгрался жестокий бой:

Девять зубьев грозных граблей
Бьют врага, вздымая вихри,
И от бешеных ударов
Искры сыплются дождем.
Но в ответ, не зная страха,
Оборотень бьет монаха,
Проломить герою череп
Норовит своим вальком.

Первый — проклятый навеки,
Алчный дьявол — в злобе хочет
Съесть наставника святого,
Заманить в капкан врага,—
А другой боец могучий,
Прежде вождь звезды небесной,
Ныне — Танского монаха
Друг надежный и слуга.

Тот, чье сердце верой дышит.
Светлый по своей природе
Праведник, тому не страшны
Сотни оборотней-мар.
Пусть вершину скрыли тучи,—
Пять стихий таятся в недрах,
И сырой землей не станет
Твердого металла жар.

Огненным вальком удары
Дьявол ловко отбивает,
Как рожденный в черной топи
Разъярившийся удав.
Как дракон, рожденный в море,
Чжу Ба-цзе, герой, наотмашь
Граблями врага колотит,
Силу всю свою собрав.

Гром ударов, брань и крики!
Все дрожит в подземном царстве.
На земле бушуют реки,
Горы рушатся кругом.
Два лихих бойца дерутся,
Не на жизнь, а на смерть бьются,
Одолеть хотят друг друга
Силой или волшебством!

Чжу Ба-цзе так вошел в раж, что не заметил даже, как оборотень велел бесенятам окружить его со всех сторон. Но об этом мы пока рассказывать не будем.

Вернемся к Сунь У-куну, который, стоя за спиной Танского монаха, ехидно рассмеялся.

— Ты что смеешься? — спросил его Ша-сэн.

— Ну и дурень этот Чжу Ба-цзе! — ответил Сунь У-кун. — Решил, что там действительно кормят монахов, и попался на мою удочку. До сих пор все не возвращается. Если бы ему удалось отогнать оборотня одним ударом своих грабель, можешь представить себе, каким героем он бы вернулся и какой поднял бы шум. Если же он не одолел оборотня и тот утащил его к себе, тогда все свои беды он свалит на меня, и уж не знаю, сколько проклятий пошлет на мою голову и обзовет «конской заразой!» Вот что, У-цзин! Ты пока помалкивай, а я отправлюсь посмотреть, что с ним случилось.

Ну и Великий Мудрец! Он тоже, как и Чжу Ба-цзе, тайком от наставника выдернул волосок из затылка, дунул на него своим чудесным дыханьем, воскликнул: «Изменись!» И волосок тотчас превратился в его точную копию. Двойник вместе с Ша-сэном остался ухаживать за Танским монахом. А из самого Сунь У-куна вылетел призрачный дух, который одним прыжком очутился высоко в воздухе и оттуда увидел, что Чжу Ба-цзе окружен бесами, отбивается от них граблями и теряет последние силы.

Сунь У-кун не удержался, приспустил свое облачко и крикнул.

— Ба-цзе! Держись! Старый Сунь явился!

Узнав голос Сунь У-куна, Дурень почувствовал прилив сил, напустил на себя грозный вид и ринулся вперед, колотя граблями куда попало.

Оборотень не устоял. «Что произошло с этим монахом? — подумал он. — С чего это он вдруг так разъярился?»

— Сынок мой! — крикнул Чжу Ба-цзе. — Сюда идут! Теперь я ничего не боюсь!

Он бросился вперед и нанес еще один сокрушительный удар. Оборотень не смог отбиться. Потерпев поражение, он кинулся бежать со всеми своими бесенятами. Сунь У-кун видел, как оборотень скрылся, но не приблизился к Чжу Ба-цзе. Повернув облачко, он вернулся на прежнее место, встряхнулся, и выдернутый волосок вновь прирос к его затылку. Танский монах своими плотскими очами, разумеется, не мог распознать, что рядом с ним двойник, а не настоящий Сунь У-кун.

Прошло еще немного времени, и Чжу Ба-цзе, торжествуя победу, вернулся обратно, изнемогая от усталости, с пеной у рта, едва переводя духание.

— Наставник! — вскричал он, подходя к Танскому монаху.

— Что с тобой? — встревожился тот. — Ты ведь отправился за травой, чтоб накормить коня! Отчего же ты вернулся в таком истерзанном виде? Может быть, на горе луга охраняются и тебе не позволили рвать траву?

— Меня подвел старший братец, Сунь У-кун! — проговорил Чжу Ба-цзе, колотя себя в грудь и топая ногами. — Сперва он начал говорить о том, будто в ветре и тумане неповинны злые духи-оборотни, что нет никаких зловещих предзнаменований; затем он сказал, что где-то впереди есть селение, жители которого очень радушные, они варят рис и готовят пампушки из белой муки, чтобы кормить монахов. Я поверил его рассказням и вздумал первым пойти туда и выпросить себе что-нибудь поесть, так как очень проголодался, а сам сказал, будто иду за травой. Разве знал я, что меня окружит целая шайка бесов и бесенят?! Мне пришлось вступить с ними в жестокий бой, и если бы не старший брат Сунь У-кун, который вовремя явился на подмогу, я бы, пожалуй, никогда не вернулся.

При этих словах Сунь У-кун, стоявший сбоку, рассмеялся:

— Что за чепуху ты несешь, Дурень! — сказал он. — Сам же набедокурил, а впутываешь других, чтобы выйти сухим из воды! Да я все время был здесь, стерег нашего наставника. Разве отлучался я хоть на один миг?

— Совершенно верно! — подтвердил Танский монах. — У-кун все время не покидал меня.

Чжу Ба-цзе даже подпрыгнул от ярости и заорал:

— Ничего ты не знаешь, наставник! У него есть двойники!

— У-кун! — строго произнес Танский монах. — Скажи правду, есть там оборотни?

Сунь У-кун не мог солгать. Он низко поклонился и сказал:

— Да, там действительно есть шайка бесенят, но они не посмеют тронуть нас.

Затем он подозвал к себе Чжу Ба-цзе:

— Подойди сюда, Ба-цзе! Позаботься, раз уж вызвался заботиться. Нам поручено охранять нашего наставника, и, когда придется преодолевать высокие горы, мы должны вести себя как во время военного похода.

— А как нужно вести себя в военном походе? — спросил Чжу Ба-цзе.

— А вот как: ты будь предводителем головного отряда и прокладывай дорогу. Если оборотни не появятся, значит, все в порядке. В случае же их появления ты должен вступить с ними в бой и если побьешь их, то это зачтется тебе как подвиг.

Чжу Ба-цзе поразмыслил и пришел к заключению, что оборотень, с которым он сражался, равен ему по силе.

— Ну что ж! Я пойду первым! — решительно произнес он. — Я готов даже отдать свою жизнь, если понадобится!

— Ишь ты, как разошелся! — засмеялся Сунь У-кун. — А ведь до этого все плакался на свою горемычную долю!

— Ты же знаешь, братец, пословицу: «На пиру сын из знатной семьи либо напивается допьяна, либо наедается до отвала, а храбрец в бою либо гибнет, либо выходит весь в ранах», — сказал Чжу Ба-цзе. — Ты всегда так: сначала сболтнешь лишнее, а уж потом берешься за ум.

Сунь У-кун очень обрадовался такой перемене в Чжу Ба-цзе, поспешно оседлал коня и предложил наставнику сесть верхом. Ша-сэн взял поклажу, и они отправились дальше, вслед за Чжу Ба-цзе. О том, как они углубились в горы, рассказывать не стоит.

Теперь вернемся к оборотню, потерпевшему поражение. Он направился с толпой бесенят прямо в свою пещеру, взобрался на высокую скалу и погрузился в глубокое молчание. В пещере, оказывается, было еще много других бесенят — дворовых слуг. Все они вышли к своему повелителю.

— О великий князь! — воскликнули они. — Ты всегда возвращался радостный и довольный. Что же сегодня рассердило тебя?

— Слуги мои! Всякий раз, как я выходил из пещеры, чтобы обойти дозором гору, и мне попадался кто-нибудь под руку: человек или зверь, все равно, я ловил их и приволакивал домой, чтобы кормить вас, — печально отозвался главный оборотень, — а сегодня мне не повезло: столкнулся я с достойным противником...

— Кто же он, этот достойный противник? — спросили бесенята.

— Монах, ученик Танского наставника из восточных земель, который следует за священными книгами, — отвечал оборотень. — Зовут его Чжу Ба-цзе. Он так хватил меня своими граблями, что я не устоял против него и проиграл битву. Экая досада! Мне уже много раз доводилось слышать о том, что Танский монах — праведный архат, который совершенствовался в течение десяти поколений. Тот, кто отведаст хоть кусочек его мяса, сможет обрести бессмертие. Не ожидал я, что он нынче окажется на нашей горе. Хорошо было бы схватить его, сварить и съесть, однако я не думал, что его сопровождают такие ученики!

Едва произнес он последние слова, как из рядов бесенят выскочил вперед какой-то бесенок, раза три громко всхлипнул, а затем столько же раз хихикнул.

— Ты что? — сердито прикрикнул на него старый оборотень: то скулишь, то ржешь, что это значит?

Бесенок опустил на колени.

— Великий князь, ты только что изъявил желание вкусить мясо Танского монаха, но ведь его невозможно съесть!

— Почему ты так говоришь? Все утверждают, что, если съесть хоть кусочек его мяса, можно продлить жизнь и обрести долголетие, равное небу?

— Если бы его можно было съесть, — бойко возразил бесенок, — то он бы не добрался до нашей горы: его бы давно съели другие оборотни. Все дело в том, что его сопровождают трое учеников.

— А ты их знаешь?

— Знаю, — отвечал бесенок, — старший ученик его — Сунь У-кун, младший — Ша-сэн, а этот, Чжу Ба-цзе, — его второй ученик.

— Чем же отличается Ша-сэн от Чжу Ба-цзе? — спросил старый оборотень.

— Да почти ничем, — сказал бесенок.

— Ну, а Сунь У-кун каков в сравнении с ними?

Тут бесенок прикусил язык.

— Боюсь сказать! — промолвил он наконец. — Этот Сунь У-кун — великий чародей, который владеет волшебством многих превращений! Это он пятьсот лет тому назад учинил великое буйство в небесных чертогах и с ним не могли справиться правители духов Двадцати восьми созвездий, начальники Девяти небесных светил, предводители духов Двенадцати главных звезд, пять савонников и четыре советника самого небесного владыки, духи правители Восточного и Западного Ковшей, два небесных духа крайнего юга и крайнего севера, духи — властители пяти горных вершин и четырех больших рек, а также духи — полководцы всего небесного воинства! Как же ты осмеливаешься думать о том, чтобы полакомиться мясом Танского монаха?!

— Откуда тебе известны такие подробности о Сунь У-куне? — изумился старый оборотень.

— Когда я жил в пещере Верблюда на горе Верблюда вместе с великим князем, правителем той пещеры, он хотел съесть Танского монаха. Тогда Сунь У-кун ворвался к нему в пещеру со своим посохом с золотыми ободками, и от несчастного князя остались одни косточки, пригодные только для игры. Хорошо, что я вовремя улизнул через черный ход, явился сюда, и ты, великий князь, приютил меня. Вот почему я и знаю о Сунь У-куне.

Выслушав эти слова, старый оборотень так перепугался, что даже изменился в лице. Не зря говорится: «Даже великий полководец страшится пророчества». Да и как было не испугаться оборотню, когда он услышал все это не от кого-нибудь, а от собственного слуги!

И вот, когда всех обуяли страх и ужас, из рядов бесенят вышел еще один бесенок, который подошел к старому оборотню с такими словами:

— Великий князь! Не досадуй и не бойся! Есть поговорка: «Поспешишь — людей насмешишь». Если хочешь съесть Танского монаха, обожди немного, и я придумаю, как изловить его!

— Как же ты думаешь поступить? — спросил оборотень.

— Я бы предложил действовать по плану, который называется «Разделить цветок сливы по лепесткам».

— Что это значит? — удивленно спросил оборотень.

Бесенок стал объяснять:

— Всех бесов и бесенят, находящихся в этой пещере, надо собрать вместе, из тысячи отобрать сотню, из сотни — десяток, а из десятка — только троих, которые отличались бы исключительной смышленостью и умением превращаться. Пусть они примут твой облик, великий князь, наденут на голову такой же шлем, облачатся в такие же латы и вооружатся таким же вальком, после чего притаятся в трех разных местах. Один из них вступит в битву с Чжу Ба-цзе, другой — с Сунь У-куном, а третий — с Ша-сэном. Таким образом бесенята отвлекут от Танского монаха троих его учеников, а ты, великий князь, тем временем поднимешься в воздух и, свесившись с облака, схватишь самого Танского монаха, причем с такой же легкостью, как «достают вещи из сумы» или «муху из воды».

Слова бесенка пришили по душе старому оборотню.

— Ты отлично придумал! — воскликнул он, преисполненный чувством восторга. — Прекрасный замысел! Если не удастся поймать Танского монаха, ничего не поделаешь; если же он попадется мне в руки, то я не обойду тебя и обязательно назначу предводителем головного отряда моего войска!

Бесенок земно поклонился и поблагодарил своего повелителя за милостивое обещание, а затем вызвал всех бесов и стал отбирать лучших из них. Ему удалось отобрать троих самых способных и смышленных. Приняв внешний облик старого оборотня, все три беса вооружились железными вальками и устроили засаду в ожидании Танского монаха. Тут мы их пока и оставим.

Тем временем Танский монах беззаботно следовал за Чжу Ба-цзе по большой дороге, и они прошли уже довольно большое расстояние. Вдруг у дороги раздался резкий звук, и на дорогу выбежал бесенок. Он бросился к Танскому монаху с явным намерением схватить его.

Сунь У-кун сразу же закричал:

— Чжу Ба-цзе! Оборотень! Чего же ты медлишь?

Впопыхах Чжу Ба-цзе не разобрал, какой это был оборотень: настоящий или мнимый. Он выхватил грабли и начал колотить ими. Тогда бесенок пустил в ход железный валеk и стал отбиваться. Наскакивая один на другого, они вступили в бой на склоне горы, а в это время в траве опять что-то зашумело, и на дорогу выскочил другой бесенок с намерением схватить Танского монаха.

— Наставник! — воскликнул Сунь У-кун. — Дело дрянь! Чжу Ба-цзе своими подслеповатыми глазами проглядел оборотней. Придется мне, старому, отогнать его, а то он, того и гляди, схватит тебя!

Поспешно достав свой посох, Сунь У-кун выбежал навстречу бесенку и закричал:

— Ты куда! Ну-ка, познакомься с моим посохом!

Бесенок, ни слова не говоря, схватил железный валеk и пошел на Сунь У-куна. Оба сцепились тут же на лужайке, и когда бой был в разгаре, Сунь У-кун услышал за спиной резкий свист ветра. Вслед за этим на дорогу выскочил еще один бесенок и побежал к Танскому монаху. Ша-сэн заметил его и испуганно воскликнул:

— Наставник! Видно, у Сунь У-куна и Чжу Ба-цзе в глазах помутилось: оба они проглядели оборотня, который бежит на тебя! Держись крепче на коне, пока я изловлю его!

Не разбираясь что и как, Ша-сэн вытащил свой волшебный посох и преградил дорогу оборотню. Оба они, охваченные яростью, схватились. Крики, брань, бряцание оружия и шум битвы постепенно стали удаляться. Танский монах, сидя верхом на коне, вскоре остался один на дороге, а старый оборотень, находившийся в воздухе, протянул к нему свои руки с цепкими, как когти, пальцами и разом схватил его. Наставник оторвался от коня, его ноги болтались в воздухе. Старый оборотень, словно вихрь, умчался со своей добычей. Несчастный Танский монах! Вот уж поистине:

На праведника вновь
Обрушилась беда:
Его похитил враг —
Вождь дьявольского стана.
И снова
Гибелью грозящая звезда
Взошла над головою
Сюань-цзана.

Прижав вниз край облака, оборотень подтащил Танского монаха к входу в пещеру и крикнул:

— Головной начальник!

На этот зов сразу же отозвался тот самый бесенок, который придумал, как захватить Танского монаха. Он подбежал к своему поводителю и опустился перед ним на колени.

— О, я не смею! Я недостоин! — бормотал он, отбивая поклоны.

— Зачем ты так говоришь! — остановил его оборотень. — Ты же знаешь пословицу: «Слово великого полководца, что пропись черная по белому!» Говорил же я тогда: «Если не удастся поймать Танского монаха, — ничего не поделаешь, если же он попадетсЯ мне в руки, то я не обойду тебя и обязательно назначу предводителем головного отряда моего войска». И вот теперь твой замечательный план удался на славу. Неужто я нарушу свое слово? Забирай пока Танского монаха и вели слугам припасти свежей воды, вычистить котел, запасти топлива и развести огонь. Мы его сварим и съедим по кусочку его мяса, чтобы обрести бессмертие.

— Великий князь, пока еще нельзя его есть, — сказал начальник головного отряда.

— Почему нельзя? — удивился оборотень. — Он же в наших руках.

— Великий князь, если ты съешь его, — это неважно. Тебя уважат и Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, которых можно уломать и уговорить. Но боюсь, что Сунь У-куна, этого зловредного чародея, нам ничем не умаслить. Если он узнает, что мы с тобой съели его наставника, он даже не станет драться с нами. Он просто-напросто возьмет свой посох с золотыми обручами и проткнет им нашу гору, получится огромная дыра, вся гора развалится и тогда нам некуда будет деться!

— Что же ты предлагаешь, начальник головного отряда? — спросил старый оборотень.

— По-моему, надо спрятать Танского монаха на заднем дворе, привязать его на дереве и не кормить дня два-три. Во-первых, за это время у него прочистятся все внутренности, а во-вторых, мы посмотрим, не явятся ли за ним его ученики. Если они не придут и мы узнаем, что они ушли совсем, тогда мы снимем его с дерева, спокойно разделаемся с ним и съедим. Не будет ли так лучше?

— Да, ты прав, ты прав! — рассмеялся старый оборотень. — Начальник головного отряда рассуждает вполне резонно!

Прозвучала команда, и Танского монаха уволокли на задний двор, там накинули веревки на дерево и привязали монаха к сучьям. Затем толпа оборотней возвратилась на передний двор и оставалась там в ожидании дальнейших распоряжений.

О читатель! Посмотрели бы вы на страдания Танского монаха! Он был туго стянут веревками и крепко привязан к дереву. Неудержимые слезы струились по его щекам.

— Братья мои! — стонал он. — Где вы, на каких горах ловите злых духов-оборотней? По каким дорогам гонитесь за ними? Злой дьявол поймал меня, и я терплю невыносимые мучения.

Встретимся ли мы еще когда-нибудь? Может быть, тяжкими муками умертвят меня?

И вот, когда он убивался и слезы ручьями лились из его глаз, кто-то, привязанный к другому дереву напротив, окликнул его:

— Уважаемый наставник! И ты тоже оказался здесь?

Сдерживая рыдания, Танский монах спросил:

— Ты кто?

— Я — дровосек, — последовал ответ, — третьего дня меня захватил властитель этой горы и привязал здесь. По моим расчетам сегодня он должен съесть меня.

У Танского монаха вновь закапали слезы.

— О дровосек, дорогой, — промолвил он, — ты умрешь один и твоя смерть не причинит никому ни забот, ни беспокойства, а вот мне не умереть с чистой душой.

— Как же так? — удивился дровосек. — Ведь ты, наставник, покинул мир сует, у тебя нет ни отца, ни матери, ни жены, ни детей. Умрешь, и все. Отчего же ты говоришь, что не можешь умереть с чистой душой?

— Видишь ли, я из восточных земель послан на Запад поклониться Будде и испросить у него священные книги, — начал объяснять Танский монах. — Я получил повеление самого Танского императора Тай-цзуна отправиться на поклон Будде, взять у него священные книги и упокоить бесприютные души грешников, мятущиеся в Подземном царстве. Если меня лишат жизни, разве не убьет это надежду, которую возлагает на меня мой государь-повелитель? Разве не причинит моя смерть огорчение подданным моего государя? Ты не знаешь, какое безграничное множество душ, умерших от несправедливой обиды, томится в Преисподней. Моя смерть лишит их надежды на то, что их жалобы будут услышаны и они во веки веков не удостоятся высшего перерождения. Все мое подвижничество, совершенное за это время, пойдет прахом. Как же смогу я принять смерть с чистой душой?

От этих слов дровосек прослезился.

— Наставник! — сквозь слезы молвил он. — Твоя смерть будет действительно тяжела. Но моя смерть будет все же горше твоей. Я в раннем детстве лишился отца и жил с матерью-вдовой. У нас нет никакого хозяйства, и мы живем лишь тем, что я рублю дрова. В этом году моей матери исполнилось восемьдесят три года, и я единственный ее кормилец. Кто же позаботится о ней, кто похоронит ее, если меня лишат жизни? О горе! О горе!

Рассказ дровосека так подействовал на Танского монаха, что он заплакал навзрыд.

— О бедный! О несчастный! — горько плакал он. — Ты, человек гор, так заботишься о своих родных! А я, бедный монах, последователь учения о призрачности мира, умею только читать молитвы и священные книги! Служить государю и служить родителям — это одно и то же. Ты скорбишь о милости, оказанной тебе родителями, а я — о милости, оказанной мне государем!

Вот уж действительно, получилось так, как сказано в одном стихотворении:

Тоскующий тоскующего встретил,
Рыдающему плачущий ответил.

Мы не будем пока описывать телесных мук Танского монаха. Обратимся к Сунь У-куну, который одержал победу над бесенком-оборотнем. Бесенок скрылся, а Сунь У-кун стремглав вернулся к большой дороге, но наставника и след простыл, остался только белый конь да узлы с поклажей. В невероятном смятении Сунь У-кун взял поводья, взвалил на спину поклажу и стал подниматься в гору. Взобравшись на одну из вершин, он огляделся.

Безропотного Сюань-цзана,
Увы, опять постигло горе.
Но Сунь У-кун, мудрец великий,
Сразится с оборотнем вскоре!

Из следующей главы вы узнаете, читатель, удалось ли Сунь У-куну разыскать своего наставника.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о том, как Чжу Ба-цзе помог победить чудовище и как Сунь У-кун с помощью волшебства уничтожил злого оборотня

Мы остановились на том, что Сунь У-кун, взвалив на спину поклажу и ведя коня, пошел в гору и, добравшись до вершины, стал всюду искать своего наставника. Он звал и окликал его и вдруг увидел Чжу Ба-цзе, который бежал к нему, сопя и отдуваясь.

— Брат! Ты чего кричишь? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Наставник исчез, — взволнованно ответил Сунь У-кун, — ты не видел его?

— Я всегда служил при нем простым монахом, но ты почему-то вздумал поиздеваться надо мною, велел мне быть каким-то предводителем войска и идти вперед, — злобно ответил Чжу Ба-цзе. — Не щадя жизни я вступил в лютей бой с оборотнем, едва остался жив и мне удалось вернуться обратно. Наставник оставался на попечении моем и Ша-сэна. Что ты меня спрашиваешь?

— Брат мой! — примирительно проговорил Сунь У-кун. — Я вовсе не виню тебя. Но, может быть, у тебя в глазах потемнело и ты проглядел оборотня, который хотел наброситься на наставника. Я вступил в бой с этим оборотнем, а Ша-сэну велел оставаться с наставником и караулить его. Теперь Ша-сэна тоже нигде не видно.

Чжу Ба-цзе рассмеялся.

— Ну, наверно, Ша-сэн повел наставника оправиться, — проговорил он.

Не успел он договорить, как к ним подошел Ша-сэн.

Сунь У-кун первым делом спросил его:

— Куда ушел наставник?

— У вас у обоих что-то с глазами случилось, — ответил Ша-сэн, — проглядели оборотня, который кинулся на наставника,

чтобы схватить его. Я вступил с ним в бой, а наставник остался один, верхом на коне!

Тут Сунь У-кун даже подпрыгнул от ярости.

— Ну вот! Попались на удочку! Попались! — закричал он.

— На какую удочку? — недоумевающе спросил Ша-сэн.

— А вот на какую, — отвечал Сунь У-кун. — «Разделить цветок сливы по лепесткам», — так называется хитрая ловушка, в которую мы попали. Нас разделили, отвлекли от наставника, а его сцапал оборотень. О небо! Небо! Небо! — зарыдал он. — Как же нам быть? — По щекам его текли слезы.

— Не хнычь, — стал успокаивать его Чжу Ба-цзе, — не то превратишься в нюю. Давайте лучше искать наставника! Он где-нибудь недалеко, на этой горе.

Все трое ничего другого не смогли придумать и углубились в горные дебри в поисках наставника. Они прошли ли двадцать и вдруг увидели под отвесной скалой пещеру, похожую на дворец.

Толпой угрюмою
Стеснились пики,
И солнца заслоняют
Яркий луч.
Вокруг пещеры
Ряд отвесных круч.
Над входом висится
Утес седой и дикнй.
Цветов и трав
Целебный аромат
Навстречу путникам
С нагорья веет.
Синеет слива,
Персик зеленеет,
Алеет абрикос,
Пленяя взгляд.
Перед скалой
Деревья вековые.
Их грубая кора
Хранит вовек
В глубоких складках
Капли дождевые.
Ствол не обхватят
Сорок человек!
И сосны старые,
Качая хвоей серой,
Стоят настороже
Пред сумрачной пещерой.
До самых туч
Стволы их доросли...
Из отдаленных стран
К пещере прилетают,
Кружатся перед входом
Журавли
И в легком ветре
Пляски затевают.

На ветки парами
Садятся птицы,

Шебечут звонко,
    возвещая день,
И в горы улетают. —
    Им не лень
Весь день кружиться,
    Петь и суетиться,
Спадая вниз,
    Цветущие лианы,
Как сетью, оплели
    Деревья-великаны.
Ряды серебряных
    Склоненных ив растут,
И сквозь тумана
    Облака густые
На них блестят
    Сережки золотые...

Здесь — озеро
    Глубокое. А тут —
Перед пещерою
    Прозрачный пруд,
И в тех озерах
    Древние драконы
На дне покоятся
    В волне студеной,
И под водой
    Сверкает их оскал.
Зияет вход в пещеру
    Между скал.
Там дьявол-оборотень,
    Стерегущий
Святых паломников,
    Себе приют сыскал...

Сказать по правде,
    И деревьев куши,
Пруды и гребни гор
    Отраднее на взгляд,
Чем райские сады
    На островах лазурных...
Но здесь источник гроз
    И вихрей бурных,
Туманов родина,
    Таящих серный яд.

Увидев пещеру, Сунь У-кун в несколько прыжков очутился у самого входа и стал осматривать ее. Массивные ворота, высеченные из камня, оказались плотно закрытыми, над ними была укреплена каменная плита, на которой красовалось восемь больших иероглифов: «Цепная пещера, извинаяющаяся под вершинами горы Хранительницы туманов».

— Ну-ка, Чжу Ба-цзе! Принимайся живе́й за дело! — воскликнул Сунь У-кун. — Здесь обитает оборотень, и наш наставник, безусловно, находится у него!

Чжу Ба-цзе сразу же вскипел яростью; высоко поднимая свои грабли, он начал изо всех сил колотить по воротам и вскоре пробил довольно большую дыру.

— Эй, оборотень! — крикнул он. — Сейчас же верни нам нашего наставника, не то мы разломаем твои ворота, и вы все жестоко поплатитесь!

Сторожившие ворота бесенята со всех ног кинулись с докладом к своему повелителю.

— О великий князь! Беда пришла!

— Какая беда? — спросил оборотень.

— Кто-то разбил входные ворота и требует, чтоб ему выдали его наставника!

Оборотень в сильном испуге заорал:

— Кто явился на поиски?

Бесенок, назначенный начальником головного отряда, стал успокаивать оборотня:

— Не бойся! Сейчас я сбегая, посмотрю, кто там!

Бесенок подбежал к воротам, выставил голову в пролом и стал осматриваться. Увидев страшилище с длинным рылом и огромными ушами, он стремглав вернулся к своему повелителю.

— Великий князь! — громко воскликнул он. — Опасаться нечего! Это Чжу Ба-цзе, он не обладает никакими особыми чарами и не посмеет вести себя нахально, иначе мы откроем ворота, схватим его и сварим живьем вместе с монахом. Бояться надо того монаха, который похож на бога Грома.

Чжу Ба-цзе, находившийся за воротами, слышал каждое слово бесенка.

— Брат! — обратился он к Сунь У-куну. — Этот оборотень боится только тебя. Я уверен, что наш наставник там. Живей принимайся за дело!

— Эй ты, негодная скотина! — закричал Сунь У-кун, осыпая оборотня ругательствами. — Твой дед, Сунь У-кун, здесь! Отдай мне моего наставника, тогда я пощажу тебя!

— Великий князь! — вскричал бесенок. — Плохо дело! Сам Сунь У-кун явился на поиски!

— Это все ты виноват! — накинулся на него оборотень. — Придумал какой-то план «Разделить цветок сливы по лепесткам» и вот накликал беду! Чем теперь все это кончится?

— Не беспокойся, великий князь, и не ругай меня, — сказал бесенок. — Я помню, что Сунь У-кун славился как самый великодушный главарь обезьян. Хоть он и владеет великим чародейством, но любит, когда его превозносят. Мы сейчас проведем его: вынесем ему поддельную голову Танского монаха, умастим его похвалами и скажем, что его наставника мы уже съели. Если нам удастся обмануть его и он уйдет восвояси, Танский монах окажется полностью в нашем распоряжении, и мы полакомимся им. Если же обман не удастся, придется придумать что-нибудь другое.

— А где ты достанешь поддельную голову? — недоверчиво спросил оборотень.

— Вот погоди, сейчас увидишь, — ответил бесенок.

Он достал секиру из чистой стали, отрубил ею корень у ивы, обтесал его в виде человеческой головы, обрызгал человеческой кровью и размазал кровь по всей голове. Затем он велел другому бесенку вынести голову на лакированном блюде к воротам.

— О отец, Великий Мудрец! — крикнул бесенок, подойдя к воротам. — Смири свой гнев и дозвожь доложить тебе!

А надо вам сказать, что Сунь-У кун действительно очень любил, когда его возвеличивали и превозносили. Услышав, что его величают: «Отец, Великий Мудрец», — он сразу же осадил назад Чжу Ба-цзе.

— Не трогай его! Послушаем, что он скажет!

Бесенок, неся блюдо, подошел вплотную к воротам и стал говорить:

— Наш великий повелитель захватил твоего наставника, а мы, по своему невежеству не зная, что хорошо, что плохо, принялись за него: то один подойдет куснет, то другой погрызет, так вот по кусочкам и съели твоего наставника, осталась только его голова, вот она на блюде.

— Ну что ж! — вздохнул Сунь У-кун. — Раз съели, ничего не поделаешь! А голову все же давай сюда! Я посмотрю, настоящая она или нет?

Бесенок выкинул голову через дыру, пробитую в воротах.

Чжу Ба-цзе, увидев голову, принялся плакать и причитать:

— О несчастный! — голосил он. — Каким ты был, когда попал в эту пещеру, и что с тобой сделали!

Сунь У-кун прервал его:

— Ты лучше посмотри, какая эта голова: настоящая или поддельная, а потом и голоси!

— И не стыдно тебе! — укоризненно произнес Чжу Ба-цзе. — Разве бывают человеческие головы поддельными?

— А я тебе говорю, что голова поддельная, — разозлился Сунь У-кун.

— Как ты узнал, что она поддельная? — удивился Чжу Ба-цзе.

— Настоящая человеческая голова так громко не стукнула бы при падении, а эта ударилась об землю, словно колотушка. Дай я еще раз брошу ее, а ты послушай, если не веришь мне.

С этими словами Сунь У-кун подхватил голову и бросил ее о камень; раздался громкий стук. Даже Ша-сэн и тот услышал.

— Брат, — сказал он, — здорово стукнуло.

— Раз стукнуло, значит поддельная, — сказал Сунь У-кун. — Сейчас я сделаю так, чтобы она предстала перед нами в своем настоящем виде.

Стремительно выхватив свой посох с золотыми обручами, Сунь У-кун стукнул им по поддельной голове и одним ударом расколол ее на части. Оказалось, что это чурка из корня ивы. Чжу Ба-цзе не удержался от брани.

— Вот я вам покажу, черти мохнатые! — заорал он. — Запря-

тали моего наставника у себя в пещере и вздумали меня, вашего прадеда, обмануть, показав деревянную болванку! Не может быть, чтоб мой наставник превратился в духа-оборотня ивового дерева!

Бесенок не на шутку перепугался и, весь дрожа от страха, бросился назад.

— Беда, беда, беда! — забормотал он. — Беда, беда, беда!

— Что это ты заладил одно и то же? — прикрикнул на него оборотень. — Говори, что случилось?

— Мне уже удалось было провести Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, но Сунь У-кун, этот старьевщик, который распознает всякий хлам с первого взгляда, сразу узнал, что голова поддельная. Не показать ли ему настоящую человеческую голову, может, он тогда уберется отсюда?

— Где же я возьму настоящую человеческую голову? — спросил оборотень и тут же спохватился: — Да у нас на живодерне можно выбрать любую из тех, что еще не съедены!

Бесы и бесенята кинулись в живодерню, выбрали там свежую голову, обглодали ее дочиста, гладкую и скользкую положили на блюдо и вынесли к воротам.

— Отец наш, Великий Мудрец! — возвестил один из бесенят. — Та голова действительно была поддельная, зато эта настоящая и принадлежит она почтенному монаху из Танского государства. Ее оставил себе наш великий князь, чтобы водрузить на кровле, ну, а теперь велел преподнести тебе.

Голова со стуком вылетела через пролом в воротах и покати-лась по земле, разбрызгивая капли крови.

Сунь У-кун сразу же понял, что это настоящая человеческая голова, и громко заплакал, не зная, как быть. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тоже завопили во весь голос.

— Брат! — обратился Чжу Ба-цзе к Сунь У-куну, глотая слезы. — Перестань плакать! Погода сейчас жаркая, и я боюсь, как бы голова наставника не протухла. Сейчас я ее похороню, а потом мы поплачем.

— Верно, — согласился Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе, не брезгуя кровью и налипшей грязью, обхватил голову обеими руками, прижал к груди и побежал к горному обрыву. Он нашел местечко, обращенное к солнцу, обдуваемое свежим ветром, выкопал яму своими граблями, положил в нее голову, засыпал землей, соорудил могильный холм и после этого позвал Ша-сэна.

— Вы пока поплачьте здесь со старшим братом, — сказал он, — а я схожу, поищу чего-нибудь, чтобы принести в жертву нашему наставнику.

Чжу Ба-цзе направился к берегам горного потока, наломал ивовых веток, собрал крупную гальку величиной с гусиное яйцо и вернулся к могиле. Путь ивы он воткнул по обеим сторонам могилы, а гальку сложил перед нею.

— Что это значит? — спросил Сунь У-кун.

— Пусть эти ивовые прутья послужат соснами и кипарисами, — ответил Чжу Ба-цзе, — под сенью которых будет покоиться прах нашего наставника. А галька пусть явится нашим подношением его душе.

— Да ты что? Дуралей этакий! — прикрикнул на него Сунь У-кун. — Человек погиб, а ты приносишь ему в жертву камни?

— Ну, а как же? — оторопел Чжу Ба-цзе, и привел слова из буддийского псалма:

Выкажи покойному чувства живых людей,
Покажи ему сердце свое почтительное к родным и старшим.

— Перестань говорить глупости! — строго приказал Сунь У-кун. — Пусть Ша-сэн останется пока здесь, побудет у могилы и покараулит вещи и коня. А мы с тобой отправимся в пещеру, разобьем ее, схватим самого оборотня и разорвем его на мелкие клочки, — отомстим за наставника, а тогда уж вернемся.

— Ты правильно решил, дорогой брат, — проговорил Ша-сэн, роняя слезы. — Вы оба ступайте и не отвлекайтесь от намеченной цели, а я здесь покараулю.

Ну и молодец этот Чжу Ба-цзе! Он снял с себя монашеское облачение, потуже подвязался, взял грабли и отправился вслед за Сунь У-куном. Оба бросились на ворота, дружными усилиями сломали их и ворвались в пещеру с воинственным кличем, от которого содрогнулись небеса.

— Верни нам нашего наставника! — истуленно кричали оба в один голос.

Все бесы и бесенята, находившиеся в пещере, пришли в неопикуемый ужас и стали роптать на бесенка, получившего звание начальника головного отряда, считая его виновником всех бед.

Старый оборотень подозвал его к себе и спросил:

— Как же поступить с этими монахами, ворвавшимися к нам в пещеру?

— У древних есть замечательное изречение, — ответил начальник головного отряда: — «Если сунуть руку в корзину с рыбой, рука будет пахнуть». Если мы ввязались в это дело, надо действовать до конца. Нужно сейчас же снарядить все наше войско, повести его на этих монахов и уничтожить их!

Старый оборотень недоверчиво выслушал бесенка, но сам ничего другого придумать не смог и поэтому обратился к своим подчиненным с такими словами:

— Слуги мои! Будьте единокорны! Возьмите самое лучшее оружие и следуйте за мной в поход!

Тут бесы и бесенята разом издали боевой клич и помчались к воротам. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе отошли немного назад, на ровную лужайку, и там остановили толпу бесов.

— Ну, кто из вас главарь? — закричали они, обращаясь к толпе. — Кто главный оборотень, захвативший нашего наставника?

Бесы выстроились в боевом порядке, замелькали парчовые стяги, расшитые цветами, и из рядов, держа в руках валеков, вышел старый оборотень.

— Вы что, негодные монахи, не узнаете меня? — прогремел он. — Я — великий князь Южной горы и разгуливаю по этим местам вот уже несколько сот лет. Я захватил вашего наставника — Танского монаха, и съел его. Что вы посмеете сделать со мной?

— Ишь ты храбрец, мохнатая тварь! — выругался Сунь У-кун. — Сколько же тебе лет, что ты позволил себе дерзость называться правителем Южных гор? Тем более что в небесных чертогах, по правую сторону от трона владыки, пока все еще восседает почтенный государь Ли *, положивший начало Небу и Земле, а под крылом огромной птицы Пэн * сидит на престоле Будда Татагата, достопочтенный Будда, создатель всего мира. Мудрец Конфуций, почитаемый как основоположник учения жу, и то скромно называл себя учителем. А ты, скотина этакая, смеешь величать себя великим правителем Южных гор, да еще хвалишься, что разгуливаешь по этим местам несколько сот лет! Стой, ни с места! Испробуй, каков на вкус посох твоего почтенного дедушки!

Однако оборотень отскочил в сторону и вальком отбил удар железного посоха. Округлив от злости глаза, он заорал в ответ:

— Ах ты, обезьянья морда! Смеешь еще срамить меня! Какими же ты владеешь чарами, что дерзнул явиться сюда буянить у моих ворот?

— Я проучу тебя, скотина ты безвестная! — холодно засмеялся Сунь У-кун. — Ты, видно, не знаешь меня, старого Сунь У-куна. Постой! Наберись храбрости да послушай, что я расскажу тебе:

На острове чудес
В веках минувших жили
Все прадеды мои.
И Небо и Земля
Десятки тысяч лет
Зародыш мой хранили.
И на горе Хуагошань
Родился я.

Великая гора Плодов,
Гора цветов!
Там каменистое яйцо
С корой железной
Родители покинули
Над бездной,
На грозной высоте
Среди святых садов.

Распалась скорлупа,
Но из ее обломков
Младенец-богатырь
Родился я на свет.

Немудрено, что я
    Был лучшим из потомков,
Я созрел в яйце
    Десятки тысяч лет!

Со дня рожденья рос
    Не так я, как другие,
От Солнца и Луны
    Я плоть свою обрел.
Как рыба, плавал я.
    Летал я, как орел.
Постигнул высоту
    И глубину души я.

Сам совершенствовал —
    А это не пустяк! —
Я самого себя.
    Познал природу Неба
И суть бессмертия.
    И где я только не был!
Был в небе воином
    И нес небесный стяг.

Я назван был тогда
    Правителем великим,
Царем всех обезьян,
    Вождем волшебных сил.
Но в высших небесах
    Мятеж я учинил:
В стране блаженных звезд
    Я начал — в буйстве диком —

Дворцы алмазные
    Безжалостно крушить...
Стотысячной орде
    Небесных духов было
Невмочь меня поймать,
    Связать и укротить,
Пока в моей груди
    Безумье не остыло.

Да, подвела меня
    Неистовая прыть!
Обуздан был я
    Буддой несравненным!
Ведь я тогда мечтал
    Созвездья покорить,
Чтоб слава обо мне
    Прошла по всем вселенным!

Я — получеловек,
    Я — маг и полужверь.
Я тайны чар постиг,
    Земли и Неба тайны.
Ученье Будды мне
    Открылось не случайно.
К монаху Танскому
    Приставлен я теперь.

На Запад мы идем.
Преодолею счастливо
Я кряжи горные.
И мне всегда везло:
Когда мешали нам
Могучих рек разливы,
Я брод отыскивал всегда
Чертям назло.

Я тигров истреблял
Среди лесов дремучих!
Я колдовских лисиц
В пещерах убивал!
Я бесов побеждал
И под землей и в тучах!
Я барсов усмирял
Средь неприступных скал!

С наставником моим,
С далекого востока,
Мы шли за книгами,
Про Высший путь прочесть.
И кто б нам ни мешал —
Бес или зверь — жестоко
С ним расправлялся я,
Мою узнал он месть.

Учитель добрый мой
Теперь в стране загробной.
Бес растерзал его,
И я его не спас...
Ты, дьявол яростный!
Ты, оборотень злобный!
За все твои грехи
Расплатишься сейчас!

Эти слова вызвали в оборотне и страх и ярость. Стиснув зубы, он подскочил к Сунь У-куну и, замахнувшись железным вальком, собрался ударить его. Но Сунь У-кун легко отпарировал удар посохом, собираясь продолжить свой рассказ.

Чжу Ба-цзе не стерпел, схватил грабли и принялся бить бесенка — начальника головного отряда. А тот повел за собой всю ораву бесенят. И вот на горной лужайке разыгрался настоящий бой.

Мудрый Танский монах
Из великой восточной страны,
Путь держал он на Запад далекий,
В обитель блаженства.
За старинными книгами шел он,
Ища совершенства:
Тем, кто Истину ищет,
Правдивые книги нужны!

Но в горах
Омерзительный дьявол его подстерег
И туман напустил,
Напоенный отравой черной.

Мудреца изловить удалось ему
В злобе упорной.
Он святого паломника
В адские сети завлек.

Демон-барс, он собрал
Мелких бесов отборную рать,
И в пещере залег он
Со всем своим дьявольским станом.
Верных слуг Мудреца
Он отвлек хитроумным обманом.
И готов был
Святого монаха сварить и сожрать.

Но сцепился тогда Сунь У-кун
С сатанинской гурьбой.
Рядом с ним Чжу Ба-цзе,
Свиноглавый герой, всем известный.
И на узкой нагорной лужайке,
В расселине тесной,
Не на жизнь, а на смерть
Разгорелся отчаянный бой.

Старый дьявол,
Огонь изрыгая, сражается сам,
С ним — подручные бесы
И маленькие дьяволята.
Все кругом наваждением объято
И тьмою проклятой...
Свет померк,
Непроглядная пыль поднялась к небесам.

Бесенята скулят,
Выдыхая отравленный чад.
Дьяволята визжат,
От испуга усилья утроив.
Сколько пик и мечей!
Но не дрогнут сердца двух героев,
Храбрецы, отражая удары,
На бесов кричат.

Мудрецу Сунь У-куну
Ни небо не страшно, ни ад,
И по дьявольской своре
Молотит он посохом верным,
А герой Чжу Ба-цзе,
Полузверь и силач непомерный,
Он могучими граблями
Губит толпу бесенят!

Как сражается черт —
Повелитель полуденных гор!
Как сражается демон —
Начальник над адскою бездной!
Как сражаются оба героя
С отвагой железной!
За наставника мстят,
За погибель его и позор!

Долго тянется бой смертоносный
В слепой темноте,
И бойцы напрягают всю мощь —
С переменным успехом.
Как грохочут удары!
Гора откликается эхом,
Но осилить друг друга не могут
Ни эти, ни те!..

Великий Мудрец Сунь У-кун, видя, что бесы и бесенята отличаются храбростью и так и кипят от ярости, не отступая перед ударами, решил прибегнуть к волшебству. Он выдернул у себя клочок шерсти, пожевал его, выплюнул и произнес: «Изменись!» Сразу же появилось множество двойников Сунь У-куна, вооруженных посохами с золотыми обручами. Все они бросились вперед, загоняя врагов в пещеру. Толпа бесенят, сто, а может быть и двести штук, не успевала отбиваться от нападений: то спереди, то сзади, то слева, то справа. Один за другим бесы и бесенята покидали поле боя, спасая свою жизнь, и скрывались в пещере. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе вошли из круга и продолжали бой с оборотнем. Те несчастные бесенята, которые оказались безрассудными и не поняли, с кем ведут бой, лежали на земле, и кровь сочилась у них из девяти зияющих ран, нанесенных граблями, а у других мясо и кости смешались с грязью от сокрушительных ударов посоха. Повелитель Южной горы при виде этого зрелища до того испугался, что бросился наутек, снова напустив сильный ветер и густой туман. Бесенок, получивший звание начальника головного отряда, не владел искусством превращений. Сунь У-кун одним ударом посоха сбил его с ног, и он принял свой первоначальный вид. Это оказался серый волк — оборотень с крепкой спиной. Чжу Ба-цзе подошел к нему, схватил за лапы и перевернул брюхом вверх.

— Негодяй этакий! — сказал он. — Сколько поросят и ягнят сожрал он за свою жизнь у добрых людей.

Тем временем Сунь У-кун встряхнулся всем телом и вернул на место выдернутый клочок шерсти.

— Ну, Дурень! Мешкать нечего! — воскликнул он, обращаясь к Чжу Ба-цзе. — Айда живей за оборотнем! Покараем его за смерть нашего учителя!

Чжу Ба-цзе оглянулся: перед ним стоял один Сунь У-кун.

— Брат! А твои двойнички уже погнались за оборотнем? — спросил он.

— Нет, я вернул их на место, — отвечал Сунь У-кун.

— Прекрасно! — изумился Чжу ба-цзе. — Прекрасно! — повторил он.

Оба, радуясь победе, повернули обратно.

Расскажем теперь про оборотня, который вернулся в пещеру, спасая свою жизнь. Он велел всем бесам и бесенятам натаскать камней и земли и засыпать входные ворота. Оставшиеся в живых

бесы и бесенята, трепеща от страха, наглухо завалили ворота и никто из них больше не осмеливался высовываться наружу.

Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе примчались к воротам, но сколько ни кричали и ни ругались—никто не откликнулся. Как ни старался Чжу Ба-цзе проломать ворота граблями, ничего не получалось.

— Не трать зря силы, Ба-цзе!—остановил его Сунь У-кун, догадавшись в чем дело.— Они успели завалить ворота.

— Завалили? Как же мы теперь отомстим за наставника? — растерялся Чжу Ба-цзе.

— Пойдем пока обратно к могиле.— предложил Сунь У-кун, не отвечая ему.— Посмотрим, что там делает Ша-сэн.

Когда они вернулись на прежнее место, то увидели, что Ша-сэн все еще плачет. Чжу Ба-цзе еще сильнее опечалился, отбросил грабли, припал к могиле и, хлопая по земле руками, стал причитать:

— О мой горемычный наставник! Мой дорогой учитель из далеких стран! Где доведется мне снова встретиться с тобой?!

— Не надо так сокрушаться! — стал успокаивать его Сунь У-кун.— В этой пещере наверняка есть черный ход, через который можно войти и выйти. Вы побудьте пока здесь, а я еще раз схожу, поищу.

— Будь осторожнее, дорогой брат! — проговорил Чжу Ба-цзе со слезами на глазах.— Смотри, чтобы и тебя не сцапали, а то нам трудно будет голосить, неудобно: раз проголосишь за наставника, другой — за тебя, того и гляди, собьешься!

— Со мной ничего не случится! — уверенно произнес Сунь У-кун.— Я знаю, что делать.

Ну и Великий Мудрец! Он спрятал посох, потуже подпоясался и быстрыми шагами пошел вокруг горы по ее склонам. Вдруг до него донеслось журчание воды. Осмотревшись, он увидел горный ручей, а по другую сторону ручья — ворота. Слева от них виднелся скрытый водосток, из которого текла вода.

— Ну, теперь все ясно! — воскликнул обрадованный Сунь У-кун.— Вот он — черный ход. Если я покажусь там в своем настоящем виде, бесенята, пожалуй, узнают меня. Дай-ка я преобразуюсь в водяную змею и проползу туда... Нет! Постой! Мне нельзя превращаться в змею, не то дух покойного наставника узнает про это и будет пенять на меня: чего доброго, скажет, что я вздумал обвиться вокруг наставника, чтобы соблазнить его, превращусь-ка я лучше в краба... Нет! Тоже не годится! Пожалуй, наставник заругает меня, скажет: что это у тебя, ушедшего из мира сует, вдруг столько ног выросло!

Наконец он решил превратиться в водяную крысу и, пискнув, юркнул в водосток, а затем выбрался через него во двор. Высунув голову из воды, он стал смотреть, что делается на дворе, и увидел нескольких бесенят на солнечной стороне, которые развешивали куски человеческого мяса, чтобы провялить их на солнце.

— О небо! — ужаснулся Сунь У-кун.— Не иначе как это мясо

моего учителя. Они не смогли съесть его сразу и теперь вялят на солнце, впрок. Я могу принять свой настоящий вид, броситься на них и одним ударом палицы уложу на месте, но тогда скажут, что я храбрый, но не умный... Нет, лучше подождать. Надо снова изменить облик и пролезть к оборотню, поглядеть, что там происходит.

Выскочив из воды, Сунь У-кун встряхнулся и превратился в термита.

Вот уж поистине:

Силенки слабы, ростом мал,
А все ж зовется «битюгом».
Все трудится и копит впрок,
Скрываясь в ямке там и тут.
Сперва он ползает один
И роет норку, а потом
Летает без конца кругом,
Как только крылья отрастут.

У переправ и вдоль мостов
Ползет термитов длинный ряд.
Как только дождь пройдет, они
Умеют норку закрывать
И, заползая под кровать,
Готовы игры затевать.
Они проворны и войти
Сквозь щель под дверью норвят.

Летают, бегают везде.
Ты повстречаешь их всегда.
В любую трещину, дыру
Они проворно заползут.
Сойдется много тысяч их,
Тогда тебе грозит беда:
Большое здание они
В труху и мусор изгрызут!

Расправив крылышки, Сунь У-кун незаметно и беззвучно пролетел прямо в средний зал, где увидел старого оборотня, который восседал на троне, угрюмый и сердитый. Какой-то бесенок, вприпрыжку бежал в помещение через заднюю дверь.

— О великий князь! — вскричал он, обращаясь к оборотню. — Огромная радость! Необъятная радость!

— Какая радость? — удивился оборотень.

— Я только что выходил через задние ворота на берег ручья, чтобы разведать, что творится на том берегу, и вдруг слышу громкий плач людей. Я сразу же взобрался на вершину кручи и стал вглядываться. Оказалось, что это Чжу Ба-цзе, Сунь У-кун и Ша-сэн втроем плачут у могильной насыпи и отбивают поклоны. Видимо, ту человеческую голову они приняли за голову Танского монаха, похоронили ее и оплакивают своего наставника.

Сунь У-кун слышал каждое слово, и радость вспыхнула у него в груди.

«Значит, наставник жив, — подумал он, — спрятан где-нибудь внутри. Надо найти его и узнать, что с ним».

Сунь У-кун стал летать по среднему залу, оглядываясь по сторонам, и обнаружил маленькую дверку, которая была плотно закрыта. Сунь У-кун все же пролез через щелочку и увидел большой сад. Оттуда доносились приглушенные стоны. Сунь У-кун полетел дальше и в глубине сада увидел кучу больших деревьев. К двум из них были привязаны люди. В одном из них Сунь У-кун узнал Танского монаха.

При виде наставника Сунь У-куна охватило такое нетерпение, что он не выдержал, принял свой настоящий облик и побежал к Танскому монаху, восклицая:

— Наставник!

Танский монах сразу узнал Сунь У-куна, и глаза его наполнились слезами.

— У-кун! — проговорил он. — Это ты? Спаси меня скорей! У-кун! У-кун!

— Наставник! Не зови ты меня по имени! — перебил его Сунь У-кун. — Нас могут услышать и разнесут весть о том, что я здесь. Поскольку тебе суждено остаться в живых, я, конечно, спасу тебя. А оборотень сказал, что уже съел тебя. И даже показал мне голову, только она была поддельная. Мы с ним уже успели схватиться разок. Ты не беспокойся, наставник! Потерпи еще немного. Как только я расправлюсь с этим оборотнем, я приду выручить тебя.

Великий Мудрец прочел заклинание, встряхнулся и снова превратился в термита. Он пролетел в средний зал и укрепился на потолке. В зале громко галдели бесы и бесенята, уцелевшие от побоища. Вдруг из толпы выскочил какой-то бесенок. Он приблизился к трону и бойко заговорил:

— О великий князь! Они убедились в том, что ворота завалены и им не разбить их, пали духом, пыл у них поостыл, и они смирились с тем, что потеряли своего наставника. Голову, которую мы им подсунули, они похоронили и сегодня целый день будут оплакивать своего наставника. Завтра, видимо, тоже проплачут целый день, а на третий день вернутся братно. Мы узнаем, когда они уйдут, притащим сюда Танского монаха и разделим его на куски, зажарим и съедем каждый по дымящемуся кусочку, чтобы обрести долголетие.

Тут другой бесенок стал хлопать руками:

— Не говори, не говори! — закричал он. — Надо его сварить на пару, так гораздо вкуснее.

Третий бесенок перебил его.

— Лучше сварить в воде, меньше дров пойдет.

Кто-то закричал:

— Такую редкую добычу надо посолить и замариновать, чтобы подольше можно было лакомиться.

Сунь У-куна, который, сидя под потолком, слышал все это, охватила жгучая ненависть.

«Что дурного сделал вам мой наставник, за что вы собираетесь его съесть и придумываете, как бы лучше это сделать?» — подумал Сунь У-кун.

Затем он выдрал у себя клочок шерсти, пожевал его, легонечко выплюнул, прочел заклинание и велел всем ворсинкам превратиться в усыпляющих мошек. После этого он кинул их в толпу бесов и бесенят. Мошки стали забираться им в ноздри, и бесы скоро впали в дремоту, а через некоторое время повалились на пол и заснули крепким сном. Один только старый оборотень не уснул. Он то и дело тер себе лицо, все время чихал и теребил нос.

— Неужто он понял, в чем дело? — удивился Сунь У-кун. — Дай-ка я ему подпущу «еще одну»...

Он выдернул у себя еще один волосок, поступил с ним точно так же, как с клоком шерсти, и, превратив его в мошку, кинул ее прямо в лицо оборотню. Мошка забралась в нос и там начала путешествовать: она лезла в левую ноздрю и вылезала из правой, а затем — наоборот. Оборотень поднялся, стал потягиваться, раза два зевнул, лег на пол и захрапел.

Торжествуя, Сунь У-кун спрыгнул с потолка и принял свой настоящий вид. Он достал посох из-за уха, помахал им, и он стал толщиной с утиное яйцо. С одного удара Сунь У-кун вышиб боковую дверцу и побежал в сад.

— Наставник! — громко воскликнул он.

— Ученик мой, — простонал Танский монах, — сними с меня скорей эти ужасные веревки, они замучили меня!

— Не спеши, наставник! Обожди еще немного. Вот я убью оборотня, тогда и освобожу тебя!

С этими словами Сунь У-кун помчался обратно в средний зал. Он уже замахнулся посохом, чтобы убить оборотня, но вдруг остановился.

— Нет, так нехорошо! — сказал он самому себе. — Лучше убить его потом, когда освобожу наставника!

Он направился в сад, но тут его снова охватило сомнение: «Нет, лучше сперва убью, а уж потом освобожу!» — подумал он. Так раза два или три он передумывал и, наконец, подпрыгивая и приплясывая, направился в сад. Наставник увидел его и обрадованно спросил:

— Ты что? Наверное, радуешься тому, что твой наставник еще жив? Не находишь себе места от радости и пустился в пляс?

Сунь У-кун подбежал к наставнику и снял с него веревки. Поддерживая его под руки, он повел его из сада. И вдруг он услышал, как другой человек, тоже привязанный к дереву, закричал:

— Почтенный отец! Прояви великую милость и спаси меня! Танский монах остановился.

— У-кун! — сказал он. — Развяжи его!

— Кто он такой? — спросил Сунь У-кун.

— Его схватили на день раньше меня, — ответил Танский монах. — Он — здешний дровосек. Говорит, что у него есть мать, совсем старенькая, он заботится о ней, проявляет к ней чувства сыновней преданности и почтительности. Спаси заодно и его.

Сунь У-кун согласился, снял с дровосека веревки, провел обоих через черный ход, помог взобраться на кручу и перейти вброд горный ручей.

Танский монах принялся благодарить Сунь У-куна.

— О мудрый ученик мой! — молвил он. — Благодарю тебя за то, что ты спас нас обоих! А где находятся сейчас У-нэн и У-цзин? — спросил он.

— Они оплакивают тебя, — ответил Сунь У-кун. — Ты можешь окликнуть их, — предложил он.

Танский монах собрался с силами и крикнул изо всей мочи:

— Ба-цзе! Ба-цзе!

Дурень до того наплакался, что у него голова кругом пошла. Утерев нос и глаза, он вдруг встрепенулся.

— Ша-сэн! — воскликнул он. — Душа наставника явилась к нам! Слышишь, зовет нас! Послушай-ка?

Сунь У-кун подошел и прикрикнул на него:

— Какая там еще душа? Не видишь разве, что сам наставник пришел!

Ша-сэн поднял голову, увидел Танского монаха и поспешно опустился перед ним на колени.

— О наставник! Сколько принял ты мучений! — воскликнул он. — Как это брату Сунь У-куну удалось выручить тебя?

Тут Сунь У-кун обо всем рассказал ему.

Этот рассказ привел Чжу Ба-цзе в бешенство, и он заскрежетал зубами. Дав волю своим чувствам, он схватил грабли и принялся разламывать могильный холм. Затем он вырыл голову из ямы и одним ударом размозил ее.

— Зачем ты так поступил? — укоризненно сказал Танский монах.

— Ну как же, наставник! Неизвестно, чья это голова, а мы ее оплакивали!

— Может быть, благодаря этой голове я и получил спасение! — сказал Танский монах. — Когда вы, братья, явились к воротам и стали кричать и требовать, чтобы меня выпустили, они показали вам эту голову, чтобы обмануть вас, и благодаря этому я был спасен. Вы лучше похороните ее, как подобает благочестивым монахам.

Дурень повиновался, собрал в горсть разможенную голову, похоронил ее и снова насыпал могильный холм.

— Наставник! — сказал Сунь У-кун. — Прошу тебя, посиди здесь немного, а я схожу и уничтожу логово оборотня.

Он спрыгнул с кручи, перешел через ручей, вошел в пещеру, взял веревки, которыми были связаны Танский монах и дровосек, и вошел в средний зал, где все еще крепко спал оборотень. Сунь

У-кун связал его по рукам и ногам, поддел на посох с золотыми обручами, который поднял на плечо, и понес через задние ворота. Чжу Ба-цзе издали увидел и закричал:

— Брат, что же это ты несешь на одном конце такую ношу? Не лучше ли было для равновесия найти еще кого-нибудь?

Сунь У-кун опустил посох на землю. Чжу Ба-цзе замахнулся было граблями, чтобы ударить, но Сунь У-кун остановил его.

— погоди! — сказал он. — В пещере осталось еще много бесенят.

— Брат! Возьми меня с собой, будем вместе бить их, — просил Чжу Ба-цзе.

— На это понадобится много времени, — возразил Сунь У-кун. — Лучше поискать сухого хвороста и выжечь с корнем все это логово!

Услышав эти слова, дровосек сразу же повел Чжу Ба-цзе в ложбину на восточном склоне горы, где они набрали много сухих бамбуковых веток, сосновых сучьев, дуплистых ивовых стволов, обрубленных стеблей лиан, засохших кустов артемизий, пересохших камышей, тростников и смоковниц. Все это они перенесли к задним воротам пещеры. Сунь У-кун высек огонь, а Чжу Ба-цзе, хлопая своими огромными ушами, раздул его. Затем Сунь У-кун подскочил, встряхнулся всем телом и вобрал в себя ворсинки, превращенные им в усыпляющих мошек. Бесы и бесенята сразу же проснулись, но было уже поздно: дым и огонь окутали их. Несчастные! Даже и не думайте, что кому-либо удалось спастись. Только когда весь пещерный дворец сгорел дотла, Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и дровосек вернулись к Танскому монаху. Тем временем оборотень очнулся, и Танский монах, услышав, как он рычит, закричал:

— Братцы! Оборотень проснулся!

Чжу Ба-цзе подбежал с граблями и одним ударом убил оборотня, отчего тот сразу же принял свой первоначальный облик. Оказалось, что это был пятнистый барс.

— Ишь ты, какой пятнистый! — сказал Сунь У-кун. — Это из породы пожирателей тигров. Научился еще в человека преобразаться! Ну, теперь тебе конец пришел, — никогда больше не будешь наносить вреда людям!

Танский монах, не переставая благодарить Сунь У-куна, стал влезать на оседланного коня.

— Отец! — остановил его дровосек. — К юго-западу отсюда, совсем недалеко, находится моя убогая лачуга. Прошу побывать у меня, повидаться с моей матушкой, пусть и она поклонится и поблагодарит за великую милость, которую вы все оказали мне. После я выведу вас на дорогу!

Танский монах обрадовался, он не сел на коня, а пошел пешком вместе с дровосеком и своими учениками. Они шли по извилистой тропинке, и вскоре их взорам представилась скромная хижина дровосека в горах:

Каменистая тропка
Травую и мхом поросла,
И опутали узкую дверцу
Густые лианы.
Отовсюду стеснили лачужку
Стволы-великаны,
Исполины-утесы столпились,
И мгла облегла.
Пестрых пташек
Разносится по лесу щебет и свист.
Там заметишь ты сосен огромных
Угрюмую хвою,
Там ты заросли встретишь бамбука
С веселой листвою.
Сколько разных цветов!
И ручей меж цветов серебрист...

И в ущелье седом,
Где туманы клубятся от века,
За стеною бамбука
Лачужка стоит дровосека.

Путники издалека увидели старушку, которая стояла у входа, прислонившись к дверце. Слезы струились из ее глаз. Она горько плакала о своем сыне, взывая к духам неба и земли.

Увидев родную матушку, дровосек оставил Танского монаха и побежал вперед. Приблизившись к лачуге, он бросился на колени:

— Матушка! — воскликнул он дрогнувшим голосом. — Твой сын вернулся!..

Старушка обняла сына.

— Сынок мой! — заговорила она. — Уж чего только я не передумала за эти дни, что тебя не было дома! Я уж говорила, что сам властитель горы схватил тебя и лишил жизни. Вся душа моя изныла и сердце изболелось... Раз с тобой ничего не случилось, почему же ты так замешкался и только нынче вернулся домой? Где твои веревки, коромысло, топор?

Дровосек, поклонившись матери до земли, отвечал:

— Матушка! Меня в самом деле схватил властитель горы и привязал к дереву. Я уж не думал, что останусь в живых. За счастливое избавление от гибели я обязан почтенным отцам-монахам! Вот этот почтенный отец, — сам архат из восточных земель; он послан Танским императором на Запад, к Будде за священными книгами. Его тоже схватил властитель горы и привязал к дереву. А эти почтенные монахи — ученики архата, обладающие великими волшебными чарами. Они с одного удара убили властителя горы, который оказался оборотнем пятнистого барса. Всех его бесов и бесенят сожгли без остатка. Они же спасли почтенного своего наставника, а заодно и меня, что поистине является милостью, равной Небу по высоте и Земле — по глубине! Если бы не они, я бы погиб. Теперь, наконец, здесь, на горе, воцарится спокойствие, и я смогу ходить без опаски даже глухой ночью.

Старушка, выслушав сына, стала поочередно кланяться Тапскому монаху и его ученикам, пригласила их в лачугу и усадила. Там мать и сын стали снова отбивать земные поклоны и благодарить за спасение. Затем они наспех приготовили постное угощение, чтобы накормить монахов в знак благодарности.

— Брат-дровосек! — сказал Чжу Ба-цзе. — Ты не хлопочи и не старайся накормить нас досыта. Я знаю, что ты живешь бедно и твоего достатка едва хватит на одну мою еду.

— Не скрою от тебя, отец наш, — сказал дровосек, — что живу здесь, в горах, действительно очень бедно и не могу угостить тебя изысканными яствами: грибами «сянтань», грибами «могу» да еще сычуаньским перцем с разными дорогими приправами. Могу только предложить дикорастущие овощи, чтобы хоть как-нибудь выразить вам свою признательность...

Чжу Ба-цзе рассмеялся.

— Не дразни! Давай что есть, да только поскорее. Мы очень проголодались.

— Сейчас! Сейчас! — торопливо ответил дровосек. И действительно, прошло немного времени, и столы и табуретки были вытерты и расставлены, а затем подали еду, которая на самом деле состояла только из блюд дикорастущих овощей и растений.

Всех яств я перечислить не берусь!..
Как одуванчики нежны на вкус
Поджаренные!

С уксусом приятны
Накрошенные стебли Богудин,
И портулак, как роза, ароматный,
И сладковатый овощ янь чан ин,
Всегда растущий у речной воды.
Побеги нежного, душистого бамбука
Ян цзы бу лая, а на нем ряды
Хрустящих сочных почек.

Вместо лука
Вот ма лань тоу; от него вблизи
Дымится мякоть гоу цзяо цзи...
Здесь горьких трав и сладких трав избыток;
Вкусны кошачьи ушки, и не плох
Лесной отлично сваренный горох.
Размешанные с мякотью улиток
Цзян дао гу и листья ню тан ли
Рядами на простой поднос легли —
С пастушьей сумкой смешаны, в имбирной
Подливе, и дымящейся и жирной.
И няо ин хуа поджарены цветы,
Приятно их глотать с чилимсом вместе.
Пугэня корни оценил бы ты
И цзяо эр коренья и цветы,
Чисомайнян — в румяном, нежном тесте..
А вот «монаха ряса»; но, заметь,
Где ты можешь съесть, но не надеть!
Простой травы, ненужной, подзаборной
Немного «дикой конопли» возьми:
Хотя она не ценится людьми,
Но вкусно приготовлена беспорно,

Густых лесов, лугов нагорных дань —
 Хасунь — трава и бяоэр лин дань,
 На масле жаренные, пригодятся.
 Из чернобыльника густой отвар,
 И ароматная трава цинхар,—
 Над ней недаром бабочки кружатся!
 Собрать побольше ян эр ту стеблей
 И листьев златоцветника легко ведь,—
 Из них без перца и других затей
 Отличнейшее блюдо приготовить!
 Так скромный дровосек, в лесу собрав
 Различных овощей и диких трав,
 Добавил постный соус и приправу.
 Успел запечь, поджарить и сварить,
 И, чтоб своих спасителей почтить,
 Устроил пир —

и угостил на славу!

Наставник с учениками наелись до отвала, собрали поклажу и отправились в путь. Дровосек не посмел их дольше задерживать, он попросил мать выйти и поблагодарить монахов, а сам стал на колени и отбивал перед ними земные поклоны. Затем он взял палку из финикового дерева, покрепче подпоясался и пошел провожать путников. Ша-сэн вел коня, Чжу Ба-цзе нес поклажу, а Сунь У-кун держался близко от наставника, идя то справа, то слева вслед за ним.

Танский монах, усевшись на коня,¹ молитвенно сложил руки и обратился к дровосеку с такой просьбой:

— Брат-дровосек! прошу тебя провести нас только до большой дороги, а там мы распрощаемся с тобой!

И вот, поднимаясь на кручи, спускаясь в низины, огибая горные реки, находя пологие спуски, все двинулись в путь.

Танский монах ехал на коне в глубоком раздумье.

— Ученики мои! — воскликнул он наконец и заговорил стихами:

О, как давно
 С любимой родиной протился я
 И далеко на Запад углубился!
 И сколько рек осталось позади,
 И сколько гор осталось за спиной,
 Но от несчастий избавленья нет.
 Повсюду оборотни ждут меня,
 И стерегут повсюду злые духи,
 От демонов спастись мне не легко...

А в сердце у меня одно желание:
 Сокровище священных книг найти
 И привезти на родину мою.
 В душе моей живет одно стремленье:
 Молюсь я, чтоб скорее умереть
 И вознестись на небо...

О, когда же,
 Когда наступит тот желанный день,
 И тяжкий путь успешно завершится?
 Как долго ждать, пока, окончив подвиг,
 На родину я снова возвращусь!

— Отец, — сказал дровосек, — не печалься! Отсюда, если идти по этой большой дороге на Запад, остается меньше тысячи ли до страны Зарослей небесного бамбука, родины высшего блаженства.

Услышав эти слова, Танский монах встрепенулся, слез с коня и сказал:

— Благодарю тебя, что ты потрудился так далеко проводить нас и вывел на большую дорогу. А теперь, прошу, не провожай нас больше и возвращайся к себе домой! Передай наш глубокий поклон твоей престарелой матушке. Мы ей очень благодарны за радушие и обильное угощение. Нам, бедным монахам, нечем отблагодарить вас. Мы будем только молиться, чтобы вы с матерью жили покойно и дожили бы до глубокой старости...

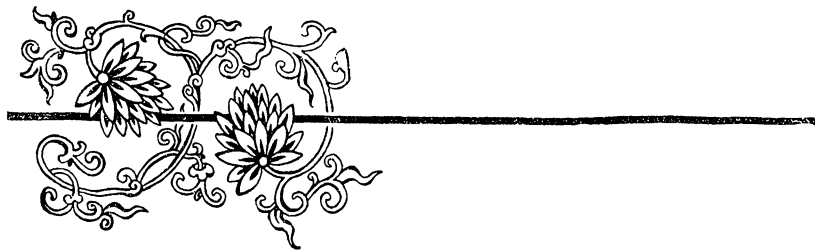
Дровосек почтительно простился с монахами и пошел обратно своей дорогой, а Танский наставник со своими учениками отправился дальше, на Запад.

На этот раз
Святым монахам повезло:
Избавились от бед
И, уничтожив зло,
Всех демонов они
Сумели наказать.

Из дьявольских когтей
Спасенный дровосек,
Хоть он и беден был —
Достойный человек! —
Их сытно накормил
И путь им указал.

Если вы хотите знать, сколько времени еще предстояло нашим путникам идти до обителя Будды, прочтите следующие главы.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ,

в которой говорится о том, как округ Бессмертного феникса постигла засуха и как Великий Мудрец Сунь У-кун, обратив жителей округа к добру, вызвал обильный дождь

Сокровенен тот путь,
И святыня его глубока.
Но страшатся все демоны злые
И темные духи,
Чтобы в царство людское
О нем не проникнули слухи,
И великую тайну хранят
Сквозь года и века.

Этот путь проникает миры
И глубины вселенной.
Разгоняет туманы,
Как яркий, таинственный луч.
Он к вершинам познания ведет,
Он и мудр и могуч.
Нет борьбы и печали
В обители духов блаженной!

Пред горою Линшань
Драгоценнейший жемчуг горит
И сверкает, вращаясь,
Пятью неземными цветами.
Этот свет озаряет
Лазурное небо над нами,
Озаряет людей на земле
И живое живит.
Кто в жемчужине этой
Постигнет все тайны природы,
Тот, как море и горы,
Надолго продлит свои годы.

Итак, Танский монах и его ученики распростились с дрово-секом, спустились с горы Хранительницы туманов и отправились дальше по большой дороге. Через несколько дней впереди показался город, окруженный стеной.

— У-кун! Взгляни, — воскликнул Танский монах, — не есть ли это страна Зарослей небесного бамбука?

— Нет! Нет! — ответил Сунь У-кун, махнув рукой. — В обители Будды нет никакого города, она зовется обителью Высшего блаженства. Там только высится огромная гора, а на ней башни, терема, дворцы и хоромы. Гора эта носит название Линшань, а обитель называется храм Раскатов грома. Страна Зарослей небесного бамбука — это еще не обитель Будды Татагаты. Столицу этой страны от горы Линшань отделяет огромное пространство. Думается мне, что город, который лежит перед нами, относится к какому-нибудь внешнему округу страны Зарослей небесного бамбука. Вот подойдем ближе, тогда все и узнаем.

Вскоре путники добрались до пригорода. Танский монах спешил и, войдя в городские ворота (их было три ряда), увидел картину полного запустения. Они пошли дальше и очутились у базара. Здесь двумя рядами стояли прислужницы в темных одеждах, а под карнизами домов было несколько человек в высоких чиновничьих шапках, подпоясанных кушаками. Путники пошли по улице, но протиснуться сквозь толпу было невозможно. Тогда Чжу Ба-цзе, отличавшийся бесцеремонностью, вытянул свое длинное рыло и гаркнул во все горло: «Посторонись! Дорогу!» Тут все разом подняли головы и увидели перед собой такое страшное зрелище, что от ужаса оцепенели и попадали на землю.

— Оборотень! Оборотень! — закричали в толпе.

Даже люди в высоких шапках, стоявшие под карнизами домов, и те струхнули.

— Вы откуда? — спросили они путников, низко кланяясь и дрожа от страха.

Опасаясь навлечь беду, Танский монах пробился вперед и обратился к толпе с такими словами:

— Я, бедный монах из восточных земель великого Танского государства, направляюсь в страну Зарослей небесного бамбука, в храм Раскатов грома поклониться Будде и попросить у него священные книги. Наш путь лежит через ваши благодатные земли, но мы не знаем, как называется этот город, и, кроме того, нам негде остановиться. Поэтому мы и решили зайти к вам. Очень просим всех вас, почтенные сановники, простить нам то, что мы дерзнули показаться вам на глаза!

Только после этих слов чиновники совершили положенные поклоны и сказали:

— Это—окраинный округ страны Зарослей небесного бамбука. Называется он Бессмертный феникс. Здесь вот уже несколько лет подряд стоит сильная засуха. Правитель округа, светлейший хоу, послал нас сюда вывесить объявление, в котором призывает магов и волшебников вымолить дождь и спасти народ от бедствия.

— Где же это объявление? — спросил Сунь У-кун, услышав, что говорят чиновники.

— Оно здесь, у нас, — ответили те. — Мы только что обметали эту галерею и еще не успели вывесить объявление...

— Дайте-ка мне, я почитаю! — попросил Сунь У-кун.

Чиновники поспешно развернули большой лист бумаги и повесили его на стену под карнизом дома. Сунь У-кун и остальные путники подошли поближе и стали читать. Вот что было написано в этом объявлении:

«От светлейшего хоу Шан Гуаня — правителя округа Бессмертного феникса великой страны Зарослей небесного бамбука.

К СВЕДЕНИЮ ПРЕМУДРЫХ МАГОВ,
ПРИЗЫВАЕМЫХ СОВЕРШИТЬ ВЕЛИКОЕ ЧУДО

Земли нашего округа обширны и обильны. Войско и народ жили всегда в достатке. Но вот несколько лет подряд стоит засуха, все сохнет и выгорает. Поля у народа и земли у войска оскудели и пересохли, русла рек измельчали, каналы и арыки пусты. В колодцах не стало воды, родники больше не бьют. В богатых домах заботятся лишь о том, чтобы сохранить свое добро. Один доу¹ зерна поднялся в цене до ста лянв серебра, а пучок хвороста ценится в пять лянв. За три шэна крупы выменивают десятилетних девочек, а пятилетних мальчиков увозят просто так. В городах, страшись законов, закладывают одежды и вещи, лишь бы прожить, а в деревнях казну обижают, грабят со взломом, людей поедают, чтобы самим остаться в живых.

Сего ради объявляю всем премудрым магам из разных стран, что я уповаю на их молитвы о ниспослании дождя и спасении нашего народа, за что обещаю щедрые награды. Готов охотно отблагодарить тысячами слитками серебра. Ни в коем случае не отступлюсь от обещанного.

Да ведают об этом все, кому будет объявлено».

Прочитав объявление, Сунь У-кун обратился к чинам с вопросами:

— Скажите, — начал он, — что означают слова: «светлейший хоу и Шан Гуань»?

— Шан Гуань — это фамилия светлейшего хоу, правителя нашего округа, — ответили чины.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Очень редкая фамилия.

— Ты, видно, никогда не учился! — перебил его Чжу Ба-цзе. — В «Книге «ста фамилий»* последние две фамилии как раз и есть Шан Гуань и Су Ян.

¹ Доу — мера веса в 10 с лишним килограммов,

— Братья, — сказал Танский монах, — да перестаньте же попусту препираться! Кто из вас может вызвать дождь? Ну-ка, проявите свое умение, чтобы спасти народ от страданий, это зачтется вам как благодеяние. Если же никто из вас не умеет этого сделать, пойдем дальше — незачем мешкать.

— Разве трудно вызвать дождь? — задорно сказал Сунь У-кун. — Да для меня это сушие пустяки, я могу поворачивать вспять реки и баламутить моря, менять местами звезды и созвездия, пробивать пинком ноги колодцы в небосводе, изрыгать туманы и облака, переносить горы и гоняться за луной, вызывать дождь и ветер! Ведь всеми этими забавами я развлекался еще в детские годы! Подумаешь, какое чудо для меня вызвать дождь!

Услышав эти слова, чины срочно отправили двух гонцов к правителю округа.

— Повелитель наш! — доложили те, обращаясь к правителю. — Величайшая радость ждет тебя!

Светлейший хоу, правитель области, как раз возжигал фимиам и молился. Когда до его ушей донеслись слова: «Радость ждет тебя», — он тотчас же спросил:

— Что за радость?

— Сегодня мы получили твое объявление, — начали докладывать чиновники-гонцы, — и только собрались было вывесить его у базарной площади, как вдруг появились четверо монахов, которые назвались посланцами восточных земель великого Танского государства и сказали, что направляются к нам, в страну Зарослей небесного бамбука в храм Раскатов грома поклониться Будде и попросить у него священные книги. Прочитав объявление, они заявили, что смогут вызвать благодатный дождь, — вот почему мы и явились сюда доложить тебе об этом.

Светлейший хоу, правитель области, тотчас оправил на себе одежды и отправился пешком, отказавшись от паланкина, верхового коня и пышной свиты. Он пошел прямо на базарную площадь с намерением просить о ниспослании дождя.

И вот в толпе вдруг пронеслось:

— Повелитель — светлейший хоу изволил сам пожаловать! Толпа сразу же расступилась.

Правитель области, увидев Танского монаха, не выказывая ни малейшего страха перед безобразными его учениками, тут же, на самой середине улицы, упал на колени и стал кланяться.

— Нижайше докладываю тебе, что я, Шан Гуань, в звании хоу, правитель округа Бессмертного феникса, ныне удостоился чести поклониться тебе и прошу, почтенный наставник, помолиться о дожде, дабы спасти наш народ от страданий. Уповаю на тебя, наставник, что ты проявишь великую милость и состраданье, совершишь священный подвиг! Избавь нас от беды! Избавь!

Танский монах ответил вежливым поклоном и сказал:

— Здесь не место для разговора! Лучше отправиться в какой-нибудь монастырь, там будет удобнее приступить к делу.

— Пойдем со мной в мое управление, почтенный наставник,— предложил правитель округа.— Там найдется место для твоей светлости.

И вот наставник со своими учениками, которые вели коня и несли поклажу, направился прямо в управление. Войдя внутрь, они по очереди представились правителю. Светлейший хоу распорядился немедленно подать чай и приготовить трапезу для путников. Вскоре подали еду. Чжу Ба-цзе набросился на нее с жадностью голодного тигра. Слуги, прислуживающие за столом, пришли в неопиcуемый ужас и сновали взад и вперед, как скачущие лошадки на вертушке праздничного фонаря, подливая суп и добавляя вареный рис. Так продолжалось до тех пор, пока Чжу Ба-цзе не наелся до отвала.

Когда трапеза закончилась, Танский монах поблагодарил за угощение и спросил:

— Уважаемый правитель области, светлейший господин хоу! Давно ли стоит засуха в ваших краях?

Правитель округа отвечал ему так:

Страны Небесного бамбука
Здесь преддверье.
Наш край зовут Фыньсянь¹,
А я его глава.
От страшной засухи
Страдают люди, звери.
Три года сушь и зной.
И вся земля мертва.

Невозмогу прожить
Большим и малым людям.
Рыдают жители.
Печальны стоны их.
Две трети умерло,—
О них молиться будем.
Как на ветру свеча,
Дыханье остальных.

Покорный твой слуга,
Я отдал повеленье,
Чтоб мудрецов ко мне
И магов привели.
Пришли мне доложить
Про ваше появленье.
Святые странники!
Вы вовремя пришли.
Я щедро награжу
За вашу добродетель.
Хотя б на цунь² один
Дождь вымолите нам,
И я за труд святой,—
Вот солнце мне свидетель!—
Сто слитков серебра
Не медля передам,

¹ Фыньсянь — бессмертный феникс.

² Цунь — 3,2 сантиметра.

У Сунь У-куна, внимательно слушавшего правителя округа, лицо озарилось радостной улыбкой.

— Не говори! Не говори! — перебил он правителя. — Если ты будешь сулить нам даже тысячи серебряных слитков, то не получишь ни капли дождя. А вот если поведешь речь о том, что зачтется мне как подвиг и насколько приумножится счет моим добрым деяниям, то я, старый Сунь У-кун, пошлю тебе в дар обильный благодатный дождь.

Следует заметить, что правитель округа отличался безупречной честностью и благоразумием, любил народ и очень участливо относился к нему. Поэтому он сразу же предложил Сунь У-куну занять почетное место, склонил перед ним колени, совершил поклон и заявил:

— Если ты, почтенный наставник, в самом деле не покупишь-ся проявить милосердие, то я, твой покорный слуга, не посмею больше говорить о вознаграждении...

— Не будем пока болтать зря, — вновь перебил его Сунь У-кун, — встань, пожалуйста! Прошу тебя только поухаживать за моим наставником, пока я буду занят делом!

— Брат, а как ты будешь действовать? — спросил Ша-сэн.

— Ну-ка, подойдите ко мне! — скомандовал Сунь У-кун. — Один пусть станет справа, другой — слева, будете помогать мне. Все сделаем здесь, в этом зале. Сейчас я вызову дракона и велю ему послать дождь.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн беспрекословно подчинились Сунь У-куну и приготовились выполнять его распоряжения. Все трое находились в нижней части зала. Правитель округа воскурил фимиам и стал совершать обряд поклонения духам, а Танский монах сел и принялся читать сутры.

Сунь У-кун произнес заклинание. Сразу же на востоке появилась черная туча, которая стала постепенно приближаться и опустилась над залом. То был старый царь драконов Восточного моря Ао-гуан. Выйдя из облака, Ао-гуан принял человеческий облик, подошел поближе и, низко поклонившись Сунь У-куну, спросил его:

— Для чего ты звал меня, Великий Мудрец?

— Встань! — сказал Сунь У-кун. — Прости, что заставил тебя явиться издалека по пустячному делу! Этот округ называется округом Бессмертного феникса. Вот уже несколько лет подряд здесь стоит сильная засуха. Я вызвал тебя лишь для того, чтобы спросить, почему ты не посылаешь сюда дождь?

— Да будет тебе известно, — отвечал дракон, — что я нахожусь в подчинении у Владыки неба. И без его повеления не смею появляться здесь.

— Видишь ли, в чем дело, — сказал Сунь У-кун, — проходя через эту местность, я, видя, как страдает народ от засухи, вызвал тебя для того, чтобы ты послал дождь и спас людей от бедствия. Почему ты все сваливаешь на Владыку неба?

— Да что ты? Разве осмелюсь я обвинять Владыку неба?— отвечал царь драконов.— Я не дерзнул ослушаться и прибыл по твоему зову, как только ты прочел заклинание. Но я не могу сейчас ниспослать дождя: во-первых, не имею на то повеления Владыки неба, а во-вторых, я не взял с собой духов-полководцев, которые ведают дождем. Поскольку у тебя, Великий Мудрец, возникло желание спасти здешний народ от бедствия, дозвожь мне вернуться к себе в море-океан и собрать там свое войнство, а ты тем временем слетай в небесные чертоги и попроси высочайшего указа о ниспослании дождя, да скажи еще, чтобы служители вод выпустили драконов. Вот тогда, сколько будет назначено в указе, столько я и пошлю дождя.

Сунь У-кун, выслушав дракона, решил, что он прав, и отпустил его обратно в море, а сам подбежал к Танскому монаху и передал ему все, что сказал дракон.

— В-такоем случае отправляйся и действуй, только смотри, ни с кем не затевай ссоры! — напутствовал Сунь У-куна Танский монах.

— Охраняйте наставника, — приказал Сунь У-кун Чжу Ба-цзе и Ша-сэну, — а я отправлюсь в небесные чертоги.

Едва проговорив последние слова, он тотчас же исчез из виду. Правитель округа в страхе и ужасе спросил:

— Куда же девался почтенный Сунь У-кун?

— Он сел на облако и помчался на небо, — смеясь, ответил Чжу Ба-цзе.

Проникшись чувством уважения и почтения, правитель округа немедленно оповестил о случившемся всех жителей и велел, чтобы во всем городе, на каждой улице, во всех переулках, в каждом доме, установили таблички в честь царя драконов и чтобы все жители, будь то знатные чины или простолюдины, военные или штатские, приносили бы ему жертвы, а перед воротами домов выставляли чаны с чистой водой и пучками ивовых прутьев, а также возжигали бы фимиам и воскуривали ладан. Но об этом мы рассказывать здесь не будем.

Обратимся к Сунь У-куну, который на своем волшебном облаке помчался к Западным воротам неба. Он еще издали увидел небесного князя Ху-го, который с двумя другими небесными князьями вышел ему навстречу.

— Великий Мудрец!— воскликнул он.— Выполнил ли ты свой долг и получил ли священные книги?

— Пока еще нет, но уже недалеко до завершения! — отвечал Сунь У-кун.— Мы следуем сейчас по стране Зарослей небесного бамбука и оказались в одном из окраинных округов, который называется округом Бессмертного феникса. Три года народ там страдает от засухи. Я хотел вымолить дождь и спасти людей от гибели. Но, когда вызвал к себе царя драконов, он сказал мне, что без

высочайшего повеления не осмелится послать дождь, вот я и явился сюда, чтобы повидаться с Нефритовым императором и попросить его высочайшего повеления.

— Очевидно, тому округу дождь не полагается,—сказал небесный князь,— я однажды слышал разговор о том, что правитель округа в звании хоу посмел нарушить законы Неба и Земли и за это наш верховный Владыка наказал его: он велел не посылать дождя в этот округ до тех пор, пока не исчезнут груды зерна и муки и не разомкнется золотой замок.

Сунь У-кун не понял, что это значит, и потребовал пропустить его к Нефритовому императору. Небесный князь не осмелился преграждать дорогу Сунь У-куну и пропустил его в небесные чертоги. Сунь У-кун прошел прямо к залу Прозрения, где у входа увидел четырех небесных полководцев.

— Зачем изволил пожаловать, Великий Мудрец? — спросили они, встретив его поклонами.

— Я охраняю Танского монаха в его пути на Запад,— стал объяснять Сунь У-кун. — И вот сейчас мы пришли в страну Зарослей небесного бамбука, в округ Бессмертного феникса, который постигла засуха. Правитель округа обратился к магам, чтобы они вымолили дождь. Но это не помогло. Тогда я вызвал царя драконов, но он сказал, что не осмеливается без повеления Нефритового императора послать дождь, поэтому я и явился сюда.

— В том округе не полагается быть дождю,— в один голос заявили все четыре небесных полководца.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Полагается или не полагается — это неважно, а вы все-таки проводите меня к Нефритовому императору,— твердо заявил он и тут же добавил: — Посмотрим, как он ко мне отнесется.

Один из небесных полководцев, бессмертный старец Гэ Сянь-вэнь*, презрительно произнес:

— Есть поговорка: «Муха хвалилась паутину порвать, ну и нахалка!»

— Не стоит с ним связываться,— посоветовал другой небесный полководец, Сюй Цзин-ян*,— лучше проведем его во дворец!

Все четверо небесных наставников — Цю Гун-цзи, Чжан Дао-мин, Гэ Сянь-вэнь и Сюй Цзин-ян — ввели Сунь У-куна в зал Чудотворного неба, а сами отправились с докладом к Нефритовому императору.

— Десять тысяч лет тебе царствовать, Владыка наш! — молвили они. — Сунь У-кун, следуя на Запад, достиг округа Бессмертного феникса в стране Зарослей небесного бамбука. Ему вздумалось вымолить дождь для этого округа, за этим он и явился сюда, чтобы просить твоего повеления.

— Да ведь три года назад, в двадцать пятый день двенадцатой луны, когда я лично отправился проверять всю вселенную, объездил все три сферы и побывал в округе, в котором правит негодяй — правитель Шан Гуань, я собственными глазами видел,

как он, забыв о добродетели, скармливал псам подношения, приготовленные для жертв Небу и при этом сквернословил и кощунствовал. Я тогда же в наказание дал ему три знамения, они находятся в зале Распространения ароматов. Сведите туда Сунь У-куна, — пускай сам посмотрит, что это за знамения. Если знамения закончились, я немедленно передам ему повеление о ниспослании дождя. Если же не закончились, то пусть больше не суется не в свое дело.

Четверо небесных полководцев тотчас же провели Сунь У-куна в зал Распространения ароматов, где он увидел груды зерна вышиной примерно в десять чжанов¹, и еще груды муки окло двадцати чжанов. Крохотный цыпленок, величиной с кулак, клевал зернышки по одному: клюнет и проглотит, снова клюнет, снова проглотит; у кучи муки оказалась маленькая собачонка золотисто-рыжей масти из породы болонок. Она то и дело высывала язык, подлизывая муку. Слева стояла железная перекладина, на которой висел золотой замок величиной в один чи² и несколько цуней³. Дуга у замка была толщиной с палец. Под замком внизу теплилась лампада, и пламя ее непрерывно лизало дугу замка. Ничего не понимая, Сунь У-кун обернулся к небесным полководцам и спросил:

— Что все это значит?

— Негодяй — правитель округа Бессмертного феникса оскорбил нашего Владыку, Нефритового императора, и он установил эти три знамения, чтобы наказать его. Пока цыпленок не склюет все зерно, собака не вылизет всю муку, а огонь не расплавит дугу замка — до тех пор ни одна капля дождя не упадет на землю этого округа.

От этих слов Сунь У-кун до того перепугался, что даже в лице изменился и больше не настаивал на том, чтобы его принял император. Скопфуженный, он вышел из зала, а небесные полководцы стали посмеиваться над ним.

— Великий Мудрец! Не огорчайся и не сердись, — сказал один из них, — с этими знамениями очень легко справиться. Надо только сотворить добрые дела. Если удастся тронуть сердце нашего владыки, то кучи зерна и муки сами распадутся, а дуга у замка расплавится. Уговори правителя округа заняться добрыми делами, и счастье само явится к нему.

Сунь У-кун послушал их совета и отправился назад, на грешную землю, даже не заходя в зал Чудотворного неба, чтобы проститься с Нефритовым императором. В мгновение ока он оказался у Западных небесных ворот, где опять встретился с небесным князем.

— Ну как? — спросил тот. — Удалось тебе выпросить повеление?

¹ Ч ж а н — мера длины около 3,2 метра.

² Ч и — мера длины около 32 сантиметра.

³ Ц у н ь — мера длины около 3,2 сантиметра.

Сунь У-кун все подробно рассказал ему о трех знамениях и закончил свой рассказ словами:

— Все получилось так, как ты сказал: Владыка не согласился дать повеления. А небесные полководцы, которые только что провозжали меня, научили, как поступить: надо уговорить правителя округа обратиться к добру, ибо только в этом он и обретет источник своего счастья.

Сунь У-кун тут же простился с небесным князем и спустился на облаке прямо на землю.

Там его встретили сам светлейший хоу — правитель округа, вместе с Танским монахом, Чжу Ба-цзе и Ша-сэном, а также множество разных крупных и мелких чиновников. Все обступили его толпой и приготовились расспрашивать. Но Сунь У-кун повернулся к правителю округа и грозно крикнул:

— Это из-за тебя, негодяй этакий, народ невинно страдает! Три года тому назад, двадцать пятого дня двенадцатой луны, ты осмелился нарушить законы Неба и Земли...

Правитель округа при этих словах пришел в ужасное смятение, пал ниц и, ползая на коленях, стал спрашивать:

— Почтенный наставник! Скажи мне, откуда ты узнал, что произошло три года назад?

— Как это ты дерзнул скормить псам приношения, предназначенные в жертву самому Небу? — продолжал Сунь У-кун, не слушая правителя. — Говори по правде, как было дело!

Правитель округа, светлейший хоу, не посмел ничего скрыть.

— Три года назад, — начал он, — в двадцать пятый день двенадцатой луны, когда надлежало совершить жертвоприношения Небу, я здесь, у себя в приемной, поссорился со своей женой, неразумной женщиной. Меня охватил такой гнев, что, не помня себя, я опрокинул жертвенник, и все приношения упали на землю. Я действительно подозвал собак, чтобы они съели все яства, лежавшие на земле. Я помню об этом уже два года и никак не могу обрести душевного покоя. Не знал я, что этим прогневаю Владыку неба и причину вред своему народу. Ныне я встретился с тобой, почтенный наставник, и молю тебя указать мне истинный путь. Скажи, как решили поступить со мной там, в высших небесных сферах?

— В тот день верховный Владыка, Нефритовый император, спустился на землю и сам видел, как ты скормил псам жертвенные приношения, да еще при этом сквернословил. Вот он и установил для тебя три знамения.

Чжу Ба-цзе не утерпел.

— Какие три знамения? — перебил он Сунь У-куна.

— А вот слушай! В зале Распространения ароматов насыпана огромная куча зерна, примерно в десять чжанов вышиной, и еще одна куча, до двадцати чжанов вышиной, из муки. Зерно клюет крохотный цыпленок, величиной с кулак: клюнет зернышко — проглотит, еще клюнет — еще проглотит, и так все время. А возле

кучи муки вертится маленькая собачонка золотисто-рыжей масти, из породы болонок. Высунет язык—лизнет муку, снова высунет — снова лизнет, и так все время. Кроме того, там стоит железная перекладина, на которой висит большой золотой замок. Дуга у замка толщиной с палец, под замком теплится неугасимая лампада, пламя которой лижет дугу замка. Вот, когда цыпленок склюет всю крупу, собачонка вылижет всю муку, а огонь расплавит дугу у замка, тогда только здесь пойдет дождь!

— Брат! Для меня это пустяки! Сущие пустяки! — засмеялся Чжу Ба-цзе. — Ты только возьми меня с собой, я преобразусь и в один присест съем все зерно и муку, а дугу у замка разломаю,— вот и все, ручаюсь, что после этого пойдет дождь!

— Перестань болтать глупости!—остановил его Сунь У-кун.— Ведь это же знамение, придуманное самим верховным Владыкой! Как же ты смеешь даже взглянуть на него?

— В таком случае,— вмешался Танский монах,— что нам делать?

— Помочь делу не трудно! Совсем не трудно! — воскликнул Сунь У-кун.— Перед тем, как я покинул небесные чертоги, небесные полководцы научили меня, как поступить: надо только сотворить добрые дела, и все разрешится.

Правитель округа, светлейший хоу, при этих словах опять стал ползать на коленях и отбивать земные поклоны.

— Прошу тебя, почтенный наставник, научи меня, как поступить! — молил он.— Я во всем буду слушаться тебя.

— Если ты готов совершать добрые дела, то скорей молись Будде и читай священные книги,— посоветовал Сунь У-кун,— тогда я смогу помочь тебе; но, если ты не справишься, я ничего не смогу сделать для тебя, и Небо в скором времени так покарает тебя, что неизвестно, останешься ли ты в живых!

Правитель округа, светлейший хоу, продолжал отбивать земные поклоны и клялся уверовать в учение Будды.

Тотчас же были приглашены местные буддийские и даосские монахи, которые устроили площадки для священнослужения, а проповедники написали проповеди и в течение трех дней читали их. Правитель округа со всеми сановниками не выпускал из рук священных свечей и с упованием в глазах отбивал земные поклоны, обещая повиноваться Небу и служить Земле, каялся в своих грехах.

Танский монах тоже читал сутры.

И снова было дано повеление по всему округу, чтобы во всех домах и семьях, как больших, так и малых, все мужчины и женщины без исключения возжигали фимиам и прославляли Будду. С этого времени только и слышались призывы к добру.

Сунь У-кун был в полном восторге.

— Вы как можно лучше ухаживайте за нашим наставником и берегите его,— сказал он, обратившись к Чжу Ба-цзе и Ша-сэну,— а я еще раз летаю на небо и скоро вернусь.

— Брат! Куда же ты опять собрался? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Ты же видишь, правитель этого округа, светлейший хоу, послушал меня, старого Сунь У-куна, и действительно принял наше учение, стал почтительным и милосердным и от всего сердца искренне молится Будде. Я хочу еще раз доложить о нем Нефритовому императору и выпросить у него хоть сколько-нибудь дождя!

Тут Ша-сэн стал поторапливать Сунь У-куна.

— Брат! Не мешкай! — сказал он. — Раз надумал, так отправляйся скорей и не задерживай нас в нашем странствовании. Постарайся вымолить дождь, авось это зачтется нам при последующем перерождении.

Великий Мудрец Сунь У-кун вскочил на облако и направился прямо к небесным воротам. Там он снова встретил небесного князя Ху-го.

— Ты зачем опять пожаловал сюда? — удивился небесный князь.

— Хочу доложить, что светлейший хоу, правитель округа, уже обратился к добру!

Небесный князь обрадовался, услышав эту весть.

Пока они беседовали у небесных ворот, к ним подошел небесный гонец, держа в руках даосскую и буддийскую грамоту для передачи Владыке неба. Увидев Сунь У-куна, гонец поклонился ему по всем правилам вежливости и сказал:

— Великий Мудрец! Я прибыл для того, чтобы засвидетельствовать твой подвиг: ты склонил к добру всю округу!

— Кому предназначены эти грамоты? — спросил Сунь У-кун.

— Их следует доставить прямо в зал Прозрения и отдать небесным наставникам для передачи досточтимому верховному Владыке неба — самому Нефритовому императору, — отвечал гонец.

— В таком случае отправляйся первым, — велел Сунь У-кун, — а я явлюсь после, вслед за тобой.

Гонец прошел через небесные ворота, а небесный князь Ху-го обратился к Сунь У-куну с такими словами:

— Великий Мудрец! Не следует тебе являться к Нефритовому императору. Ступай лучше прямо в палату девятого неба прощения грехов и освобождения от бедствий, попроси, чтобы с тобой отпустили на время духов грома, и отправляйся вместе с ними: пусть пошлют гром и молнию. А как только ты отпустишь их обратно, так сразу же польет дождь!

Сунь У-кун послушался его и вошел в небесные ворота. Однако он направился не в зал Чудотворного неба, чтобы просить поведение о дожде, а пошел прямо в палату девятого неба, где его встретили трое служителей: один от бога Грома, другой от хранителя записей великих деяний и третий от небесного судьи. Совершив положенные поклоны и приветствия, они спросили:

— Великий Мудрец! Зачем изволил пожаловать?

— Есть дело, с которым я должен обратиться к досточтимому Владыке неба,— отвечал Сунь У-кун.

Трое служителей тотчас же отправились доложить о Сунь У-куне своему повелителю.

Небесный судья сразу же сошел со своего трона Девяти фениксов и румяной зари, оправил одежды и вышел навстречу. Когда церемония приветствий была закончена, Сунь У-кун сказал

— У меня есть одно только дело, с которым я и пришел к тебе, и прошу о помощи.

— Какое дело? — спросил небесный судья.

— Я охраняю Танского монаха в его путешествии на Запад, и вот сейчас мы прибыли в округ Бессмертного феникса, который постигло страшное бедствие — сильная засуха. Мы обещали правителю округа вызвать дождь. Вот я и явился сюда, чтобы попросить тебя отпустить на время твоих начальников-полководцев. Пусть они пошлют туда гром.

— Мне известно, что правитель того округа, в звании хоу, нанес оскорбление всевышнему Небу,—сказал судья.—В наказание Владыка неба лишил тот округ дождя и установил три знамения. Поэтому я не знаю, следует ли ниспослать туда дождь!

— Вчера я был на приеме у Нефритового императора, видел его и просил высочайшего повеления,— улыбаясь, сказал Сунь У-кун.— Он велел небесным полководцам провести меня в зал Распространения ароматов и показать эти три знамения: оказалось, что там насыпана куча зерна и куча муки и висит золотой замок. Стоит только рассыпать кучи и разбить замок, как пойдет дождь. Я опечалился, что слишком долго ждать конца этого знамения, тогда небесные полководцы научили меня, как поступить: они посоветовали склонить светлейшего хоу, правителя округа, и всех его приближенных к свершению добрых дел. Ведь недаром говорится в пословице: «Если у человека добрые намерения, то Небо поможет осуществить их». Авось сердце Нефритового императора смягчится и он избавит народ от бедствий и страданий. Сейчас все жители стремятся к добру. Только что оттуда явился небесный гонец, который направился к Нефритовому императору с грамотами, чтобы доложить о происшедших переменах во всем округе и о свершении добрых дел. Вот я и поспешил сюда, в твой дворец. Отпусти со мною повелителей Грома, пусть помогут мне.

— Раз такое дело,—сказал небесный судья,— пусть Дэн, Синь, Чжан и Тао * вместе с богиней Молнии немедленно отправятся с тобой вниз на землю и пошлют гром и молнию в округ Бессмертного феникса.

Вскоре четыре небесных полководца с богиней Молнии и Великим Мудрецом Сунь У-куном прибыли к границам округа и тотчас приступили к делу. Загрохотал гром, заблестали молнии. Вот послушайте, как это было на самом деле:

Мгновенная молния
Желто-лиловым огнем,
Как ярый дракон,
Засверкала с неслыханной силой,
И громом ударив,
Как огненным кистенем,
Зверей по берлогам
От спячки она пробудила.

По небу порхает огонь,
И проворен и жгуч.
И грома удары
В горах разрушают пещеры.
И молнии наискось режут
Расселины туч,
И даль озаряют,
И веют удушливой серой.

Как только ударит, ярься,
Оглушительный гром,—
И лес, и гора, и река —
Все кругом содрогнется.
Сверкнет ли небесный огонь,
Озаряя кругом,
Как заревом, даль,
И в ответ вся земля всколыхнется!

В течение целых трех лет во всем округе Бессмертного феникса, а также за его пределами, ни сановники старших и младших рангов, ни военные, ни простолюдины не слышали грома и не видели молний. И вот теперь, при первых же раскатах грома и вспышках молнии, они разом опустились на колени, поставили на головы курильницы с фимиамом, многие держали в руках ивовые ветви и, восхваляя Будду, громко восклицали: «Амитофо! Амитофо!»

Эти благочестивые возгласы действительно тронули сердце Владыки неба. Об этом даже рассказывают древние стихи:

Лишь только мысль
В сердцах людей родится,
Как на земле
И в небе отразится!

Зла иль добра полна,—
Но будет ей ответ.
А если нет его,—
И в небе правды нет!

Не будем пока рассказывать о том, как Великий Мудрец Сун У-кун приказал повелителям Грома и богине Молнии послать грозу на округ Бессмертного феникса и как все жители этого округа обратились к добру, а вернемся к небесному гонцу, который доставил в зал Прозрения даосские и буддийские грамоты. Четверо небесных полководцев передали их в зал Чудотворного неба. Нефритовый император прочел грамоты.

— Ну-ка, посмотрите, как обстоит дело с тремя моими знаменьями, поскольку у этого негодяя и его приближенных пробудилось стремление к добру!— сказал он, обращаясь к своим слугам.

Пока он отдавал это распоряжение, из зала Распространения ароматов вбежали взволнованные служители и доложили:

— Кучи зерна и муки, сложенные в зале, рассыпались сами собою и мгновенно исчезли, а дуга у замка сломалась пополам!

Не успели они закончить свой доклад, как небесные служители ввели в зал духов земли, хранителей храмов и местных духов из округа Бессмертного феникса, которые стали докладывать.

— В нашем округе,— сказали они,— начиная с самого правителя и кончая простыми людьми во всех городах и селениях, нет ни одного, кто бы ни обратился к истинному учению Будды и ни помышлял бы о совершении добра; все исполняют обряд поклонения и выражают благоговение перед Небом. Просим тебя, Владыка наш, проявить свое милосердие и дать повеление о ниспослании благодатного дождя на весь округ, дабы спасти народ от бедствия.

От этой вести Нефритовый император даже просиял и с великой радостью передал следующую указ:

«Приказываем повелителю Ветра, Облаков и Дождя принять к неукоснительному исполнению указ, по которому им надлежит в сей день и в сей час опуститься к земле над округом Бессмертного феникса, послать туда гром, расстелиться тучами и ниспослать дождь на три чи и еще сорок две капли».

Четверо небесных полководцев тотчас по получении этого приказа передали его повелителям Грома и богине Молнии, и те в тот же момент спустились в низшие сферы и явили свое могущество, действуя разом и в полном согласии.

Сунь У-кун с четырьмя полководцами—Дэном, Синем, Чжаном и Тао, а также с богиней Молнии как раз в это время находился в воздухе. В этот момент прибыли остальные духи, о которых мы только что говорили, и все они соединились вместе. Тем временем подул ветер, набежали тучи, и на иссохшую землю хлынул дождь.

Вот послушайте, что рассказывают об этом стихи:

Густые облака,
Даль омрачив, нависли.
Громовых колесниц
Раздался тяжкий гул.
Сверкнули молнии,
Как огненные мысли.
И покрывала туч
Свирепый вихрь рванул.

И грохст и огонь,
Как в день великой битвы,

И ливень бешеный
На землю рухнул вниз.
Так от одной святой
И благостной молитвы
Измученных людей
Все чаянья сбылись.

О мудрый Сунь У-кун!
Твой прославляют разум
И хвалят все тебя!
На много тысяч ли
Ты благодатный дождь послал!
Как будто разом
Небесные моря
На землю потекли!

Вся степь полна ручьев,
И дождевые тучи
Заволокли лазурь.
Бушует и ревет
Вода, спадая с крыш.
Кружится вихрь могучий.
И Будде молится
В своих домах народ.

Вдоль улиц, площадей
Несутся вод потоки.
Волна из русла рек
Уходит на поля.
Все мелкие ручьи —
Бурливы и глубоки.
Посевы политы.
Напоена земля.

Луга опять цветут.
Зазеленели рощи.
Пшеница, конопля
Стоят во всей красе,
Стручки полны бобов.
Овес налился тощий.
А сочным овощам
Как рады будут все!

Обрадован купец:
Пришла пора торговли.
Крестьянин ладит плуг
И точит серп кривой.
Амбары, житницы
Опять до самой кровли
Завалены зерном
И сочною травой.

Отныне легкий дождь
И солнце чередою
Сменяться будут здесь.—
Груды венчает пир,
Обильны русла рек
Прозрачною водою.
Нет бурь,
Волненья нет в морях,
И в мире — мир!

За день дождя выпало действительно на три чи и еще сорок две капли, после чего все духи стали собираться в обратный путь. Но Великий Мудрец Сунь У-кун зычным голосом крикнул им:

— Уважаемые духи четырех небесных канцелярий! Задержитесь еще немного и побудьте пока на облаках! Я сейчас спущусь и скажу правителю округа, светлейшему хоу, и всем его приближенным, чтобы они поблагодарили вас за ваши труды. А вы тем временем разверзнете облака и покажетесь им в своем настоящем виде — пусть все эти смертные собственными глазами увидят вас, тогда вера их укрепитя и они будут чтить вас.

Духи послушались и остались на своих местах в воздухе.

Сунь У-кун спустился вниз и направился прямо во дворец правителя округа. Еще издали он увидел Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, которые вышли ему навстречу. Правитель округа был так счастлив, что на каждом шагу отвешивал благодарственные поклоны.

— Ты погоди меня благодарить, — сказал ему Сунь У-кун, — я задержал здесь всех духов четырех небесных канцелярий. Созови как можно больше людей, только поживее, и вместе с ними воздай духам благодарность и попроси их впредь являться сюда и посылать дожди!

Правитель округа тут же разослал срочных гонцов созвать народ для воздаяния всеобщей благодарности. Все собрались, держа в руках благовонные свечи, и устремили свои взоры к небу. И вдруг небо в одном месте просветлело, словно тучи разверзлись, и показались небесные духи в своем настоящем виде. То были духи — начальники четырех отделов: Дождя, Грома, Облаков и Ветра.

Послушайте, как они выглядели:

Царь драконов мглу раздвинул,
Показал свой лик могучий.
Появился полководец
Оглушительных громов.
Рядом с ними — отрок юный,
Туч погонщик показался,
А внизу начальник Ветра
Встал, встревожен и суров.

Зелен лик царя драконов,
И усов густые нити
Влажным серебром блистают —
Нет подобного ему!
Полководец Грома страшен.
Нос крючком, на клюв похожий.
Он пророчества вещает,
Недоступные уму!

Юный отрок, Туч погонщик,
Лик его — из белой яшмы,
Он из моря тьмы сверкая,
В золотой короне всплыл,—

Кто же с ним в красе поспорит?
Над землей начальник Ветра
Наклонился, брови поднял,
Дунул, очи округлил!

Людам все открылись духи,
В синеве небес явились
В благолепии священном,
В украшениях золотых.
И тогда народ Фынсьяня,
Их увидев, в них поверил,—
Ладан воскурив, отрекся
От своих грехов былых.

Созерцая в синем небе
Лик всевышних полководцев,
Все, склоняясь, обещали
Верить в Будду до конца.
Люди к правде устремились,
От былых грехов омылись,
И, надменные, смирились
Просветленные сердца.

Некоторое время духи неподвижно находились в небе, принимая знаки почитания и благоговения множества людей. Затем Сунь У-кун вновь поднялся ввысь на облаке, вежливо поклонился духам и сказал:

— Благодарю вас за ваши труды! Теперь вы можете возвращаться к себе, а я, старый Сунь У-кун, велю всему народу этого округа постоянно чтить вас и делать вам подношения. Прошу вас всех, уважаемые духи,— добавил он,— впредь не забывайте посылать по одному ветру через каждые пять дней и по одному хорошему дождю через каждые десять дней, чтобы помочь народу скорей изжить последствия засухи!

Духи дали обещание, повернули обратно, и на этом мы с ними распрощаемся.

Тем временем Великий Мудрец Сунь У-кун опустил на своем облаке и сказал Танскому монаху:

— Ну вот! Дело сделано, народ успокоился, и мы можем собираться в путь!

Правитель округа, светлейший хоу, услышав, что сказал Сунь У-кун, принялся кланяться и умолять.

— Почтенный отец Сунь У-кун,— говорил он,— что ты! Помилуй! Ты совершил благодеяние, которому нет меры и предела! Я уже велел устроить для тебя и твоих спутников маленькое угощение, дабы хоть в ничтожной степени отблагодарить за твою щедрую милость. Я откуплю участок полевой земли у землевладельцев, построю в честь тебя монастырь и молельню, велю высечь на каменной табличке имя твоё и буду приносить жертвы во все четыре смены года. Но твоё благодеяние столь огромно, что, если даже высечь памятную запись о нём на моих живых костях

и на моем сердце, все равно не отплатить мне даже за одну десятитысячную долю его. Как же ты можешь уйти от нас?!

— Ты прав, уважаемый благодетель, — сказал Танский монах, — но мы ведь монахи-паломники, направляющиеся на Запад к Будде, а потому не смеем долго задерживаться. Вовсяком случае через день-другой обязательно должны отправиться в путь.

Но разве мог согласиться правитель округа, светлейший хоу, отпустить своих гостей! Он в ту же ночь разослал людей за винами и яствами и приказал приступить к постройке монастыря и молельни.

На следующий день был устроен роскошный пир. Танского монаха пригласили занять самое почетное место. Рядом с ним усадили Великого Мудреца Сунь У-куна вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. Сам правитель округа, светлейший хоу, со своими чинами всех рангов и слугами, подносил монахам чарки с вином и блюда с яствами. Нежная музыка услаждала их слух. Пир продолжался целый день и прошел очень весело и радостно. Об этом даже сложены стихи:

Пересохшие пашни,
Сухие, пустые поля
Напитались дождем благодатным,
Насытились влагой.
Вновь наполнились реки,
Опять обновилась земля.
Все монахам «спасибо» твердят
За великое благо.

Всюду нивы шумят,
И лазурь в дождевых облаках.
Оживились дороги,
Купцы повели караваны.
О Мудрец Сунь У-кун,
Побывавший опять в небесах,
Прославляет и запад тебя
И восточные страны!

Три знаменья даны,
Три задачи навек решены.
Все сердца и все мысли
Учением Будды объята.
Пусть дожди омывают
Долины счастливой страны,
Как при Яо и Шуне!
Пусть жители будут богаты!

Пир продолжались изо дня в день. Благодарностям и приношениям не было конца, и наши путники задержались почти на полмесяца, пока не была закончена постройка монастыря и молельни. И вот однажды правитель округа, светлейший хоу, предложил нашим четверым монахам пойти осмотреть новый монастырь.

Танский монах изумился при виде его.

— Какое величественное и красивое сооружение! — восторгался он. — Как это удалось столь быстро построить такой монастырь?

— Я целыми днями и ночами торопил рабочих, и они работали не покладая рук, чтобы скорей закончить! — объяснил правитель округа. — Прошу вас, посмотрите, все ли сделано как следует!

— Вот что, поистине ты мудрый и талантливый правитель! — смеясь от удовольствия, сказал Сунь У-кун.

Все сразу же приступили к тщательному осмотру.

Величественные залы и храмы монастыря, огромные ворота с красивыми украшениями — все это поразило монахов, и они то и дело громко выражали свое восхищение. Сунь У-кун попросил наставника придумать название для нового монастыря.

— Пусть он называется Монастырь в честь благодатного дождя, — произнес Танский монах.

— Прекрасное название! Чудесное! — одобрил правитель округа.

По этому случаю он велел тотчас же пригласить всех священнослужителей и монахов и служить молебен с возжиганием фимиама.

По левую сторону от главного храма возвышались четыре молельни в честь Танского монаха и его спутников, где ежегодно должны были четыре раза служить молебен и приносить жертвы. Кроме того, было решено соорудить храмы в честь духа Грома и духа Дракона, дабы отблагодарить за их благодеяние.

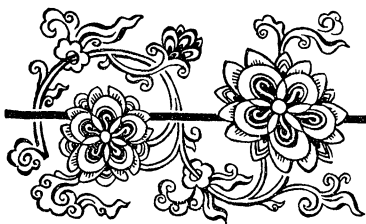
После осмотра нового монастыря Танский монах велел отправляться в дальнейший путь.

Все жители округа, понимая, что удерживать своих благодетелей больше нельзя, вышли провожать их, неся всевозможные дары, но монахи отказались принять их. Тогда правитель округа, все его приближенные и слуги призвали музыкантов и собрали большую процессию с хоругвями и флагами, которая провожала монахов целых тридцать ли. Люди никак не могли проститься с путниками, утирали слезы и, не отрываясь, смотрели им вслед, не смея возвращаться до тех пор, пока монахи не скрылись из виду.

Вот уж право:

В честь паломников-монахов
Монастырь воздвигнут новый.
Сколько там дворов, и храмов,
И величественных зал!
Сунь У-кун, Мудрец могучий,
В небеса опять вознесся. —
Возвратясь, всему народу
Милосердье оказал.

Из последующих глав вы узнаете, когда же, наконец, наши путники предстали перед Буддой Татагатой.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ,

в которой повествуется о том, как праведные монахи в княжестве Яшмовых цветов устроили волшебное представление, а также о том, как Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн обрели учеников

И вот Танский монах, радостный и довольный, распрощался с именитым правителем области и, сидя на коне, обратился к Сунь У-куну с такими словами:

— Просвещенный ученик мой! На этот раз ты совершил дело куда более важное, чем в царстве Нищенствующих монахов, где спас детей от гибели.

— В том царстве было спасено всего-навсего тысяча сто одиннадцать детей,— вмещался Ша-сэн,— а здесь после благодатного дождя, напитавшего почву, тысячи и десятки тысяч людей заживут в достатке! Я сам, в душе, не могу нахвалиться силой волшебства, проникающего до небес, которым владеет мой старший брат в монашестве, а также его милосердием и благодеянием, распространяющимися на всю землю!

Чжу Ба-цзе при этих словах рассмеялся.

— У нашего старшего брата есть и милосердие и доброта,— проговорил он,— но беда в том, что все это лишь показное: так, он вроде и совершает добрые, справедливые дела, а в душе таит зло. Стоит ему только побывать где либо со мною, старым Чжу, он так и норовит погубить меня.

— Когда это я норовил погубить тебя? — спросил Сунь У-кун.

— Хватит, хватит,— зло перебил его Чжу Ба-цзе,— ты всегда только и думаешь о том, чтобы меня связали да подвесили, зажарили или сварили! Вот и теперь, совершил в округе Бес-смертного феникса великую милость, облагодетельствовал миллионы людей, казалось бы, можно хоть с полгодика пожить на месте, поводить меня на пиршества, чтобы я мог поесть власть

и досыта, так нет же, торопит да торопит: «Скорей в путь-дорогу!»

Танский монах, прислушавшись к словам Чжу Ба-цзе, прикрикнул на него.

— Ишь ты, какой обжора ненасытный, Дурень! Живей шагай и не смей пререкаться!

Чжу Ба-цзе не стал больше возражать, потер морду обеими руками, поправил на плечах коромысло с поклажей и, усмехнувшись, поспешил за наставником и учениками на большую дорогу.

Время летело быстро, словно челнок в ткацком станке, и снова наступила поздняя осень. Только и видно было, как

На полях исчезают извилины луж,
И вершины хребта оголились,
И багряные листья, слетая с ветвей,
Как бесчисленный рой, закружились.
Вянет сад, наступает пора хризантем,
Стынет небо громадою синей,
С каждым разом становятся ночи длинней,
По утрам появляется иней.
Каждой ночью сияние яркой луны
Полосой проникает сквозь окна,
И под вечер все чаще над кровлями дым
Синеватые стелет волокна.
Зеркалами озера повсюду блестят,
В них студены льются потоки,
Запах яблоков белых наполнил сады,
Стали красными стебли осоки.
Мандарины на ветках еще зелены,
Но зато все желтей апельсины.
Блекнет ивовый лист, колосятся хлеба.
И косяк пролетает гусиный.
У пустынных селений, в цветах тростника
Отдыхает гусиная стая.
Перед сельской харчевнею куры кричат,
То горох, то бобы собирая¹.

Долго шли наши четверо путников, и вот опять увидели неясные очертания городских стен. Подняв плеть, Танский монах протянул ее и указал вдаль:

— Сунь У-кун! Погляди! Опять перед нами какой-то город. Не знаю только, что это за место.

— Ни ты, ни я никогда там не были, откуда же нам знать? — ответил Сунь У-кун. — Вот когда приблизимся к нему, спросим у людей.

Не успел он проговорить эти слова, как вдруг из чащи деревьев вышел какой-то старец с бамбуковым посохом в руке, одетый в легкие одежды, в плетеных туфлях из пальмового лыка, перепоясанный тонким пояском. Увидев его, Танский монах так перепугался, что чуть не слетел с коня, однако выступил вперед

---

¹ С главы 88 и дальше стихи в обработке С. Северцева.

и произнес приветствие, положенное при встрече. Опершись на посох, старец ответил вежливым поклоном и спросил:

— Откуда ты, почтеннейший?

Танский монах сложил руки ладонями вместе и смиренно ответил:

— Я — бедный монах из восточных земель Танского государства, послан в храм Раскатов грома поклониться Будде и попросить у него священные книги. Ныне мы добрались до ваших благодатных мест и издали увидели очертания городских стен. Но мы не знаем, что это за город, а потому я и обращаюсь к тебе, благодетель наш, с одной только просьбой — рассказать нам о нем.

Старец выслушал просьбу Танского монаха и ответил так:

— Досточтимый праведный наставник! Эта местность является одним из небольших владений, принадлежащих стране Небесных зарослей бамбука, и носит название Яшмовые цветы. Владелец города приходится сродни государю — императору страны Небесных зарослей бамбука, и ему пожалован титул князя Яшмовых цветов. Этот князь очень мудр, с особым почтением относится к монахам-проповедникам, любит простой народ. Я уверен, что если ты, почтенный наставник, повидеешься с ним, то он с большим уважением отнесется к тебе.

Танский монах поблагодарил старца, а тот удалился в чащу леса и скрылся из виду. Тогда только наставник повернулся к своим ученикам и передал им все, что сказал старец. Те очень обрадовались и собрались было помочь наставнику влезть на коня, но он остановил их.

— Путь до города не очень далек, — сказал он, — и я не хочу ехать верхом.

Все четвером отправились пешком, дошли до улицы на краю города и стали внимательно глядеть по сторонам. Почти все жители занимались торговлей; город был густо населен, и торговля шла бойко. По внешнему виду и по оживлению, которое царило на улицах, город этот очень напоминал город Серединого цветущего государства. Танский монах стал наказывать своим ученикам:

— Братья мои, будьте почтительны и вежливы. Не вздумайте допускать каких-нибудь вольностей.

Чжу Ба-цзе, вняв совету наставника, опустил голову, Шасэн прикрыл лицо, один только Сунь У-кун шел как ни в чем не бывало, поддерживая учителя. Люди с любопытством глазели на пришельцев, то и дело слышались изумленные возгласы:

— Нам приходилось видеть добродетельных монахов, укротителей драконов и тигров, но монаха, который водил бы за собой ручную свинью и обезьяну, мы еще ни разу не встречали.

Чжу Ба-цзе не сдержался, обтер рыло и рывкнул:

— А приходилось ли вам когда-нибудь видеть монаха, укротившего царя всех свиней?

Своим видом он до того напугал зевак, что все они повалились на землю и стали в ужасе расползаться в разные стороны. Сунь У-кун рассмеялся.

— Дурень!— крикнул он.— Скорей прячь свое рыло, хватит тебе дурачиться. Да смотри, будь осторожен, сейчас пойдем через мост!

Чжу Ба-цзе тоже рассмеялся и опустил голову.

Путники прошли через висячий мост, вошли в городские ворота и очутились на широкой улице с питейными и увеселительными заведениями, где царило большое оживление. Поистине этот город вполне мог состязаться со священной столицей великой Танской империи. Свидетельством тому могут послушать стихи:

Прекрасный город над рекой
Стеною прочной обнесен.
Встав на побережьи крутом,
О край горы оперся он.
К широким пристаням спеша,
Плывут по озеру суда,
Не счесть товаров дорогих,
Что каждый день везут сюда.
А вдоль базарных площадей
Шумят торговые ряды,
Харчевни, лавки и лотки
Полны товаров и еды.
Несметная толпа людей
Глядит с балконов и террас.
Прекрасен город! Счастлив тот,
Кто повидал его хоть раз.
Напоминает он красой
Столицу танскую — Чанъань:
В нем так же звонко петухи
Встречают утреннюю рань,
Разносчики на всех углах
Задорно на заре кричат,
И так же громко у ворот
Сторожевые псы рычат.

Радуюсь в душе, Танский монах думал про себя: «Видимо, никто из людей, рассказывавших о западных странах, не бывал здесь. С первого взгляда здесь кажется все, как у нас. Однако если внимательней присмотреться, то жизнь здесь была совсем не такой, как в великой Танской империи! Видимо, не зря говорят, что есть рай земной!»

Дань¹ риса здесь продавали за четыре цяня², а конопляное масло — по восемь ли³ один цзинь. Танский монах окончательно уверился в том, что место это на самом деле является страной изобилия.

---

¹ Дань — мера веса около 60 килограммов.

² Цянь — название мелкой монеты, примерно то же, что грош.

³ Ли — название разменной монеты — чох.

Долго шли наши путники и, наконец, приблизились ко дворцу, в котором жил князь — правитель Яшмовых цветов. По обеим сторонам дворцовых ворот были расположены казенные здания: управление наместника, судебная палата, придворная кухмистерская и подворье для приезжающих гостей.

— Братья,— молвил Танский монах,— вот и управление. Обождите меня здесь. Я зайду предьявлю проходное свидетельство здешнему правителю для проверки, и отправимся дальше.

— А мы что? Так и будем стоять перед воротами?— спросил Чжу Ба-цзе.

— Ты разве не видишь, что над теми воротами красуется вывеска «Подворье для приезжающих»,— ответил Танский монах.— Идите, посидите там, узнайте есть ли сено и фураж, купите немного да покормите коня. А я повидаюсь со здешним князем, и если он предложит угощение, то приду за вами, чтобы вместе покушать.

— Наставник! Иди спокойно по своим делам,— вмешался Сунь У-кун,— я сам обо всем позабочусь!

Ша-сэн понес поклажу в подворье. Служащие были настолько поражены безобразной наружностью приезжих, что даже не осмелились ни спросить их, кто они, ни прогнать их вон, а позволили им расположиться по собственному усмотрению. Но об этом мы пока рассказывать не будем.

Между тем Танский монах переоделся, достал проходное свидетельство и направился прямо ко дворцу князя. К нему уже спешил навстречу сановник, распорядитель церемоний.

— Откуда ты, почтеннейший? — вежливо спросил он.

— Я — монах из восточных земель Танского государства, послан в храм Раскатов грома поклониться Будде и попросить у него священные книги. Ныне, прибыв в вашу уважаемую страну, явился сюда только за тем, чтобы получить пропуск по проходному свидетельству и представиться вашему правителю — князю, тысячу лет ему здравствовать!

Сановник тотчас же отправился доложить о Танском монахе.

Правитель в самом деле оказался весьма просвещенным и гостеприимным. Он повелел немедленно пригласить к себе Танского монаха.

Танский монах вошел в приемный зал и совершил положенный поклон. Князь тут же пригласил его подняться и занять место рядом с ним. Затем Танский монах предьявил князю свое проходное свидетельство. Тот просмотрел его, увидел на нем множество печатей и подписей правителей разных стран и, с радостью достав свою драгоценную печать, тоже приложил ее к бумаге и расписался, затем аккуратно сложил бумагу и спросил.

— Почтенный наставник государя, не скажешь ли мне, как далек путь через разные страны от твоего великого Танского государства до этих мест?

— Я, бедный монах, не подсчитывал пройденного расстоя-

ния,— смущенно отвечал Сюань-Цзен,— но, помнится, в прошлые годы, когда перед моим правителем явилась в подлинном образе бодисатва Гуаньинь, она оставила на память о себе хвалебный стих, в котором было сказано, что путь на Запад составляет сто восемь тысяч ли. За все время, пока я путешествую, вот уже четырнадцать раз сменялись летний зной и зимние стужи.

— Четырнадцать раз сменялись летний зной и зимние стужи, — усмехнувшись, повторил князь, — значит, прошло четырнадцать лет. Полагаю, что в пути было очень много всяких препятствий?

— Да как сказать,— замялся Танский монах.— Всего ведь сразу не расскажешь! Прежде чем достичь твоей благодатной земли, не знаю, право, сколько пришлось пережить мучений и страданий от разных зверей и дьяволов!

Правитель, видимо, был очень рад прибытию Танского монаха и сразу же велел придворному сановнику, ведавшему кухмистерской, заказать постную трапезу, чтобы накормить гостя.

— Со мной здесь еще трое моих учеников,— робко заявил Танский монах, обращаясь к правителю,— они ждут у входа в твой дворец. За угощение благодарю, но принять его не смею. Не могу задерживаться в пути.

Но князь не стал слушать его и приказал придворным:

— Ступайте живей и пригласите троих уважаемых последователей достопочтенного наставника пожаловать сюда, чтобы разделить с ним трапезу!

Дворцовые служащие бросились выполнять приказание, выбежали из ворот, но на все их расспросы слуги отвечали только: «Нет, не видели никого!» Вдруг кто-то спохватился:

— В подворье для приезжающих сидят трое монахов безобразнейших на вид, должно быть, это они и есть!

Дворцовые служащие направились в подворье и обратились к служителям:

— Не скажете ли нам, кто из приезжих у вас высокочтимые ученики преподобного монаха великого Танского государства, который следует за священными книгами? Наш властитель повелел пригласить их на трапезу.

Чжу Ба-цзе, сидевший тут же и уже дремавший, услышав слово «трапеза», встрепенулся и вскочил на ноги:

— Это мы, это мы!— закричал он.

Дворцовые служащие взглянули на него, да так и обомлели от страха, душа у них, как говорится, в пятки ушла.

— О небо!— бормотали они, дрожа.— Да ведь это же самое настоящее свиноподобное чудище!

Сунь У-кун, услышав их бормотание, разом схватил и привлек к себе Чжу Ба-цзе.

— Брат!— злобно прошептал он.— Веди себя попристойней, оставь свои мужицкие замашки.

Тем временем все служащие и служители обратили внимание на Сунь У-куна.

— Обезьяна-оборотень! Обезьяна-оборотень! — зашумели они. Ша-сэн поднес сложенные руки ко лбу в знак приветствия и обратился ко всем присутствующим:

— Уважаемые господа! Не бойтесь нас. Мы трое действительно являемся учениками преподобного Танского монаха.

— Да ведь это дух очага! Дух очага! — отозвались служители, завидев Ша-сэна.

Сунь У-кун тотчас велел Чжу Ба-цзе взять коня, а Ша-сэну — коромысло с поклажей, и все трое в сопровождении слуг отправились ко дворцу князя Яшмовых цветов. Дворцовые служащие опередили их, чтобы известить о прибытии учеников Танского монаха.

Когда князь, подняв глаза, увидел их безобразные лица, его тоже обуял страх. Тут Танский монах сложил руки ладонями вместе и обратился к нему с такими словами:

— Успокойся, правитель, долгие тебе лета здравствовать! Мои ученики хоть и безобразны на вид, зато сердца у них добрые.

Чжу Ба-цзе, глядя исподлобья, произнес монашеское приветствие и сказал:

— Я — бедный монах, пришел навеститься о твоём здоровье!

Правитель еще больше испугался.

— Я принял в ученики самых простых людей, — заговорил Танский монах извиняющимся тоном, — они совсем не умеют вежливо вести себя и соблюдать церемонии. Умоляю тебя простить их за это!

Тогда князь, провозмогая страх, велел сановнику, ведавшему кухмистерской, привести монахов в беседку Белого шелка и накормить их там. Танский монах поблагодарил за милость и, простившись с правителем, отправился вместе с учениками в беседку. Оставшись наедине с ними, он стал укорять Чжу Ба-цзе:

— Вот навязался мне на шею! Никакой вежливости в тебе нет! Уж молчал бы лучше! Разве можно быть таким грубияном?! Ведь от твоего зычного голоса гора Тайшань может опрокинуться!

— Хорошо, что я не произнес монашеского приветствия, — смеясь, проговорил Сунь У-кун, — по крайней мере хоть этим не утрудил себя.

— Не в том дело, — возразил Ша-сэн, — он ведь приветствие произнес нескладно, да еще выставил вперед свое рыло и давай орать!

— Только и знает что придирается, — обозлился Чжу Ба-цзе. — Еще третьего дня наставник учил меня, что при встрече с человеком надо осведомляться об его здоровье — это вежливо: сегодня я так и поступил, оказывается, опять нехорошо. Для чего же, спрашивается, было учить меня?

— Я действительно учил тебя при встрече с людьми спрашивать об их здоровье, — спокойно ответил Танский монах, — но я никогда не велел тебе делать то же самое при встрече с кня-

зьями! Ведь не зря говорят: «Товары делятся по сортам, а люди — по рангам». Как же можно не делать различий между знатными и простыми?

Не успел он закончить, как появился сановник, ведавший кухмистерской, со слугами: стали накрывать стол, расставлять стулья и подали еду. Наставник и его ученики принялись молча есть.

В это время из приемного зала вышел правитель и направился к себе, во внутренние покои дворца, где находились трое его сыновей. Взглянув на отца, они поняли, что он чем-то испуган, и стали его расспрашивать:

— Отец наш, князь! Почему у тебя такой встревоженный вид?

— Только что к нам пожаловал монах из восточных земель великого Танского государства, который идет поклониться Будде и попросить у него священные книги, — отвечал правитель. — Он предъявил мне для пропуска свое проходное свидетельство и, прочитав его, я понял, что он не простого происхождения. Я предложил ему остаться на трапезу, но он отказался, сославшись на то, что у входа во дворец его ждут ученики. Я тотчас же велел их пригласить. Вскоре они появились и в моем присутствии вели себя весьма невоздержанно: они не совершили никаких поклонов, а один из них просто поздоровался со мной; я остался недоволен, но когда взглянул на них, то увидел, что все они один другого безобразнее — похожи на дьяволов, и невольно струхнул.

А надо вам сказать, читатель, что сыновья князя отличались задором и воинственностью. Услышав слова отца, они стали сжимать кулаки и засучивать рукава.

— Это не иначе как злые оборотни, принявшие человеческий облик, явились сюда с далеких гор. Сейчас мы сходим за оружием и посмотрим, кто они такие! — сказал один из сыновей.

Ну и молодцы же были эти юноши! Старший взял огромную дубину, вышиной от пола до бровей, второй стал вертеть граблями с девятью зубьями, а третий вооружился черной палкой, покрытой лаком. Храбро и отважно они вышли из дворцового помещения и стали кричать:

— Что за монахи, паломники за священными книгами, обьявились здесь? Где они?

В это время поблизости оказались сановник и слуги из кухмистерской, которые, завидев княжичей, повалились им в ноги.

— Повелители наши! Они находятся в беседке Белого шелка и вкушают там трапезу.

Трое княжеских сыновей ринулись в беседку и заорали:

— Вы кто, люди или оборотни? Отвечайте скорей, тогда мы пошадим вас!

Танский монах от страха побледнел, выронил плошку с едой и стал низко кланяться.

— Я — бедный монах из Танского государства, иду за священными книгами, — залепетал он, — я человек, а не оборотень.

— Да ты, пожалуй, еще похож на человека, — сказал один из княжичей, — а те трое уродов, конечно, оборотни!

Чжу Ба-цзе продолжал есть, не обращая ни на кого внимания. Но Ша-сэн и Сунь У-кун приподнялись со своих мест и сказали:

— Все мы люди. И хотя некрасивы лицом и уродливы телом, зато сердца у нас честные и добрые. Откуда вы появились здесь и как смеее кричать и буяннить?

Стоявшие в стороне слуги из кухмистерской заволновались.

— Да ведь это же княжичи, сыновья нашего правителя, — предупредительно произнес один из них.

Чжу Ба-цзе отбросил плошку с едой:

— Что? — переспросил он. — Княжичи? А почему они с оружием? Уж не собираются ли они сразиться с нами?

Тут второй княжич шагнул к Чжу Ба-цзе и, размахивая граблями, приготовился нанести ему удар. Чжу Ба-цзе ехидно засмеялся.

— Твои грабли годятся моим граблям во внуки! — воскликнул он.

Быстро расстегнувшись, Чжу Ба-цзе вытащил из-за пояса свои грабли и взмахнул ими. Десятки тысяч золотистых лучей взметнулись в воздух, затем он несколько раз подкинул грабли, и от них заструились тысячи сверкающих полос. Княжич с граблями до того перепугался, что у него обмякли руки и ноги, и он больше не посмел потрясать своим оружием.

Сунь У-кун заметил, что у старшего княжича палица вышиной до бровей. Тогда он встал, вытащил из-за уха свой посох с золотыми обручами и помахал им в воздухе. Посох сразу же стал толщиной с плошку, а длиной, пожалуй, в два-три чжана. Сунь У-кун изо всей силы всадил его в землю на глубину примерно в три чи.

— Дарю тебе этот посох! — со смехом сказал он, обращаясь к старшему княжичу.

Тот, услышав эти слова, сразу же бросил в сторону свою палицу и потянулся за посохом Сунь У-куна. Он взялся за него обеими руками, изо всех сил стараясь выдернуть из земли, но посох не поддавался даже на волосок; он пытался и так и сяк, раскачивал в разные стороны, но посох, казалось, врос в землю.

Третий княжич тем временем тоже начал выказывать свой норов и, изловчившись уже собрался было пустить в ход свою черную палку, покрытую лаком. Но Ша-сэн одним взмахом руки расколол ее, достал свой волшебный посох, покоряющий оборотней, покрутил его пальцами, и он вдруг засверкал чарующим блеском, излучая свет утренней зари. Все присутствующие, в том числе сановник и слуги из кухмистерской, онемели от испуга.

Тогда три княжича разом совершили низкий поклон и заговорили:

— О святые наставники! Святые наставники! Признаем себя неразумными мирянами. Умоляем вас не поскупись и показать нам свое искусство, а за науки будем вечно поклоняться вам!

Сунь У-кун подошел к посоху, легко вытащил его из земли и ответил княжичам:

— Здесь слишком тесно, негде развернуться. Вот я сейчас взлечу на воздух и покажу вам один прием, а вы поглядите!

Молодец Сунь У-кун! Он со свистом перекувыркнулся в воздухе и разом стал обеими ногами на неожиданно появившееся облачко, сияющее всеми цветами радуги. Поднявшись довольно высоко в небо, примерно шагов на триста от земли, Сунь У-кун начал проделывать разные фокусы со своим посохом; он то размахивал им над головой, то вращал вокруг тела, то подбрасывал вверх, то опускал вниз, затем вращал его вправо, влево. Вначале казалось, что Сунь У-кун окружен сиянием, а потом его совсем не стало видно, один только посох рассекал воздух.

Чжу Ба-цзе, наблюдавший это зрелище, издал восторженный возглас и, не удержавшись, стал приплясывать.

— Погодите!— воскликнул он наконец.— Я, старый Чжу, тоже сейчас позабавлюсь!

Ай да Чжу Ба-цзе! Воспользовавшись налетевшим ветерком, он быстро поднялся на воздух, примерно на такую же высоту, что и Сунь У-кун, и пустил в ход свои волшебные грабли: вверх— три раза, вниз — четыре, влево — пять, вправо — шесть, вперед— семь, назад — восемь. Движения его становились все быстрее и быстрее, так что слышен был только свист: «фью-фью». Когда Чжу Ба-цзе вошел в раж, Ша-сэн обратился к Танскому монаху.

— Дорогой наставник! Позволь и мне показать свое искусство!

Тут Ша-сэн разом подпрыгнул и, завертев своим волшебным посохом, тоже поднялся в воздух, причем видно было, как его посох излучает золотистый свет. Затем, держа волшебное оружие обеими руками, Ша-сэн начал проделывать удивительно красивые движения, которые у фехтовальщиков называются «Красный феникс смотрит на солнце» или «Голодный тигр бросается на добычу». Ша-сэн то стремительно бросался вперед, то медленно отводил воображаемый удар, то молниеносно повсрачивался кругом и поспешно приседал, словно укрываясь от противника.

Все три брата в монастыре, обладающие великими волшебными чарами, являли в небе свое могущество и фехтовальное искусство. Вот уж поистине:

Движеньями своими три монаха

На смертных в этот миг не походили:

Постигшие Великий путь познания

Все небеса собой заполонили.

Там, как живой, крутился грозный посох,

Сверкая золотыми ободками;

Со свистом грабли рассекали воздух,
 Подхвачены могучими руками;
 Волшебный посох в небесах вращался,
 Спеша исполнить каждое желанье.
 И от оружия воинов небесных
 Лилось на землю грозное сверканье.
 Так в их руках волшебного оружия
 Необычайное происхождение
 Явило людям все свое величье,
 Повсюду вызывая преклоненье.
 И хоть издревле славилы народы
 Край Зарослей небесного бамбука
 За то, что там царило благочестье
 И процветали мудрость и наука,
 Но в этот миг и Юй-хуа надменный,
 И княжичи, на чудеса взирая,
 Склонились ниц, полны благоговенья
 К монахам, что явились из Китая.

Княжичи до того перепугались, что опустились на колени прямо в пыль и грязь. Все старшие и младшие должностные чины, находившиеся в беседке Белого шелка, сам князь во дворце, военные и штатские, мужчины и женщины, монахи и монахини, даосы и миряне, словом, все жители города, в каждом доме и на каждом дворе держали в руках благовонные свечи, отбивали земные поклоны, молились Будде и совершали жертвенные обряды. Получилось на самом деле так, как говорится в стихах:

Увидев, что вернулись в прежний образ
 Три путника, блиставших дивной властью,
 Все возмечтали жить по их примеру —
 Храня покой, даря людям счастье.
 Отныне всем открылся путь широкий,
 Чтоб, не колеблясь, шли к познанию люди
 И чтобы знали: Истину постигнешь
 Лишь созерцаньем да служеньем Будде.

Тем временем спутники Танского монаха спустились на землю, спрятали оружие и предстали перед своим наставником. Они спросили, понравилось ли ему их искусство и поблагодарили за позволение позабавиться. Затем все уселись по своим местам, и мы их пока оставим.

Трое княжичей поспешно вернулись во дворец и бросились к отцу:

— Отец наш, князь!— воскликнули они.— Какое огромное счастье привалило к нам! Мы только что видели удивительное военное искусство! Видел ли ты, что сейчас творилось в небе?

— Я заметил, что небо окрасилось сиянием, похожим на зарю,— ответил князь,— и тотчас же принялся возжигать фимиам и совершать поклоны. Я велел вашей матери и всем остальным последовать моему примеру. Не знаю, откуда снизошли и собрались здесь священные небожители...

— Да это вовсе не священные небожители,— перебили отца княжичи,— а только трое безобразных учеников Танского монаха, направляющегося за священными книгами. Один из них действовал железным посохом с золотыми обручами, другой орудовал граблями с девятью зубьями, а третий — волшебным посохом, покоряющим злых оборотней. Их оружие точь-в-точь такое же, как у нас, нет ни малейшей разницы. Мы упросили их показать нам хотя бы один прием. Один из них и говорит: «На земле очень тесно, неудобно развернуться, вот я сейчас взлечу на воздух и покажу вам один из моих приемов». Друг за другом они взлетели на облаках в воздух, и сразу же по небу разлилось благодатное животворное сияние. Сейчас они спустились на землю и сидят в беседке из Белого шелка. Нам так понравилось их искусство, что мы готовы поклониться им и просить их быть нашими наставниками, дабы выучиться у них владеть оружием и защищать нашу страну. Это будет поистине великое дело! Что ты скажешь, отец, если мы обратимся к ним?

Старый князь внял словам сыновей и дал полное согласие.

В тот же час все четверо: отец и трое сыновей, без парадного поезда и балдахинов, пешком направились к беседке Белого шелка. В это время наши путники уже собрали свою поклажу и хотели идти в дверь, чтобы поблагодарить за трапезу, попрощаться с князем и двинуться в путь, но вдруг увидели самого князя с тремя сыновьями, которые еще издали повалились на колени и стали кланяться до самой земли. Танский наставник подскочил от смущения, а затем тоже бросился наземь и стал совершать ответные поклоны. Сунь У-кун, вслед за Чжу Ба-цзе и Ша-сэном, отошел в сторону и смотрел на эту сцену, насмешливо улыбаясь. Когда церемония взаимных поклонов была окончена, правитель уезда пригласил Танского монаха и его учеников в приемную. Монахи с радостью согласились и вошли в зал.

— Уважаемый и почитаемый Танский наставник!— начал, стоя, говорить правитель.— Есть одно дело, по которому я обращаюсь к тебе с просьбой. Не знаю, право, согласятся ли исполнить ее твои уважаемые ученики?

— Ты только прикажи им,— ответил Танский монах,— они не осмелятся не повиноваться тебе, дорогой правитель, тысячу лет тебе здравствовать!

— Когда я впервые увидел всех вас,— продолжал правитель,— то мне показалось, что ты, уважаемый наставник, удостоен звания Странствующего монаха. Но, видимо, мои плотские очи впали в заблуждение. Только теперь, убедившись, с каким искусством мастера-наставники Сунь, Чжу и Ша фехтуют своим оружием, находясь в воздухе, я понял, что они настоящие небожители, истинные Будды! Трое моих щенков-сыновей всю жизнь занимаются фехтованием, имеют к нему склонность, и сейчас, преисполнившись чувством уважения к твоим ученикам, просят их быть наставниками, чтобы научиться хорошо

владеть оружием. Молю тебя, уважаемый и почтенный мой духовный наставник, открой свое сердце, великое, как Небо и Земля, и снаряди в путь свой челн милосердия, на котором могли бы плыть в волнах истины мои презренные сыны! Свято обещаю отблагодарить тебя дарами, которыми можно будет запрудить целый город...

При этих словах Сунь У-кун не удержался и залился громким хохотом.

— Эх ты, а еще правитель! Ничего ты не понимаешь!— проговорил он сквозь смех.— Ведь мы, отрешившиеся от житейских сует, должны иметь учеников-последователей, которым могли бы передать наши знания. Если у твоих сыновей на самом деле есть желание творить добрые дела, то мы готовы научить их, пусть только относятся к нам с добрым чувством! Ни в коем случае не сули нам никаких богатств! Достаточно доброго отношения.

От этих слов князь пришел в неопишемую радость и сразу же приказал устроить большой пир в парадном зале дворца! Стоило только князю произнести одно слово, как приказание уже было исполнено. Поглядели бы вы, читатель, какой это был пир!

Чуть колышутся флаги и ленты кругом,
И дымки ароматные тают,
С изукрашенных золотом хрупких столов
Дорогие шелка ниспадают.
А сидения лаком покрыты цветным
И парчою в узорах богатых,
Все, как радуга, здесь ослепляет глаза,
Все сверкает в роскошных палатах.
С веток только что сладкие сняты плоды
И лежат, аромат источая,
И тончайшие запахи реют вокруг
Золотого, горячего чая.
Вот пампушки лежат, весом каждая в лян,
Возвышаясь горою над блюдом.
Сколько подано яств — до пятнадцати смен,
А любое покажется чудом!
А молочные кушанья! Что их вкусней?
Их готовили с медом топленным.
Но не хуже и жареные потроха,
Что приправлены сахаром жженым.
И бутылки отборнейших рисовых вин
Взор гостей привлекают недаром:
Если в чашу пальнешь да глоток отхлебнешь —
Не сравнишь и с небесным нектаром!
Вот и чай подают. Сколько разных сортов!
О божественный чай из Янсяня!¹
Лучше всякой корицы его аромат,
Нет прекраснее благоуханья!
Приготовлено все, чтобы гости могли
Пировать беззаботно и праздно,
И куда ни взгляни — все на этих столах
Так чудесно и разнообразно!

Затем позвали шутов. Они пели, плясали, играли на дудках и бренчали на струнах, даже разыграли целое представление.

¹ Я н с я н ь — название уезда в провинции Цзянсу.

Наставник со своими учениками весело провели целый день в обществе князя и его сыновей. Незаметно наступил вечер, и пирующие стали расходиться. Князь приказал быстро постелить постели и натянуть пологи в беседке, после чего предложил Танскому монаху и его спутникам расположиться на ночлег, с тем чтобы на следующий день с самого утра возжечь фимиам, помолиться и начать обучение его сыновей боевому искусству. Монахам подали тазы с теплой ароматной водой для омовения, после чего они отправились спать. Уже наступила пора, когда

Птицы в гнезда уселись,
Покой воцарился глубокий.
Лег поэт на тахту,
Перестал подбирать свои строки.
А Река серебристая¹,
Волны свои разливая,
Озаряет сиянием
Небо от края до края.
Опустели тропинки
В полях у последней заставы,
И в ночной полутьме
Словно гуще становятся травы.
Все затихло вокруг,
Речь людская уже не слышна мне,
Только где-то вальки
Ударяют о гладкие камни.
За извилами рек,
За твердыней хребта векового
Мне о крае родном
Эти звуки напомнили снова.
А над ложем моим,
Разгадав мое горькое бденье,
Все стрекочет сверчок,
Отгоняя во тьму сновиденья.

Ночь прошла. Рано утром старый князь со своими сыновьями снова явился к нашим путникам. При вчерашней встрече Танский монах оказывал князю почести, подобающие его званию, а нынче он уже приветствовал его как равного. Трое княжичей встали на колени перед Сунь У-куном, Чжу Ба-цзе и Ша-сэном и земно поклонились им.

— Досточтимые наставники! Покажите нам еще раз ваше волшебное оружие!— взмолились они.

Чжу Ба-цзе, обрадованный таким обращением, достал грабли и бросил их на пол. Ша-сэн вытащил свой волшебный посох и прислонил его к стене. Княжичи, второй и третий по старшинству лет, бросились к оружию, пытаясь поднять его, но все их усилия были столь же тщетны, сколь оказались бы напрасными потуги стрекозы, пожелавшей сдвинуть с места каменный столб. От напряжения их лица покраснелись, но они так и не смогли приподнять оружие даже на волосок. Старший брат заметил их смущение и крикнул им:

¹ Река серебристая — имеется в виду Млечный Путь.

— Братья! Не тратьте зря свои силы. Ведь у наших наставников оружие священное: вес его несоизмерим с нашими силами!

Чжу Ба-цзе задорно рассмеялся.

— Мои грабли вовсе не такие тяжелые,— сказал он,— они соответствуют числу одной только трети священных книг, и вместе с рукоятью весят пять тысяч сорок восемь цзиней!

Второй княжич робко спросил Ша-сэна:

— Почтенный наставник! Сколько же весит твой волшебный посох?

— Тоже пять тысяч сорок восемь цзиней,— смеясь, ответил Ша-сэн.

Старший княжич попросил Сунь У-куна показать посох с золотыми обручами. Сунь У-кун достал из уха иглу, помахал ею навстречу ветру, и она сразу превратилась в посох, толщиной с плоску, который он воткнул в землю перед собой. Старый князь и его сыновья застыли от страха, чины и слуги пришли в ужас. Княжичи совершили вежливый поклон, и один из них спросил:

— Почему у наставников Чжу и Ша оружие находится при себе, под одеждами, и они сразу достают его, а у наставника Суня оно спрятано за ухом? Почему от ветра его оружие увеличивается?

— Где вам знать, что мой посох не простой,— смеясь, ответил Сунь У-кун,— да и не всякий сможет пользоваться им. Вот послушайте, что я вам расскажу:

Когда над хаосом извечным
Мир поднялся и заблестал,
Из горных руд железо плавить
Великий Юй впервые стал.
О всех потоках и озерах
И о глубинах всех морей
Издrevле посоху известно,—

Когда пробиты были горы
И злоба вод усмирена,
Впервые в мире наступили
Безоблачные времена,
И в те года в Восточном море,
Всегда готовый в смертный бой,
Глубоко во Дворце подводном
Хранился верный посох мой.

Прошли бесчисленные годы,
Века прошли,— и вот, смотри:
С годами снова засиял он
Лучами утренней зари.
Искусством дивным овладел он:
То сокращаться, то расти,
То озарять сияньем дивным
Непроходимые пути.

Добыть его со дна морского
Мне выпала однажды честь. —

Он был послушен заклинаньям,
А обликов его не счесть!
Захочешь — вырастет огромным,
Все мирозданье заслонит,
Захочешь — станет, как иголка,
Совсем невзрачная на вид.

Единственным, неповторимым
Считает посох мой народ.
И даже в небе, среди бессмертных,
Он чудодейственным слышает,
Его «Послушным» называют,
Хотя не всем он и с руки,
Его узнаешь, если глянешь
На золотые ободки.

Тринадцать тысяч цзиней весом,
А может даже тяжелей,
Ему прикажешь — он сумеет
Стать то короче, то длинней;
Ему прикажешь — он сумеет
И толще стать и тоньше стать,
То вдруг бесследно исчезает,
То появляется опять...

Служил он мне большой подмогой,
Когда, исполнен дерзких сил,
Я в голубых чертогах Неба
Погром жестокий учинил.
Он был мне верным, сильным другом,
Когда, сквозь тысячи невзгод
В подземном царстве непроглядном
Я страшный совершал поход.

С ним вместе покорял драконов,
Свирепых тигров укрощал,
Повсюду проходил спокойно,
Ни дебрей не боясь, ни скал,
И бесов самых закаленных
Умею побеждать в бою.
И оборотней вероломных
Мгновенной смерти предаю.

Мне стоит только размахнуться,
Любой конец его поднять
И прямо в небеса ударить,
В сияющую благодать,
И сразу солнце потемнеет,
Весь мир сокроется во мгле,
И устроятся духи в небе
И оборотни на земле!

Из хаоса давно возник он
И все эпохи пережил,
Уходят годы, но с годами
Не потерял мой посох сил!
Пройдут столетье за столетьем,—
Его не старят времена:
Его, как видите, отлили
Не из простого чугуна!

Княжици внимательно слушали Сунь У-куна и беспрестанно отбивали земные поклоны. Затем они подались вперед и, выражая самое искреннее почтение и уважение, стали просить, чтобы их научили приемам фехтования.

— Каким бы оружием вы хотели владеть?— спросил Сунь У-кун.

— Кто пользуется палицей, пусть выучится владеть ею; кто привык пользоваться граблями, пусть научится действовать граблями; а кому нравится посох, пусть учится, как лучше его использовать,— ответили княжици.

— Научить не трудно,— засмеялся Сунь У-кун,— только силенок у вас маловато, вы не сможете действовать нашим оружием и получится, как у того художника, который рисовал тигра, а вышла собака. Древние люди сложили такую поговорку: «Если обучение ведется не строго, значит, учитель ленив; виноват сам ученик, коль ученье не постиг в совершенстве». Раз вы искренне хотите учиться, то прежде всего принесите сюда фимиам и поклонитесь Небу и Земле. Сначала я придам вам духовные силы, лишь после этого вы сможете перенимать фехтовальное искусство.

Княжици были счастливы, услышав эти слова. Они собственноручно притащили жертвенник, помыли руки, зажгли ароматные свечи и, обратив лицо к небу, начали отбивать поклоны. Закончив обряд поклонения, они попросили наставников объяснить им приемы.

Сунь У-кун повернулся лицом к Танскому монаху, вежливо поклонился ему и сказал:

— Досточтимый наставник мой! Прошу тебя, прости мою вину! С тех пор как на горе Усиншань ты проявил милосердие и научил меня подвижничеству шраманов и за время нашего пути на Запад я не имел случая отблагодарить тебя за эти милости. Правда, я, не жалея сил, помогал тебе переправляться через реки и горы, и делал это от чистого сердца. Ныне мы вступили на родину Будды и нам посчастливилось встретиться с тремя просвещенными княжичами, которые умоляют нас, твоих учеников, научить их искусству фехтования. Поскольку они становятся нашими учениками, то тебе, наш наставник, они придутся внучатыми учениками. Почтительно прошу твоего благословения, дабы успешно наставлять их.

Танский монах, до глубины души растроганный этими словами, очень обрадовался. Чжу Ба-цзе и Ша-сэнь, по примеру Сунь У-куна, тоже повернулись лицом к наставнику и совершили перед ним земные поклоны.

— Отец, учитель наш! Мы глупы и невежественны, и даже складно говорить не умеем,— сказали они,— но просим тебя, разреши и нам взять себе по ученику и позабавиться. Пусть останется хоть одно хорошее воспоминание о нашем пути на Запад!

Танский монах обрадовался еще больше и дал свое согласие.

Тогда Сунь У-кун велел трем княжичам зайти за беседку Белого шелка. Там они нашли укромное место, где Сунь У-кун нарисовал на земле созвездие Ковша. Он велел всем трем ученикам уместиться в рисунке Ковша, закрыть глаза и ни о чем не думать. Сам он тем временем прочел про себя заклинание и молитву, а затем вдунул в нутро каждого из княжичей божественный дух, после чего души княжичей покинули их. Затем Сунь У-кун при помощи заклинания вселил в каждого из княжичей телесную силу в десятки тысяч раз большую, чем та, которой они обладали прежде. Они, казалось, полностью переродились. К полдню княжичи очнулись и разом вскочили на ноги. Потерев лицо руками, они встряхнулись всем телом и почувствовали в себе огромную силу. Старший сразу же взялся за посох с золотыми обручами, второй княжич стал вертеть колесом грабли с девятью зубьями, а младший поднял вверх волшебный посох, покоряющий дьяволов и оборотней.

Старый князь, видя все это, не помнил себя от радости. Снова был устроен пир для изъявления благодарности Танскому монаху и его ученикам. Перед началом пира каждый из княжичей научился от своих учителей владеть оружием: один — посохом с золотыми обручами, другой — граблями с девятью зубьями, а третий — посохом, покоряющим оборотней. Они хоть и сделали по несколько выпадов, но все же, как простые смертные, несмотря на старание и усердие, быстро устали и не могли долго держаться. Оружие, которым княжичи фехтовали, обладало волшебным свойством превращений, но разве могли княжичи воспользоваться этими замечательными превращениями!

Пир закончился в тот же день.

На следующий день трое княжичей вновь пришли благодарить.

— Мы очень признательны вам за то что вы наделили нас силой, — сказали они, — мы все теперь можем действовать вашим оружием, хоть нам и трудно вращать его и перекидывать из руки в руку. Мы намерены приказать нашим мастерам изготовить оружие по вашему образцу, но более легкое по весу. Не знаем только, позволите ли вы, наши наставники, поступить так?

— Хорошо! Хорошо! Отлично! — обрадовался Чжу Ба-цзе. — Вы очень дельно говорите. Что же касается нашего оружия, то, во-первых, вам не полагается пользоваться им; во-вторых, оно нам самим потребуется для защиты учения Будды от злых дьяволов. Вам, конечно, необходимо сделать себе оружие!

Княжичи тотчас же дали распоряжение позвать кузнецов, закупить десять тысяч цзиней стали и устроить на переднем дворе литейную мастерскую с плавильной печью. Здесь первый день плавил сталь, а на другой день княжичи попросили у Сунь У-куна разрешения взять в мастерскую посох с золотыми обручами, грабли с девятью зубьями и волшебный посох, покоряющий дьяволов и оборотней, чтобы изготовить оружие такого же

образца. С того времени оружие сутками оставалось в мастерской.

Увы! Это оружие было также и талисманом, с которым носители его не должны были расставаться ни на один миг. Ученики Танского монаха постоянно держали свое оружие при себе, и оно своим сиянием во многих случаях охраняло их от опасностей. А теперь оружие уже несколько дней находилось в мастерской, и дивное сияние зари, исходившее от него десятками тысяч лучей, возносилось высоко в небо, а благовещие пары разносились по земле тысячами струй. И вот в одну из этих ночей объявился злой оборотень. Недалеко от города, на расстоянии всего лишь семидесяти ли, была гора, носящая название Барсова голова, а в этой горе была пещера под названием Пасть тигра,— обитель этой пещеры, оборотень, ночью заметил дивное сияние и благовещие испарения и тотчас же направился на облаке посмотреть на чудо. Сияние исходило из переднего двора усадьбы князя. Оборотень опустил вниз свое облако, приблизился к тому месту и увидел три разных оружия, от которых исходило чудесное сияние. Обрадованный такой находкой, оборотень стал говорить сам с собою:

— Какие замечательные драгоценности! Ах, какие драгоценности! Кто же ими пользуется? Кто оставил их здесь? Видимо, сама судьба посылает мне эти сокровища прямо в руки. Возьму-ка их с собою! Возьму!

От чувства восхищения, которое охватило оборотня, у него прибавилось силы, он разом забрал в охапку все три вида оружия и умчался обратно, прямо в свою пещеру.

Вот уж верно сказано:

Нельзя ни на мгновение отступить нам
От истинного, светлого пути:
Тому, кто хоть на миг с него собьется,
Назад дорогу трудно обрести.
Пропало все священное оружие —
Потеря, что страшнее всех потерь!
И прежнее стремленье к совершенству,
Труды, мольбы — напрасно все теперь.

Если вам интересно узнать, как удалось найти похищенное оружие, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ,

в которой будет рассказано о том, как Желтый лев-оборотень напрасно готовился к пиру в честь волшебных граблей, а ученики Танского наставника, по прозванию Золото, Дерево и Земля¹, учинили буйство на горе Барсова голова

Мастера-кузнецы, работавшие несколько суток подряд в усадьбе правителя, до того переутомились, что в эту ночь уснули как убитые. Как только начало светать, они проснулись и принялись за работу, но оказалось, что оружия под навесом нет. От испуга они сперва остолбенели, а потом принялись искать и обшарили всю мастерскую. В это время вышли три княжича посмотреть, как подвигается работа. Мастера при виде их упали на колени и стали жаловаться, отбивая земные поклоны:

— О княжичи, милые! Не знаем, куда делось оружие ваших троих священных учителей!

От этих слов княжичи в испуге задрожали.

— Наверное, наши наставники убрали оружие к себе этой ночью,— сказали они и с этими словами побежали к беседке Белого шелка. Они увидели белого коня, который стоял на обычном месте под навесом.

— Наставники! Вы еще спите,— стали кричать княжичи.

— Нет, уж встали!— отозвался Ша-сэн и, поспешно отворив дверь, пропустил княжичей. Те, не видя нигде оружия, совсем растерялись.

— Наставники! Не вы ли спрятали свое оружие?

Сунь У-кун сразу же вскочил на ноги.

— Нет, мы не убирали его!— воскликнул он.

— Ночью ваше оружие исчезло из мастерской!— сказали княжичи.

---

¹ Имеются в виду Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн.

— А мои грабли целы?— разволновался Чжу Ба-цзе, поспешно поднимаясь с постели

— Мы только что вышли посмотреть, как идет работа, и увидели мастеров, которые всюду ищут ваше оружие, но пока тщетно. Мы подумали, что, может быть, вы, наставники, взяли его себе, а потому и явились сюда, чтобы удостовериться в этом. Оружие нашего старшего наставника обладает способностью меняться в размерах, вот мы и подумали, что он спрятал его где-нибудь на себе, чтобы посмеяться над нами.

— Говорю вам, что мы не брали оружия,— твердо произнес Сунь У-кун.— Идемте на поиски!— добавил он.

Все направились во двор усадьбы, под навес, но там не нашли даже следов оружия.

— Уверен, что это негодяи кузнецы украли!— заявил Чжу Ба-цзе.— Отдайте назад живей!— закричал он.— Будете мешкать, убью вас! Убью!

Кузнецы в смятении стали отбивать земные поклоны и проливать слезы.

— О небо! Мы до того измучились от непрерывной работы, что ночью заснули. На рассвете встали, смотрим, а оружия нигде нет. Мы ведь простые смертные, разве под силу нам поднять ваше оружие? Умоляем вас, отцы родные, пощадите нас! Пощадите!

Сунь У-кун помолчал, а затем с досадой произнес:

— Мы сами виноваты! Надо было показать оружие и тут же унести его с собою. Как только мы решились оставить его здесь? Скорей всего какой-нибудь дурной человек, который не спит по ночам, заметив сияние, излучаемое нашим драгоценным оружием, сегодня ночью похитил его.

Но Чжу Ба-цзе не поверил Сунь У-куну и продолжал настаивать на своем.

— Что ты говоришь, брат!— сказал он.— Откуда может взяться дурной человек в такой мирной стране, да притом не где-нибудь в глуши или в горах? Несомненно, что кузнецы скрывают правду: они, очевидно, заметили сияние от нашего оружия и решили, что оно очень драгоценное. Ночью они вышли из усадьбы, сговорились с шайкой грабителей и сообща украли оружие. Отдавайте же скорей!— закричал он, обращаясь к кузнецам.— Не то я поколочу вас!

Но мастера, не переставая кланяться, клялись и божились, что не брали оружия.

В это время появился сам князь. Узнав, что случилось, он от страха изменился в лице и долго не мог прийти в себя, только стонал да охал. Наконец он проговорил:

— Священные наставники! Подумайте сами! Ведь ваше оружие не простое. Его не сдвинут с места даже сто человек! К тому же, пять поколений моего рода правили в этом городе, и я осмелюсь сказать, не ради красного словца или бахвальства, что мы

заслужили доброе имя и прославились далеко за пределами округа. Жители города, как военные, так и гражданские, мастеровые и ремесленники, — все боятся нарушать мои правила и законы и ни в коем случае не позволят себе скрывать правду. Подумайте хорошенько, как могло пропасть оружие.

— Нечего тут раздумывать, — усмехнулся Сунь У-кун. — Не надо также мучить подозрениями бедных кузнецов. Позволь спросить тебя, правитель, есть ли где-нибудь в твоём уезде какие-нибудь горы или леса, в которых водятся оборотни?

— Ты очень разумно поступил, задав этот вопрос, — ответил правитель уезда. — К северу от нашего города находится гора Барсова голова и в горе — пещера Пасть тигра. Одни говорят, что в этой пещере живет праведный отшельник, другие — что там водятся волки и тигры; ходят также слухи, что там обитает какой-то оборотень. Однако я никогда там не был и ничего точно не знаю.

Сунь У-кун рассмеялся.

— И этого достаточно, — сказал он. — Теперь ясно, что оружие украл дурной человек, который живет в пещере. Он узнал, что здесь находятся драгоценные сокровища, и ночью похитил их.

Затем Сунь У-кун обратился к своим спутникам:

— Чжу Ба-цзе, Ша-сэнь! Оставайтесь здесь и берегите нашего наставника! Охраняйте также весь этот город, а я быстро вернусь.

Кузнецам же он приказал поддерживать огонь в горнах и продолжать работу.

Молодец Царь обезьян! Простившись с Танским монахом, он со свистом умчался и исчез из виду. В один миг достиг он горы Барсова голова, которая, как оказалось, находилась всего в тридцати ли от города. Сунь У-кун поднялся на самую высокую вершину, чтобы оглядеть всю местность. Воздух был насыщен зловонными испарениями. Значит, где-то здесь поселился дьявол или оборотень.

Как дракон-исполин,
Извивается длинный хребет,
Голый гребень вздымая.
Бесконечной грядюю
Гора по земле разлеглась,
Целый край обнимая,

Острроверхие пики
Крутыми рядами торчат,
В небо дерзко вонзаясь.
По отвесным ущельям
Стремительно льются ручьи,
С высоты низвергаясь.

У подножья лужайки
Чудесной травой поросли
Вдоль отлогого ската,
И покрыта земля
Пестротой небывалых цветов,
Как парчою богатой.

Вековых кипарисов
И сосен, прямых, как стрела,
Строй сомкнулся зеленый.
Кроны древних деревьев
И рощи бамбука шумят,
Забираясь на склоны.

Стрекотанье сорок,
Горных воронов сумрачный грай
Слышен там над обрывом,
Дикий анст трубит,
И в ответ ему хор обезьян
Вторит плачем тоскливым.

Под нависшей скалой
Так привольно с подругой пастись
И оленям и лосям.
Пары лис и енотов
Резвятся в колючих кустах
Под отвесным утесом.

Грозно дыбится кряж,
Как дракона волнистый хребет,
Острый гребень подьемля.
Сто отрогов его,
Извиваясь, расходятся врозь
И уходят под землю.

От холмов Юйхуа¹
Начинается главная цепь,
Вдаль стремясь величаво.
С древних лет
Не смолкает об этой великой горе
Легендарная слава.

Внимательно оглядывая местность, Сунь У-кун вдруг услышал человеческие голоса где-то за горой. Он быстро обернулся и увидел двух оборотней с волчьими головами. Они шли в северо-западном направлении и о чем-то громко разговаривали.

«Не иначе как это оборотни, посланные в дозор,— решил Сунь У-кун.— Надо пойти за ними, подслушать, о чем они говорят, и узнать, в чем дело».

Прищелкнув пальцами, Сунь У-кун прочел заклинание, встряхнулся и превратился в мотылька. Расправив крылышки и порхая, он догнал оборотней. Мотылек из Сунь У-куна получился великолепный. Вот послушайте.

Парой крылышек он наделен,
Белоснежных, как пудра.
Два серебряных усика —
Блещут в сиянии утра.
То несется стремительно,
Ветром подхваченный резким,
То задумчиво, медленно
Кружится в солнечном блеске.

---

¹ Юй х у а — название уезда.

Через речки летит,
Перепархивает через кручи
И соцветий раскрывшихся
Запах впивает летучий.
Ароматы крадет
И пыльцу по пути собирает,
Беззаботно и весело
С новым пухом играет.
Грациозный, живой,
Полный света и радостной дрожи,
Лепестки своих крылышек
Он то раскроет, то сложит.

Летая прямо над головами оборотней, мотылек прислушивался к их разговору.

— Дружок! — громко воскликнул один из них. — Нашему великому князю чертовски везет. В позапрошлом месяце раздобыл себе красотку и теперь забавляется с ней в своей пещере, а вчера ночью достал замечательное оружие трех видов, настоящий клад, которому даже цены нет! Завтра утром он устраивает пир в честь волшебных граблей, то-то мы полакоимся!

— Да и нам изрядно подвезло, — отозвался другой оборотень. — Дали нам двадцать лянов серебра на покупку свиней и баранов. Сейчас придем на рынок и первым делом выпьем несколько сосудов вина. К счету на покупку сделаем приписку, заработаем на этом деле два-три ляна и купим себе ватную одежду на зиму. Ладно?

Оборотни, смеясь и разговаривая, вышли на большую дорогу и помчались словно на крыльях.

Сунь У-кун очень обрадовался, услышав, что будет устроен пир в честь волшебных граблей. Он хотел было убить оборотней, но решил, что они не виноваты, к тому же у Сунь У-куна не было оружия. Обогнав оборотней и приняв свой первоначальный облик, Сунь У-кун встал посреди дороги, поджидая их. Когда оборотни увидели его и подошли вплотную, он дунул на них своим волшебным дыханием и прочел заклинание: оборотни остановились как вкопанные и больше не двигались с места. Они застыли, упершись ногами в землю, вытянувшись вперед с выпученными глазами, не успев вымолвить ни слова. Сунь У-кун повалил их наземь, обыскал и действительно нашел двадцать лянов серебра в мешочках, привязанных к поясу. Там же у каждого лежали таблички, покрытые белым лаком. На одной было написано: «Плут-чудак», а на другой — «Чудак-плут».

Великий Мудрец взял серебро, отвязал таблички и направился обратно в город. Прибыв в усадьбу князя, он приветствовал Танского монаха, а также всех больших и малых чиновников, затем мастеровых, и рассказал все, что произошло.

Чжу Ба-це начал радостно смеяться:

— Должно быть, мое сокровище излучает самое яркое сияние, а потому в честь его и устраивается пир, для которого

послали купить свиней и баранов. Но как же теперь отнять его у оборотня?

— Придется нам троим пойти на выручку,— отвечал Сунь У-кун.— Серебро, предназначенное на покупку живности, мы отдадим в награду мастерам, а у правителя уезда попросим несколько свиней и баранов. Ты, Чжу Ба-цзе, превратишься в оборотня по имени Плут-чудак, а я — в оборотня по имени Чудак-плут; а Ша-сэн пусть нарядится торговцем, продающим скот. Мы пройдем к пещере Пасть тигра и попытаемся проникнуть в нее. Там каждый из нас, как только представится случай, возьмет обратно свое оружие, мы истребим всех оборотней, а потом вернемся сюда, соберем поклажу и отправимся в дальнейший путь.

— Прекрасно! Замечательно! Восхитительно!— смеясь, восклицал Ша-сэн.— Не будем медлить! Идемте скорей!

Князь одобрил этот хитроумный замысел и велел своим слушающим купить восемь свиней и пять убойных баранов.

Ученики Танского монаха простились со своим наставником, вышли за город и там занялись волшебством превращений.

— Брат,— обратился Чжу Ба-цзе к Сунь У-куну,— я не видел, каков из себя оборотень Плут-чудак, как же я смогу принять его облик?

— Этих оборотней я пригвоздил к месту,— отвечал Сунь У-кун.— Они находятся недалеко отсюда и очнутся лишь завтра, в это же время. Я запомнил их облик. Ну-ка, встань прямо, я сейчас превращу тебя! Вот так! Вот этак! Ну вот, совсем такой же!— приговаривал он.

В это время Дурень Чжу Ба-цзе с серьезным видом читал заклинание. Затем Сунь У-кун дунул на него волшебным дыханием, и сразу же вместо Чжу Ба-цзе появился оборотень Плут-чудак. Он привязал к своему нательному поясу белую лакированную табличку со своим именем. Сунь У-кун в один миг превратился в оборотня по имени Чудак-плут и тоже подвязал к поясу именную табличку. Тем временем Ша-сэн нарядился торговцем, продающим скот. Все трое погнали свиней и баранов на большую дорогу и направились к горе. Вскоре они вошли в ущелье, в котором повстречались с каким-то бесенком. Он был настолько страшен, что стоит описать его наружность. Вот послушайте:

Два слезящихся глаза,
Круглы, горячи,
Так и пышут двумя фонарями.
Иглы рыжих волос
Над уродливым лбом
Вьются огненными языками.
Провалившийся нос,
Искривившийся рот,
Полный острых, клыкастых зазубрин.
Уши кверху торчат,
А раздвоенный лоб
Словно надвое саблей разрублен.

Черномаз, угреват,
В светло-желтый халат
Он, как щеголь заправский, закутан,
А на ноги взгляни —
В башмаки из простой
Тростниковой соломы обут он.
Дикой злобою глаз
И жестоким лицом
С ним сравнится лишь дух злодеяний,
Но хитер, суетлив,
Он кривится, юлит,
Словно лжец, уличный в обмане.

С левой стороны под мышкой у бесенка торчала продолговатой формы цветная коробочка, в которой обычно носят приглашительные грамоты.

Выйдя навстречу Сунь У-куну, бесенок закричал:

— Эй вы, уже возвращаетесь? Сколько купили свиней и баранов?

— Да вот, сколько видишь, — отвечал Сунь У-кун.

Уставившись на Ша-сэна, бесенок спросил:

— А это кто?

— Это — торговец, у которого мы купили свиней и баранов. Мы остались должны ему несколько лянов серебром и ведем его к нам, чтобы рассчитаться. А ты куда направляешься? — в свою очередь спросил Сунь У-кун.

— Я иду на гору Коленце бамбука пригласить старого князя на пир, который состоится завтра утром.

Поддельваясь под него, Сунь У-кун спросил:

— А сколько гостей приглашено на пир?

— Приглашен старый князь, он займет почетное место, а всего вместе с нашим князем и главарями отрядов наберется до сорока человек.

Тут Чжу Ба-цзе прервал их разговор.

— Идем, идем! Не то свиньи и бараны разбредутся!

— Ступай, гони их! А я пока попрошу его показать мне приглашительную грамоту, — отмахнулся от него Сунь У-кун.

Бесенок, не раздумывая, открыл коробочку, достал грамоту и вручил ее Сунь У-куну. Сун У-кун развернул свиток и прочел следующее:

«Почтительно прошу вас завтра утром пожаловать на пир, который я устраиваю в честь волшебных граблей. Вы осчастливите меня, если не откажетесь принять приглашение, за что заранее выражаю крайнюю признательность!

Вышеизложенное сообщаю Вам, достойный дед и великий господин мой, Премудрый обладатель девяти чудес. Твой внук Желтый лев бьет челом и кланяется сто раз».

Прочитав до конца, Сунь У-кун вернул грамоту оборотню, а тот положил ее в коробочку и пошел своей дорогой прямо на юго-восток.

— Брат, что же там написано?— спросил Ша-сэн.

— Это приглашение на пир в честь волшебных граблей. Внизу написано: «Твой внук Желтый лев бьет челом и кланяется сто раз». Приглашение послано деду, которого величают великим господином, Премудрым обладателем девяти чудес.

— Желтый лев?— с улыбкой переспросил Ша-сэн.— Так это должно быть и есть тот самый оборотень, который превратился из льва золотисто-желтой масти. Но кто же тогда Премудрый обладатель девяти чудес?

— Это по моей части,— засмеялся Чжу Ба-цзе, слышавший слова Ша-сэна,

— Что это значит?— удивился Сунь У-кун.

— Древние люди сложили поговорку: «Паршивая свинья гоняется только за львом золотисто-желтой масти». Вот почему я и сказал, что лев по моей части!

Так, разговаривая и посмеиваясь, трое монахов гнали свиней и баранов. Но вот показался вход в пещеру Пасть тигра, и взору наших путников открылась такая картина:

Разрослась, опоясав подножие гор,
Изумрудная зелень густая.
Животворная сила струится над ней,
Городов Юйхуа достигаая.
По отвесным утесам, карабкаясь вверх,
Разостлался лишайник ползучий,
И лиловый терновник склоняет цветы
И кивает с обрывистой кручи.
Гомон птиц раздается из чащи лесной —
Им никто в этих дебрях не страшен,
И глубокой пещеры запрятанный вход
Прихотливо цветами украшен.
Красотою сравнится с таким тайником
Только Персиковая пещера*.
Да, могли бы приют от мирской суеты
Здесь найти благочестье и вера!

Приближаясь к пещере, наши монахи заметили целое собрание бесов-оборотней, самых разных по виду и по росту. Все они весело резвились под цветущими деревьями. И как только услышали гиканье Чжу Ба-цзе, погонявшего скот, сразу же выбежали навстречу. Одни бросились ловить свиней, другие погнались за баранами и быстро связали и тех и других. Встревоженный шумом и гамом, князь вышел из пещеры и направился к воротам.

— А, это вы!— успокоился он.— Сколько купили свиней и баранов?

— Мы пригнали восемь свиней и семь баранов, всего пятнадцать голов,— отвечал Сунь У-кун.— За свиней заплатили шестнадцать лянов, за баранов следует уплатить девять. У нас было при себе всего двадцать лянов, поэтому мы и остались должны еще пять. Вот торговец скотом. Он явился за деньгами.

Оборотень-князь выслушал его и сейчас же приказал слугам:

— Отдайте этому человеку пять лянов и выпроводите его отсюда!

Но Сунь У-кун запротестовал.

— Этот купец пришел сюда за своими деньгами и, кроме того, он хочет посмотреть на пир.

Оборотень-князь страшно обозлился и стал ругаться:

— Плут ты этакий! Грубиян! Купил скотину, ну и ладно, так нет, надо же было еще разболтать о пире!

Чжу Ба-цзе не дал ему договорить:

— Господин и повелитель мой!— воскликнул он.— Ты раздобыл сокровища, редчайшие и ценнейшие во всей Поднебесной. Отчего же ты боишься показать их этому человеку?

Старый оборотень, услышав эти слова, с досады даже плюнул.

— Да и ты, Чудак, не лучше, мерзавец этакий!— воскликнул он.— Я добыл эти сокровища в главном городе уезда Яшмовые цветы, и если этот купец увидит их, он пойдет туда и станет всем рассказывать. Молва быстро дойдет до правителя уезда, и он тотчас появится здесь, чтоб вернуть свои сокровища. Что тогда делать?

— Господин и повелитель! Этот купец из местности, расположенной за рынком Цяньфанцзи, а это очень далеко от уездного города,— возразил Сунь У-кун.— Кому же он станет рассказывать? Кроме того, он тоже проголодался, ведь мы дорогой ничего не ели. У нас здесь есть и вино и еда. Накормим его и отпустим!

В это время к Сунь У-куну подошел бесенок. Он вручил ему пять лянов серебра, а Сунь У-кун передал их Ша-сэну со словами:

— Получай свои деньги, купец! А теперь пойдем с нами на задний двор, перекусим.

Ша-сэн набрался храбрости и вместе с Чжу Ба-цзе и Сунь У-куном вошел в пещеру. В просторном зале за вторыми воротами они сразу же заметили помост, стоявший посредине, на котором были высоко водружены волшебные грабли с девятью зубьями. От них исходило дивное сияние, даже глазам было больно. С левой стороны от граблей к возвышению был прислонен посох с золотыми обручами, а с правой — волшебный посох, покоряющий злых духов и оборотней.

Вслед за монахами шествовал князь оборотней.

— Смотри, купец,— сказал он, обращаясь к Ша-сэну,— видишь, что в середине светится? Это и есть волшебные грабли. Гляди сколько тебе хочется, только помни: когда выйдешь отсюда, ни в коем случае никому не рассказывай!

Ша-сэн в ответ лишь кивал головой и непрестанно благодарил.

Увы! Случилось как раз то, о чем говорится в поговорке: «Вещь хозяина найдет, он себе ее возьмет!» Чжу Ба-цзе был груб

и невоздержан. Увидев свои грабли, он ринулся к ним, и никакие уговоры уж не могли на него подействовать. Схватив свое сокровище обеими руками, он начал вращать его колесом, а сам тем временем принял свой обычный вид. Не помня себя, он испуганно набросился на князя оборотней, намереваясь раскроить ему череп. В это время Сунь У-кун и Ша-сэн кинулись к возвышению, и каждый из них, взяв свое оружие, принял первоначальный вид. Трое братьев в монастыре дружно принялись колотить оборотней и бесов. Перепуганный князь поспешно юркнул в сторону, скрылся в пещеру и там достал свое оружие — секиру с длинной рукоятью и острыми концами. С этим оружием он помчался во внутренний дворик и там принялся отражать нападение троих монахов.

— Кто вы такие?— орал он.— Как смели тронуть меня и похитить мои сокровища?!

— Сам ты грабитель, мохнатая тварь!— выругался в ответ Сунь У-кун.— Ты еще не знаешь, кто мы такие! Мы — ученики премудрого монаха-наставника из Танского государства, которого прозвали Типитака. Наш путь проходил через уезд Яшмовые цветы, где мы должны были получить пропуск по нашей подорожной. Просвещенный правитель этого уезда удостоил нас чести; он просил нас обучить фехтовальному искусству его трех сыновей и велел изготовить оружие по образцу наших драгоценных талисманов, которые по сему случаю оставались в мастерской, во дворе усадьбы правителя. А ты, грабитель, мохнатая тварь, под покровом глубокой ночи украл наши драгоценные талисманы и смеешь еще говорить, что мы обморочили тебя и похитили твои сокровища! Стой, ни с места! Сейчас мы угостим тебя как следует, каждый своим оружием!

Тут князь оборотней замахнулся своей секирой и ринулся в бой. Сражаясь, противники покинули двор и очутились у передних ворот пещеры. Вы бы видели, как трое монахов бились с одним оборотнем! Ну и бой был! Вот послушайте:

Как ветер яростный, свистит
Большого посоха удар,
И взмахи грабель, словно дождь,
Обрушились, взметая прах,
От блеска посоха кругом
Пылает в небесах пожар,
Секиры острой лезвие
Узоры чертит в облаках.

Покажется издалека,
Что три бессмертных мудреца,
В горах поставив аламбик *,
Над зельем дивным ворожат,
Блестят лучи, кипит огонь,
Гремят удары без конца,
Смутились дужи в небесах,
И бесы под землей дрожат.

Уж если надо страх нагнать,
На это мастер Сунь У-кун,
И как не гневаться ему
На этот дерзостный обман?
Поплатится любой наглец,
Будь оборотень или колдун,
За то, что унести посмел
Его волшебный талисман!

Недаром раньше Чжу Ба-цзе
Сражался под звездой Тянь-пэн —
Пришла пора явить ему
Всю силу грозную свою.
Как полководец древних лет,
Неутомим и смел Ша-сэн,
Смотри, как дружно, горячо
Монахи действуют в бою!

Они в пещере бой ведут,
Что Пастью тигра названа,
Изобретательны они:
То отступают, то разят.
Но ведь и оборотень смел,
Хитер и зол, как сатана,
На все готов он, чтоб опять
Вернуть оружие назад!

На запад солнце держит путь,
А бой по-прежнему гремит.
Все четверо, как львы, смелы,
Никто не хочет уступить.
Но наконец слабеет враг,
Густой испариной покрыт,
И с каждым мигом все трудней
Ему удары отбивать.

Долго не прекращался бой на горе Барсова голова. Наконец князь оборотней, чувствуя, что не в силах больше сопротивляться, крикнул Ша-сэну:

— Сейчас я тебя угощу секирой!

Ша-сэн невольно отклонился в сторону, и оборотень, воспользовавшись этим, улизнул. Он помчался на юго-восток, подгоняемый попутным ветром, в чертоги правителя этой части неба. Чжу Ба-цзе кинулся было вдогонку, но Сунь У-кун остановил его.

— Пусть бежит!— сказал он.— С древних времен существует поговорка: «Не преследуй противника, доведенного до крайности». Давай-ка лучшеотрежем ему путь к отступлению.

Чжу Ба-цзе послушался.

Все трое ворвались в пещеру и там перебили всех бесов и бесенят до единого, а их было больше сотни. Оказалось, что все они дикие звери: тигры, волки, тигрята, барсы, олени и горные козлы. Великий Мудрец прибег к колдовству и одним мановением руки извлек из пещеры все находившиеся в ней тонкие

изделия и мягкие ткани, всех убитых оборотней, а также пригнанных в пещеру свиней и баранов. Ша-сэн тем временем натаскал сухого хвороста и развел огонь. Чжу Ба-цзе принялся раздувать его, хлопая своими огромными ушами, и вскоре логово оборотня сгорело дотла. Монахи забрали с собой все добро, которое вытащили из пещеры, и вернулись в уездный город.

Ворота были еще открыты, и жители не спали. Правитель уезда сидел с Танским монахом в беседке Белого шелка, находясь в томительном ожидании. Вдруг до них донесся шум: казалось, что-то тяжелое падает на землю. Вскоре весь двор был завален тушами убитых животных. Там же оказались живые свиньи и бараны, а также разные тонкие изделия и мягкие ткани.

— Наставник!— разом воскликнули ученики, представ перед ним.— Мы вернулись с победой!

Правитель уезда не переставал выражать благодарность, бормоча одни и те же слова. У Танского монаха сердце переполнилось чувством огромной радости. Трое княжичей, уже в который раз, поклонились своим учителям до самой земли. Ша-сэн подошел к ним и, поднимая, сказал:

— Пока еще рано благодарить! Подойдите ближе и посмотрите, что мы приволокли сюда!

— Откуда все это?— удивились княжичи.

— Все эти тигры, волки, тигрята, барсы, олени и горные козлы были оборотнями,— смеясь, сказал Сунь У-кун.— Мы убили их, когда достали свое оружие. Их главарь тоже оборотень. До своего превращения он был золотисто-желтым львом. Оружие его — секира. Мы дрались с ним допоздна. Проиграв битву, он, спасая свою жизнь, удрал на юго-восток. Мы не погнались за ним, зато отрезали ему путь к отступлению: убили всех бесов, прислуживавших ему, и притащили сюда все его добро.

Старый князь, слушая этот рассказ, и радовался и тревожился. Хорошо, конечно, что учителя его сыновей возвратились с победой, страшно лишь подумать о том, как отомстит оскорбленный оборотень.

— Успокойся, правитель!— сказал тут Сун У-кун.— Я уже все обдумал. Прежде чем пуститься в дальнейший путь, мы непременно избавим тебя от этого зла. И не уйдем отсюда до тех пор, пока не убедимся, что тебе не грозят никакие беды. В полдень на той горе я повстречался с черномазым рыжеволосым бесенком и обманом прочел грамоту, которую он нес. Вот что там было написано:

«Почтительно прошу Вас завтра утром пожаловать на пир, который я устраиваю в честь волшебных граблей. Вы осчастливите меня, если не откажетесь принять приглашение, за что заранее выражаю крайнюю признательность!

Вышеизложенное сообщаю Вам, достопочтенный дед и великий господин мой, Премудрый обладатель девяти чудес».

Это послание было подписано так:

«Твой внук Желтый лев бьет челом и кланяется сто раз».

Нет сомнения в том, что теперь, потерпев поражение, оборотень помчался к своему деду, сообщить, что с ним случилось. Завтра утром они наверняка будут искать нас, чтобы отомстить, и мы сочтем своим долгом, из чувства приязни к вам, уничтожить этих оборотней и очистить от них весь ваш уезд.

Старый князь опять стал благодарить и устроил вечернюю трапезу. Плотно поужинав, Танский монах и его ученики отправились спать, и мы их на время оставим.

Вернемся теперь к князю оборотней, потерпевшему поражение. Он действительно помчался на гору Коленце бамбука, которая находилась на юго-востоке. На этой горе была пещера, носившая название Девять кольцевых извивов. В ней жил Премудрый обладатель девяти чудес, приходившийся оборотню дедом.

Пользуясь попутным ветром, оборотень мчался всю ночь, не останавливаясь, и ко времени пятой стражи прибыл к пещере. Он постучался, и его впустили. Бесенок-привратник не удержался от удивления:

— Великий князь! Лишь вчера вечером прибыл твой темнолицый гонец с пригласительной грамотой,— сказал он.— Почтеннейший дед твой изволил оставить его здесь переночевать до утра и пожелал отправиться вместе с ним на пир в честь волшебных граблей. Что же это ты в такую рань сам прибыл сюда с приглашением?

— Эх! Как нехорошо получилось! Очень нехорошо! Никакого пира не будет...— сокрушенно ответил оборотень.

В это время из внутреннего помещения неожиданно появился чумазый бесенок-гонец.

— Великий князь! Зачем ты пожаловал?— в свою очередь изумился он.— Твой почтеннейший дед, великий господин наш, сказал, что как только встанет, так сразу же отправится к тебе на пир вместе со мной.

Но оборотень от волнения ничего не ответил ему и лишь замахал руками.

Вскоре проснулся почтенный дед и позвал внука к себе. Отложив оружие в сторону, оборотень повалился наземь перед дедом и стал низко кланяться ему, не в силах сдержать хлынувшие слезы.

— Просвещенный внук мой! Что с тобой? Вчера ты прислал мне приглашение, и я сегодня с утра собирался отправиться к тебе на пир. А сейчас ты сам явился ко мне, такой печальный и огорченный.

Стукнув лбом об пол, оборотень стал рассказывать:

— Позапрошлой ночью я вышел полюбоваться луной, как вдруг заметил, что из главного города уезда Яшмовые цветы к небу восходит удивительное сияние. Я тотчас же поспешил туда, чтобы собственными глазами взглянуть на это чудо. Оказалось, что удивительное сияние исходит от трех видов оружия, находившегося во дворе усадьбы правителя уезда. То были: позолоченные грабли с девятью зубьями, драгоценный посох и посох с золотыми обручами. При помощи колдовства я забрал все это оружие к себе и решил устроить пир в честь волшебных граблей. Я послал слуг закупить свиней, баранов, свежих плодов и многое другое. Решил пригласить тебя, уважаемый дед, чтобы ты повеселился. Вчера я отправил к тебе этого чумазого бесенка с пригласительной грамотой, а вскоре после этого появились бесенята Плут-чудак и Чудак-плут. Они пригнали несколько свиней и баранов и прихватили с собой продавца скота, которому остались должны. Он пожелал во что бы то ни стало остаться на пир, но я не позволил ему, опасаясь, что он все разболтает. Тогда он стал говорить, что очень голоден, и попросил, чтобы его покормили. Я велел ему отправиться на задний двор и там поесть. Затем он вошел в пещеру, увидел волшебное оружие и заявил, что оно принадлежит ему. Плут-чудак, и Чудак-плут, и торговец кинулись к оружию и тут предстали в своем первоначальном виде. Один из них оказался монахом с мохнатым лицом и острой мордой, как у бога Грома, у другого монаха было длинное рыло и огромные уши, а у третьего — темное лицо. Ни с чем не считаясь, они подняли крик и полезли драться со мною. Я поспешил достать мою секиру и вступил с ними в бой, предварительно осведомившись, кто они такие и как осмелились морочить меня. Один из них сказал, что они ученики Танского монаха из восточных земель, посланного государем великого Танского государства на Запад к Будде, что они попали в этот уездный город по пути, чтобы получить пропуск по подорожной, но правитель округа задержал их у себя и просил обучить его сыновей фехтованию. Они сказали так же, что по образцу их оружия мастера должны были изготовить такое же, а потому оставили оружие в мастерской во дворе, а я, дескать, украл. Тут я не вытерпел и схватился с ними. Не знаю, как их зовут, этих монахов, но должен признаться, что все они очень сильны. Я один не в силах был одолеть их и решил бежать к тебе, уважаемый дедушка. Прошу тебя, помоги мне разделаться с этими монахами и отомстить им, этим ты докажешь свою любовь ко мне, твоему меньшому внуку!

Старый оборотень выслушал его и некоторое время молчал, о чем-то думая.

— Так вот это кто! — смеясь, воскликнул он наконец. — Внучек мой, зря ты их разгневал!

— А ты разве знаешь их? — удивился внук.

— Знаю! С длинным рылом и большими ушами — это Чжу Ба-цзе, а с темным лицом — Ша-сэн. Эти оба еще ничего, с ними можно справиться. А вот тот, что похож на повелителя Грома, с мохнатой мордой, зовется Сунь У-куном. Он действительно владеет огромной волшебной силой. Пятьсот лет назад он учинил буйство в небесных чертогах, и стотысячное небесное войско не могло справиться с ним. Он только и знает, что гоняется за нами и ищет нас всюду. Он не постоит даже перед тем, чтобы обыскать горы и моря, ворваться в пещеры и проломать городские стены, лишь бы только причинить нам беду. Он несет нам смерть! Как же это ты связался с ним? Ну ладно! Так и быть! Отправлюсь вместе с тобой и захвачу этого мерзавца, а заодно правителя уезда Яшмовые цветы и его сыновей, чтобы ты отвел душу.

Князь оборотней, услышав эти слова, в знак благодарности поклонился старому деду до самой земли.

Старый оборотень тотчас же вызвал остальных своих внуков: Обезьяноподобного льва, Белоснежного льва, льва Пожирателя тигров, льва Бо-цзе *, льва Охотника на лисиц и льва Ловца слонов. Все они явились со своим остроотточенным оружием. Желтый лев повел всех за собой. Налетел буйный порыв ветра и понес их прямо на гору Барсова голова. Когда они примчались туда, в ноздри им ударил запах дыма и гари. До них донеслись плач и причитания. Внимательно присмотревшись, они увидели двух бесенят: Плута-чудака и Чудака-плута, которые, плача навзрыд, зывали к своему господину-повелителю. Старый оборотень приблизился к ним и строго спросил:

— Вы настоящие или поддельные?

Бесенята опустили на колени и, проливая горькие слезы, стали отбивать земные поклоны.

— Какие же мы поддельные?! — восклицали они сквозь слезы. — Вчера, как раз в это же время, мы получили от тебя серебро и отправились покупать свиней и баранов. Едва мы вышли на большую дорогу, как увидели монаха с мохнатым лицом и острой мордой, как у повелителя Грома. Он дунул, и мы почувствовали, как у нас обмякли ноги и отнялся язык. Мы не могли вымолвить ни слова, не в состоянии были даже пошевелиться. Он повалил нас наземь, вытащил у нас серебро, снял с нас именные таблички и исчез, а мы оба остались на месте и лишь только что очнулись. Когда мы подошли к нашему жилью, пожар уже утих; дома, постройки — все сгорело дотла. Мы стали искать тебя, наш господин и повелитель, но не нашли. наших главных и младших начальников тоже нигде не было. Тогда мы начали плакать и причитать. Неизвестно, каким образом у нас произошел такой пожар?

От этих слов у князя оборотней слезы хлынули из глаз. Ноги у него подкосились, и, пронзительно вскрикнув, он стал браниться:

— Негодяи бритоголовые! Мерзавцы! Как они смели совершить столь неслыханное злодеяние? Они сожгли дотла весь мой прекрасный дворец! Сожгли моих красавиц! Убили моих приближенных и слуг! Не могу! Гнев душит меня! Я умру от гнева!

Дед-оборотень велел Обезьяноподобному льву подвести князя оборотней.

— Просвещенный внучек мой,— ласково сказал он,— раз уж так случилось, нечего зря сердиться! От этого ведь никакой пользы нет! Побереги свои силы, они пригодятся, когда мы явимся в уездный город и захватим этих монахов.

Однако князь оборотней никак не мог успокоиться и продолжал громко плакать.

— Дедушка! Ведь свой дворец я нажил не в один день!— рыдая, говорил он.— А этот подлец, плешивый бритоголовый монах, все разорил и уничтожил. Для чего же мне теперь жить?

С этими словами он стал биться головой о камни и скалы. И только Белоснежный лев и Обезьяноподобный лев уговорили его, наконец, успокоиться.

После этого все покинули пожарище и помчались в уездный город.

Налетел ураганный ветер, тучи пыли окутали город непроницаемой мглой. Перепуганные загородные жители целыми семьями, поддерживая стариков и женщин, бросили на произвол судьбы свои дома и имущество и устремились в уездный город под защиту его стен.

После этого городские ворота были крепко-накрепко заперты. Кто-то вбежал в усадьбу князя и закричал:

— Беда! Беда!

Правитель уезда и Танский монах в это время как раз завтракали в беседке Белого шелка. Услыхав, что кто-то кричит, они вышли из беседки узнать, что случилось. Из толпы слышались отдельные голоса.

— Целая шайка оборотней приближается к нашему городу! Пыль поднялась столбом, песок струится в воздухе, и даже камни катятся! Бесы напустили туман и подняли бешеный ветер!

Князь растерялся:

— Как же нам быть?— спросил он упавшим голосом.

Сунь У-кун рассмеялся.

— Будьте покойны! Не волнуйтесь! Обитавший в пещере Пасть тигра оборотень, тот самый, который вчера проиграл битву со мною, удрал на юго-восток, там собрал целую шайку во главе с каким-то Премудрым обладателем девяти чудес и вот теперь явился сюда. Сейчас мы вместе выйдем из города, а ты прикажи закрыть все городские ворота и отбери надежных людей для защиты городских стен.

Правитель округа сделал все, как сказал Сунь У-кун. Затем, вместе со своими сыновьями и Танским монахом, он поднялся на сторожевую башню, возвышавшуюся над городскими стенами,

чтобы наблюдать за выполнением всех распоряжений. Флаги и знамена затмили солнце, огни ракет осветили все небо.

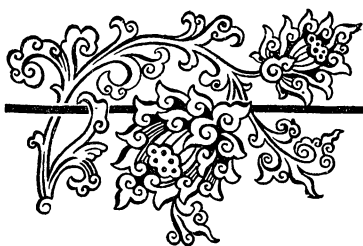
Сунь У-кун и оба его спутника под прикрытием темноты тайком выбрались из города и выступили навстречу врагу.

Обо всем этом рассказано в стихах:

Смотри: готовится великое сраженье,
Неосмотрительность была всему вниую.
Дай бесу голову поднять хоть на мгновенье,
И все несчастья обрушатся волною!

О том, каков был исход сражения, вам расскажет следующая глава.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТАЯ,

повествующая о том, как закончилась борьба между монахами и оборотнями-львами, и о том, кто оказался обладателем девяти чудес

Итак, Великий Мудрец Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, покинув город, встретились лицом к лицу с оборотнями-львами разных пород и мастей. Впереди оказался знакомый им Желтый лев, который по левую сторону от себя вел двух львов: Пожирателя тигров и Ловца слонов, и по правую тоже двух львов: Смышленного и Охотника за лисицами. Позади следовали еще два льва, Обезьяноподобный и Белоснежный, а в середине находился Девятиголовый лев. Черномазый бесенок-гонiec держал в руках драгоценную хоругвь из золотой парчи, всю расшитую узорами, и шел рядом с Девятиговым львом; бесенята Плут-чудак и Чудак-плут с двумя красными флагами находились к северу от львов.

Увидев оборотней, Чжу Ба-цзе бросился вперед и стал браниться:

— Эй вы! Оборотни-грабители, похитители сокровищ! Куда лезете? Зачем явились сюда целой сворой, мохнатые твари?

Скрежеща зубами, Желтый лев начал отругиваться:

— Негодяи плешивые! Вчера втроем напали на меня одного, я признал себя побежденным и отступил, считая вас порядочными, а вы посмели совершить беспримерное злодеяние: сожгли долла мое жилище, уничтожили все мое достояние, погубили сородичей и всю мою семью?! Я горю жаждой мести. Обида, которую вы мне нанесли, глубже великого моря! Стойте, ни с места! Сейчас я угощу вас своим копьём!

Удалой Чжу Ба-цзе, замахнувшись граблями, ринулся на врага. Оба яростно сражались, но пока еще нельзя было сказать, кто из них возьмет верх, а тем временем на Чжу Ба-цзе набросились еще двое. Обезьяноподобный лев с железным стержнем,

усаженным шипами, и Белоснежный лев, вооруженный трехгранным брусом.

— Эй, сюда!— закричал Чжу Ба-цзе.

Размахивая волшебным посохом, покоряющим драконов и тигров, вперед ринулся Ша-сэн. Но на него разом набросились львы Пожиратель тигров, Смышленный, Ловец слонов и Охотник за лисицами. Тогда и Великий Мудрец Сунь У-кунь пустил в ход свой посох с золотыми обручами, отражая натиск львов. Лев Пожиратель тигров действовал дубиной, Смышленный орудовал медной кувалдой, Ловец слонов — стальным копьем, а Охотник за лисицами — огромной секирой.

И вот семь львов-оборотней вступили в бой с тремя смелыми монахами. Вы только взгляните, как они сражались!

Алебарда, кувалда,
Дубина, трехгранный брусок
И секира большая,
Палка в острых шипах
И копье — это движутся львы,
Все вокруг сокрушая.

Семь озлобленных львов,
Семь орудий в мохнатых руках
И остры и колючи.
Окружили кольцом,
С грозным криком монахов теснят
Всей толпою могучей.

Но в ответ,
Беспощадно волшебная палица бьет,
Мощь ее неизменна.
Крепче посоха нет,
Чем губительный посох в руке
У монаха Ша-сэна.

Грабли острые бьют,
Рассыпая безжалостный блеск,
Словно буря их взмахи.
Разъярен Чжу Ба-цзе,
Скачет в диком неистовстве он,
Дружно бьются монахи.

Защищаются сзади,
А спереди бьют по врагам,
Их тесня то и дело,
Отбиваются слева,
А справа атаку ведут
Неустанно и смело.

Вот на гребень стены
С приближенными князь поднялся
Из дворцовых покоев,
Отдает приказанья,
Чтоб хищных врагов устрасить
И ободрить героев.

Бить велит в барабаны
И в гонги сильней колотить,
Всюду вывесить флаги,
Чтоб смутились враги,
А друзья ощутили в душе
Вдвое больше отваги.

Защищаются, бьют,
К волшебству прибегают бойцы,
Нападают умело.
Задрожала земля,
И от грохота страшной борьбы
Вышина потемнела.

Бой продолжался почти весь день, и незаметно наступил вечер. Чжу Ба-цзе так устал, что у него изо рта потекла слюна, а ноги обмякли. Не в силах больше держаться, он сделал ложный взмах граблями, покинул поле боя и бросился бежать.

— Ты куда?— заорали львы Белоснежный и Обезьяноподобный.— Стой! Берегись!

Чжу Ба-цзе не успел уклониться: тяжелый удар трехгранным брусом по самому хребту свалил его с ног.

— Хватит! Хватит!— кричал он, лежа на земле.

Но оборотни вцепились ему в загривок и в хвост и потащили к Девятиголовому льву.

— Одного поймали!— сообщили они.

В это время Ша-сэн и Сунь У-кун тоже покинули поле боя и оборотни гурьбой погнались за ними. Сунь У-кун выдрал у себя клочок шерсти, разжевал ее, выплюнул и воскликнул: «Изменитесь!» И сразу же появилось более ста десяти маленьких Сунь У-кунов, которые плотным кольцом окружили львов: Смышленного, Пожирателя тигров, Ловца слонов, Охотника за лисицами и самого Желтого льва с золотистой шерстью. Оправившись, Ша-сэн и Сунь У-кун вновь вступили в бой. К вечеру им удалось захватить двух львов: Пожирателя тигров и Смышленного. Другие два льва — Охотник за лисицами и Ловец слонов — сбежали. Желтый лев с золотистой шерстью доложил о случившемся старому оборотню. Узнав, что два льва попали в плен, старый оборотень отдал распоряжение:

— Свяжите Чжу Ба-цзе, только не мучайте его, чтобы не содох!— сказал он.— Если они отдадут наших львов, мы вернем его живым, если они погубят наших львов, мы немедленно расправимся с Чжу Ба-цзе.

В ту ночь оборотни расположились на отдых у городских стен, но об этом мы рассказывать не будем.

Обратимся к Великому Мудрецу Сунь У-куну. Когда он приволок обоих львов-оборотней к стенам города, правитель уезда приказал немедленно открыть ворота и велел своим военачальникам в чине сяо-вэй, которых насчитывалось свыше двух

десятков, вынести веревки и дубины, связать оборотней и втащить их в город. Тем временем Сунь У-кун вобрал в себя свои шерстинки и вместе с Ша-сэном поднялся на городскую башню, где предстал перед Танским монахом.

— Ну и жаркий был бой!— воскликнул Танский монах.— Что с Чжу Ба-цзе, жив ли он?

— Ничего с ним не случится!— уверенно произнес Сунь У-кун.— Их оборотни у нас, и они ни в коем случае не осмелятся причинить Чжу Ба-цзе какой-либо вред. Свяжите оборотней покрепче, а завтра утром выменяем их на нашего Чжу Ба-цзе!

Трое княжичей подошли к Сунь У-куну и, совершив перед ним земной поклон, спросили:

— Отец наш, наставник, когда ты вступил в бой, то был один, а потом, когда бежал с поля боя, неожиданно появилось больше сотни таких, как ты! И наконец, когда были захвачены оборотни и ты приблизился к городским стенам, твои двойники исчезли, и ты снова остался один. Объясни, что это за чудо такое?

Сунь У-кун рассмеялся.

— На моем теле восемьдесят четыре тысячи шерстинок,— сказал он,— каждая из них может превратиться в десяток, из десятка получаются сотни, из сотней — тысячи, десятки тысяч, миллионы и сотни миллионов мне подобных. Этот способ превращения называется «Воспроизведение себе подобных».

Княжичи снова по очереди совершили земной поклон. Сразу же подали трапезу и все поели тут же, на городской башне. После этого на всех амбразурах городской стены зажгли фонари и вывесили флаги; застучали в колотушки, зазвонили в колокольцы, забили в гонги и барабаны, выставили усиленные караулы, стали передавать сигнальные стрелы, пускать хлопушки; раздавались воинственные кличи.

На рассвете старый оборотень вызвал Желтого льва с золотистой шерстью и стал с ним совещаться.

— Вы постарайтесь сегодня же изловить Сунь У-куна и Ша-сэна,— сказал он,— а я тем временем незаметно взлечу на городскую стену, захвачу их наставника да заодно прихвачу еще и правителя уезда с его сыновьями и вернусь к себе, в пещеру Девять кольцевых извивов, где буду ждать вас с победой!

Получив этот наказ, Желтый лев тотчас повел за собой Обезьяноподобного льва, Белоснежного льва, Ловца слонов и Охотника за лисицами. Каждый нес при себе оружие. Подойдя к городской стене, они подняли шум и крик, настойчиво и задорно вызывая монахов на бой.

Сунь У-кун и Ша-сэн вскочили на стену и стали громко ругаться:

— Эй вы! Негодяи-разбойники, проклятые оборотни!— кричали они.— Живо освободите нашего меньшого брата Чжу Ба-цзе и доставьте сюда. Тогда мы пощадим вас и оставим в живых. Иначе — в порошок сотрем!

Разве могли оборотни стерпеть подобную обиду? Они, конечно, разом ринулись в бой.

И вот Великий Мудрец Сунь У-кун вдвоем с Ша-сэном стали отражать натиск пятерых львов, изощряя всю свою хитрость и смекалку. Этот бой оказался еще жарче, чем вчерашний, да и происходил он совсем по-другому.

Вот ветер бешеный завыл,
    Столбом до неба прах взвился
Со свистом камни и песок
    Прочь разлетаются стремглав.
Страша и духов и чертей,
    Бой небывалый начался.
Деревья рухнули в лесу,
    Волков и тигров распугав.
Удары злобного копья
    И алебарды блеск и гром.
Врагами стиснут Сунь У-кун,
    Но не желает сдаться в плен.
Безжалостно разят враги
    Секирой, палкой и бруском,
Хотят Ша-сэна взять живьем,
    Но не дается им Ша-сэн.
Недаром посох весь народ
    Зовет «Послушный» издавна:
Вон, как живой, назад, вперед,
    Взлетает в небо и звенит!
Недаром сила волшебства
    Святому посоху дана:
Он за чертогами небес
    Средь чудотворцев знаменит!
Все чары грозные свои
    Являют воины в бою,
Чтоб славу подвигом добыть,
    Чтоб недруг сгинул без следа.
Бесстрашно бьются мудрецы,
    Хотят, чтоб в западном краю
Чертей и оборотней злых
    Не стало раз и навсегда!

Старый оборотень, дождавшись того момента, когда битва пяти львов-оборотней с Сунь У-куном и Ша-сэном была в самом разгаре, вскочил на черную тучу, помчался прямо к городской башне и потрянул несколько раз своей страшной головой. От ужаса все военные и гражданские чины старших и младших рангов, а также караульные и сторожа покатались кубарем вниз. Старый оборотень беспрепятственно ворвался в башню, разинул пасть и разом схватил в зубы Танского монаха вместе с правителем уезда и его сыновьями, после чего вернулся туда, где находился Чжу Ба-цзе, и его тоже схватил в зубы. Все это Девятиголовый лев сумел сделать потому, что у него была не одна пасть, а девять. В одной он держал Танского монаха, в другой — Чжу Ба-цзе, в третьей — правителя уезда, в четвертой — его старшего сына, в пятой — среднего сына, в шестой — младшего сына.

Три пасти оставались свободными. Крикнув своим: «Ну, я отправился первым!» — он дал им знать о своей победе, и те с еще большим ожесточением стали являть свои боевые способности.

Сунь У-кун услышал вопли и крики, доносившиеся из города, и сразу же догадался, что попался на удочку. Предупредив Ша-эна, чтобы он был осторожнее, Сунь У-кун сорвал всю шерсть с руки от самого плеча до локтя, сунул ее в рот, разжевал и выплюнул, произнеся при этом заклинание: «Изменитесь!» Сразу же появились сотни и тысячи крохотных Сунь У-кунов, которые разом бросились вперед на врага. Они мигом повалили и потащили Обезьяноподобного льва, живьем схватили Бело-снежного льва, поймали льва Ловца слонов, сбили с ног льва Охотника за лисицами и понесли его, а Желтого льва убили на месте. С громкими криками они добрались до городских стен, оставив в покое лишь черномазого бесенка-гонца, а также обоих бесенят: Чудака-плута и Плута-чудака, которые бежали. Находившиеся на стене должностные лица увидели Сунь У-куна и его двойников, открыли городские ворота, вынесли веревки, связали пятерых львов-оборотней и внесли их в город. Однако не успели они опустить львов на землю, как появилась жена правителя уезда, которая с воплями и плачем обратилась к Сунь У-куну, отбивая перед ним земные поклоны.

— Духовный наставник! — рыдала она. — Прервалась жизнь моего повелителя-супруга, погибли мои сыновья, нет в живых и твоего наставника! Что теперь будет с этим осиротевшим городом?

Сунь У-кун вобрал в себя шерстинки, превращенные в двойников, поклонился жене правителя округа и спокойно сказал:

— Сударыня, не печалься! Старый оборотень прибег к способу похищения и утащил моего наставника, а также твоего супруга и сыновей лишь потому, что я изловил его семерых львов-оборотней. Уверяю тебя, что он ничего им не сделает. А завтра чуть свет мы с братцем вдвоем отправимся на гору, где находится старый оборотень, словим его и вернем тебе твоего князя и сыновей!

Услышав эти слова, супруга правителя, вместе со всеми домохозяевами и прислужниками, снова поклонилась Сунь У-куну до земли.

— Молю о том, чтобы мой повелитель-супруг и сыновья мои остались целы и невредимы, чтобы сохранилась незыблемой наша держава! — торжественно проговорила она.

По окончании церемонии все женщины, сдерживая слезы, направились обратно в свои покои.

Тем временем Сунь У-кун обратился к должностным лицам:

— Велите содрать шкуру с убитого Желтого льва-оборотня, — сказал он, — а остальных шестерых живых львов-оборотней пусть свяжут крепче и держат под замком. Нам же дайте чего-нибудь постного перекусить, и мы ляжем спать. Ручаюсь, что ничего не случится!

На следующий день Великий Мудрец Сунь У-кун, взяв с собой Ша-эна, отправился в путь. Они вскочили на благодатное облачко и вскоре прибыли на вершину горы Коленце бамбука. Прижав книзу край облачка, оба монаха стали осматривать гору. Это была огромная гора удивительной красоты.

Грозным строем вершины
Встают, в поднебесье торча,
И затейливо вьются
Извилины кражей громадных.
Под отвесными скалами,
Как дорогая парча,
Разостлались лужайки
В узорах цветов ароматных.
А в глубоких ущельях
Потоки журчат по камням,
И гряда над грядой
Громоздятся крутые отроги,
И по выступам круч,
За листвою сквозят там и сям,
Вьются кольца
Проложенной в древние годы дороги.
На основных ветвях
Отдыхают в пути журавли,
И за ними, стремясь
Через пропасти и перевалы,
Отрываясь от скал,
Облака исчезают вдаль,
Оставляя скучать
Одинокие хмурые скалы.
Блеск тяжелых плодов
Обезьян наслаждаться зовет,
И режутся на солнце
Олени, цветы приминяя,
Где-то птица Луань
Свой пронзительный крик издает,
И протяжною жалобой
Иволга вторит лесная,
Хорошо здесь весной!
Одетые в розовый дым,
Каждый год в красоте
Состязаются персик и слива.
Хорошо здесь и летом:
Зеленым убранством своим
Спорит вяз многодудный
С густой, остролистою ивой.
В золотую парчу
Все одето осенней порой,
Белым снегом зимой
Все покрыто, как пухлою ватой,
Круглый год восхищаются
Путники этой горой —
И в рассветных лучах,
И под вечер, во мгле синеватой.
Да, чудесными видами
Не уступает она
Горной цепи Инчжоу,
Что над царством бессмертных видна!

Оба монаха любовались горными видами и вдруг заметили с вершины горы черномазого бесенка с короткой дубинкой в руках, который пробегал прямо по ущелью, между скалами. Сунь У-кун громко окликнул его:

— Ты куда? Сейчас я схвачу тебя!

Перепуганный бесенок кувырком покатился вниз, в ущелье. Оба монаха пустились за ним вдогонку, но его и след простыл. Монахи побежали вперед еще немного и увидели пещерный дворец. Обе створки массивных мраморных ворот были плотно закрыты. Над воротами была вделана каменная плита, на которой были высечены в каллиграфическом стиле большие иероглифы. Вот что они обозначали: «Пещера Девяти кольцевых извивов на горе Коленце бамбука».

Оказывается, черномазый бесенок скрылся в пещере и успел наглухо закрыть ворота. Вбежав во внутреннее помещение, он явился к старому оборотню и доложил ему:

— Повелитель! К воротам снова подошли те двое монахов!

— А князь оборотней и львы пришли уже? — спросил его старый оборотень.

— Не видел! — отвечал бесенок. — Были только эти двое монахов. Они взобрались на самую вершину и оттуда осматривали местность. Я как увидел их, сразу же повернул назад, а они погнались за мною. Я едва успел закрыть ворота...

Старый оборотень слушал его молча, опустив голову. Вдруг слезы хлынули из его глаз.

— О горе! Горе! — завопил он. — Желтый лев погиб! Остальных моих внуков — Обезьяноподобного льва и других монахи увели в город! Как же мне теперь отомстить за такую обиду?

Тут же находились связанные Чжу Ба-цзе, правитель уезда и его сыновья, а также Танский монах. Все они жались друг к другу и молча переносили страдания. Услышав, что остальных оборотней Ша-сэн и Сунь У-кун увели в город, Чжу Ба-цзе очень обрадовался и шепнул:

— Учитель, ничего не бойся! И ты, правитель, не грусти. Мой старший брат одержал победу! Он поймал всех оборотней и скоро явится сюда выручать нас!

Не успел он договорить, как старый оборотень стал звать:

— Эй, слуги! Оставайтесь здесь и хорошенько стерегите их, а я тем временем пойду схвачу этих двух монахов, чтобы заодно и их проучить!

И вот он в чем был, в том и пошел, ничего не надел на себя, даже никакого оружия не взял. Подойдя к выходу, он услышал, как бранится Сунь У-кун. Распахнув ворота он, не говоря ни слова, бросился прямо на Великого Мудреца. Тот начал отбиваться своим посохом, нанося удары оборотню по голове. Ша-сэн стал вращать колесом свой волшебный посох и тоже принялся бить врага. Тут оборотень покачал головой и у него сразу же выросло восемь голов: четыре слева, четыре справа. Все они

разом разинули огромные пасти, вцепились в Сунь У-куна и в Ша-сэна и поволокли их в пещеру.

— Подать сюда веревки! — заорал старый оборотень.

Бесенята Чудак-плут и Плут-чудак, а также чумазый гонец, те самые, которые вчера уцелели во время битвы и, спасая жизнь, бежали сюда, тотчас же принесли две веревки и крепко-накрепко связали обоих монахов.

— Противная обезьяна! — в сердцах сказал старый оборотень, обращаясь к связанному Сунь У-куну.— Изловил моих семерых внуков. Зато нынче я поймал четверых монахов, да еще правителя уезда с сыновьями. Этого вполне достаточно, чтобы отплатить за жизнь моих внуков! Ну-ка, слуги, отберите самый колючий терновник да гибкие прутья ивы и несите сюда! Первым делом выпорем эту обезьянью морду, отплатим ей за моего внука, Желтого льва!

Трое бесенят принялись что было силы бить Сунь У-куна.

А вы знаете, читатель, что тело Сунь У-куна было закаленным. Удары розгами приятно щекотали его, и он, конечно, не издавал ни единого звука. Как ни усердствовали бесенята, стараясь бить побольнее, Сунь У-кун оставался совершенно невозмутимым. У Чжу Ба-цзе, Танского монаха, правителя уезда и его сыновей мороз пробежал по коже при виде этой ужасной порки. Вскоре ивовые прутья переломились. Порка продолжалась до позднего вечера. Трудно даже сказать, сколько ударов принял Сунь У-кун. Наконец Ша-сэн не выдержал и решил заступиться:

— Я готов принять за него сотню ударов! — сказал он.

— Не торопись! — остановил его старый оборотень.— Завтра примемся за тебя. Всех вас по очереди выпорем!

— Стало быть, до меня очередь дойдет послезавтра! — взволнованно прошептал Чжу Ба-цзе.

Вскоре совсем стемнело. Старый оборотень решил дать слугам передышку.

— Отдохните! — сказал он.— Зажгите фонари и светильники, перекусите, а я пойду в свою опочивальню Парчовых облаков и посплю немного. Вы трое уже хлебнули горя, так что будете стеречь их как следует, а завтра с утра продолжим порку.

Бесенята придвинули поближе фонари и светильники, взяли новые ивовые сучья и стали бить Сунь У-куна по голове, словно колотили в колотушку, не сбиваясь со счета: «Тик-тик-ток! Ток-ток-тик!» Удары чередовались то чаще, то реже. Но когда наступила глубокая ночь, караульщики задремали.

Тогда Сунь У-кун прибег к волшебному избавлению от пут. Он уменьшился в росте и высвободился из веревок. Затем, встряхнувшись всем телом, оправил на себе одежды, вытащил из-за уха посох и помахал им. Посох стал толщиной с бадью и длиною в два чжана. Тогда он нацелил его на троих дремавших бесенят и проговорил:

— Скоты вы этикие! Столько палок всыпали своему господину. А ему все нипочем: остался цел и невредим! Теперь я слегка прижму вас своим посохом. Посмотрим, что вы запоете!

С этими словами Сунь У-кун легонько прижал троих бесенят, и они сплющились в три кровавых блина. Сунь У-кун подправил огонь в фонарях и освободил Ша-сэна. В это время Чжу Ба-цзе, туго связанный веревками, разволновался и стал кричать:

— Братец! У меня от веревок руки и ноги вспухли, а ты даже и не подумал первым освободить меня!

Дурень так гаркнул, что разбудил старого оборотня. Тот кубарем скатился с постели и закрычал:

— Кого здесь освобождают?

Сунь У-кун быстро загасил все фонари и светильники, а затем, забыв о Ша-сэне и остальных, вышиб ворота, которых было несколько рядов, и бросился бежать. Старый оборотень прошел в средний зал и стал звать бесенят.

— Эй вы, слуги! — кричал он. — Отчего не горят фонари и светильники? Уж не сбежал ли кто из пойманных?

На его зов никто не откликнулся. Тогда он еще раз крикнул, и опять никто ему не ответил. Засветив огонь, старый оборотень стал осматриваться. На земле в луже крови он увидел троих бесенят. Правитель уезда с сыновьями, Танский монах и Чжу Ба-цзе были на месте. Не оказалось лишь Сунь У-куна и Ша-сэна. Оборотень зажег факел и принялся искать их, бегая взад и вперед. Он увидел Ша-сэна, прижавшегося спиной к выступу в стене галереи. Схватив его и повалив наземь, оборотень связал его и пустился на поиски Сунь У-куна? Но когда увидел проломленные ворота, сразу же догадался, что это Сунь У-кун разбил их и сбежал. Однако оборотень не погнался за ним. Он кое-как заделал в воротах пробоины и, загородив проломы, остался охранять свое добро. На этом мы пока и расстанемся с ним.

Выбравшись из пещеры Девяти кольцевых извилов, Сунь У-кун вскочил на благодатное облако и направился прямо в округ Яшмовые цветы. Над городскими стенами его встретили с поклонами местные духи, вместе с духами — хранителями монастырей и духом — хранителем города.

— Где же вы были раньше? Почему только нынче ночью явились сюда? — сердито спросил Сунь У-кун.

— Мы знали, что ты, Великий Мудрец, находишься в уезде Яшмовые цветы, — сказал дух — хранитель города, — и что тебе оказал радушный прием сам правитель уезда, а потому не посмели предстать перед тобой. Только сегодня мы узнали, что правитель уезда и его сыновья повстречались с оборотнем, но ты, Великий Мудрец, покорил главного дьявола. Вот мы и явились поклониться тебе.

Сунь У-кун собрался было излить свою досаду и хорошенько отругать духов, но в этот момент к нему приблизился Златоглавый дух в сопровождении небесных гонцов Лю-дин и Лю-цзя, которые привели под конвоем какого-то местного духа. Опустившись на колени, Златоглавый сказал:

— Великий Мудрец! Мы изловили этого черта из здешних мест и привели к тебе!

— Вам надо быть на горе Коленце бамбука и охранять моего наставника. Зачем же вы явились сюда и подняли шум?

— О Великий Мудрец! — в один голос заговорили духи Лю-дин и Лю-цзя. — Не успел ты удалиться из пещеры, как старый оборотень снова поймал Ша-эна и связал его. Убедившись в том, как велики волшебные силы этого оборотня, мы подумали, что необходимо выяснить, кто он такой и откуда взялся. Вот поэтому мы и взяли под стражу духа горы Коленце бамбука и доставили его сюда, чтобы ты учинил ему дознание. Тогда тебе легче будет справиться с оборотнем и ты избавишь от мук своего наставника и здешнего мудрого правителя...

Эти слова очень обрадовали Сунь У-куна.

Местный дух горы Коленце бамбука, дрожа от страха, начал отбивать земные поклоны и рассказал все, что знал про старого оборотня.

— Он появился на горе Коленце бамбука лишь в позапрошлом году, — сказал дух горы. — До этого в пещере Девяти кольцевых извилов жили шесть львов. С той поры, как в ней поселился оборотень, львы признали его своим дедом. Этот оборотень обладает девятью головами и носит прозвище Премудрый обладатель девяти чудес. Чтобы укротить его, надо отправиться на восточный край неба, во дворец Дивных скал и попросить, чтобы хозяин этого оборотня пришел за ним. Только он может привести его в покорность, больше никто не справится с ним!

Сунь У-кун долго раздумывал над словами духа и, наконец, сказал:

— На крайнем востоке во дворце Дивных скал живет повелитель Северной звезды Тай-и, он же Владыка Восточного неба и Избавитель от мук и страданий. Он действительно ездил на девятиголовом льве. Значит... — Сунь У-кун не договорил и, обернувшись к духам, решительно произнес: — Отправляйтесь сейчас же обратно и охраняйте моего наставника, учеников его, а также правителя округа с его сыновьями. А духи — хранители городов пусть остаются тут и примут на себя охрану города! Повинуясь распоряжению Сунь У-куна, духи исчезли.

Тем временем наш Великий Мудрец вспрыгнул на облако и пустился в ночной полет. Он прибыл к воротам Восточного неба примерно в час инь и встретился с Широкооким небесным князем, который совершал обход с небесными воинами и стражниками-силачами. При виде Сунь У-куна все они остановились и, сложив руки для приветствия, поклонились ему.

— Великий Мудрец! Куда путь держишь? — спросил небесный князь.

— Во дворец Дивных скал, — отвечал Сунь У-кун.

— Почему же ты не идешь на Запад, а повернул на Восток? — спросил небесный князь.

Сунь У-кун принялся рассказывать:

— Мы прибыли в округ Яшмовые цветы, и правитель округа радушно принял нас. Он даже велел своим сыновьям поклониться нам, ученикам Танского наставника как учителям, и поучиться у нас фехтованию. Но неожиданно на нас напала целая свора львов-оборотней. Нынче я узнал, что хозяином этих оборотней является здешний владыка, обитатель дворца Дивных скал, повелитель Северной звезды, Избавитель от мук и страданий. Вот я и хочу просить его спуститься на землю, укротить оборотня и спасти моего наставника.

— Небось ты сам захотел стать учителем, а потому и раздражил целый выводок львов, — догадался небесный князь.

Сунь У-кун засмеялся, чтобы скрыть смущение.

— Да, ты прав! Именно так и было! — проговорил он.

Небесные воины и силачи-стражники расступились и один за другим стали почтительно приглашать Сунь У-куна войти.

Пройдя через Восточные небесные ворота, Сунь У-кун вскоре подошел к входу во дворец Дивных скал и поглядел на него. Вот что представилось его взору:

Цветные тучи высятся слоями,
Пунцовый, благовещий пар клубится,
Волнистая, как жар, пылает кровля,
Покрыта золотой черепицей.
Расставлены перед широким входом
Ряды звериных обликов из яшмы,
И, с двух сторон ворота охраняя,
В цветах резные утопают башни.
Кругом струится свет зари румяной,
Лучи играют сквозь густые ветки,
И среди леса, озаренный солнцем,
Дворец сверкает, как в зеленой клетке.
Здесь праведников тысячи толпятся,
Взирая на дворец с благоговеньем,
И сонмы небожителей премудрых
К его вратам восходят по ступеням.
А горницы одна другой нарядней,
блестят кругом узорчатые окна,
И от дворца расходятся волнами
Тумана благовещего волокна.
Седой дракон тугим клубком свернулся —
Бессонный страж сияющей святыни,
И Желтый путь роняет с небосвода
Свой отблеск на дворцовые твердыни.
Воистину в тех мраморных палатах
Все вечной радости полно глубокой.
То Дивных скал дворец великолепный,
Стоящий на окраине востока.

В дверях стоял юный привратник, прислуживающий бессмертным. Волнистая накидка, переливающаяся всеми цветами радуги, покрывала его плечи. Увидев Великого Мудреца, он почался во внутренние покои доложить о нем.

— Дедушка! — сказал он. — У входа находится равный небу Великий Мудрец, когда-то учинивший буйство в небесных чертогах.

Владыка Восточного неба, повелитель Северной звезды, Избавитель от мук и страданий тотчас же вызвал придворных в чине шивэй*, а также бессмертных сановников, и велел им встретить гостя. Сунь У-куна ввели во дворец. В приемном зале на высоком троне, устроенном в виде цветка лотоса с девятью разноцветными лепестками, он увидел Владыку Восточного неба в бесчисленных лучах благовещего сияния. Владыка неба при виде Сунь У-куна сошел с трона и поздоровался с ним. Сунь У-кун совершил положенный поклон, на который Владыка ответил таким же поклоном.

— Великий Мудрец, — молвил он, — сколько лет не виделся! Я ранее слышал, что ты отрешился от учения даосов, уверовал в учение Будды и отправился сопровождать Танского монаха на Запад, к Будде за священными книгами. Полагаю, что ты уже завершил этот подвиг.

— Нет еще, — отвечал Сунь У-кун, — скоро он будет завершен. А сейчас я вот зачем прибыл сюда. В уезде Яшмовые цветы, куда мы попали по пути, правитель удостоил нас, учеников Танского монаха, высокой чести и предложил нам стать учителями троих его сыновей и научить их фехтовальному искусству. Затем он взял у нас наше оружие, чтобы изготовить точно такое же. И вот неожиданно ночью наше оружие похитили разбойники. Как только рассвело, мы отправились на поиски. Оказалось, что его похитил Золотистый лев, превратившийся в оборотня, который укрывался в пещере Пасть тигра на горе Барсова голова. Я пустился на хитрость и отобрал у него наше оружие. Тогда он привел целую свору львов-оборотней и вступил с нами в бой. На его стороне появился еще какой-то Девятиголовый лев, обладающий великими чарами. Он вцепился в моего наставника, в Чжу Ба-цзе, а также в правителя уезда и в его троих сыновей и уволок их всех в пещеру Девять кольцевых извилов на горе Коленце бамбука. На следующий день я с Ша-сэном отправился на поиски Девятиголового оборотня, но он и нас сцапал. Меня, связанного по рукам и ногам, подвергли порке, причем всыпали несметное количество ударов, но, к счастью, я с помощью волшебства все же выбрался оттуда, а остальные все еще находятся там и терпят ужасные муки. Я учинил дознание местному духу горы и от него узнал, что ты, Владыка, являешься хозяином Девятиголового льва. Вот я и явился сюда, чтобы просить тебя укротить его, забрать к себе и избавить людей от мук и страданий!

Владыка Восточного неба выслушал Сунь У-куна, велел одному из своих приближенных сходить в помещение для льва и позвать оттуда служку, ухаживающего за зверем. Служка крепко спал и проснулся лишь когда целая толпа придворных принялась будить и расталкивать его; служку подхватили и приволокли в зал.

— Где лев? — спросил его Владыка Восточного неба.

Служка пустил слезу и, стоя на коленях, твердил:

— О, пощади! Пощади!

— Здесь находится Великий Мудрец Сунь У-кун, — сказал Владыка неба, — и я пока не трону тебя. Говори скорей, как это ты упустил Девятиголового льва?

— Дедушка! — робко произнес служка. — Позавчера я был в палате Сладчайшей росы. Там я увидел бутылку с вином и по своему неразумию украдкой выпил его. Незаметно меня разобрал хмель, и я заснул, позабыв привязать льва и запереть его на замок.

— Это вино послал мне в подарок сам наисовершеннейший Лао-цзюнь. Оно называется «Нектар перерождения». Если ты выпил все, то должен был проспать три дня. Сколько же прошло дней с тех пор, как сбежал лев? — спросил Владыка.

— По словам местного духа, — отвечал Сунь У-кун, — он появился в позапрошлом году, стало быть, уже прошло года два или три.

Владыка засмеялся.

— Так оно и есть! Так оно и есть! Ведь один день на небе равен году на грешной земле, — сказал он.

Обратившись к служке, владыка мягко сказал:

— Ну, вставай! Прощаю тебе смертный грех. Ты отправишься со мной и Великим Мудрецом Сунь У-куном на землю, чтобы забрать льва. А вы, — сказал он, обратившись ко всем приближенным, — возвращайтесь к себе: сопровождать меня не надо!

И вот Владыка Восточного неба с Великим Мудрецом Сунь У-куном и служкою встали на облако и помчались прямо к горе Коленце бамбука. Их встретили на коленях всезнающие повелители духов пяти стран света, небесные гонцы Лю-дин и Лю-цзя, все местные духи и духи гор.

Сунь У-кун первым делом спросил их:

— Не случилось ли чего недоброго с моим наставником? Ведь он был на вашем попечении.

— Злой оборотень с горя завалился спать и за это время не мучил их больше, — отвечали духи.

— Мой премудрый лев прошел долгую школу самосовершенствования и обрел духовную силу пути Истины, — проговорил Владыка Восточного неба, — стоит ему только рявкнуть, — его сразу же услышат на небе трое Бессмертных мудрецов*, а под землею — обитатели царства Девяти источников*. Обычно этот

лев никому не причиняет вреда. Ну-ка, Великий Мудрец Сунь У-кун, подойди к его воротам да вызови его на бой! — сказал Владыка.— Замани его сюда, чтобы мне легче было изловить его.

Сунь У-кун послушался и, вытащив посох, прыгнул прямо ко входу в пещеру. Там он принялся громко браниться.

— Эй ты, негодяй-оборотень! — кричал он.— Верни всех, кого ты уволок к себе!

Он крикнул несколько раз, но оборотень, видимо, крепко спал и не отзывался. Тогда Сунь У-кун разгорячился, завертел колесом свой посох и, ломясь в пещеру, поднял неистовый крик и ругань. Наконец оборотень проснулся вне себя от гнева. Поднявшись с постели, он рывкнул: «В бой!» — замотал головой, разинул пасть и набросился на Сунь У-куна, чтобы сцапать его. Сунь У-кун отскочил. Оборотень выбежал за ворота и начал браниться:

— Разбойник ты! Несносная обезьяна! Ты куда?

Взобравшись на высокую скалу, Сунь У-кун весело рассмеялся.

— Ты еще смеешь так дерзко вести себя? — крикнул он оборотню.— Да ты не знаешь, что с тобой сейчас будет, останешься ли ты жив?! Погляди как следует. Разве не видишь, что твой хозяин здесь?

Оборотень кинулся было к скале, но Владыка Восточного неба прочел заклинание и сердито крикнул:

— Премудрый! Я пришел за тобой!

Оборотень сразу же узнал голос своего хозяина и, не осмелившись полезть в драку, тут же пал ниц на все четыре лапы, непрерывно отбивая земные поклоны. К нему подбежал служка, вцепился в гриву и начал кулаком бить его по загривку. Он стукнул его раз сто, а то и больше, приговаривая при этом:

— Ишь ты, скотина! Как это тебя угораздило сбежать? Из-за тебя мне чуть было не влетело!

Лев, стиснув зубы, молчал, боясь даже пошевелиться. Служка бил его до тех пор, пока рука не устала, после чего накинул ему на спину парчовый чепрак. Владыка уселся верхом на льва-оборотня и велел ему везти себя. Тот сразу же распрямылся, вспрыгнул на разноцветное облако и направился прямо ко дворцу Дивных скал.

Великий Мудрец послал вдогонку свою благодарность и пошел в пещеру. Сперва он освободил правителя уезда, затем Танского монаха, потом Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, а под конец — трех княжичей. Обыскав всю пещеру и забрав все драгоценности, Сунь У-кун, довольный, повел всех к выходу. Чжу Ба-цзе набрал сухих сучьев и листьев, завалил вход в пещеру изнутри и снаружи, поджег их, и вскоре вся пещера Девяти кольцевых извивов стала похожа на заброшенную гончарную печь!

После этого Великий Мудрец Сунь У-кун отпустил всех духов, а местному духу горы велел оставаться и караулить гору. Затем он приказал Чжу Ба-цзе и Ша-сэну прибегнуть к волшебству и примчать правителя и его сыновей в окружной город, посадив их себе за спину. Сам он подхватил Танского монаха. Смеркалось, когда прибыли в окружной город. Навстречу им вышли супруга правителя округа и все должностные лица. Тотчас принялись готовить пир, все уселись вместе, и началось веселье.

Наставник и его ученики опять ночевали в беседке Белого шелка, а княжичи легли спать в своих хорамах. О том, как прошла эта ночь, мы рассказывать не будем.

На другой день правитель округа распорядился вновь устроить пир, на котором все чины разных рангов, больших и малых, благодарили монахов за великие милости. Сунь У-кун предложил позвать мясников, чтобы убить шестерых львов, содрать с них шкуры, как с Желтого льва, а из мяса приготовить угощение. Правителю уезда понравилось это предложение, и он тотчас повелел убить львов: одного из них оставить для дворцовых чинов внутренней и внешней служб, второго — для старших чинов, а четырех разрубить на куски, весом по одному и по два яна, и отрядить всех Военачальников в чине сяовэй, чтобы они роздали мясо всем жителям города и предместий, пусть все попробуют, каково оно на вкус и, кроме того, избавятся от страха и беспокойства.

Во всем городе не было ни одного дома и ни одного двора, в котором не благословляли бы правителя уезда.

Между тем выяснилось, что кузнецы уже выковали оружие. Отбивая перед Сунь У-куном земные поклоны, они сами явились с докладом.

— Отец, твои покорные слуги закончили работу, — сказали они.

— Сколько же весит каждое оружие? — поинтересовался Сунь У-кун.

— Посох с золотыми обручами весит ровно тысячу цзиней, — ответили кузнецы, — грабли с девятью зубьями и посох, покоряющий оборотней, — по восьмисот цзиней.

— Ладно, и то хорошо! — похвалил их Сунь У-кун. Затем он велел пригласить трех княжичей взять свое оружие. Те обратились к отцу:

— Отец наш князь, наше оружие уже готово.

— Из-за этого оружия мы с вами чуть жизни не лишились, — проговорил старый князь недовольным тоном.

— Но, к счастью, наш волшебный наставник явил свою силу и всех нас спас, — сказал старший сын, — да к тому же он уничтожил оборотней и избавил нас от тревог на все последующие годы. Вот уж поистине для нас наступят теперь мирные и безмятежные времена, как говорят: «Моря станут зеркальными и реки прозрачными!»

Старый князь и его сыновья наградили мастеров за работу, а затем направились в беседку Белого шелка и, отбивая поклоны, благодарили наставников за все их милости.

Танский монах велел ученикам поскорее научить княжичей фехтовальному искусству, чтобы не задерживаться. И вот во дворе усадьбы правителя трое монахов, размахивая каждый своим оружием, по порядку показывали приемы боя. Не прошло и нескольких дней, как трое княжичей в совершенстве овладели всеми приемами фехтования, не осталось ни одного из способов нападения и обороны, которые они не усвоили бы, а этих способов насчитывалось до семидесяти двух. Во-первых, сами княжичи были преисполнены решимости выучиться, а во-вторых, надо отдать должное Великому Мудрецу Сунь У-куну, который прежде всего наделил их духовной силой, благодаря чему княжичи могли свободно поднимать и вращать посох весом в тысячу цзиней, а также грабли и палицу по восемьсот цзиней весом. Их прежнее искусство отличалось от настоящего, как небо от земли! По сему случаю сложены стихи, которые следует привести для доказательства:

Угодно было благостной судьбе
Цветущий край избавить от печали,
Вот почему три княжича в пути
Трех праведных монахов повстречали.
Учиться боевому мастерству
Те у отцов решили преподобных,
Не думая в неведение своем,
Что потревожат оборотней злобных.
Пошли походом оборотни-львы,
Но нечисти был дан отпор великий,
И снова всюду водворился мир,
Все подчинилось одному Владыке,
А старый бес — Девятиглавый лев
Наказан был согласно высших правил,
Узнал о нем всю правду Сунь У-кун
И наконец на должный путь наставил.
Пусть благородный подвиг мудрецов
Навек для всех останется святыней,
И пусть в уезде Яшмовых цветов
Мир и спокойствие царят отныне!

Княжичи тоже устроили торжественный пир, во время которого изъявили благодарность своим учителям и преподнесли им большой поднос с золотом и серебром.

— Унесите скорей! Унесите! — смеясь, отмахнулся Сунь У-кун. — Ведь мы монахи, отрешившиеся от мирской суеты, для чего же нам золото?

Однако тут вмешался Чжу Ба-цзе:

— Золота и серебра мы, конечно, не осмелимся принять, — сказал он, — но смотрите, как разодрали львы-оборотни всю мою одежду. Явите милость и дайте нам другую, этим вы выразите свою любовь к нам.

Княжичи тут же приказали портным сшить всем трим учителям новую одежду, одинакового покроя, из парчи трех цветов: темно-синей, красной и коричневой. Монахи с радостью приняли подарок, нарядились, а затем собрали свои пожитки и отправились в путь.

Жители округа, от мала до велика, в городе и за городом, чествовали монахов и величали их архатами, а также живыми Буддами, сошедшими на грешную землю.

На всех улицах и проулках гремели барабаны, играла музыка, висели разноцветные флаги и знамена.

Вот уж право:

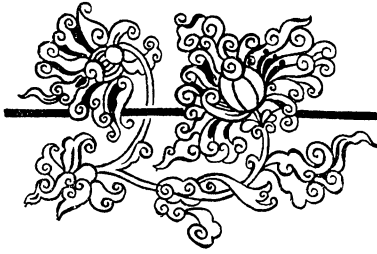
В каждом доме сегодня и в каждом семействе
Ароматные свечи с утра зажжены,
Над воротами вдоль разукрашенных улиц
Фонари разноцветные всюду видны.

Шествие провожающих растянулось на довольно большое расстояние. Наконец всем четверым монахам удалось распрощаться со всеми и отправиться дальше на Запад.

Взойди, отбросив думы и заботы,
В обитель Будды, в царственную высь,
И с чистым сердцем, с искренним желаньем
В храм Громовых раскатов вознесись!

Далеко ли еще было до чудесной горы Линшань? Когда наши путники прибыли туда? Обо всем этом вы узнаете из следующих глав.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ,

*повествующая о том, как в округе Золотой покой путники любовались
новогодними фонарями и как Танский монах держал ответ в Черной
пещере*

С чего начать духовный путь
К вершинам созерцанья?
Сперва тревоги изгони
Прочь из души своей,
Чтоб рой желаний не мелькал,
Как стая обезьянья,
Чтоб мысли не неслись в тебе
Стремительней коней.

Но если их ты не изгнал,
А только взял на привязь,
Пяти пороков * все равно
Тебе не удержать,
И чуть задержишься в пути,
Идти вперед противясь,
Три непростительных греха *
В тебе взойдут опять.

Свободу дашь своим страстям —
Лишишься эликсира,
Который лишь один душе
Бессмертие дает.
Желаньям будешь потакать,
Пустым соблазнам мира —
Природный, изначальный дух
В тебе не расцветет.
Отвергни раз и навсегда
Порывы дум случайных,
Пусть гнева, радости, забот
Бежит* душа твоя,
И лишь тогда узнаешь ты
О сокровенных тайнах
И навсегда уйдешь душой
В покой небытия.

Итак, Танский монах и его ученики покинули главный город уезда Яшмовые цветы и спокойно двинулись по ровной дороге, ведущей в страну Высшего блаженства. Через несколько дней вновь показались очертания какого-то города.

— Это еще что за место такое? — изумился Танский монах, повернувшись к Сунь У-куну.

— Как видишь, это — город, — отвечал тот, — но на шесте над городскими стенами нет флага, да и местность эта мне незнакома. Погоди, вот подойдем ближе, тогда и спросим.

Когда путники достигли восточной заставы, они увидели по обеим сторонам дороги чайные и питейные заведения, из которых доносились веселые крики и шум, показались также лабазы и маслобойни, везде царило оживление.

Несколько лоботрясов столпились на улице, разглядывая длиннорылого Чжу Ба-цзе, Ша-сэна с темным лицом и красноглазого Сунь У-куна, однако никто из них не осмеливался подойти ближе и заговорить с путниками. Танский монах боялся, что бездельники затеют ссору с его учениками, и от страха pokrылся холодным потом.

Путники прошли еще несколько кварталов и, не доходя до городской стены, увидели вход в монастырь, над воротами которого была надпись из трех иероглифов: «Монастырь милосердия Будды».

— Не зайти ли нам сюда? — спросил Танский монах своих спутников. — Дадим коню передохнуть, да и сами перекусим.

— Что же, это хорошо! Очень хорошо! — произнес Сунь У-кун.

Все четверо вошли в ворота. Вот что они увидели:

Драгоценные башни
Красуются здесь величаво,
А над ними вздымается
Будды престол золотой,
Выше туч его храм,
До небес вознеслась его слава,
Тихо в кельях монахов,
Всю ночь озаренных луной.

Благовонных курений
Клубятся дымки, как живые,
В чуть заметном
Пунцовом сиянии ступа * видна.
Ветерок среди листвы
Тихо крутит вертушки резные,
Где молитвенных свитков
Святые горят письмена,

Не начало ли здесь
Непорочной земли Суковати? *
Эти храмы подобны
Драконов дворцам неземным.

Главный храм среди них
Золотится в лучах благодати,
И пурпурной завесою
Облако реет над ним.

А с обеих сторон,
Вдоль больших галерей из гранита
Сотни праздных людей
Ходят толпами целые дни.
Среди пагод одна
Для гостей постоянно открыта,
Чтоб на самую кровлю
Могли подниматься они.

День и ночь из курильниц
Восходят клубы благовоний,
Растворяются в небе,
Как сны, и чисты и легки.
День и ночь напролет
Перед Буддой, воссевшим на троне,
Негасимых лампад,
Колыхаясь, горят светляки.

Золотой колокольчик,
Хрустальную трель разливая,
Издаেকে звенит,
Возвещая сердцам благодать.
То идет настоятель,
Монахов своих созывая,
Чтобы вслух до зари
Им священные сутры читать.

Пока все четверо разглядывали монастырь, с галереи сошел к ним какой-то монах.

— Откуда пожаловал сюда, почтенный? — спросил он Танского монаха, отвесив низкий поклон.

— Твой смиренный брат в монашестве прибыл сюда из Серединного цветущего государства, от двора Танского государя, — отвечал Танский монах.

При этих словах незнакомый монах неожиданно пал ниц и начал отбивать земные поклоны. Танский монах смутился и поспешно поднял его, приговаривая:

— Владыка! Что ты! Разве я достоин столь великой чести?!

Молитвенно сложив ладони рук, незнакомый монах скромно ответил:

— Все мы здесь стремимся к добру, читаем молитвы, поклоняемся Будде и преисполнены надеждой при перерождении оказаться в твоём Серединном цветущем государстве. Считаю своим долгом кланяться тебе до земли, так как вижу, что ты удостоился благодати родиться в этом государстве, носить дорогие ризы и головной убор, стало быть, в прежней своей жизни достиг духовного совершенства.

Танский монах усмехнулся.

— Не пугай меня! Мне просто страшно от твоих слов! За кого ты меня принял! Я ведь самый простой странствующий монах,— сказал он,— какой же благодатью я пользуюсь? Вот ты, почтенный владыка, обитающий в столь прекрасном монастыре в полном достатке и довольстве, действительно наслаждаешься счастьем.

Монах повел за собой Сюань-цзана в главный зал храма, где тот поклонился Будде, и после этого позвал своих спутников. Покуда незнакомый монах разговаривал с наставником, ученики Танского монаха стояли в стороне, спиной к ним. Один держал коня, другой — поклажу, и монах не обратил на них никакого внимания. Когда же наставник окликнул их и они все трое обернулись, монах перепугался.

— Отец! — воскликнул он. — Почему твои уважаемые ученики так безобразны?

— Хоть они безобразны,— ответил Танский монах,— зато обладают волшебными силами. На всем пути они оберегали меня, за что я очень им признателен.

Пока они беседовали, из глубины монастырского двора подошло еще несколько монахов, все они почтительно поклонились. Тогда тот монах, который первым приветствовал Танского наставника, обратился к подошедшим монахам и сказал им:

— Сей почтенный наставник — уроженец Серединного цветущего государства, посланец великого Танского императора. А те трое — его уважаемые ученики.

Монахи почувствовали одновременно и радость и страх.

— Зачем изволил пожаловать к нам, почтенный наставник великого Серединного цветущего государства? — робко спросил один из них.

Сюань-цзан в который уже раз начал рассказывать:

— Я получил повеление моего государя, Танского императора, отправиться на чудесную гору Линшань, поклониться Будде и испросить у него священные книги. Мой путь как раз проходит через ваш благодатный край, а в монастырь ваш я зашел, во-первых, для того, чтобы осведомиться, что это за местность, а во-вторых, попросить у вас подаяния, подкрепиться и с новыми силами двинуться в дальнейший путь.

Тут монахи пришли в радостное возбуждение и пригласили Танского наставника посетить настоятеля монастыря. В его келье оказалось еще несколько монахов, приготавливавших трапезу. Монахи, которые повели Сюань-цзана и его учеников, первыми вошли в келью настоятеля и громко возвестили:

— Идите, глядите на людей Серединного цветущего государства! Оказывается, там есть и благообразные и безобразные. Благообразный настолько хорош собой, что его невозможно описать ни словами, ни кистью; безобразные же — настоящие чудовища!

Многие монахи вместе с настоятелем вышли встретить гостей. Когда церемония взаимных приветствий была окончена, все сели.

— Как называется город, в котором расположен ваш чудесный монастырь? — спросил Танский монах, закончив чаепитие.

— Этот город называется Золотой покой, — отвечали монахи, — он находится в пограничном округе нашей страны, страны Зарослей небесного бамбука.

— Далеко ли от вашего округа до чудесной горы Линшань? — продолжал расспрашивать Танский монах.

— Отсюда до столицы две тысячи ли, — мы знаем это, так как бывали там. А вот на Запад, к чудесной горе Линшань, никто из нас не ходил, и мы не осмеливаемся сказать, как далеко до нее.

Вскоре стол был накрыт. После трапезы Танский монах собрался было в путь, но тут все монахи и сам настоятель стали уговаривать его остаться.

— Почтенный наставник наш! — говорили они. — Осчастливь нас хотя бы на денек-другой. Проведи с нами праздник фонарей. Что плохого в том, что вы повеселитесь с нами?

— В пути мы только и думали, как переходить горы и реки да как избегать встреч с оборотнями и злыми духами-марами, а потому потеряли счет времени и не знали, что наступает праздник фонарей, — отвечал Сюань-цзан.

Монахи рассмеялись.

— Почтенный наставник! Все твои помыслы устремлены лишь к тому, чтобы поклониться Будде и уразуметь тайну созерцания, поэтому ты и забыл о празднике. А между тем сегодня тринадцатый день первой луны, и к вечеру мы устроим пробное зажигание фонарей. Ведь послезавтра уже праздник. Веселиться будем до восемнадцатого, а то и девятнадцатого дня. В этом уезде живут добрые люди, большие охотники до зрелищ, а правитель округа из любви к своему народу всегда устраивает празднества. Повсюду будут вывешены фонари, и всю ночь напролет будет играть музыка. Кроме того, вы увидите замечательное зрелище — «мост золотых фонарей». Его устраивают с очень давних времен, и с каждым годом оно становится все более красочным и пышным. Остайся на несколько дней, почтенный наставник, а мы уж постараемся, чтобы вам было как можно удобнее у нас.

Танский монах не мог отказаться от столь любезного приглашения и вместе с учениками остался в монастыре.

В тот же вечер в храме Будды стали бить в гонги и барабаны, созывая всех верующих, живущих по соседству. Они должны были принести фонари для подношения Будде. Танский монах и его ученики вышли поглядеть на зажженные фонари, после чего все разошлись на ночлег.

На следующий день для гостей снова была устроена трапеза.

После этого все вместе отправились на прогулку в монастырский сад. То был поистине чудесный сад. Вот послушайте:

Лишь первый лунный месяц был,
А здесь уже цвела весна,
Звенела серебром ручьев
И хором птичьих песен.
В душистом, утреннем саду
Царили блеск и тишина,
И в нем был каждый уголок
Причудлив и прелестен.

Здесь круглый год вдоль всех аллей
Не вянут нежные цветы,
Здесь круглый год свежа листва
Деревьев величавых,
А над зеркальной водой
Красиво выгнулись мосты,
И тонут лестницы в густых,
Благоуханных травах.

Подобно пикам диких гор,
Вершины каменных громад
Затейливо возведены
Умелыми руками,
И от ветвей цветущих слив
Густой медвяный аромат
Навстречу вешней синеве
Восходит облаками.

Все мягко розовеет здесь,
Когда пленительно цветет
Душистый персик на заре,
И нежный и пугливый.
Все пышно зеленеет здесь,
Когда над ясной гладью вод
Густую, свежую листву
Вновь надевают ивы.

В своих изысканных стихах
Пускай поэты всех времен
Наперебой не хвалят нам
Сад Золотой долины*,
Пускай не уверяют нас,
Что краше и богаче он,
И удивительней стократ,
Чем этот сад старинный.

Пускай на тысячи ладов
С восторгом славить не спешат
Красу картины видовой,
Что создана Ван Вэем*,
Ни разу в жизни не взглянув
На этот монастырский сад,
Не прогулявшись по его
Приветливым аллеям.

А на реке — раздолье здесь
Для диких уток и гусей,
Пестреет тысячами птиц
Лазурная излучка.

Густые заросли шумят,
Где самый мудрый из гостей
И тот названий не найдет
Для всех сортов бамбука.

Дыханье сокровенных сил
С небесной веет высоты
И пробуждает лепестки
Пеоний и пионов,
Вон прихотливы и пестры
Цветут смешливые цветы *,
Вон розовеют купы роз
Вдоль изумрудных склонов.

Вон, распустившись раньше всех,
Цветы камелии видны,
Огнем шиповников густых
Уже оделись кручи,
А эти нежные цветы
Зовутся Встречью весны, *
И волчегодник зацвел,
Упрямый и пахучий.

На скалах северной гряды
Еще сверкает снег седой,
Как будто вечная зима
Царит на этих склонах.
А дальше, к югу стройный лес
Окутан дымкой голубой,
И льется вешний ветерок
Среди ветвей зеленых.

На отражение свое
Глядит задумчивый олень,
Застыв у ясного пруда,
Как статуя немая,
И важно аисты стоят
Под сенью сосен целый день,
Игре на лютне золотой
Внимательно внимающая.

Здесь на восточной стороне
Встал теремов узорный ряд,
Блестя, как хрупкая резьба
Из яшмы или кости.
На западной, — зубцами крыш
Беседки, башенки горят,
Где могут на ночлег всегда
Расположиться гости.

На южной — залы ты найдешь
Для праведников и святых,
Огни курильниц зажжены,
Светло от их мерцакий.
На северной — в тени деревьев
Немало пагод золотых
Для строгих, безмятежных дум
И чистых созерцаний.

А за листвою, среди цветов
Две стройных башни поднялись.
Где можно душу укреплять
Наедине с собою.
Двойные кровли их парят,
Как будто устремляясь ввысь,
Блестящая в утренних лучах
Глазурью голубую.

А там, где горы над водой,
Светелки тихие видны,
Где избавляются сердца
От злого духа-мары.
Покоем дышат окна их,
Всегда прозрачны и ясны,
Любой, кто хочет, в них входит —
И молодой и старый.

И. право, сами небеса
Благословили этот край,
Где можно жить, уединясь,
Забыв и грех и горе.
И незачем приют искать
На островах Пэнлай, Инчжоу:
Таких благословенных мест
Нет и в Восточном море!

Учитель и его ученики провели в саду целый день, любуясь его красотами, и вечером отправились в храм, где уже зажгли фонари, а затем в пригород, на предпраздничное гулянье.

Оттуда они смотрели на город, который утопал в море огней.

Блещет весь огромный город,
Как в агатовых цветах,
И пышней великолепья
Не увидишь и в мечтах,
Словно яркою глазурью
Ниши светятся внутри,
И качаются повсюду
Расписные фонари.
А кругом светло, как в полдень,
И дворцы блестят вдали,
Озаренные огнями,
Как слюда или хрустали,
Словно кто-то разноцветной,
Драгоценною парчой
Их изящно разукрасил
И поставил в длинный строй.

От мостов ложатся тени
И скользят по глади вод,
Будто движутся, качаясь,
И земля и небосвод.
Словно в пламени дерева —
То с раскидистых ветвей
Алый свет кругом струится
От несчетных фонарей.
Вдоль ширских главных улиц
Люди весело снуют,

Свищут тоненькие дудки,
Барабаны мерно бьют.
Дым струится благовонный,
И над множеством ворот
Фонарей цветное пламя
До утра сиянье льет.

Там и сям сверкают горки,
И летят снопы огней,
Точно рыбы и драконы
Из пылающих морей,
Стаи фениксов хвостатых
И огнистых птиц луань
Небо блеском испещряют,
Словно вышитую ткань.

Восхищаясь фонарями
И сиянием луны,
Беззаботно бродят люди,
Мирной радости полны,
И, блистая легким шелком,
Рой красавиц между тем
То играет на свирелях,
То поет на радость всем.

Мчатся с грохотом повозки,
Скачут кони, вьется смех.
Лица дев нежнее яшмы,
Не насмотришься на всех!
К ним стремятся с восхищеньем
Взоры щеголя юнца.
Нет числа живым виденьям,
Дивным видам нет конца!

Пока Танский наставник Сюань-цзан смотрел, как зажгли фонари в монастыре, и затем отправился в пригород и дошел до самой восточной заставы, глядя на гулянье, наступила уже вторая ночная стража. Утомившись, Танский монах отправился на покой.

На следующий день он обратился к монахам со следующими словами:

— Когда-то я дал обет приводить в порядок все пагоды, которые встретятся на пути, вот и сейчас хочу попросить вас открыть пагоду, чтобы я мог выполнить свой обет.

Монахи распахнули двери пагоды. Тем временем Ша-сэн достал рясу наставника и последовал за ним. Когда они прибыли в первый ярус пагоды, Танский наставник облачился и совершил молебствие перед изображением Будды, затем взял веник и обмел им пыль во всем первом ярусе. Потом он снял облачение и передал его Ша-сэну. Тот обмел второй ярус. Так, чередуясь, они обмели всю пагоду до самой макушки. На каждом ярусе они обметали пыль со статуи Будды, открывали окна и, прежде чем перейти в следующий ярус, любовались и восхищались этой великолепной постройкой. Уже вечерело, когда

они закончили работу и сошли вниз. Повсюду зажглись фонари и потешные огни.

Наступала ночь пятнадцатого числа — праздник фонарей. Монахи обступили Сюань-цзана.

— Уважаемый наставник! — молвили они. — Вы видели праздничные фонари только у нас в монастыре и в пригороде у восточной заставы. А нынче вечером начнется настоящий праздник. Пойдемте в город, поглядим на «золотые фонари»! Каково ваше мнение?

Сюань-цзан с радостью согласился и вместе с Сунь У-куном и остальными учениками в сопровождении толпы монахов отправился в город на праздник фонарей.

Пышен праздник Юаньсяо!¹
Вслед за ночью новогодней
На пятнадцатое утро
К нам в дома стучится он.
В этот день впервые ветер
Веет ласкою весенней,
А прохладный синий вечер
Весь огнями озарен.

В шумном городе повсюду
Фонари висят цветные,
Мирным хором, стройным хором
Песни льются до зари.
И везде: вдоль главных улиц
И на площадях базарных
Ясным светом пламенеют
Расписные фонари.

Вот луна из тьмы восходит,
Круглым зеркалом сверкая:
То серебряное блюдо
Поднял в небеса Пин-и*.
Фонари внизу пестреют:
То волшебная ткачиха
На парчу кладет узоры
Прихотливые свои.

На луну в глубоком небе
Фонари свой блеск бросают —
Сразу небо вдвое ярче
Озаряется огнем,
А в ответ луна из мрака
Льет на них свое сиянье—
Сразу вдесятеро ярче
Блещут улицы как днем.

Над искрящейся рекою
На цепях мосты повисли,
До утра смотри-льбуйся —
Не насмотришься на них!

¹ Юаньсяо — праздник фонарей.

До утра броди вдоль улиц —
Сотой части не осмотришь
Фонарей разнообразных,
Вышитых и расписных.

Круглых, гнутых, шестигранных,
Сливовым цветам подобных.
Из материй, из бумаги,
Что блестит, как вешний лед,
Эти светят над дверями,
Вход приветливо украсив,
Те, качаясь на деревьях,
Ночь сияют напролет.

Эти с высоты свисают,
Словно грецкие орехи,
Те цветами неньюфара¹
Распустились на ветвях,
На больших шестах вдоль улиц
Черных львов плывут фигуры
Рядом с белыми слонами,
Будто в сказочных краях.

У навесов на высоких
Тонких мачтах реют в небе
Фонари — морские раки,
Черепахи и угри,
И, качаясь как живые,
Под карнизами резными
Блещут фонари-ягнята
И зайчата-фонари.

Вот фонарь летящий сокол,
Рядом с ним сидящий феникс,
Все сверкает от потешных,
От затейливых огней,
И на гнущемся бамбуке
С громким пением проносят
Злобно скалящихся тигров
И стремительных коней.

Вот на аисте могучем
И олене белоснежном
Долголетья бог проехал,
Что любому сердцу мил,
Вот горят, переливаясь,
«Кит» и «Рыбка золотая»,
На которых в дни былые,
Говорят, Ли Бо * уплыл.

Вон фонарь с огнистой горкой,
На которой, по преданью,
Сонмы духов отовсюду
Собираются в ночи.
Вон вращается, играя,
И другой фонарь чудесный,
На котором полководцев
Скрещиваются мечи.

---

¹ Н е н ю ф а р — лотос.

Тысячи и сотни сотен
Праздничных домов сверкают,
На террасах и на вышках —
Всюду реют фонари,
И от их цветного блеска
На десятки ли сияньем
Облаков края покрыты,
Будто бликами зари.

Здесь — копыт веселый цокот,
Мелодичное бряцанье
Серебра чеканной сбруи
В самоцветах дорогих,
Там — повозок громыханье,
И за шторками сквозными
Прихотливые прически
Знатных модниц городских.

А из комнаток нарядных,
У перил узорных стоя
И украдкой раздвигая
Занавесок легкий газ,
Прислонясь к плечу подруги,
Взявшись за руки стыдливо,
С восхищеньем смотрят девы,
С торжества не сводят глаз.

У мостов, повисших круто
Над зеленою водою,
Крик и шум толпы нарядной,
Паланкинов длинный ряд.
Громкий хохот раздается
Средь веселия хмельного,
Ходят по двое гуляки
Забавляются, острят.

До утра нарядный город
Полон музыки и шума,
До утра не молкнет гомон,
И толпится пестрый люд.
До утра свистят свирели,
И рокочут барабаны,
До утра повсюду песни
Благозвучные поют.

Чтоб уверить вас, читатель, что все это правда, надо привести
для доказательства вот еще какие стихи:

Если край безмятежный
И довольством и счастьем богат,
В пышный день Юаньсяо
Всюду радостно песни звучат.
Если долгие годы
Всюду царствуют мир и покой,
Собираются люди
На гулянье веселой толпой.
На ликующий город
В новогоднюю ночь посмотри:

Под огромной луною
Ясным светом горят фонари.
Значит, дождь благодатный
Оросит расцветающий край,
Будут ветры послушны,
Будет снова большой урожай.

В это время были сняты все уличные запреты полицейских властей. Бесчисленные толпы людей шумели и веселились в свое удовольствие: плясали, ходили на ходулях, катались на слоне; было много ряженых. В разных концах города, то тут, то там, устраивались любопытные зрелища. Посмотреть все не было никакой возможности. Наконец Танский наставник с монахами протиснулся сквозь толпу к мосту, на котором были установлены золотые фонари. Подойдя ближе, он увидел три огромных светильника, величиной с добрый чан, над которым красовались двухъярусные ажурные башенки, сплетенные из тонкой золотистой проволоки. Внутри башенки были выложены тонкими пластинками из глазури и светились так ярко, что затмевали сияние луны. Масло в светильниках издавало приятный запах. Танский монах заинтересовался:

— Что за масло в этих светильниках? От него исходит такой сильный и приятный запах!

— Почтенный наставник! — ответил один из монахов. — Ты, конечно, не знаешь, что у нас есть уезд, который занимает площадь в двести сорок ли и называется уездом Осеннего неба. Там ежегодно двести сорок больших дворов должны вырабатывать масло для этих светильников. Повинности других уездов неизмеримо легче, нежели та, которая выпала на долю этих двухсот сорока дворов: каждый двор ежегодно затрачивает больше двухсот лянов серебра. Ведь это не простое масло, а душистое — стиракса*. Каждый лян его обходится в два ляна серебром, а один ху стоит тридцать два ляна! В каждый светильник входит пятьсот ху, стало быть в три светильника — тысяча пятьсот ху, за что следует уплатить серебром сорок восемь тысяч лянов! Если считать еще и другие расходы, то набегит более пятидесяти тысяч лянов, а гореть эти светильники будут всего-навсего три ночи.

— Да разве возможно, чтобы такое количество масла могло выгореть за три ночи? — изумился Сунь У-кун

— Ничего удивительного в этом нет, — ответил монах, — фонарь имеет сорок девять огромных фитилей. Фитили сделаны из пеньки, обмотаны шелковой ватой и каждый из них толщиной с куриное яйцо. Если в течение этой ночи, пока горят светильники, сюда снизойдут воплощенные Будды, то уже назавтра масла в сосудах не останется и свет фонарей начнет меркнуть.

— Вот это здорово! — расхохотался Чжу Ба-цзе. — Выходит, что достопочтенные Будды забирают даже масло из светильников!

— Да, ты совершенно прав, — невозмутимо подтвердил мо-

нах.— Жители города знают об этом, передают своим потомкам, и так из рода в род. Это повелось с древнейших времен. Если масло из сосудов исчезает, значит, Будды приняли подношение. В такой год, разумеется, бывает обильный урожай. Если же масло остается нетронутым, обязательно случается лихолетие с неблагоприятными дождями и ветрами. Вот почему люди не жалеют сил и денег на столь дорогое подношение.

В это время послышалось зловещее завывание ветра. Люди в панике стали разбегаться. Монахи, сопровождавшие Сюаньцзана, тоже собрались бежать.

— Почтенный наставник! Надо возвращаться! — взволнованно говорили они.— Надвигается буря... Это сами Будды спускаются с небес поглядеть на праздник фонарей!

— Откуда вы взяли, что это Будды?— недоверчиво спросил Танский монах.

— Ну, как же! Так бывает из года и год,— ответил один из монахов.— Если ветер поднимается до наступления третьей ночной стражи, все знают, что это предвещает сошествие Будд, и спешат поскорее укрыться!

— Я и мои ученики всегда только и думаем о Будде, молимся и поклоняемся ему,— сказал Танский наставник.— И если в самом деле Будды соизволят сойти с неба в этот замечательный праздник, то мы останемся здесь и поклонимся им. Это будет для нас великое счастье.

Как ни уговаривали его монахи, он так и не пошел.

Вскоре в струях ветра действительно появились три Будды, которые приблизились к золотым светильникам. Танский наставник пришел в сильное смятение, вбежал на мост, повалился наземь и начал отбивать поклоны. Сунь У-кун поспешно одернул его и поднял на ноги.

— Наставник, это не Будды,— решительно произнес он.— Это злые духи-оборотни!

Едва успел Сунь У-кун произнести последние слова, как огонь в светильниках потускнел, раздался резкий свист, оборотни подхватили Танского наставника и умчались с ним в сильном порыве ветра.

С какой горы, из какой пещеры появились эти оборотни? Никто не знал, хотя оборотни уже в течение многих лет под видом Будд являлись на праздник Золотых фонарей.

Чжу Ба-цзе метался из стороны в сторону, разыскивая наставника, Ша-сэн с перепугу поднял невообразимый шум.

— Братцы,— остановил их Сунь У-кун.— Не надо шуметь. За чрезмерную радость наш наставник поплатился: его похитили злые оборотни!

— Отец наш! Откуда ты знаешь, что его похитили оборотни? — спросили монахи.

— Эх вы! — смеясь, отвечал Сунь У-кун.— Простые смертные! По своему неведению вы годами даете оборотням дурачить

себя, да еще уверяете, что это живые Будды приходят к вам на празднества и принимают ваши подношения. Ведь те, что примчались сюда с порывом ветра в обличье Будды, как раз и есть оборотни. Даже мой наставник не сумел их распознать. Вбежал на мост поклониться им, а они погасили огонь, наполнили маслом свои посудыны и заодно похитили нашего наставника! А я замешкался и не успел спасти его.

— Что же делать? Как быть? — озабоченно спросил Ша-сэн.

— Не будем медлить! — отвечал Сунь У-кун. — Возвращайтесь с монахами в монастырь, стерегите коня и поклажу, а я с попутным ветром догоню оборотней.

Ну и Сунь У-кун! Он стремительно вскочил на облако, поднялся высоко в воздух и, определив по запаху, что оборотни отправились на северо-восток, пустился вслед за ними. К утру ветер стих: впереди показалась огромная гора, совершенно неприступная. Замечательная это была гора. Вот послушайте:

Вершины, пропасти вокруг
Видны сквозь утренний туман,
И воды чистых родников
Извивами сбегают вниз.
С обрывистых, отвесных круч
Свисают тысячи лиан,
На гребнях оголенных скал
Растут сосна и кипарис.

А за рассветной полумглой
Уже курлычут журавли,
И в облаках гусиных стай
Немолчный слышен разговор,
И словно копий боевых
Ряды возносятся вдали —
То голубеют острия
Огромных, неприступных гор.

Громады вековых скал
Уступами уходят ввысь,
Как будто кто-то глыбы их
Стеной сложил до облаков,
И вверх на сотни сотен жэнь¹
Вершины круто вознеслись,
Изогнутые гряды их —
Как сотни каменных подков.

Раскрылись горные цветы,
Лес одевается листвою —
Все дышит радостью вокруг,
Весны приветствуя приход.
Кукушки, иволги кричат,
Переключаясь под горой,
Восторг переполняет их
При виде всех ее красот.

---

¹ Ж э н ь — древняя мера длины в 8 чи (около 2,5 метра).

Но как хребет ни величав,
Как ни причудлива гора,
Опасны крутизны ее —
Лишь смельчаку по ним пройти!
Всегда безлюден этот край,
По целым дням броди с утра —
Среди утесов и чащоб
Людей не встретишь на пути.

Зато не раз услышишь здесь,
Украдкой прячась за скалой,
То барса разъяренный рык,
То тигра громогласный рев,
А в чащах бродят кабарги,
Олени носятся стрелой,
Увидишь белых зайцев тут
И злых охотников-волков.

Десятки полноводных рек
Сбегают с этих диких гор
И на десятки тысяч ли
От их подножия текут.
Стремительно бежит вода,
Упрямо рвется на простор
И шумно плещется, крутятся,
Кипя среди гранитных груд.

Утвердившись на вершине скалы, наш Великий Мудрец стал искать глазами дорогу или тропу и вдруг увидел четверых путников, гнавших перед собою трех баранов. Они спускались по западному склону горы и покрикивали: «Кай-тай!»¹. Великий Мудрец метнул на них огненный взгляд своих золотистых очей и сразу же признал в них духов времени, ведающих годами, месяцами, днями и часами. Они приняли человеческий облик и приближались к нему.

Сунь У-кун тотчас достал посох, помахал им, и он сразу стал толщиной в плоску, а длиною, пожалуй, в два чжана. Спрыгнув со скалы, Сунь У-кун закричал духам:

— Эй вы! Куда пробираетесь тайком, хотите замести следы?

Духи сконфузились: они не ожидали, что Сунь У-кун узнает их. Прогнав баранов, они приняли свой настоящий облик, отбежали на обочину дороги и почтительно поклонились Сунь У-куну.

— Великий Мудрец! Прости нам нашу вину! — взмолились они.

— Вы, видно, совсем обленились, пользуясь моим попустительством, — сказал Сунь У-кун. — Все это время я не обращался к вам, вы даже повидаться со мной не приходили. Что же это такое? Почему вы покинули наставника и не охраняете его? Куда собрались? Говорите?

---

¹ К а й - т а й — возглас, выражающий пожелание благополучия и процветания.

— Твой наставник позволил себе некоторую вольность, неподобающую преподобному монаху: в монастыре Милосердие Будды в округе Золотой покой он проявил неумеренный интерес к веселым зрелищам. А ведь «чрезмерное счастье всегда порождает несчастье, а излишнее веселье — печаль». Вот почему его и схватили злые оборотни. Сейчас при нем незримо находится дух Вихара — хранитель кумирен Будды,— он оберегает его, а мы вышли лишь за тем, чтобы встретить тебя и доложить о наставнике, так как боялись, что ты, не зная здешних мест, будешь долго искать. Нам было известно, что ты ночью отправился в погоню за похитителями.

— Если то, что вы говорите, правда и вы вышли лишь за тем, чтобы встретить меня и рассказать о наставнике, то зачем вам понадобилось менять свой облик, гнать перед собой каких-то баранов, да еще кричать что-то непонятное?

— Как же непонятное? Ведь это мы поздравляли тебя с первой луной нового года. А чтобы было полное соответствие со словами «Кай-тай», мы и взяли трех баранов *. Этим мы хотели выразить пожелание удачи в избавлении твоего наставника от еще одного злоключения.

Раздосадованный Сунь У-кун уже собрался бить духов, но последние слова тронули его, и он пощадил духов. Убрав посох, он перестал хмуриться и с веселым видом приступил к расспросам:

— Неужели здесь, на этой горе, обитают оборотни?

— Совершенно верно,— ответили духи,— они живут как раз на этой горе, которая называется горой Черного дракона. А в горе этой есть пещера под названием Черная пещера. Там и находятся трое оборотней. Старшего зовут великий князь Удалившийся от холода, среднего — великий князь Удалившийся от жары, а третьего — великий князь Удалившийся от суеты, они живут здесь уже тысячу лет и с детства пристрастились к ароматному маслу стиракса. С того года, как они превратились в оборотней и под видом Будд начали появляться в округе Золотой покой, все должностные лица этого округа, обманутые ими, установили золотые светильники с ароматным маслом стиракса. Итак, из года в год, во время праздника фонарей, оборотни принимают облик Будд и забирают ароматное масло. Увидев твоего наставника, оборотни сразу смекнули, что у него непорочное тело праведного монаха, а потому его и утащили в пещеру. Теперь они собираются срезать мясо с костей твоего наставника, поджарить его в масле стиракса и съесть. Поспеш скорей на помощь и приложи все свое умение, чтоб спасти его!

Сунь У-кун выслушал духов времени и велел им удалиться. Обойдя горный утес, он отправился на поиски пещеры, прошел несколько ли и увидел на берегу горного ручья отвесную скалу, под которой было устроено каменное жильё. Вход в него загоразживали полуоткрытые каменные ворота. У ворот стоял каменный столб, с высеченными на нем шестью иероглифами, которые

обозначали: «Черная пещера на горе Черного дракона». Однако Сунь У-кун не осмелился проникнуть в пещеру. Он остановился у входа и крикнул:

— Эй, оборотни! Верните мне скорей моего наставника!

Раздался резкий, свистящий звук, ворота распахнулись и из них выбежали оборотни с головами волков.

— Ты кто такой и как смеешь кричать здесь? — спросили они, уставившись на Сунь У-куна.

— Я — старший ученик Танского монаха по прозванию Трипитака. Мой учитель идет из восточных земель великого Танского государства за священными книгами. Наш путь лежит через округ Золотой покой. Когда мы проходили там, то как раз попали на праздник фонарей и вот во время праздника моего наставника похитил ваш главарь, злой дьявол-мара. Верните же скорей моего учителя, и я оставлю вас в живых. Если же вы слушаетесь, я переверну вверх дном все ваше логово, а вас всех превращу в кровавое месиво!

Оборотни-привратники, услышав эти слова, побежали к главному оборотню доложить о случившемся:

— О великий князь, беда пришла! — воскликнули они.

Трое главных оборотней в это время находились в глубине пещеры, куда они затащили Танского наставника. Они велели слугам сорвать с него одежды и обмыть его чистой водой из горного потока. Оборотни уже договорились, как разрезать Танского наставника на куски, затем мелко раскромсать их, пропитать душистым маслом, зажарить и съесть. Услышав крики привратников, старший оборотень встревожился и стал спрашивать, что случилось.

— У ворот появился какой-то монах с мохнатым лицом, точь-в-точь как у бога Грома, — сообщили привратники. — Он кричит, что ты, великий князь, похитил его наставника, и требует, чтобы ты сейчас же освободил его, иначе он перевернет вверх дном всю нашу пещеру, а нас всех превратит в кровавое месиво!

Все три оборотня испугались: «Мы только что забрали этого негодяя и еще не успели спросить у него, кто он такой, как его зовут и откуда он взялся», — подумали они и крикнули слугам:

— Оденьте-ка его и приведите на допрос! В самом деле, надо узнать, кто он и откуда.

Слуги-оборотни кинулись к Танскому наставнику, сняли с него веревки, одели и втолкнули в приемный зал, где стояли три трона, на которых восседали три князя-оборотня. Танский наставник, дрожа от страха, опустился на колени и начал молить:

— О великие князья! Пощадите меня! Пощадите!

Трое оборотней на разные голоса начали спрашивать одно и то же:

— Ты из какой страны, монах? Почему не посторонился, когда увидел нас в образе Будд и как посмел преградить нам путь?

— Я — бедный монах из восточных земель великого Танского государства, — отвечал Сюань-цзан, отбивая земные поклоны. — Меня послали в страну Зарослей небесного бамбука, в храм Раскатов грома поклониться Будде и испросить у него священные книги. По дороге я прибыл в округ Золотой покой и пошел за подаянием в монастырь Милосердие Будды. Монахи этого монастыря милостиво обошлись со мной: они приютили меня и пригласили на Праздник фонарей. Когда вы, великие князья, показались в образе Будд, я как раз находился у моста и любовался золотыми фонарями. Увидев вас, я поддался влечению своих плотских очей и брэнного тела и поспешил поклониться вам до земли, а вы, видно, подумали, что я осмелился преградить вам путь.

— Восточные земли, о которых ты говоришь, находятся очень далеко отсюда, — сказал один из оборотней. — Кто же тебя сопровождает и как вас всех зовут? Живо выкладывай все начистоту, тогда мы пощадим тебя.

— Меня, бедного монаха, в миру зовут Сюань-цзан, а фамилия моя Чэнь. Я с малых лет жил в монастыре Золотая гора, а потом по всемилостивейшему указу Танского императора назначен благочинным* в монастырь Беспредельное счастье в столице Чанъань. И вот случилось как-то раз, что главный советник государя Вэй Чжэн во сне казнил дракона, властелина реки Цзинхэ, из-за чего Танскому императору пришлось отправиться в подземное царство. Когда же он возвратился, был созван вселенский собор для спасения душ, не имеющих пристанища, и Танский император удостоил меня, бедного монаха, быть на нем главным жрецом и раскрыть сущность спасения. В это же время явилась ко мне бодисатва Гуаньинь, которая осенила меня своей благодатью и сообщила, что на Западе, в храме Раскатов грома, есть полный свод священных книг «Трипитака», с помощью которых можно спасти души, не имеющие пристанища, и вознести их на небо. Танский император послал меня за этими книгами и пожаловал мне титул Трипитаки, а также удостоил меня чести носить его фамилию — Тан. С того времени меня начали называть Танский Трипитака. У меня есть три ученика. Первый носит фамилию Сунь, зовут его У-кун, по прозвищу Странник, ставший на путь истинного учения Будды, под прозвищем «Великий Мудрец, равный небу».

Оборотни, услышав имя Сунь У-куна, струхнули.

— Не тот ли это Великий Мудрец, равный небу, который пятьсот лет тому назад учинил буйство в небесных чертогах? — спросили они.

— Совершенно верно, он самый! — отвечал Танский монах. — Второй мой ученик по фамилии Чжу, по имени Ба-цзе, — продолжал он, — был великим небесным полководцем звезды Тяньпэн, но как-то раз он провинился и его сослали на землю. Третий ученик, по фамилии Ша, по имени У-цзин, носит прозвище

«монах». Он был воеводой при дворце Небесной императрицы в звании Смотритель занавеса.

Все три оборотня, встревоженные этими словами, начали переговариваться:

— Не будем пока есть его, братцы. Давайте-ка лучше посадим этого Танского монаха на железную цепь да запрем на замок в глубине пещеры, а когда словим троих его учеников, съедем их всех вместе.

Решив так, три главных оборотня отрядили целое стадо мелких оборотней—горных яков, буйволов и волов, вооруженных разным оружием, которые вышли из ворот, затрубили в трубы, забили в барабаны и замахали флагами. Сами князья-оборотни облачились в военные доспехи и, выйдя за ворота, принялись кричать:

— Кто осмеливается шуметь здесь?

Сунь У-кун, успевший с быстротой молнии взобраться на скалу, тщательно рассматривал оборотней. Вот как они выглядели:

Разноцветным узором
Пестреют их дикие лица,
Светят круглые кольца-глаза,
Ослепляя до слез.
Их рога высоки
И остры, как у злой буйволицы,
По две пары ушей
Остриями торчат из волос.
Их тела, будто краскою,
Сетью разводов покрыты,
Словно жужелиц спинки,
Блещат от рогов и до пят.
Их одежды сверкают
Парчою, богато расшитой,
Пламенеют зрачки,
Будто сжечь все живое хотят.
Трудно слово найти,
До того они злобны и мерзки!
Первый в шапке косматой
Из лисьих, пушистых мехов,
А лицо словно спрятано
В темной взъерошенной шерсти,
Так и пышет огнем он
И в бой устремиться готов!
Вот второй: он покрыт,
Словно пламенем, легкою тканью,
И копыта звенят,
Точно горная яшма, белы.
Третий грозен на вид,
Извергает цветное сверканье
И свирепо рычит,
Будто гром раздается из мглы.
Сколькo лютой отваги
И злобы у силы нечистой!
А клыки их острее
Лечебной иглы серебрястой,

Каждый держит оружие,
Слепящее блеском глаза:
Первый машет секирой,
Огромный палаш у второго,
А у третьего —
Самого дикого, самого злого —
Над могучим плечом
Сучковатая блещет лоза.

Сунь У-кун заметил также множество диковинных оборотней с воловьими головами, из которых на семь рослых приходилось по восемь коротконогих и на семь тучных — восемь тощих. Все они были вооружены копьями и дубинами. Над их головами развевались три больших знамени, на каждом из которых четко вырисовывались иероглифы. На одном было написано: «Великий князь Удалившийся от холода»; на другом — «Великий князь Удалившийся от жары», а на третьем — «Великий князь Удалившийся от суеты». Сунь У-кун глядел на них некоторое время, затем не вытерпел и бросился вперед с громкими возгласами: — Негодяи! Разбойники! Узнаете ли меня, старого Сунь У-куна?

— Не ты ли тот самый Сунь У-кун, который учинил буйство в небесных чертогах? — крикнули в ответ оборотни. — Вот уж верно говорится: «Слыхал по наслышке, да в глаза не видал, а как увидал, чуть от стыда не пропал!» Вот, значит, ты каков!

Сунь У-кун вне себя от гнева стал ругать их:

— Я вам покажу, разбойники, как красть ароматное масло! Ишь вы, морды промасленные! Замолчите лучше и освободите скорей моего наставника!

С этими словами он стал вращать колесом свой железный посох и, ринувшись вперед, собрался бить их.

Трое князей-оборотней тотчас подняли свое оружие и, стремительно отбивая удары Сунь У-куна, вступили с ним в бой. Послушайте, какая битва разгорелась в горном ущелье.

Разит огромная секира,
Бьет сучковатая лоза,
Палаш удары рассыпает,
Как разъяренная гроза,
Но посохом взмахнув тяжелым,
И духов и чертей страха,
Царь обезьян выходит смело,
Все на пути своем круша!

Напрасно сыплются удары
Лозы, секиры, палаша —
Взлетает вверх железный посох,
Отбить удары их спеша.
И, видно, оборотни злые
Теперь узнают до конца
Повсюду наводящий ужас
Гнев Сунь У-куна Мудреца!

Прекрасен Сунь У-кун могучий!
Пришедший из глубин времен,
Он грозной, праведною силой
Недаром свыше наделен:
Он против ложных Будд в сраженье
Вступил среди крутых вершин,
С тремя коварными врагами
Бесстрашно борется один.

А те, кто масло похищали
В день праздника из года в год,
Совсем, как видно, обнаглели
От этих набожных щедрот —
Они над всем цветущим краем
Простерли дьявольскую власть
И государства посланца
Посмели, дерзкие, украсть!

Не дрогнет Сунь У-кун отважный;
Решив учителя спасти,
На все готов он, не страшится
Любых опасностей в пути.
Но алчны оборотни злые:
Они хотят, чтоб каждый год
Душистым, благородным маслом
Их щедро одарял народ.

Со свистом рушится секира,
Разит палаш со звоном злым,
И тут же посоха удары
Громами отвечают им.
Вот с трех сторон враги надели,
Втроем напав на одного,
И в схватке яростной являют
Всю мощь свою и волшебство.

С рассвета началось сраженье
Среди непроходимых гор,
Теперь уже спустился вечер,
А бой не молкнет до сих пор.
Кипит борьба, и невозможно
Предугадать ее исход:
Кто победит в жестокой схватке,
А кто, поверженный, умрет?

Сунь У-кун со своим посохом дрался один против трех оборотней-дьяволов, они схватывались уже раз сто пятьдесят, и день приходил к концу, а между тем все еще нельзя было сказать, кто победит. Вдруг оборотень великий князь Удалившийся от суеты несколько раз взмахнул своими батогами, выскочил вперед, его подчиненные замахали флагами и все оборотни с воловьими головами бросились в бой. Окружив плотным кольцом Сунь У-куна, они завертели оружием, нанося удары куда попало. Видя, что дело принимает плохой оборот, Сунь У-кун со свистом подскочил к небу, сразу же очутился на своем волшебном облачке и обратился в бегство. Оборотни, однако, не погнались за ним. Они отозвали обратно всех своих подчиненных и принялись ужинать. Когда все поели, слугам было велено отнести

Танскому монаху целую плошку еды. Обратни твердо решили поймать Сунь У-куна и остальных учеников Танского наставника и только тогда расправиться с ними.

Но Танский монах даже не притронулся к пище: во-первых, он всегда ел только постное; а во-вторых, сейчас он пребывал в такой глубокой печали и скорби, что ему было не до еды, и он обливался горькими слезами. На этом мы пока и оставим его.

Тем временем Сунь У-кун на своем волшебном облачке вернулся в монастырь Милосердие Будды.

— Братья мои,— позвал он своих спутников.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн сразу же отозвались и вышли встретить его. Они как раз разговаривали между собой в ожидании Сунь У-куна.

— Братец! Где ты пропадал целый день и почему так поздно вернулся? — спросили они.— Узнал ты, где наш наставник и что с ним?

Сунь У-кун начал рассказывать:

— Вчера ночью я погнался за оборотнями по ветру и к рассвету прибыл на гору, но там не нашел их. К счастью, ко мне явились четыре духа времени, которые сообщили мне, что эта гора носит название Черный дракон, а в горе этой есть Черная пещера, в которой живут три оборотня. Одного зовут великим князем Удалившимся от холода, другого—Удалившимся от жары и третьего — Удалившимся от суеты. Оказывается они уже много лет под видом Будд похищают здесь благовонное масло и дурачат начальников и народ всего округа Золотой покой. В этом году они настолько обнаглели, что похитили нашего наставника. Когда я все это узнал, то послал духов времени незримо охранять наставника, а сам отправился на поиски пещеры, нашел ворота и принялся ругать оборотней и звать их на бой. Все три выбежали вместе. Эти оборотни — чудовища с воловьими головами. Первый вооружен секирой, второй — большим палахом, а третий — батогами. Они вывели за собой целую ораву бесов-оборотней с воловьими головами, которые начали размахивать флагами, бить в барабаны и вступили со мной в бой, который длился целый день,— никто не вышел победителем. Один из оборотней махнул батогом, и все бесы разом ринулись на меня. Видя, что время позднее, я побоялся, что не смогу одолеть их, а потому вскочил на облачко и вернулся сюда.

— Я думаю, что это демоны из Фын-ду — судьи умерших душ,— сказал Чжу Ба-цзе.

— Почему ты так решил? — удивился Ша-сэн.

— Ведь братец сам сказал, что у этих чудовищ воловьих головы, вот я и догадался.

— Нет! Нет! Ты ошибаешься,— возразил Сунь У-кун,— по-моему, это три носорога, ставшие оборотнями.

— Если это носороги, то мы поймаем их, спилим у них рога и выручим несколько серебряных лянов! — воскликнул Чжу Ба-цзе. Как раз в это время к ним подошла толпа монахов.

— Уважаемый отец наш Сунь, — сказал один из них, — не хочешь ли покушать?

— Кушайте без меня, — отвечал Сунь У-кун, — не стесняйтесь. А я могу и не есть.

— Как же так? — удивились монахи. — Ты же целый день провел в битве. Неужели не проголодался?

Сунь У-кун рассмеялся:

— Если сделаете милость, пожалуйста, а если нет, то и так обойдусь.

— Как же ты за целый день не проголодался? — удивились монахи.

— Да неужели я за день проголодаюсь! — воскликнул Сунь У-кун. — В свое время я не ел пятьсот лет!

Монахи не поверили ему и подумали, что он шутит. Они мигом принесли еду, и Сунь У-кун поел с ними.

— Ну, убирайте посуду и давайте спать, — сказал он, — а завтра мы все трое отправимся сразиться с оборотнями. Если одолеем их, значит, наш наставник спасен.

— Братец, почему ты так говоришь? — спросил Ша-сэн. — Есть всем известная поговорка: «Дать отдых противнику, значит прибавить ему ума». Что, если эти оборотни нынче ночью не лягут спать и погубят нашего наставника? Что мы тогда будем делать? Лучше всего сейчас же отправиться туда и захватить их врасплох. Тогда нам легче будет выручить наставника. Если же мы замешкаемся, может случиться большая беда.

При этих словах Чжу Ба-цзе приосанился и сказал:

— Ша-сэн совершенно прав! Давайте воспользуемся этой прекрасной лунной ночью и расправимся с оборотнями.

Сунь У-кун согласился и обратился к монахам:

— Хорошенько стерегите нашу поклажу и коня, — велел он, — а мы поймаем этих оборотней и докажем вашему правителю, что они под видом Будд обманывали их. Тогда отменят повинность на благовонное масло и весь народ вздохнет с облегчением. Разве не будет это благим делом для вас?

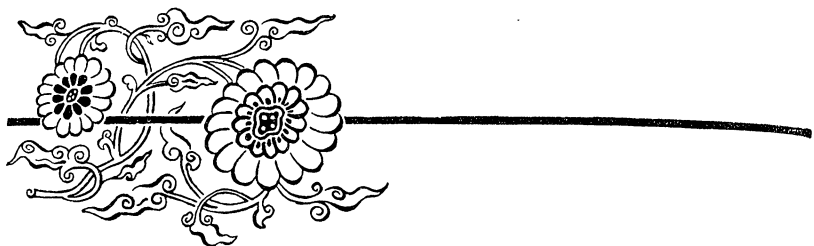
Монахи обещали выполнить все, как велел Сунь У-кун.

И вот они втроем вскочили на благодатное облако и умчались из города.

Вот уже поистине:

Несдержанность беду монаху принесла:
Несчастье страшное в дороге с ним случилось.
Тяжка его судьба, невзгодам нет числа,
И сердце мудрое тоскою омрачилось.

Если хотите узнать, удалось ли нашим друзьям одержать победу над оборотнями, прочитайте следующую главу.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ,

в которой рассказывается о том, как трое монахов вступили в жестокую битву на горе Черного дракона и как духи-повелители четырех созвездий изловили оборотней-носорогов

Итак, Великий Мудрец Сунь У-кун вместе со своими братьями в монашестве со скоростью ветра помчался на благодатном облаке прямо на северо-восток. Вскоре они прибыли к пещере на горе Черного дракона и опустились на облаке у самого входа. Чжу Ба-цзе хотел сразу же проломить ворота, но Сунь У-кун остановил его.

— Погоди,— сказал он,— дай-ка я сперва проберусь в пещеру и узнаю, что с нашим наставником: жив ли он, а уж потом мы сразимся с оборотнями.

— Как же ты проберешься? — удивился Ша-сэнь.— Ведь ворота наглухо заперты.

— Ничего! — отвечал Сунь У-кун.— Я знаю, как это сделать.

С этими словами Великий Мудрец убрал свой посох, прищелкнул пальцами, прочел заклинание, воскликнул: «Превратись!» — и сразу же сделался крохотным светлячком. Посмотрели бы вы, каким он стал юрким и проворным!

Расправив крылышки, летит
Мерцающий светляк,
Блестит, как быстрый метеор,
Стрелой пронзает мрак.
Во тьме, из груди прелых трав
Явился он на свет —
Так нам легенда говорит,
Которой сотни лет.
Дар превращения — дивный дар,
Нельзя им пренебречь,

Подумать есть над чем, когда
О нем заходит речь!
К воротам подлетел светляк
И в воздухе повис,
Почуял где-то сквознячок,
Скользнул тихонько вниз.
Нашел в воротах щелку он,
В нее пролез ползком
И сразу в темный двор попал,
Где все объято сном,
Теперь сумеет он узнать
В пещере потайной,
Что мары-оборотни здесь
Творят во тьме ночной.

Влетев в пещеру, Сунь У-кун увидел нескольких волов. Они спали вповалку и так храпели, что, казалось, гром гремит. Сунь У-кун долетел до главного зала, расположенного в середине пещеры, но и там ничего не узнал. Все двери зала были заперты и определить, где спали три главных оборотня, было невозможно. Сунь У-кун облетел кругом весь зал, а когда вернулся на прежнее место, услышал плач. Это плакал Танский монах, прикованный цепью к столбу в глубине пещеры. Сунь У-кун приоткрылся и стал слушать. Танский монах причитал:

С тех пор, как я Чанъань покинул,
Минуло десять с лишним лет,
Я исстрадался, я измучен,
А все конца невзгодам нет,
Я на десятки гор взбирался,
Я пересек десятки рек,
Нигде не мог передохнуть я,
Усталый, бедный человек.
Но наконец в дороге счастье
Впервые улыбнулось мне:
На праздник фонарей попал я
В прекрасной Западной стране.
Решил я побродить, счастливый,
Под новогоднюю луну
В чудесном граде, что от века
Зовется Золотой покой.
Не знал я, что нечистой силой
Полны цветущие края
И что среди фонарей нарядных
Увижу Будд поддельных я.
И вот возмездие свершилось:
Я пленник, я лишился сил,
Все потому, что в жизни этой
Не все грехи я искупил.
О, где ты, Сунь У-кун отважный,—
Мой самый мудрый ученик?
О, если б ты ко мне на помощь
В пещеру мрачную проник!
Лишь одного хочу: всю силу
И удаль призови свою,
Всю мощь своей души великой
Нечистым покажи в бою!

Слова эти тронули Сунь У-куна до глубины души. Вспорхнув, он полетел к наставнику.

— Вот чудеса,— удивился Танский монах, увидев светлячка, и начал утирать слезы.— Оказывается, здесь, на Западе, и природа совсем не та, что у нас,— проговорил он,— ведь сейчас только первый месяц года, насекомые лишь начинают пробуждаться от зимней спячки, а здесь уже летают светлячки!

Сунь У-кун не вытерпел и признался.

— Наставник! Да это же я!

— О Сунь У-кун! — обрадовался Танский монах.— Я удивляюсь, как это в такую пору года вдруг появились светлячки, а оказывается, это ты!

Сунь У-кун поспешил принять свой обычный вид.

— Наставник,— укоризненно сказал он,— не думал ли ты о том, сколько мы успели бы пройти за все это время? Сколько тратим зря душевных и телесных сил? А ведь все из-за того, что ты не сумел распознать ложное и отличить его от настоящего! Я тебя предупреждал, говорил, что это не добрые духи, а ты давай кланяться им в ноги. Они убавили огонь в светильниках, выкрали из них все благовонное масло, а заодно уволокли и тебя в свое логово. Я тут же велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну вернуться в монастырь и стеречь нашу поклажу, а сам не мешкая отправился вдогонку. Я не знал, как называется эта гора, но, к счастью, мне повстречались четыре духа времени. Они сказали, что гора эта называется горой Черного дракона и что в ней есть пещера, которая носит название Черной. Весь день я сражался с оборотнями и лишь с наступлением темноты вернулся в монастырь. Там я рассказал Чжу Ба-цзе и Ша-сэну и всем монахам, что произошло, и вот мы, твои ученики, помчались сюда. Преобразившись в светлячка, я пробрался в пещеру, чтобы все толком разузнать, так как боялся глубокой ночью вызывать оборотней на бой. К тому же я не знал, где ты и что с тобой.

— Неужели Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тоже здесь? — обрадованно спросил Танский монах.

— Да, они у входа,— отвечал Сунь У-кун.— Когда я пробирался сюда,— добавил он,— я заметил, что все оборотни спят. Сейчас я освобожу тебя от цепей, отопру ворота, и мы выйдем отсюда!

Танский монах согласился и от всей души поблагодарил Сунь У-куна.

После этого Сунь У-кун потер рукой замок на цепи,— замок раскрылся. Они пошли к выходу, но в этот момент из помещения, находившегося у главного зала, вдруг послышался голос одного из князей-оборотней.

— Эй, слуги! — кричал оборотень.— Заприте ворота крепче да будьте осторожнее с огнем! Почему я не слышу сторожевых дозорных? Отчего не бьют в колотушки?

Дело в том, что днем, когда шла битва, все бесы были постав-

лены на ноги и за целый день так намаялись, что уснули как убитые. Услышав грозные крики своего повелителя, они проснулись, начали бить в колотушки, звонить в колокольцы, а позади них показалось еще несколько оборотней-сторожей, которые шли с оружием и изо всех сил били в гонг. Они-то и натолкнулись на Танского монаха и Сунь У-куна.

— Ну и монахи! Хороши, нечего сказать,— закричали оборотни.— Куда это вы собрались, да еще цепи порвали?

Сунь У-кун ничего не ответил, поспешно выхватил посох, помаhal им — посох стал толщиной с плоску — и принялся бить стражу. С первого же удара он уложил двоих, а остальные побросали оружие, побежали в главное помещение и начали колотить в дверь.

— О повелители наши! — кричали они.— Плохо дело! К нам пробрался монах с мохнатой мордой и убивает всех подряд!

Трое главных оборотней тотчас же скатились со своих постелей и начали вопить:

— Держи их! Держи!

У Танского монаха от страха обмякли руки и ноги. А Сунь У-кун, не обращая на него никакого внимания, бросился вперед, прокладывая дорогу посохом. Никто из бесов-оборотней, охранявших пещеру, не смог преградить ему путь: одним ударом он сбивал их с ног, по двое и по трое, и, пробив насквозь несколько ворот, выбежал из пещеры.

— Братцы! Где вы? — крикнул он.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн находились тут же, держа наготове оружие.

— Что случилось? — встревожились они.

Мы не будем здесь пересказывать того, что ответил им Сунь У-кун: он рассказал им, как, преобразившись, пробрался в пещеру, освободил наставника, как они собрались было бежать, и оборотни их обнаружили, и как, наконец, он вырвался, оставив наставника в пещере.

Оборотни схватили Танского монаха и снова посадили его на железную цепь. Размахивая палашом и секирой при ярком свете фонарей, они стали допрашивать его:

— Скажи, негодяй! Как умудрился ты открыть замок? — рычали они.— Каким образом сумела пробраться сюда твоя мерзкая обезьяна? Выкладывай скорей все как было, тогда мы пощадим тебя! Если же будешь молчать, мы разрубим тебя пополам.

В страшном смятении, дрожа от ужаса, Танский монах повалился на колени и стал говорить:

— Отцы вы мои, великие князья! Мой ученик Сунь У-кун владеет волшебством семидесяти двух превращений. На этот раз он превратился в светлячка и влетел сюда, чтобы спасти меня. Но ваши слуги обнаружили нас. Тогда мой ученик стал

прокладывать себе дорогу и убил двоих. Тут все закричали, подняли оружие, засветили огни, а он, бросив меня, кинулся бежать и исчез.

Князья-оборотни рассмеялись так, что стены задрожали.

— Хорошо, что мы вовремя спохватились! — хохотали они.— Не удалось тебе улизнуть!

Они велели слугам крепко-накрепко запереть все входы и выходы и прекратить всякий шум.

— Странно! — испуганно произнес Ша-сэн.— Почему так тихо? Уж не расправляются ли они с нашим наставником? Давайте действовать!

— Да, ты прав! — поддержал его Сунь У-кун.— Надо поскорей разбить ворота!

Чжу Ба-цзе поднял грабли и изо всех сил начал колотить по воротам. Ворота начали крошиться.

— Эй вы воришки, похитители душистого масла! — громко кричал Чжу Ба-цзе.— Освободите скорее нашего наставника!

Бесы-привратники перепугались и сломя голову помчались во внутренние покои.

— О повелители! — закричали они.— Беда! Монахи проломли входные ворота!

Оборотни разгневались и велели подать им боевые доспехи.

— Мерзавцы, негодяи! Вот уж поистине наглецы, каких свет не видал! — возмущались они. Затянув потуже пояс и взяв оружие, они повели за собой бесов и бесенят и вышли за ворота встретить врагов.

Наступило время третьей ночной стражи. В небе сияла яркая луна и было светло как днем. Выскочив из пещеры, оборотни стали размахивать своим оружием.

Сунь У-кун бросился на оборотня с секирой, Чжу Ба-цзе — на оборотня с палахом, а Ша-сэн — на оборотня с батогами. Ну и бой разгорелся между ними:

Орудьями простыми с виду
Монахи вооружены:
Лишь посох, палица да грабли
В руках у смельчаков видны.
Вот почему так расхрабрились
Три оборотня-главаря
И дружно устремились в битву,
От лютой ярости горя.

Секирою с размаху рубят,
Наотмашь палахом разят
И сучковатую лозю
Рассечь противника грозят,
Свистят, как ветры грозовые,
Удары яростных клинков,
И заверти песка и пыли
Вздываются до облаков.

Едва вступили в схватку бесы,
Досада, злоба их взяла,
И от горячего дыханья
Густая за клубилась мгла,
А вскоре пестрого сиянья
Лучи слепящие взвились,
Когда, с героями сражаясь,
Взлетели оборотни ввысь.

Тут мигом грабли завертелись,
Да так, что буря поднялась,
Разя врагов и, как живые,
Вокруг хозяина кружась,
А посох тот, что столько бесов
Сразил с размаху наповал,
Держался в кулаке героя
Превыше всяческих похвал.

Ищи по свету — в целом мире
Не сыщешь посохов таких,
Как посох смелого Ша-сэна,
Что покоряет духов злых,
Но оборотни злы, упрямы,
И сколько сил на них ни трать,
Они все бьются, не желают
Трем праведникам уступить.

Секиры обоюдоострой
Сверкает злое острие,
И гибкая лоза мелькает,
Являя волшебство свое,
А яростный палаш, огромный,
Как створка городских ворот,
Так и взлетает, так и машет
И блеск невыносимый льет!

Враги сдаваться не желают,
Не отступают ни на пядь,
Уж очень Танского монаха
Им неохота отдавать.
И в ратной силе состязаясь,
Дружны, отважны и ловки,
За жизнь наставника святого
Упорно бьются смельчаки.

С размаху рушится секира —
Отточенное лезвие, —
Но посох бешеным ударом
Обрушивается на нее.
А грабли колесом кружатся,
В пыли раскатами гремя,
И, зазвенев, палаш огромный
Соскальзывает с них плашмя.

Лоза неистовая хлещет,
С волшебным посохом рубясь,
Но отразить его удары
Не в силах оборотень-князь.

Так, изворачиваясь ловко,
Врагов по-всякому разя,
Свою показывают удаля
Неустрасимые друзья.

Долго сражались три монаха с тремя оборотнями, но все еще нельзя было сказать, кто победит. Вдруг великий князь Удалившийся от холода зычно крикнул своим подчиненным бесам:

— Эй вы, слуги мои! Вперед! Живо!

Бесы, обнажив оружие, все как один ринулись на монахов. Несколько дюжих оборотней-буйволов повалили Чжу Ба-цзе и потащили, беднягу, в глубь пещеры, где связали его. Ша-сэн заметил, что Чжу Ба-цзе исчез. Чудища с воловьими головами подняли оглушительный рев, торжествуя победу. Сделав ложный выпад против своего врага, Ша-сэн хотел пуститься наутек, но на него тоже набросилась целая свора бесов. Он яростно сопротивлялся, однако его сбили с ног, подхватили и уволокли в пещеру. Сунь У-кун понял, что ему одному не справиться со всеми оборотнями, а потому вспрыгнул на свое волшебное облачко и умчался.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэна приволокли к Танскому монаху и бросили перед ним.

— Несчастные! И вы попались в их жестокие лапы! — воскликнул Танский наставник, обливаясь слезами. — А где же Сунь У-кун?

— Как только он увидел, что нас схватили, — отвечал Ша-сэн, — он удрал.

— Видимо, опять куда-нибудь отправился за помощью, — сказал Танский монах. — Когда же мы, наконец, вырвемся отсюда?

О том, как горевали учитель и его ученики, мы здесь распространяться не будем.

Обратимся к Сунь У-куну, который вновь примчался на своем волшебном облачке в монастырь Милосердие Будды. Монахи встретили его и озабоченно спросили:

— Удалось ли тебе выручить своего почтенного наставника?

— Его трудно выручить, очень трудно! — удрученно ответил им Сунь У-кун. — Обратни обладают великими чарами. Мы все — трое учеников нашего наставника — долго бились с ними, но они призвали на помощь своих бесов и бесенят, изловили сперва Чжу Ба-цзе, потом Ша-сэна, лишь мне одному посчастливилось удрать от них.

Монахи задрожали от страха.

— Раз уж ты, обладающий способностью летать на облаках и туманах, и то не смог справиться с этими дьяволами, значит, они наверняка погубят твоего наставника.

— Не тревожьтесь! — успокоил их Сунь У-кун. — Нашего наставника незримо охраняют дух-хранитель кумирен, духи четырех стран света, а также небесные гонцы Лю-дин и Лю-цзя. К тому же, наш наставник некогда вкусил пилюли, возвращающие жизнь, и я уверен, что ничего с ним не случится, несмотря ни на какие чары, которыми владеют эти оборотни. Вы только хорошенько смотрите за конем и сторожите поклажу, пока я отправлюсь на небо за подмогой.

— Неужто ты, отец наш, умеешь возноситься на небо? — оторопели монахи.

Сунь У-кун усмехнулся.

— Да ведь небесные чертоги — моя прежняя обитель, — сказал он. — Когда-то меня удостоили там звания Великий Мудрец, равный небу, но из-за того, что я нарушил пир в Персиковом саду, Будда наказал меня, и вот теперь я должен сопровождать Танского монаха и охранять его, чтобы этим искупить свою вину. На протяжении всего пути я занимаюсь тем, что искореняю ложь и восстанавливаю справедливость. Вы, конечно, не знаете, что моему наставнику предопределено перенести это испытание.

Услышав эти слова, монахи снова стали отбивать земные поклоны и воздавать почести Сунь У-куну.

Выйдя из монастыря, Сунь У-кун свистнул и исчез.

Он мигом очутился у ворот Западного неба, где увидел духа Вечерней звезды, который о чем-то беседовал с небесным князем — Владыкой Южного неба, а также с четырьмя великими небесными полководцами Инь, Чжу, Тао и Сюем. Увидев Сунь У-куна, все они поспешили вежливо поклониться ему.

— Куда направляешься, Великий Мудрец? — спросил дух Вечерней звезды.

Не отвечая на вопрос, Сунь У-кун сразу же приступил к делу.

— Я все это время охранял Танского монаха в его путешествии на Запад, — сказал он. — И вот, когда мы прибыли в восточные пределы страны Зарослей небесного бамбука, в уезде Осеннее небо, что в округе Золотой покой, монахи из монастыря Милосердие Будды пригласили моего наставника остановиться у них и провести с ними праздник фонарей. Мы отправились в город на гулянье, пошли к мосту Золотых фонарей и увидели там три огромных золотых светильника с благоуханным маслом стиракса, которые стоят, наверное, более пятидесяти тысяч лянов серебром. Дело в том, что из года в год в этот праздник там появлялись под видом Будд оборотни, которые забирали себе масло из светильников. И вот как раз, когда мы любовались золотыми фонарями, неожиданно появились Будды. Мой наставник не распознал в них оборотней и бросился на мост, чтобы поклониться им. Как ни отговаривал я его, все было напрасно. Оборотни загасили огонь в светильниках, похитили из них масло и уволокли моего наставника. Я погнался за ними,

воспользовавшись тем же порывом ветра, на котором они умчались, и к рассвету очутился на неизвестной мне горе. К счастью, мне повстречались четыре духа времени и сообщили, что эта гора называется Черный дракон и что в ней есть Черная пещера, где и живут три оборотня, именующие себя великими князьями: Удалившимся от холода, Удалившимся от жары и Удалившимся от суеты. Я быстро отыскал вход в пещеру, вызвал оборотней на бой и дрался с ними целый день, однако не смог одолеть их. Тогда я изменил свой облик, пробрался в пещеру и увидел там своего наставника: он был жив и невредим. Правда, оборотни посадили его на цепь. Я быстро освободил его и только было собрался выбраться с ним из пещеры, как оборотни обнаружили нас. Мне удалось бежать. После этого я снова явился к пещере, но уже вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. Мы жесточно бились с оборотнями, однако им удалось изловить обоих моих братьев и связать их. Вот я и прибыл сюда, чтобы доложить Нефритовому императору о случившемся. Пусть велит дознаться, что это за оборотни, и прикажет усмирить их.

Дух Вечерней звезды холодно рассмеялся.

— Как же так? — насмешливо спросил он. — Ты, Великий Мудрец, так долго сражался с ними и не смог распознать, что это за оборотни?

— Я распознал их! — обиженно ответил Сунь У-кун. — Это оборотни из породы волков, но чары их настолько велики, что я не мог покорить их.

— Распознал ты их, да не совсем, — сказал дух Золотой звезды. — Это оборотни носорогов Синю *. На них лежит печать небесного знамения. В течение многих лет они совершенствовались в постижении Истины, а потому умеют летать на облаках и туманах. Они отличаются чистоплотностью и то и дело лезут в воду купаться. Носороги бывают самых различных пород: есть носороги Синю*, самцы которых называются Сюнню, а самки — Гуню; есть пятнистые носороги Бань-ню; бывают еще носороги Хумаоси, Долоси, а также Цветистый носорог *. Носороги бывают трех мастей, на голове у них два рога, они прекрасно плавают и могут прокладывать водные пути по рекам и морям. У всех трех оборотней очень ценные рога, в которых содержится жизненная сила, дающая им право называться великими князьями. Если хочешь поймать их, то лучше всего обратиться к духам четырех созвездий, в имя которых входит слово «дерево». Только они могут усмирить оборотней.

Сунь У-кун по-монашески воздал благодарность духу Вечерней звезды и спросил его:

— Что же это за духи четырех созвездий? Прошу тебя, почтеннейший, расскажи мне про каждого в отдельности, — попросил он.

— Эти созвездия находятся за пределами созвездия Ковша, — улыбаясь, сказал дух Вечерней звезды. — Если хочешь узнать

про них подробности, ступай к Нефритовому императору и доложи ему, он тебе все разъяснит.

Сунь У-кун снова поблагодарил духа Вечерней звезды и вошел в небесные ворота.

Через мгновение он уже был у входа в зал Прозрения. Там его встретили четыре небесных наставника: Гэ, Цю, Чжан и Сюй.

— Ты куда? — спросили они Сунь У-куна, преградив ему путь.

Сунь У-кун вместо ответа рассказал им все, что случилось.

— Совсем недавно мы прибыли в округ Золотой покой. Мой наставник позволил себе немного отступить от строгих монашеских правил и в день празднования новогоднего полнолуния отправился полюбоваться фонарями. Но злые оборотни-дьяволы уволокли моего наставника, а чары их настолько велики, что даже я не в силах покорить их. Вот поэтому я и явился сюда. Хочу попросить Нефритового императора помочь мне спасти моего учителя.

Четыре небесных наставника тотчас же повели Сунь У-куна в тронный зал Чудотворного неба и доложили о его прибытии.

Совершив положенные поклоны, Сунь У-кун рассказал обо всем, что произошло. Нефритовый император тут же повелел отрядить небесное войнство для расправы с оборотнями, но Сунь У-кун обратился к нему с такими словами:

— Только что у Западных небесных ворот я встретил духа Вечерней звезды, который сказал мне: «Оборотни, похитившие твоего наставника, — носороги, которых могут укротить только духи четырех созвездий, в имя которых входит слово «дерево».

Нефритовый император тотчас же приказал небесному наставнику Сюю отправиться вместе с Сунь У-куном на созвездия Ковша и Быка, взять в помощь духов — повелителей четырех созвездий и вместе с ними спуститься на грешную землю, чтобы укротить оборотней.

Духи — повелители Двадцати восьми созвездий уже ждали Сунь У-куна с его провожатым и приветливо встретили их. Небесный наставник обратился к ним с такими словами:

— Я получил высочайшее повеление, согласно которому духам — повелителям Четырех созвездий, в имена которых входит слово «дерево», надлежит отправиться вместе с Великим Мудрецом Сунь У-куном на грешную землю и укротить трех оборотней.

Из рядов духов вперед вышли четверо: дух — повелитель созвездия Саламандры, дух — повелитель созвездия Однорогого барана, дух — повелитель созвездия Волка и дух — повелитель созвездия Дикой собаки.

— Великий Мудрец Сунь У-кун? Куда прикажешь нам отправляться? — спросили они.

— Так это вы? — рассмеялся Сунь У-кун. — А дух Вечерней звезды не назвал ваших имен, вот я и не понял, о ком он

говорит. А то бы явился прямо к вам, К чему было тревожить всех и испрашивать высочайшее повеление?

— Да что ты, Великий Мудрец! — возразили духи-повелители. — Без высочайшего повеления никто из нас не осмелился бы покинуть свое место. Так говори же скорее, куда нам направиться?

— К северо-востоку от округа Золотой покой есть гора Черного дракона, а в ней — пещера под названием Черная. Там и живут оборотни-носороги.

— Если там живут только оборотни-носороги, то можно обойтись и без нас, — сказали духи — повелители созвездий Однорогого барана, Волка и Саламандры. — Достаточно будет духа — повелителя созвездия Дикой собаки. Он может взбираться на горы, поедать тигров и погружаться в морские глубины, чтобы ловить носорогов.

— Да ведь это не простые носороги, — возразил Сунь У-кун, — они совершенствовались и познали Истину. Жизнь их длится уже тысячу лет. Нет уж, вы не отказывайтесь, а все четверо отправляйтесь со мной. Если же пойдет только один из вас и ему не удастся изловить всех троих оборотней, хлопот не оберешься.

— О чем вы толкуете? — вступился за Сунь У-куна небесный наставник. — В высочайшем повелении сказано: послать четверых, как же вы смеее отказываться? Живо отправляйтесь, а я вернусь во дворец и доложу об исполнении.

С этими словами небесный наставник простился с Сунь У-куном и удалился.

Когда Сунь У-кун вместе с духами прибыл к Черной пещере, духи сказали:

— Ну, Великий Мудрец, мешкать нечего! Ступай первым и вызови оборотней на бой, а как только они выскочат, мы сразу же начнем действовать.

Сунь У-кун приблизился ко входу в пещеру и стал на чем свет стоит ругать оборотней:

— Эй вы, воришки! Похитители душистого масла! Грабители! Верните мне моего наставника, — кричал он.

Вы, вероятно, помните, что ворота Чжу Ба-цзе сломал еще раньше, и теперь они были наспех заделаны досками. Бесенята-привратники, услышав, как бранится Сунь У-кун, стремглав побежали с докладом к старшему оборотню.

— О великий князь! За воротами стоит Сунь У-кун и ругается! — сообщили они.

— Чего же это он опять появился здесь? — удивился оборотень Удалившийся от суеты. — Он ведь потерпел поражение и бежал. Видно, где-нибудь себе подмогу выпросил, вот и явился.

— А мы не побоимся никакой его подмоги! — воскликнули в один голос Удалившийся от холода и Удалившийся от жары. — Подать сюда доспехи, живо! — крикнули они слугам. — Да смотрите, сами не зевайте и старайтесь окружить его.

И вот все оборотни и бесы, не зная, какая участь их ожидает, вооружились кто копьем, кто палашом и выбежали из пещеры с барабанным боем, неистово размахивая флагами.

— Ну, храбрая мартышка! Опять явилась! — закричали князья-оборотни, обращаясь к Сунь У-куну. — Сейчас мы тебе покажем.

А надо вам сказать, что Сунь У-кун терпеть не мог, когда его обзывали мартышкой. Он заскрежетал зубами от ярости и, подняв железный посох, бросился в бой.

Тут оборотни приказали своим бесам-слугам окружить Сунь У-куна плотным кольцом. Слуги выполнили приказ. В это время духи Четырех созвездий, размахивая своим оружием, начали кричать:

— Эй вы, скоты! Не давайте волю рукам!

Оборотни, разумеется, сильно струхнули, когда увидели этих духов.

— Плохо наше дело! Совсем плохо! Он нашел управу на нас! — воскликнули оборотни и обратились к своим слугам: — Ребятки! Спасайся, кто может!

Послышалось мычание, рев, сопение и фыркание. Все оборотни мигом приняли свой настоящий вид. Оказалось, что здесь были яки, буйволы и самые простые волы. Они кинулись бежать, усеяв всю гору. Трое князей — главных оборотней — тоже приняли свой настоящий облик. Руки их сразу же превратились в передние ноги с копытами, и они с громким цокотом помчались прямо на северо-восток.

Сунь У-кун в сопровождении духов — повелителей созвездий Дикой собаки и Саламандры погнался за ними, не отставая ни на шаг, а духи — повелители созвездий Однорогого барана и Волка принялись очищать от оборотней всю гору, начиная с ущелий и кончая вершинами, долинами и горными потоками. Одних оборотней они убивали, других забирали живьем, так и расправились со всеми. Затем они направились в пещеру и освободили Танского наставника с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном.

Ша-сэн узнал обоих духов — повелителей созвездий и выразил им благодарность, совершив низкий поклон.

— Каким образом вы оказались здесь и спасли нас? — спросил он.

— Великий Мудрец Сунь У-кун доложил Нефритовому императору о случившемся, и Владыка неба повелел нам изловить оборотней и спасти вас.

— Почему же нет с вами моего ученика, Сунь У-куна? — роняя слезы спросил Танский монах.

Один из духов ответил:

— Он погнался за оборотнями-носорогами, которые похитили вас. Эти оборотни, увидев нас, бросились бежать на северо-восток, спасая свою жизнь. Вместе с ним в погоню пустились духи — повелители созвездий Дикой собаки и Саламандры.

А мы вдвоем расправились со всеми остальными оборотнями и явились сюда, чтобы освободить тебя, праведный монах.

Сюань-цзан в знак благодарности поклонился им до земли, а затем стал кланяться небу. Чжу Ба-цзе поднял его с земли и сказал:

— Наставник! Не надо все время кланяться! Знаешь поговорку: «В чрезмерной вежливости всегда кроется коварство!» Эти духи прибыли сюда не по собственной воле, а по высочайшему повелению Нефритового императора, кроме того, во всем этом главная заслуга принадлежит Сунь У-куну, вот его и благодари. Теперь вся орава бесов уничтожена, но еще неизвестно, удастся ли покорить главных оборотней. Давайте пока заберем отсюда все ценности, перевернем вверх дном это логово, чтобы и корней не осталось, а после этого вернемся в монастырь и будем ждать там нашего старшего брата.

Дух — повелитель созвездия Волка поддержал Чжу Ба-цзе.

— Полководец звезды Тянь-пэн прав! дело говорит! — сказал он. — Ты и Смотритель дворцового занавеса берите под защиту своего наставника и возвращайтесь на отдых в монастырь, а мы отправимся на северо-восток, чтобы сразиться с врагами.

— Правильно! Правильно! — отозвался Чжу Ба-цзе. — Вам ведь надо всем вместе изловить оборотней и уничтожить их, тогда только вы сможете вернуться и доложить о выполнении повеления.

Оба духа тотчас же умчались. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн вынесли из пещеры все ценные вещи, среди которых было много кораллов, агата, жемчуга, янтаря, украшений из драгоценных камней, разные сокровища, лучшие сорта яшм, а также чистое золото. Всего этого набрался целый дань. Затем они попросили наставника обождать, а сами снова вошли в пещеру, развели огонь и сожгли все дотла. После этого они повели Танского монаха с горы, нашли дорогу и вернулись в монастырь Милосердие Будды.

Вот уж поистине верно говорится:

«Порой от крайнего благополучья
Немало бед рождается опять,
Порою и в местах благословенных
Немало зол ты можешь повстречать»,
Так сказано в священных, древних книгах,
Но этот мудрый, праведный закон
Забыл монах на празднике веселом,
Цветными фонарями увлечен.
Да, лишь на миг забыв свои обеты,
Отдался он порыву грешных сил
И, зрелищами дивными увлекшись,
Свой строгий дух соблазнами смутил.
Но если ты владеешь вечной жизнью,
То день и ночь блюди ее секрет,
А позабудешь хоть на миг об этом —
Не миновать тебе жестоких бед,

Держи на привязи свои желанья
И не давай им воли никогда:
Чуть ошибешься — за свою небрежность
Не избежишь сурового суда.

Мы пока не будем рассказывать о том, как трое спасенных монахов вернулись в монастырь. Последуем за духами — повелителями созвездий Однорогого барана и Волка, которые помчались на облаке за князьями-оборотнями, держа путь на северо-восток. Однако оборотни исчезли, нигде их не было видно.

Когда духи приблизились к Западному морю, они еще издали заметили на берегу Сунь У-куна, который что-то кричал.

Духи прижали облако и, пролетая над Сунь У-куном, крикнули ему:

— Великий Мудрец, куда девались оборотни?

— Как вы смеете спрашивать меня об этом? Вы сами должны были погнаться за ними.

— Я видел, что ты, Великий Мудрец, разбил оборотней-дьяволов, — сказал один из духов, — пустился за ними вдогонку вместе с правителями созвездий Дикой собаки и Саламандры, а потому был уверен, что вы уже поймали их. Мы за это время расправились со всеми оборотнями-бесами на горе Черного дракона, проникли в Черную пещеру и освободили твоего наставника и твоих братьев в монастыре. Мы сожгли пещеру дотла и велели Чжу Ба-цзе и Ша-сэну проводить наставника в монастырь Милосердие Будды. А так как тебя долго не было, мы и примчались сюда.

Услышав это, Сунь У-кун развеселился и принялся благодарить духов.

— Раз так, значит, вы совершили подвиг! — сказал он. — Спасибо вам за это! Но дело вот в чем: трое дьяволов-оборотней, за которыми я погнался, нырнули в море. Духи Дикой собаки и Саламандры велели мне оставаться на берегу и караулить дьяволов, а сами нырнули в море. Но раз уж вы явились сюда, побудьте пока на берегу, а я отправлюсь на помощь духам.

Молодец Сунь У-кун! Вращая свой посох колесом, он прищелкнул пальцами, прочитал заклинание и ринулся прямо в бушующие волны, прокладывая путь в морские глубины. Оглядевшись, он увидел, что трое оборотней-дьяволов глубоко под водой ведут бой не на жизнь, а на смерть с духами — повелителями созвездий Дикой собаки и Саламандры.

— А вот и я! — воскликнул Сунь У-кун.

Оборотни и так не успевали отражать натиск обоих духов. А Сунь У-кун появился как раз в тот момент, когда они были в самом отчаянном положении. Обезумев от ужаса, оборотни стали погружаться на самое дно. Рога их, оказывается, замечательно рассекали водные толщи. Было слышно только, как бурлила вода, и виднелся светящийся след. Духи вместе с Великим Мудрецом Сунь У-куном погнались за ними.

В глубинах Западного моря, как обычно, сновали духи-якша, служившие разведчиками у царя драконов — а также духи-латники, состоявшие в дозоре. Завидев носорогов, удирающих от Великого Мудреца Сунь У-куна, и двух духов — повелителей созвездий, они сразу же помчались в Хрустальный дворец царя драконов и в большом смятении доложили ему:

— Великий князь! Сейчас мы видели, как за тремя носорогами гонится равный небу Великий Мудрец Сунь У-кун и с ним еще два духа — повелителя созвездий!

Царь драконов, по имени Ао-шунь, выслушав разведчиков и дозрных, тотчас вызвал своего наследника Мо-ана.

— Живее собирай войско! — велел он ему. — Я знаю этих оборотней. Это Удалившийся от холода, Удалившийся от жары и Удалившийся от суеты. Они, видно, раздразили Сунь У-куна. Бери свой меч и поспеши ему на помощь.

Получив приказ, Мо-ан начал поспешно собирать войско. Вскоре из Хрустального дворца наперерез носорогам выбежали целые полки, состоящие из разных черепах, крокодилов, морских ершей, лещей, окуней и карпов, а также из рядовых бойцов — шримсов и крабов. Все они, вооруженные копьями и мечами, издавали воинственные крики. Оборотни-носороги не смогли пробиться вперед и стремительно подались назад, но им преградили путь духи созвездий Дикой собаки и Саламандры, а также Великий Мудрец Сунь У-кун. Оборотни в сильном смятении стали метаться в разные стороны, стараясь скрыться, но наследник царя драконов со своим войском успел окружить оборотня Удалившегося от суеты. Сунь У-кун обрадовался, увидев наследника, и крикнул ему:

— погоди! погоди! бери его живьем, мертвого мне не надо!

Мо-ан ринулся на оборотня Удалившегося от суеты, повалил его, продел ему железный крюк через нос и связал ноги.

После этого старый царь драконов приказал разделить войско и погнаться за двумя оборотнями, которые пытались ударить. Когда наследник царя драконов подросел со своим войском, он увидел, что дух созвездия принял облик дикой собаки, вцепился в оборотня Удалившегося от холода и грызет его. Мо-ан крикнул духу:

— смотри не загрызи его до смерти! Великий Мудрец Сунь У-кун велел захватить их живыми, мертвых ему не надо.

Но как ни кричал царевич, дух созвездия все же успел перегрызть оборотню шею.

Тогда Мо-ан приказал рядовым крабам и шримсам доставить тушу мертвого носорога в Хрустальный дворец, а сам вместе с духом созвездия Дикой собаки пустился в погоню за последним оборотнем. Они увидели, что дух созвездия Саламандры гонит оборотня Удалившегося от жары прямо на них. Оборотень ринулся на духа созвездия Дикой собаки, а Мо-ан тем временем построил своих черепах и крокодилов кольцевым строем, чтобы

окружить оборотня. Тот принялся кричать: «Пощадите! Пощадите!» Тогда дух созвездия Дикой собаки подбежал к нему, схватил за ухо и отнял палаш.

— Мы не будем убивать тебя! — воскликнул дух. — А отведем к Великому Мудрецу Сунь У-куну: пусть он решит, что с тобой делать.

Войско повернуло обратно и двинулось с добычей к Хрустальному дворцу.

— Всех изловили! — доложил наследник царя драконов.

Один из оборотней лежал на земле без головы, залитый кровью. Другого оборотня поставил на колени, держа за ухо, дух созвездия Дикой собаки. Подойдя поближе, Сунь У-кун внимательно оглядел оборотня без головы и сказал:

— Эге, голова-то у него отнята вовсе не мечом!

Мо-ан рассмеялся.

— Если бы я не кричал во всю глотку, то от него не осталось бы ничего: повелитель созвездия Дикой собаки чуть не съел его целиком.

— Ну что ж! Раз уж так случилось, ничего не поделаешь! Дайте сюда пилу, надо спилить у него рога, потом содрать кожу. То и другое я заберу с собой, а мясо оставлю здесь, чтобы царь драконов и его сын полакомились.

Затем в нос оборотню Удалившемуся от суеты продели веревку, и Сунь У-кун велел духу — повелителю созвездия Саламандры вести оборотня Удалившегося от жары, через нос которого тоже была продета веревка.

— Отведите их в окружной город Золотой покой и представьте начальнику округа, пусть он учинит им дознание и выяснит, почему в течение многих лет они выдавали себя за Будд и причиняли зло народу, а потом пусть рассудит, что с ними сделать, — сказал Сунь У-кун.

Духи — повелители созвездий сделали так, как приказал им Сунь У-кун. Простившись с царем драконов и его сыном, все покинули Западное море. На берегу дожидались духи — повелители созвездий Волка и Однорогого барана. Все вместе вскочили на облако и направились прямо в округ Золотого покоя.

Скользя на благовещем луче, Сунь У-кун начал парить над городом.

— Правитель округа Золотой покой! — громко кричал он с воздуха. — Начальники всех чинов и званий! Гражданские и военные чины и простолюдины как в городе, так и за его пределами! Слушайте все! Мы — праведные монахи, посланные великим Танским государем восточных земель на Запад к Будде за священными книгами. Жители целого уезда в вашем округе должны были в праздник фонарей делать дорогие подношения Буддам, которые ежегодно появлялись здесь. Будды эти оказались оборотнями-носорогами. Проходя через ваш округ, мы

решили остаться на праздник фонарей и собственными глазами видели, как эти оборотни похищали масло из светильников. Заодно они утащили и нашего наставника. Тогда я попросил небесных духов укротить их. Теперь Черная пещера очищена от бесов-оборотней, больше они не будут вредить вам. Отныне вам не нужно будет взимать подати на золотые светильники и обременять народ непосильным трудом.

Как раз в этот момент в монастырь Милосердие Будды вошли Танский монах и охранявшие его Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Они слышали все, что говорил Сунь У-кун, находившийся в воздухе. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн сразу же оставили наставника, бросили поклажу и, уцепившись за порыв ветра, тоже поднялись в воздух. Подлетев к Сунь У-куну, они начали расспрашивать его, как удалось покорить оборотней.

— Одного оборотня загрыз до смерти дух — повелитель созвездия Дикой собаки, — сказал им Сунь У-кун. — У оборотня спилили рога, содрали шкуру и отдали мне. Два других оборотня доставлены сюда живыми.

— Надо их сейчас же показать всем чиновникам и простому народу. Тогда нас примут за мудрецов и за божества, — сказал Чжу Ба-цзе, выслушав Сунь У-куна. — Кроме того, надо попросить духов — повелителей созвездий сойти с облаков и спуститься на землю. Пусть отправятся вместе с нами в судебную палату правителя округа, там и решим, что делать с оборотнями. Их вина столь очевидна, что долго говорить не придется, да им и нечего будет сказать в свое оправдание.

— Ишь, каким стал рассудительным, — удивились духи — повелители Четырех созвездий, — даже в законах разбираешься. Ай да Чжу Ба-цзе!

— С тех пор как я стал монахом, я все же кое-чему научился, — ответил Чжу Ба-цзе, задетый за живое.

Духи доставили носорогов на своем радужном облаке прямо к палатам правителя округа и спустились вниз. Перепуганные окружные и уездные чины, а также все жители города и пригородов поспешно воскурили фимиам и стали кланяться небесным духам. Монахи монастыря Милосердие Будды усадили Танского монаха в паланкин и вскоре доставили его к судебной палате правителя округа. Танский монах как только увидел Сунь У-куна, так не переставал благодарить его.

— Ты потрудился подняться на небо и попросил духов — повелителей созвездий спасти нас, — говорил он. — Мы очень беспокоились, что тебя долго не было, и счастливы, что ты вернулся с победой! Расскажи нам все же, куда ты загнал этих оборотней и где изловил их?

Сунь У-кун стал рассказывать все по порядку:

— Третьего дня, простившись со своим уважаемым наставником, я направился на небо разузнать, что и как, и встретил там духа Вечерней звезды, который сразу же распознал в этих

оборотнях носорогов. Он сказал, что надо обратиться к духам — повелителям Четырех созвездий. Я тогда же доложил обо всем Нефритовому императору, и он дал повеление отрядить духов, с которыми я и прибыл к пещере. Там я вступил с оборотнями в бой. Но они обратились в бегство. Двое духов — повелителей созвездий Однорогого барана и Волка освободили наставника, а я вместе с духами — повелителями созвездий Дикой собаки и Саламандры преследовал оборотней до самого Западного моря. Благодаря царю драконов, который отрядил на помощь своего наследника с морским воинством, мы изловили бежавших оборотней и доставили их сюда на суд и расправу.

Танский наставник до того был растроган, что без конца благодарил своих избавителей и восхвалял их.

Тем временем окружные и уездные чины, самые старшие и их помощники, а также все прочие чины, зажгли драгоценные свечи и воскурили фимиами в огромных курильницах. Устремив взоры к небу, все они совершили обряд поклонения.

Вскоре Чжу Ба-цзе наскучили все эти церемонии и он стал выказывать нетерпение. Схватив жертвенный нож, он одним ударом отрубил голову оборотню Удалившемуся от суеты. Еще одним ударом он отрубил голову оборотню Удалившемуся от жары. Затем он взял пилу и отпилил у них рога. Но Сунь-У-кун придумал еще лучше.

— Уважаемые духи — повелители созвездий! — воскликнул он. — Возьмите с собой на небо эти рога, поднесите их Нефритовому императору и доложите ему об исполнении его повеления. У меня с собой есть еще два рога. Один из них мы оставим в палате правителя округа, — пусть хранится в память о том, как все население уезда было избавлено от подати благовонным маслом. А другой рог мы возьмем с собой и поднесем его Будде на чудесной горе Линшань.

Духи — повелители созвездий очень обрадовались, сразу же распростились с Великим Мудрецом, поклонились ему, вскочили на облако, излучающее сияние всех цветов радуги, и умчались на небо с докладом к Нефритовому императору.

Окружные и уездные чины стали просить Танского монаха и его учеников погостить у них, устроили великолепное угощение из постных блюд, на которое пригласили даже низших чинов из сел и деревень. Тут же было объявлено во всеуслышание всем военным и гражданским чинам, что с будущего года отменяется подать благовонным маслом, а также навечно освобождаются от обязательной поставки благовонного масла все крупные дворы в уезде. Кроме того, мясникам приказали разрубить носорогов, содрать с них кожу, промывать ее селитрой, обсушить и изготовить из нее лапы и панцири, а мясо разделить поровну между всеми чиновными людьми. Затем было дано распоряжение купить у жителей пустой участок земли из сумм от денежных штрафов и на этом участке воздвигнуть монастырь в честь духов—

повелителей четырех созвездий, покоривших оборотней-посорогов. Там же установить в честь Танского монаха и его учеников четыре молельни, в которых поставить каменные плиты с резными письменами, дабы веки вечные вспоминать их с благодарностью. Все двести сорок богатых дворов, поставлявших благовонное масло для светильников, наперебой принимали Танского монаха и его учеников к себе на трапезу, так что у наших героев не оставалось ни одной свободной минуты. Чжу Ба-цзе блаженствовал на этих пирах и в благодарность одаривал хозяев разными драгоценностями, добытыми в пещере, часть которых он все же успел запрятать себе в рукава. Прошел месяц, а путников все не отпускали. Наконец Танский наставник не выдержал.

— Возьми все оставшиеся у нас драгоценности и подари их монахам монастыря Милосердие Будды, — велел он Сунь У-куну. — Ни к кому больше мы в гости не пойдем. Придется хитростью выбраться из города еще до рассвета. Не то, предаваясь неумеренному веселью, мы прогневим Будду, и на нашу голову свалятся еще какие-нибудь беды и несчастья.

Сунь У-кун послушался и раздал все ценности до единой монахам.

На следующий день он встал до наступления пятой стражи и стал будить Чжу Ба-цзе, чтобы тот оседлал коня. Наевшись вволю и изрядно выпив, Чжу Ба-цзе сладко спал.

— Зачем в такую рань седлать коня? — пробурчал он спроне.

— Наставник велел сейчас же отправляться в путь, — прикрикнул на него Сунь У-кун.

Растирая руками заспанную морду, Чжу Ба-цзе принялся ворчать.

— Опять наш наставник начинает чудить, — бормотал он. — Ведь нас пригласили к себе двести сорок богатых дворов, а мы побывали лишь в тридцати. Я только-только начал отъедаться. С какой же стати я опять должен переносить муки голода?!

Танский наставник услышал и стал бранить его:

— Какой же ты прозорливый! — сказал он. — Перестань болтать и вставай скорей! Если посмеешь сказать хоть еще одно грубое слово, я велю Сунь У-куну выбить тебе зубы железным посохом с золотыми ободками!

От слов «выбить зубы» Чжу Ба-цзе опешил.

— Наставник, ты совсем переменялся ко мне, — жалобно произнес он. — Прежде, бывало, всегда жалел меня, любил, оберегал от насмешек, а когда старший братец хотел поколотить меня, удерживал его и мирил нас. За что же ты теперь так ненавидишь меня?

— Дуралей! — остановил его Сунь У-кун. — Наставник ругает тебя за твое обжорство и боится, что мы опоздаем. Живо собирай поклажу и седлай коня, чтобы и впрямь не пришлось бить тебя!

А надо вам сказать, что Чжу Ба-цзе действительно очень боялся побоев. Вскочив на ноги, он быстро оделся и стал будить Ша-сэна.

— Вставай скорей! — кричал он. — Не то и тебе достанется.

Ша-сэн вскочил и начал собираться. Когда сборы были закончены, Танский наставник замахал на учеников руками:

— Бога ради тише! — сказал он. — Только бы не разбудить здешних монахов.

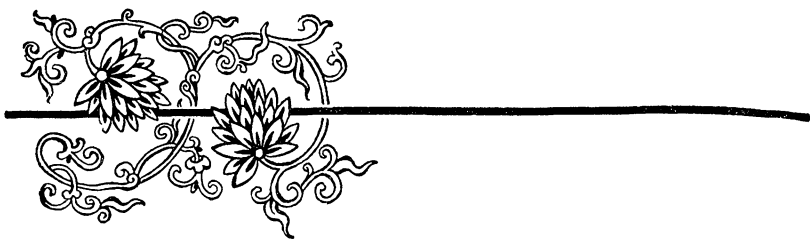
Он поспешно влез на коня, ученики открыли монастырские ворота, и все они, выбравшись на большую дорогу, тронулись в путь.

Вот уж право:

В нарядной, драгоценной клетке
Украдкой отомкнули дверь,
И видишь: феникс разноцветный
Оттуда выпорхнул теперь.
Тайком открыли на рассвете
Тяжелый золотой замок,
И змей-дракон чудесный снова
На волю устремиться смог.

Но о том, как отнеслись к внезапному исчезновению Танского монаха и его спутников те богатые семьи, которые с наступлением рассвета стали готовить благодарственные угощения, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЯ,

из которой читатель узнает о том, как был создан сад для сирот и одиноких, и о том, как царь — правитель страны Зарослей небесного бамбука встретился с женихом своей дочери

Когда с любовью в прошлое ты смотришь,
Со дна его встают воспоминанья,
Но если сожалеешь ты о прошлом,
Ты навлечешь лишь новые страданья.
Когда душа очнулась и прозрела,
Три башни строить нам уже не надо *
Окончишь подвиг свой, и возвращенье
В первоначальный мир — твоя награда.
Захочешь ли ты быть подобным Будде,
Иль стать отшельником, познав бессмертье,—
Любовью и смиреннем ты должен
Изгнать и зависть и жестокосердые.
Очисти себя от всей житейской скверны,
Которой мы всю жизнь живем и дышим,
И лишь тогда душой перерожденной
Ты навсегда сольешься с Небом высшим.

Итак, когда наступил рассвет, монахи, заметив исчезновение Танского наставника и его учеников, растерянно воскликнули: «Как же это мы упустили живых бодисатв? Видно, не сумели уговорить их побыть с нами еще немного, даже не простились с ними как следует, не попросили их ни о чем». Пока они сетовали на себя, в монастырь явились посланцы от богатых семей, живущих за южной заставой, просить Танского наставника пожаловать к ним в гости. Монахи, всплеснув руками, огорченно сказали им:

— Вчера вечером мы недоглядели, и ночью они все умчались на своих облаках!

Все присутствующие при этих словах невольно обратили взоры к небу и начали совершать благодарственные поклоны.

Молва об этом происшествии быстро облетела весь город, и вскоре о нем уже знали все начальники, чиновники и должностные лица. Богатым семьям было велено устроить щедрые жертвоприношения из разных яств в молельнях, выстроенных в честь Танского монаха и его учеников, дабы выразить признательность за оказанное благодеяние, но об этом мы рассказывать не будем.

Вернемся к Сюань-цзану и его спутникам, которые шли, нигде не останавливаясь, и, как говорится, ели под ветром и спали под дождем. Дорога была ровная, спокойная, и путники благополучно шли уже более двух недель без всяких приключений. Но вот в один прекрасный день они вновь увидели перед собой высокую гору. Танского монаха, как всегда, обуял страх, и он с тревогой обратился к Сунь У-куну:

— Посмотри, братец, какая неприступная гора вздымается впереди. Надо быть поосторожнее!

— Да что ты! — рассмеялся Сунь У-кун. — Полно трусить, наставник! Мы приближаемся к райской обители Будды. Ручаюсь, что здесь нет ни дьяволов, ни оборотней. Оставь свои заботы и печали!

— Братец мой, хоть ты и говоришь, что отсюда недалеко до райской обители Будды, — возразил Танский наставник, — но ведь еще третьего дня монахи сказали нам, что до столицы страны Зарослей небесного бамбука еще две тысячи ли, а сколько нам идти до обители Будды — неизвестно.

— Наставник! — полушутя сказал Сунь У-кун. — Уж не забыл ли ты сутру «О сердце», составленную великомудрому наставником созерцания У Чао?

— Эту сутру я всегда ношу при себе, подобно облачению и патре, — обиженно ответил Танский наставник. — Был ли такой день, когда бы я не читал ее наизусть, или такой час, когда бы я забывал о ней, начиная с того времени, когда меня обучил сам великомудрый У Чао?! Как же ты можешь говорить, что я забыл ее? Да я могу прочесть ее наизусть с начала до конца и с конца до начала!

— Не спорю, что ты можешь прочесть ее всю наизусть, — не унимался Сунь У-кун, — но ведь ты, наверное, ни разу не просил того великомудрого наставника объяснить сокровенный смысл ее.

— Ах ты, обезьянья морда! — вспыхнул Танский наставник. — Откуда ты взял, что я не знаю ее истинного смысла? А ты сам знаешь?

— Да, я знаю и могу объяснить ее!

После этих слов Танский наставник и Сунь У-кун сразу умолкли и погрузились в молчание.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн расхохотались и стали подтрунивать над Сунь У-куном.

— Морда ты этакая! — сказал Чжу Ба-цзе. — Да ты ведь тоже из породы оборотней, как и я! У какого же праведника ты учился толкованию священных книг? Какой монах рассказывал тебе о законе Будды? Что ты корчишь из себя, пустая голова? Смеешь еще бахвалиться: «Знаю! Могу!» Чего же теперь замолчал? Объясняй, мы слушаем!

— Да неужто ты поверил ему? — заливаясь хохотом, проговорил Ша-сэн. — Просто старший братец заговаривает зубы нашему наставнику, чтобы он не останавливался в пути. Он умеет лишь одно: орудовать своим посохом, вот и все. Где уж ему толковать священные книги!

— У-нэн, У-цзин! — вскричал Танский наставник. — Прекратите ваши глупые шутки. Сунь У-кун понимает сокровенный смысл священных книг, а это и есть истинное толкование.

Беседуя и споря, наставник и его ученики незаметно прошли довольно большой отрезок пути, перешли через несколько горных перевалов и увидели в стороне от дороги большой монастырь.

— Гляди-ка, У-кун! Монастырь! — обрадовался Танский наставник. — Да какой красивый! — и он тут же стал слагать стихи:

Он и не велик, но и не мал,
Бирюзовой, яркою глазурию
Крыша черепичная блестит.
Он уже не нов, но и не стар,
Красных стен его зубчатый гребень
Тоже черепицею покрыт.

Тень от сосен, строгих и седых,
На его узорчатые кровли
Стелет голубую полутьму.
Сотни лет, красуясь, он стоит,
Но когда он был в горах воздвигнут,
Больше неизвестно никому.

Словно струны тихие звенят —
То журчит, ручьем с горы сбегая,
Чистая, прохладная вода.
Славен этот горный монастырь,
Но его строителей премудрых
Имена забыты навсегда.

Четкие, большие письмена —
«Монастырь святого созерцанья» —
У ворот распахнутых видны.
А подальше, на резной доске,
Можно видеть и другую надпись:
«Памятник глубокой старины».

Над входом красовалась надпись: «Монастырь для сирот и одиноких, устланный золотом». Чжу Ба-цзе даже прочел ее вслух. Сидя верхом на коне, Танский монах глубоко задумался. Губы его шевелились, и он чуть слышно повторял: «Устланный

золотом... Усланный золотом... Неужели мы уже вступили в пределы княжества Шравасты?»

— Наставник! — прервал его мысли Чжу Ба-цзе. — Я столько лет сопровождаю тебя, но никогда не замечал, чтобы ты узнавал дорогу. А эта дорога тебе разве знакома?

— Нет, не знакома, — отвечал Танский монах, — но в священных книгах и сборниках песнопений я читал о том, что Будда любит проводить время в саду для сырых, который находится близ города Шравасты. Там он гуляет под тенью священных деревьев. Говорят, что этот сад купил у наследного сына правителя княжества Шравасты некий богатый купец, прозванный главным попечителем сырых и одиноких, и пригласил Будду читать и толковать священные книги в этом саду. Наследник не сразу продал свой сад. Он сказал: «Мой сад не продается! Я продам его только в том случае, если купец устелит его сплошь слитками золота!» Купец услышал об этом, изготовил кирпичики из золота и выложил ими все дорожки сада. После этого он купил этот сад и, таким образом, получил возможность пригласить достопочтенного владыку — Будду проповедовать там свое учение. Вот я и думаю, что не в честь ли этого события назван так монастырь и не в этом ли саду он построен?

— Вот счастье, — засмеялся Чжу Ба-цзе, представив себе столь неимоверное богатство. — Если все, что вы говорите, правда, то, может быть, нам удастся взять хоть несколько золотых кирпичиков и подарить их людям!

Они поболтали немного, после чего Танский наставник слез с коня и направился к воротам монастыря.

Войдя внутрь, путники были ошеломлены необычайной суетою, царившей в монастырском дворе: одни бегали с коромыслами, другие таскали узлы на спине, кто вез тачку, а кто чинно сидел в повозке. Некоторые спали прямо на земле или о чем-то горячо толковали. При виде внезапно появившихся путников — благообразного монаха и уродливых учеников его — люди испугались, расступились и дали им пройти. Танский наставник, опасаясь, что к его спутникам станут привязываться и произойдет ссора, неустанно твердил им: «Ведите себя пристойнее!» Но они и без того держались очень скромно. Завернув за храм Хранителей Будды, наши путники увидели монаха, который степенно вышел к ним. Вот как он выглядел:

Открытый лик его
Невозмутим и строг,
И ясен, как луна
В разгаре летней жатвы.
Хоть и немолод он,
Но строен и высок,
И крепок стан его,
Как Древо бодисатвы *.
Он с посохом в руке,
А вышитый рукав

Вздувает ветерок
Легко и шаловливо,
В плетеных туфлях он,
Суров и величав,
По плитам каменным
Идет неторопливо,

Танский наставник вежливо поздоровался с монахом. Тот поспешил ответить учтивым поклоном и спросил:

— Откуда изволил пожаловать, почтенный наставник?

Прежде чем ответить, Танский монах решил представиться.

— Фамилия моя Чэнь, а зовут меня Сюань-цзан,— сказал он.— Я получил повеление Танского государя отправиться на Запад к Будде, поклониться ему и испросить у него священные книги. Проходя мимо вашего благодатного места, я счел своим долгом зайти и представиться, а также попроситься на ночлег, всего на одну ночь. Завтра я отправлюсь дальше.

— У нас здесь постоянно останавливаются путники из разных мест,— ответил монах.— Мы предоставляем им все, что может радовать странников. Тем более мы будем счастливы принять тебя, благочинного наставника из восточных земель, и постараемся услужить всем, чем можем.

Танский наставник поблагодарил за радушие, позвал своих учеников, и они вместе пошли по благоухающей фимиамом длинной галерее в келью настоятеля. Когда церемония взаимных поклонов была окончена, гости и хозяева расселись. Ученики Танского наставника почтительно сидели, опустив руки.

К этому времени весь монастырь уже узнал о прибытии праведных монахов из великого Танского государства, посланных за священными книгами. В келью настоятеля набились монахи без различия сана и звания, постоянные обитатели и временные постояльцы, благочестивые старцы и юные послушники — все явились поглядеть на прибывших.

Сразу же после чаепития был накрыт стол. Пока Танский наставник читал молитву «гата» *, Чжу Ба-цзе ерзал от нетерпения, и сразу же, как только приступил к еде, проглотил в один присест все хлебцы, испеченные на пару, постные блюда и суп.

К этому времени в келью настоятеля набилось еще больше народу. Знающие и понятливые восхищались благовоспитанностью и благообразием Танского монаха, шутники и балагуры потешались над Чжу Ба-цзе, уплетавшим за обе щеки. Ша-сэнь заметил это, опустил голову и незаметно ущипнул Чжу Ба-цзе, прошептав: «Веди себя пристойнее!» Но тот так торопился наесться, что обо всем забыл, и громко крикнул: «Да что ты пристал ко мне: пристойно, пристойно, когда в животе совсем пусто?»

— Ты не понял меня, братец! — рассмеялся Ша-сэнь.— У всех «благопристойных» на всем свете были такие же пустые животы, как у нас с тобой!

Это подействовало на Чжу Ба-цзе, и он умерил свой аппетит.

По окончании трапезы Танский монах прочел положенную молитву, поблагодарил за угощение, и все покинули свои места.

Монахи попросили Сюань-цзана рассказать о возникновении восточных земель. Танский наставник выполнил их просьбу, а дойдя до самых древних времен, в свою очередь спросил, откуда получил свое название этот монастырь. Тот самый монах, который встречал путников, ответил ему:

— Вначале здесь был монастырь для сирот и одиноких княжества Шравасты,— сказал он.— Его называли также Сад покоя*. Но так как основатель монастыря, он же попечитель сирот и одиноких, пригласил Будду в сад толковать священные книги и ради этого устлал его золотыми кирпичиками, название монастыря изменилось на нынешнее. Перед нашим монастырем расположен главный город княжества Шравасты, в котором в те времена жил его основатель, а эта гора принадлежала ему и на ней он разбил Сад покоя. Вот откуда и взялось название «Монастырь для сирот и одиноких, устланный золотом». Позади монастыря кое-где до сих пор еще сохранились следы этого сада. Некоторые счастливицы не так давно находили там золото и драгоценности, особенно в размытой почве после проливных дождей.

— Значит, все, что рассказывали про этот сад, сушая правда! — задумчиво произнес Сюань-цзан и обратился с вопросом к монаху: — Не скажешь ли ты, уважаемый отец, почему здесь столько постояльцев? Как только мы вошли в ворота, то сразу же увидели во дворе, под навесами, множество купцов с мулами, лошадьми, повозками и носилками.

— Дело в том, что эта гора, ныне прозванная Стоножкой, прежде отличалась тишиной и покоем, но с недавних пор на ней завелись стоножки-оборотни, я не знаю, то ли из-за перемены погоды, то ли по каким-то другим причинам,— ответил монах.— Они вылезают на дорогу и жалят прохожих. Эти стоножки пока что, слава богу, еще никого не загубили насмерть, но путники все же опасаются переходить через гору. Под самой горой, внизу, находится застава под названием Петушиный крик. Как только там начинают петь петухи, путники могут смело переходить через гору. Вы видели тех постояльцев, которые запоздали, побоялись неприятной встречи со стоножками и предпочли остановиться у нас на ночлег; на рассвете, когда пропоят петухи, они отправятся в путь.

— Тогда и мы тожеждемся петухов,— сказал Сюань-цзан.

Пока шла беседа, снова подали еду.

В это время взошла луна.

Сюань-цзан с Сунь У-куном отправились полюбоваться видами при лунном свете. Вдруг к ним подошел служитель монастыря и сказал:

— Наш преподобный настоятель желает повидаться с тобой, жителем Серединного цветущего государства.

Сюань-цзан поспешно обернулся и увидел, что навстречу ему идет пожилой монах с бамбуковым посохом в руке. Танский монах шагнул вперед и совершил приветственный поклон.

— Должно быть, ты и есть почтенный наставник, прибывший из Серединного цветущего государства? — вежливо спросил он.

Сюань-цзан ответил на поклон как положено и скромно промолвил:

— Это я, недостойный...

Настоятель монастыря начал рассыпаться в любезностях.

— Сколь велик твой возраст, уважаемый наставник? — спросил он.

— Живу на свете зря и попусту вот уже сорок пять лет, — учтиво отвечал Сюань-цзан и в свою очередь спросил не менее церемонно: — Дозволь и мне узнать о твоих высоких летах, достопочтенный владыка.

Настоятель монастыря усмехнулся.

— Я старше тебя на шестьдесят лет, но, увы, ума так и не набрался, — с легкой иронией ответил он.

— Значит, тебе в этом году исполнилось сто пять лет, — вмешался Сунь У-кун. — А как по-твоему, сколько мне лет?

— Ты хоть и ученик уважаемого наставника, но лицо у тебя чересчур диковинное, — произнес старец, вглядываясь в Сунь У-куна. — Мои глаза плохо видят, тем более при лунном свете, так что я не могу сказать, сколько тебе лет.

Продолжая беседовать, они подошли к задней стене монастыря.

— Мне только что рассказали о том, что за монастырем кое-где еще сохранились следы Сада для сирот и одиноких, — сказал Сюань-цзан. — Где же они?

— Здесь, за воротами заднего двора, — ответил настоятель и велел тотчас же открыть задние ворота. За ними оказался большой пустырь, лишь кое-где виднелись разрушенные цоколи каменных стен и заборов.

Танский наставник молитвенно сложил руки, печально вздохнул и прочел стихи:

Как подумаешь, сколько сандалов
Здесь когда-то душистых вздымалось,
Сколько душ одиноких и сирых
Золотой талисман* исцелил!
Сад покоя стоял здесь когда-то,
Но одно лишь название осталось.
Где ж его основатель великий,
Что с архатами прежде дружил?

Танский монах и его спутники медленно прогуливались, любуясь лунным сиянием. Они вышли из задних ворот монастыря, взойшли на террасу и только было расположились на ней,

как до их слуха донесся чей-то плач. Сюань-цзан прислушался: кто-то жаловался, взывая к родителям. Комок подступил к горлу сердобольного наставника, и слезы закапали из глаз.

— Кто это так горько плачет? — спросил он сквозь слезы, обернувшись к монахам, сопровождавшим его. — Откуда этот плач?

Настоятель монастыря ответил не сразу. Он велел всем своим монахам удалиться и приготовить чай. Когда он убедился, что вблизи никого нет, он низко поклонился Сюань-цзану и Сунь У-куну.

— Что ты, владыка? — воскликнул Сюань-цзан. — За что воздаешь нам такие почести?

— Мне уже больше ста лет, и я кое-чему научился за свой век, — отвечал настоятель. — В часы блаженного созерцания мне не раз приходилось видеть знамения, и я кое-что знаю о тебе, уважаемый наставник, и о твоих учениках: вы — не простые смертные. Только твой ученик может понять истинную причину этого плача.

— Да говори, в чем дело! — нетерпеливо перебил его Сунь У-кун.

— Много лет тому назад, в этот же день, я наблюдал сияние луны, вникая в ее природу. Вдруг зашелестел порыв ветра, и я услышал этот же горестный, скорбный плач. Я сошел со своего монашеского ложа и направился в Сад покоя к развалинам. Там я увидел деву замечательной красоты, весьма благопристойную на вид. Я спросил ее: «Чья ты дочь? Как попала сюда и зачем?» Она ответила мне: «Я царевна, дочь правителя страны Зарослей небесного бамбука. Мне захотелось полюбоваться цветами при лунном свете, и я вышла погулять, а порыв ветра унес меня сюда!» Тогда я отвел ее в пустое помещение, запер там, обложив помещение каменными стенами, наподобие темницы, а в дверях проделал небольшое отверстие, через которое можно было просунуть только плоску с едой. В тот же день я сообщил монахам, что поймал оборотня, связал его и запер. Монахи мои, люди жалостливые, не могли допустить, чтобы дева погибла, и каждый день приносили ей еду и питье. Так она и живет здесь по сей день. Надо вам сказать, что дева эта оказалась очень смышленной: она сразу же поняла, почему я заточил ее. Опасаясь, что кто-нибудь из монахов все же осквернит ее тело, она притворилась сумасшедшей и чудит: лежит и спит там же, где управляет свои естественные надобности. Днем она несет всякую чушь или сидит, тупо уставившись в одну точку, а когда наступает ночь и воцаряется тишина, мысль о родителях овладевает ею, и она начинает плакать. Много раз я ходил в город, узнавал про царевну, но мне говорили, что та жива и здорова. Вот почему я и не выпускаю эту деву и все время держу ее на запоре. К великому счастью, ныне ты, уважаемый наставник, прибыл в нашу страну, и я возлагаю на тебя все свои надежды.

Прошу тебя, когда будешь в столице нашей страны, прояви свои волшебные силы, проникни в эту тайну. Тем самым ты, во-первых, спасешь из беды доброе и невинное существо; во-вторых, покажешь свое волшебство.

Танский наставник и Сунь У-кун крепко запомнили все, что сказал им настоятель.

Пока они разговаривали, подошли два послушника звать к чаю, и все вернулись в монастырь.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, которые находились в келье настоятеля, все время ворчали.

— Завтра с петухами надо отправляться в путь, а их все нет!

— Ну-ка, повтори, что ты сказал? — набросился Сунь У-кун на Чжу Ба-цзе, входя в келью.

— Ложись-ка лучше спать, — отвечал тот, — нашел время любоваться природой!

Настоятель поспешил покинуть их, а Танский наставник сразу же лег в постель.

Ночь была поистине прекрасна. Вот послушайте:

Смолкли люди в домах,
И луна в небесах потонула,
И в глубокой дремоте
Устало притихли цветы.
Теплым ветром в окошко
Сквозь занавес легкий дохнуло,
Все уснуло, лишь звезды
На землю глядят с высоты,
А из медных сосудов
Вода равномерно сочится,
Вот уж третий сосуд
Постепенно, по капле, иссяк*.
Млечный Путь серебром
Отражается на черепице —
Это кровли кумирен
Блестят сквозь полуночный мрак.

Вскоре после того как наши путники уснули, запели петухи. Проезжие купцы поднялись, начали шумно собираться в дорогу, зажгли фонари и принялись готовить пищу. Наш наставник тоже проснулся, разбудил Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, велел им оседлать коня и собрать вещи. Сунь У-кун позвал служку и велел ему зажечь фонари. Монахи монастыря уже успели приготовить чай и разную еду. Они расположились на заднем дворе и почти-тельно ожидали Танского наставника. Чжу Ба-цзе на радостях съел целое блюдо хлебцев, подхватил поклажу и вывел коня. Сюань-цзан и Сунь У-кун поблагодарили монахов за радушие и распрощались с ними. Напутствуя Сунь У-куна, настоятель монастыря шепнул ему: «Помни, помни, что я рассказал тебе о страданиях девушки!»

— Не забуду, почтеннейший! — улыбаясь, ответил ему Сунь У-кун. — Как только мы прибудем в столицу, я сразу же уз-

наю обо всем. Мне достаточно поглядеть на царевну, чтобы определить, кто она на самом деле!

Проезжие купцы с шумом и криками отправились вместе с нашими путниками и вышли на большую дорогу. Когда они проходили заставу Петушиный крик уже наступил час инь¹, и только к часу сы² они увидели стены столичного города. Какие же неприступные у него были стены, словно железные! А какие блестящие крыши, будто золотые! Поистине можно было подумать, что здесь находятся Небесные дворцы Священной земли.

Высоко расположен город:
Сверкая, как цветной кристалл,
Он, величавый и нарядный,
На неприступных кручах встал.
Пестрей, чем чешуя цилиня
Иль оперение жар-птиц,
Блестят богатые хоромы
И кровли расписных светлиц.

Внизу медлительные воды.
Во рвах струятся крепостных,
Кольцом текучим опоясав
Громады стен сторожевых.
Стоит счастливый, светлый город,
Пестрея на крутой горе,
И сотни разноцветных флагов
Играют в утренней заре.

В лучах рассвета, как живые,
Переливаясь и горя,
Знамена реют вдоль дороги,
Ведущей ко дворцу царя,
А вешний ветер, легкий ветер
Доносит флейт веселый зов
И мерный рокот барабанов
До разукрашенных мостов.

Да, по одеждам и по шляпам,
По мирным лицам горожан
Увидишь сразу: здесь народу
Властитель благосклонный дан.
А житницы переполняет
Зерна рассыпчатый янтарь,
И это тоже значит: правит
Страной достойный государь.

В тот же день путники вошли в восточную часть города. Купцы разбрелись по гостиницам и постоялым дворам. Танский наставник со своими учениками остановился на постоялом дворе почтовой станции. Служащие немедленно доложили о прибывших смотрителю станции.

---

¹ И н ь — часы от 3 до 5 утра.

² С ы — часы от 5 до 7 утра.

— Какие-то весьма странные на вид монахи зашли к нам во двор,— сказали они,— их четверо и с ними белый конь.

Услыхав о том, что есть конь, смотритель станции решил, что приезжие прибыли с казенным поручением, а потому сам вышел в приемную встретить их.

Танский монах поклонился ему и сказал:

— Я — бедный монах, иду по велению великого Танского императора на чудесную гору Линшань в храм Раскатов грома поклониться Будде и испросить у него священные книги. Имею при себе подорожное свидетельство, которое должен предъявить вашему государю, а пока что прошу вас позволить переночевать здесь. Как только побываю у твоего правителя и получу позволение, так сейчас же двинусь дальше.

Смотритель станции вежливо поклонился в ответ и сказал:

— Наш двор как раз предназначен для посланцев и гонцов. Сочту своим долгом оказать тебе должный прием. Входи, пожалуйста!

Обрадованный Сюань-цзан позвал своих учеников и представил их смотрителю станции. Тот пришел в ужас при виде безобразных физиономий и никак не мог понять: то ли это люди, то ли чудовища. Дрожая от страха, он велел приготовить чай и еду.

— Не бойся,— сказал Танский наставник, заметив, как испугался смотритель,— мои ученики хоть и безобразны на вид, но сердца у них добрые. Не зря говорят: кто лицом безобразен, тот добр душой. Что же ты так испугался?

После этих слов смотритель немного успокоился.

— Скажи мне, наставник, в какой стороне находится Танское государство? — с важностью спросил он.

— В цветущих срединных землях великого южного материка Наньшаньчжоу,— отвечал Сюань-цзан.

— Когда же ты покинул свое государство?

— В тринадцатом году правления Чжэньгуань¹, то есть четырнадцать лет назад. Сколько страданий пришлось нам вынести за это время! Сколько рек и гор перейти!

— Вот уж воистину праведный монах! — воскликнул смотритель, потрясенный словами Танского наставника.

— А как давно существует ваше высокоуважаемое государство? — спросил Танский наставник, в свою очередь тоже проявляя изысканность в речи.

— Наш страна слишком ничтожна, чтобы так возвеличивать ее,— учтиво ответил смотритель станции,— она называется страна Зарослей небесного бамбука. Считаю со дня ее основания великим предком и его августейшим сыном-наследником и до нынешних дней, уже прошло более пятисот лет. Нынешний правитель очень любит горы, воды, растения и цветы. Его величают император И-цзун*, а годы его правления назы-

---

¹ 693 год.

вают эрой Установления покоя. Он царствует вот уже двадцать восемь лет.

— Смогу ли я побывать на приеме у вашего правителя и получить пропуск, если отправлюсь во дворец сегодня же? — робко спросил Танский наставник.

— Конечно! Конечно! — обрадовался смотритель станции. — Сегодня это будет весьма кстати! — добавил он. — Недавно нашей царевне исполнилось двадцать лет. На главном перекрестке уже сооружена разрисованная башенка, с которой она будет кидать свой расшитый мячик, чтобы выбрать себе жениха по воле Неба. На кого мячик упадет, тот и будет ее женихом. Сейчас, должно быть, самый разгар народного гулянья, и я думаю, что наш правитель пока еще во дворце. Ступай сейчас же, если хочешь получить пропуск!

Танский наставник хотел тотчас же отправиться, но в это время подали еду, и он остался.

Прошел полдень.

— Ну, я пойду, — сказал Танский наставник.

— И я с тобой! — отозвался Сунь У-кун. — Буду охранять тебя!

— Нет, я пойду! — вызвался Чжу Ба-цзе.

— Да полно тебе! — остановил его Ша-сэн. — С такой мордой тебя не пропустят во дворец, как бы ты ни пыжился. Пусть лучше пойдет старший братец, Сунь У-кун.

— У-цзин правильно говорит, — сказал Танский наставник. — Наш дурачок очень груб и невежлив, У-кун все же воспитаннее.

Чжу Ба-цзе надулся, вытянул рыло и недовольно пробормотал:

— Кроме наставника, все мы красавцы, один другого лучше.

Танский монах облачился в свои монашеские одежды, Сунь У-кун взял суму, в которой была спрятана дорожная, и они отправились.

Улицы были запружены разного рода людом: тут были и служилые, и земледельцы, и ремесленники, и торговцы, ученые люди и деревенские простаки. Среди шума и гама можно было разобрать отдельные фразы; почти все кричали: «Идемте смотреть, как будут кидать разноцветный мячик!»

Танский наставник отошел в сторону и, глядя на толпу, выражал свое изумление:

— Здесь одеваются так же, как у нас. И дворцы и дома такие же; утварь тоже; да и говорят они на таком же языке, как в великом Танском государстве... Помнится мне, что и моя покойная матушка, испытывая судьбу и выбирая себе жениха, тоже бросала мячик. Значит, и здесь существует такой обычай!

— А что, если мы посмотрим, как царевна бросает мячик? — спросил Сунь У-кун.

— Нельзя! Нельзя! У нас с тобой одеяние не подходящее. Чего доброго заподозрят в чем либо! — заартачился наставник.

— Ты, видно, забыл, что рассказал тебе настоятель монастыря для сирот и одиноких,— с укором произнес Сунь У-кун.— Во-первых, посмотрим на расписную башенку, а во-вторых, посмотрим на царевну, попытаемся отличить истинное от ложного. Правитель безусловно ждет радостной вести от нее и вряд ли станет сейчас заниматься делами. Посмотри, что делается на улицах! Пойдем, сходим и сейчас же вернемся!

Сюань-цзан послушался и последовал за Сунь У-куном. Огромная толпа людей во все глаза смотрела, как царевна будет кидать разноцветный мячик.

Увы! Кто мог знать, что рыбак, закинувший леску крючком, на этот раз выловит не рыбку, а беду на свою голову.

Скажем теперь несколько слов о правителе страны Зарослей небесного бамбука. Он очень любил природу, растения и цветы. И вот в позапрошлом году провел почти всю ночь с царицей и царевной в дворцовом саду, любуясь цветами при лунном сиянии. Какой-то оборотень заметил их, похитил царевну, а сам принял ее облик. Узнав, что Танский монах в этом году, в данном месяце, в данный день, в данный час, прибудет в столицу, оборотень потребовал, чтобы ему выстроили расписную башенку. Он возымел желание посягнуть на непорочную силу Ян благочестивого Танского монаха, дабы обратиться в бессмертного небожителя. И вот, как раз в третью кэ¹ после полудня, когда Танский монах вместе с Сунь У-куном затесался в толпу и приблизился к расписной башенке, мнимая царевна, держа в руках зажженные свечи, от которых струился благовонный дым, вознесла молитву к духам Неба и Земли. По обеим сторонам от нее стояли напомаженные и напудренные девы в роскошных одеждах. Их было несколько десятков. Приближенные подали царевне матерчатый мячик, расшитый цветами. У башенки, построенной восьмиугольником, было восемь больших окон с узорчатыми рамами. Царевна повела глазами во все стороны, заметила, что Танский монах подошел очень близко, взяла в руки мячик и бросила его прямо на голову Сюань-цзану. Тот сильно испугался. Его головной убор от удара съехал набок. Сюань-цзан хотел схватить мяч, но тот закатился ему в рукав. С башенки послышались возгласы: «Мяч попал в монаха! Мяч попал в монаха!»

Началась давка. Купцы и приезжие с воплями и криками бросились к Танскому монаху, чтобы вырвать у него мячик. Сунь У-куну пришлось рывкнуть во всю глотку и оскалить зубы. Выгнув спину раза два, он тотчас превратился в грозного великана, ростом в три чжана и состроил такую страшную рожу,

---

¹ Кэ — промежуток времени, составляющий сотую часть суток.

что все в страхе попадали на землю и стали ползком пятиться от него. Никто не осмелился приблизиться к Сунь У-куну. Вскоре все разбежались. Тогда Сунь У-кун вновь принял свой прежний вид. С башенки сбежали разукрашенные девы и прислужницы, вместе с придворными евреухами старших и младших рангов. Все они совершили земной поклон перед Танским монахом.

— О знатный гость, знатный гость! — заговорили они. — Просим пожаловать во дворец, где тебя будут чествовать!

Танский монах поспешно поклонился в ответ, поднял склонившихся перед ним придворных и, обернувшись к Сунь У-куну, с нескрываемой досадой произнес:

— Ах ты, мартышка! Опять из-за тебя неприятности!

— При чем тут я? — засмеялся Сунь У-кун. — Мячик попал тебе в голову и закатился тебе в рукав. Чего ты обижаешься на меня?

— Ну как теперь быть?

— Не волнуйся, — беззаботно ответил Сунь У-кун, — ступай во дворец и повидайся с государем, а я вернусь в заезжий дом, расскажу о случившемся Чжу Ба-цзе и Ша-сэну и буду ждать тебя. Если царевна откажется выйти за тебя замуж, на этом все и кончится, ты получишь пропуск, и мы сможем отправиться дальше. Но, если она непременно пожелает стать твоей супругой, скажи правителю так: «Призови сюда моих учеников, я хочу дать им кое-какие наставления». Когда нас вызовут во дворец, я хорошенько рассмотрю царевну и узнаю, оборотень она или нет. Вот тебе замысел, который называется «Покорение оборотня с помощью сватовства!»

Танский монах скрепя сердце последовал совету Сунь У-куна, а тот повернулся и пошел на почтовую станцию.

Дворцовые прислужницы окружили Танского наставника и подвели его к башенке. Царевна спустилась вниз и своими очаровательными ручками, белыми, как нефрит, поддерживая Сюань-цзана, усадила его рядом с собой в дворцовую колесницу. Свита окружила их, и поезд царевны вернулся во дворец. Еще до их прибытия ко дворцу привратники-евнухи уже успели доложить государю.

— О великий государь, десять тысяч лет тебе здравствовать! — молвили они. — Царевна едет сюда с каким-то монахом, которого она сама усадила в колесницу. Должно быть в него попал мячик. Они подъезжают к главным воротам дворца. Ждем твоих распоряжений!

Государь был весьма опечален и раздосадован полученным известием. Ему очень хотелось прогнать неизвестного монаха, но он не знал намерений царевны, а потому был вынужден скрыть свои чувства, и приказал пропустить их к себе. Царевна и Танский монах вошли в тронный зал, увешанный золотыми колокольцами. Вот уж поистине прямо про них сказано стихами:

Хвалу и здравицу в честь государя
Прекрасная чета провозгласила,—
Так пожелали многих лет здоровья
Ему и добрая и злая сила.

Как только была закончена церемония приветствий, государь приказал вошедшим подняться на тронное возвышение и начал расспрашивать Танского монаха.

— Откуда ты прибыл, праведный человек? Как случилось, что мячик, брошенный нашей любимой дочерью, вдруг попал в тебя?

Танский монах повалился ему в ноги.

— Я — бедный монах, послан за священными книгами великим императором Танского государства, расположенного на южном материке Наньшаньчжоу, — сказал он. — Мне велено прибыть на Запад, в храм Раскатов грома, поклониться Будде и испросить у него священные книги. У меня есть при себе подорожная, и я пошел во дворец лишь за тем, чтоб представиться тебе, государь, и получить пропуск. Когда я проходил по перекрестку мимо разукрашенной башенки, твоя царевна кинула мячик, который попал мне в голову. Но я ведь монах и исповедую вероучение, воспрещающее брачную жизнь людям, отрешившимся от мирской суеты. Как же я осмелюсь даже помыслить о том, чтобы составить пару твоей прелестной дочери? Молю тебя, государь, простить мне мой смертный грех. Выдай мне пропуск, чтобы я смог поскорей прибыть на чудесную гору Линшань, поклониться Будде, испросить у него священные книги и вернуться к себе на родину. Я буду вечно помнить и благодарить тебя, государь, за твою высочайшую милость!

— Так вот оно что! — воскликнул государь. — Значит, ты праведный монах из восточных земель! Не зря говорится: «Судьба соединяет людей брачными узами даже если они находятся за тысячи ли друг от друга». В нынешнем году моей дочери-царевне минуло двадцать лет, но она еще не просватана. Согласно гаданию, сегодняшней день, по году, месяцу и числу, самый подходящий для выбора жениха, поэтому царевне выстроили расписную башенку и сшили разноцветный мячик, дабы с его помощью она нашла себе достойную пару. Однако, как на грех, подвернулся ты, и мячик попал в тебя. Хоть я и недоволен случившимся, но пусть решает моя доченька. Как она захочет, так и будет.

Тут царевна поклонилась царю до земли и промолвила:

— Царь-батюшка! Вспомни поговорку: «Выйдешь замуж за петуха — слушайся петуха, выйдешь за пса — слушайся пса». Я поклялась и дала зарок выйти замуж за того, в кого попадет мячик. Перед тем как его кинуть, я помолилась духам Неба и Земли и положила на их выбор. Раз мячик попал в этого человека, оказавшегося праведным монахом, значит, мне было

суждено выйти за него замуж еще в прошлом моем существовании. Как же я посмею воспротивиться судьбе и изменить ее решение? Хочу объявить его своим суженым.

Государь повеселел и дал распоряжение придворному предсказателю-звездочету определить по звездам день свадьбы. В то же время он повелел готовить приданое и оповестить всю страну о предстоящей свадьбе.

Танский наставник, слышавший все эти распоряжения, уже не благодарил больше за милости, а лишь молвил: «Помилуй! Пощади! Уволь меня!»

— Ну и бестолковый же ты, монах! — рассердился правитель. — Мы соизволили признать тебя женихом нашей дочери-царевны и обещаем тебе все наши богатства. Почему же ты не хочешь оставаться здесь и наслаждаться всеми благами? Зачем тебе идти за священными книгами? Если посмеешь еще хоть слово сказать, мы прикажем дворцовой страже вывести тебя вон и отрубить голову!

У Танского наставника от страха душа, как говорится, ушла в пятки. Отбивая земные поклоны, он дрожащим голосом обратил к государю со следующей просьбой:

— Я чувствительно признателен тебе, государь, за милость, равную небесной, которую ты оказываешь мне, — проговорил он. — Но вместе со мной на Запад идут еще мои ученики — их трое. Поскольку ныне ты принимаешь меня к себе в родню, мне хотелось бы дать им наказ. Умоляю тебя призвать их сюда и выдать им пропуск, чтобы они могли поскорей отправиться в путь и выполнить свой долг.

Государь внял его просьбе.

— Где же находятся твои спутники-ученики? — спросил он.

— На заезжем дворе при почтовой станции, — ответил Сюань-цзан.

Тотчас же был послан дворцовый нарочный, которому было велено призвать учеников праведного монаха, сообщить, что их наставник остается в столице в качестве супруга царевны, и выдать им пропуск, чтобы они могли следовать дальше на Запад. Пришлось Танскому монаху подняться на ноги и прислуживать государю как тестю. Обо всех этих событиях сложены стихи.

Чтобы свою не осквернить природу,
Трем правилам* ты следовать обязан,
А если тяжкий подвиг не свершил ты,
То не ропщи, что злой судьбой наказан,
Путь Истины нам мудрецы открыли,
Его постичь от нас самих зависит,
Твори добро, а благодное Небо
Тебя и осчастливит и возвысит.
Смотри, чтоб шесть корней* твоих отныне
В тебе желаний алчных не рождали,
Лишь непорочным чувствам дай дорогу,
Лишь в истинном живи первоначале.

Тогда покой ты обретешь душевный,
Где нет земных желаний и стремлений,
И лишь тогда наверняка избежнешь
Всех бесконечных перевоплощений.

О том, как нарочный прибыл в заезжий двор почтовой станции и призвал во дворец учеников Танского монаха, мы пока рассказывать не будем.

Обратимся к Сунь У-куну. Расставшись со своим наставником у расписной башенки, он отправился в заезжий двор, весело хихикая. Его встретили Чжу Ба-цзе и Ша-сэн.

— Братец, ты что так развеселился? — спросили они. — Почему с тобой нет наставника?

— Он предается радости и веселью, — ответил Сунь У-кун.

— Какая может быть радость, когда мы еще не поклонились Будде и не получили священных книг? — удивился Чжу Ба-цзе.

— Вот слушай! Едва мы подошли с наставником к расписной башенке, установленной на самом перекрестке, как царевна кинула цветной мячик и попала прямо в нашего учителя. Его сразу же окружили дворцовые прислужницы, нарядные девы и придворные евнухи и подвели к башенке. Затем он сел в колесницу вместе с царевной и укатил во дворец, где его объявят женихом. Что же это такое, по-твоему, если не радость?

Эти слова вывели Чжу Ба-цзе из себя. Он начал топтать ногами и колотить себя в грудь.

— Я говорил, что мне надо с ним идти! — досадовал Дурень. — А все ты виноват, Ша-сэн! Если бы я был там, то сразу подскочил бы к башенке, мячик попал бы в меня, царевна признала бы меня женихом, и все было бы хорошо. У меня была бы кровля, жена, пошли бы дети... — размечтался Дурень.

— И не стыдно тебе? — закричал Ша-сэн, подскочив к Чжу Ба-цзе и мазнув его рукой по лицу. — Ишь ты морда! «Купил себе старого осла за три гроша и хвалится!» Да если бы в тебя попал мячик, всю ночь стали бы жечь бумагу с заклинаниями, чтобы отогнать черта, да еще сетовали бы, что поздно хватились. Кто же осмелится пустить в дом такую образину?

— Эх ты, чумазый! Ничего ты не понимаешь! — возразил Чжу Ба-цзе. — Что с того, что я безобразен? У меня есть свои достоинства! Еще в древности говорили: «У кого кожа толста, у того кость крепка», — у каждого свое!

— Полно тебе чепуху городить! — вмешался Сунь У-кун. — Собирай-ка лучше поклажу. Боюсь, что наставник наш забеспокоился и сейчас позовет нас. Надо быть готовыми отправиться во дворец и защищать его там.

— Братец! Ты что-то опять не то говоришь! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Для чего нужна твоя защита нашему наставнику? Он ведь стал женихом царевны, поселится с ней вместе и будет

наслаждаться. Это не то, что карабкаться по горам, лазить по тропинкам да сражаться с оборотнями и злыми духами-марами! Он уже в летах и сам знает, что ему делать в брачной постели. Неужто ему понадобится твоя помощь?!

Сунь У-кун схватил Чжу Ба-цзе за ухо и, размахивая кулаком, заорал на него:

— Негодяй! Распутник несчастный! Совсем забылся! Ты как смеешь говорить подобные мерзости?!

В этот момент вдруг появился смотритель станции и сообщил:

— Сюда прибыл гонец нашего премудрого правителя и просит вас, преподобных монахов, последовать за ним!

— Для чего же нас приглашают? — удивился Чжу Ба-цзе.

— Ваш благочестивый наставник по счастливой случайности встретился с нашей царевной. В него попал ее мячик, и она признала вашего наставника своим женихом. Вот по этой причине сюда и прислан гонец, чтобы пригласить вас ко двору, — учтиво пояснил смотритель.

— Где же он, посланец правителя? — спросил Сунь У-кун. — Проси его сюда!

Посланец вошел, взглянул на Сунь У-куна и отвесил ему вежливый поклон. Когда взаимные приветствия были окончены, он опустил голову, боясь поднять глаза, и принялся бормотать:

— Может, черти?.. А может, дьяволы?.. Бог Грома? Якша?

— Гонец! — крикнул Сунь У-кун. — Ты что бормочешь? Если хочешь что сказать, говори прямо!

От этого окрика гонец так струхнул, что даже задрожал и поднял обеими руками жезл государя, свидетельствующий о высочайшем повелении. Выбивая дробь зубами, он начал говорить, с трудом связывая слова:

— Наша... царевна... Есть приглашение... пожаловать на помолвку. Царевна... наша... на помолвку... есть приглашение...

Чжу Ба-цзе решил успокоить его.

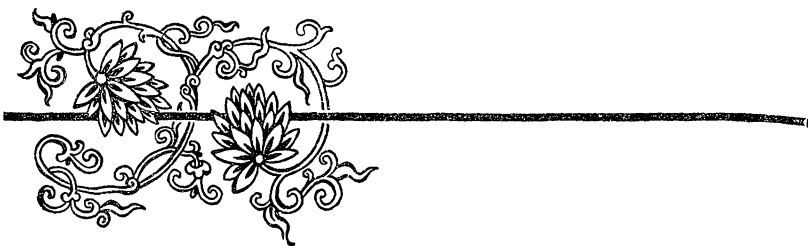
— У нас здесь нет орудий пыток, и мы не станем пытать тебя! — сказал он. — И колотить тебя не будем! — добавил он. — Говори внятно и не бойся.

— Ужель ты думаешь, что он боится твоих побоев? Да он твоей морды испугался! — проговорил Сунь У-кун, обращаясь к Чжу Ба-цзе. — Ну-ка, живо собирайте поклажу и выводите коня, — приказал он. — Идемте к наставнику во дворец и обсудим наши дела!

Недаром сказано:

Трудно на узкой тропе разминуться
Тем, кто навстречу друг другу идет.
Тот, кто навязывает свою милость,
Тот, кто насильно любовь предлагает,
Только вражду на себя навлечет.

О том, что сказал правитель ученикам Танского наставника, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТАЯ,

повествующая о том, как четверо монахов-путников пировали в царском саду и как напрасно лелеял вожделенные мечты оборотень в образе царевны

Мы остановились на том, как Сунь У-кун и его спутники, следуя за гонцом, направились во дворец. Когда они прибыли к главному входу, дворцовые привратники-евнухи тотчас же доложили правителю о них, и правитель велел ввести гостей. Все трое стали в ряд перед тронном государя, однако не совершали поклонов до земли, как положено в таких случаях.

— Вот, значит, какие они, высокочтимые ученики преподобного монаха, жениха нашей дочери-царевны, — с удивлением промолвил правитель. — Как же их зовут по фамилии и по имени? Где они проживают? По какому случаю отрешились от мира и какие священные книги хотят раздобыть?

Сунь У-кун тут же выступил вперед с намерением подняться на тронное возвышение, но стоявший сбоку телохранитель грозно прикрикнул на него:

— Ни с места! Если хочешь что-нибудь сказать правителю, говори!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Так уж у нас, монахов, принято, мы привыкли делать шаг вперед, если только нам представляется возможность.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тоже шагнули вперед вслед за Сунь У-куном. Танский наставник, опасаясь, что его ученики своей грубостью и невоспитанностью рассердят правителя, поднялся с колен и крикнул:

— Братья! Отвечайте, раз правитель спрашивает!

Сунь У-кун, заметив, что его наставник стоит в почтительной позе перед правителем, не стерпел и громко закричал:

— Правитель! Унижая людей, ты унижаешь себя! Как же ты допускаешь, чтобы мой наставник стоял около тебя словно слуга? Ведь он теперь твой зять? В миру принято называть жёна «знатным гостем». Где же это видано, чтоб знатного гостя не сажали рядом с собой?

От этих слов правитель так разволновался, даже побледнел. Он хотел было покинуть тронный зал, но побоялся потерять уважение своих приближенных. Набравшись духу, он велел слугам принести стул и предложил Танскому монаху сесть. Только после этого Сунь У-кун стал отвечать на вопросы правителя.

— Предки мои жили в пещере Водного занавеса на горе Плодов и цветов в стране Аолайго, расположенной на материке Пурвавидеха,— сказал он.— Рожден я Небом и Землей и появился на свет из камня. У праведных людей я научился понимать Истину, собрал в свою обитель соплеменников и поселился с ними в моем благодатном краю. Я опускался в морские глубины и покорял драконов, поднимался на горные кручи и ловил зверей. Я вычеркнул из книги Смерти свое имя и обрел бессмертие. Получив звание Великого Мудреца, равного небу, я любовался драгоценными палатами в небесных чертогах, встречался с бессмертными небожителями, изо дня в день пел с ними и веселился. Мое житье в обители премудрых было исполнено радости и веселья. Но однажды я расстроил пиршество в саду богини Сиванму и учинил буйство в небесных чертогах, за что сам Будда поймал меня и придавил горой Усиншань, под которой я пробыл пятьсот лет, ни разу не вкушая ни чая, ни риса, а когда изнывал от голода или жажды, ел железные пилюли и пил медный сок. К счастью, когда мой нынешний наставник отправился из восточных земель на Запад поклониться Будде, бодисатва Гуаньинь избавила меня от кары и велела сопровождать Танского монаха на Запад. Мое настоящее имя — У-кун, а прозвище — «Странник».

Услышав все это, правитель пришел в такое смятение, что сошел со своего места и, подойдя к Танскому монаху, оперся на него своей царственной рукой.

— Дорогой зять,— воскликнул он.— Не иначе как самим Небом мне предопределено породниться с тобой, бессмертным праведником.

Танский монах выразил благодарность и попросил правителя занять свое место на троне.

— Кто же второй высокочтимый ученик преподобного наставника? — последовал вопрос правителя.

Выставив рыло и приняв внушительный вид, Чжу Ба-цзе начал рассказывать о себе:

— В своем прежнем перерождении я был падох до всяких удовольствий, любил предаваться лени. Всю жизнь прожил бестолково, разрушая свою природу. Я не представлял себе, какова высота неба и глубина земли. Мне трудно было пред-

ставить себе морские просторы и горные дали. Как-то раз, когда я томился в праздном одиночестве, мне вдруг встретился праведный человек, который сразу избавил меня от греховных сетей. После этого двумя-тремя словами он разрушил окружавшую меня стену напастей. Я тогда же прозрел и во всем следовал этому человеку. Совершенствовался со всем прилежанием в течение двух сроков, по восемь лет каждый. Трижды благоговейно проходил тройную закалку. По истечении срока я вознеся и получил право переступить порог небесных чертогов. Владыка неба, Нефритовый император, оказал мне великую милость, назначил полководцем звезды Тянь-пэн. Я ведал всем воинством Небесной Реки, носился по безбрежным волнам небесного океана. Но на празднестве в саду царицы Сиванму захмелел и стал заигрывать с феей Луны Чан Э, за что был разжалован и изгнан на грешную землю; я воплотился по ошибке не в ту утробу и уродился со свиным рылом. Все последующее время я проживал на горе Фулин, где творил безмерные злодеяния. Но однажды повстречал бодисатву Гуаньинь, которая указала мне путь к добру. Тогда я вернулся к истинному учению Будды и стал охранять Танского наставника. Я направился с ним на Запад к Будде, чтобы поклониться ему и получить у него священные книги. Мое монашеское имя У-нэн, по прозвищу Ба-цзе.

От этих слов у правителя затрепетало сердце и затряслась печенка. Он не решался даже взглянуть на Чжу Ба-цзе. А тот еще больше разошелся, начал размахивать головой, выпятил рыло, оттопырил уши и принялся громко хохотать. Танский наставник, снова испугавшись, что правитель рассердится, поспешил остановить Чжу Ба-цзе строгим окриком:

— Ба-цзе! Не шуми!

Тогда только Ба-цзе принял более пристойный вид и, скрестив руки на груди, застыл в неподвижной позе.

Тут последовал еще один вопрос правителя.

— Третий высокочтимый ученик, расскажи, по какой причине ты принял учение Будды?

Ша-сэн молитвенно сложил руки ладонями вместе и начал говорить:

— Я из простых людей. Опасаясь попасть в круг непрерывных превращений, я стал искать путь Истины, скитался по разным местам, подобно облакам, доходил до самых дальних морских берегов и даже до края неба. Постоянно носил при себе монашеское одеяние и патру. Всякий раз, находя временное пристанище, я занимался тем, что закалял свой дух и свое сердце. В награду за искренние и ревностные старания Небо послало мне мага-отшельника, который сопутствовал мне. Мы с ним изготавляли снадобье долголетия и сочетали его брачными узами с красавицей Ча-нюй¹.

---

¹ Ч а - н ю й — иносказательно ртуть.

Когда все четыре преобразования снадобья слились в один образ и завершилось три тысячи проб, я переступил небесные границы, поклонился правителю Неба и получил звание Смотрителя дворцового занавеса. Сопровождал выезды Владыки неба в колеснице или паланкине, за что мне было пожаловано прозвище «воевода». На празднестве в саду богини Сиванму, по неловкости я обронил и разбил хрустальную чарку, за что был наказан и сослан на берега реки Люша. Там я преобразился и начал заниматься неслыханными злодеяниями. Но, к моему великому счастью, бодисатва, направляющаяся в дальний путь в восточные земли, обратила меня на путь Истины. С тех пор я сопровождаю Танского наставника — верного последователя Будды, на Запад за священными книгами. Все помыслы мои устремлены сейчас к великому прозрению. Бодисатва повелела мне носить фамилию Ша и дала мне монашеское имя У-цзин, а прозвище «монах».

Правителя эти слова и испугали и обрадовали. Радовало его то, что его дочери-царевне попался жених — живой Будда, но трое его учеников, походивших на оборотней, приводили его в ужас. Как раз в этот момент явился прорицатель-звездочет, проникший в таинственные силы природы Инь и Ян, и доложил:

— День свадьбы выпадает на двенадцатый день текущего месяца нынешнего года. По звездам этот день приходится на сочетание жэнь-цзы¹, что по гороскопу предвещает благоприятный брак.

— А сегодня какой день? — спросил государь.

— Сегодня восьмой день после новолуния, значит, приходится он на сочетание знаков у-шэнь², — ответил звездочет. — В этот день обезьяны угощаются плодами, и полагается представлять даровитых людей, а также принимать их на службу.

Государь очень обрадовался и тотчас же повелел придворным чинам навести чистоту и порядок в дворцовом саду, особенно в беседках, вышках и теремах. Затем нареченному зятю вместе с его учениками предложили расположиться там на отдых в ожидании свадебного пира, на котором царевна должна была появиться перед гостями. Отдав все необходимые распоряжения, правитель удалился. Все чины тоже покинули зал. Тут мы и расстанемся с ними.

Уже близился вечер, когда Танский монах со своими учениками направился в дворцовый сад, где их ждало угощение из постных блюд. Чжу Ба-цзе обрадовался.

— Надо наесться как следует! — воскликнул он.

Слуги тотчас же начали подносить ему целыми коробами

¹ Жэнь-цзы — обозначение 49-го дня шестидесятидневного цикла древнего китайского исчисления времени.

² У-шэнь — 45-й день шестидесятидневного цикла.

отварной рис и мучные кушанья. Он съедал, снова накладывал и ел до тех пор, пока живот у него не вздулся. Вскоре зажгли фонари, приготовили постели, и все разошлись на отдых. Танский наставник огляделся по сторонам и, убедившись, что вблизи никого нет, начал изливать свою досаду на Сунь У-куна.

— Мерзкая ты обезьяна! — гневно заговорил он. — Всякий раз вредишь мне. Ведь говорил я, что не надо идти к расписной башенке. Зачем же ты потащил меня туда? Видишь, что из этого получилось? Какая заварилась каша! Как же теперь быть?

Посмеиваясь, Сунь У-кун начал оправдываться:

— Наставник! Ты же сам сказал: «Моя покойная матушка тоже выбирала себе жениха, кидая тряпичный мячик, и вышла замуж по воле судьбы». Мне показалось, что в голосе твоём звучали нотки зависти, вот я и повел тебя к башенке. К тому же, я вспомнил, что сказал настоятель монастыря для сирот и одиноких, и, воспользовавшись случаем, решил проверить — настоящая там царица или оборотень. Пока что мне удалось заметить, что правитель чем-то омрачен, а царицу я еще не видел.

— А что будет, если ты ее увидишь? — продолжая досадовать, спросил Сюань-цзан.

— Мои огненные глаза сразу же смогут отличить настоящее от поддельного, стоит только взглянуть на нее, — ответил Сунь У-кун. — Я могу определить по лицу, каков человек, добрый он или злой, богатый или знатный, благородный или подлый, правверный или еретик.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн рассмеялись.

— Братец! Ты, видно, у гадальщиков учился, — сказали они.

— Все эти гадальщики годятся мне во внуки! — важно отвечал им Сунь У-кун.

— Да замолчите вы! — сердито прервал их Танский наставник. — Ты лучше скажи мне, — продолжал он, обращаясь к Сунь У-куну, — как отделаться от этой царицы, если она будет настаивать на своем?

— Двенадцатого числа, когда начнется свадебный пир, царица непременно появится, чтобы поклониться родителям. Я в это время буду находиться рядом и погляжу на нее. Если она настоящая царица, то ты станешь ее мужем и будешь пользоваться почетом и славой во всей стране — вот и все, — ответил Сунь У-кун.

Эти слова окончательно вывели Танского наставника из терпения.

— Ну и хорош ты! нечего сказать, — едва сдерживаясь, проговорил он. — Так и норовишь погубить меня? Ведь говорил У-нэн, что мы уже преодолели почти все звенья цепи наших злоключений, а ты все продолжаешь издеваться надо мной. Заткни свой зловонный рот и не смей больше отравлять меня своими смрадными словами. Иначе я сейчас же начну читать заклинание о сжатии обруча. Тогда плохо тебе будет.

Эта угроза так напугала Сунь У-куна, что он тут же опустился на колени перед наставником и начал молить его:

— Не читай! Прошу тебя, не надо! Если даже царица окажется настоящей, все равно учиним буйство во дворце, когда начнется свадебный обряд поклонения Небу и Земле, и я выведу тебя из дворца.

За разговорами они не заметили, как наступило время ночной стражи.

Звонко капают капли
Из дворцовых часов водяных.
Из тенистого сада
Веет влажных цветов аромат.
Над дверьми опустился
Край жемчужных завес кружевных,
И огни золотые
В опустевших дворцах не горят.

Позабыты качели,
Только тень их тихонько дрожит.
Смолкли звуки свирели,
Ни души у дворцовых громад.
Всюду мрак и молчанье,
Лишь луна в небесах ворожит,
Да цветы возле окон
Серебро ее блеска дробят.
А над каждой поляной
В беспредельной ночной снине
Тихо блещет лучами
Ясных звезд голубая роса.
Не кукуют кукушки,
Мотыльки задремали в траве.
Серебристой рекою
Млечный Путь пересек небеса.
Боль разлуки с любимым
В этот час и ясней и острей.
Белоснежные тучи
К милой родине тянутся вдаль.
А на иве плакучей
Чуть колышется зелень ветвей,
И от шелеста листьев
Лишь мучительней в сердце печаль.

Чжу Ба-цзе решил вмешаться.

— Наставник! — сказал он. — Уже наступила глухая ночь. Лучше завтра поговорим о делах, а сейчас давайте спать!

Учитель и ученики провели эту ночь в полном покое.

Рано утром золотой петушок возвестил о рассвете. Государь тотчас же направился в тронный зал на утренний прием.

Открываются ставни
На бесчисленных окнах дворцовых,
И волну благовоний
К небесам источают куренья.
Свежий ветер повеял,
И с широких террас изразцовых
Вознеслись в поднебесье
Звуки флейт и чудесного пенья.

Хвост пятнистого барса*
 Возвестия появленье владыки,
 А за ним, словно тучи,
 Вереницей поплыли знамена,
 Вот подвески из яшмы
 По одеждам рассыпали блики,
 И лучи заиграли
 На гранитном оскале дракона*.
 Хоть еще застывает
 Легкой мглою дворцовые ивы,
 Но все чище и ярче
 Пламенеет земля на рассвете.
 А жемчужные росы
 Свой разбрызнули блеск прихотливый
 И, дрожа, увлажнили
 Лепестки ароматных соцветий.
 Сотни мудрых придворных
 Перед входом построились главным,
 Возвещая владыке
 И здоровье и славу навеки,
 Ведь издревле известно:
 При правленьи единоподержавном
 И спокойны моря,
 И прозрачны могучие реки.

По окончании приема всех гражданских и военных чинов государь повелел:

— К двенадцатому числу приготовить свадебный пир. А сейчас привести в порядок кувшины с изображением весенних пейзажей и отнести их во дворцовый сад, пусть наш нареченный зять полюбуется ими.

Сановнику, ведающему церемониями, было велено отвести троих достойных учеников Танского наставника в заезжий двор при почтовой станции, чтобы они там побыли некоторое время, а стольничьему приказу было дано распоряжение приготовить постные яства и доставить их на заезжий двор, чтобы сановник, ведающий церемониями, вместе с учениками Танского монаха вкушал трапезу. Сановнику, ведающему дворцовой музыкой, было велено в саду и в заезжем дворе развлекать гостей, чтобы они, любуясь весенними видами, могли скоротать эти дни.

Чжу Ба-цзе слышал все эти распоряжения и отозвался на них по-своему.

— Правитель! — воскликнул он. — Мы никогда еще не расставались с нашим наставником, с тех пор как встретились с ним. Позволь же и нам попить на свадьбе в дворцовом саду хоть денька два и проводить наставника в твой дворец, иначе из твоего сватовства ничего не выйдет.

Безобразие Чжу Ба-цзе и его грубая, дерзкая речь привели в трепет правителя. К тому же Чжу Ба-цзе угрожающе вертел головой, выпятил свое рыло и захлопал ушами. Чтобы не расстроить свадьбу, правитель скрепя сердце отдал распоряжение:

— Накрыть два стола в хоромах Вечного умиротворения своих и иноземных народов. Я буду там вместе с моим наре-

ченным зятем. А в беседке Весна накройте три стола и пригласите туда уважаемых учеников, пусть сидят отдельно, ибо, согласно старшинству, неудобно посадить их за один стол с их наставником!

После этого Дурень Чжу Ба-цзе успокоился и поблагодарил правителя.

Затем было отдано распоряжение придворному евнуху, ведающему женской половиной дворца, устроить пир для обитательниц трех дворцов и шести палат, на который пригласить государыню с ее приближенными и царевну, чтобы осмотреть приданое и отобрать подарки к свадебному пиру.

Было около десяти часов утра. Государь возглавил шествие и предложил Танскому монаху отправиться на прогулку в дворцовый сад, полюбоваться его красотами. Там были чудесные места. Вот послушайте:

Разноцветными камнями
Всюду устланы дорожки,
И узорные перила
Протянулись с двух сторон.
За решетками резными
Раскрываются бутоны,
И тончайшим благовоном
Теплый воздух напоен.

Привораживая блеском
Зимородков изумрудных.
Нежных персиков повсюду
Распустился юный цвет.
У тенистого побережья
Желтых иволог увидишь,
Что под сенью ив порхают,
Здесь растущих сотни лет.

Ты идешь,— а воздух полон
Ароматом роз цветущих,
Словно черпают их запах
С каждым шагом рукава.
Ты идешь,— и с каждым шагом
Впитывается в одежды
Тонкое благоуханье,
Как дыханье волшебства.

Там для фиников террасы
За густой листвой пестреют,
А за ними павильоны
Из бамбука и сосны,
И немолчно на террасах
Флейты звонкие играют:
Просят фиников небесных
В сад спуститься с вышины.

Там для водяных драконов
Тихие пруды синеют,
И дрожат на чистой глади
Золотистые огни.

Рыбок пестрых здесь разводят,
Терпеливо ожидая,
Чтоб в драконов превратились
И умчались ввысь они.

В павильонах из бамбука
Дивные стихи хранятся,
К ним подобраны напевы —
Им подобных в мире нет.
А в сосновых павильонах
Книг старинные собрания,
В них к жемчужинам творенья
Ты найдешь любой ответ.

Вот искусственные горки
Камнем устланы зеленым,
И лазеревою лентой
Извиваются ручьи,
И живым ковром пионов
Сплошь окутаны беседки,
Словно бархатом цветистым
Или складками парчи.

Вон узорные решетки
Густо розами увиты,
За решетками жасмины
Пышной зарослью цветут,
Вон бегонии на грядках,
Будто щедрые ладони
Самоцветы или яшму
Рассыпают там и тут.

А какой чудесный запах
У пеонии душистой,
Как подсолнух сычуаньский
Удивительно красив!
И как будто в спор вступает,
Расточая ароматы,
Абрикосов цвет румяный
С белым цветом груш и слив.

До чего свежи, роскошны
Распустившиеся маки,
Грядки пурпурных магнолий
И азалий всех сортов!
А ятрышник ярко-алый,
Словно вызов им бросает,
И горящий златоцветник
Состязаться с ним готов.

Вон головки поднимают
И кивают туберозы,
Возле них — «Бессмертный феникс»
И «Смешливые цветы».
Дорогих румян сочнее
Их багряная раскраска,
Всюду взоры ослепляет
Блеск их нежной красоты.

Но душе всего отрадней
Ласковый восточный ветер,
Доносящий издалика
Благодатное тепло,
И в его дыханье влажном
Все сверкает свежим блеском,
Все в саду благоуханном
Пышным цветом расцвело.

Долго любовались правитель и все сопровождавшие его великолепными видами. Между тем уже давно появились придворные чины, ведающие этикетом, которые пригласили Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна в беседку Весна. Наконец правитель взял за руку Танского монаха и вошел с ним в палаты Умиротворения своих и иноземных народов, где они принялись закусывать, и здесь, пожалуй, можно рассказать о том, как их улаждали песнями, плясками, игрой на духовых и струнных инструментах, а также, каково было убранство всего помещения. Вот послушайте:

Блещут величавые ворота,
Рассыпая пестрые лучи,
Солнце ослепительно играет
На одеждах из цветной парчи.
Из дворцовых расписных покоев
Веют благовещие пары,
А весна цветы и травы всюду
Стелет, словно нежные ковры.
Реют звуки стройных песнопений,
Им свирелей вторят голоса,
Словно небожители толпою
Пировать сошлись на небеса.
Взад-вперед, блестя, летают кубки
И подносы, полные сластей.
Рад владыка, весело вельможам,
Развлекают дорогих гостей.
И придворные и чужеземцы —
Все душой умиротворены,
И сердца полны довольства, славят
Мир и счастье радостной страны.

Танский монах не мог ни к чему придраться, поскольку государь относился к нему с большим почтением, и ему ничего не оставалось, как, пересиливая себя, казаться веселым. Верно говорится: «На лице радость, а в душе горе». Неожиданно Танскому монаху бросились в глаза четыре картины в золотых рамках, висевшие на стене, с изображением четырех времен года: весны, лета, осени и зимы. К каждой картине была соответствующая стихотворная надпись, сочиненная известнейшим придворным ученым-стихотворцем из ученой палаты.

Вот какие были строки на картине, изображающей весенний пейзаж:

Вот опять небосвод
Оборот завершил ежегодный,
И ликует земля,
Обновляя свою красоту,

И поля и леса —
Все вздохнуло живей и свободней,
И сады и луга —
Все стоит в негасимом цвету,
И опять на заре
Состязаются персик и слива
Розоватой красой
Ароматных нарядов своих.
Возвращаются ласточки,
Кружатся с песней счастливой,
Чтобы тысячи гнезд
На стропилах лепить расписных.

Стих на картине, изображающей лето, был уже иной:

Веют знойные ветры,
И, жаркою ленью объята,
Мысли тянутся смутной,
Медлительною чередой.
Во дворцовых дворах
Тихо сочные зреют гранаты,
И на солнце подсолнух
Уже налился золотой.
А полуденный сон
Легкий звук потревожил незримо:
Это флейты напев
Разливается чистой волной.
Аромат ненофара струится
И запах чилима,
И порыв ветерка
Их доносит под полог цветной.

Стих на картине, изображающей осенний вид, звучал тоскливо:

Наклонясь над могилою,
Листья желтеют резные
На печальном утуне —
Свидетеле горестных дней,
И запахнуты плотно
В домах занавески дверные,
Потому что ночами
Становится все холодней.
«День заветный»* настал.
И, приметы его узнавая,
С милым краем прощается
Ласточек дружных семья,
И гусиная стая,
Камыш на побережье ломая,
Устремляется ввысь,
Улетая в чужие края.

Стих на картине, изображающей зиму, был совсем грустный:

Облака пролетают,
И тусклое небо дождливо,
Всюду холод и мгла.
Застилает туман берега.
Скоро северный ветер
Дохнет над землей сиротливой,

И на тысячи гор
Серебристые лягут снега.
А из горниц укромных
Тепло по дворцу заструилось:
Там жаровни узорные
Докрасна раскалены.
Говорят, что вчера
Снова слива в саду распустилась,
И дворцовые лестницы
Юных красавиц полны.

Правитель заметил, с каким интересом Танский монах читал стихи.

— Уважаемый зять! — воскликнул он. — Ты, верно, сам любишь сочинять стихи, раз с таким любопытством смотришь на эти строфы. Если тебе не жаль своих слов, драгоценных, словно яшма или жемчуг, то, прошу тебя, сложи стихи в подражание этим.

Танский наставник был до того увлечен сопоставлением стихов и рисунков, так ясно представлял себе, что было на душе у художника и поэта, что невольно тут же сложил стих:

Солнышко греет, лед весь растаял,
Творить начинает земля...

Государь очень обрадовался и обратился к своему телохранителю:

— Принеси скорей кисть, тушечницу и бумагу! Мы попросим нашего зятя записать стихи, которые он сложил, а потом на досуге будем наслаждаться ими.

Наставник, вдохновленный удачей, не стал отказываться. Он взял писчую кисть и написал в подражание каждому стихотворению свое четверостишие.

К изображению весеннего пейзажа:

Снова солнышко греет,
И льдины темнеют и тают,
И, от сна пробуждаясь,
Творить начинает земля.
А в дворцовом саду
Молодые цветы расцветают,
Так легко и шутивно
Свои лепестки шевеля.
Веет ласковый ветер,
Колышется рис на равнине,
Льется дождь благодатный —
Все радует сердце крестьян.
Стихли волны морей,
Снова реки прозрачны и сини,
И тревоги исчезли,
Как тает на солнце туман.

К изображению летнего пейзажа:

Долго тянутся дни,
Не спешат разгореться закаты.

Звездный Ковш в небесах
Устремлен на полуденный край.
Как багряным огнем,
Лепестками оделись гранаты,
Облаками цветов
С ними спорят деревья хуай.
В старых парках дворца,
Среди зарослей ивы плакучей
Песня иволги вьется
И крики стрижей над рекой.
Свежий ветер струит
Отголоски их звонких созвучий
И под полог багряный
Доносит в дворцовый покой.

К изображению осеннего пейзажа:

Запах спелых плодов
Долетает из каждого сада,
Мандарин еще зелен,
Зато пожелтел апельсин.
Кипарисы и сосны темнеют:
Они словно рады,
Что серебряный иней
Покрыл их до самых вершин.
Приоткрыв лепестки,
Сотни астр вдоль оград заперестрели,
Разноцветным узором
Блестя, как живая парча.
Где-то слышится песня
И вместе с напевом свирели
К облакам улетает,
В осенних просторах звуча.

К изображению зимнего пейзажа:

Как ясны небеса
После нескольких дней снегопада!
Легок воздух морозный,
И снег под ногами хрустит.
Удивительной стала
Хребта голубая громада,
Скал причудливый гребень,
Как белая яшма, блестит.
В печках тлеет кизяк,
Тянет запахом добрым и милым:
Это пахнет из комнат
Топленным, густым молоком.
Звонко девы поют,
Прислонясь к изумрудным перилам,
И в цветных рукавах
Прячут зябкие ручки тайком.

Правитель еще больше обрадовался, когда прочел эти стихи, так подходившие к стихам на картинах. От удовольствия он даже прочел вслух последнюю строку: «Звонко девы поют, прислонясь к изумрудным перилам, и в цветных рукавах прячут зябкие ручки тайком». Правитель тут же велел переложить

на музыку стихи Сюань-цзана, и весь день музыканты их исполняли.

В это время Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн пировали в беседке Весна. Каждый из них хлебнул несколько чарок вина и слегка захмелел. Они собрались было пойти за своим наставником, но, увидев, что он сидит вместе с правителем, раздумали. Чжу Ба-цзе разобрал хмель, и он принялся горланить:

— Эх-ма! До чего же весело живется! Сегодня уж я наелся и напился как следует! Пока сыт, надобно пойти поспать!

— Да разве можно! — засмеялся Ша-сэн. — Ты, братец, видно, совсем не занимаешься самоусовершенствованием. Как же можно сразу спать после такой сытной еды?

— Что ты понимаешь! — возразил Чжу Ба-цзе. — Есть такая поговорка: «Кто поевши не растянется, тот жир себе не нагуляет!»

В это время в беседку вошел Сюань-цзан и накинудся на Чжу Ба-цзе.

— Мерзавец! Совсем обнаглел, мужлан этакий! — гневно закричал он. — Где ты находишься? Как смеешь горланить здесь! Знаешь ли ты, что, если правитель рассердится, тебе несдобровать?

— Ничего он мне не сделает! — ответил Чжу Ба-цзе. — Мы породнились с ним, и он должен относиться к нам как к родственникам. Ему даже и укорять нас теперь неудобно. Как говорится, мы с ним «неразлучная родня, разлюбезные сватья!» Чего же ты боишься? Мы ведь шутим...

Наставник не вытерпел. Он грозно прикрикнул на Чжу Ба-цзе и обратился к остальным ученикам:

— Ну-ка, держите покрепче этого дурака! Я ему всыплю сейчас двадцать палок, чтобы он прозрел!

Сунь У-кун не долго думая схватил Чжу Ба-цзе и повалил ничком, а наставник вооружился палкой и принялся бить его.

— Отец! Зять! Смилуйся! Пощади меня! — завопил Чжу Ба-цзе.

Стоявшие сбоку придворные чины вступились за него. Чжу Ба-цзе с трудом поднялся на четвереньки и загнусавил:

— Хорош дорогой гость, нечего сказать! Вот так «зять!» Еще не породнился, а уже начинает расправляться по-царски!

Сунь У-кун зажал ему рот и крикнул:

— Замолчи! Ложись лучше спать скорее!

Они провели еще одну ночь в беседке Весна. На другой день с самого утра снова началось пиршество.

В радости и веселье незаметно прошло несколько дней и, наконец, наступило утро счастливого дня, — двенадцатое число! Чины трех разных отделов, состоявшие при стольничьем приказе, явились к правителю с докладом:

— Со дня получения всемилостивейшего повеления восьмого числа было начато сооружение свадебного помещения для ува-

жаемого зятя, каковое ныне уже закончено! — сообщили они.— Все готово для приема приданого от царевны-невесты, и мы почтительно пребываем в ожидании оного. К свадебному пиру тоже все готово. Скромных и постных яств будет подано более, чем на пятьсот столов!

Государь был очень рад и уже хотел предложить своему нареченному зятю отправиться на пир, как вдруг из внутренних покоев дворца появился придворный чин. Он предстал перед государем и доложил ему:

— Десять тысяч лет тебе здравствовать, государь! Тебя просит пожаловать матушка-государыня! — проговорил он.

Государь тотчас же направился во внутренние покои. Тем временем царицы из трех дворцов и придворные девы из шести палат провели царевну-невесту во дворец Озаренный солнцем и там весело шутили. Вот уж поистине всех этих девиц можно было бы сравнить с букетом цветов или с разноцветной парчой! Они были так прелестны, что, право, превосходили любую красавицу из Лунного дворца и даже из небесных чертогов. И уж во всяком случае ни одна из них не уступала придворным служительницам бессмертной Небесной царицы.

Вот послушайте, что говорится о них в стихах:

Прекрасная свадьба!
Радость! Радость! Радость!
Веселитесь и пойте,
В брак вступает чудесная пара,
На прекрасной царевне
Муж достойный желает жениться,
А невеста красива
И нежна, как цветок неюфара,
С ней и лунной царице —
Величавой Чан Э — не сравниться!
На вишневые губки,
На жемчужные зубки взгляните,
На пунцовые щечки,
Что алее весенних пнонов,
В волосах, как живые,
Золотые колышутся нити,
И блестят ее шпильки
С головами жар-птиц и драконов.
Легок стан ее гибкий,
Словно стебель цветка молодого,
В пышный зал она сходит
По ступеням сверкающих лестниц.
Ароматами вея
И блистая одеждой парчовой,
Проплывает по залу
В хороводе нарядных прелестниц.

*

Встреча! Встреча! Встреча!
Мы сегодня встречаем
Ту, что всех превзошла и пленила,
И лицом и нарядом
С ней сама Мао Цян* не сравнится,

Дев из Чу* знаменитых
Красотой она дивной затмила,
Пред ее совершенством
Ниц падут все земные столицы.
Вдвое краше невеста
В ослепительном свадебном шелке,
А чиста, благородна,
Словно лилия иль орхидея.
Золотыми огнями
Блещут кольца ее и заколки,
Лишь цветок или яшма
Красотою сравнились бы с нею.
Лик ее набеленный
Выражает и знатность и славу,
Брови тонки, как нити,
Как далеких вершин очертанья,
Средь нарядных подружек
Выступает она величаво,
А улыбка и взоры
И скромны и полны обаянья.

*

Прекрасна! Прекрасна! Прекрасна!
Как небесная дева,
Как бессмертная дева — прекрасна!
Сколько прелести гордой
В каждом взоре ее, в каждом жесте!
Все любви в ней достойно,
Все волнует глубоко и страстно,
И помада и пудра —
Все к лицу нашей юной невесте.
Право, можно подумать,
Что явилась она в это утро
Не из царского дома,
А с далекой вершины Тяньтяя*.
Так изящны манеры,
Так звучат ее речи премудро,
Так сияет улыбка,
С нежных губ ароматом слетая.
Под мелодию флейты,
Под родные девичьи напевы
В хороводе веселом
Вьется птицей она золотую.
Пусть нежны и красивы
Вкруг нее благодравные девы —
Ни одна не сравнится
С бесподобной ее красотой!

*

Свадьба! Свадьба! Свадьба!
Орхидеями пахнет,
Веет мускусом пряным и томным,
Молодые красавцы
Перед входом рядами застыли,
Девы пестрой толпою
Собираются в зале огромном,
И придворные дамы
Свои пышные платья сменили,
А царевна-невеста
Одеянием новым блистает ,

Взбиты пышной прической
Благовонные, черные пряди,
Из-под верхней одежды
Разноцветная юбка спадает.
И горят самоцветы
На ее драгоценном наряде.
Вот слышались в зале
Звуки музыки дивно согласной,
И в кружащемся танце
Цвет лиловый смешался с пушковым,
И для радостной встречи
Этой царственной свадьбы прекрасной
Мы в счастливое утро
Собираемся в зале дворцовом!

Вернемся, однако, к правителю, который прибыл во дворец Озаренный солнцем. Навстречу ему вышли царицы и придворные дамы, ведя царевну. Остальные пышно разодетые девы и прислужницы тоже сопровождали их. Правитель занял свое место и был в самом благодушном настроении. По окончании церемонии поклонов, совершенных царицами и всеми остальными, государь обратился к царевне.

— Доченька моя! — ласково сказал он. — Желание твое сбылось, тебе посчастливилось встретиться с праведным монахом в тот день, восьмого числа, когда ты кинула свой разноцветный мячик. Приготовления к свадьбе уже завершены. Сегодня как раз наступил желанный срок. Будь готова явиться вовремя на пир, чтобы осушить свадебный кубок. Смотри не опоздай и не упусти счастливый час!

Царевна приблизилась к правителю и повалилась ему в ноги.

— Отец мой, повелитель! — проговорила она, низко кланяясь. — Молю тебя, прости мой тяжкий грех, но позволь все же словечко молвить! Я слышала, что у Танского монаха есть трое спутников-учеников, страшных и безобразных на вид. Я боюсь встретиться с ними. Умоляю тебя, отец, вели выпроводить их из города, не то от испуга со мной может случиться беда.

— Доченька моя, — отвечал ей правитель, — спасибо, что напомнила мне. Я совсем позабыл, что эти трое действительно на редкость безобразны. Сейчас они в дворцовом саду, в беседке Весна. Все эти дни я велел ухаживать за ними, а теперь хватит. Пусть принесут дорожную, и я отправлю их из города. Вот тогда мы и попируем на славу!

Царевна вновь совершила низкий поклон, поблагодарив за милость, а правитель не мешкая отправился в тронный зал и велел пригласить к нему нареченного зятя с его тремя учениками.

Все это время Танский монах аккуратно вел счет дням. Двенадцатого числа, еще до наступления рассвета, он разбудил своих учеников, чтобы посоветоваться с ними, как быть дальше.

— Ну вот, сегодня уже двенадцатое... — удрученно проговорил он. — Что же мне делать?

Сунь У-кун стал успокаивать его

— Я уже определил, что над правителем нависли темные силы, — сказал он, — правда, пока они не причинили ему вреда. Царевны я еще не видел. Вот если бы она вышла, я сразу же, с одного взгляда, определил бы: настоящая она или нет, а тогда можно было бы начать действовать. Ты только не беспокойся. Нынче нас обязательно попросят покинуть город, и ты соглашайся. Я мигом вернусь, только переменю свой облик, и буду неотступно охранять тебя.

И действительно, пока учитель и его ученики совещались, появились дворцовые чины, ведающие царским выездом и церемониалом, которые передали приглашение. Сунь У-кун рассмеялся:

— Идем! Идем! — вскричал он. — Наверное, нам сейчас устроят проводы, а наставник наш останется здесь и будет сочетаться законным браком.

— На прощанье нам, конечно, подарят изрядное количество золота и серебра, — начал мечтать вслух Чжу Ба-цзе. — На эти деньги мы сможем закупить разные вещи для подарков и отправимся восвояси. Я вернусь в дом к своему тестю и вновь заживу со своей зазнобушкой...

— Попрдержи язык, — остановил его Ша-сэн. — Пусть всем распорядится наш старший братец Сунь У-кун.

Быстро собрав поклажу и коня, наши путники отправились вслед за придворными чинами и прибыли к красному крыльцу у дворца. Правитель принял их и велел приблизиться.

— Подайте мне вашу подорожную, — приказал правитель. — Мы сейчас приложим к ней нашу государственную печать, поставим подпись, а затем вернем ее, чтобы вы могли следовать дальше. Кроме того, вам приготовлено достаточно разных припасов на дорогу. Скорей отправляйтесь на чудесную гору Линшань поклониться Будде. Если раздобудете священные книги и снова будете проходить здесь, получите от меня щедрое вознаграждение. Зять пусть остается здесь, и вы о нем не беспокойтесь.

Сунь У-кун поблагодарил правителя и велел Ша-сэну достать подорожную, которую и вручил правителю. Тот прочел ее, поставил печать и собственноручно расписался. Затем правитель взял десять слитков золота и двадцать слитков серебра и передал их Сунь У-куну в дар. Как вам уже известно, Чжу Ба-цзе был корыстолюбив от природы. Он поспешил принять этот подарок и спрятал его, а Сунь У-кун в это время по-монашески стал кланяться правителю, бормоча какие-то буддийские изречения. Затем он повернулся и хотел удалиться, но Танский наставник кубарем скатился со своего сиденья, бросился к нему и вцепился в него обеими руками.

— Как же это вы собираетесь оставить меня одного?! — вскричал он, в отчаянии скрежеща зубами.

Сунь У-кун схватил Сюан-цзана за руки и, крепко сжав их, подмигнул ему:

— Ты пируй себе на славу, — лукаво произнес он, — а мы сходим за священными книгами и скоро вернемся к тебе.

Танский наставник совсем растерялся: он не знал верить или не верить своему ученику, и не хотел отпускать его. Придворные, глядя на них, думали, что они и в самом деле прощаются. Наконец правитель пригласил зятя занять свое место на тронном возвышении, а придворным велел проводить его учеников за город. Танскому наставнику ничего не оставалось как повиноваться.

Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэнь, выйдя за ворота, распростились с придворными.

— Неужели мы и впрямь отправимся одни? — спросил Чжу Ба-цзе.

Сунь У-кун ничего ему не ответил. Когда они пришли к почтовой станции, смотритель встретил их и провел в помещение. Им подали чай и стали готовить еду.

— Вы пока оставайтесь здесь, — сказал Сунь У-кун, — и старайтесь не привлекать к себе внимания. Если смотритель будет спрашивать вас о чем-либо, отвечайте ему уклончиво, а со мной не заговаривайте. Я отправлюсь охранять наставника.

Ай да Великий Мудрец! Он выдернул волосок, дунул на него своим волшебным дыханием и воскликнул: «Превратись!» Волосок сразу же превратился в полную копию Сунь У-куна и остался с Чжу Ба-цзе и Ша-сэнем на заезжем дворе. Сам же Сунь У-кун подпрыгнул в воздух и превратился в пчелку.

Желтых крылышек мерцанье,
В сладком соке хоботок,
В полосатом, легком тельце
Жало острое несет.
То стрелой по ветру мчится,
То садится на цветок,
То в лучах горячих пляшет,
То стремглав летит вперед.
Лучше всех она умеет
Сок цветочный отыскать
И, собрав нектар душистый,
Унести его тайком.
Целый день в трудах проводит
И не хочет отдыхать:
То напрасно суетится,
То колдует над цветком.
День за днем она готовит
Нам густой и сладкий мед,
И не ведает, бедняжка:
Этот мед — не для нее,
Поработает все лето
И среди душистых сот
Нам на память оставляет
Тельце хрупкое свое.

Вообразите себе, с какой легкостью Сунь У-кун влетел во дворец! Там он увидел своего наставника, который сидел на расшитом стуле по левую сторону правителя. Брови у него были скорбно сдвинуты, а сердце пылало, как раскаленный уголь. Сунь У-кун подлетел прямо к наставнику и уселся на его головном уборе. Затем он тихонечко подполз к уху своего учителя и прожужжал:

— Наставник! Я здесь. Не грусти и не печалься.

Эти слова слышал только Сюань-цзан, никто из присутствующих, конечно, ничего не подозревал.

Услышав голос Сунь У-куна, Танский монах почувствовал душевное облегчение. Вскоре явился начальник внутреннего дворца и пригласил государя на пир.

— Десять тысяч лет тебе здравствовать, великий государь!— молвил он.— Сейчас во дворце Вещей сороки начнется свадебный пир. Матушка-царица с царевной уже там. Они изволили просить тебя, государь, пожаловать со знатным гостем.

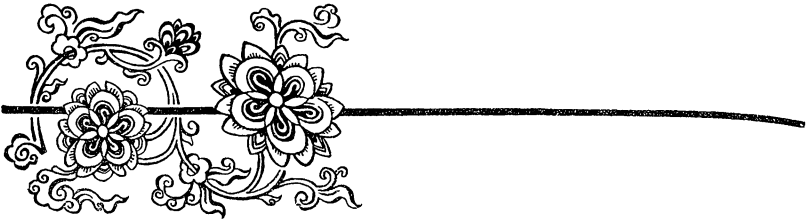
Государь был беспредельно рад и весело отправился на пир со своим нареченным зятем.

Вот уж поистине:

Любил цветы владыка легковерный,
Но претерпел от них одно лишь горе.
Взяло раздумье Танского монаха,
А думы скорьб в нем породили вскоре.

О том, как Танскому наставнику удалось избавиться от напасти и покинуть дворец царевны, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЯТАЯ,

из которой читатель узнает о том, как ложный образ заменил истинный, как был пойман Нефритовый заяц и как оборотень, встретившись с первородным духом, был направлен на Истинный путь

Итак, полный тоски и печали, Танский наставник побрел за государем во внутренний дворец, где его ждала царевна. Музыка и грохот барабанов потрясали небо, воздух был напоен чудесными ароматами. Сюань-цзан шел, опустив голову, боясь поднять глаза. Сунь У-кун был очень доволен. Прицепившись к шляпе своего наставника, он вращал свои огненные глаза с золотистыми зрачками и оглядывал все кругом. Разодетые девы стояли рядами по обеим сторонам, словно феи во дворце небожительницы. Их наряды своими красками могли поспорить с парчовыми шатрами. В самом деле, вот как они выглядели:

И прелестны и гибки,
Одеты в шелка и парчу,
Затмевают они
Знаменитых красавиц из Чу.
Точно яшма их лица,
Более снегов их тела,
Стали парами в ряд —
Словно в зале весна расцвела!

Превосходят Си Ши
Красотою они неземной,
Высоко их прически
Причудливой взбиты волной,
В виде фениксов пестрых
Головки их шпилек резных,
И сказать невозможно,
Которая краше из них!

Очертанья бровей —
Словно горы в рассветной дали:
Так их тонкие дуги
Искусно они подвели.
Грациозны, стройны,
Словно феям небесным сродни,
На свирелях и дудках
Согласно играют они.

Плачут флейты в ответ,
Барабаны и гонги гремят,
То надеждой их песни,
То грустью нам сердце томят.
От высоких до низких —
Все звуки они издают,
То протяжно, то быстро,
То тихо, то звонко поют.

Не наслушаться песен
Пленительных юных невест,
Восхищаться их танцами
Смертному не надоест,
Как на груди парчи,
Как на клумбу весенних цветов,
Каждый в зале на них
Без конца любоваться готов!

Видя, что все эти пленительные девы не вызывают у Танского наставника никаких дурных помыслов, Сунь У-кун от восторга даже губами причмокнул и подумал про себя: «Вот это монах так монах! Молодец! Вокруг такие красотки, в шелках и парче, украшенные драгоценностями, а он и не смотрит на них; никакие греховные помыслы не возникают у него».

Но вот из дворца Вещей сороки навстречу правителю вышла царевна в окружении цариц и придворных дам. Послышались их приветственные возгласы:

— Да здравствует царь-государь! Десять тысяч лет тебе царствовать!

Танский монах совсем растерялся: руки и ноги отказались повиноваться ему. Он дрожал всем телом.

Между тем Сунь У-кун давно предполагал, что царевна вовсе не царевна, а оборотень. Теперь же он воочию убедился в этом, заметив над ее головой легкий дымок, впрочем не слишком зловещий и не пагубный. Прильнув к уху своего наставника, он опять прожужжал:

— Наставник! Это не царевна, а оборотень!

— Ну и что из того, что она оборотень? — удрученно ответил ему Танский монах. — Как ты заставишь ее принять свой настоящий облик?

— Очень просто, — ответил Сунь У-кун. — Я ее сейчас схвачу и заколдую.

— Что! Нельзя так! — чуть не вскрикнул Танский наставник. — Чего доброго, напугаешь самого правителя! Обожди,

пока он и государыни удалятся, вот тогда и принимайся за свои волшебства.

Но Сунь У-кун, как известно, отличался горячностью. Разве мог он стерпеть? Громко вскрикнув, он принял свой настоящий вид, кинулся вперед и схватил царевну.

— Нечего сказать! Ну и хороша же ты, скотина этакая! — заорал он. — Ишь выдумала: выдавать поддельное за настоящее! Мало того, что устроилась здесь и живешь в роскоши, тебе захотелось еще одурачить моего наставника и совратить его!

Правитель от испуга остолбенел. Царицы попадали на землю, а придворные дамы и разукрашенные девы, все до единой, кинулись в разные стороны, помышляя лишь о том, как бы спастись.

Вот послушайте, как рассказывается об этом в стихах:

Весенний веял ветерок,
Но разразилась буря вдруг,
Своим дыханьем ледяным
Опустошая все вокруг.
Весенний веял ветерок,
И сад тенистый шелестел,
Как вдруг, стремительный и злой,
Порыв осенний налетел.

Цвел безмятежно дивный сад,
Благоуханье расточал,
Лишь мимоходом ветерок
Соцветья бережно качал,
Но буря яростной рукой
С деревьев листья сорвала
И у решеток расписных
Пионы грудой намела.

На длинных грядках вдоль аллея,
Где аромат всегда царил,
Измят пеоний стройный ряд,
Лежат бедняжки у перил.
На взбаламученных прудах,
Что были раньше так чисты,
Прибиты бурей к берегам
Поникших лотосов цветы.
Вот у подножия террас,
Грозой истерзаны совсем,
Трепещут, устилая дерн,
Бутоны хрупких хризантем,
Бессильные, ничком, в пыли
Лежат бегонии вразброс,
И вихри разметали вдаль
Обрывки ароматных роз.
Здесь осторожный ветерок,
Повеяв с утренней реки,
С чилима, нениюфара, груш
Срывал украдкой лепестки,
А зимний снег, тяжелый снег,
Внезапно с неба повалив,
Покровом грузным придавил
Изящные бутоны слив.

Все в беспорядке, все в пыли,
И, превратившиеся в сор,
Гранатов алые цветы
Усеяли дворцовый двор,
А возле царского дворца,
Печально ветви оголив,
Изломанные кое-как,
Дрожат ряды плакучих ив.

А бури бешеной бичи
И струи злобного дождя
Бушуют в стонущем саду,
Цветов чудесных не щадя.
Одну лишь ночь пробушевал
В саду неистовый погром,
А утром устлана земля
Цветным, изодранным ковром.

У Танского монаха совсем отнялись руки и ноги. Дрожа всем телом, он обхватил правителя и твердил ему одно и то же:
— О государь! Не бойся! Не бойся! Это мой упрямый ученик прибег к своему волшебству! Сейчас он выяснит, где правда, где ложь!

Царевна-оборотень, чувствуя, что дело принимает плохой оборот, вырвалась из рук Сунь У-куна, скинула с себя все одежды, сбросила драгоценные украшения и помчалась в дворцовый сад, в сторону храма, воздвигнутого в честь местного духа. Она вбежала туда и вооружилась короткой дубинкой, похожей на пест. Затем она примчалась обратно, накинулась на Сунь У-куна и начала его колотить. Сунь У-кун смело отражал удары своим железным посохом.

С гиканьем и шумом оба вступили в жаркий бой, прямо тут, в дворцовом саду. Затем, прибегнув к волшебным чарам, они поднялись на воздух и продолжали драться в облаках. Вот, как рассказывается в стихах про этот поединок:

О силе посоха везде
Идет привычная молва,
Про золотые ободки
Твердят хвалебные слова.
Но про короткую дубинку,
По виду схожую с пестом,
Никто не слышал, не был с нею
И мудрый праведник знаком.

Схватились недруги жестоко:
Один — как верный ученик,
Здесь очутился по дороге
К хранилищу священных книг.
Другой в цветущие долины
Тайком спустился с высоты —
Все потому, что слишком страстно
Властитель почитал цветы.

И вот в одну из прошлых весен,
Прикрывшись полуночной мглой,
Отсюда юную царевну
Похитил оборотень злой
И, в образ девы воплотившись,
В покоях пышного дворца
Любовью царскою и лаской
Стал наслаждаться без конца.
О Танском праведном монахе
Узнал заранее злодей,
Безбрачного принудить к браку
Возжаждал он в душе своей,
Решил подвижника святого
Завлечь в губительную сеть,
Мужскою силой непорочной
Стремясь преступно завладеть.

Но зорек Сунь У-кун премудрый!
Проникнув во дворцовый зал,
Он золотистыми глазами
Вмиг любодеея распознал,
За жертву гнусного обмана
Вступился, не жалея сил,
Чтоб доказать, где ложь, где правда,
Чтоб враг пощады запросил.

Страшна короткая дубинка,
Злодейство совершить грозит
И беспощадно, прямо в темя,
Героя нашего разит.
Но посох тоже полон силы
И тоже спуску не дает:
Наотмашь по свирепой морде
Врага растерянного бьет.

Все жарче недруги дерутся,
От лютой ярости крича,
То отступают друг от друга,
То снова рубятся плеча,
И все неистовей удары
Гремят в кружащейся пыли,
А в небе за клубились тучи
И солнце мглой заволокли.

И вот в небесах разгорелся такой страшный бой, что все жители города пришли в полное смятение, да и во дворце придворные и военачальники трепетали от страха. Танский наставник все время поддерживал правителя под руки, успокаивая его:

— Не тревожься! — говорил он. — Уговори своих государь и всех остальных, чтобы они не боялись. Ведь царевна — на самом деле оборотень, принявший вид твоей дочери. Вот погоди, мой ученик изловит ее, и ты сам все узнаешь!

Придворные дамы, оказавшиеся похрабрее, подобрали сброшенные оборотнем одежды и украшения, головные шпильки и браслеты и показали царицам.

— Все это было на царевне, — сказали они, — царевна, скинув с себя одежды, вступила в бой с волшебным монахом,

и теперь они сражаются в воздухе. Она — самый настоящий злой дух-оборотень.

Постепенно государь и государыня, а также придворные дамы начали понемногу приходить в себя от испуга и принялись смотреть на небо. Но мы пока оставим их.

Вернемся к оборотню и Великому Мудрецу Сунь У-куну, которые вели бой друг с другом. Прошло уже почти полдня, но все еще не видно было, кто из них выйдет победителем. Кинув свой посох вперед, Сунь У-кун крикнул: «Превратись!» Сразу же из одного посоха появилось десять, из десяти — сто, а из ста — тысячи. Они заполнили почти половину небосвода, мелькая, словно извивающиеся змеи. На оборотня со всех сторон посыпались удары, и он стал терять силы. Преобразившись в чистый ветерок, оборотень бросился бежать и умчался в лазоревую бездну небес. Сунь У-кун тотчас же прочел заклинание, от которого все посохи вновь собрались в один, и, оседлав благовещий луч, погнался за оборотнем. Приблизившись к Западным небесным воротам, Сунь У-кун увидел сияние. То были стяги и знамена небесных воинов. Тогда он закричал во всю глотку: — Эй! Хранители небесных ворот! Держите духа-оборотня! Не выпускайте его!

В это время у ворот находился сам небесный князь — хранитель государств и с ним четыре главных небесных полководца: Пан, Лю, Гоу и Би. Все они тотчас подняли свое оружие и преградили путь оборотню. Оборотню некуда было деваться, он повернул обратно и вновь схватился с Сунь У-куном, пустив в ход свою дубинку.

Вращая посох колесом, Сунь У-кун присмотрелся к дубинке и заметил, что она похожа на пест, которым толкут зерна: на одном ее конце было утолщение, а другой конец был заостренным.

— Эй ты, скотина! — закричал Сунь У-кун. — Что это у тебя за оружие? И как осмеливаешься ты с такой дубинкой выступать против меня, Сунь У-куна? Живо сдавайся! Не то я одним ударом палицы размозжу тебе голову.

— Да ты не знаешь, что у меня за оружие! — скрежеща зубами от ярости, воскликнул оборотень. — Вот послушай, что я тебе расскажу!

Знай: матерьял, из которого сделана
Эта дубинка, что славу стяжала, —
Яшма чудесная, яшма бесценная
Цвета бараньего свежего сала.
Сколько веков ее мастер обтачивал,
Счесть не под силу и тайной науке:
Во времена первозданного хаоса
Это оружие попало мне в руки.
Первым добыть мне ее посчастливилось,
Мне помогли и коварство и сила.

Происхождение ее — необычное:
Высшее небо ее породило.
Сосредоточена в ней животворная
Мощь величайшего в мире сиянья —
Та, что от солнца с небес растекается
По четырем сторонам мироздания.
Ей, несравненной, не знающей усталости,
Пять своих сил подарила природа,
Духом она благовещим проникнута,
Ей не страшна никакая невзгода.
И, неразлучен с чудесной дубинкою,
Долго среди лунного жил я народа,
Долго толлок драгоценное снадобье
Возле дворца, что Коричным зовется.
Знай, что к цветам я питаю пристрастие,
Вот почему я на землю спустился,
Краем Небесных бамбуков прельстившийся,
В нежную девственницу превратился.
В царских палатах живя припеваючи,
Только одним я желаньем пылаю:
С Танским монахом, почтенным и праведным,
Брачный союз заключить я желаю.
Так предначертано было заранее,
Мне с нареченным сейчас пировать бы,
Ты же задумал расстроить мой замысел,
Чтобы не праздновать мне этой свадьбы?
Дерзостный, ищешь ты собственной гибели,
Так приготовься же к смертному бою,
Эй, негодяй, оскорбитель непрощенный,
Вот я когда рассчитаюсь с тобою!
Знай, что оружие давно мое славится
И меж нечистыми и меж святыми,
Знай, что с дубинною посох не справится,
Хоть и с узорами он золотыми.
В Лунном дворце Необъятного холода
Этим оружием толлок я лекарство.
Стоит хоть раз прикоснуться им к недругу —
Сразу он канет в загробное царство!

Выслушав оборотня, Сунь У-кун громко рассмеялся и сказал:
— Ну и скотина же ты! Хорош, нечего сказать! Неужели ты не знаешь о моем могуществе, раз жил в Лунном дворце? Да еще смеешь препираться со мною? Живо покажись в своем первоначальном виде и изъяви мне покорность. Тогда я пощажу тебя и оставлю в живых.

— Я знаю тебя, — спокойно отвечал оборотень, — ты тот самый конюший, который пятьсот лет назад учинил великое буйство в небесных чертогах. Полагалось бы, конечно, уступить тебе. Но ты расстраиваешь мою свадьбу, а за это мстят кровью, как за убийство родителей. Поэтому я не могу смириться и должен проучить тебя, конюший, за твою неслыханную дерзость и кощунство!

Слово «конюший» задело за живое Великого Мудреца Сунь У-куна. Он страшно разгневался, поднял железный посох и кинулся бить оборотня, но тот завертел своей дубинкой, и снова начался бой.

И в самом деле, в целом мире
Соперников достойней нет,
Знать, сила в посохе святая,
Раз одолел он столько бед!
И этот пест несокрушимый,
Округлый с одного конца,
Которым снадобье бессмертья
Толкли у Лунного дворца.

Одн из двух бойцов могучих,
Коварный оборотень-враг,
Без спроса небеса покинул,
Замыслив любодейный брак.
Другой — отважный непорочный,
Сражаясь с тысячами зол,
Монаха в этот край далекий
Из царства Танского привел.

Виновником же этой схватки
Мы все равно считать должны
Не этих недругов смертельных,
А государя той страны:
Цветы любил он свыше меры,
И долго было невдомек
Ему, беспечному, что этим
Он оборотня в сад привлек.
И вот под небом разгорелся
Жестокий бой, смертельный бой:
Две яростных, две грозных силы
Вступили в спор между собой.
Упрямы, беспощадны оба,
Мечтой распалены одной:
Ни с чем в сраженье не считаясь,
Врага сразить любой ценой!

Взгляни на них — не сразу скажешь
Кто неустанней, кто хитрей:
Друг друга бьют, слепят, толкают,
Чтоб с ног врага сшибить скорей,
А разойдясь, грозят друг другу
И — слово за слово — бранят,
Видать, на брань горазды оба:
И наш герой и супостат.

На всей земле бойца не сыщешь,
Чтоб так же был несокрушим,
Как этот недруг, что с героем
Пестом сражается большим.
Но все же удали волшебной,
Пожалуй, больше у того,
Кто бьется посохом железным,
Являя мощь и мастерство.

Взгляни: от посоха большого
В руках святого храбреца
Лучи взмывают золотые
До врат небесного дворца,
А вокруг неистой дубинки,
Рожденный силой потайной,
Туман клубится разноцветный,
Ложась на землю пеленой...

Вот снова недруги схватились,
И силы их равны почти,
А было этих грозных схваток
Уже не меньше десяти.
Но дрогнул оборотень... Тяжко
Его волшебному песту,
И отражать удары вражьих
Ему уже не вмоготу.

И действительно, после десяти схваток оборотень убедился в том, что Сунь У-кун владеет более сильным оружием и что одолеть его не удастся. Тогда оборотень сделал ложный выпад, встряхнулся, и в тот же момент появились десятки тысяч золотых лучей. За один из них оборотень уцепился и полетел прямо на юг. Великий Мудрец преследовал его по пятам. Вдруг откуда ни возмись выросла огромная гора. Оборотень остановил золотой луч и исчез в какой-то пещере. Опасаясь, что оборотень превратится в невидимку и вновь вернется в страну Зарослей небесного бамбука, чтобы причинить вред Танскому наставнику, Сунь У-кун хорошенько осмотрел всю гору, запомнил ее приметы и лишь тогда пустился в обратный путь.

Наступил час шэнь, а государь все не отпускал от себя Сюань-цзана и, дрожа всем телом, неустанно молил его:

— О праведный монах, спаси меня!

Придворные дамы и государыни тоже находились в сильном смутении, как вдруг показался Великий Мудрец Сунь У-кун, который на облаке спустился вниз.

— Наставник! Вот и я! — воскликнул он.

— У-кун! Остановись! — закричал ему Танский наставник. — Не входи, не тревожь государя! Скажи мне только, где мнимая царевна?

Сунь У-кун, стоя у входа во дворец Вещей сороки, скрестил руки на груди и начал рассказывать:

— Царевна действительно оказалась злым духом-оборотнем. Я бился с ним почти полдня. Но он не смог одолеть меня, преобразился в чистый ветерок и помчался к небесным воротам. Я вовремя крикнул духам, чтобы они преградили ему дорогу. Тогда оборотень принял свой настоящий облик, и мы схватились с ним еще раз десять, после чего он снова преобразился и на золотистом луче помчался прямо на юг, к огромной горе. Я гнался за ним до самой горы, но он вдруг исчез, и я нигде не мог найти его. Я думал, думал и решил вернуться, так как боялся, как бы оборотень снова не явился сюда и не сгубил моего наставника.

Правитель, услышав этот рассказ, еще крепче уцепился за Танского наставника и спросил Сунь У-куна:

— Где же моя настоящая царевна?

— Погоди, вот я поймаю оборотня, тогда настоящая царевна сама объявится, — отвечал Сунь У-кун.

Царицы и придворные дамы от этих слов сразу же успокоились и стали наперебой кланяться Сунь У-куну.

— Мы надеемся, что ты покоришь оборотня, праведный монах, спасешь настоящую царевну, а за это мы отблагодарим тебя.

— Здесь не место для наших разговоров,— сказал Сунь У-кун.— Прощу тебя, государь,— продолжал он,— покинуть этот дворец вместе с моим наставником и занять место в тронном зале. А матушки-царицы пусть удалятся в свои палаты вместе с прислужницами. Затем необходимо призвать сюда Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. Пусть охраняют наставника, а я тем временем постараюсь найти оборотня и расправиться с ним. Таким образом каждый будет знать, что ему делать, я же буду спокоен за наставника и смогу отдать все свои силы, чтобы укротить оборотня.

Правитель исполнил просьбу Сунь У-куна и без конца благодарил его. Затем, взяв за руки Танского монаха, он вышел из дворца и направился прямо в тронный зал. Царицы и придворные дамы удалились в свои покои. Правитель велел приготовить постную еду для монахов, и тотчас же призвать во дворец Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, которые явились незамедлительно. Сунь У-кун рассказал им все, что произошло, и велел усердно оберегать наставника, а сам вскочил на свое волшебное облачко и умчался. О том, как придворные, устремив взор в небо, начали отбивать поклоны, мы рассказывать не будем.

Великий Мудрец помчался прямо к той огромной горе, которая была на юге, и стал разыскивать оборотня. Как вы уже знаете, потерпев поражение, оборотень обратился в бегство, забился в нору, которую нашел на этой горе, заложил вход камнями и боялся нос высунуть наружу. Сунь У-кун искал, искал и, наконец, потерял терпение. Он прищелкнул пальцами, прочел заклинание и вызвал к себе местного духа земли и духа горы, чтобы учинить им дознание. Оба духа тотчас же явились и начали отбивать земные поклоны.

— Умоляем тебя, пощади и помилуй нас! — заговорили они разом.— Мы не знали, что ты соизволишь пожаловать сюда, и поэтому не вышли тебя встречать. Прости нам нашу вину!

— Да я и не собираюсь бить вас! — ответил Сунь У-кун.— Скажите мне только, как называется эта гора и сколько на ней живет оборотней? Если скажете всю правду, я пощажу вас и прощу вам вашу вину.

— Великий Мудрец! — воскликнули оба духа сразу.— Эта гора называется Писчая кисть. В ней есть всего лишь три заячьих норы. Никаких оборотней здесь никогда и в помине не было, так как эта гора входит в пределы благодатной земли пятого кольца¹. Если хочешь отыскать оборотня, иди по дороге, ведущей на Западное небо. Там ты скорей найдешь его.

---

¹ Всего по буддийской космогонии существует 36 колец.

— Да мы и сейчас находимся в стране Зарослей небесного бамбука под Западным небом, — с досадой отвечал Сунь У-кун. — Дочь правителя этой страны — царевну — похитил оборотень. Он бросил ее на пустыре, а сам принял ее облик и морочит правителя, выдавая себя за его дочь. Мало этого. Для мнимой царевны построили расписную башенку, с которой она кинула расшитый мячик, чтобы выбрать себе жениха. Мы с Танским монахом, которого я охраняю, как раз проходили мимо, и мнимая царевна нарочно кинула мячик прямо в него, а затем изъявила желание сочетаться с ним браком, чтобы извлечь из него первородную мужскую силу Ян, но я распознал оборотня и там же во дворце, приняв свой настоящий облик, ринулся на него. Оборотень сразу же сбросил с себя свадебные одежды и головные украшения, вооружился короткой дубинкой и вступил со мною в бой. Мы дрались почти полдня. Оборотень не смог одолеть меня, превратился в чистый ветерок и умчался. Я гнался за ним до Западных небесных ворот, там мы снова вступили в бой и схватывались раз десять. Однако и на этот раз оборотень сообразил, что ему не одолеть меня, превратился в золотой луч и полетел прямо сюда. Куда же он мог деться?

Духи выслушали Сунь У-куна и повели его к горе.

У первой норы, расположенной у подножия горы, они увидели нескольких зайчат, которые бросились бежать без оглядки. Продолжая поиски, они дошли до норы на самой вершине и, осмотревшись, увидели два больших валуна, преграждавшие вход.

— Здесь, наверное, и прячется дух-оборотень, — произнес местный дух земли, — скорей лезь туда!

Сунь У-кун своим железным посохом раздвинул валуны. Оборотень действительно оказался внутри. С громким воплем он выскочил оттуда, замахнулся своей дубинкой и принялся бить Сунь У-куна. Тот стал вращать свой железный посох, отбивая все удары. Дух горы до того испугался, что попятился назад, а местный дух земли и вовсе сбежал. Оборотень стал громко бранить обоих духов.

— Как смели вы привести его сюда и показать, где я укрылся! — кричал оборотень.

Яростно сопротивляясь и отбивая удары Сунь У-куна, оборотень все пятился назад и уже собирался умчаться в небеса.

Между тем уже начинало темнеть. Сунь У-кун еще больше разгорячился: он изо всех сил колотил оборотня и досадовал, что ему не удается одним ударом прикончить его. Вдруг он услышал, что с высоты девятого неба, с берегов Небесной Реки, его кто-то зовет:

— Великий Мудрец! Не бей его! Не бей! Пожалей!

Оглянувшись, Сунь У-кун увидел духа — повелителя великого женского начала Инь, который в сопровождении двух властительниц Луны * быстро опустился на облаке, сияющем

всеми цветами радуги, и предстал перед Сунь У-куном. Сунь У-кун сконфуженно убрал свой посох, изогнулся в три погибели, совершил приветственный поклон и спросил:

— О повелитель великого начала Инь! Куда направляешься? Прости, что помешал тебе и не успел вовремя сойти с дороги,— добавил он.

— Оборотень, с которым ты сражаешься,— Нефритовый заяц из Лунного дворца необъятного Холода, где он толчет волшебное снадобье Черный иней *. Он самовольно пробрался через Нефритовую заставу, отомкнул золотой замок, убежал из дворца и пропадает вот уже целый год. Гаданье предсказало, что очень скоро он будет лишен жизни, вот я и поспешил явиться сюда, чтобы спасти его. Прошу тебя, Великий Мудрец, пощади его ради меня, старика!

— Да разве я посмею послушаться? — смущенно пробормотал Сунь У-кун и добавил: — То-то он ловко действует пестом для толчения снадобий! Так это и есть Нефритовый заяц! Почтенный повелитель Луны, ты, верно, не знаешь, что он похитил царевну страны Зарослей небесного бамбука, принял ее облик и стал выдавать себя за настоящую царевну! Но и этого ему оказалось мало. Он возымел желание нарушить непорочность первородного начала Ян у моего учителя, Танского наставника. Как же можно быть снисходительным к таким преступным замыслам? Как можно простить его?

— Должно быть, ты не знаешь, что царевна той страны — не из простых людей,— отвечал повелитель Луны.— Она из Лунного дворца и зовут ее Су Э. Как-то раз восемнадцать лет назад она влепила этому Нефритовому зайцу хорошую оплеуху и после этого задумала спуститься в низшие сферы на грешную землю. Она проникла в утробу главной царицы в виде волшебного луча, и ей удалось таким образом появиться на свет. А заяц этот затаил обиду за полученную оплеуху, потому сбежал из Лунного дворца и отомстил Су Э тем, что занес ее на пустырь и бросил там. Не следовало ему только посягать на непорочность Танского монаха. Этот грех действительно нельзя оставлять безнаказанным. К счастью, ты проявил должную осмотрительность и вовремя отличил поддельное от настоящего, так что он еще не успел повредить твоему учителю. Молю тебя простить ему и эту вину ради меня. Я сейчас же заберу его с собой.

— Поскольку дело сложное,— отвечал Сунь У-кун с улыбкой,— я, конечно, не посмею возражать, хочу сказать тебе лишь одно: если ты заберешь с собой Нефритового зайца, правитель не поверит моим словам. Так уж будь добр вместе с твоими небожителями доставить Нефритового зайца прямо к правителю. Во-первых, он увидит, на что я способен, во-вторых, узнает, как появилась на земле Су Э. Затем я попрошу правителя отправиться за ней, дабы он понял, в чем заключается сущность возмездия.

Повелитель великой женской силы Инь согласился с Сунь У-куном и, тыча пальцем в оборотня, прикрикнул на него:
— Скот ты этакий! Чего же ты медлишь? Почему не принимаешь свой настоящий вид?

Оборотень стал кататься по земле и тут же превратился в Нефритового зайца.

Губа с изъязном у него,
А зубки мелкие остры,
Ушами длинными прядет,
Сидит на выступе горы.
А редких усиков концы
Смешно и дерзко врозь торчат,
И точно срезан влажный нос —
Короткий, как у всех зайчат.
На вид комок пушистый он,
И от усов и до хвоста
Его сверкающая шерсть,
Как яшма белая, чиста.
Упруги лапки у него,
Им нипочем далекий путь:
Он через тысячу хребтов
Готов на них перемахнуть.
Он бел и нежен, как в саду
Покрытый инеем цветок,
Он словно пудрой дорогой
Осыпан с головы до ног.
Лишь немигающих зрачков
Отлив горяч и красноват,
Как будто на сплошном снегу
Два алых пятнышка горят.
Как безобиден с виду он —
Пугливый, маленький зверек!
Когда к земле прильнет, похож
На шелка белого клубок.
А если, прыгнув, на лету
Захочет спину распрямить —
На серебристую похож,
Струной натянутую нить.
Тот самый он, кто столько раз
В чертогах среди лунных скал
Кристалльной, утренней росы
В ступу остатки собирал
И дивным яшмовым пестом,
Присев в укромный уголок,
Весь день, с утра и допоздна,
Бессмертья снадобье толок.

Великий Мудрец не смог скрыть своей радости. Вскочив на сверкающее облачко, он помчался вперед, показывая дорогу. Повелитель великого женского начала Инь, увлекая за собой обеих повелительниц Луны и Нефритового зайца, последовал за Сунь У-куном прямо к границам страны Зарослей небесного бамбука.

В это время уже сгустились сумерки, и люди на сторожевых башнях наблюдали за восходом луны. Приближаясь к городу, Сунь У-кун услышал на башнях грохот барабанов. Правитель

и Танский монах в это время находились еще в тронном зале, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэн с придворными стояли перед ступенями трона. Правитель только было собрался закончить прием и удалиться, как вдруг заметил радужное зарево, занявшееся в южной части небосклона. Сразу стало светло как днем. Все стали смотреть на небо и в это время услышали зычный голос Великого Мудреца:

— Достопочтеннейший правитель! Созови всех цариц и придворных дам. Пусть выйдут из своих дворцов. Под драгоценными хоругвями вы видите самого повелителя Великого женского начала Инь, владыку Лунного дворца. По обеим сторонам от него — феи Луны, прекрасные небожительницы Чан Э и Хэн Э. А этот Нефритовый заяц как раз и есть мнимая царевна.

Правитель поспешил вызвать всех цариц, придворных дам и их прислужниц, нарядных дев и прочих обитательниц женских покоев. Устремив взоры в небо, все они стали кланяться. Сам правитель с Танским монахом и придворными тоже принялись кланяться, глядя на небо.

Все как один жители города вынесли жертвенные столики, стали возжигать благовония, земно кланялись и славили Будду. И вот, когда все не отрываясь глядели на небо, Чжу Ба-цзе вдруг овладел греховые помыслы. Он подпрыгнул высоко в небо и обнял одну из красавиц небожительниц в одежде цвета радуги.

— Сестрица моя дорогая! — заговорил он. — Я ведь с тобой давно знаком! Пойдем позабавимся!

Сунь У-кун схватил Чжу Ба-цзе и дал ему две звонкие пощечины.

— Ну и наглец же ты, мужлан неотесанный! — закричал он. — Забыл, где находишься! Как смеешь ты так распускаться, негодный распутник?!

— Да я шучу! — стал оправдываться Чжу Ба-цзе.

Тут правитель великого женского начала велел повернуть хоругви и удалился со своими царицами в Лунный дворец, захватив с собою Нефритового зайца.

Сунь У-кун, крепко держа Чжу Ба-цзе, спустился на землю. Вернувшись в тронный зал, правитель выразил благодарность Сунь У-куну, а затем завел с ним беседу:

— Мы весьма признательны тебе, святой монах, за то, что ты с помощью своего великого волшебства изобличил мнимую царевну. Но скажи, где находится наша настоящая царевна, моя дочь?

— Настоящая царевна тоже не из простых смертных, — отвечал Сунь У-кун. — Это небожительница Су Э из Лунного дворца. Восемнадцать лет назад она дала пощечину Нефритовому зайцу, а потом задумала спуститься на грешную землю. Для этого она в виде золотистого луча проникла в утробу твоей главной

царицы и таким образом родилась. Между тем Нефритовый заяц затаил на нее обиду, а потому в минувшем году, открыв золотой замок, он тайком пробрался через Нефритовую заставу и сбежал на землю. Он похитил Су Э, занес ее на пустырь, а сам принял ее облик и обманул тебя. Обо всем этом мне только что рассказал сам повелитель великого женского начала. Прошу тебя завтра же отправиться за настоящей царевной.

От этих слов правитель пришел в смятение, и неудержимые слезы заструились по его щекам.

— Дитя мое! — воскликнул он. — Ни разу в жизни я еще не выезжал за городские стены! Где же искать тебя?..

— Не убивайся, правитель! — усмехнувшись, стал успокаивать его Сунь У-кун. — Твоя царевна находится в монастыре для сирот и одиноких и выдает себя за помешанную. Сегодня уже поздно, пусть все удалятся на покой, а завтра я верну тебе твою настоящую дочь.

Все придворные пали ниц и, кланяясь до земли, обратились к правителю с такими словами:

— О правитель! Яви свое великодушие! Эти святые монахи — живые Будды, летающие по небу на облаках и туманах. Они безусловно знают все грядущее и минувшее. Мы попросим их отправиться вместе с нами и тогда все узнаем.

Правитель послушался их совета, предложил монахам поехать в беседке Весна и там же расположиться на отдых. Время близилось ко второй ночной страже.

Льется капля за каплей
Из медных сосудов вода.
Все затихло.
Сияет луна в голубом ореоле.
Только слышится:
Колокол бьет золотой иногда,
И ночной ветерок
Его звоны разносит на воле,
А кукушка, кукуя,
Печально и долго твердит:
— Половина весны,
Половина весны миновала!
И, скрывая дорожки,
Пестреют вдоль каменных плит
Лепестки, лепестки,
Будто шелковые покрывала.
Третья стража близка,
И в дворцовом саду тишина,
Только движется тень
От качелей, с луною играя,
Да река серебристая
Льется, чиста и ясна,
И небесную глубь
Рассекает от края до края.
А вдоль улиц пустых,
Вдоль базарных больших площадей
До заставы пройди —
И нигде не увидишь людей.

Ночь тиха и светла,
Неподвижен серебряный воздух,
И бездонное небо
Сверкает в бесчисленных звездах.

Мы не будем рассказывать здесь о том, как провели эту ночь наши путники.

Вернемся к правителю. Избавившись от вредного влияния злого оборотня, он воспрянул духом и ко времени третьей четверти часа пятой стражи опять вышел в тронный зал и собрал придворных. После церемонии поклонов он велел призвать Танского монаха и всех его учеников, чтобы обсудить с ними, как начать поиски царевны. Танский наставник не заставил себя долго ждать и тотчас же явился, совершив положенные поклоны. Великий Мудрец Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн осведомились у правителя о его здоровье.

Приподнявшись с места, правитель сказал:

— Позволю себе побеспокоить вас просьбой, святые монахи, найти дочь мою, царевну, о которой вы вчера рассказывали, и спасти ее.

— Я, бедный монах, прибыл сюда с востока, — начал рассказывать Танский наставник, — третьего дня мы шли не останавливаясь и к вечеру увидели монашескую обитель под названием «Монастырь для сирот и одиноких, устланный золотом». Мы вошли туда, чтобы попроситься на ночлег. Монахи встретили нас очень радушно. В тот же вечер, после трапезы, я вышел на прогулку. Ночь была лунная. Дойдя до того места, где, по преданию, был сад, устланный золотом, я стал разглядывать его развалины, и вдруг до моих ушей донесся чей-то жалобный плач. Я спросил, в чем дело. Тогда почтенный настоятель, которому больше ста лет, услали всех сопровождавших его монахов, а затем рассказал нам следующее: «В минувшие годы, когда весна была в самом разгаре, как-то раз я созерцал луну, вникая в ее природу. Вдруг зашелестел ветерок, а затем послышался жалобный плач. Я слез со своего монашеского ложа и направился к развалинам старого сада. Там я увидел молодую деву. Я спросил ее, почему она плачет, и она отвечала мне: «Я — царевна, дочь государя страны Зарослей небесного бамбука. Я вышла полюбоваться цветами при лунном свете, в это время налетел порыв ветра и унес меня сюда».

Старец монах, умудренный опытом, тотчас посадил царевну в каморку и запер ее на замок. Но, опасаясь, что среди монахов могут оказаться блудливые, которые осквернят ее, он объявил всем, что под замком держит оборотня. Царевна разгадала его умысел. Днем она болтает всякий вздор и только выпрашивает себе еду и чай, а по ночам, когда становится совсем безлюдно, вспоминает о родителях и жалобно плачет. Старый монах

несколько раз бывал здесь, в столице, и справлялся о царевне, но всякий раз узнавал, что царевна находится во дворце, жива и невредима. Поэтому он не осмеливался поднимать шум и докладывать об этом происшествии. Когда он увидел, что мой ученик обладает даром волшебства, он стал упрашивать его, чтобы мы разузнали обо всем случившемся. Я никак не ожидал, что царевна окажется оборотнем Нефритового зайца из Лунного дворца. Мало того что он принял облик твоей дочери, он еще вознамерился нарушить мою первородную силу Ян и опорочить меня. Но, к счастью, мой ученик распознал, где истина и где ложь. Теперь повелитель великого женского начала Инь забрал с собой Нефритового зайца-оборотня, а твоя мудрая царевна находится в монастыре, устланном золотом, где выдает себя за помешанную.

Выслушав эту печальную историю, правитель не сдержался и громко зарыдал. Встревоженные царицы из трех дворцов и придворные дамы из шести палат поспешили к правителю и, когда узнали, в чем дело, не было ни одной, которая не убивалась бы от жалости.

Спустя некоторое время государь спросил:

— Далеко ли от столицы до монастыря?

— Всего шестьдесят ли, не более, — отвечал Танский монах.

Тогда государь сразу же распорядился:

— Приказываем охранять восточный и западный дворцы.

Великому наставнику и советнику нашего государства поручаем защиту всей страны. Мы же вместе с нашими царицами и придворными, а также с четырьмя священными монахами отправимся в монастырь за царевной.

Сразу же запрягли колесницы, и царский поезд выехал из дворца. Тем временем Сунь У-кун подскочил в воздух, изогнулся и мигом очутился над монастырем, опередив всех. Монахи в замешательстве опустили на колени.

— Почтенный отец наш! — восклицали они, приветствуя Сунь У-куна. — Уходил ты от нас по земле, как же теперь явился с неба?

Сунь У-кун рассмеялся:

— Вы лучше скажите, где ваш настоятель. Скорей зовите его сюда да приготовьте жертвенники с благовонными воскурениями, чтобы встретить царский поезд. Правитель страны Зарослей небесного бамбука с царицами и множеством придворных, а также с моим наставником едут сюда.

Монахи не поняли, в чем дело, и поспешили привести настоятеля. Увидев Сунь У-куна, старец повалился ему в ноги и начал отбивать земные поклоны.

— Отец! Узнал ты что-нибудь о царевне? — спросил он.

Тогда Сунь У-кун подробно рассказал ему все: как мнимая царевна кинула тряпичный мячик, желая вступить в брачный союз с Танским монахом, как он, Сунь-У-кун, схватил ее и всту-

пил с ней в бой и, наконец, как повелитель великого женского начала Инь забрал оборотня, который оказался Нефритовым зайцем. Старый монах еще раз поклонился Сунь У-куну, стукнув лбом об землю в знак благодарности. Поднимая его, Сунь У-кун сказал:

— Перестань кланяться! Не надо! Приготовься лучше к встрече царского поезда.

Теперь только монахи узнали, что в каморке на заднем дворе заперта на замок дева, а не оборотень. Охваченные чувством страха и радости, монахи стали расставлять жертвенники с курильницами за воротами монастыря, облачились в монашеские рясы и ризы, а также принялись бить в барабаны и звонить в колокола. Вскоре показался царский поезд.

Плывут по ветру волны благовоний,
Подобно разноцветным облакам,
И дивный аромат наполнил небо,
Как будто небо превратилось в храм.
И словно благовещие покровы
Внезапно монастырь заволокли:
То царский поезд движется огромный,
Переливаясь радугой вдали.
Вон тысячи сверкающих повозок
Уже виднеются издалека,
И чудится: стремится величаво,
Вливаясь в море, чистая река.
И за листвою дерев вечнозеленых
Не молнии блистают сквозь туман,
То пышный поезд светится — богаче,
Чем у царей великих Юй и Тан *.
Леса, трава — все стало вдвое краше,
Едва узнав от ветров луговых,
Что государь, чья милость беспредельна,
Решил облагодетельствовать их.
Цветы в полях и те возликовали,
Свой аромат обильнее струя,
Узнав о той верховной благодати,
Что ныне снизошла на их края.
Вон монастырь сверкает кровлей храма,
Сколь славен он в своей святой судьбе:
Века назад его мудрец безвестный,
Как памятник, оставил по себе.
А ветер, полный музыки и песен,
Благою весть разносит по горам:
То всем на радость государь изволил
Сам посетить сей драгоценный храм.

Прибыв к воротам монастыря, правитель увидел множество монахов, которые стояли ровными рядами и разом пали ниц, приветствуя его.

— Святой монах! — воскликнул правитель, увидев Сунь У-куна. — Каким же образом ты оказался здесь раньше нас?

— А я изогнулся разок-другой и сразу же очутился здесь, — со смехом отвечал Сунь У-кун. — А вы почему так долго ехали? — съязвил он.

Вслед за правителем прибыли Танский наставник, его спутники и все остальные. Наставник повел правителя к помещению на заднем дворе. Царевна все еще притворялась сумасшедшей и несла всякую чушь.

Опустившись на колени, настоятель указал на каморку и произнес:

— Вот здесь и находится царевна, которую в минувшем году унесло порывом ветра.

Правитель тотчас же приказал открыть вход. Когда сбили железный замок и дверь распахнулась, правитель и царица сразу же узнали царевну и, не глядя на то что она была вся в грязи, бросились к ней и стали ее обнимать.

— Дитяtko ты наше несчастное! — приговаривали родители, лаская дочь. — За что же на твою долю выпали такие страдания?!

Затем они все трое начали громко рыдать, а успокоившись, принялись рассказывать, что произошло с ними за время разлуки. Потом родители приказали подать отвар из ароматных трав, велели царевне обмыться, переодеться и сесть в колесницу, чтобы вернуться на родину.

Сунь У-кун, молитвенно сложив руки, обратился к правителю с такими словами:

— У меня есть еще одно дело, о котором хочу поведать тебе.

— Ты только скажи, что тебе надобно, святой монах, и мы тотчас исполним все, что ты пожелаешь, — с поклоном ответил государь.

— Эта гора называется Стоножкой, — сказал Сунь У-кун. — Говорят, что с недавнего времени на ней появились стоножки-оборотни, которые с наступлением темноты нападают на людей. Это большое неудобство для путников. Мне помнится, что со стоножками успешно справляются только куры. Нельзя ли отобрать из них тысячу самых крупных и пустить на эту гору, чтобы избавить ее от ядовитых насекомых? После этого можно будет переименовать гору. Ты только дай письменное распоряжение, которое будет принято здешними монахами как милостивое выражение твоей монаршей благодарности за их заботу о царевне.

Правитель с радостью согласился исполнить просьбу Сунь У-куна. Тотчас же были посланы должностные лица в город за курами, а гору переименовали и стали называть горой Драгоценных цветов. Строительному приказу было велено доставить материалы и заново отстроить монастырь, пожаловав ему наименование «Учрежденный по высочайшему повелению на горе Драгоценных цветов монастырь для сирых и одиноких, усталый золотом». Настоятелю был пожалован пожизненный титул «Преданный государству главный архимонах» с годовым окладом в тридцать шесть даней зерна.

Монахи поблагодарили за милости, оказанные им государем, и проводили царский поезд с большим почетом.

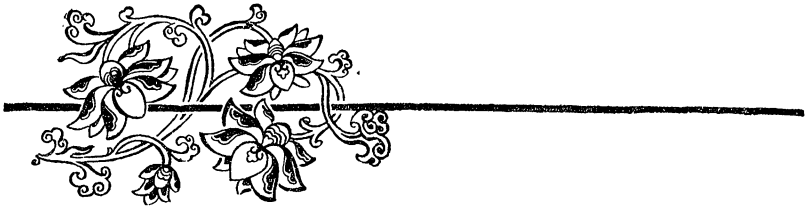
Войдя во дворец, царевна увиделась там со всеми своими подруженьками. В честь ее возвращения был устроен роскошный пир, чтобы развеять все ее горести и поздравить с великой радостью. Вновь собрались вместе царица со своей дочерью-царевной и все остальные царицы и придворные дамы. Государь и все царедворцы были очень довольны. О том, как они пировали всю ночь, мы рассказывать не будем.

На следующее утро государь повелел нарисовать портреты всех четверых праведных монахов и устроить чествование их во дворце «Умиротворение своих и чужеземных народов». Он попросил царевну нарядиться в новые одежды и выйти к Танскому наставнику и его ученикам, чтобы поблагодарить за избавление от страданий. Когда закончились изъявления благодарности, Танский наставник начал прощаться с государем. Но разве мог государь так просто отпустить его? Опять был устроен великий пир, который продолжался пять или шесть дней подряд. Вот где было раздолье для Чжу Ба-цзе! Он, не щадя сил своих, уплетал за обе щеки. Убедившись в том, что наши путники тверды и непреклонны в своем стремлении поклониться Будде и что их никак не удержишь, государь решил преподнести им в знак благодарности двести слитков золота и серебра и разных драгоценностей, по целому блюду каждому. Но ни наставник, ни его ученики ничего не приняли. Тогда государь велел запрячь колесницу с золотыми колокольцами для почтенного наставника и отрядил придворных, которые должны были проводить путников. Царицы, придворные дамы, чиновники и простой народ не переставая кланялись и благодарили монахов. Когда путники вышли на дорогу, они увидели толпу монахов, которые отправились их провожать. Монахи шли, шли, шли и ни за что не хотели возвращаться. Тогда Сунь У-кун прищелкнул пальцами, дунул своим волшебным дыханием и обернулся лицом к юго-востоку. Сразу же налетел вихрь, все вокруг потемнело, и пыль запылила глаза провожающим. Только таким образом путникам удалось избавиться от них.

От знаков благодарности избавясь,
Навек покинув город знаменитый,
Оставив море злата и богатства,
С друзьями вдаль ушел монах маститый:
Недаром души их познали скоро
Великого учения просторы!

О том, что ожидало наших путников в дальнейшем, будет рассказано в следующих главах.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о том, как сверхштатный чиновник Коу Хун радушно принял Танского наставника и как Танский наставник не прельстился ни роскошью, ни почетом

Все то, что с виду формой обладает,
В действительности формы лишено,
Пустое ж место никогда не пусто,
Хоть пустотой и кажется оно.
Шум, тишина, молчанье иль беседа
По сути дела меж собой равны.
К чему себя во сне мы утруждаем
И тщетно пересказываем сны?
Бывает, что в полезном с виду деле,
Лишь бесполезность кроется одна,
А у того, в ком мы заслуг не видим,
Давно душа заслугами полна.
Добавить надо, что плоды на ветках
Краснеют сами в солнечные дни,
Никто тогда не спросит у деревьев,
Кем и когда посажены они.

Итак, налетел ураган, а когда он утих, монахи не увидели ни Сюань-цзана, ни его учеников. Таким образом наши спутники избавились от провожающих. Монахи больше не сомневались, что путники, посетившие их монастырь, были живые Будды, сошедшие на землю, а потому низко поклонились им вслед и повернули обратно. Тут мы и распрощаемся с ними.

Весна окончилась, и лето постепенно вступало в свои права.

Всюду тихо и мирно,
Дни приятны, теплы и дождливы.
Ненюфары, чилимы
Зеленеют на глади озерной.
От дождей благодатных
Наливаются сочные сливы,

И под ветром быстрее
 Поспевают пшеничные зерна.
 На широких равнинах,
 Где недавно цветы облетали,
 Волны трав ароматных
 Летних дней возвещают начало.
 И взрослей и смелее
 Желтых нволог выводки стали,
 И от этого сразу
 Тонким веточкам ив полегчало.
 Вон, кормить собираясь,
 Громко кличут птенцов куропатки,
 Вон летать своих деток
 Чайки учат над ширью речною.
 Ковш продвинулся к югу,
 Стали ночи прозрачны и кратки,
 Долгий день уже близок,
 Будет вдоволь и влаги и зною.
 И куда ни посмотришь —
 Звери, птицы, луга, перелески —
 Все растет и ликует,
 Все купается в славе и блеске.

Пожалуй, не расскажешь во всех подробностях о том, как наши путники вставали по утрам, завтракали, а по вечерам останавливались на ночлег, с опаской обходили горные потоки и очень осторожно переходили крутые склоны. Полмесяца шли они по ровной и покойной дороге и вдруг снова увидели впереди городские стены.

— Ученик мой! — сказал Танский наставник, обращаясь к Сунь У-куну. — Что это за место такое?

— Не знаю, не знаю! — ответил Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе засмеялся:

— Как же ты не знаешь? Ведь ты не раз бывал на этой дороге! Опять хитришь! Прикидываешься, будто не знаком с этой местностью, чтобы посмеяться над нами!

— Этот дурак совсем ничего не соображает! — обозлился Сунь У-кун. — Я и в самом деле бывал здесь, но всякий раз пролетал на своем облачке на высоте девятого неба. Ни разу мне не приходилось спускаться вниз, да и незачем было. Поэтому я и говорю, что не знаю этих мест. С чего это ты взял, что я хитрю?

Так, споря между собой, они не заметили, как подошли к окраине города. Танский наставник слез с коня, перешел через висячий мост и вошел в городские ворота. На длинной улице, под навесом одного из домов сидели два старца, о чем-то беседуя.

— Братцы! — едва слышно произнес Танский монах, обращаясь к своим спутникам. — Постойте пока здесь, опустите головы и не позволяйте себе никаких вольностей. А я пойду спрошу у старцев, что это за место.

Ученики повиновались и остановились как вкопанные. Танский наставник подошел к старцам, сложил руки ладонями вместе и произнес:

— Почтенные благодетели мои! Я, бедный монах, прошу позволения обратиться к вам с просьбой!

Старцы в это время вели праздную беседу и толковали о разных разностях. Рассуждали о годах расцвета и годах упадка, об удачах и неудачах, вспоминали мудрых и прозорливых, геройские подвиги былых времен. Думали, гадали, где теперь находятся сами герои и что с ними стало, сокрушались и вздыхали. Вдруг они услышали, что кто-то обратился к ним. Они поклонились Танскому наставнику в ответ на его приветствие и в свою очередь спросили его:

— Уважаемый наставник! Что ты хочешь сказать нам?

— Я, бедный монах из далеких стран. Иду в обитель Будды, чтобы поклониться ему,— начал Сюань-цзан.— Только что прибыл в ваш благодатный край и не знаю, как он называется. Не скажете ли вы, где найти доброго хозяина, который покормил бы нас из милости.

— Наш округ называется Медная башня,— сказал один из старцев.— За этим городом есть уезд, который называется уездом Земных духов. Если ты, уважаемый наставник, голоден, можешь не просить подаяния, а ступай дальше, пройдешь через расписные ворота и выйдешь на улицу, ведущую с юга на север, там, на западной стороне, увидишь высокие ворота с башенкой, обращенные на восточную сторону, с изваяниями сидящих тигров. Это будет дом богатого сановника Коу Хуна. Перед воротами увидишь табличку, на которой написано: «Вход для десяти тысяч монахов». Тебя, пришедшего из дальних стран, там наверняка примут и накормят. Ступай, ступай! Не мешай нам вести беседу!

Танский наставник поблагодарил старцев и вернулся к своим.

— Это округ Медная башня уезда Земных духов,— сказал он, обращаясь к Сунь У-куну.— Старцы сказали мне, что, пройдя через расписные ворота, мы выйдем на улицу, которая ведет с юга на север. На этой улице стоят ворота с башенкой, обращенные к востоку, с изваяниями сидящих тигров. Там живет богатый сановник Коу Хун. Перед воротами есть табличка, на которой написано: «Вход для десяти тысяч монахов». Старцы посоветовали мне отправиться туда и попросить, чтоб нас покормили.

— Вот уж поистине Западная страна — обитель Будды,— воскликнул Ша-энь.— Здесь чуть ли не в каждом доме накормят монаха. Поскольку это всего лишь уезд, нам не придется получать здесь пропуск. Давайте зайдем туда, попросим покормить нас, подкрепимся и — в путь-дорогу.

И вот наставник и трое его учеников, медленно шагая, пошли по главной улице. Прохожие в страхе глазели на них, окружив со всех сторон и строя на их счет различные догадки и предположения. Наставник велел своим ученикам молчать и все время твердил: «Ведите себя пристойно». Они шли, опустив

головы, не осмеливаясь глаз поднять. Завернув за угол, наши путники действительно увидели большую улицу, ведущую с юга на север, и пошли по ней.

Вскоре им бросились в глаза ворота с башенкой и изваяниями тигров. Затем они увидели стенку, служившую щитом, на которой висела большая вывеска: «Вход для десяти тысяч монахов». Танский монах восторженно воскликнул:

— Вот уж поистине здесь, на западе, настоящая райская обитель Будды! Тут уж нас никто не обманет: ни мудрый, ни глупый. Я было не поверил тем старцам. Но вот видите, они сказали сушью правду.

Чжу Ба-цзе—грубый по природе—уже хотел было войти в ворота, но Сунь У-кун удержал его:

— Постой! — сказал он.— Обождем, когда кто-нибудь выйдет, спросим обо всем и уж тогда войдем.

— Старший брат прав,— сказал Ша-сэн,— как бы нам не разгневать здешнего благодетеля, а то войдем запросто, как будто мы свои.

Путники остановились, расседлали коня и сняли поклажу. Вскоре из ворот вышел седовласый человек с безменом в одной руке и с корзинкой в другой. При виде наших путников он так перепугался, что выронил все из рук и стал пятиться назад.

— Хозяин! — воскликнул он.— У ворот стоят четверо монахов весьма странных на вид.

В это время хозяин дома, опираясь на посох, прогуливался по внутреннему дворику, непрестанно славя Будду. Услышав это известие, он от неожиданности выронил свой посох и поспешил к воротам встретить пришельцев. Не обращая внимания на безобразные лица учеников Танского монаха, он радушно приветствовал их:

— Входите, милости просим! Входите! — любезно приглашал он.

Танский наставник и его спутники с величайшей почтительностью и скромностью вошли в ворота. Хозяин шел впереди, показывая дорогу. Они свернули в переулок и подошли к дому.

— Это — помещение для самых почетных гостей,— сказал хозяин,— здесь есть специальные залы для моления Будде, для чтения священных книг и для вкушения трапезы. Я и мои домочадцы, старые и малые, живем в помещении для менее почетных гостей.

Танский монах то и дело выражал свой восторг и был очень доволен. Он достал свое монашеское одеяние, облачился в него, поклонился изваянию Будды и вошел в молельню. О том, что он увидел там, лучше рассказать в стихах:

Дым волной ароматной
Плывет в этом маленьком храме,
И сквозь легкое марево
Яркие свечи горят,

Зал блестит позолотой
И пышно разубран цветами,
И узорчатых стен
Поражает роскошный наряд.

Здесь для мирной молитвы
Все смогут найти богомольцы,
Красной киноварью
Перекладни покрыты ряды,
Из червонного золота
Блещут на них колокольцы,
Колыхаясь вверху,
Как в саду — наливные плоды.

В глубине, на подставках,
Сверкающим лаком покрытых,
Барабаны узорные
Друг против друга стоят,
Сотни Будд золотых,
Как живые, повсюду глядят,
И ковры дорогие
Пестреют на мраморных плитах,
А на пышных хоругвях,
Цветными шелками расшитых,
Реют восемь «сокровищ»*,
Расцветкою радуга взгляд.

Много утвари древней:
Курильниц и ваз вереницы,
Старой бронзой блестя,
Протянулись вдоль каждой стены,
В темных чашах курильниц
Сандал благовонный дымится,
И тяжелые вазы
Живых нениюфаров полны.

А на пестрых столах,
Изукрашенных лаком цветистым,
Дорогие шкатулки
Сверкают искусной резьбой.
Здесь предаться ты можешь
Раздумьям глубоким и чистым,
Благородных курений
Вдыхая туман голубой.

Полон пышных святынь,
Изваяний и знаков заветных,
День и ночь этот зал
Для молитв и гаданий готов:
На столах нарисованы
Пять облаков разноцветных,
А шкатулки полны
Лепестками душистых цветов.

Вот стеклянные чаши:
Чиста и прозрачна, сверкает
В них святая вода.
Вот напевно и мерло звенит
Золоченое било

И словно наш дух окликает,
И от грешной земли
Увлекает в небесный зенит.

И не трудно поверить,
Что много столетий не гасло —
С той поры, как повсюду
Святое ученье царит,—
Это яркое пламя
Душистого, чистого масла,
Что в хрустальных лампадах
Пред ликами Будды горит.

Право, можно сказать,
Что чудесная эта молельня
От мирской суеты
Словно стенами ограждена.
Пусть не в храме, а в доме,
Но святость ее беспредельна,
И любой монастырь
Красотой превосходит она.

Танский монах вымыл руки, взял благовонные свечи и стал молиться, отбивая земные поклоны. По окончании молитвы он повернулся к хозяину дома и поклонился ему.

— Постой! — остановил его хозяин. — Давай войдем в зал для чтения священных книг и там представимся друг другу.

О, какой это был зал!

На изукрашенном помосте,
Широком, четырехугольном,
Внимание сразу привлекают
Ряды высоких поставцов*.

Откроешь — и на каждой полке
Увидишь кипы книг старинных,
Все истины земли и неба —
Творенья древних мудрецов.
А рядом с ними на помосте
Играют золотом и яшмой
Ларцы и ларчики резные,
Расставленные там и сям:
В них свитки ценные хранятся,
Собрания старинных грамот —
На радость мудрому владельцу,
На удивление гостям.

На хрупких столиках узорных,
Покрытых лаком драгоценным,
Сверкают тушечницы с тушью,
Бумага, кисти для письма,
И все, что видишь в этом зале,
Как в лучшем из книгохранилищ,
Полно приятных развлечений
Для просвещенного ума.

Вот перед ширмой ярко-красной,
Перцового, густого цвета,
Изящно выгнутые лютни
Расставлены невдалеке,

Вот в удивительном порядке
Разложены картины, книги,
А вот точеные фигуры
Блестят на шахматной доске.

И тут же золотой отделкой
Блестает яшмовое било,
Чей величавый, звучный голос
К священным помыслам зовет.
А рядом со стены свисает
Густая «борода дракона»*,
Что охраняет от соблазнов,
От праздных мыслей и забот.

Струится в окна свежий воздух,
Вселяя и покой и бодрость,
Душе усталой помогая
Свои тревоги превозмочь.
Здесь каждому на ум приходят
Одни возвышенные мысли,
А все желания мирские
Невольно отступают прочь.

Войдя в этот зал, Танский наставник хотел было опять приветствовать хозяина, но тот снова удержал его:

— Прошу прежде снять с себя дорогое облачение, — сказал он.

Танский монах снял рясу, и тогда только хозяин обменялся с ним положенными поклонами. Затем позвали Сунь У-куна и остальных учеников, чтобы те тоже могли представиться хозяину. После этого хозяин велел накормить коня, сложить поклажу под навесом и лишь тогда завел беседу с гостями, поинтересовавшись, кто они такие и откуда идут.

— Я, бедный монах из восточных земель, — начал Сюань-цзан, — посланец великого Танского государства. Прибыл в вашу благодатную страну, чтобы посетить чудесную гору Линшань, поклониться Будде и испросить у него священные книги. Узнав, что в твоих драгоценных хоромах уважают монахов, я явился сюда поклониться тебе и попросить накормить нас, чтобы мы тотчас же могли отправиться дальше.

Лицо хозяина при этих словах просветлело, и он, радушно посмеиваясь, стал рассказывать о себе.

— Меня, недостойного, зовут Коу Хун, — сказал он, — а прозвище мое «Великодушный». Вот уже шестьдесят четыре года зря живу на свете. Сорока лет я дал зарок принять и накормить ровно десять тысяч монахов. Нынче исполнилось ровно двадцать четыре года, как я дал свой обет. У меня ведется книга записей, в которую я занову имена монахов, благодетельствованных мною. Недавно на досуге я сосчитал монахов, которым дал приют, — за все это время их оказалось девять тысяч девятьсот девяносто шесть человек. Не хватало еще четырех монахов. И вот сегодня небо как раз и ниспослало мне вас, четверых. Зв-ветное число десять тысяч, таким образом, завершается. Прошу

тебя, уважаемый наставник, сообщить мне ваши имена. Вы уж как хотите, но поживите у меня с месяц или подольше, а затем я велю подать паланкин и коней, чтобы проводить тебя на гору, почтенный наставник. Отсюда до чудесной горы Линшань всего только восемьсот ли. Теперь совсем недалеко.

Танский наставник от этих слов пришел в неопишуемую радость и скрепя сердце согласился пожить здесь немного. Но об этом мы рассказывать не будем.

Все слуги, от мала до велика, стали носить дрова, таскать воду, брать крупу, муку и разные овощи, готовить трапезу. Хозяйка, встревоженная шумом, спросила:

— Что за монахи явились к нам в дом и почему из-за них поднялась такая суматоха?

— Это не простые монахи, — отвечали слуги. — Они говорят, что их послал сам император великого Танского государства и что идут они из восточных земель на чудесную гору Линшань поклониться Будде. Они прошли невесть какой дальний путь. Хозяин говорит, что это само небо ниспослало их нам, и велел скорей приготовить еду, чтобы угостить их.

Хозяйка, услышав их слова, тоже обрадовалась и позвала служанок:

— Принесите мне мое самое лучшее платье, — приказала она. — Я выйду посмотреть на них.

— Госпожа, смотреть можно лишь на одного из них, — предупредили ее слуги, — а на трех остальных лучше не глядеть: уж очень страшны на вид.

— Вы не знаете, — отвечала им хозяйка, — что все безобразные, уродливые и причудливые являются небожителями, сошедшими на землю. Поспешите доложить вашему господину, что я выйду.

Слуги стремглав прибежали в зал для чтения священных книг и обратились к хозяину:

— Госпожа идет! Она хочет поклониться почтенным отцам из восточных земель.

Танский монах, услышав их слова, тотчас же поднялся с места.

Между тем хозяйка уже успела войти в зал. Вскинув глаза на Танского монаха, она увидела, что он был величавой наружности, красив собой и мужествен. Затем она взглянула на его учеников и хоть знала, что они — небожители, спустившиеся на землю, тем не менее испугалась, опустила на колени и начала кланяться.

Танский наставник, поклонившись ей в ответ, промолвил:

— Ты обозналась, добрая женщина, мы недостойны подобного уважения.

Тогда хозяйка обратилась к мужу:

— Почему же эти четверо монахов не сидят рядом?

Чжу Ба-цзе выпятил рыло и рывкнул:

— Мы трое всего лишь ученики и спутники! — Голос его прозвучал, словно рык тигра в глухих горах!

Хозяйка так и задрожала от страха.

В это время появился еще один слуга и доложил:

— Двое младших дядюшек наших тоже пожаловали сюда!

Танский наставник поспешно обернулся и увидел двух молодых сюцаев*. Войдя в зал, молодые люди совершили земной поклон и этим так смутили Танского наставника, что он тут же опустился на колени, чтобы ответить им, однако хозяин успел удержать его и сказал:

— Это мои сыновья. Одного зовут Коу Лян, а другого — Коу Дун. Они только что пришли с занятий и еще не пообедали. Узнав, что вы пожаловали к нам, они явились вам поклониться.

Танский наставник пришел в восторг и стал восклицать:

— Вот умники! Вот умники! Верно говорится: «Желаешь иметь добродетельных учеников — твори добро; а хочешь иметь хороших сыновей и внуков — заставляй их учиться!»

Оба сюцая обратились к отцу с вопросом:

— Откуда прибыл этот уважаемый наставник?

— Издалека, — улыбнулся Коу Хун. — Он — посланец самого императора великого Танского государства, которое находится в восточных землях на Южном материке. А идет он на чудесную гору Линшань поклониться Будде и испросить у него священные книги.

Один из сюцаев сказал:

— Я читал книгу «Пространные записки о всевозможных событиях», в которой говорится, что в мире существует только четыре материка. Мы живем на Западном материке, который называется Синюхэчжоу. Еще существует Восточный материк — Дуншэншэньчжоу. Думается мне, что от Южного материка Наньшаньчжоу до нас пришлось идти бог весть сколько лет!

Танский наставник засмеялся:

— Мне, бедному монаху, в пути приходилось больше задерживаться, чем двигаться. Часто встречались злые духи-мары и жестокие оборотни, от которых я испытывал множество страданий и терпел немало горя. Только благодаря моим ученикам, которые охраняли и защищали меня, я оказался здесь, в вашем благодатном краю. По моим подсчетам, за все это время уже четырнадцать раз сменялись зимняя стужа и летний зной.

Услышав столь замысловатый оборот речи, оба сюцая стали расхваливать Танского наставника, и все твердили:

— Вот уж поистине святой монах! Действительно святой!

Пока они восторгались, явился еще один слуга и возвестил:

— Кушать подано! Просим вас, уважаемые, пожаловать к столу.

Хозяин велел жене и сыновьям удалиться, а сам остался с монахами. Он ввел их в зал для трапезы. Там все уже было приго-

товлено. Стоял позолоченный стол и кресла, покрытые черным лаком. Искусныестряпчие изготовили замечательные яства из различных плодов, которые были выставлены в первом ряду. Таких наши путники еще никогда не ели. Во втором ряду находилось пять блюд с различными закусками. В третьем ряду стояло пять ваз со свежими фруктами, а последний, четвертый ряд занимали пять больших подносов с самыми разнообразными яствами. Все это выглядело очень аппетитно и издавало приятный аромат. Тут были постные супы, отварной рис, блины с начинкой, круглые мучные пампушки. Как говорится:

Все с пылу с жару, бьется запах пряный,
Невольно разжигая аппетит.
Все обещает гостю кров желанный,
Все угощенье сытное сулит.

Слуги носились как угорелые, едва успевая подавать различные угощения. Пять поваров работали не покладая рук. Одни варили супы, другие — рис. Слуги сновали взад и вперед, как метеоры, гоняющиеся за луной.

Чжу Ба-цзе, словно ветер, разгоняющий тучи, набрасывался на кушанья и в один присест опорожнял целую плошку еды.

Танский монах и его ученики поели на славу. Поднявшись из-за стола, Сюань-цзан поблагодарил хозяина и стал собираться в дорогу, но Коу Хун удержал его.

— Уважаемый наставник, не беспокойся, пожалуйста! Поживи у меня несколько днейков,— сказал он.— Ты же знаешь поговорку: «Начинать легко, а заканчивать трудно». Обожди, пока совершу молебен по случаю выполнения обета. Вот тогда я дерзну сам проводить тебя.

Танский наставник, видя, с какой искренностью хозяин просит его, не мог отказать и остался.

Прошло дней пять, а может быть и семь. И вот однажды хозяин дома Коу Хун пригласил к себе двадцать четыре местных монаха, чтобы они отслужили молебен по случаю выполнения обета. Несколько дней монахи читали писание, вычисляя, когда выпадет счастливый день, и, наконец, начали служить молебен Будде. Оказывается, что служба здесь совершалась точно так же, как и на родине Танского наставника. Вот послушайте:

Развеваются по ветру
Разноцветные хоругви,
Перед изваяньем Будды
Вьется легкий финиам,
А монахи со свечами
Встали ровными рядами
И несут святые жертвы
К золотым его стопам.

Вот торжественно и мерно
Загудели барабаны,
И звенящим громом гонгов
Тяжко воздух сотрясло,

Зазвучали дудки, трубы,
И от каждого удара
Гул родят многоголосый
Била дивные «Юньло».

А за ними чисто, звонко
Флейты разом заиграли,
Мелодичною руладой
О молебне возвестив.
Знают ритуал монахи:
То ударят в барабаны,
То на дудках повторяют
Установленный мотив.

После громких восклицаний
В тишине благоговейной
Величаво приступают
К чтению сокровенных книг:
Первым делом к местным духам
Обращаются с молитвой,
Просят милости и блага
У таинственных владык.

А потом мольбы возносят
И к небесным воеводам,
В небо грамоты святыя
Посылают им с огнем,
Сотни раз кладут поклоны
Перед Буддой всемогущим,
Чтоб спасенье даровал им
В милосердии своем.

Вот уже павлинью сутру
С упоением читают:
Что ни слово — избавленье
От земных тревог и бед,
Вот уже пред изваянем
В честь врачующего Будды
Фонари зажглись цветные,
Излучая ясный свет.

А потом в знак покаянья
Омовенье совершают,
Чтобы смыть святой водою
Все обиды, все грехи,
И «Буддийские запреты»
Нараспев читают звучно:
Избавляют от наветов
Эти дивные стихи.

Строго следуют монахи
Трем учениям буддийским,
Чистым, сердцем удалившись
От соблазнов и утех.
Видно, мудрые шраманы
Одинаковы повсюду,
Видно, высшие законы
Одинаковы для всех.

Молебен закончился на третьи сутки. Танский наставник не переставал думать о храме Раскатов грома и, наконец, принял непреклонное решение отправиться в путь. Он вновь стал благодарить хозяина и прощаться с ним.

— Уважаемый наставник! Зачем ты так торопишься? Видно, пеняешь на меня, что я все эти дни был занят молебном и не уделял тебе достаточно внимания?

— Да что ты! — перебил его Сюань-цзан. — Мы и так причинили тебе столько беспокойства, весь дом взбудоражили. Не знаю даже, чем отблагодарить тебя за гостеприимство. Разве я посмею пенять на тебя?! Но дело в том, что, отправляя меня в путь, мой премудрый государь спросил меня, когда я вернусь, и я по неразумию своему ответил, что вернусь через три года. Я никак не ожидал, что в пути будет столько препятствий. С тех пор как я покинул родину, прошло уже четырнадцать лет! Между тем я еще не знаю, когда получу священные книги. На обратный путь тоже потребуются лет двенадцать — тринадцать. Вот и выходит, что я нарушил священную волю моего государя! Чем смогу я искупить вину свою? Прошу тебя, добрый хозяин, позволь мне, бедному монаху, тотчас же отправиться в путь. Когда буду возвращаться, непременно навещу тебя снова и уж тогда ничто не помешает мне пожить у тебя подольше!

Чжу Ба-цзе не сдержался.

— Наставник, какой ты несговорчивый! — сказал он, вмешавшись в разговор. — Никак не хочешь уступить. Наш почтенный хозяин, глава большой семьи и обладатель огромных богатств, дал обет приютить десять тысяч монахов! И вот теперь он выполнил свой обет. Нам следовало бы пожить у него хоть с годик, тем более что он сам чистосердечно просит нас об этом, да и нам это ничуть не помешает. Когда еще ты встретишь таких добрых людей! А ты хочешь отказаться от всех этих благ и снова выпрашивать подаяние?

Танский наставник вскрикнул от негодования и напустился на Чжу Ба-цзе

— Ах ты, негодяй! — закричал он. — Только и знаешь, что жрать, ничего не смыслишь в путях возвращения к Истине. Вот уж, верно, про тебя, скотина, говорится: «Кто жрет из корыта, у того в животе свербит!» — Обратившись к остальным ученикам, он добавил: — Если и вы такие же чревоугодники, как этот Дурень, то завтра же я отправляюсь в путь один!

Заметив, что наставник от возмущения даже в лице изменился, Сунь У-кун схватил Чжу Ба-цзе за шиворот и стукнул его кулаком по голове.

— Дуралей! Не знаешь, что говоришь! — крикнул он. — Смотри, как разгневал нашего наставника! Теперь он и на нас сердится!

— Ну и здорово же ты его хватил! — засмеялся Ша-сэн и, обернувшись к Чжу Ба-цзе, добавил: — Ты когда молчишь, и то

вызываешь отвращение своим мерзким видом, а тут еще вздумал совать свое рылс!

Ба-цзе тяжело дышал, едва сдерживая вспыхнувшую в нем злобу. Однако он отошел в сторону и не посмел больше сказать ни слова.

Хозяин, чтобы восстановить мир, стал еще более любезным.

— Почтенный наставник, — сказал он, и лицо его расплылось в приветливой улыбке, — не горячись! Потерпи еще денек, а завтра мы устроим вам проводы с флагами и барабанами. Я приглашу из соседних селений своих родных и близких и вместе с ними провожу вас.

В это время вошла хозяйка.

— Уважаемый наставник! — воскликнула она, обратившись к Танскому монаху. — Раз уж ты пожаловал к нам, не отказывайся пожить у нас еще немного. Который день ты здесь?

— Уже прошло полмесяца, — удрученно ответил Танский наставник.

— Ну и что же? Эти полмесяца зачтутся в число благодеяний хозяину дома, — сказала хозяйка. — У меня ведь тоже есть деньжата: я заработала их рукоделием. Вот и хочу на них угощать вас всех еще с полмесяца!

Не успела она договорить, как в зал вошли Коу Дун и его брат.

— Уважаемые отцы! — сказали они, обращаясь ко всем четверым монахам. — Больше двадцати лет отец давал приют и пищу разным монахам, но таких замечательных, как вы, мы еще никогда не видели. Ныне, к счастью, обет выполнен, и вы, четверо, снизили к нам, как луч яркого света в бедную хижину. Мы еще молоды, не знаем основ учения о причинах и следствиях, но нам приходилось часто слышать такую поговорку: «За добрые дела свекра воздастся свекру, за добрые дела свекрови воздастся свекрови, а кто не творит добрых дел, тому ничего не воздастся». Вот поэтому наши родители и хотят теперь хоть сколько-нибудь угодить вам, чтобы при своем перерождении получить за это какое-нибудь воздаяние. Зачем же вы с таким упорством отказываете им в их просьбе? Да и мы, неразумные братья, тоже хотим угощать вас с полмесяца на те деньги, что скопили за уроки, а уж тогда и проводим вас!

— Как же вы, премудрые братья, изволите проявлять мне свою любовь, когда я не осмеливаюсь принять даже приглашения вашей любезной матушки? — возразил Танский наставник. — Я ни в коем случае не посмею принять вашего приглашения и нынче же утром тронусь в путь. Молю вас не винить меня за это. Нарушение срока, установленного моим государем, явится преступлением, не заслуживающим никакого снисхождения.

Убедившись, что Танского наставника не переспоришь, хозяйка и ее сыновья рассердились:

— Мы от всего сердца предлагаем ему наше гостеприимство, а он упирается и слушать не хочет. Что ж, пусть отправляется! С какой стати утруждать себя напрасными уговорами!

С этими словами мать и сыновья отвернулись от Танского наставника и ушли к себе.

Чжу Ба-цзе снова не стерпел.

— Учитель, — проговорил он, обращаясь к Танскому наставнику, — не надо так важничать! Недаром говорится: «Если приглашают, нужно оставаться, не то вызовешь нарекания!» Мы бы еще месячишко пожили, потешили бы хозяйку и ее сыновей, вот бы и хорошо было. Зачем же торопиться?

Танский наставник снова вскрикнул от негодования и хотел было напустить на него, но Дурень стал бить себя по щекам, приговаривая:

— Ведь говорили тебе «помалкивай!» — а ты опять лезешь!

Сунь У-кун и Ша-сэн прыснули со смеху.

— Ты что это смеешься? — напустился наставник на Сунь У-куна, и, прищелкнув пальцами, стал читать заклинание о сжати обруча. В полном смятении Сунь У-кун встал на колени и начал оправдываться:

— Учитель! Я ведь не смеялся! Честное слово, не смеялся! Молю тебя, не читай заклинание! Не читай!

Хозяин дома, видя, что ссора разгорается, не стал больше уговаривать их.

— Почтенный наставник! — вскричал он. — Не надо ссориться. Обещаю тебе завтра же ранним утром проводить вас.

С этими словами хозяин удалился. Он велел своим письмоводителям написать сто листков с приглашениями всем его родным и близким в соседних селениях, чтобы они завтра рано утром прибыли на проводы почтенного монаха из Танского государства, направляющегося на Запад. Затем он велел поварам приготовить прощальный пир, а своему управляющему приказал распорядиться, чтобы изготовили двадцать пар разноцветных флагов и пригласили музыкантов. Кроме того, он велел из монастыря «Наньлайсы» вызвать буддийских монахов, а из монастыря «Дун-я-гуань» — даосских монахов, причем предупредил, что все должно быть готово завтра к часу сы.

Слуги, получив распоряжения от управляющего, отправились выполнять их.

Вскоре стало смеркаться. После вечерней трапезы все удалились на покой. Наступила пора, когда

Над чужою деревней,
В ночных небесах пролетая,
Прошумела крылами
Ворон запоздалая стая.
Только звон колокольный
Да гул барабанного боя
Тихим ветром разносит
Над башнею сторожевою.

Опустели базары,
    Безлюдно на улицах главных,
Ночники чуть мерцают
    Сквозь щели в задвинутых ставнях.
Тонкий месяц блестит,
    Веет ветер, колышутся стебли,
Задремавших цветов
    Прихотливые тени колебля.
И Река серебристая
    В небе течет безучастно,
Робких звезд хоровод
    Озарив равнодушно и ясно.
Лишь под сенью густою
    По-прежнему тень непроглядна,
Где кукушка кукует
    Медлительно и безотрадно.
А небесная флейта *
    Умолкла над спящей рекою,
И земля недвижима
    В своем величавом покое.

Когда наступило время между третьей и четвертой ночной стражей, все распорядители и слуги поднялись и начали готовиться к проводам. Посмотрели бы вы, как суетились повара на кухне, приготавливая прощальный пир, как переругивались между собой швеи, изготавливая флаги и знамена в помещении перед главным залом. Слуги тоже все были заняты: одни помчались за монахами, другие бросились за музыкантами. Рассыльные с приглашениями сновали туда и обратно, готовившие паланкин и выезд на конях ругались и кричали друг на друга. Шум не прекращался до рассвета. К девяти часам утра все было готово, и все благодаря несметному богатству хозяина.

Обратимся, однако, к Танскому наставнику и его ученикам. Они встали очень рано. К ним снова явилось множество слуг, чтобы ухаживать за ними. Танский наставник велел собрать поклажу и оседлать коня. Дурень Чжу Ба-цзе, услышав об отъезде, надулся. Бормоча что-то про себя, он принялся укладывать монашеские одежды и патру, а затем стал искать коромысло. Ша-сэн занялся чисткой коня и сбруи, а потом, взнуздав и оседлав коня, стал ожидать наставника. Сунь У-кун вручил наставнику посох с девятью кольцами, повесил ему на грудь суму с дорожной, и они только было собрались выйти, как хозяин и все его домочадцы стали просить путников пройти в большой зал. Оказывается, там все уже было готово для пиршества. Но пир этот был совсем не такой, как в первый раз.

На дверях и на окнах —
    Распахнутые занавески,
Всюду хрупкие ширмы,
    Все светится в утреннем блеске,
И большая картина,
    Сверкая, висит посредине,

Возвещая гостям
Долголетье и счастье отныне.

А по стенам узорным
Развернуты свитки цветные,
Светят мягкими красками
Виды на них расписные:
Голубеет весна,
Зеленеет обильное лето,
Осень желтой листвою,
А зима белым снегом одета.

Из треножных сосудов
В узорах драконов занятных
Не спеша поднимаются
Волны дымков ароматных,
И повсюду увидишь
Средь этих паров благовонных
Черепях и сорок,
На курильницах изображенных.
Посмотри, сколько блюд,
Сколько тонких и редкостных брашен,
Каждый стол в этом зале
Нарядно цветами украшен
Леденцы в виде львов
Возвышаются пестрою грудой,
И уставлены скатерти
Тонкой цветною посудой.

Все к усладам зовет,
Все обилием радует взоры,
Перед входом, у лестниц,
Стоят наготове танцоры,
Музыканты сошлись,
Нарядясь в разноцветные ленты,
Перед пиром веселым
Настраивают инструменты.

На столах золоченых,
Расставленных в зале рядами,
Драгоценные вазы
Полны наливными плодами,
А парчовые скатерти
Шелком расшиты цветистым
И обильные кушанья
Маслом блестят золотистым.

Сладок рис отварной,
Удивительно вкусный и сытный,
И от постных супов
Поднимается пар аппетитный,
А душистого чая
И сладостных вин ароматы
Словно дымкою прелести
Зал оживляют богатый.

Хоть радушный хозяин
Не знатного происхождения,
Но и яствам царей
Не уступят его угощенья.

А вокруг — восторгаясь
И пир возвещаая великий,
Сотрясают и небо
И землю веселые клики!

В тот самый момент, когда Танский монах обменивался поклонами с хозяином дома, явился слуга и доложил:

— Гости пожаловали!

То были жившие по соседству и получившие приглашения старшие и младшие братья хозяина со своими семьями, а также сестры с мужьями. Кроме того, к Танскому монаху подошли и приветствовали его поклонами благодетели из этой же округи и друзья хозяина, славящие Будду. По окончании приветствий все расселись по своим местам. Внизу зазвучали барабаны, лютни и дудки, вверху зазвенели струны, и началось пение, услаждающее слух пирующих.

Чжу Ба-цзе был так поглощен едой, что ничего не замечал вокруг. Обратившись к Ша-сэну, он сказал ему:

— Брат! Наедайся как следует. Мы никогда больше не найдем такого прекрасного и обильного угощения!

— С чего ты это взял? — усмехнулся Ша-сэн. — Знаешь половицу? «Если ты сыт, никакие драгоценные яства на ум не пойдут, а запасов не сделаешь, живот не кубышка».

— Не в этом дело! — прервал его Чжу Ба-цзе. — Какой непонятливый! Вот я сужу по себе: если наемся досыта, то целых три дня не почувствую голода, как бы ни работал.

Сунь У-кун услышал и сказал:

— Смотри, Дурень, как бы живот у тебя не лопнул! Мы ведь сейчас отправляемся в путь!

Незаметно наступил полдень. Танский монах, сидевший на главном месте, поднял палочки для еды и начал читать благодарственную молитву. Чжу Ба-цзе засуетился и принялся доедать все остатки, опустошая одним духом целые плоски, а затем стал сваливать в свои широченные рукава мучные пампушки, блины с начинкой, жареные блины и печеные плоды, пока не набил ими оба рукава до отказа, лишь после этого он встал из-за стола.

Танский наставник уже в который раз поблагодарил хозяина дома, затем всех присутствующих, после чего все вместе направились к выходу.

Посмотрели бы вы на разноцветные флаги и роскошные балдахины, на барабанщиков и музыкантов, выстроившихся за воротами!

Тут еще подоспели монахи-буддисты и монахи-даосы.

— Что же вы так поздно? — с улыбкой спросил их хозяин. — Танский монах очень торопится и вы даже не успеете вкусить трапезы. Придется угостить вас после проводов, когда вернемся.

Толпа расступилась. Носильщики понесли паланкин, верховые поскакали верхом, пешие пошли пешком — все двинулись, пропуская вперед Танского монаха и его учеников.

Музыка и бой барабанов потрясали небо, флаги и хоругви скрывали солнце, люди собирались толпами, кони и повозки запрудили всю улицу. Все жители города спешили посмотреть, как Коу Хун провожает Танского монаха.

Про эти богатые и почетные проводы сложены даже стихи:

Окружают его жемчуга, изумруды,
Восседает он на драгоценном ковре,
Да, великий почет был оказан монаху,
Словно царской невесте в парчовом шатре.

Буддийские монахи на прощанье хором пропели песнопения о Будде, а даосы протрубили какие-то таинственные звуки. Они проводили наших путников за городские ворота.

Когда шествие прибыло на первую станцию в десяти ли от города, опять было подано угощение в дорожных сосудах и флягах. Подняли чарки с вином, выпили и стали прощаться. Но Коу Хун никак не мог расстаться со своими гостями.

— Почтенный наставник, — говорил он, глотая слезы. — Когда будешь возвращаться со священными книгами, непременно поживи у меня хоть несколько дней, иначе сердце мое не успокоится.

Танский монах был очень растроган и не переставая благодарил Коу Хуна.

— Если я прибуду на чудесную гору Линшань и получу возможность лицезреть Будду, то прежде всего поведаю ему о твоей великой добродетели, — сказал он, — а на обратном пути непременно переступлю порог твоего дома и земно поклонюсь тебе в знак глубокой благодарности. Поклонюсь до самой земли, — повторил он.

Так, прощаясь друг с другом, они незаметно прошли еще два или три ли. Наконец Танский наставник взмолился дальше не провожать его. Коу Хун громко разрыдался и повернул обратно.

Вот уж поистине:

Кто свой обет сдержал —
Приют давать монахам,
Тот сам верховного
Прозрения достиг,
И все же от него,
Пока не станет прахом,
Великий Будда скрыл
Свой лучезарный лик.

Однако оставим Коу Хуна, который вернулся обратно вместе со всеми провожающими, и продолжим наш рассказ об учителе и его учениках.

Когда они отошли на несколько десятков ли, стало смеркаться.

— Уже вечереет, — сказал наставник, обращаясь к своим ученикам. — Надо поискать ночлег.

Чжу Ба-цзе, несший коромысло с поклажей, сердито буркнул:

— Отказались от всего готового, не захотелось жить в чистых, прохладных комнатах, а понесло невесть куда, по какой дороге, словно в погоню за душой покойника! Время позднее, вот-вот пойдет дождь, что будем делать?

— Скотина ты! — выругался Танский монах. — Опять начинаешь роптать? Не зря говорят: «Хоть и хорошо в столице Чанъань, а дома лучше!» Если мы сможем поклониться Будде и получим у него священные книги, то, вернувшись в великое Танское государство, я попрошу владыку государя, чтобы тебе на царской кухне разрешили есть вволю несколько лет подряд, может, ты, скотина, обожрешься там, вот тогда и умрешь неприкаянным духом.

Дурень не посмел ничего возразить и лишь втихомолку усмехнулся про себя.

Сунь У-кун тем временем стал глядеть вдаль и, увидев несколько строений у самой дороги, поспешил сообщить об этом наставнику.

— Вот и ночлег! — сказал он.

Танский наставник пошел вперед и увидел развалившиеся декоративные ворота, на которых все же уцелела вывеска. На ней выцветшими от времени четырьмя иероглифами было написано: «Монастырь подвижника Хуа Гуана». Танский наставник спешил.

— Бодисатва Хуа Гуан был учеником Будды Пятицветного пламени, — задумчиво сказал он, прочтя надпись, — но его наказали за то, что он уничтожил повелителя демонов Огневой пытки, и он превратился в духа Усянь. Здесь, безусловно, должен быть его храм!

С этими словами Сюань-цзан вошел в ворота, но внутри царило полное запустение и не было ни души. Он уже хотел было повернуть обратно, но небо было обложено свинцовыми тучами, и хлынул сильный дождь. Пришлось укрыться в развалившемся здании, где путники все же нашли место, защищенное от ветра и дождя. Там они притаились, не осмеливаясь громко разговаривать, чтобы не привлечь внимания злых духов и оборотней. Кто стоя, кто сидя, провели они ночь, не сомкнув глаз.

Вот уж поистине:

Дни благоденствия недолго длились:
Опять нахлынули невзгоды вскоре,
И в праздничном веселье зародились
Тревоги, предвещающие горе.

Но о том, что произошло с нашими путниками, когда они с рассветом отправились дальше, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ,

в которой рассказывается о том, как Танского монаха из-за пышных проводов постигло несчастье, а также о том, как Великий Мудрец Сунь У-кун нашел душу умершего и вернул ему жизнь

Мы пока не будем рассказывать о том, что было дальше с Танским наставником и его учениками, укрывшимися от непогоды в разрушенном здании монастыря Хуа Гуана и проведенными там мучительную ночь.

Вернемся в уездный город в округе Медная башня. С некоторых пор там появилась банда убийц, более десяти человек. Они начали с того, что стали вести разгульный образ жизни, предавались пьянству и азартным играм, промотали все свое состояние, а когда у них совсем не оказалось никаких средств к существованию, собрались в шайку и сделались разбойниками. И вот как раз когда они судили да рядили, кого бы им еще ограбить и кто у них в городе первый богач, один из грабителей сказал:

— Что тут долго разговаривать! Самый богатый у нас — чиновник Коу Хун. Какие проводы сегодня устроил он Танскому монаху! Давайте воспользуемся этой дождливой ночью, когда на улицах никого нет, да и караульщики не ходят с дозором, и приступим к делу. Заберем у него сколько-нибудь денег и опять заживем припеваючи: станем гулять с бабами да в картишки играть... Вот здорово будет!

Грабители обрадовались, сговорились действовать заодно и, несмотря на проливной дождь, отправились в поход, вооруженные кинжалами, колючими булавами, клюшками, дубинками, веревками и факелами. Они взломали ворота и ворвались с криками «бей!» Все находившиеся в доме, и большие и малые, мужчины и женщины, пришли в такой ужас, что сразу же попрятались. Казалось, дом опустел. Хозяйка залезла под постель,

а хозяин спрятался за дверь. Коу Дун и Коу Лян с несколькими ребятишками, дрожа от страха, бросились бежать кто куда, чтобы спасти свою жизнь. Разбойники с обнаженными кинжалами и пылающими факелами набросились на сундуки и корзины, разломали их и похитили все золото и серебро, разные драгоценности, головные украшения, наряды, посуду и домашнюю утварь. Хозяину жалко было расставаться со своим имуществом; он не выдержал, набрался духу и, выйдя из-за дверей, принялся жалобно умолять грабителей:

— О повелители мои! Возьмите, что вам нужно, но и мне, старику, оставьте хоть что-нибудь из одежды, а то и в гроб не в чем лечь.

Но разве могли грабители допустить, чтобы им перечили? Один из них подскочил к Коу Хуну и пинком сшиб его с ног. Несчастный! Душа его на три десятых сразу же переселилась в Подземное царство, а остальные ее семь десятых скорбно прощались с белым светом!

Разбойники, обрадованные удачей, покинули дом Коу Хуна, протянули от подножия стены веревочную лестницу и один за другим перелезли через городскую стену, после чего стремглав помчались на запад, несмотря на дождь и глухую ночь.

Тем временем слуги Коу Хуна, убедившись что разбойники ушли, начали возвращаться в дом и увидели, что хозяин их мертвый лежит на земле. Тут они стали вопить и причитать.

— О небо! Наш хозяин-владыка убит!— кричали они.

Затем все пали ниц перед его телом и стали жалобно плакать.

Между тем близилось время четвертой ночной стражи. Хозяйка и так затаила обиду на Танского наставника за то, что он пренебрег ее приглашением, а тут еще хозяин потратил уйму денег на проводы. Кроме того, хозяйка была уверена в том, что беду на их дом тоже навлек Танский монах и его ученики. А потому она и решила погубить всех четверых. Поддерживая под руку Коу Ляна, она начала нашептывать ему:

— Не надо плакать, сынок! Не думал твой отец, так обильно угощавший монахов, что ныне, в торжественный день исполнения своего обета, эти монахи отнимут у него жизнь!

— Матушка, откуда ты знаешь, что это монахи убили отца? — удивились братья.

— Грабители были до того лютые и храбрые, что, когда они ворвались сюда, я сразу же спряталась под постель и, хотя меня трясло от страха, я все же внимательно разглядывала их при свете огня,— начала рассказывать хозяйка.— И представьте себе, кого я увидела? Державший факел оказался Танским монахом. С кинжалом был Чжу Ба-цзе, а золото и серебро доставал Ша-сэн. Убийцей же вашего отца является Сунь У-кун.

Сыновья поверили матери.

— Раз матушка видела их собственными глазами, значит, так оно и было,— решил Коу Лян.— Эти монахи жили у нас полме-

сыца и за это время хорошо ознакомились с расположением дома, со всеми дверями, окнами, заборами и закоулками; богатство же всегда возбуждает алчные желания. Воспользовавшись дождливой ночью, монахи вернулись и мало того, что ограбили нас, но еще и погубили отца! Вот какими негодьями они оказались. Как только рассветет, мы отправимся в окружное управление и подадим на них жалобу за ограбление и убийство.

— А как писать такую жалобу? — спросил Коу Дун.

— Напишем со слов матери, — ответил Коу Лян и сразу же записал: «Танский монах держал факел, Чжу Ба-цзе — кинжал, Ша-сэн вытаскивал золото и серебро, а Сунь У-кун убивал отца».

Пока все домашние кричали и шумели, незаметно рассвело. Матушка послала к родственникам сообщить о случившемся и просить их купить гроб, а Коу Лян с братом отправились в окружное управление подать жалобу.

Начальник окружного управления отличался весьма величественным видом!

Всю жизнь был честен он и прям,
И от рожденья добр, умен,
Но много горя и нужды
Изведал в молодости он.
Ученье с детства полюбив,
Не знал ребяческих утех,
Зато, явившись во дворец,
Сдал испытанья лучше всех.
С тех пор правлением своим
Стяжал он славу мудреца,
Законам предан всей душой
И долгу верен до конца.
И высоко вознесена,
Людскими судьбами верша,
О милосердые и добре
Всегда пеклась его душа.
Повсюду славят жизнь его —
Суровый и достойный путь,
И в летописи наших дней
Его нельзя не помянуть,
Чтоб и в грядущем не померк
Его деяний мудрый свет,
Чтоб имя славили его
Потомки много тысяч лет.
Как будто воплотиться в нем
Решили в наши времена
Правители Хуан и Гун *,
Чьи незабвенны имена.
Любого в округе спроси —
Все воздают ему хвалу,
Как будто ожили опять
Благие судьи Чжо и Лу *.

Коу Лян и его брат, держа в руках таблички, вошли в зал. Опустившись на колени, они громко воскликнули.

— Отец наш, повелитель! Мы явились с жалобой на дерзких разбойников, ограбивших нас и совершивших убийство.

Правитель принял жалобу, принялся читать ее вполголоса, а затем сразу же приступил к расспросам.

— Вчера мне сообщили,— начал он,— что в вашем доме было устроено торжество по случаю исполнения обета, данного вашим отцом. И в связи с этим чествовали четверых достопочтенных монахов во главе с архатом из восточных земель, посланцем Танского двора. Им устроили роскошные проводы, улицы были запружены барабанщиками и музыкантами. Что же произошло потом?

Коу Лян и его брат стукнули лбами о землю и стали рассказывать:

— Повелитель! Наш отец, Коу Хун, двадцать четыре года принимал у себя монахов и кормил их. Эти четыре монаха, пришедшие из далеких стран, как раз завершили заветные десять тысяч, и в тот день обет, данный отцом, был выполнен. В благодарность отец оставил их пожить у себя в доме. Они прожили полмесяца и за это время высмотрели все окна и двери, ходы и выходы. В ту же ночь, когда мы проводили их, они вернулись обратно, воспользовались ненастной погодой и с факелами и оружием ворвались в дом. Они разграбили все золото, серебро, драгоценности, наряды, головные украшения и вдобавок убили отца. Уповаем на тебя, повелитель, что ты заступишься за нас, простых людей.

Правитель округа выслушал их и велел тотчас же отрядить конных и пеших сыщиков, полицейских и стражников, из наемных и отбывающих повинность,— всего сто пятьдесят человек. Все они вооружились холодным оружием, вышли из города через западные ворота и пустились в погоню за четырьмя монахами.

Теперь обратимся к наставнику и его ученикам. Они промаялись ночь в полуразрушенном монастыре Хуа Гуана, а на рассвете вышли из ворот и пустились в дальнейший путь на запад. И надо же было так случиться, что те самые разбойники, которые в ту ночь ограбили дом Коу Хуна и перелезли через городскую стену, тоже бежали по этой же дороге на запад. Они шли до рассвета и, пройдя мимо монастыря Хуа Гуана, продвинулись на запад, примерно на двадцать ли, укрылись в горном ущелье и там стали делить награбленное. Не успели они закончить дележ, как вдруг увидели Танского монаха с его учениками, которые вчетвером шествовали по дороге, приближаясь к ним. Видимо, разбойники еще не утомнились.

— Смотрите-ка, никак тот самый монах, которого вчера провозжали, идет сюда!

Все захохотали:

— Вот уж кстати! Ах, как кстати! Мы и с ним тоже разделяемся, не посчитаемся с законами Неба. Он ведь следует издалека, да к тому же долго гостил в доме Коу Хуна, так что у

него, наверное, немало разного добра. Давайте-ка преградим им дорогу, отнимем у них все имущество, заберем белого коня и разделим все это между собой! Ну и потеха будет!

И вот, издав боевой клич, разбойники с оружием в руках бежали на большую дорогу, выстроились в ряд и закричали!

— Эй, монахи! Ни с места! Дайте выкуп за проезд, и мы пощадим вас! Но если только вы посмеете перечить, мы вас всех прикончим.

Танский монах задрожал от страха, Ша-сэн и Чжу Ба-цзе тоже струхнули и обратились к Сунь У-куну:

— Вот тебе и на! Мало того что почти всю ночь промучились под дождем, так теперь еще повстречались с грабителями. Вот уж верно говорится: «Беда не приходит одна!»

Сунь У-кун рассмеялся.

— Наставник, не бойся! Да и вы, братцы, не тревожьтесь,— беззаботно сказал он.— Вот я сейчас поговорю с ними.

С этими словами Великий Мудрец подтянул на себе юбочку из тигровой шкуры и, отряхнув парчовую рясу, приблизился к разбойникам, скрестил руки на груди и спросил их:

— Уважаемые! Вы кто такие?

Разбойники разъярились:

— Ышь какой наглец выискался, видно, не понимает, что значит жить или умереть! — заорали они.— Еще осмеливается задавать вопросы! У тебя на лбу глаз нет, что ли? Не видишь, что мы — великие князья! Давай сюда выкуп, и мы пропустим вас!

Слова разбойников, по-видимому, очень рассмешили Сунь У-куна. Расплывшись в улыбке до ушей, он произнес:

— Вот оно что! Значит, вы разбойники с большой дороги!

Разбойники еще больше разъярились.

— Убить его! — крикнул кто-то из них.

Сунь У-кун, притворившись испуганным, начал молить о пощаде:

— О великие князья! О великие князья! Я, простой деревенский монах, не мастер говорить. Не сердитесь на меня, если чем вас обидел. Не сердитесь! Если хотите взять выкуп, берите только с меня, а не с тех троих. Все деньги у меня. И те, что мы получаем за наши молитвы, и те, что у нас собираются от подаяний и пожертвований. Тот, что сидит верхом на коне, наш наставник, однако он лишь умеет читать священные книги и не касается никаких других дел. Он совсем забыл, что такое богатство, а алчности у него нет ни на волосок. Тот, кто с темным лицом,— наш послушник. Я его подобрал на дороге и принял к себе. Он умеет только ухаживать за конем. А вон тот, с длинным рылом,— наш слуга, которого я нанял на долгий срок. Он умеет лишь таскать поклажу. Вы пропустите их, а я сейчас отдам вам все наше добро: тут и деньги на дорогу, и одежды, и патра.

Выслушав Сунь У-куна, разбойники заговорили уже совсем по иному.

— Да ты, видать, совсем смиренный монах!—воскликнули они.— Так и быть, пощадим тебя. Ты только вели тем троим снять поклажу, и мы их пропустим.

Сунь У-кун обернулся и подмигнул.

Ша-сэн тотчас же снял узлы и бросил коромысло, затем взял под уздцы коня и повел его. Так, втроем, вместе с Чжу Ба-цзе, они отправились дальше, на Запад.

Тем временем Сунь У-кун нагнулся, будто бы для того, чтобы развязать узлы, а сам незаметно взял полную горсть пыли и подкинул ее вверх, затем прочитал заклинание и крикнул: «Стойте на месте!» Все разбойники, а их было человек тридцать, стиснули зубы, вытаращили глаза и с растопыренными руками замерли на месте, не в силах больше ни говорить, ни двигаться.

Сунь У-кун одним прыжком очутился на перекрестке и стал кричать:

— Наставник! Вернись! Вернись!

Чжу Ба-цзе встревожился.

— Дело дрянь,— сказал он,— Сунь У-куну, наверное, пришлось выдать нас! Ведь у него при себе нет ни гроша, да и в узлах тоже ничего нет — ни золота, ни серебра. Наверное, посулил им коня, вот и зовет тебя, наставник, а нас заставит снять одежды!

— Не говори ерунды! — смеясь, остановил его Ша-сэн.— Наш старший братец не так уж глуп. Если он справлялся со злыми дьяволами-марами и жестокими оборотнями,— так неужели побоится этих косматых разбойников, которых не так уж много? Раз он зовет нас, значит, хочет сказать что-то важное. Вернемся же поскорее и узнаем, в чем дело.

Танский монах послушался Ша-сэна и, быстро повернув коня, возвратился.

— У-кун! Что случилось? Зачем ты звал нас? — спросил он.

— А вот послушай, что расскажут разбойники,— ответил Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе подошел к одному из грабителей и, толкнув его, спросил:

— Чего же ты стоишь как пень?

Но разбойник по-прежнему не двигался и молчал.

— Ты никак рехнулся и онемел! — воскликнул Чжу Ба-цзе.

— Это я напустил на них свои чары,—засмеялся Сунь У-кун.— Прочел заклинание, от которого они все остолбенели.

— Но ты ведь сковал их тела, а не рот,— возразил Чжу Ба-цзе,— почему же они молчат?

Сунь У-кун ничего не ответил ему и обратился к Танскому наставнику.

— Наставник! Прошу тебя, слезь с коня и садись сюда. Есть такая поговорка: «Можно только по ошибке схватить человека, но выпустить по ошибке нельзя».—Затем он обратился к Ша-сэн и Чжу Ба-цзе.— Ну-ка, братцы, повалите их всех навзничь, да свяжите покрепче! — приказал он. — Пусть сейчас же признаются

во всем! Узнаем, что это за разбойники: молокососы они, впервые занявшиеся гребезом, или матерые бандиты.

— У нас нет веревок,— сказал Ша-сэн.

Тогда Сунь У-кун вырвал у себя несколько шерстинок, дунул на них своим волшебным дыханием, и они сразу же превратились в тридцать крепких веревок.

Ученики Танского наставника разом принялись за работу: они начали валить на землю разбойников и связывать их по рукам и ногам. После этого Сунь У-кун прочел заклинание, снял с разбойников чары, и они постепенно стали приходить в себя.

Сунь У-кун попросил Танского наставника сесть на возвышение, а сам с двумя другими учениками, держащими оружие в руках, приступил к допросу.

— Эй вы, косматые разбойники! Сколько вас собралось в одну шайку! Давно ли занимаетесь своим «промыслом»? Сколько награбили вещей? Сколько людей убили? В который раз, в первый, во второй или в третий, совершаете разбой?

— Отцы святы! Пощадите нас! — завопили разбойники.

— Замолчите! — прикрикнул на них Сунь У-кун. — И рассказывайте все, как было, по порядку

— Отец наш! Мы вовсе не закоренелые разбойники, — заговорил один из грабителей, — мы все из хороших семей, просто нам не повезло в жизни: мы стали пьянствовать, играть на деньги, кутить с певичками и промотали все имущество наших дедов и отцов. Мы никогда не были приучены к работе, а денег у нас нет. Проведав, что у сверхштатного чиновника Коу Хуна из окружного города Медная башня в доме хранятся несметные богатства, мы вчера собрались вместе и в тот же вечер, воспользовавшись ненастной погодой и темнотой, отправились в дом Коу Хуна и ограбили его. Мы забрали изрядное количество золота, серебра, одежды и украшений и вот здесь, на северном склоне горы, в укромном ущелье, приступили к дележу, но в это время как раз заметили вас, уважаемые наставники. Мы признали в вас тех самых монахов, которым Коу Хун устроил проводы, и решили, что у вас должны быть с собою богатые дары. К тому же мы видели, что ваша поклажа очень тяжела, а белый конь, видимо, хороший скакун. Алчность человека не знает границ, потому-то мы и решили вас ограбить. Где же нам было знать, что ты, отец наш, владеешь такими могучими чарами и сможешь всех нас пригвоздить к месту? Умоляем всех вас, почтенные отцы наши, помилосердствуйте и пожалейте нас! Заберите у нас все, только оставьте жизнь.

Танский монах ужаснулся, услышав, что речь идет о богатстве и вещах, похищенных разбойниками у Коу Хуна. Он вскочил с места и воскликнул:

— У-кун! Ведь сверхштатный чиновник Коу Хун — человек исключительной добродетели. Как мог он навлечь на себя такую беду?

— Да это все из-за нас,— смеясь, ответил Сунь У-кун.— Разноцветные балдахины и узорчатые хоругви, оглушительный бой барабанов и музыка привлекли внимание всех жителей города. Вот потому эти голодранцы и отправились грабить Коу Хуна. Хорошо, что они встретились с нами. Мы можем отнять у них награбленное золото, серебро, одежды и украшения.

— Мы прожили у Коу Хуна целых полмесяца и принесли ему столько беспокойства,— сказал Танский монах.— Вовек не забуду его щедрые милости, которыми он осыпал нас. И вот поскольку мне нечем отблагодарить его, лучше всего доставить ему сейчас все похищенные у него богатства. Сами посудите, разве не зачтется это нам как благодеяние.

Сунь У-кун согласился с Танским монахом и тотчас же вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном отправился в горное ущелье. Там они забрали все похищенные богатства, часть упаковали, часть навьючили на коня, а золото и серебро велели Чжу Ба-цзе нести на коромысле. Ша-сэн понес поклажу. Сунь У-куну очень хотелось одним ударом своего посоха прикончить всех этих разбойников, но он побоялся навлечь гнев Танского наставника. Поэтому он лишь встряхнулся и вобрал в себя волоски. У разбойников сразу же освободились от пут руки и ноги. Они поползли в разные стороны, скрылись в густой траве, растущей по обем сторонам дороги, а затем бросились бежать без оглядки.

Танский монах повернул обратно и пошел пешком с намерением возратить Коу Хуну его богатства. На этот раз он уподобился ночному мотыльку, который летит на огонек, не зная, что его ждет гибель.

Вот как говорится об этом в стихах:

Чтоб за добро добром платили,
Бывает в жизни не всегда:
Обычно за добро и милость
Нас ждут обида и вражда.
И тот, кто тонущим на помощь
Бросается в пучину вод,
Скорее сам в воде погибнет,
Чем благодарность обретет.
Да, лучше трижды поразмысли,
Пока решенья не найдешь,—
Тогда тебя минует горе
И незаслуженная ложь.

И вот, когда Танский монах и его ученики, забрав все золото, серебро, наряды и украшения, пустились в обратный путь, они вдруг увидели толпу людей, вооруженных копьями и мечами.

— Братцы, взгляните, сколько людей с оружием приближается к нам! — воскликнул Танский монах в сильном испуге.— Что нам грозит?..

— Беда! Беда пришла! — вскричал Чжу Ба-цзе.— Разбойники, которых мы только что отпустили, наверное, пошли за

подмогой и вот теперь вооружились и вновь пришли сюда, чтобы сразиться с нами.

— Брат!— возразил Ша-сэн.— Это не разбойники. Погляди как следует,— попросил он Сунь У-куна.

Сунь У-кун, наклонившись к Ша-сэну, прошептал:

— Злосчастная звезда не покидает нашего учителя! Это стражники, посланные на поимку разбойников.

Не успел он договорить, как стражники рассыпались в разные стороны, намереваясь окружить учителя и его учеников.

— Вот так монахи! Хороши, нечего сказать! Мало того, что ограбили дочиста, так еще продолжаете шататься здесь! — кричали воины.

Первым схватили и скрутили веревками Танского монаха. Затем связали Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна. После этого продели ваги через веревки и понесли каждую вагу вдвоем. Погоня коня перед собой, стражники забрали так же коромысла с поклажей и направились в окружной город. Эти печальные события описаны в стихах:

Благочинного монаха
Охватили страх и дрожь,
Тщетно он в слезах пытался
Опровергнуть злую ложь.
Чжу Ба-цзе уныло хныкал
И невнятно бормотал —
На друзей своих сердился,
На судьбу свою роптал.
И Ша-сэн не меньше прочих
Был растерян, удручен,
Лишь пройдохе Сунь У-куну
Все казалось нипочем.
Он хихикал втихомолку:
Волшебство свое и прыть
Хитрецу хотелось, видно,
Поскорее проявить!

Пленники очень скоро были доставлены в город. Стражники направились прямо к правителю округа и доложили:

— Повелитель! Наши сыщики и стражники поймали разбойников и доставили сюда.

Правитель сразу же направился в зал суда, воссел на свое место, наградил за труды сыщиков и стражников, затем осмотрел награбленное имущество и призвал членов семьи Коу Хуна, чтобы возратить его им. После этого он велел ввести в зал Танского монаха и его учеников.

— Как же так? — спросил он.— Рассказываете всем, что вы монахи, идете из далеких восточных земель в райскую обитель Будды, чтобы поклониться ему, а на деле, оказывается, вы простые грабители!

— О владыка! Дозволь мне сказать! — взмолился Танский монах.— Я бедный монах, а не грабитель! И это сущая правда. Разве осмелюсь я лгать? У меня есть подорожное свидетельство, в

котором описано, кто я такой и куда направляюсь. Прожив в доме чиновника Коу Хуна полмесяца, я проникся к нему чувством глубокой признательности за гостеприимство, которое он оказал нам. По дороге мы встретили разбойников, ограбивших Коу Хуна, отняли у них награбленное и направились было обратно к Коу Хуну, чтобы вернуть ему похищенное и этим отблагодарить его за оказанную нам милость. Мы никак не предполагали, что твои стражники примут нас за разбойников и схватят нас, так как мы действительно не грабители. Умоляю тебя, владыка, вникнуть в это дело и разобрать его во всех подробностях!

— Негодяй! — воскликнул правитель округа.— Теперь, когда тебя схватили наши стражники, ты стал изворачиваться и говорить о воздаянии за милости. Почему же, встретив разбойников, ты не изловил их, не доставил сюда и не доложил обо всем властям? Как могли вы вчетвером справиться с ними? Вот, смотри, сын Коу Хуна по имени Коу Лян, подал жалобу, в которой прямо указывает на тебя, а ты еще смеешь отпираться?

От этих слов Танский наставник почувствовал себя так, словно плыл на горящем судне в открытом море. Душа у него едва не рассталась с телом.

— Сунь У-кун! — с отчаянием воскликнул он.— Что же ты не оправдываешься?

— Чего же оправдываться? Ведь есть вещественные улики,— сказал Сунь У-кун.

— Совершенно верно! — перебил его правитель округа.— Улики налицо, как же ты смеешь отпираться?

После этого он позвал своих подручных:

— Принесите обручи для сжимания головы, наденьте их на голову этому плешивому разбойнику, а уж потом будем бить его!

Сунь У-кун пришел в замешательство и подумал: «Видимо, моему наставнику положено перенести и это испытание, но как облегчить его страдания?» Увидев, что служители привязали к обручу веревки и скоро начнут пытку, он воскликнул.

— О владыка! Не надо пока стягивать обручем голову этому монаху! Вчера ночью при ограблении Коу Хуна с факелом в руках был я, с кинжалом в руке тоже был я, я же грабил имущество, и я же убийца! Это я — главарь и бить надо только меня одного, остальные все ни при чем.

Правитель округа выслушал его и дал новое распоряжение.

— Сперва наденьте обруч на этого! — велел он.

Служители сразу же приступили к делу: они надели обруч на голову Сунь У-куну и стали туго стягивать его веревками. Веревки с резким звуком лопнули. Тогда они опять привязали веревки к концам обруча и снова стали стягивать его, но веревки опять лопнули. Так происходило три или четыре раза. Между тем на лбу Сунь У-куна не осталось даже следа. Служители заменили веревки более толстыми и только было приготовились повторить пытку, как явился какой-то человек, который доложил:

— Повелитель! Из столицы прибыл младший опекун наследника престола Чэнь. Просим тебя выехать к нему для встречи!

Правитель округа тотчас поднялся и отдал приказ:

— Бросьте разбойников в темницу и глаз с них не спускайте. После встречи высокого гостя я продолжу дознание.

Служители повели Танского монаха и его учеников в тюрьму и втолкнули их в ворота.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн втащили туда же коромысло со своей поклажей.

— Братцы, что же это происходит? — недоуменно спросил Танский монах, обращаясь к своим ученикам.

— Входи, входи! — смеиваясь, ответил Сунь У-кун. — Здесь хорошо: собаки не лают, можно отдохнуть.

Несчастных узников схватили и стали втискивать одного за другим на тюремные нары. Им пришлось перекачываться друг через друга, стучаться головами, наваливаться грудью один на другого, а тут еще тюремщики подгоняли их и колотили куда попало.

Танский монах изнемог от страданий и все время взывал:

— У-кун! Что же делать? Как быть?!

— Они бьют потому, что хотят получить деньги, — ответил Сунь У-кун. — Есть ведь такая поговорка: «Где хорошо, там находишь покой, а где плохо — приходится выкладывать деньги!» Дай им хоть сколько-нибудь, вот и все!

— Откуда я возьму деньги? — отозвался Танский монах.

— Если нет денег, можно дать одежду или вещи, это все равно, — сказал Сунь У-кун. — Дай им свое монашеское облачение, и дело с концом.

Слова Сунь У-куна словно ножом полоснули по сердцу Танского монаха, однако, не в силах больше терпеть побои, он вынужден был согласиться.

— Пусть будет по-твоему, Сунь У-кун! — простонал он.

Тогда Сунь У-кун закричал тюремщикам:

— Уважаемые начальники! Не бейте нас! В наших узлах вы найдете монашескую рясу из золотой парчи ценою в тысячу слитков золота. Достаньте ее и возьмите себе!

Тюремщики сразу же приступили к делу: они развязали оба узла и увидели там всего лишь несколько холщовых одеяний и суму с дорожной. Вдруг они заметили сверток, от которого исходило сияние, подобное заре. Они поняли, что в нем должно быть что-то очень ценное, и, развернув его, увидели вот что:

Светлым жемчугом унизана,
Сшита-скроена на диво —
Вещь такая редко встретится
У простого богомольца:
По бокам цветные фениксы
Разлетаются красиво,
На груди драконы вышиты,
Словно свившиеся в кольца.

Отталкивая друг друга, тюремщики бросились к волшебному одеянию и подняли такой шум, что встревожили начальника тюрьмы. Он вышел к ним и прикрикнул:

— Чего расшумелись?

Тюремщики опустили на колени.

— Повелитель! Только что сюда доставили из суда четверых монахов, которые оказались дерзкими грабителями. Мы им всыпали немного, и они отдали нам оба своих узла, в которых оказалась эта драгоценность! Но мы никак не можем распорядиться с ней: разорвать ее на части и разделить между всеми — жаль, а если отдать кому-либо одному, — другие останутся в обиде. На наше счастье, ты прибыл сюда, и мы просим тебя рассудить, что нам делать.

Начальник тюрьмы взглянул и убедился в том, что это монашеское одеяние. Затем он тщательно осмотрел остальные одежды и прочитал дорожное свидетельство. После этого его охватило беспокойство! На дорожной было множество печатей и подписей правителей различных стран.

— Надо было раньше прочесть! — с досадой произнес он. — Вот какую кашу вы заварили! Эти монахи вовсе не разбойники. Не смейте брать у них эту рясю! Подождем до завтра, когда правитель округа продолжит дознание, тогда все в точности и выяснится.

Тюремщики повиновались и передали ему оба узла на хранение, завязав их так, как они были завязаны раньше.

Стало смеркаться. Послышался бой барабанов на сторожевых башнях, караульщики сменились и отправились в дозор. Наконец наступила третья четверть четвертой ночной стражи. Убедившись в том, что все его спутники перестали стонать и крепко заснули, Сунь У-кун начал размышлять! «Это злослучение — ночь, проведенная в тюрьме, — было предопределено наставнику. Вот почему я не вымолвил ни одного слова в его оправдание и не прибег ни к какому волшебству. Но сейчас, с окончанием четвертой ночной стражи, истекает срок злослучения. Надо будет все разузнать, чтобы с рассветом выйти из тюрьмы».

Подумав так, Сунь У-кун прибег к волшебству и стал быстро уменьшаться в размерах. Он легко выбрался с тесных тюремных нар, встряхнулся и превратился в проворную мушку. Пробравшись сквозь щель между карнизом и черепицей на крыше, он вылетел наружу. На небе мерцали звезды, сиял светлый месяц, кругом было тихо как бывает только ночью. Определив направление, Сунь У-кун полетел прямо к дому Коу Хуна. По пути он заметил, что в одном из домов в западном конце улицы ярко светится огонь. Сунь У-кун подлетел поближе и заглянул в дом. Оказывается, там готовили бобовый сыр. Старик хозяин разводил огонь, а старуха жала размоченные бобы.

— Жenuшка! — внезапно воскликнул старик. — Каким

большим сановником был Коу Хун! Все у него было: и сыновья и богатство, не хватало ему только долголетия... Помню, в детстве мы с ним учились вместе. Я был старше на пять лет. Отца его звали Коу Мин. Тогда у них было не больше тысячи му¹ пахотной земли, часть которой они сдавали в аренду, а деньги отдавали в рост. Но ему никак не удавалось взыскивать долги с должников. Старик Коу Мин умер, когда Коу Хуну исполнилось двадцать лет. Он стал распоряжаться всем имуществом, и вот тогда-то ему и повезло в жизни. Он взял себе в жены дочь Чжан Вана, которую в детстве прозвали «Искусной швеей». Вот уж она действительно оказалась дельной. С первого же дня, как вошла в дом, поля стали приносить обильный урожай, долги стали возвращаться, все, что шло в продажу, приносило прибыль, и от каждого дела он получал хороший заработок. Так он нажил стотысячное состояние. В сорок лет он обратил все свои помыслы на свершение добрых дел и дал обет приютить у себя и накормить десять тысяч монахов. Кто мог подумать, что вчерашней ночью его убьют злые разбойники?! Как жаль! Ему было всего шестьдесят четыре года, и он мог еще наслаждаться всеми благами жизни. Можно ли было ожидать, что он получит такое воздаяние и безвременно погибнет после свершения стольких добрых дел?! Как жаль! Очень жаль!

Сунь У-кун внимательно слушал старика. Тем временем уже наступила первая четверть пятой ночной стражи. Он встрепенулся и полетел дальше, в дом Коу Хуна. В главном зале уже стоял гроб, у изголовья горели светильники, курились ароматные свечи и были расставлены цветы и фрукты. Хозяйка находилась у гроба и все время причитала. Затем появились оба сына, которые тоже начали рыдать и отбивать земные поклоны. Жены их принесли в жертву две плошки отварного риса. Сунь У-кун уселся у изголовья гроба и громко кашлянул. Женщины перепугались и, размахивая руками, бросились вон из зала. Коу Лян и Коу Дун упали ничком на землю и, боясь пошевелиться, вопили: «О небо! Ой-ой-ой!» Храбрее всех оказалась хозяйка — она хлопнула рукой по гробу и спросила:

— Почтенный чиновник, ты жив?

Сунь У-кун, подделываясь под голос Коу Хуна, ответил:

— Нет, мертв!

Сыновья еще больше перепугались, стали отбивать земные поклоны и лить слезы:

— Ой-ой-ой! Отец наш! — продолжали вопить они.

Набравшись храбрости, хозяйка снова спросила:

— Как же ты разговариваешь, если мертв?

— Демон-гонимый правителя Подземного царства Янь-вана доставил по его приказанию сюда, домой, мою душу, чтобы

---

¹ М у — мера площади, около 6 ар.

поведать всем: «Хозяйка дома, урожденная Чжан Ван, по прозванию «Искусная швея», своим лживым языком и коварными устами обрекла на погибель невинных людей!» — торжественно произнес Сунь У-кун.

Хозяйка, услышав, что ее назвали детским прозвищем, в страхе повалилась на колени, начала класть земные поклоны и причитать:

— Добрый ты мой муженек! Дожил до такого почтенного возраста, а все еще не забыл моего детского прозвища! Каких же это невинных людей я обрекла на погибель своим лживым языком и коварными устами?

Тут Сунь У-кун не стерпел и прикрикнул на нее:

— Кто говорил, что Танский монах держал факел, Чжу Ба-цзе подстрекал к убийству, Ша-сэн вытаскивал золото и серебро, а Сунь У-кун убивал вашего отца? Из-за твоей лжи невинно страдают добрые люди. Они встретили по дороге настоящих разбойников, отняли у них все награбленное и хотели доставить сюда, чтобы отблагодарить меня. Вот какие добрые намерения были у этих хороших людей! А ты подговорила сыновей подать на них жалобу и послала их к окружному правителю. Тот, не вникнув в дело, заключил добрых монахов в темницу. Теперь духи Судилища и Преисподней, местные духи, а также духи — хранители города находятся в большом смятении. Они не могут успокоиться и отправились с докладом к правителю Подземного царства Янь-вану. Тот распорядился, чтобы демон-говец доставил мою душу домой, и велел ей заставить вас как можно скорее освободить монахов из темницы. Если же вы не согласитесь, то я по его приказу в течение месяца учиню здесь расправу и не пощажу никого: ни старых, ни малых, даже кур и собак перебью!

Коу Лян и Коу Дун стали еще усерднее отбивать земные поклоны и взмолились истощенным голосом:

— Отец! Умоляем тебя, возвращайся обратно! Не губи ты нас! Как только рассветет, мы отправимся в окружное управление и подадим прошение об отказе от жалобы. Мы охотно признаем себя виновными и готовы держать ответ перед судом, лишь бы уладить все, чтобы и живым и мертвым было хорошо.

Сунь У-кун выслушал их, а затем распорядился:

— Возжигайте жертвенную бумагу! Я уйду!

Все тотчас же принялись жечь жертвенные предметы, изготовленные из бумаги.

Взмахнув крылышками, Сунь У-кун полетел дальше и направился к дому правителя округа. Взглянув вниз, он увидел в одном из помещений огонек. Видимо, правитель уже поднялся с постели. Сунь У-кун влетел в главный зал и огляделся. На задней стене, посередине, висела картина с изображением какого-то важного начальника, который сидел верхом на пегом коне. Его

сопровождала свита из нескольких человек. Над головой чиновника слуги держали темно-синий зонт, а позади несли складное ложе. Сунь У-кун не знал, что за событие запечатлено на этой картине. Он уселся на картину, и в это время из внутреннего помещения вдруг вышел правитель. Он начал причесываться и умываться. Сунь У-кун громко кашлянул. Правитель испугался и тотчас же вбежал обратно во внутреннее помещение. Там он причёсался, умылся, надел на себя парадные одежды и стремительно выйдя обратно, возжег фимиам перед картиной и стал читать молитвы.

— Опочтенный дух моего старшего дядюшка Цзян Цянь-и,— воскликнул он.— Я, твой племянник, Цян Кунь-сань благодаря благословенному покровительству моих добродетельных предков выдержал испытание по первому разряду и ныне являюсь правителем округа Медная башня. Ежедневно по утрам и вечерам я возжигаю благодарственный фимиам и поминаю тебя добрым словом. Скажи, почему сегодня ты вдруг подал голос? Умоляю тебя, не причиняй нам зла и не пугай моих домашних.

Ухмыльнувшись про себя, Сунь У-кун подумал: «Значит, на картине нарисован его дядюшка», — и заговорил басом:

— Премудрый племянник мой Кунь-сань! Благодаря покровительству духов твоих добродетельных предков ты хоть и сделался чиновником и все это время отличаешься честностью и бескорыстием, однако вчера, каким-то образом не вникнув в суть дела, ты принял за разбойников четверых праведных монахов. Ты даже не узнал, откуда они явились, и бросил их в темницу! Духи Судилища и Преисподней, а также местные духи и духи — хранители города, разволновались и доложили об этом владыке Подземного царства Янь-вану. Он послал демона-гонца доставить сюда мою душу, чтобы я рассказал тебе об этом и велел бы тебе тщательно разобраться в деле и как можно скорее освободить монахов. Если ты ослушаешься, то мне велено препроводить тебя в Судилище Подземного царства и дать там ответ.

Услышав эти слова, правитель округа затрепетал.

— О великий дядя! — взмолился он.— Прошу тебя, возвращайся обратно! Я сейчас же пойду в управление и освобожу этих монахов!

— Ну, раз так, то жги скорей жертвенную бумагу,— пробасил Сунь У-кун,— и я отправлюсь к Янь-вану с ответом.

Правитель округа добавил еще фимиама, возжег жертвенные предметы из бумаги и совершил благодарственные поклоны.

Сунь У-кун тем временем вылетел из помещения и стал осматриваться: небо на востоке посветлело. Он направился в уездное управление. Все чиновники уже собрались в судебном зале. Сунь У-кун подумал: «Как бы они не обнаружили, что с ними будет говорить мушка. Ведь тогда моя тайна раскроется!»

Сунь У-кун решил прибегнуть к способу увеличения своего

тела и, находясь еще в воздухе, опустил вниз на землю одну только ногу, которая заняла почти весь двор перед судебным залом.

— Слушайте меня, вы, уездные чиновники! — крикнул он громовым голосом. — Я — Блуждающий дух. Меня послал сюда Нефритовый император, чтобы сказать вам следующее: у вас в окружной тюрьме подвергли избиению праведных сынов Будды, направляющихся за священными книгами. Духи всех трех небесных сфер встревожены этим беззаконием. Мне велено передать вам, чтобы вы срочно освободили этих монахов. Если выслушаетесь, то я должен буду ступить второй ногой и прежде всего раздавить всех вас, окружных и уездных чиновников, а затем и всех жителей этого округа, а город сравнять с землей!

Чиновники и служащие от страха попадали на колени, начали отбивать земные поклоны и взывать:

— О верховный мудрец! Просим тебя вернуться обратно. Мы сейчас же отправимся в окружное управление, доложим об этом нашему главному правителю и заставим его выпустить узников на свободу. Не шевели только своей ногой, иначе мы умрем от страха.

Тогда Сунь У-кун убрал свою ногу и вновь превратился в мушку. Он проворно вернулся в тюремное помещение через ту же щель, пробрался на нары и уснул.

Вернемся к правителю округа, который поспешил в зал суда. Едва только он выдал таблички для раздачи просителям, как братья Коу Лян и Коу Дун опустили на колени у самого входа и, держа в руках таблички, принялись кричать.

Правитель велел им войти в зал, и они вручили ему свое прошение. Прочтя его, правитель сильно разгневался:

— Вчера только вы подали жалобу об ограблении, мы изловили указанных в ней грабителей, и вы получили похищенное имущество. Почему же сегодня вы подаете прошение об отказе от своей жалобы?

Проливая слезы, оба просителя начали объяснять:

— Почтенный господин наш! Вчера ночью к нам явилась душа нашего покойного отца и вот что сообщила нам: «Праведные монахи, посланцы Танского императора, изловили разбойников, отняли у них награбленное, а их отпустили. У монахов было доброе намерение вернуть нам имущество в благодарность за оказанную им милость. А их приняли за разбойников, бросили в темницу, и теперь они там мучаются! Духи Судилица, местные духи и духи — хранители города разволновались и доложили о случившемся правителю Подземного царства Янь-вану. Он послал гонца-демона, чтобы тот доставил мою душу домой, а вы должны вновь отправиться в окружное управление и подать прошение об освобождении праведных монахов. Тогда, быть может,

вас минует беда и вам простят тяжкую вину. Иначе все вы, и старые и малые, погибнете». Вот почему мы явились сюда и отказываемся от своей жалобы. Умоляем тебя, отец наш, яви свою милость и выполни нашу просьбу.

Слушая их, правитель думал: «Отца их убили совсем недавно, тело его еще не остыло, поэтому душа его могла явиться и откликнуться на зов, но дядя мой умер лет пять или шесть тому назад, как же его душа смогла в эту же ночь явиться ко мне и приказать освободить узников? Судя по всему, я допустил несправедливость».

Пока он размышлял, в управление прибыли чиновники из уезда Дивная земля. Они поспешно вбежали в зал суда с возгласами:

— Владыка! Плохо дело! Плохо! Нефритовый император только что ниспослал к нам Блуждающего духа, который велел, чтобы ты поскорей освободил из темницы добрых людей. Монахи, которых вчера схватили, оказывается, вовсе не грабители. Они — последователи Будды, направляющиеся за священными книгами. Дух грозитя, что, если мы еще хоть немного помедлим, он всех нас, чиновников, раздавит, уничтожит всех жителей, а город сравниет с землей.

Правитель округа так перепугался, что в лице изменился. Он тотчас же велел судебному письмоводителю срочно написать табличку о вызове в суд заключенных. Сразу же открыли ворота тюрьмы и вывели узников.

Чжу Ба-цзе закрутил.

— Как же нас сегодня будут пытаться? — проговорил он.

Сунь У-кун улыбнулся.

— Уверю тебя, что даже пальцем не тронут, — сказал он. — Я уже все уладил. Когда войдем в судебный зал, на колени не вставай. Правитель сам сойдет со своего места и предложит нам занять почетные места. А ты слушай, как я потребую у него нашу поклажу и коня. Если хоть что-нибудь пропало, увидишь, как я изобью его!

Не успел он договорить, как они уже прибыли в зал суда. Завидев монахов, правитель округа и начальник уезда, вместе со всеми чиновниками старших и младших рангов, пошли им навстречу.

— Праведные монахи! — молвил правитель округа. — Вчера, когда вы явились, я был занят встречей начальника, прибывшего из столицы, кроме того, я рассматривал похищенное богатство и не успел расспросить вас обо всем.

Танский монах, сложив руки ладонями вместе, почтительно склонился и начал подробно рассказывать, как все было. Толпа чиновников то и дело прерывала его возгласами: «Ошиблись, ошиблись! Не пеняй на нас, не пеняй!»

Затем правитель округа спросил, не пропало ли у них что-нибудь за время пребывания в тюрьме.

Сунь У-кун подошел ближе и, сверкая глазами от гнева, грозно произнес:

— Нашего белого коня забрал себе твой судебный служитель, а нашу поклажу присвоили тюремщики. Живо верните все это нам! Сегодня пришел наш черед пытать вас,—злорадно добавил он.— Вот вы какие, понапрасну хватаете мирных людей вместо разбойников. Какое вам за это плагается наказание?

Глядя на грозный вид Сунь У-куна, все окружные и уездные чиновники не на шутку перепугались. Они тотчас же велели привести коня и принести поклажу и передали все Сунь У-куну в полной сохранности.

Вы бы видели, как трое учеников Танского монаха своим свирепым видом старались превзойти друг друга! Чиновники оправдывались, обвиняя во всем родных Коу Хуна.

Танский монах стал уговаривать своих учеников:

— Братцы! Так нам ничего не удастся выяснить! Давайте отправимся в дом Коу Хуна. Во-первых, мы там выразим соболезнование по случаю смерти хозяина, а во-вторых, устроим очную ставку и тогда будем знать, кто нас ложно обвинил.

— Совершенно верно! — согласился Сунь У-кун.— Я вызову мертвеца, и мы от него самого узнаем, кто убил его!

Ша-сэн тут же, у зала суда, помог своему наставнику взобраться на коня, и все с криками и шумом вышли из управления. Многие чиновники тоже прибыли в дом Коу Хуна.

Братья Коу Лян и Коу Дун, дрожа от страха, встретили прибывших у ворот земными поклонами и сразу же провели их в главный зал.

Все домашние собрались у гроба, установленного во внутреннем дворе, и голосили.

— Эй ты, хозяйка, лгунья, оговаривающая мирных людей, перестань вопить! — крикнул Сунь У-кун.— Вот я сейчас вызову твоего почтенного хозяина, и он сам скажет, кто убил его! Пусть пристыдит тебя при всех!

Чиновники думали, что Сунь У-кун шутит, но он обратился ко всем с такими словами:

— Уважаемые! Побудьте немного с моим наставником здесь! А вы, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, хорошенько оберегайте его. Я мигом слетаю туда и обратно.

Ну и Великий Мудрец! Он выскочил за ворота и сразу же поднялся в воздух. Радужное сияние распространилось на землю и окутало весь дом Коу Хуна, а на небе благовещие пары стали оберегать душу умершего.

Теперь только все чиновники поняли, что имели дело с бессмертным небожителем, летающим на облаках и туманах, с мудрецом, который умеет воскрешать мертвых.

Все они начали возжигать благовонные свечи и совершать поклоны, но об этом рассказывать мы не будем.

Великий Мудрец Сунь У-кун вскочил на облачко и направился прямо в подземное царство теней, где ворвался в зал нелицеприятного судьи Подземного царства Сэнло.

Он так напугал всех, кто там был, что:

Десять правителей
Мрачного царства Подземного
Разом покинули тьму
И, удивленные,
Руки сложив для приветствия,
Вышли навстречу ему.

Демоны-судьи,
Пять стран неусыпно хранящие,
Злу воздающие злом,
Мигом слетелись
И, гостя завидев могучего,
Бить ему стали челом.

С шумом и лязгом
Склонились пред ним в обе стороны
Сотни деревьев-мечей *,
Путь открывая
В глубины Судилища грозного,
В мрак непроглядных ночей.

Дикий хребет
В остриях и уступах бесчисленных
Свой разомкнул полукруг,
Склоны его,
Что клинками кривыми утыканы,
Гладкими сделались вдруг.

В сумрачный город,
Где стонут безвинно умершие,
Свет благодатный проник:
Тысячи душ,
Безнадежно искавших пристанища,
Духами стали в тот миг.

А под мостом,
Что высоко повис над свирепую,
Бурной рекою «Как быть?»*,
Тысячи грешников,
Волнами мучимых издавна,
К берегу сумели доплыть.

Правду сказать,
Если луч от сиянья священного
Здесь хоть однажды блеснет,
Кажется сразу,
Что душам за все прегрешения
Небо прощение шлет.

К тысячам тысяч
Измученных вечными пытками
Сразу спасенье пришло,
В мрачных застенках

Под сводом Судилища страшного
Стало внезапно светло.

Десять судей Подземного царства радушно встретили Великого Мудреца Сунь У-куна и стали расспрашивать его, зачем он пожаловал и по какому делу.

Сунь У-кун сразу же спросил:

— Не скажете ли, кто из вас принял душу Коу Хуна из уезда Дивная земля в округе Медная башня, который дал обет приютить и накормить десять тысяч монахов? Узнайте поскорей и выдайте его душу.

— Коу Хун был добрым мужем, — отвечали судьи, — ни один демон-говец не был послан за его душой. Она сама прибыла сюда, встретила с отроком в золотых одеждах, который состоит при правителе Подземного царства, и отрок повел ее к своему повелителю.

Сунь У-кун тотчас простился с судьями Преисподней и направился во дворец Изумрудных облаков, к правителю Подземного царства, который в то же время являлся бодисатвой. После взаимных приветственных поклонов Сунь У-кун рассказал обо всем, что произошло. Бодисатва обрадовался и сказал:

— Срок жизни Коу Хуна был заранее предопределен, и когда он кончился, Коу Хун, не страдая от тяжких недугов, сразу же покинул бренный мир. Так как он облагодетельствовал многих монахов, а также отличался исключительной добротой, я принял его душу и назначил столоначальником, ведающим списками, в которые заносятся все добрые дела. Поскольку ты сам явился за его душой, Великий Мудрец, я продлю ему жизнь еще на двенадцать лет и сейчас же велю его душе последовать за тобой.

Отрок в золотых одеждах тут же привел душу Коу Хуна, которая при виде Сунь У-куна громко воскликнула:

— Почтенный наставник! Почтенный наставник! Спаси меня!

— Тебя убили жестокие разбойники, — отвечал Сунь У-кун. — Сейчас ты находишься у правителя Подземного царства, который в то же время является бодисатвой. Я пришел к нему за тобой, ты вернешься сейчас на белый свет и подтвердишь, что все это верно. Твой повелитель отпустил тебя и продлил тебе жизнь еще на двенадцать лет, после чего ты снова вернешься сюда!

Тут душа чиновника стала земно кланяться, выражая глубокую благодарность.

Затем Сунь У-кун поблагодарил бодисатву и распростился с ним, а душу Коу Хуна превратил в пар, запрягал себе в рукав, вместе с ней вышел из Подземного царства и вернулся на белый свет. Вскочив на облачко, Сунь У-кун быстро примчался к дому Коу Хуна. Там он велел Чжу Ба-цзе приподнять крышку гроба и толкнул душу в тело Коу Хуна. Тот мгновенно начал дышать и вскоре ожил. Затем он вылез из гроба и поклонился до земли Танскому монаху, а также его ученикам.

— О наставник! Наставник! — проговорил он. — Я безвременно скончался и только благодаря твоей величайшей милости, благодаря тому, что ты сошел в Подземное царство и вызволил меня из Судилища, я вновь возродился к жизни.

Казалось, что изъявлениям благодарности не будет конца. Когда же он обернулся и увидел чиновников, выстроившихся в ряд, то вновь начал отбивать земные поклоны и с удивлением спросил их:

— Уважаемые начальники, как же это вы оказались в моей недостойной лачуге?

— Все дело началось с того, что твои сыновья подали жалобу на этих праведных монахов, обвинив их в ограблении, — отвечал правитель округа. — Я тотчас же послал людей на поимку. Мне и в голову не приходило, что праведные монахи по дороге встретились с разбойниками, которые произвели ограбление и убийство в твоём доме. Монахи отняли у них все награбленное и отправились обратно, чтобы вернуть тебе твои богатства; это я по неведению послал людей схватить их, не произвел подробного дознания и сразу же бросил в темницу. И вот сегодня ночью твоя душа явилась к твоим сыновьям, а ко мне явилась душа моего покойного дяди и рассказала обо всем, что произошло. Кроме того, в уездном управлении видели сошедшего на землю Блуждающего духа. Вот сколько важных событий произошло одновременно. Потому я и освободил праведных монахов, а один из них отправился куда-то и вернул тебе жизнь.

Продолжая стоять на коленях, сверхштатный чиновник Коу Хун стал рассказывать, как было дело:

— Почтенный отец, — начал он, — ведь и на самом деле с этими четырьмя праведными монахами поступили несправедливо! В ту ночь ко мне в дом ворвались человек тридцать, а то и больше отъявленных разбойников. Они зажгли факелы, вооружились палками и начали грабить мое имущество. Мне стало жалко терять свое добро, и я начал усовещивать их. Неожиданно один из них так пнул меня ногой, что я сразу же умер. А эти праведные монахи ни в чем не повинны! — Затем он подозвал жену и накинулся на нее: — Ну, скажи, кто меня пнул ногой и убил насмерть? Как смели вы подать лживую жалобу? Я попрошу правителя округа наказать вас!

Тут все домашние, старые и малые, повалились в ноги Коу Хуну и принялись отбивать земные поклоны.

Правитель округа проявил полное великодушие и простил им вину. После этого Коу Хун приказал устроить пир, чтобы отблагодарить окружное и уездное начальство за щедрые милости. Однако чиновники посидели недолго и вернулись в свои учреждения.

На следующий день хозяин дома вновь вывесил вывеску «Добро пожаловать монахи» и стал уговаривать Танского наставника остаться у него пожить, но тот наотрез отказался. Тогда

Коу Хун созвал всех своих родных и друзей; опять, как в прошлый раз, были вынесены флаги и хоругви, и начались пышные проводы.

Вот уж поистине:

В раселинах земли угрюмой,
Где многое скрывает мгла,
Таятся мрачные злодейства,
Творятся темные дела.
Но над землей, в безбрежном небе,
Поныне истина тверда,
И душу добрую напрасно
Там не обидят никогда.
Нелегко путь, но добровольно
Взяв на себя тяжелый труд,
К благому Будде Татагате
Упорно путники идут.
Идут к Линшань — горе чудесной,
Где мудрость, мир и чистота,
Где к беспредельному блаженству
Открыты вечные врата.

О том, как наши путники встретились наконец с Буддой, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАЯ,

в которой будет рассказано о том, как, обуздав мысль, быструю словно конь, и желания, суетливые словно обезьяна, монах избавился наконец от своей оболочки и как, совершив подвиг, он улицезрел живого Будду Тагагату

Как только Коу Хун ожил, нашим монахам снова устроили пышные проводы со знаменами и хоругвями, с барабанщиками и музыкантами; монахи-буддисты и монахи-даосы, а также родные и друзья Коу Хуна заняли свои места, и шествие тронулось, но мы об этом рассказывать не будем.

Вернемся к Танскому монаху и его ученикам, которые вышли на большую дорогу. Они на каждом шагу убеждались в том, что обитель Будды на Западе действительно отличается от всех прочих мест, в которых они побывали. Здесь росли диковинные цветы, чудесные травы, старые кипарисы и сосны. Жители все были обращены к добру, и в каждом доме монахам давали приют и пищу. В горах путники встречали людей, занимающихся самоусовершенствованием; в лесах они слышали, как странники читают нараспев священные сутры.

Наставник и его ученики с наступлением темноты останавливались на ночлег, а с рассветом продолжали свой путь. Так прошло еще дней шесть или семь и вдруг перед ними выросли ряды высоких построек и многоярусных теремов. Вот послушайте, как они описаны в стихах:

Громады башен в небеса
Вздываются на сотни чи,
И на узорных кровлях их
Дробятся ясные лучи.
Они вздымаются туда,
Где Хань — Небесная река
Сквозь ледяную пустоту
Течет несчетные века.

С остроконечных их вершин
Увидеть можно, как вдали
Светило, разметав лучи,
Спускается за край земли.
А если с кровли золотой
Поднимешь руку в высоту —
Звезду, летящую с небес,
Шутя, поймашь на лету!

Вон многоярусных дворцов
Встает величественный ряд,
И словно небо проглотить
Их окна светлые хотят,
А гребень разноцветных крыш
Высоко в поднебесье взмыл,
И задевают облака
За острые концы стропил.

Сто желтых аистов сюда
Приносят вести каждый год,
Когда стареет зелень рощ,
И в мире осень настает,
И птицы пестрые луань
Посланья доставляют в срок,
Едва вечернюю листву
Прохладный тронет ветерок.

Да, наконец-то вот они,
Те драгоценные дворцы,
О чьей нетленной красоте
Рассказывают мудрецы,
Те расписные терема
Для праведников и богов,
Подворья из чудесных яшм,
Дворцы из чистых жемчугов!

Здесь, в храмах Истины живой
Святые сходятся толпой,
Про вечный, неизменный Путь
Ведут беседы меж собой,
Отсюда благодатный свет
Во всю вселенную проник,
Распространяя по земле
Сокровища священных книг.

Здесь круглый год свежи цветы,
Как в солнечные дни весны,
Здесь ветви сосен круглый год,
Как после ливня, зелены.
И в изобилие круглый год.
Полна густая сень садов
И фиолетовых грибов,
И удивительных плодов.

Прекрасен этот дивный град —
Дворцов и башен стройный ряд,
И стаи фениксов над ним
В бездонных небесах парят:

Их крылья красные горят,
Купаясь в синем хрустале,
И шлюют спасительную весть
Всему живому на земле.

Танский наставник поднял свою плетъ и, указывая вдаль, воскликнул:

— У-кун! Смотри, до чего там красиво!

— Наставник! — с укоризной промолвил Сунь У-кун. — Когда всякие оборотни обманывали тебя, воздвигая ложные владения Будды, когда они сами принимали облик Будды, ты воздавал им почести и кланялся до земли, а теперь, когда мы прибыли в настоящую обитель Будды, ты даже не слезаешь с коня!

Услышав эти слова, Танский наставник так сконфузился, что чуть было кубарем не скатился на землю. Приблизившись к воротам многоярусного терема, путники увидели служку, который стоял, прислонившись к воротам.

— Уж не вы ли люди из восточных земель, которые явились сюда за священными книгами?! — воскликнул он.

Танский наставник поспешно оправил одежды, и стал внимательно разглядывать служку:

В богатые парчовые одежды
Тот величавый служка облачен,
И мухобойкой с яшмовою ручкой
Перед собой размахивает он.
И судя по одежде, по осанке,
Он служит здесь уже не первый год:
Следит за установленным порядком
И путников встречает у ворот.
С утра своей чудесной мухобойкой
Он пыль сметает с красного крыльца,
Чтоб чистоюю вечною сверкали
Ступени заповедного дворца,
А вечером к святым чертогам всходит,
Что высятся на крутизне горы,
И у прудов, на берегах из яшмы,
Бессмертных видит пышные пиры.
Нетленный свиток — список душ великих
Висит на рукаве его всегда,
И ноги, в кожу мягкую обуты,
Не оставляют на песке следа.
Движенья, как у истого даоса,
Его легки. В одежде золотой
Он поражает каждого невольно
Изяществом своим и красотой.
Святым усердьем он достиг бессмертья
И, от мирской избавясь суеты,
Отныне вечной жизни удостоен
В стране невозмутимой чистоты.
Узнал не сразу наш монах премудрый
Горы Линшань чудесного слугу,
А это был бессмертный Златоглавый,
Живущий здесь — на вечном берегу.

Великий Мудрец Сунь У-кун узнал служку и поспешил сказать о нем своему наставнику:

— Учитель! Это же великий бессмертный, Златоглавый из даосского монастыря Юйчжэнь, расположенного у подножия чудесной горы Линшань. Он явился сюда встретить нас!

Тут только Танский наставник прозрел. Он подошел ближе и совершил приветственный поклон.

— Наконец-то ты прибыл! — рассмеявшись, молвил Златоглавый.— Меня, видимо, обманула Гуаньинь. Лет десять назад Будда повелел ей направиться в восточные земли и найти там человека, который отважился бы пойти за священными книгами. Она сказала мне тогда, что этот человек года через два или три придет сюда. С тех пор я из года в год все жду его, но о нем не было ни слуху, ни духу. И вот лишь теперь мы встретились наконец.

— Большое тебе спасибо на добром слове,— воскликнул Танский монах, молитвенно сложив руки.— Я очень благодарен тебе, очень! — повторил он.

Вслед за тем все четверо путников с конем и с поклажей вошли в монастырь. Там они представились бессмертному, каждый в отдельности. Тотчас же было велено подать чай и приготовить трапезу. Кроме того, маленьким послушникам приказали нагреть благовонную воду для омовения, чтобы путники ступали по земле Будды, смыв с себя всю грязь и пыль.

Вот как об этом рассказывается в стихах:

Есть ли в жизни святей
И блаженнее отдохновенье,
Если подвиг окончен
И можно свершить омовенье!
Над своею природой
Отныне ты стал господином
И с небесною истиной
Слился в дыханье едином.
Ныне кончились годы
Бесчисленных тягот и бедствий,
Новой жизни начало
Теперь, просветленный, приветствуй,
Ибо выполнил ты
Девять заповедей сокровенных
И спасенной душой
Трех прибежищ достиг неизменных.
Кончен горестный путь,
Отступили коварные марты —
Здесь, в обители Будды,
Бессильны их злобные чары.
Все невзгоды и беды
Исчезли, как волны туманов,
Можешь смело взглянуть
На подвижников — мудрых шраманов.
Пыль и грязь ты омыл
У порога предвечной святости,
И к одеждам скитальца
Они не пристанут отныне.

Возвратилась душа
И слилась с изначальной стихией,
И мирские волненья
Не в силах вреда нанести ей!

Пока учитель и ученики умывались, незаметно наступили сумерки. Путники остались отдыхать в монастыре.

На следующее утро Танский наставник переоделся, облачился в парчовую рясу, надел на голову монашескую шляпу, взял в руки посох, вошел в зал и стал прощаться с великим бессмертным Златоглавым.

— Вчера ты был в рубище, а сегодня на тебе роскошное одеяние,— засмеялся Златоглавый.— В таком виде ты, право, настоящий сын Будды.

Танский наставник поклонился и уже собрался идти, но Златоглавый остановил его.

— Постой! — сказал он. — Я провожу тебя.

— Я хорошо знаю дорогу,— вмешался Сунь У-кун.— Тебе незачем провожать.

— Ты знаешь дорогу в облаках,— возразил Златоглавый,— а твой праведный наставник еще не знает этой дороги. Ему придется пока идти по земле.

— Да, пожалуй, ты прав,— согласился Сунь У-кун.— Я хоть и бывал здесь несколько раз, но всегда прилетал и улетал на своем облачке. По земле мне ни разу не приходилось ходить в этих местах. Так что придется побеспокоить тебя и попросить проводить нас. Моему наставнику не терпится скорей поклониться Будде, и он будет счастлив, если ты сделаешь это без промедления.

Златоглавый, продолжая улыбаться, взял Танского монаха за руку и повел его к воротам, ведущим в обитель Будды, которые были сделаны из сандалового дерева. Чтобы попасть туда, надо было пройти средний зал монастыря и выйти через заднюю дверь. Указав на чудесную гору Линшань, Златоглавый сказал:

— Взгляни, какое благовещее сияние всех цветов радуги и благознаменательные пары несколькими слоями покрывают небосклон! Там находится самая высокая вершина, которая называется Дивный кондор. Это и есть священная обитель нашего Будды.

Танский наставник взглянул и тотчас же начал кланяться. Сунь У-кун засмеялся.

— Наставник! Мы еще не прибыли к месту, где полагается совершать поклонение. Знаешь поговорку: «Хоть гора и видна, но, пока доедешь до нее, конь от усталости свалится». Отсюда еще очень далеко до священного места. Если будешь все время кланяться, сколько же придется тебе положить земных поклонов, пока доберемся до вершины?

Тут Златоглавый остановился и сказал:

— Ну, праведный монах, теперь ты и твои ученики: Великий Мудрец, полководец звезды Тяньлэн и смотритель Дворцового

занавеса, находитесь на благодатной земле. Перед вами чудесная гора Линшань. А я возвращаюсь обратно.

Танский монах поклонился на прощанье и вместе с учениками отправился дальше.

Великий Мудрец Сунь У-кун, как всегда, шел впереди, показывая дорогу. Путники медленно поднимались в гору. Не прошли они и нескольких ли, как увидели перед собой бурный поток, который стремительно нес свои воды. Ширина его была не менее восьми, а то и девяти ли. Вокруг не было ни души. У Танского монаха сердце сжалось от страха.

— У-кун! — произнес он дрожащим голосом. — Должно быть, мы сбились с пути. Неужели великий бессмертный неправильно указал нам дорогу! Как же мы переправимся через эту реку? Гляди, какая она широкая и бурная, да и лодок нигде не видно!

— Нет, мы не сбились с пути, — смеясь, ответил Сунь У-кун. — Взгляни туда! Видишь большой мост через реку? Надо перейти его, тогда только мы приблизимся к состоянию высшего блаженства!

Они двинулись дальше и, подойдя к мосту, увидели возле него дощечку с надписью из трех иероглифов: «Переправа Заоблачной высоты».

Мост состоял лишь из одного бревна, переброшенного с берега на берег.

Высоко в воздухе повисший,
Качаясь и дрожа слегка,
На перекладину из яшмы
Походит он издалека.
А подойдешь к нему поближе,
Увидишь: это ствол сухой
Дрожит над пенною, бурливой,
Необозримую рекой.
Увы, пройти по этой жерди
Надежду навсегда оставь:
Пожалуй, легче через море
В ненастье перебраться вплавь.
Вон точно радуга цветная
Легла на десять тысяч чжан —
То тень от узенького моста
Сквозь легкий зыблется туман.
Под ним сверкающая лента
На много тысяч сунь¹ видна,
И чудится: до края света,
Как луч, протянута она.
Да, через этот мост всякий
Пройти не каждому дано:
Качаясь над кипящей бездной,
Лоснится скользкое бревно.
И лишь бессмертные, что могут
Ходить по легким облакам,
Пройдут по этой узкой кромке
К заветным, дальним берегам.

¹ Сунь — мера длины, приблизительно 8 чи.

— У-кун! По этому мосту нам не пройти! — пролетел Танский монах, дрожа от страха.— Давайте поищем другую дорогу.

— Да это и есть самая настоящая дорога! — продолжал посмеиваться Сунь У-кун.— Самая настоящая дорога,— серьезным тоном повторил он.

— Кто же осмелится идти по такой дороге? — опешил Чжу Ба-цзе.— Такая широченная река, да еще с такими бурными волнами, и через нее такой узенький мост. Всего одно бревно, к тому же тонкое и скользкое. Тут и шагу не ступишь.

— Постойте здесь! — воскликнул Сунь У-кун.— Поглядите, как я сейчас пройду!

Молодчина Сунь У-кун! Он быстро подошел к мосту, вскочил на него, балансируя, мгновенно пробежал на другой берег и оттуда стал махать руками и звать спутников.

— Переходите! Переходите! — кричал он.

Танский наставник в ответ лишь отмахнулся. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн кусали пальцы, твердя: «Тяжеленько!»

Тогда Сунь У-кун перебежал обратно и стал тащить Чжу Ба-цзе:

— Дурень! Идем со мной! Идем!

Чжу Ба-цзе, упираясь, лег на землю.

— Скользко! Скользко! Скользко! — кричал он.— Мне ни за что не пройти. Ты уж уволь меня! Дозволь мне перелететь по воздуху на облачке!

— Ты что же это, — рассердился Сунь У-кун, прижав Чжу Ба-цзе к земле, — не знаешь, где находишься? Неужели ты думаешь, что здесь тебе позволят летать на облаках? Надо пройти по этому мосту, тогда только ты станешь Буддой!

— Брат! Лучше уж мне не быть Буддой. Честно говорю тебе, что мне не пройти через мост!

Они едва не подрались: один тащил, другой упирался, но тут вмешался Ша-сэн и стал уговаривать их. В этот момент Танский монах оглянулся и заметил лодку, которую какой-то человек подгонял к берегу багром.

— На переправу! На переправу! — закричал лодочник.

Танский монах очень обрадовался.

— Братцы! Перестаньте ссориться! — воскликнул он.— Сюда плывет лодка!

Все трое подбежали к берегу и стали смотреть во все глаза. Когда лодка приблизилась, оказалось, что у нее нет днища! Зоркий и проницательный Сунь У-кун своими огненными глазами и золотистыми зрачками еще издали распознал в лодочнике Будду, встречающего праведников, которого называют еще Прославленный Будда, озаренный блеском драгоценных хоругвий. Однако Сунь У-кун решил не говорить об этом и крикнул:

— Подгоняй сюда! Давай ближе!

Вскоре лодка пристала к берегу, и лодочник вновь прокричал:

— А ну, на переправу! На переправу!

Танский монах посмотрел в лодку, и ужас снова обуял его.

— Как же ты берешься перевозить людей на разбитой лодке без днища? — спросил он лодочника.

Лодочник ничуть не смутился.

— Моя лодка,— сказал он и продолжал стихами:

— Была уже тогда известна,
Когда по воле высших сил
Кончался первозданный хаос
И мир в порядок приходил.
И счастлив я, что эта лодка
Досталась во владенье мне,
С тех пор на ней бесменно езжу
По этой бурной быстрине.
Пусть волны пенные вскипают,
Пусть вихрь бушует над рекой—
Ничто поколебать не в силах
Ее устойчивый покой.
Всегда прочна, всегда хранима
Великой благостью небес,
Она плывет легко и плавно
Любим волнам наперерез.
Всех, кто шести порочным сквернам*
Не отдал жизнь свою сполна,
К единому Первоначалу
Готова возвратить она,
И души праведников чистых
От самых стародавних дней
Уж много тысяч калп спокойно
Переправляются на ней.
Конечно, смертному простому
Решиться трудно, может быть,
На лодке с выломанным днищем
Пучину эту переплыть,
И все ж бесчисленные души
К спасительному рубежу
На этой лодке несравненной
Я с древних лет перевожу.

Великий Мудрец Сунь У-кун сложил руки ладонями вместе и поклонился лодочнику:

— Благодарю тебя за доброе намерение перевезти моего наставника,— сказал он и обратился к Танскому монаху: — Ну, садись в лодку, наставник! В ней хоть и нет днища, зато она устойчива; даже в самую сильную бурю ее не опрокинет.

Но наставник все еще колебался. Тогда Сунь У-кун схватил его за плечо и втолкнул в лодку. Сюань-цзан не удержался на ногах и кубарем полетел в воду. Лодочник словно предвидел это: он подхватил Танского монаха и поставил его на ноги. Танский монах отряхнул свои одежды, потопал ногами, чтобы выжать воду из башмаков, и начал бранить Сунь У-куна, но тот не слушал его. Он втащил в лодку Ша-сэна и Чжу Ба-цзе, ввел коня, внес

поклажу, а затем и сам полез в лодку. Все они встали на корме. Будда легко оттолкнул лодку от берега, и все увидели, что выше их по течению плывет труп. Танский наставник перепугался.

— Не бойся! — смеясь, сказал Сунь У-кун. — Это ведь твое брненное тело.

— Да, это твое тело, твое! — подтвердил Чжу Ба-цзе.

Ша-сэн, всплеснув руками, воскликнул:

— Это ты! Это ты!

Лодочник, ударив багром по воде, сказал то же самое:

— Это ты! Поздравляю тебя! Поздравляю! — добавил он.

Ученики Танского наставника тоже стали приносить ему свои поздравления.

Между тем лодка, гонимая багром, спокойно переплыла бурный поток у переправы Заоблачной высоты. Танский монах повернулся и с необыкновенной легкостью спрыгнул на берег. Обо всем этом рассказывается в стихах:

Так от брненных телес —
От костей и от мяса — избавлен
Был почтенный монах,
Через грозный поток переправлен,
И душа непорочная
Там, у святого причала,
С той минуты повсюду
Родной и желанною стала.
Так достойно закончился
Подвиг его добровольный:
Новым Буддою стал
В это утро монах богомольный,
И, на дивном челне
Переплыв через бурные воды,
Все мирские грехи
Здесь омыл он за многие годы.

В том, о чем мы здесь рассказали, по правде говоря, заключается величайшая мудрость и указан способ, как переправиться на тот берег, где царит беспредельное блаженство.

Взобравшись на берег, четверо путников оглянулись: лодка без днища бесследно исчезла. Только тогда Сунь У-кун сказал, что лодочником был сам Будда, встречающий праведников, и Танский монах понял наконец, что произошло. Он стремительно обернулся и поблагодарил своих учеников.

— Зачем благодарить? — сказал Сунь У-кун. — Мы ведь все время помогаем друг другу. Мы трое благодаря тебе, наш учитель, занялись усовершенствованием и получили настоящее перерождение. Ты же, пользуясь нашей защитой, неуклонно исповедовал ученье Будды, и теперь, к нашей радости, избавился от брненного тела. Взгляни, какие здесь растут цветы, травы, сосны и бамбуки! Посмотри на эту дивную страну, в которой летают чудесные птицы луань, фениксы и аисты, пасутся прекрасные олени. Скажи, где лучше: там, где оборотни и злые

духи выдавали себя за Будд, или же здесь? Теперь ты сам можешь разобраться в том, что такое добро и что такое зло!

Однако Танский монах, не переставая, благодарил своих учеников.

Теперь наши путники с необычайной легкостью быстро поднимались по чудесной горе Линшань. Еще издали они увидели замечательный древний монастырь, в котором находился храм Раскатов грома.

Блещет на горе чудесной
Храм ослепительного Будды,
Уж много тысяч лет стоит он,
Возносясь в солнечную высь.
Отрог святой горы Сумеру —
Его извечное подножье,
Высоко, до реки Небесной,
Его вершины вознеслись.

Рядами пиков необычных
Украшена гора святая,
Ее причудливые камни
И разноцветны и чисты,
А на бесчисленных уступах,
Под каждой скалой отвесной
Растут диковинные травы,
Цветут нетленные цветы.

Взбираясь на крутые склоны,
Извилистые вьются тропы,
Все выше путника уводят
За облачные рубежи,
А возле троп цветы пестреют
Густых ятрышников душистых,
Растут, расцветкой поражая,
Грибы чудесные цычжи.

Вон стаи обезьян резвятся,
Ручных, смысленных, необычных,
Играют в персиковых рощах
Среди невянувшей весны,
Плоды срывают наливные,
Светящиеся алым блеском,
Как будто слитки золотые,
Что на огне раскалены.

Вон белоснежные, большие,
Летают аисты над рощей,
Садятся на седые сосны,
Перекликаясь меж собой,
Стоймя на ветках застывают
И, словно стройные фигуры
Из белой драгоценной яшмы,
Сияют в дымке голубой.

Вон в разноцветном оперенье,
Всегда дружны и неразлучны,
Кружатся парами в лазури
Святые фениксы-гонцы,

Они летят навстречу солнцу,
И, миру счастье обещая,
По Поднебесной их напевы
Разносятся во все концы.

Вон в темно-синем оперенье
Друг перед другом неподвижно
Уселись парами луани
На острой каменной гряде,
Но чуть повеет легкий ветер,
Вмиг встрепенутся и запляшут —
На всей земле такие птицы
Тебе не встретятся нигде.

А как стройны, как величавы
Дворцы, и терема, и башни,
Что вереницей окаймляют
Священную гору Линшань:
Их желто-огненные кровли
Блестят златою черепицей,
И парами венчают гребень
Лепные утки юань-ян.

Как сказочно великолепны
Их неприступные твердыни,
Как ярко стены отражают
С небес летящие лучи,—
То, словно чистые агаты,
Их снизу доверху устлали
Покрытые цветной глазурью
Сверкающие кирпичи.

Отсюда на восток посмотришь —
Увидишь кровли золотые,
Отсюда поглядишь на запад —
Увидишь зданий стройный ряд:
То разноцветные хоромы
Грядюю сдвинулись вплотную,
И, словно радуга, на солнце
Дворцы жемчужные горят.

Отсюда поглядишь на север —
Увидишь блеск несчетных окон,
Отсюда к югу обернешься —
Увидишь тысячи твердынь:
То бесконечной чередой
Сверкают терема цветные,
Крутые башни громоздятся,
Врезаясь в пламенную синь.

А над величественным храмом
Хранителей ученья Будды
Стоит высокое сиянье,
Как вечный солнечный восход,
И перед залом светозарным
Святых хранителей ученья
Пунцовое, витое пламя
Фонтаном огнецветным бьет.

Сияют пагоды, струится
Благоухание смоковниц,
Прекрасен этот край, — от неба
Его не сразу отличишь,
И облака в бездонной выси
Плывут легко и беззаботно,
И словно бесконечен полдень
Над гребнем островерхих крыш.

Заботы и грехи мирские
Сюда вовек не достигают,
Здесь власть свою теряют судьбы
И нерушима благодать.
Блестает на горе чудесной
Храм ослепительного Будды,
Уж сотни сотен калп стоит он
И вечно будет здесь стоять.

Учитель и его ученики спокойно и беззаботно взойшли на самую вершину чудесной горы Линшань. В ярко-зеленой сосновой роще они увидели выстроившихся в ряд набожных мирянок-упасика, а под изумрудными кущами кипарисов — верующих мирян-упанов. Наставник приветствовал их монашескими поклонами и привел всех этих мирян, а также монахов-бикшу и монахинь-бикшуни в такое смятение, что все они молитвенно сложили руки и начали просить:

— Не кланяйся нам, праведный монах! Лучше приходи побеседовать с нами после того, как увидишься с Муни*.

— Об этом еще рано говорить,— воскликнул Сунь У-кун и, улыбаясь, добавил: — Пока что мы идем поклониться ему!

Танский монах, ощущая необыкновенный прилив сил, шел за Сунь У-куном прямо в храм Раскатов грома. Там навстречу им выступили четыре хранителя Будды — махарачжи.

— Это ты, праведный монах, явился? — спросили они.

Танский наставник учтиво поклонился.

— Да, это я, смиренный Сюань-цзан,— отвечал он и хотел было войти в ворота, но хранители Будды остановили его.

— Обожди немного, праведный монах,— сказали они.— Дозволь нам прежде доложить о тебе.

Один из хранителей у первых ворот направился к четверем хранителям у вторых ворот и сообщил им о прибытии Танского монаха. Тогда один из хранителей Будды у вторых ворот передал эту весть хранителям Будды у третьих ворот, где, собственно говоря, находились благочестивые монахи, прислуживавшие Будде. Узнав, что прибыл Танский монах, они поспешили в храм Будды и доложили достоитимому Татагате Сакья-муни:

— К тебе, на твою драгоценную гору прибыл за священными книгами праведный монах Танского двора! — возвестили они.

Досточтимый Будда очень обрадовался и тотчас же призвал к себе восемь бодисатв *, четырех хранителей-махарачжей, пятьсот архатов, три тысячи подвижников, постигших учение Будды, духов — правителей одиннадцати светил * и восемнадцать духов — хранителей кумирен. Он расставил их в два ряда лицом друг к другу и после этого повелел пригласить Танского монаха. Повеление Будды передавалось от ворот к воротам. Наконец оно дошло до самых последних ворот.

— Просим Танского монаха пожаловать! — раздался голос.

Сюань-цзан благоговейно вошел в ворота монастыря в сопровождении Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, которые вели коня и несли поклажу.

По этому случаю сложены следующие стихи:

В том памятном году далеком,
Душою к Истине влеком,
Он рьяно принял назначение
Быть государевым послом.
Взял грамоту из рук владыки,
Простился, из цветных палат
Сошел по яшмовым ступеням
И в путь пустился на закат.
Не раз прохладными утрами,
На запад обращая взор,
Он шел сквозь росы и туманы
По кручам неприступных гор,
А в сумерки, ложась устало
На выступе холодных скал,
Покрытый мглой и облаками,
Сном беспокойным засыпал.
Блюдя монашество сурово
И предан Истине навек,
Он пересек в пути далеком
Три тысячи бурливых рек,
Простым, безвестным пилигримом
Шел к рубежам святой земли
Через бесчисленные горы,
Тянувшиеся сотни ли.
Все помыслы и все желанья,
Упорство всех душевных сил
К высокому перерождению
Он, непреклонный, устремил.
И наконец сегодня утром,
Войдя в тысячесветный зал
Пред вечным Буддой Тагагатой
Святым просителем предстал.

Все четверо путников, подойдя к престолу Будды, пали ниц, совершили земные поклоны, после чего стали раскланиваться налево и направо с приближенными Будды, каждому отвешивая по три поклона. Затем Танский монах, не поднимаясь с колен, вручил Будде свою подорожную.

Будда внимательно просмотрел ее и вернул обратно. Совершив поклон, положенный для послов, Танский наставник начал рассказывать:

— Я — Сюань-цзан, твой смиренный ученик, прибыл к тебе, обитающему на сей драгоценной горе, по повелению императора великого Танского государства, расположенного в восточных землях, чтобы поклониться тебе и попросить книги твоего священного учения на благо всем живым существам. Молю тебя. Будда прародитель, яви свою милость и пожалуй мне эти книги, дабы я смог скорее вернуться на родину!

Тогда Будда открыл свои уста и, обращаясь к Сюань-цзану, молвил:

— Восточные земли, о которых ты говоришь, расположены на острове Наньшаньбучжоу. Там изобилие плодов земных, да и людей очень много. Но среди них немало стяжателей, убийц, прелюбодеев, лжецов, обманщиков и обидчиков. У вас там не соблюдают учения Будды, не устремляют сердца свои к добру, не почитают трех источников света *, не ценят пять знаков. К старшим и родителям не проявляют преданности и почитания, не знают чувства долга и человечности, идут против совести, обсчитывают и обвешивают, убивают, совершают грехи, творят зло, и за все это в конце концов приходит возмездие. Из-за этого на земле происходят бедствия, какие бывают только в аду. Вот почему многих жителей вашей страны ждет вечная кара в Подземном царстве, где им придется переносить всевозможные нестерпимые мучения: их будут сверлить, толочь, сдирать с них кожу и размалывать кости, они превратятся в домашних животных; у них отрастет густая шерсть на теле, на голове вырастут рога, они будут продаваться в рабство за свои долги, будут кормить людей своим же мясом. Их ввергнут на веки вечные в Преисподнюю Аби, из которой они уже никогда не смогут вырваться и вновь переродиться в высшие существа. И все по той же причине. Хотя и был у вас некто из рода Кун *, создавший учение о человечности и справедливости, о вежливости и благоразумии, но ваши правители и государи ввели законы и казни; они ссылали на каторгу, вешали, отрубали голову, а люди по-прежнему остались неразумными глупцами, и ведут разнузданный образ жизни! Здесь у меня собраны три свода священных книг — «Трипитака». В них сказано, как избавиться от бедствий и грехов. В «Трипитаку» входят: свод священных книг о законах Будды, где говорится о жизни на небесах; другой свод с рассуждениями о Будде, там говорится о жизни на земле, и третий свод — каноны, в которых содержатся поучения о спасении душ умерших. Всего насчитывается тридцать пять названий книг, состоящих в общей сложности из пятнадцати тысяч ста сорока четырех тетрадей. Эти книги указывают кратчайший путь к тому, чтобы стать праведником. Они являются как бы вратами в царство подлинного добра. В них записано все, что известно о небесных светилах, об устройстве земли, о людях и вещах, о птицах и зверях, о цветах и деревьях, о посуде и утвари и о людских делах. Ты со своими учениками прибыл издалека, — продолжал он, —

и я охотно даю все эти книги, чтобы ты их взял с собою, но предупреждаю тебя, что люди твоей страны неразумны и невежественны. Они издеваются над верными словами учения, не понимают сокровенного смысла слов наших подвижников-шраманов, которые проповедуют наше учение.

Он тут же подозвал своих учеников:

— Аю! Цзяшэ! — сказал им Будда. — Проводите этих четверых монахов в Жемчужный терем *, там внизу сперва накормите их, а затем откройте Драгоценную палату, отберите по несколько экземпляров тетрадей из тридцати пяти священных книг моего собрания «Трипитака», дайте им, — пусть они распространят их в восточных землях. И пусть на эти земли снизойдет мое благословение.

Оба досточтимых ученика Будды, выполняя повеление своего учителя, повели четверых путников к указанному терему. Невозможно было налюбоваться замечательными богатствами и редчайшими драгоценностями, которые были выставлены там в нескончаемом количестве. Устройством трапезы занялись бесплотные святые духи, причем они подали блюда, состоящие сплошь из разных волшебных яств, закусок и плодов. Никакие земные яства не могли сравниться с ними! Что за вкус! Что за аромат! Нигде ничего подобного не видели люди на грешной земле!

Танский монах и его ученики поклонились до земли и принялись за еду. Каждый ел все, что ему хотелось.

Об этом тоже рассказано в стихах.

Золотые огни,
К небесам, словно крылья, скользя,
В драгоценных светильниках
Блеском слепили глаза.
Но еще драгоценней
Казались в лучах их цветных
Нежный запах и вкус
Удивительных яств неземных.

В этих тысячеярусных,
Огненных залах дворца
И сокровищ не счесть,
И богатствам не видно конца.
И небесная музыка,
Слух услаждая земной,
Наполняет хоромы
Певучей, прозрачной волной.

А подобных приправ
И гарниров из нежных цветов
Не доводится смертным
Увидеть во веки веков.
Этот чай ароматный
И тысячи сладостных блюд
Всем вкушающим их
Долголетье и счастье дают.

Было много страданий,
 Был долгод мучителыный путь,
 Но, свершившим свой подвиг,
 Настала пора отдохнуть,
 И за трапезой пышной
 Впервые за многие дни
 Наслаждаться покоем
 И роскошью могут они!

Яства пришлось по вкусу Чжу Ба-цзе, да и Ша-сэну очень понравились. Они съели до конца эти чудесные яства, от которых все, находящиеся в обители Будды, обретають долголетие и освобождаются от брешней оболочки.

Двое досточтимых учеников Будды ухаживали за нашими путниками и развлекали их беседой, пока они ели, после чего, открыв двери в Драгоценную палату, ввели их туда. Сияние зари и благовещие пары наполняли всю палату сверху донизу. Везде клубились благовещие пары разных цветов и окрасок, расстилающиеся по всем направлениям. На постовах для священных книг и на наружных крышках драгоценных ларей были наклеены красные ярлыки, а на них четким почерком написаны названия книг и количество тетрадей.

Священная книга о нирване	— 748 тетрадей
Священная книга о бодисатвах	— 1021 тетрадь
Сокровенная книга о призрачности и пустоте	— 400 тетрадей
Священная книга о строгих запретах Бодидармы *	— 110 тетрадей
Священная книга о милосердии	— 50 тетрадей
Священная книга о решимости	— 140 тетрадей
Священная книга о драгоценных сокровищах	— 45 тетрадей
Священная книга для приступающих к учению Будды	— 500 тетрадей
Священная книга о правилах созерцания истинного и неизменного	— 90 тетрадей
Священная книга о нравственном усовершенствовании	— 916 тетрадей
Священная книга о великом светлом вразумлении	— 300 тетрадей
Священная книга обо всем еще небывалом	— 1110 тетрадей
Священная книга о бодисатве, отличившемся духовной чистотой	— 170 тетрадей
Священная книга по-иному трактующая три учения раскольников	— 270 тетрадей
Священная книга о приобретении качества алмаза	— 100 тетрадей
Священная книга об истинном учении Будды	— 120 тетрадей

Священная книга о пяти драконах	— 32 тетрадей
Священная книга о заповедях для бодисатв	— 116 тетрадей
Священная книга о великих вселен- ских соборах	— 130 тетрадей
Священная книга про кита «Моцзе»	— 350 тетрадей
Священная книга про цветок Будды	— 100 тетрадей
Священная книга об иогах	— 100 тетрадей
Священная книга о драгоценном постоянстве	— 220 тетрадей
Священная книга о Западном небе	— 130 тетрадей
Священная книга о монашеском благочестии	— 157 тетрадей
Священная книга о стране Будды	— 1950 тетрадей
Священная книга, поднимающая веру	— 1000 тетрадей
Священная книга о соразмерности благо- разумия	— 1800 тетрадей
Священная книга о драгоценном величии	— 1280 тетрадей
Священная книга о данной палате	— 850 тетрадей
Священная книга о песнопениях и укра- шениях храмов	— 200 тетрадей
Священная книга о великом павлине (райской птице)	— 220 тетрадей
Священная книга «Вичжнана»*	— 100 тетрадей
Священная книга о жилье и утвари	— 200 тетрадей

Показав Танскому монаху все названия священных книг, Ано и Цзяшэ обратились к нему с вопросом:

— Какие же дары ты привез нам из восточных земель, праведный монах? Покажи нам скорей, и мы дадим тебе священные книги.

— У меня, смиренного монаха, совершившего столь дальний путь, ничего ценного с собою нет,— с неприятным изумлением ответил Танский монах.

Оба достопочтенных ученика улыбнулись.

— Ладно, ладно, ладно! — иронически проговорили они с усмешкой.— Кто с пустыми руками собирается распространять священные книги по всему свету, тот обрекает своих потомков на голодную смерть!

Сунь У-кун заметил их кривую усмешку и, догадавшись, что они не собираются отдавать священные книги, не сдержался.

— Наставник! Пойдем к Будде Татагате и пожалуемся ему! — громко воскликнул он.— Пусть он сам явится сюда и передаст книги мне.

— Не кричи и не злобствуй! — остановил его Ано.— Забыл, где находишься? Иди сюда и принимай книги!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн скрепя сердце уговорили Сунь У-куна сдержаться и начали принимать книги. Они связывали их в

узлы, тетрадь за тетрадью, навьючили коня до отказа и сверх того еще набрали узлы на два полных коромысла, которые понесли Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Явившись к драгоценному престолу, монахи совершили земные поклоны, поблагодарили Будду Татагату и направились к выходу. Встречаясь с другими Буддами и бодисатвами, они кланялись каждому не менее двух раз.

Наконец, дойдя до главных ворот, они распростились со всеми монахами-бикшу, монахинями-бикшуни, с набожными мирянами-упасика и мирянами-упанами, спустились с горы и, выйдя на дорогу, отправились в обратный путь. На этом мы и расстанемся с ними.

Вернемся теперь в Драгоценную палату. Там находился еще один уважаемый Будда, прозванный Фонарщиком, который, подслушав украдкой, что произошло при передаче священных книг, сразу все понял. Оказывается, Ано и Цзяшэ отдали книги, в которых не было ни одного иероглифа. Усмехнувшись про себя, он подумал: «Монахи из восточных земель глупы и неразумны, они не разобрались, что им дали книги без иероглифов. Как бы не получилось так, что Танский монах зря совершил столь трудное и долгое путешествие!»

— Есть ли кто-нибудь здесь? — громко спросил Фонарщик.

Тотчас же показался досточтимый бодисатва Храбрости Бо-сюн.

— Ну-ка, наберись грозного величия! — велел ему уважаемый Будда-фонарщик. — Со скоростью метеора догони Танского монаха и отними у него священные книги. В них нет ни единого иероглифа. Пусть он еще раз явится и попросит настоящие книги, с письменами.

Бодисатва Храбрости тут же вцепился в порыв буйного ветра и умчался за пределы храма Раскатов грома, приняв самый грозный вид, на какой только был способен.

Буйный ветер был настолько замечателен, что про него даже сложены стихи:

У Будды много храбрых слуг,
Но подает им всем пример
Своею мощью грозовой
Дух ветра буйного.— Сунь-эр.
Его разгневанный порыв
Страшной взбесившихся коней,
А несравненный аромат
Дыханья девушки нежней.

Такой пронесся дикий вихрь,
Что реки хлынули назад,
И рыбы ринулись на дно —
Найти убежище спешат.
Такой пронесся шумный шквал,
Что грозные драконы гор
О скалы бьются наугад,
Не находя знакомых нор.

Вон стая обезьян ручных,
С плодами торопясь домой,
Никак дороги не найдет,
Застигнутая бурной тьмой.
Вон желтых аистов семью
Свирепый смерч относит вспять,
И тщетно селятся они
Родные гнезда отыскать.

Багряных фениксов умолк
Звенящий, радостный напев,
Лишь буря в небесах свистит
И крутится, рассвирепев,
А золотого петушка
Звучит надрывно вещей крик,
Раскатам вторя грозovým
И не смолкая ни на миг.

Там сучья сосен вековых
Ломает ветер на лету,
Здесь кружит вихрем лепестки
И рвет смоковницы в цвету,
Одним порывом до земли
Бамбук сгибает молодой,
Качает лотос золотой
Над взбаламученной водой.

Чуть слышный звон колоколов,
Едва струившийся вдали,
Теперь по ветру разнесло
На три десятка сотен ли,
А звуки сладостных псалмов
И чтение священных книг,
Подъяты вихревой рукой,
Взлетели к небу напрямик.

Под тяжким выступом скалы,
Что над расселиной висит,
Необычайные цветы
Утратили свой прежний вид,
И у дороги полевой,
Что змейкой тянется вдали,
Густые всходы дивных трав
Ничком на землю прилегли.

Врасплох застигнуты грозой,
Олени белые дрожат,
От злого ветра за скалой
Найти спасение спешат,
И птицы пестрые луань,
Попав в кружащуюся муть,
По ветру носятся, как пух,
Не в силах крылья развернуть.

А дивный запах между тем
Волной незримых покрывал
По поднебесью разлился
И всю вселенную объял,

И освежающий порыв
Пронесся над землей стремглав,
В разъяснившихся небесах
Густые тучи разогнав.

Танский монах, застигнутый сильным ветром, вдруг ощутил приятный аромат, в котором сразу же узнал благое знамение Будды, а потому не предпринял никаких мер предосторожности. Но вот раздался резкий звук, и с неба протянулась исполинская рука, которая с необычайной легкостью сняла навьюченные на коня узлы со священными книгами. От испуга Танский монах начал бить себя в грудь кулаками и закричал не своим голосом. Чжу Ба-цзе кинулся догонять узлы, Ша-сэн решил охранять свои узлы на коромысле, а Сунь У-кун словно на крыльях погнался за похитителем. Бодисатва Храбрости заметил, что Сунь У-кун нагоняет его, и сбросил похищенные узлы на землю, так как побоялся, что посох, у которого не было глаз, мог бы сослепу поранить его. Узлы с книгами упали прямо в пыль. Сунь У-кун видел, как их клочья разлетались по ветру. Он прижал книзу край своего облачка и стал спасать книги. Тут бодисатва остановил ветер и отправился с докладом к Будде-фонарику. Однако об этом мы рассказывать не будем.

Чжу Ба-цзе погнался за похитителем. Увидев, что священные книги упали на землю, он вместе с Сунь У-куном подобрал их, взвалил на спину и отнес Танскому монаху. Тот, обливаясь слезами, горестно воскликнул:

— Братцы! Оказывается, даже здесь, в обители Предельного блаженства, водятся злые дьяволы-мары, причиняющие вред людям!

В это время Ша-сэн развернул одну из тетрадей: в ней были одни лишь белоснежные листы бумаги без малейших следов письменных знаков на них. Тогда он поспешно передал тетради Танскому монаху:

— Учитель, взгляни-ка! В этой тетради нет ни одного иероглифа!

Сунь У-кун раскрыл другую тетрадь, оказалось, что и в ней одни чистые листы. Наконец и Чжу Ба-цзе открыл одну из тетрадей, но и в ней не оказалось никаких письменных знаков.

— Пересмотрите все книги! — велел Танский монах.

Все тетради оказались чистыми листами бумаги.

Убитый горем Танский монах начал охать и ахать:

— Видно, жителям наших восточных земель не дано счастья! — удрученно произнес он. — К чему нам эти пустые книги, без единого знака? Как же я осмелюсь предстать перед Танским императором? Ведь тот, кто обманет государя, не заслуживает никакого снисхождения!

Однако Сунь У-кун, сразу смекнувший, в чем дело, утешил своего наставника:

— Наставник! — сказал он. — Все это проделки Ано и Цзяшэ, ну и негодяи! Мы не дали им подарков, вот они и подшутили над нами. Давайте вернемся обратно и пожалуемся на них самому Будде Татагате. Пусть накажет их за лихоимство.

— Правильно! Правильно! — заорал Чжу Ба-цзе. — Идемте, пожалуемся на них!

Все четверо стремительно повернули обратно и, не чуя ног под собою, поспешно направились в храм Раскатов грома.

Вскоре они очутились перед воротами храма. Привратники, сложив ладони, приветливо встретили их.

— Должно быть, вы вернулись обменять книги, праведные монахи? — с улыбкой спросили они.

Танский наставник кивнул в ответ головой и выразил им благодарность за внимание.

Хранители Будды не стали чинить никаких препятствий и пропустили путников в обитель Будды. Они направились прямо к его храму.

— Будда Татагата! — воскликнул Сунь У-кун громким голосом, когда они предстали перед престолом. — Нам пришлось перенести десятки тысяч страданий от злых дьяволов-мар, которые жалили нас своими ядовитыми жадами, прежде чем мы прибыли из восточных земель в твою обитель, чтобы ныне поклониться тебе. Ты удостоил нас своим вниманием и приказал выдать нам священные книги, чтобы мы распространили их в восточных землях, но твои ученики Ано и Цзяшэ ослушались тебя, потребовали от нас дары и, не получив ничего, пошли на преступление: они нарочно выдали нам книги с белыми листами без письменных знаков, которые нам не нужны. Просим тебя, Будда Татагата, накажи их за это!

Будда в ответ только рассмеялся.

— Не надо шуметь! — мягко сказал он. — О том, что они просили у вас подарки, я знаю. Имейте в виду, что к священным книгам нельзя относиться пренебрежительно, нельзя взять их так просто, ничего не дав взамен. Как-то раз был такой случай. Толпа праведных монахов-бикшу спустилась с нашей горы с этими священными книгами в княжество Шравасты к одному богатому благотворителю по фамилии Чжао. Они прочли ему все книги, и все его домочадцы обрели спокойствие и безопасность, а умершие избавились от перерождений. За все это монахи потребовали с него всего лишь три доу и три шэна чистого золота в крупицах. Когда они вернулись, я еще пожурил их и сказал, что они продешевили; их будущим потомкам, сыновьям и внукам не останется денег на расходы. Поскольку вы с пустыми руками явились за священными книгами, вам и выдали пустые тетради с белыми листами. Впрочем, священные книги с белыми листами, без письменных знаков, как раз и есть самые что ни на есть настоящие и верные книги! Но так как в ваших восточных землях живые существа глупы и суеверны, они ничего не

поймут в них. Вы сможете распространять книги только с письменными знаками.— Тут Будда позвал: — Ано! Цзяшэ! Живо отберите из верных книг с письменными знаками по несколько тетрадей из каждого раздела и дайте им, а затем явитесь сюда и доложите точно, сколько книг вы отобрали.

Двое досточтимых учеников Будды снова повели четырех путников в Жемчужный терем и у входа в Драгоценную палату снова попросили подарки у Танского монаха. У того не было при себе ничего такого, что представляло бы ценность. Тогда он велел Ша-сэну достать патру из червонного золота и поднес ее обеими руками:

— Я, ваш смиренный брат, в самом деле ничего не имею, так как совершил этот далекий путь в холоде и нужде. Никаких подарков я для вас не приготовил. Эту патру пожаловал мне собственноручно сам Танский император и велел собирать в нее подаяния. Только ее я и могу преподнести вам, чтобы хоть как-нибудь выразить свою сердечную признательность. Молю вас принять пока сей скромный дар, а когда мы вернемся на родину, я доложу Танскому государю, и он непременно отблагодарит вас со всей щедростью. Прошу вас только дать нам книги с письменами, чтобы не обмануть надежды государя, пославшего меня сюда, и чтобы не оказались напрасными все мучения, перенесенные мною в столь далеком пути.

Ано с легкой усмешкой принял патру. Все служители: силачи-стражники, охраняющие Жемчужный терем, повара с монастырской кухни, досточтимые старцы, ухаживающие за книгами в Драгоценной палате, — стали переглядываться, пересмеиваться, подталкивать друг друга, прищелкивать пальцами и презрительно усмехаться.

Затем они стали стыдить Ано:

— Неужели тебе не стыдно? Люди пришли за священными книгами, а ты требуешь у них подарки!

Ано даже поморщился от стыда, но патру все же не вернул и крепко держал в руке.

Цзяшэ вошел в Драгоценную палату и принялся отбирать книги. Каждую книгу он показывал Танскому наставнику.

— Братцы! — крикнул Сюань-цзан.— Вы тоже хорошенько глядите, чтобы не получилось, как в прошлый раз.

Все трое учеников начали передавать из рук в руки по одной тетради, перелистывая каждую, но теперь все они были с письменами. Всего наши путники получили пять тысяч сорок восемь тетрадей—словом, полный свод книг. Они аккуратно сложили их, навьючили на коня, и еще осталось книг на одно коромысло. Эти книги понес Чжу Ба-цзе. Ша-сэн взвалил на плечи коромысло с поклажей, Сунь У-кун повел коня, а Танский наставник взял в руки посох, поправил свою монашескую шапку, оправил на себе парчовую рясу и отправился, радостный и довольный, к Будде Татагате.

Об этом рассказывается в стихах:

Как сладок и приятен запах,
Что поднимается волной
От книг священной «Трипитаки»,
От каждой строчки неземной.
Недаром с тщанием великим,
Достойным всяческих похвал,
Пресветлый Будда Татагата
Их сам веками создавал.
Пусть все узнают, сколько муки
Терпел священный Сюань-цзан,
Взбираясь на крутые горы,
Пересекая много стран.
Но стоит также посмеяться
И над обманщиком Ано:
К деньгам постыдное стремленье
В нем было разоблачено.
Да если б не Фонарщик Будда,
Не посланный вдогонку шквал,
Об этой недостойной шутке
Никто бы долго не узнал.
Когда же был вручен монаху
Книг настоящих полный свод,
Душой впервые успокоясь,
Он вновь пустился на восход.
С тех пор по этим дивным книгам,
Наград не требуя за труд,
Монахи всех земель восточных
Святую проповедь ведут,
И Будды верное ученье,
Людские души просветляя,
Нас благодатью окропляет,
Как дождь — пшеничные поля.

Ано и Цзяшэ повели Танского наставника к Будде Татагате, который восседал на своем престоле, устроенном в виде цветка лотоса. Увидев Танского наставника, он дал знак двум великим архатам, покорителю Драконов и усмирителю Тигров, разом ударить в многоголосые била, звуки которых собрали со всех мест три тысячи Будд, три тысячи подвижников, вникших в учение Будды, восемь хранителей махарачжей, четырех бодисатв, пятисот архатов, восьмисот монахов-бикшу, верующих мирян, упанов и монахинь-бикшунь, набожных мирянок упасик, праведных монахов-отшельников и духов-небожителей из разных небесных сфер. Тем, кому положено было сидеть в присутствии верховного Будды, предложили занять места около его трона, а тех, кому полагалось стоять, поставили в два ряда по бокам от трона.

Спустя немного времени раздалась звуки небесной музыки, и волшебное эхо разносило их ясное звучание по всем весям, небо вдруг озарилось благовещим сиянием, благодатные пары стали подниматься клубами. Это означало, что все Будды собрались вместе и предстали перед Буддой Татагатой.

— Ано и Цзяшэ, — обратился Будда Татагата к своим ученикам, — сколько священных книг и тетрадей вы пере-

дали праведным монахам? Доложите о каждой книге в отдельности.

Оба достопочтенных ученика Будды сразу же принялись докладывать.

— Передано для отправки Танскому императору:

Священная книга о нирване	— 400 тетрадей
Священная книга о бодисатвах	— 360 тетрадей
Сокровенная книга о призрачности и пустоте	— 20 тетрадей
Священная книга о строгих запретах Бодидармы	— 30 тетрадей
Священная книга о милосердии	— 40 тетрадей
Священная книга о решимости	— 40 тетрадей
Священная книга о драгоценных сокровищах	— 20 тетрадей
Священная книга для приступающих к учению Будды	— 81 тетрадь
Священная книга о правилах созерцания истинного и неизменного	— 30 тетрадей
Священная книга о нравственном усовершенствовании	— 600 тетрадей
Священная книга о великом светлом вразумлении	— 50 тетрадей
Священная книга обо всем еще небывалом	— 550 тетрадей
Священная книга о бодисатве, отличившемся духовной чистотой	— 30 тетрадей
Священная книга по-иному трактующая три учения раскольников	— 42 тетради
Священная книга о приобретении качеств алмаза	— 1 тетрадь
Священная книга об Истинном учении	— 20 тетрадей
Священная книга об основных деяниях Будды	— 116 тетрадей
Священная книга о пяти драконах	— 20 тетрадей
Священная книга о заповедях для бодисатв	— 60 тетрадей
Священная книга о великих вселенских соборах	— 30 тетрадей
Священная книга про кита «Моцзе»	— 140 тетрадей
Священная книга об иогах	— 30 тетрадей
Священная книга про цветок Будды	— 10 тетрадей
Священная книга о драгоценном постоянстве	— 170 тетрадей
Священная книга о Западном небе	— 30 тетрадей
Священная книга о монашеском благочестии	— 110 тетрадей

Священная книга о стране Будды	— 1638 тетрадей
Священная книга, поднимающая веру	— 50 тетрадей
Священная книга о соразмерности благоразумия	— 90 тетрадей
Священная книга о драгоценном вели- чии	— 140 тетрадей
Священная книга о данной палате	— 56 тетрадей
Священная книга о песнопениях и ук- ращениях храмов	— 10 тетрадей
Священная книга о великом павлине (райской птице)	— 14 тетрадей
Священная книга «Вичжнана»	— 10 тетрадей
Священная книга о жилье и утвари	— 10 тетрадей

Всего из сокровищницы в тридцать пять священных книг отобрано пять тысяч сорок восемь тетрадей и выдано праведным монахам из восточных земель для распространения и хранения в Танском государстве. Книги эти в полном порядке уложены и навьючены на коня и на коромысло, а сами праведные монахи почтительно дожидаются, когда их примут, чтобы они могли выразить благодарность за оказанную милость.

Танский наставник и его ученики привязали коня, опустили ношу на землю, а сами гуськом направились к престолу Будды, молитвенно сложив руки и почтительно склонившись.

Будда Татагата обратился к Танскому наставнику с напутственными словами:

— Блага, которые принесут эти книги, нельзя измерить никакой мерой. Хотя в них изложено мое учение, но, в сущности, они являются источником всех трех учений. Когда ты прибудешь в свою страну на острове Наньшаньбучжоу, внуши всем жителям, что к священным книгам нельзя относиться пренебрежительно. Ни одну из тетрадей не должно раскрывать, не совершив омовения и воздержания в пище. Пусть ценят их! Дорожат ими! Ибо в этих книгах заключены сокровенные тайны, познав которые можно обрести бессмертие. В них описаны чудесные способы всевозможных превращений!

Танский наставник поблагодарил за милость, стукнулся лбом об пол, крепко запомнил напутствие Будды, затем трижды совершил обряд поклонения, выразил свою искреннюю приверженность к его учению, принял список священных книг и удалился.

О том, как он раскланивался и прощался со всеми праведниками, пока шел к первым воротам монастыря, мы рассказывать не будем.

Распрощавшись с Танским наставником, Будда Татагата вскоре отослал всех, кто присутствовал при передаче священных книг.

Вдруг откуда-то появилась Гуаньинь и, сложив руки ладонями вместе, обратилась к Будде.

— Когда-то я получила твое повеление найти человека в восточных землях, который прибыл бы сюда за священными книгами,— сказала Гуаньинь,— ныне этот человек совершил подвиг. Он шел целых четырнадцать лет, что составляет пять тысяч сорок дней. Ему еще недостает восьми дней до того числа, которое соответствует количеству взятых им священных книг. Дозволь мне передать повеление от твоего имени.

— Я вполне с тобой согласен и охотно позволяю тебе распорядиться, — радостно ответил Будда Тагагата и тотчас же призвал восемь хранителей махарачжей.

— Наберитесь духу и как можно скорее доставьте праведных монахов на восток,— велела Гуаньинь.— Как только монахи передадут священные книги, тотчас же доставьте их обратно на Запад. Даю вам на это ровно восемь дней, чтобы завершить число, совпадающее с количеством священных книг. Опаздывать нельзя!

Хранители Будды сразу же помчались вдогонку и, нагнав Танского наставника, принялись кричать:

— Эй вы! Получившие священные книги! Следуйте за нами!

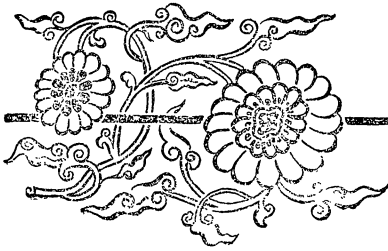
У Танского наставника, как и у остальных его спутников, тело было теперь необычайно легким и крепким. Вскочив на облачко, они поднялись высоко в небо и последовали за хранителями Будды.

Вот уж действительно можно сказать про них:

Очистились сердцем,
Познали природу свою,
Верховного Будду
Узрели в блаженном краю,
Свершили свой подвиг
И сразу в небесную высь
С бесценной поклажей
На облачке легком взвились.

О том, как наши путники вернулись в восточные земли со священными книгами Будды, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ,

в которой рассказывается о том, как было выдержано последнее испытание из восьмидесяти одного, после чего исчезли злые мары, и как, закончив период испытаний, путники вернулись к первоначальному состоянию

Итак, восемь духов—хранителей Будды сопровождали Танского монаха в Танское государство. Но об этом мы пока говорить не будем. Вернемся к тройным воротам, ведущим в храм Будды, у которых мы оставили духов — повелителей пяти стран света, духов времени, небесных гонцов Лю-дин и Лю-цзя, а также духов—хранителей кумирен, называемых вихара. Все они направились к бодисатве Гуаньинь и возвестили:

— По твоему святейшему повелению мы все незримо охраняли праведного монаха, который ныне завершил свой путь. Ныне, бодисатва, ты выполнила повеление, данное тебе нашим драгоценным, золотым Буддой. Мы надеемся, что и повеление, данное нам тобой, тоже выполнено.

— Да, да, конечно,— обрадованно ответила бодисатва.— А скажите, как вели себя в продолжении всего пути Танский монах и его спутники? Какие у них были помыслы? — спросила она.

— Нам думается, что их искренность и благоговейное почитание Будды не укрылись от твоего взора,— отвечали духи.— На долю Танского монаха выпали тяжкие испытания. Все пережитые им злоключения и беды, которые постигали его на всем пути, записаны у нас, и этот список находится здесь. Вот он!

Бодисатва просмотрела список от начала до конца. Вот что было написано там:

«Во исполнение указа, мы, духи — повелители пяти стран света, постигшие учение Будды, были приставлены к Танскому

монаху и почтительно записывали все злключения, которые с ним происходили:

Первое злключение, когда Золотой кузнечик был понижен в должности;

Второе, когда при рождении чуть было его не убили;

Третье, когда при полной луне его бросили в реку;

Четвертое, когда он искал родных и хотел отомстить за нанесенную им обиду;

Пятое, когда он, выйдя из города, повстречался с тигром;

Шестое, когда он не послушался совета и попал в яму;

Седьмое, когда он переходил через Двурогий хребет;

Восьмое, когда он был на вершине горы Двух границ;

Девятое, когда он впервые садился на белого коня у горного водопада;

Десятое, когда ночью случился пожар;

Одиннадцатое, когда он потерял свое монашеское облачение;

Двенадцатое, когда был приведен в покорность Чжу Ба-цзе;

Тринадцатое, когда злой оборотень Желтый халат преградил ему путь;

Четырнадцатое, когда пришлось обращаться за помощью к бодисатве Линци на горе Сумеру;

Пятнадцатое, когда он переправлялся через реку Сыпучих песков;

Шестнадцатое, когда в число учеников-спутников был принят Ша-сэн;

Семнадцатое, когда священный конь, на котором ехал Танский наставник, показал свое волшебство;

Восемнадцатое, когда Танский наставник остановился в монастыре Учжуан на горе Ваньшоушань;

Девятнадцатое, когда он чуть было не заплатил жизнью за корень жэншэнь;

Двадцатое, когда он прогнал от себя смышленную обезьяну Сунь У-куна;

Двадцать первое, когда путники разбрелись и потерялись в Черном сосновом бору;

Двадцать второе, когда он взялся доставить письмо в столицу страны Баосянго;

Двадцать третье, когда во дворце правителя страны Баосянго Танского наставника приняли за оборотня-тигра;

Двадцать четвертое, когда на горе Пиндиншань Танский наставник повстречался со злым духом-марой;

Двадцать пятое, когда его подвесили в пещере Цветок лотоса;

Двадцать шестое, когда был спасен правитель страны Уцзиго;

Двадцать седьмое, когда злой дьявол-мара заколдовал его;

Двадцать восьмое, когда на горе Хаошань повстречался оборотень;

Двадцать девятое, когда вихрь унес Танского наставника;

Тридцатое, когда смышленная обезьяна Сунь У-кун попала в беду;

Тридцать первое, когда пришлось обращаться к святым с просьбой покорить злых духов-оборотней;

Тридцать второе, когда Танский наставник тонул в Черной реке;

Тридцать третье, когда путники попали в страну Чэчиго;

Тридцать четвертое, когда Сунь У-кун побился об заклад, кто выиграет и кто проиграет;

Тридцать пятое, когда буддийские монахи взяли верх над даосскими;

Тридцать шестое, когда путников застигло наводнение;

Тридцать седьмое, когда Танский наставник упал в реку Тяньхэ;

Тридцать восьмое, когда его выловили вершей;

Тридцать девятое, когда он встретил оборотней на горе Золотой шишак;

Сороковое, когда трудно было справиться с небесными духами;

Сорок первое, когда выпытывали у Танского наставника происхождение Будды;

Сорок второе, когда Танский наставник напился воды и зачал;

Сорок третье, когда его хотели женить в государстве Силян;

Сорок четвертое, когда он терпел мучения в пещере Пибя;

Сорок пятое, когда он вновь прогнал от себя Сунь У-куна;

Сорок шестое, когда трудно было отличить настоящего Сунь У-куна от поддельного;

Сорок седьмое, когда путь преградила Огнедышащая гора;

Сорок восьмое, когда Сунь У-кун доставал банановый веер;

Сорок девятое, когда был покорен правитель оборотней;

Пятидесятое, когда Танский наставник обметал пыль с пагоды в городе Сайчэн;

Пятьдесят первое, когда Сунь У-кун достал талисман и спас своего учителя;

Пятьдесят второе, когда Танский наставник отозвался на стенания, раздававшиеся в Терновом лесу;

Пятьдесят третье, когда он очутился в монастыре малых Раскатов грома, где попал в беду;

Пятьдесят четвертое, когда все небесные духи оказались в ловушке;

Пятьдесят пятое, когда дорогу завалило перегнившими фигурами;

Пятьдесят шестое, когда Сунь У-кун занялся врачеванием;

Пятьдесят седьмое, когда Танский наставник избавился от недуга;

Пятьдесят восьмое, когда была взята в плен царица и покорены злые оборотни;

Пятьдесят девятое, когда Танского наставника чуть не погубили семь красавиц;

Шестидесятое, когда Многоокий получил ранения;

Шестьдесят первое, когда дорогу преградила гора Шито;

Шестьдесят второе, когда оборотни трижды меняли свой облик;

Шестьдесят третье, когда в городе случилась беда;

Шестьдесят четвертое, когда пришлось просить Будду справиться с оборотнем;

Шестьдесят пятое, когда были спасены младенцы в стране Нищенствующих монахов;

Шестьдесят шестое, когда Сунь У-кун взялся распознать истинное и ложное;

Шестьдесят седьмое, когда в сосновом бору Танский наставник спас оборотня;

Шестьдесят восьмое, когда он заболел и не мог подняться с постели;

Шестьдесят девятое, когда он попал в Бездонную пещеру;

Семидесятое, когда путникам пришлось пробираться через страну, искоренявшую учение Будды;

Семьдесят первое, когда на горе, скрытой туманами, путников встретил злой дьявол-мара;

Семьдесят второе, когда Сунь У-кун устроил моление о дожде в округе Бессмертного феникса;

Семьдесят третье, когда у спутников Танского наставника пропало оружие;

Семьдесят четвертое, когда был устроен пир для чествования волшебных граблей;

Семьдесят пятое — на горе Бамбуков;

Семьдесят шестое, когда Танский наставник переносил пытки в Черной пещере;

Семьдесят седьмое, когда были пойманы оборотни-носороги;

Семьдесят восьмое, когда в стране Зарослей небесного бамбука царевна выбирала себе жениха;

Семьдесят девятое, когда Танского наставника бросили в темницу в округе Медная башня;

Восьмидесятое, когда у Заоблачной переправы Танский наставник избавился от брэнного тела.

Танский монах прошел путь в сто восемь тысяч ли и все его злоключения записаны по отдельности в сем списке».

Бодисатва быстро пробежала глазами весь список злоключений и воскликнула:

— Как же так! Ведь по учению Будды, чтобы войти во врата Истины и сделаться праведником, надо перетерпеть девятикратное число девяти страданий, а этот монах перенес лишь восемьдесят злоключений, не хватает еще одного!

И Гуаньинь тотчас вызвала к себе подвижников, постигших учение Будды, и сказала им:

— Догоните хранителей Будды! Монаху осталось перенести еще одно злоключение.

Получив приказание, святые подвижники вскочили на облака и помчались на восток. В течение суток они нагнали восьмерых хранителей Будды и, наклонившись к ним, стали им что-то нашептывать, а потом уже громко добавили:

— Выполняйте неукоснительно приказание бодисатвы, без всяких нарушений и проволочек!

Выслушав их, хранители Будды опустили вниз облако, и наши четыре путника вместе с конем и священными книгами оказались на земле.

Поистине справедливо сказано в стихах:

Трудно к истине вечной
Подниматься заветной тропою,
Ибо девятью девять
Испытаний стоят пред тобою.
Но возвышенной цели
Изменять ты ни разу не вправе:
Лишь для твердого волей
Путь открыт к Сокровенной заставе*.
Закались же в страданиях,
От судьбы принимая удары,
И тебя не осият
Вероломные дьяволы-мары.
Надо стойко держаться
Среди бурь этой жизни печальной,
Если хочешь вернуться
Ты к природе своей изначальной.
Пусть тебя не обманут
Легковерья надежды пустые,
Что постигнуть нетрудно
Вышей мудрости книги святые:
Много бед и ненастий
Встретил истый монах по дороге,
Чтоб к верховному Будде
В золотые проникнуть чертоги.
Издавна созерцанье
С долголетием переплеталось,
Тем, кто прямо шагает,
Не грозят ни грехи, ни усталость.
Если ж ты ошибешься,—
Пусть хоть на волос, пусть ненароком,
Не достигнешь бессмертья,
А свернешь к суете и порокам.

Танский наставник в сильном испуге ступил ногами на землю. Чжу Ба-це громко расхохотался.

— Вот это здорово! — смеясь, восклицал он. — Вот уж верно говорится: «Поспешишь, людей насмешишь!»

— Здорово! Хорошо! Замечательно! — вторил ему Ша-сэн. — Наверное, мы мчались слишком быстро, вот нам и дали возможность передохнуть немного.

— Десять дней просидишь на мели, зато в один день девять отмелей проскочишь! — сказал Сунь У-кун.

— Да перестаньте же вы болтать! — остановил их раздосадованный Сюань-цзан.— Надо узнать, куда мы попали. Что это за место такое?

Ша-сэн повертел головой, оглядываясь во все стороны, и радостно воскликнул:

— Да, это было здесь! Именно здесь! — повторил он.— Ты послушай, наставник, как плещется вода.

— Ты думаешь, раз плещется вода, значит, мы попали к тебе на родину! — насмешливо произнес Сунь У-кун.

— Его родина на берегах реки Сыпучих песков,— буркнул Чжу Ба-цзе.

— Нет, не то! не то! — воскликнул Ша-сэн.— Ведь это же Небесная река!

— Братцы! Тщательно посмотрите, на каком мы берегу,— велел Танский наставник.

Сунь У-кун подпрыгнул и, приладив руку козырьком, стал всматриваться.

— Наставник! — доложил он.— Это западный берег Небесной реки.

— О! Я вспомнил! — воскликнул Сюань-цзан.— На восточном берегу этой реки находится селенье Чэньцзячжуан. В том году, когда мы там были, благодаря твоему волшебству, Сунь У-кун, нам удалось спасти детей. Чэнь был очень признателен и хотел построить лодку, чтобы переправить нас через реку, но на наше счастье появилась белая черепаха, на спине которой мы все благополучно переправились. Помню, что здесь, на западном берегу, было совершенно безлюдно. Что же нам сейчас делать?

— Вот говорят про смертных людей, что они умеют строить козни, но оказывается, что и хранители Будды тоже умеют заниматься такими делами,— проворчал Чжу Ба-цзе.— Будда велел им доставить нас в восточные земли, а они почему-то бросили нас на полпути. Чего ради? Разве не оказались мы в самом безвыходном положении? Как мы переправимся через реку?

— Братец! Не ропщи! — остановил его Ша-сэн.— Наш наставник уже обрел святость. У Заоблачной переправы он избавился от своего брэнного тела, так что теперь не утонет в реке. Давайте прибегнем к способу похищения по воздуху и все втроем перенесем наставника через реку! — предложил он.

Сунь У-кун, посмеиваясь, сказал:

— Нам не перенести его! Никак не перенести!

Почему бы вы думали Сунь У-кун так сказал? Да если бы он воспользовался волшебным способом полета по воздуху, то все они, и учитель и ученики, могли бы легко переправиться через тысячи таких рек. Но дело в том, что Сунь У-кун все прекрасно понимал. Он знал, что заветное число «девятью девять» еще не завершено и Танскому монаху предстояло пройти через последнее испытание, поэтому и произошла задержка в пути.

Оживленно переговариваясь, учитель и ученики медленно шли вперед и дошли до берега. Неожиданно прозвучал голос: — Эй, Танский монах! Праведный монах! Иди сюда!

Путники всполошились и стали оглядываться, но нигде не обнаружили даже следов человека, на реке не видно было ни одного суденышка. Лишь у самого берега они заметили в реке огромную белую черепаху.

— Почтенный наставник! — высунув голову, заговорила она. — Я ждала тебя все эти годы. Как долго ты не возвращался! Сунь У-кун рассмеялся.

— Почтенная черепаха! — сказал он. — Вот мы и снова встретились. Помнишь, как ты переправляла нас через реку?

Танский наставник, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн были беспредельно рады встрече с черепахой.

— Если ты действительно ждала нас, почтенная черепаха, то почему же не выходишь на берег, чтобы встретить нас?

Черепаша вытянулась и вскарабкалась на берег. Сунь У-кун подвел коня и установил его на самой середине панциря черепахи. Чжу Ба-цзе присел на корточки под хвостом коня. Танский наставник встал у шеи слева, а Ша-сэн справа. Сунь У-кун поставил одну ногу на шею черепахи, а другую на голову.

— Ну, почтенная черепаха, трогайся, — скомандовал он. — Смотри только, не опрокинь нас!

Черепаша высунула лапы и поплыла так плавно, словно шла по ровной дороге. Везя на спине учителя с тремя учениками, да еще коня, она направилась к восточному берегу.

Внимания не обращая
На все учения иные,
Они в глубины погрузились
Законов Будды потайных.
Недаром в страхе перед ними
Прочь отступили мары злые:
Всесильного Владыки неба
Ученье озарило их.

К его спасительной твердыне
Они пришли дорогой бедствий
И лишь теперь свой настоящий,
Свой вечный облик обрели.
Для них, навек освобожденных,
Распалась цепь причин и следствий,
И власть над ними потеряли
Грехи и пагубы земли.

Трех колесниц великой силой
Сполна их мудрость овладела,
Свободы всех своих движений
Они добились навсегда,
Пройдя десятки испытаний,
Они достигли их предела
И по земле отныне могут
Передвигаться без труда.

Пешком им больше не придется
Пересекать хребты и реки,
На длинный посох опираясь,
Брести с узлами на спине.
К своей природе изначальной
Вернулись души их навеки
И вот на дивной черепахе
Плывут по бурной быстрине.

Черепаха, преодолевая бурные волны, лишь к вечеру начала приближаться к восточному берегу.

— Почтенный наставник, — вдруг заговорила черепаха, — помнишь, я просила тебя, чтобы ты, когда придешь на Запад, при встрече с Буддой Тагагатой замолвил обо мне словечко и спросил его: долго ли мне еще осталось жить на свете. Исполнил ты мою просьбу?

А надобно вам сказать, что почтенный наставник, с того времени, как совершил омовение в монастыре Юйчжэнь, избавился у Заоблачной переправы от брэнного тела и взошел на чудесную гору Линшань, все свои помыслы обратил на то, чтобы поскорей поклониться Будде. Когда же он очутился среди сонма Будд, бодисатв и праведных монахов, он горел одним лишь желанием — получить священные книги и обо всем остальном позабыв, поэтому и не спросил о долголетию черепахи. Теперь он не знал, что делать: ему не хотелось обидеть черепаху, но солгать ей он тоже не мог. Долго кряхтел он, но так ничего и не сказал. Черепаха догадалась, что наставник не спрашивал о ней, качнулась всем туловищем и нырнула на дно вместе с четырьмя монахами, конем и священными книгами. Хорошо, что Танский наставник избавился от брэнного тела и стал бессмертным праведником. Если бы случилось то же самое в прошлый раз, то он, конечно, остался бы на дне реки. Белый конь, Чжу Ба-це и Ша-сэнь, к счастью, умели плавать. Сунь У-кун расхохотался и сразу же проявил свое волшебство: он подхватил Танского наставника, вытащил его из воды и вышел на восточный берег. Но узлы со священными книгами, одежда, седло и поводья вымокли насквозь.

Не успели учитель и его ученики выйти на берег и привести себя в порядок, как неожиданно налетел вихрь, небо потемнело, засверкала молния, закружились мелкий песок и камни, и разразилась страшная буря.

После первого псырва
Не прошло еще мгновенья,
А уже Земля и Небо —
Все кругом пришло в волненье,
И едва удары грома
Отзвались многократно,
Затряслись крутые горы,
Реки хлынули обратно.

Ярко молния блеснула,
И огонь ее летучий
Брызнул в стороны клинками
Сквозь нахлынувшие тучи,
И сияющее небо,
Гор гранитные устои —
Все вокруг застлалось мглою,
Непроглядною, густою...

А потом завывла буря
Вихревыми голосами,
Грозный гром кататься начал
Над горами, над лесами,
И во тьме изломы молний
Нестерпимо заблестали
Раскаленными струями
Извивающейся стали.

Небеса, луну и звезды —
Все туманы затопили,
И в лицо швыряет ветер
Заверти песка и пыли,
И стремглав бегут от грома,
Бросив ловлю, бросив игры,
Перепуганные барсы
И встревоженные тигры.

Оглушенные грозою,
Обезумевшие птицы
С криком мечутся в тумане,
Не решаются спуститься,
А деревья глухо стонут
В рукопашной с бурей злою
И бесследно исчезают
За сгустившуюся мглою.

Высоко к реке Небесной,
К нескончаемой лазури,
Взвилась яростные смерчи
Поднимающейся бури,
Закипели, забурили
В ней стремительные волны,
И до дна ее глубины
Озаряют вспышки молний.

Там, на дне ее потоков,
Вьются змеи и драконы,
Позабыв свою отвагу,
Робко прячутся в затоны,
Мгла свинцовая застлала
Берега ее крутые...
Да, такую бурю люди
Здесь увидели впервые!

Ну и ветер! Оголяет
Гор задебренные кручи,
Вековые сосны валит,
Рвет бамбук рукой могучей.

Ну и гром! По небу тучи
Гонит голосом сердитым,
На земле людей пугает,
Близкой гибелью грозит им.

Ну и молния! Сверкает,
Ослепительная, злая,
Вьется змейками златыми,
Землю разом озаряя.
Ну и мгла! За ней не видно
Ни реки, ни гор, ни леса,
Даже небо заслонила
Непроглядная завеса.

Танский наставник в испуге всем телом прижал узлы со священными книгами. Ша-сэн тоже придавил коромысло с книгами. Чжу Ба-цзе старался удержать белого коня, а Сунь У-кун начал обеими руками вращать свой посох, ограждая им наставника от возможного нападения. Дело в том, что ветер, туман, гром и молнии были вызваны злыми марами из Темного царства теней, которые намеревались отнять священные книги. Буря бушевала всю ночь и лишь к рассвету утихла. Танский наставник, промокнувший до нитки, дрожал всем телом.

— У-кун! — спросил он. — Почему же все это случилось?

— Наставник, ты многого не знаешь, — тяжело дыша, начал объяснять Сунь У-кун. — Добыв с нашей помощью священные книги, ты совершил настоящий подвиг и тем самым как бы похитил у Неба и Земли счастье, которое дает всем возможность существовать столь же долго, как земля и небо, светить столь же ярко, как солнце и луна, всегда сохранять молодость и быть нетленными! Вот почему Небо и Земля не могут примириться с этим, а божества и духи завидуют нам и хотят похитить у нас драгоценные книги. Но, во-первых, книги промокли насквозь; во-вторых, ты своим правоверным телом прижал их, а потому гром не смог разрушить их, молнии не смогли спалить их, туман не смог скрыть их, к тому же я все время вертел свой железный посох, защитив светлую и непорочную силу Ян. Когда же наступил рассвет, силы Ян возобладали над темными силами Инь, которые рассеялись, так и не сумев отнять у нас священные книги.

Теперь только Танский наставник, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн поняли, что происходило, и принялись без конца благодарить Сунь У-куна.

Вскоре солнце поднялось довольно высоко. Путники перетащили книги на высокую скалу и стали их сушить. По сей день сохранились камни, на которых просушивались священные книги. Заодно монахи просушили у той же скалы свое платье и обувь, а сами в это время либо стояли, либо сидели, либо прыгали на солнышке.

Об этом происшествии тоже сложены стихи:

Чей праведный и чистый дух
Исполнен светлой силы Ян,
Тот к солнцу вечному всегда
Стремится сквозь любой туман.
А дьяволы, чей падший дух
Исполнен темной силы Инь,
Должны смирять свой дерзкий нрав
Перед лицом его святынь.

Да будет ведомо и вам:
Пусть губит многое вода,
Она священным письменам
Не в силах причинить вреда.
Светились в бурной мгле они,
Как отблеск ясной вышины,
Ни буря, ни поток, ни гром
Им оказались не страшны.

И для монахов с той поры
Покой желанный наступил:
Навек избавились они
От злобных и коварных сил,
Прозреньем истинным полны,
Невозмутимой чистотой
Благополучно добрались
Они к обители святой.

А где сушились книги их,
На плоских плитах, у воды,
С тех пор остались навсегда
Неизгладимые следы.
Прошли десятки сотен лет,
Как эта быстрая вода,—
Никто из дьяволов с тех пор
Не смел и сунуться сюда!

Пока наши путники просушивали одну за другой священные книги, перелистывая каждую из них, вдали показалось несколько рыбаков. Они подошли к берегу и, подняв голову, увидели наших путников на высокой скале. Среди рыбаков нашелся один, который узнал их.

— Почтенный наставник! Не ты ли в свое время переправлялся на другой берег, следуя на Запад за священными книгами?— крикнул он.

Чжу Ба-цзе ответил за наставника.

— Да, да! Как раз он и есть! А вы сами откуда? И почему вы знаете нас?

— Мы из селения Чэньцзячжуан! — ответил рыбак.

— Далеко ли отсюда до вашего селения? — продолжал спрашивать Чжу Ба-цзе.

— Отсюда прямо на юг по большой дороге будет двадцать ли.

Чжу Ба-цзе обрадовался.

— Наставник! — сказал он. — Мы можем перенести книги в селение Чэньцзячжуан и там просушить их. Там же мы найдем

кров, нас накормят и мы попросим, чтобы нам накрахмалили одежды.

— Пожалуй, не стоит идти туда,— произнес Танский наставник.— Высушим книги здесь, соберем их и поищем дорогу,— добавил он.

Рыбаки ушли, но, переходя через Южный тракт, как нарочно встретились с Чэнь Чэном и окликнули его.

— Вернулись те самые монахи, которые в позапрошлом году спасли твоих деток.

— А где вы их видели? — спросил Чэнь Чэн.

Рыбаки обернулись и, указывая рукой, сказали:

— Вон они все там, сушат на камнях священные книги!

Чэнь Чэн взял с собой нескольких батраков и, как только перешел через большую дорогу, сразу увидел наших путников. Он подбежал к ним и опустился на колени.

— Почтенный наставник, приветствую тебя! — воскликнул он.— Ты выполнил свой долг и желание твое осуществилось. Почему же ты расположился здесь, а не зашел в мою убогую лачугу? Прошу, очень прошу тебя пожаловать ко мне поскорей!

— Обожди! Когда священные книги просохнут, мы пойдем с тобой вместе,— ответил Сунь У-кун.

— Почтенный отец! Как же это у тебя промокли священные книги, одежда и вещи? — удивился Чэнь Чэн, обращаясь к Танскому наставнику.

— В том году, когда мы были здесь,— ответил Сюань-цзан,— нам удалось переправиться на западный берег благодаря большой белой черепахе, которая перевезла нас всех через реку на своей спине. И теперь она снова любезно взялась перевезти нас обратно, на восточный берег. Когда мы были уже совсем близко от берега, черепаха вдруг спросила меня, передал ли я Будде ее просьбу, с которой она в прошлый раз обратилась ко мне: узнать сколько лет ей осталось жить на свете. Я же не спросил Будду об этом. Вот поэтому черепаха нарочно погрузилась в воду, и мы все вымокли.

Затем Танский наставник подробно рассказал обо всем, что было до этого события и после него.

Чэнь Чэн опять стал просить пожаловать к нему, и просил так искренне и настоятельно, что Танскому наставнику пришлось уступить, и путники начали собирать книги. Они никак не ожидали, что несколько тетрадей из книги «Деяния Будды» присохнут к камням. Поэтому, когда отдирали эти тетради, в которых был конец книги, нечаянно порвали их. Вот почему книга «Деяния Будды» так и осталась до наших дней неполной, а на камнях, где сушились тетради, сохранились отпечатки письменных знаков. Танский наставник был весьма огорчен.

— Это наше упущение,— говорил он с сожалением,— сами недоглядели.

Сунь У-кун лишь посмеивался.

— Дело не в этом! Вовсе не в этом! — повторил он, утешая наставника. — Ведь во всем этом есть изъян, между тем священные книги были даны тебе полными. То, что теперь они присохли и порвались, совершилось по сокровенному умыслу, чтобы и книги тоже стали с изъяном. Разве могли мы что-нибудь сделать?!

Учитель с учениками собрали книги и отправились вслед за Чэнь Чэном.

Жители селения быстро узнали о прибытии путников: один передал десятерым, десятеро передали сотне, а сотня передала тысяче, и вот старые и малые — все собрались для встречи.

Когда младший брат Чэнь Цин узнал об этом, он сразу же воскурил фимиам и выбежал за ворота, чтобы встретить благодетелей, отдав распоряжение бить в барабаны и играть на музыкальных инструментах.

Вскоре показались путники, и Чэнь Цин ввел их в дом. Затем он велел всем своим чадам и домочадцам показаться праведным монахам и приветствовать их поклонами, благодарить за благодеяние, которое они оказали в прошлом, когда спасли их детей. После этого он приказал подать чай и приготовить трапезу.

С того времени как Танский наставник поел волшебные яства небожителей и вдобавок освободился от брэнной оболочки и стал Буддой, он совсем перестал думать об еде, которой питаются люди. Чэнь Цин и Чэнь Чэн всячески уговаривали его поесть хоть что-нибудь, и Танскому наставнику пришлось согласиться. Великий Мудрец никогда в жизни не ел стряпни, приготовленной на огне. Поэтому все время повторял: «Хватит». Ша-сэн тоже не очень налегал на пищу. И даже Чжу Ба-цзе лишь «пригубил» и тотчас же оставил плошку с едой.

— Ты что, Дурень, не ешь? — удивился Сунь У-кун.

— Сам не пойму, что случилось, — ответил Чжу Ба-цзе, — почему-то аппетит совсем пропал!

На этом трапеза закончилась, еду убрали и начались расспросы. Танский наставник принялся обстоятельно рассказывать, как сперва он совершил омовение в монастыре Юйчжэнь, как затем у Заоблачной переправы на другом берегу почувствовал, что сделался невесомым, как прибыл в храм Раскатов грома и они удостоились лицезреть Будду Татагату, как им устроили угощение, а затем повели в Драгоценную палату и передали священные книги. Упомянул он и о том, что сперва оба досточтимых ученика Будды потребовали у них дары, но ничего не получили и в отместку дали им священные книги без письменных знаков. Лишь вторично поклонившись Будде Татагате и пожаловавшись на его учеников, удалось получить целый свод. Танский наставник рассказал также, как белая черепаха нырнула в воду и как злые силы Темного царства безуспешно пытались похитить книги. Закончив рассказ, он тут же хотел было распрощаться. Но все домашние Чэнь Чэна и Чэнь Цина никак не хотели отпускать монахов. Они говорили:

— С того времени как вы благодетельствовали моих детей и спасли им жизнь, я не знал, чем отблагодарить вас за такое милосердие, и решил построить монастырь, который назвал «Спасение жизни». В нем непрерывно возжигают фимиам и поддерживают огонь в светильниках в честь вас.

И он тут же позвал своих детей, мальчика Чэнь Гуань-бао и девочку И Чэнь-цинъ, которым велел поклониться до земли и поблагодарить праведных монахов. После этого он пригласил путников осмотреть монастырь. Танский наставник сперва спрятал узлы со священными книгами в молельне дома, причем прочел одну тетрадь из священной книги «Драгоценное постоянство», а затем направился в монастырь.

Домашние Чэнь Чэна и Чэнь Цина устроили угощение в храме, но гости не успели еще сесть, как их пришли приглашать другие. Не успели они взяться за палочки, как опять пришли с приглашениями. И так продолжалось без конца.

Танский наставник и его ученики не решились отказываться от еды, а сами тем временем разглядывали помещение. Монастырь действительно был выстроен на славу. Вот послушайте:

Ярко-красною краскою
Ворота монастырские рдеют.
Сразу видно: хозяин
Обо всем здесь усердно радеет.
Рядом — башня с террасой,
К ней отлого восходят ступени,
А за ней протянулись
Два крыла боковых помещений.
Ярко-красная краска
И внутри пламенеет на стенах,
И повсюду сверкают
Семь буддийских святынь драгоценных*.
Ароматы курений
Поднимаются к небу волною,
И широко в лазури
Развернулось сиянье цветное.
У подножия храма
Словно зыблется ткань голубая:
Это волны Тунтяня
Расстилаются, холм огибая.
А за храмом вершины
Вознеслись к беспредельности горной,
И уходят под землю
Их глубокие вечные корни.

Осмотрев храм, Танский наставник поднялся на башню, где действительно оказались четыре изваяния, изображающие самого наставника и его троих учеников.

Увидев изваяния, Чжу Ба-цзе дернул за одежду Сунь У-куна.

— Братец, гляди-ка! — воскликнул он. — До чего же этот идол похож на тебя!

— А тот идол очень похож на тебя, Чжу Ба-цзе, — подхватил Ша-сэн. — Наставник же получился чересчур благообразным, он ведь не такой на самом деле.

— Все же изваяния сделаны очень хорошо! — похвалил Танский наставник и стал спускаться с башни.

Внизу его уже ожидали, чтобы пригласить на трапезу.

— Ну, а что стало с храмом Великого князя? — спросил Сунь У-кун у почтенных старцев.

— Его в том же году снесли, — ответили старцы. — С того времени, как выстроили этот монастырь, — продолжали они, — поверишь ли, отец наш, из года в год собираем обильные урожаи: что ни год, то все больше и больше плодов земных! Вот уж воистину пребываем под покровительством всех вас, уважаемые отцы наши!

— Причем тут мы? — засмеялся Сунь У-кун. — Это само Небо жалует вам свои милости. Могу только заверить вас, что отныне, после того как мы с вами расстанемся, во всем вашем селении, в каждом доме будут рождаться во множестве дети и внуки, будет увеличиваться поголовье скота и всякая живность, из года в год дожди и ветры будут во благовремени и наступит полное благоденствие.

Все выслушали Сунь У-куна с чувством благодарности, которую выражали земными поклонами.

Между тем возле наших путников собралась целая толпа людей с разными плодами и яствами.

— Вот обида, — рассмеялся Чжу Ба-цзе. — В былое время я бы все съел, но тогда никто не попотчевал меня как следует, хотя бы раз десять, а нынче, когда мне ничего не хочется, потчующих столько, что им и конца не видно.

Все же, чтобы никого не обидеть, он принялся за еду, съел несколько постных блюд во вред своему желудку и сверх того проглотил еще штук тридцать пампушек.

Путники наелись до отвала, но люди продолжали угощать их и звать к себе в гости.

— Братцы! Мы больше не в состоянии есть! — взмолился Танский наставник. — Мы очень признательны вам за вашу любовь и радушие, но уже вечереет, и мы просим больше не угощать нас сегодня.

Наступила ночь. Танский наставник ни на минуту не хотел расставаться с книгами, примостился внизу у башни и, сидя, караулил их. Ко времени третьей ночной стражи он тихонько позвал:

— У-кун!

Тот сразу же отозвался.

— Жители здешнего селения знают, что мы выполнили свой долг, а стало быть обрели святость. Ведь еще в древности говорили: «Праведник не показывает своего лица, а кто показывает

его, тот не праведник». Боюсь, что если мы надолго задержимся здесь, то не вернемся к сроку.

— Ты совершенно прав, наставник,— ответил Сунь У-кун.— Давайте воспользуемся этой глухой ночью,— сейчас уже все спят — и тихонько уйдем отсюда! — предложил он.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн все поняли, да и белый конь перешел уже в состояние, когда начинают понимать и соображать. Все поднялись, бесшумно вытащили выюки и поклажу и отправились в путь. Дойдя до ограды, они увидели, что ворота на замке. Сунь У-кун снова прибег к волшебному способу открывания замков, открыл вторые ворота, а потом и главные. Путники вышли на дорогу и отправились на восток.

С неба вдруг донеслись голоса восьми хранителей Будды: — Эй вы, беглецы! Следуйте за нами!

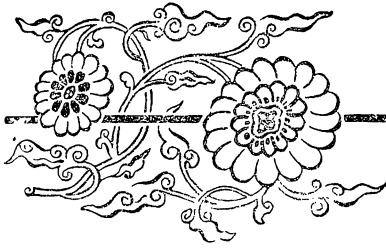
Танский наставник почувствовал дуновение ароматного ветра, который подхватил его и поднял на воздух.

Вот уж поистине:

Достигли путники прозрения святого,
К природе истинной привел их путь великий:
Источник тайн они узрели без покрова,
Склонились пред лицом единого владыки.

О том, как наконец наши путники встретились с Танским императором, вы узнаете из следующей главы.

ГЛАВА СОТАЯ,

в которой рассказывается о том, как путники кратчайшим путем вернулись в восточные земли и как все пятеро обрели истинное прозрение

Мы пока не будем рассказывать вам о том, как четверо монахов, следуя за духами — хранителями Будды, поднялись на воздух, воспользовавшись порывом ветра.

Обратимся к жителям селения Чэньцзячжуан, которые находились в монастыре Спасение жизни. Как только рассвело, они поднялись, начали чистить плоды и готовить закуски. Но когда они вошли в нижний ярус башни, то оказалось, что Танского монаха нет: он куда-то исчез. Сразу же начались расспросы и поиски. Все пришли в ужасное смятение, и никто не знал, что делать. Послышались громкие вопли и горестные стенания. «Как же это мы упустили живого Будду?» — вопили все. Но делать было нечего. Пришлось яства и подарки перенести на верхний ярус, где были устроены жертвоприношения и сжигались жертвенные деньги и разные предметы, искусно сделанные из бумаги. С той поры и повелось ежегодно устраивать четыре больших и двадцать четыре малых жертвоприношения в честь наших путников. Сюда стекались из разных мест болящие и скорбящие, стремящиеся обзавестись семьей и дающие обеты безбрачия; жаждущие богатства и желающие иметь детей. Даже теперь, в любое время дня и ночи, здесь воскуривают фимиам и приносят жертвы. Вот уж поистине:

С тех пор в курильнице златой,
Струя священный аромат,
И дни и ночи напролет
Куренья дивные горят.

С тех пор в святом монастыре
Уже десятки тысяч лет
Не меркнет яшмовых лампад
Переливающийся свет.

Со вторым порывом благоуханного ветра восемь духов — хранителей Будды доставили монахов в пределы восточных земель менее чем в один день. И вот постепенно стали вырисовываться очертания города Чанъань.

Следует сказать, что император Тай-цзун, с того дня как проводил Танского монаха в его далекое путешествие, а это было за три дня до полнолуния девятой луны тринадцатого года¹ его правления, названного Чжэн-гуань, дал распоряжение, чтобы за западной заставой города, называвшейся Сиань, под наблюдением начальника ведомства строительных работ была бы выстроена особая башня с вышкой. Ее выстроили в шестнадцатом году той же эры правления и назвали «Башня для ожидания священных книг». Император Тай-цзун каждый год собственной персоной посещал эту башню. И надо же было случиться, чтобы именно в тот день, когда монахи возвращались, он прибыл сюда и поднялся на вышку, причем сразу же заметил, что на западе небо покрылось необычными благоухающими облаками, а западный ветер донесит приятное благоухание. Хранители Будды задержали полет облака и возвестили:

— Праведный монах! Вот город Чанъань. На землю мы не будем спускаться; люди здесь очень любопытны, как бы они не разглядели нас и не разболтали всем, каков наш облик. Великому Мудрецу Сунь У-куну и остальным твоим ученикам, пожалуй, тоже не следует идти за тобой. Ступай один, доложи своему владыке, что священные книги доставлены, и тотчас же возвращайся. Мы будем ждать тебя на небесах у берегов Небесной реки и отправимся с тобой вместе к Будде доложить о выполнении его повеления.

— Достопочтенные духи — хранители Будды, — молвил в ответ Сунь У-кун, — ваш совет хоть и мудрый, но, посудите сами, как сможет наш наставник один донести такую кипу книг? Да еще вести на поводу коня! Нет! Нам придется сопровождать его. Попрошу вас немного обождать нас здесь. Поверьте, что я не осмелюсь вас обмануть.

Но хранители Будды все же усомнились.

— Несколько дней тому назад, — сказал один из них, — Гуаньинь сообщила Будде Татагате, что ваш путь туда и обратно должен занять всего лишь восемь дней. Тогда и завершится сокровенное число, предопределенное судьбой. Ныне уже прошло более четырех дней. Боюсь, что Чжу Ба-цзе, падкий до еды и алчный до богатства и знатности, нарушит срок, и мы опоздаем.

Чжу Ба-цзе засмеялся.

---

¹ Тринадцатый год правления Чжэн-гуань — 639 год.

— Мой наставник уже стал Буддой, и я тоже надеюсь стать им, — сказал он. — Зачем же вы подозреваете меня в алчности и честолюбии? Так могут говорить весьма нахальные люди! Ждите меня здесь, я отнесу священные книги и сейчас же вернусь, чтобы отправиться обратно вместе с вами.

С этими словами Чжу Ба-цзе поднял коромысло, Ша-сэн взял поводья, Сунь У-кун повел праведного монаха, и все они сошли на землю у самой башни.

Император Тай-цзун и вся его свита, увидев Сюань-цзана, поспешно сошли с вышки и встретили его у входа.

— Поздравляю тебя с возвращением, мой меньшей брат!— воскликнул Танский император, выступив вперед.

Сюань-цзан сразу же повалился ему в ноги и начал кланяться. Тай-цзун поднял его и спросил:

— А кто эти трое?

— Это — мои ученики, которые сопровождали меня в пути,— ответил Танский монах.

Император Тай-цзун очень обрадовался и приказал своим придворным:

— Приготовьте мне колесницу и оседлайте коня! Предложите моему младшему брату, праведному монаху, сесть верхом и отправиться со мною вместе во дворец!

Танский монах поблагодарил государя за милость и сел верхом на его коня. Великий Мудрец Сунь У-кун, следуя за конем, стал вращать колесом свой железный посох с золотыми ободками, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэн повели коня, навьюченного священными книгами, и понесли коромысла с поклажей. Так все вместе, следуя за царским поездом, они вступили в столицу Чанъань.

Вот какие стихи сложены в честь этого события:

В тот дальний год счастливого правленья
Был во дворце великолепный пир,
Царил в стране порядок безмятежный,
Царил в сердцах ненарушимый мир.
И все, кто собрались на этот праздник—
Гражданские, военные чины —
Осанкой величавой поражали,
И мудрости и доблести полны.
Тем временем в священных облаченьях,
Сойдясь толпою возле входа в храм,
Монахи на площадке для молебствий
Молились всемогущим небесам.
А в изукрашенном дворцовом зале,
Что полон колокольников золотых,
Слал император подданного к Будде
За полным сводом книг его святых.
И грамоту дорожную, чей свиток
Был алыми печатями скреплен,
Монаху царства Танов Сюань-цзану
Пожаловал собственноручно он.
В пяти строках той грамоты дорожной
Изложена была и цель и суть:

За книгами священными на запад
Отправлен был монах в далекий путь.
С тех пор, терпя жестокие лишения,
Изведав и страдания и страх, —
Повсюду злых мар уничтожая,
В заветный край с друзьями шел монах.
И вот, свершив свой подвиг небывалый,
На радость всем, сегодня поутру,
Они вернулись в светлую столицу,
Явились к государеву двору.

Продолжая следовать за царским поездом, Танский наставник и его путники прибыли во дворец. Во всем городе не было ни одного жителя, который не знал бы о прибытии праведника со священными книгами.

Монахи разного сана и звания из монастыря Великое счастье, того самого, в котором долгое время пребывал в прошлом Танский наставник Сюань-цзан, когда находился в Чаньани, заметили, что макушки нескольких больших сосен одна за другой начали поворачиваться к востоку. Испуганные и изумленные, они говорили друг другу:

— Вот чудеса! Ну и чудеса! С чего же это макушки этих сосен вдруг повернулись? Ведь ночью, кажется, вовсе не было ветра!

Среди монахов находился один из прежних учеников Сюань-цзана, который сразу же сообразил, в чем дело.

— Живо несите сюда парадные одежды! — велел он послушникам. — Прибыл мой наставник со священными книгами.

Монахи обступили его со всех сторон и стали допытываться:

— Откуда ты знаешь? — спрашивали они.

— В том году, когда наставник отправлялся в свое далекое путешествие, он сказал так: «Пройдет три года, а то и пять лет, может быть даже шесть или семь лет, после того, как я покину вас, но вы поглядывайте на вершины этих сосен и, если увидите, что они повернулись к востоку, знайте, что я вернулся. Уста моего наставника, как уста Будды, изрекают только вещи слова. Вот почему я и знаю, что он вернулся».

Монахи поспешно облачились в парадные одежды и вышли. Когда они подходили к западной части города, им уже передали радостную весть.

— Только что прибыл тот, кто ходил за священными книгами, — говорили люди. — Государь наш, десять тысяч лет ему здравствовать, встретил его и повез к себе во дворец!

От этих слов монахи еще больше разволновались и побежали со всех ног. Им все же удалось встретить наставника, но, заведя царский поезд, они не посмели приблизиться к Сюань-цзану и, примкнув к шествию в самом хвосте, сопровождали его до дворцовых ворот. Танский наставник слез с коня и вместе со всеми вошел в императорский двор. У яшмовых ступеней, ведущих в дворцовую палату, он остановился вместе с Сунь У-куном, Чжу Ба-це и Ша-сэном. Ша-сэн подвел коня-дракона, священные кни-

ги сложили у самого входа. Император Тай-цзун передал повеление Танскому монаху явиться к трону, как полагается младшему брату императора, и пожаловал ему право сидеть в своем присутствии. Вновь поблагодарив за оказанную милость, Танский наставник уселся и велел внести священные книги. Ученики его стали доставать книги из узлов и передавать придворным служителям, которые подносили их государю.

— Сколько же всего священных книг ты принес? — спросил государь. — Расскажи, как тебе удалось их достать?

— По прибытии к чудесной горе Линшань, — начал Танский наставник, — я, твой покорный слуга и смиренный монах, удостоился лицезреть самого Будду. Он велел своим двум достойным ученикам, Ананде и Кашьяпе прежде всего угостить нас трапезой в Жемчужном тереме. После этого нас повели в Драгоценную палату и передали нам книги. Досточтимые ученики Будды потребовали у нас дары, но у нас ничего не было. Поблагодарив Будду за его милость, мы двинулись в обратный путь. Вдруг налетел злой вихрь и вырвал у нас все книги. К счастью, мои спутники-ученики кое-что смыслят в магии. Они пустились вдогонку за книгами и нашли их разбросанными и растрепанными. К тому же оказалось, что в них нет ни одного письменного знака и все они состоят из одних чистых листов бумаги. Мы ужаснулись и вновь отправились на поклон к Будде. Мы пожаловались ему и умоляли его помочь беде. Будда сказал: «Когда были написаны священные книги, некий премудрый монах-бикшу снес их с горы вниз, в страну Шравасты, прочел старейшине Чжао, после чего всем живым в его роду было даровано спокойствие и благополучие, а мертвым — освобождение от перерождения. За все это монах-бикшу потребовал всего лишь три доу и три шэна золота в крупицах. Однако мне, — сказал Будда, — показалось, что монах продешевил и что детям его и внукам не хватит денег». Тогда мы поняли, что Будде было известно о том, что его досточтимые ученики потребовали у нас дары, и нам пришлось преподнести им патру из червонного золота, которую ты, государь, соизволил пожаловать мне. Только после этого мы получили настоящие священные книги с письменами. Этих книг всего тридцать пять. От каждой из них было отобрано по несколько тетрадей, всего пять тысяч сорок восемь тетрадей. Это число соответствует одному из трех сводов священных книг.

Император Тай-цзун еще больше обрадовался.

— Повелеваю стольничьему приказу устроить пир в восточном приделе дворца, — сказал он, — чтобы возблагодарить монахов за все!

Бросив невзначай взгляд на троих учеников Танского монаха, стоявших внизу тронной лестницы, государь поразился их необычному виду.

— А твои ученики и в самом деле чужеземцы? — удивленно спросил он.

Смиренно склонившись чуть ли не до земли, Танский наставник начал пояснять:

— Моего старшего ученика зовут по фамилии Сунь, а монашеское его имя У-кун. Иногда я зову его по прозвищу — «Странник». Он родом из страны Аолайго, расположенной на восточном материке Дуншэньчжоу, владетель пещеры Водного занавеса на горе Цветов и плодов. Пятьсот лет тому назад он учинил великое буйство в небесных чертогах, за что Будда наказал его, придавив огромной каменной глыбой на горе Усиншань в западных краях. Бодисатва Гуаньинь склонила его к добру, и он изъявил желание принять учение Будды. Проходя те места, я выручил его и взял в ученики и спутники. В пути он охранял меня, и я многим обязан ему. Фамилия моего второго ученика Чжу, монашеское имя — У-нэн. Я зову его по прозвищу Чжу Ба-цзе. Он владел пещерой Юньчжань на горе Фулин. В свое время он набедокурил в селении Гаолаочжуан. Но бодисатва и его склонила к добру, и я принял его к себе в ученики. Всю дорогу он нес тяжелую поклажу, не щадя своих сил, совершил также много подвигов при переправах через реки. Моего третьего ученика зовут по фамилии Ша, монашеское имя — У-цзин. Я же зову его просто монах Ша. Он родом из тех мест, где протекает река под названием река Сыпучих песков. Он тоже творил зло, но бодисатва уговорила его склониться к добру, он воспринял учение Будды и сделался шраманом-подвижником. Что же касается коня, то он уже не тот, которого ты, государь, соизволил подарить мне.

— Как не тот? — удивился государь. — По масти он совершенно такой же.

— Когда я переправлялся через горный поток Инчоуцзянь у горы Шэпаньшань, того коня проглотил этот конь. Спасибо Сунь У-куну за то, что он обратился к бодисатве и узнал о происхождении этого коня, — оказалось, что он приходится сыном царю драконов Западного моря. За какую-то провинность он был наказан. Бодисатва освободила его от наказания и велела служить мне. Вот тогда он и был превращен в коня такой же масти. Благодаря ему я переправлялся через горные хребты, взбирался на горные кручи, проезжал по узким извилистым тропам над пропастями. Туда я ехал на нем верхом, а обратно он вез священные книги, так что я и ему многим обязан.

Император Тай-цзун выслушал Танского наставника, долго хвалил его учеников, а затем спросил:

— Как же далек путь на Запад?

— Насколько я помню, — отвечал Танский наставник, — по словам бодисатвы, отсюда до обители Будды сто восемь тысяч ли. В пути, однако, я не вел счет и знаю только, что за все время странствования зимняя стужа и летний зной сменялись четырнадцать раз. Что ни день, то встречались все новые горы и кручи, леса густые-прегустые и реки широченные. Да еще прошли мы

через много стран, правители которых проверяли нашу подорожную и ставили свои печати на ней.

Тут Сюань-цзан обратился к своим ученикам:

— Братья! Достаньте-ка подорожную — вручим ее государю.

Подорожная тотчас же была представлена. Там значилось: «Выдано в третий день до полнолуния девятой луны тринадцатого года эры Чжэн-гуань».

— Долгие труды и далекий путь! — с улыбкой воскликнул император Тай-цзун. — Ныне уже двадцать седьмой год этой эры, — добавил он.

На проходном свидетельстве красовались печати многих стран: страны Баосянго, страны Уцзиго, государства Цзюй-чиго, женского царства Силянго, государства Цзисайго, государства Чжуцзыго, царства Нищенствующих монахов бикшу, страны, где искореняют учение Будды. Кроме того, были еще печати окружных городов: округа Бессмертного феникса, области Яшмового цветка и округа Золотой покой. Полюбовавшись на печати, Тай-цзун спрятал проходное свидетельство у себя.

Тем временем давно уже появились придворные служители и приближенные государя с приглашением пожаловать на пиршество. Государь сошел с трона и, держа за руку Танского монаха, пошел с ним вместе.

— Умеют ли достойно вести себя и соблюдать все приличия твои ученики? — спросил он.

— Мои недостойные ученики от природы оборотни, — сказал он, — жили они в глухих горах и просторных степях, не знают ни приличий, ни чиновочитания, принятых при дворе премудрых правителей Серединного цветущего государства. Всячески умоляю и прошу тебя, государь мой и повелитель, простить им эту вину.

— За это я не буду укорять их, — смеясь, ответил государь. — Не буду, — повторил он. — Пусть идут с нами вместе в восточный придел дворца на пиршество.

Сюань-цзан еще раз поблагодарил государя за оказанную милость, подозвал своих учеников, и они направились в восточный придел дворца, который начали с любопытством разглядывать. Вот уж поистине великое Серединное цветущее государство! Никакое другое царство не могло с ним сравниться. Здесь было все необыкновенно и удивительно. Вот послушайте:

На дверях пламенеют, расшиты цветами,
Занавески из шелка, яркие и пестры,
Напоен ароматами зал величавый,
И багряные пол устилают ковры.
Украшенья, столы в драгоценной посуде —
Все вокруг поражает своей новизной!
Вот янтарные кубки, хрустальные плошки,
Вот червонные блюда с каймою резной.

Вот, покрытые сетью зеленой эмали,
 Золотою оправою вазы блестят,
 Вот из яшмы, в узорах цветов прихотливых,
 Белоснежные чашки расставлены в ряд.
 Сколько здесь, на столах, угощений чудесных,
 Приготовлено все и с умом и с душой:
 Нежен запах у листьев цедрелы душистой,
 Что положены в блюда с густою лапшой,
 Сколько кушаний здесь из распаренной репы,
 Ароматных приправ, дорогих соусов,
 Сколько залитых сахаром спелых бататов,
 Нежносладких грибов из далеких лесов!
 Мякоть мальвы, обильно заправленной медом,
 Так и тает во рту, и сладка и нежна,
 Но не хуже и пенка бобового сыра,
 Что с грибами древесными запечена.
 Как сочны молодые побеги бамбука,
 Их мочили в имбирном настое не раз,
 И на диво прозрачна морская капуста,—
 Но не в силах всего передать мой рассказ!
 Поглядим на столы: на узорных тарелках
 Сколько блюд и диковинных и дорогих
 Из сушеного папоротника и крахмала,
 Из бесчисленных видов растений морских.
 Вот закуски из редьки, посыпанной перцем,
 И горчицей приправленный тыквенный ус,
 Впрочем, это обычные, постные блюда,
 Описанья не стоят ни вид их, ни вкус.
 Но зато сколько редкостных лакомств и фруктов:
 Груши с заячью голову величиной
 И огромные вазы с плодами нефелий,
 С драгоценным личжи и сушеной хурмой.
 Вот плоды салисбурий из южных уездов,
 Вот шаньдунский прославленный финик-жужуб,
 Вот орехи и зерна бесчисленных видов —
 В скорлупе и очищенные от скорлуп.
 Вот каштаны — похожи на коконы шелка,
 Зерна тиса съедобного в терпкой смоле,
 Семя тыквы размером с цветы неньюфара,
 Горы грецких орехов на каждом столе.
 Вот кедровых орешков, лещинных орешков
 Разноцветные груды на блюдах лежат,
 Всех сортов те — каленые, эти — сырые,
 Золотистые, крупные, как виноград.
 Груды яблок и слив, апельсинов, оливок —
 Все, что зреет в полях, и в лесу, и в саду.
 Да, каких только здесь не найдешь угощений,
 Выбирай что захочешь: тут все на виду!
 Ожидают гостей и медовые яства,
 Дорогие масла, золотые сыры,
 И такие отборные, редкие блюда,
 Что лишь царственные украшают пиры.
 Подают к ним, конечно, и чай ароматный,
 И тончайшее, лучшее в мире вино,
 Впрочем, всех угощений, прекрасных, обильных,
 Перечислить немислимо здесь все равно.
 Много разных чудес есть и в западных странах,
 Но сегодня мы с гордостью произнесем:
 Дивный край Серединной цветущей державы
 От земель чужеземных отличен во всем!

Танский наставник со своими учениками, а также все гражданские и военные чины расположились рядами по правую и по левую сторону от государя Тай-цзуна, который восседал на главном месте в середине стола. В строгом и чинном порядке чередовались пение, пляски, музыка. Веселье продолжалось целый день.

Прекрасен пир у государя:
Счастливой вестью осян,
Затмил он празднества былые
Царей великих Юй и Тан.
Недаром радостен владыка:
Сбылись предвестия светил,
И полный свод святых писаний
Он в это утро получил.
Из поколения в поколение
С того заветного числа
Передавать их будут люди,
Чтоб вечно Истина жила,
И мудрое сиянье Будды,
Его живая благодать
Жилище государя будут
Отныне вечно озарять.

К вечеру все стали расходиться, выражая благодарность за оказанную милость. Император Тай-цзун вернулся к себе во дворец, а важные сановники разъехались по домам. Танский наставник со своими учениками отправился в прежний свой монастырь Великое счастье. Монахи встретили его земными поклонами. Не успел он войти в ворота, как его окружили.

— Отец ты наш, — хором заговорили монахи, — взгляни на верхушки этих сосен. Сегодня утром они вдруг повернулись на восток! Но мы помнили твои слова, а потому вышли за город встречать тебя. Вот ты и прибыл к нам!

Наставник был невыразимо рад и тут же направился к настоятелю. Теперь Чжу Ба-цзе больше не кричал, чтобы ему подавали чай и еду, да и вообще не шумел. Сунь У-кун и Ша-сэн вели себя очень строго и сдержанно. Это произошло потому, что они завершили свой подвиг и обрели прозрение. Было уже поздно, когда все улеглись спать.

На следующий день император Тай-цзун вышел на утренний прием и обратился к своим верноподданным сановникам с такими словами:

— Думая о том подвиге, который совершил наш нареченный младший брат, мы все больше убеждаемся в его величии и мудрости и не находим ничего такого, чем можно было бы вознаградить его. Всю ночь, не смыкая глаз, мы подбирали самые изысканные слова, стремясь избежать подлых и грубых выражений, дабы хоть этим выразить нашу благодарность. Но мы не успели записать их. Пусть начальник письмоводителей подойдет ко мне! — приказал он. — Я буду говорить, а ты записывай слово в слово!

Вот что было записано:

«По всей вероятности всем известно, что оба близнеца — Небо и Земля, имеют свои явления, которыми показывают, что они поддерживают друг друга для сохранения жизни. Четыре времени года хотя и не имеют сами по себе никаких внешних образов, но зато таят в себе стужу и жару, коими совершают превращения в природе. Вот почему даже простые и недалекие люди, наблюдая за Небом и всматриваясь в Землю, могут уяснять порядок, который в них существует. Зато из мудрых и просвещенных людей редко кто может исчерпывающе определить заветные числа судьбы при выяснении сокровенных лунных сил природы — Инь и светлых солнечных сил природы — Ян. Между тем Небо и Земля вмещают в себя эти силы Инь и Ян, в чем можно легко убедиться, ибо и они имеют свои явления; но исчерпывающе определить присутствие сил Инь и Ян на Небе и на Земле трудно потому, что у них нет видимого образа. Поэтому, зная явления, можно доказать по проявлению этих сил их присутствие, причем даже неразумные не будут в этом сомневаться; но поскольку внешний образ их скрыт и никто не видит его, то даже пребывающие в числе мудрых легко впадают в заблуждение. Тем более сказанное относится к учению Будды, поскольку в этом учении превозносятся призрачность существования и овладение полным покоем посредством уединения. Его учение настолько всеобъемлюще, что является пригодным для всех живых тварей, а его писанные правила ограждают все десять стран света *. Духовное величие этого учения столь высоко, что нет ничего превыше, а священная сила так подавляет, что проникает вниз прениже всего. Если б можно было растянуть это учение словно ткань, то она обволокла бы всю вселенную, но если сжать его, то оно уместится в тончайшем волоске. Оно не погибает и не рождается, просуществует тысячи калп и не состарится. Оно то исчезает, то появляется, приносит с собой много счастья и продлевает настоящее время. В этом учении дивные пути Истины достигают непостижимого совершенства, и тем, кто следует этому учению, никогда не постичь их до конца, а тем, кто будет пытаться исчерпать их, никак не определить того источника, из которого, подобно потоку, течет учение Будды и увлекает за собой в пределы безмятежного покоя. Поэтому пусть те, кто познал неразумность своего глупого существования, ничтожество своей ограниченности, устремят к этому учению свои помыслы и желания, и тогда они смогут избавиться от всяких сомнений!

Из этого следует, что те, кто содействуют подъему великого учения, находят опору в западных землях. Пребывают в светлых сновидениях те, кто в свое время вознес Ханьский двор; источают милосердие те, кто озарял светом учения восточные земли. Во времена глубокой древности, когда еще только началось разделение образов и их теней, слова не успели появиться, как уже в них совершилось превращение.

Когда же наступил век постоянно видимого и постоянно неви-

димого, народ стал мечтать о добродетельности и научился повиновению. Когда же люди стали достигать того, что тень от них исчезала и они становились праведниками, они переселялись в потусторонние миры, их золотые лики скрывали чувственные краски и не отражали трех тысяч лучей всех миров. У них начинали вырисовываться красивые лица, на оголенных местах конечностей тела появились особые приметы, числом восемь на четыре*. И вот тогда проповедь о непостижимом стала широко распространяться повсюду и спасает даже пернатых и зверей от пагубных «трех путей»; * заветы и наставления Будды проникают в самые отдаленные места и служат руководством для живых существ к восхождению по «десяти землям» * духовной благодати. Есть у Будды священные книги, в которых учение его делится на две части: Большая колесница и Малая колесница. «Больше того, у него есть и волшебные чары, которыми он пресекает распространение ложных учений и исправляет впавших в ересь.

Главой всей школы учения Будды в нашей стране является наш законоучитель, монах Сюань-цзан. С детских лет он отличался осмотрительностью и сообразительностью, а потому давно уразумел назначение «трех пустых миров»*. Его прежде всего охватила мечта овладеть «четырьмя терпениями» *, долгое время он проводил в слиянии своих мыслей и желаний. Он достиг такой степени духовной чистоты и красоты, что для сравнения с ним уже оказались недостаточны ни сосна, ни ветер, ни вода, ни луна. Даже светлые жемчужины росы, которой питаются небожители, разве могут сравниться с ярким блеском его души! Потому он и проник разумом своим в сокровенные тайны, не связанные с мирскими узами, а духом соизмерил незримые образы. Он вознесся над всеми смертными, преодолев «шесть скверн» мирских. В течение долгих тысячелетий не будет никого, равного ему.

Свои думы он сосредоточил на том, что происходит у нас внутри страны, и горестно сокрушался уладку правоверного учения Будды. Он постоянно размышлял о «вратах сокровения» * и печалился об искажении истинных писаний. Его заветное желание состояло в том, чтобы упорядочить эти писания, разбить их по статьям и широко распространить повсюду те знания, которые он почерпнул из них, преградить путь ереси и восстановить Истину, растить последующие поколения изучающих учение Будды. Вот почему он задумал отправиться в чистые земли райской обители Будды и совершил путешествие в Западные земли. Опираясь на свой посох, он один пустился в далекое и опасное путешествие. Бывало, что с утра снежный буран заметал всю дорогу, с вечера поднималась песчаная буря и застилала все небо, на десятки тысяч ли тянулись горы и реки, но он преодолевал все это и шел вперед сквозь мглу и туманы. Его не останавливали ни лютый холод, ни зной, он направлял свои стопы вперед, то шагая по заснеженным землям, то дрожа под проливным дождем. Вера помогала ему преодолевать усталость. По мере того как углу-

блялись его стремления, в нем крепло желание достичь своей цели. Четырнадцать лет странствовал он по Западным странам, прошел многие чужеземные государства и везде спрашивал об истинном учении. Ему посчастливилось побывать в роще, где умер Будда, и испить воды, обладающей «восемью добродетельными качествами» *. Он любовался удивительными видами обиталища Будды на пике Кондор, на чудесной горе Линшань в Оленьем парке. Ему посчастливилось услышать прежних мудрецов и воспринять истинное учение у верховных провидцев. Он постиг пути, ведущие к вратам нирваны * и великую тайну. В его сердце вселились три колесницы, звучание шести ладов *. Слова из сотни коробов со связанными писаниями, словно рокот волн морских, звучат в его устах. Он прошел беспредельное число различных стран и добыл священные книги. Он достал важнейшие писания, излагающие учение Большой колесницы, всего тридцать пять книг, насчитывающих пять тысяч сорок восемь тетрадей. Они распространятся по всему Серединному цветущему государству и возвестят повсюду о победном завершении его подвига. Это он привлек облака милосердия с крайнего запада и пролил благодатный дождь истинного учения на земли восточной окраины. Это он восполнил изъяны в мудром учении Будды и благодаря ему прощены грехи народа и счастье вновь вернулось к людям. Это он увлажнил иссушающее пламя, бушующее в огненном доме *, и выведет из него всех заблудших и страждущих в нем. Это он осветил светом учения Будды мутные волны «золотых вод» * и помог людям переплыть на другой берег. Благодаря ему мы узнали, что грехи в прошлой жизни тянут вниз, а добро поднимает вверх. Таким образом, возвышение и падение зависит от самих людей. К примеру можно привести лавровое дерево, растущее на вершине высокого хребта. Там туманы и облака постоянно увлажняют росой его цветы. Или возьмем лотос, распутившийся в пруду, омытый рябью зеленых волн. Тучи пыли, гонимые ветром, никогда не смогут загрязнить его листья. Не подумайте, что лотос по природе своей настолько чист и что лавр сам по себе столь опрятен. Лишь благодаря тому, что опора, на которой растет лавр, находится высоко, никакие частицы, даже самые ничтожные, не могут прилипнуть к нему. В силу того что лотос растет в чистой воде, его не может коснуться никакая грязь. Ведь деревья и цветы не обладают знанием, но тем не менее достигают совершенства, поскольку опираются на доброе. Так не относится ли все это к людям, обладающим сознанием, которым судьба не дала счастья, но они хотят добиться его?

Мы надеемся, что священные книги будут источать благодать так же нескончаемо, как светят солнце и луна. Да распространятся возможно дальше великое счастье от них и пусть распространятся они по всей вселенной и существуют вечно».

Сановник слово в слово записал все, сказанное императором. После этого сразу же был вызван праведный монах Сюань-цзан,

который в это время уже находился у входа в приемный зал и ждал случая войти, чтобы выразить свою благодарность. Как только он услышал, что его зовут, он тотчас вошел и совершил земной поклон, распростершись ниц. Император Тай-цзун повелел, чтобы его попросили подняться на тронное возвышение, и передал ему написанное. Сюань-цзан прочитал и опять начал низко кланяться, выражая свою благодарность.

— Государь и повелитель мой! — восхищенно воскликнул он. — Какой прекрасный слог, он напоминает мне далекую древность! Какая глубина и изысканность в выражениях! Я не знаю только, как называется это произведение.

— Мы всю ночь слагали его, — отвечал император Тай-цзун, — с намерением выразить в нем благодарность тебе, меньшой брат наш. Назовем его: «Вступление к премудрому учению». Что ты скажешь на это?

Вместо ответа Сюань-цзан много раз стукнул головой об пол, непрестанно произнося слова благодарности.

Тогда Тай-цзун вновь заговорил:

— Мне стыдно, что я, не обладая ни талантами, которые можно было бы уподобить благородному нефриту моего скипетра, ни красноречием, равным по звучности колоколу и билу, составил это вступление. Что касается сокровенного смысла священного учения Будды, то таковой мне вовсе не известен. По правде говоря, придуманное мною вступление составлено весьма неискусно и грубо. Его можно уподобить кляксам, замаравшим золотые дощички драгоценных книг, или обломкам черепицы в роскошном саду. Размышляя над этим, я чувствую, как пылает мое лицо от жгучего стыда. Ты напрасно расточаешь мне свою благодарность.

В это время придворные все в один голос стали поздравлять государя с удачно написанным вступлением, совершили перед ним земные поклоны, после чего сочинение государя было обнародовано и распространено как во дворце, так и за его пределами.

— Меньшой брат наш, — обратился император к Сюань-цзану, — что ты скажешь, если я попрошу тебя прочесть нам вслух что-нибудь из священных книг?

— О повелитель и владыка! — отвечал Танский наставник. — Священные книги следует читать в подобающем месте. В твоём драгоценном дворце нельзя их читать.

Тай-цзуна очень обрадовал прямой ответ Сюань-цзана, и он тотчас же обратился с вопросом к одному из приближенных:

— Какой из монастырей города Чанъань самый чистый?

Из рядов просвещенных мужей выступил вперед самый старший, по имени Сяо Юй*.

— У нас в городе своей чистотой славится монастырь Яньтасы, — сказал он.

Император Тай-цзун тотчас же распорядился:

— Пусть каждый из вас с благоговением возьмет по несколько тетрадей священных книг и вместе со мной отправится в этот монастырь. Мы попросим там нашего меньшого брата побеседовать с нами о священных книгах.

Придворные выполнили императорское повеление и, последовав за царским поездом, сложили книги на высоком помосте перед храмом.

— Ба-цзе и Ша-сэн! Взнуздайте коня-дракона и приведите в порядок дорожные узлы, — распорядился тем временем Танский наставник, — а ты, Сунь У-кун, будь около меня, — добавил он.

После этого он обратился к государю:

— О владыка и повелитель! Если ты хочешь, чтобы верные книги священного писания Будды распространились по всей Поднебесной, надо, чтобы с них сняли копии. Только тогда можно будет обнародовать их. А самые книги следует хранить как драгоценность, ни в коем случае нельзя обращаться с ними небрежно.

— Ты совершенно прав! Совершенно прав! — с улыбкой сказал Тай-цзун.

Он велел вызвать из палаты словесности, а также из приказа письмоводства всех чиновников-переписчиков и приказал им переписать священные книги.

Для этого была построена еще одна кумирня, в восточной части города, которую назвали Кумирня в честь милостивого императорского повеления.

С благоговением взяв обеими руками несколько тетрадей, Танский наставник взошел на помост и только хотел было приступить к чтению, как почувствовал веяние благоуханного ветра, обдувающего его со всех сторон. В воздухе ему явились восемь хранителей Будды, которые громко окликнули его.

— Положи священные книги и тетради, ты, собирающийся читать их! — приказали они. — Следуй за нами на Запад!..

Находившиеся внизу у помоста Сунь У-кун и остальные ученики Танского наставника, а также белый конь тут же, прямо с земли, поднялись на воздух. Танский наставник, оставив священные книги, тоже поднялся на воздух прямо с помоста и вознесся на девятое небо. Император Тай-цзун и его многочисленные придворные пришли в полное замешательство. Устремив взор к небу, они опустили на колени и стали совершать низкие поклоны.

Послушайте, как рассказано об этом в стихах.

Недаром праведный монах
Не пожалел трудов и сил.
Чтоб книги верные достать,
Он стойко горести сносил,
И то пешком, то на коне,
В одежды странника одет,
По землям западным плутал
Четырнадцать суровых лет.

Десятки гор, десятки рек
Скитальцу преграждали путь,
Пытались дьяволы не раз
Его решимость пошатнуть,
Но все упорней шел монах
К хранилищу священных книг —
Три тысячи миров прошел
И средоточья их достиг.

Так он свой подвиг завершил,
Познал спасенья вечный свет,
В своем скитании святом
Изведав восемьдесят бед,
Но, видно, было их число
Не до конца завершено:
К жестоким бедствиям его
Прибавилось еще одно.
Святые книги получив,
Постигнув тайны их вполне,
Домой отправился монах
И отдал их родной стране.
Он искру Истины принес,
А искра сделалась огнем,
И с благодарностью народ
Хранит предание о нем.

Кончив кланяться, император Тай-цзун избрал достойного монаха, чтобы он устроил в монастыре Яньтасы большие моления, на которых был бы прочтен весь свод священных книг ради избавления от адских мук и терзаний бесприютных душ. О том, как происходила переписка священных книг и как их распространили по всей Поднебесной, мы рассказывать не будем.

Вернемся к восьми хранителям Будды, которые увлекли за собой на благоуханном порыве ветра Танского наставника с его учениками и с белым конем обратно на чудесную гору Линшань. Путь в оба конца занял ровно восемь дней.

Когда восемь духов-хранителей с Танским наставником прибыли на гору Линшань, ее обитатели как раз собрались перед Буддой и слушали его проповеди. Восемь хранителей обратились к Будде Татагате с такими словами:

— Мы получили твое драгоценное повеление доставить праведного монаха и его спутников в Танское государство, чтобы они сдали священные книги. Ныне мы явились доложить о выполнении твоего повеления.

Вслед за этим они велели Танскому наставнику приблизиться и получить назначение на должность.

— Праведный монах, — молвил Будда Татагата, — в прошлой своей жизни ты был моим вторым учеником и носил имя Золотой кузнечик. Но так как ты не хотел слушать моих поучений и отнесся невнимательно к нашему великому учению, я понизил тебя и в наказание направил в восточные земли. Ныне, к

моему великому удовольствию, ты обратился к истинному учению, строго соблюдаешь его, отправился за священными книгами и весьма отличился, совершив подвиг. За это я повышаю тебя в должности и жалую тебе звание Будды Добродетельных заслуг сандалового дерева.

Затем Будда Татагата обратился к Великому Мудрецу — Царю обезьян.

— Сунь У-кун — молвил он. — В свое время ты учинил великое буйство в небесных чертогах, и я с помощью своих волшебных сил придавил тебя горой Усиншань. К счастью, небесная кара возымела действие, ты уверовал в учение Будды Сакья-муни. Я рад тому, что за все время путешествия ты боролся против зла и распространял добро, совершил много подвигов и покорял злых дьяволов-оборотней. За это я повышаю тебя в должности и жалую тебе звание Победоносного Будды. Чжу У-нэн! — продолжал Будда, обратившись к Чжу Ба-цзе. — Ты был когда-то духом Небесной реки, полководцем звезды Тяньпэн. Но за непристойность, допущенную тобой, когда ты захмелел на пиру в Персиковом саду и стал заигрывать с небесной красавицей, я наказал тебя, повелев спуститься на грешную землю и переродиться в скотину. Но ты не потерял человеческого облика и греховодничал в пещере Юньчжань на горе Фулин. Однако я рад, что ты наконец вернулся к великому учению и вступил в число моих подвижников-шраманов. Ты охранял в пути праведного монаха, хотя не совсем еще отказался от прежних привычек и не изжил в себе сластолюбивые чувства. Зато ты отличился тем, что нес поклажу, в чем заключается твой подвиг. За это я повышаю тебя в должности и жалую тебе звание Посланца очистителя жертвенников.

— Вот тебе и на! — пробурчал Чжу Ба-цзе. — Они все сделались Буддами, а меня почему-то приставили чистить жертвенники!

— Это за то, что ты был грубияном, лентяем и обжорой! — оборвал его Будда Татагата. — Помни о том, что на четырех материках вселенной очень много верующих буддистов, которые часто приносят жертвы, я дал тебе такое звание, которое должно быть лестным для тебя. Тебя будут звать все, поклоняющиеся Будде, чтобы ты приводил в порядок жертвенники, и тебе будет перепадать немало. Чем же плохо? Ша У-цзин! — позвал Будда, обратившись к монаху Ша-сэну. — Ты носил звание полководца смотрителя Занавеса при Небесном дворе. Но на пиру в Персиковом саду ты разбил хрустальную плошку, и я наказал тебя, изгнав на грешную землю. Ты поселился на берегах реки Сыпучих песков и занимался там людоедством. Но, к счастью, ты раскаялся и обратился к моему учению, искренне соблюдая его, ты охранял праведного монаха и отличился тем, что вел коня при восхождениях на горы. За это я повышаю тебя в должности и жалую тебе звание Златотелого архата. — Затем Будда Татагата подозвал

белого коня. — Ты — сын царя драконов Гуан-цзиня в Западном море, — сказал он. — Ты ослушался своего отца, совершив, таким образом, проступок, нарушающий сыновнее почтение. Но, к счастью, ты уверовал в мое учение и стал подвижником-шраманом. Ежедневно ты вез на своей спине праведного монаха, совершавшего свое путешествие на Запад. Ты же повез на своей спине мои священные книги на восток, в чем и состоит твоя заслуга. За это я повышаю тебя в должности и назначаю повелителем всех драконов.

Все четверо, наставник и его ученики, низко поклонились Будде Татагате, стукнув лбом о землю, и поблагодарили за великую милость. Конь также поблагодарил Будду. Затем праведникам-подвижникам, постигшим учение Будды, было приказано отвести коня к пруду, в котором происходит превращение в драконов. Там они столкнули коня в воду. Тот мгновенно стал вытягиваться в длину, с него слезла вся шерсть, на голове выросли рога, и он весь покрылся золотой чешуей. Потом у него появились серебристые усы, от всего тела начал исходить благотворный аромат, а под четырьмя лапами закрубились благовещие облака. Он вылетел из пруда и обвился вокруг каменного столба с резными украшениями, подпирающего небо.

Все присутствующие Будды славил мудрость Будды Татагаты.

Тем временем Сунь У-кун обратился к Танскому наставнику с давнишней просьбой.

— Учитель!— сказал он.— Теперь уже я стал Буддой наравне с тобой, неужели я так и буду носить на голове золотой обруч, а ты будешь читать свое заклинание? Прочти лучше заклинание, которое позволило бы мне снять его и разбить вдребезги, чтобы никакие бодисатвы больше никогда ни на кого не надевали его.

— В свое время пришлось прибегнуть к этому обручу, так как иначе за тобой нельзя было уследить, — сказал Танский монах.— Теперь же ты сделался Буддой, и обруч этот больше не нужен. Ну-ка, потри себе голову.

Сунь У-кун обеими руками пощупал голову и убедился в том, что обруч исчез.

Вот и достигли наши путники истинного перерождения и получили высокие звания: Будды Сандалового дерева, Будды Победоносного, Посланца очистителя жертвенников и Златотелого архата. Конь стал повелителем всех драконов.

Есть стихи, в которых описаны все эти важные события:

Был на грешную землю
Мудрый праведник послан недаром:
Дух в борьбе закалил он,
Не поддался ни бедам, ни чарам.
На земле он сдружился
С четырьмя существами иными,
Вместе шли они к цели
И скитались путями земными.

А в пути рассуждали
 Об известном и о неизвестном,
 О пустотах и формах,
 О земном бытии и небесном,
 Но ни разу в беседах
 Лживых оборотней не касались:
 Имена их пустые
 Недостойными слов им казались.
 Все свершили герои,
 Вознеслись над мирами печали
 И, достигнув прозренья,
 Лучезарными Буддами стали.
 И за то, что в скитаньях
 Свято истине верность хранили
 И по всей Поднебесной
 Слово Истины распространили,
 Пять подвижников стойких
 Наконец очутились у цели,
 Милость неба снискали
 И на вечном престоле воссели.

Все престарелые Будды прародители, бодисатвы, монахи-праведники, архаты, подвижники, познавшие ученье Будды, нищенствующие монахи-бикшу, набожные миряне-упаны и мирянки-упасики, духи гор и пещер, духи Лю-дин и Лю-цзя, духи времени, духи — хранители кумирен, местные духи и все преподобные праведники-отшельники подошли к Будде Татагате, когда он награждал новых пятерых праведников, после чего возвратились на свои места. Вот как выглядела обитель Будды в это время:

Горы Линшань могучая вершина
 И острый Кондор — пик ее крутой —
 Все разноцветным полымем покрылось,
 Охвачено зарею золотой.
 И благовещие пары сгустились
 В громады лучезарных облаков,
 Обитель Беспредельного Блаженства
 Закутав в свой сияющий покров.
 Незыблема божественная мудрость,
 Все соблюдает здесь ее закон:
 Беззлобен облик Яшмового Тигра,
 Лежит спокойно Золотой Дракон.
 Луаней синих, фениксов багряных
 Летают дружно пары в небесах,
 И ползают бесчисленные стаи
 Тысячелетних змей и черепах.
 Кружатся вороны, и скачут зайцы,
 И круглый год свежи цветы полян,
 Спокойно бродят белые олени,
 Резвятся стаи черных обезьян.
 Здесь вечно зелен древний можжевелник,
 Густые сосны высятся вокруг,
 Под сенью изумрудных кипарисов
 Тихонько стройный зыблется бамбук.
 Чуть расцветут — и сразу плодоносят
 На той горе волшебные сады:
 Сверкнул цветы на персиках и сливах
 И тут же превращаются в плоды.

И все цветет, и все благоухает,
Как будто состязаясь в красоте,
И волны благодатного тумана
Всегда прят в бездонной высоте.

Все присутствующие молитвенно сложили руки ладонями вместе, дабы изъявить свою преданность учению Будды, и начали молиться:

— Слава тебе,
О верховный, самый древний Будда,
Никогда не меркнущий Светильник!
— Слава тебе,
Светлый Будда, Царь в Хрустальном блеске,
Мощный Врачеватель всех недугов!
— Слава тебе,
О всезрящий Будда дней прошедших,
Настоящих и грядущих дней!
— Слава тебе,
О мудрейший Будда Сакья-муни,
Будда чистой Радости и Света!
— Слава тебе,
О предвечный Будда, о Пилуши,
Царь под драгоценною хоругвью!
— Слава тебе,
О грядущий Будда, о Майтрея,
Долголетия Будда, Амитаба!
— Слава тебе,
О издревле властвующий Жизнью
И Неизмеримым Долголетьем!
— Слава тебе,
О правдивый, милосердный Будда,
О Ведущий к Истине Единой!
— Слава тебе,
О сверкающий, алмазный Будда,
Вечно и воистину нетленный!
— Слава тебе,
О чудесный, лучезарный Будда,
Льющий драгоценное Сиянье!
— Слава тебе,
О нетленный, непостижный Будда,
Всеми чтимый, дивный Князь драконов!
— Слава тебе,
О всесильный, милосердный Будда,
Преуспевший в совершенье блага!
— Слава тебе,
Непорочный, лунноликий Будда,
Будда драгоценного сиянья!
— Слава тебе,
О премудрый, безмятежный Будда,
О вовек не знавший неразумья!
— Слава тебе,
О могучий Будда, о Полюна,
О блаженный Будда Налоянь!
— Слава тебе,
Добродетельный и щедрый Будда,
Торжество блистательных заслуг!
— Слава тебе,
Несравненный Будда, наделенный
Даром добродетельных деяний!

— Слава тебе,
О всегда неутомимый Будда,
Любящий великие Скитанья!
— Слава тебе,
Неизменный Будда, озаренный
Пламенем сандалового древа!
— Слава тебе,
О чистейший Будда Моничуан,
Мудрости неугасимый факел!
— Слава тебе,
Морю Добродетели безбрежной,
Яркой, как сияние светил!
— Слава тебе,
Бескорыстный Будда, осиянный
Пламенем Великого Добра!
— Слава тебе,
Благосклонный Будда, Царь вселенной,
Властвующий Силой Доброты!
— Слава тебе,
Чистый Будда, смелый Предводитель
Высшей Прозорливости и Блага!
— Слава тебе,
Будда Необъятного величья,
Неподкупной Строгости и Силы!
— Слава тебе,
Будда Животворного Сиянья
Золотого, вечного Цветка!
— Слава тебе,
Несравненно совершенный Будда,
Негасимый Светоч Дарований!
— Слава тебе,
Мудрый Будда, Непреклонный Разум
И Всепобеждающее Слово!
— Слава тебе,
Будда Золотого ореола,
Чистого Спокойствия миров!
— Слава тебе,
Будда — Царь Жемчужного Сиянья,
Властвующий Солнцем и Луной!
— Слава тебе,
Будда-царь, над миром возносящий
Разума победные хоругви!
— Слава тебе,
Благозвучный, сладкогласный Будда,
Будда Дивных Голосов и Звуков!
— Слава тебе,
Будда, пребывающий под сенью
Вечно пламенеющих хоругвий!
— Слава тебе,
Будда, наклоняющий светильник,
Чтобы созерцать свои миры!
— Слава тебе,
Венценосный Будда, Царь творенья,
Побеждающий своим ученьем!
— Слава тебе,
О блаженный, неизменный Будда,
Нам сияющий с горы Сумеру!
— Слава тебе,
Истинный, непогрешимый Будда,
Разума все сильного владыка!

— Слава тебе,
 Будда ослепительно прекрасный,
 Как сиянье золотого моря!
 — Слава тебе,
 О спасительный, нетленный Будда,
 Блеск Всепроникающего Света!
 — Слава тебе,
 О сияющий, кристальный Будда,
 Полный лучезарных дарований!
 — Слава тебе,
 Будда у Сандалового Древа,
 Полный добродетельных заслуг!
 — Слава тебе,
 Будда, ратующий за победу
 Своего бессмертного ученья!
 — Слава тебе,
 О, сияющая милосердем
 Гуаньинь — Авалокитешвара!
 — Слава тебе,
 Бодисатва справедливой силы
 Обладатель безграничной мощи!
 — Слава тебе,
 О благословенный бодисатва,
 Ведомый под именем Манчжурты!
 — Слава тебе,
 О высокочтимый бодисатва,
 Что мудрей несчетных бодисатв!
 — Слава и вам,
 Бодисатвам всех великих, чистых
 И неиссякаемых морей!
 — Слава и вам,
 Бодисатвам, что сбирались вместе
 В день вселенского собора Будды,
 У священных Лotosовых вод!
 — Слава и вам,
 Всем непогрешимым бодисатвам,
 Западной обители достигшим
 Высшего предельного блаженства!
 — Слава и вам,
 О три тысячи великомудрых,
 Чистых бодисатв, проникших в тайны
 Сокровенного ученья Будды!
 — Слава и вам,
 Пятистам великим и прекрасным,
 Пламенным, как солнце, бодисатвам,
 Мощным, ослепительным архатам!
 — Слава и вам,
 Всем подвижникам и правдолюбцам,
 Полным святости монахам-бикшу,
 Бодисатвам ранга Исайни!
 — Слава и вам,
 Вразумленным свыше бодисатвам,
 Вам, столпам Единого ученья,
 Беспредельной и безмерной Правды!
 — Слава и вам,
 Всем неисчислимым бодисатвам,
 Всем хранителям ученья Будды,
 Всем душою твердым, как алмаз!
 — Слава тебе,
 О неутомимый бодисатва,

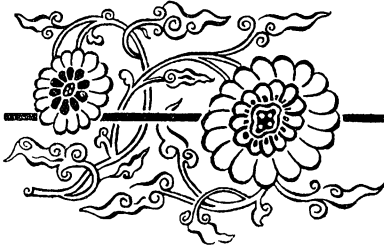
О блистательный посланец неба,
Очиститель жертвенных сосудов!
— Слава тебе,
О неколебимый бодисатва,
Восемь драгоценностей хранящий,
Златотелый, преданный архат!
— Слава тебе,
О непобедимый бодисатва,
О хранитель, о Дракон небесный,
Неусыпный Страж Восьми чертогов!
О, в молитве названные Будды,
Вы проникнуты одним желаньем:
Чтобы совершенное деянье
Не прошло бесплодно и бесследно,
А смогло навеки возвеличить
Вашу чистую страну бессмертья!

Не напрасно мудрые монахи
Подвиг благочестья совершили:
За четыре милости великих
Отплатили добрыми делами,
А к тому ж своим святым примером
Помогли и многим низшим душам
Трех дорог губительных избегнуть,
Что ведут к воротам преисподней.

Пусть же все, кто слышал или видел
То, что здесь рассказано подробно,
Дух и сердце приведут в движение
И поймут, в чем суть прозренья «боди»,
Отрекутся от греховной плоти
И сольются просветленным духом
С чистым миром высшего блаженства!
Славьтесь же отныне и вовеки
Будды всех миров неисчислимых,
Будды десяти сторон вселенной,
Все великомудрые, благие,
Славьтесь все святые бодисатвы —
Моксы Маха панджа парамита! *

Этими стихами заканчиваются «Записки о путешествии на Запад».

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 24. *Зови меня просто: дедушка...*— этими словами Сунь У-кун хотел оскорбить старого дьявола.

Стр. 27. *С чего это вдруг он вздумал запускать бумажного змея?*— Имеется в виду старый дьявол, которого Сунь У-кун как бумажного змея запускает в небо.

Стр. 42. *А страстей на земле—шестью шесть, между ними—война!*— Буддизм учит людей бороться с шестью чувствами, чтобы после ряда перерождений люди могли стать достойными обитателями тридцати шести небесных сфер, где нет земных страстей, а следовательно, нет и войн.

Стр. 55. *Ананда, Кашьяпа* (Ано, Цзяшэ)—ближайшие ученики Будды Татягаты.

Стр. 70. *Мохо* — великий.

... в трех прибежищах... — Под тремя прибежищами буддисты подразумевают Будду, закон и сарга (духовенство).

Пять заповедей.— Имеются в виду следующие заповеди, обязательные для каждого буддиста: 1. Не убей; 2. Не укради; 3. Не прелюбодействуй; 4. Не лги; 5. Не пей неразумно хмельного.

Стр. 71. *Брамин* — буддийский законоучитель.

Стр. 73. *Бледно-желтая ткань.*—Бледно-желтый цвет в те времена был цветом императорских эмблем.

Девять небес.— Согласно даосским и буддийским верованиям, небеса делятся на девять сфер.

Стр. 75. *«Самади»* — созерцание мира в огне.

Стр. 86. *Тай-цзай* — один из высших придворных сановников императорского двора.

Стр. 90. *Лангюань*—название волшебного сада, расположенного якобы в северном отроге Куэньлуня. По преданию, там находятся пять чертогов царицы Сиванму и двенадцать башен для любования природой.

Стр. 92. *Звезда Южного предела неба* — Южная Полярная звезда, которая считалась в народе обиталищем духа Долголетия,

Стр. 96. *Восточный князь* — по преданию, небожитель, властвующий над всеми бессмертными праведниками.

Стр. 97. *Тай-ши* — чин высшего придворного наставника, учителя молодого императора.

Стр. 102. *Сын Неба*. — В Китае императора считали сыном неба.

Государева табличка. — Императорские указы и распоряжения обычно писали на деревянной или бамбуковой дощечке.

«*Парчовая ширма*», «*Смотр фонарей*», «*двенадцать кряжей Ушаньских гор*» — эти слова, помимо их прямого значения, служат названиями костей в одной из древних игр.

Стр. 103. *Звездный Ковш* — созвездие Большой Медведицы.

Стр. 104. *Шаояо* — целебные плодовые деревья, произрастающие на юге Китая.

Стр. 111. *Ставленная грамота* — свидетельство, которое выдается монахам, принявшим постриг.

Стр. 115. *Пило* — название храма, данное ему в честь бодисатвы Пило.

Стр. 116. *Счастья Пятерица*, или Пятикратное счастье. — Имеются в виду пять жизненных благ, которые, по древним понятиям, в совокупности составляли счастье: 1. Долголетие; 2. Богатство; 3. Здоровье; 4. Добродетельность; 5. Спокойная смерть в глубокой старости.

Стр. 117. *Ламаистские храмы*. — Ламаизм — религия, господствующая в Тибете и во Внутренней Монголии. Представляет собой видоизменение буддизма. Верховный лама пребывает в своем монастыре, расположенном в Лхасе. Он носит китаизированное название: «Далай-лама», в его лице якобы воплощается сам Будда. Духовная иерархия ламаизма весьма сложна и построена на строгой субординации. Все ламаистское духовенство обязано соблюдать целибат (безбрачие).

Стр. 118. *Цветной Зонт*. — Иносказательно служит для обозначения созвездия, которое мы называем Большой Медведицей. По китайским народным представлениям, в нем обитает Владыка неба, он же распорядитель судеб всех людей.

Стр. 125. «*Золотой кузнечик*» — буддийская эмблема высокой нравственности. Буддисты считают, что кузнечики питаются лишь росой и воздухом, не гнут хлебных злаков, не проводят время в хлопотах об уютном гнезде, не помышляют о собственном благе.

Стр. 127. *Это будет счастьем трех жизней наших...* — По буддийским представлениям, жизнь человека состоит из трех перерождений: в прошлом, в настоящем и в будущем.

Да-дао. — Даосисты считают, что добиться высшей степени самоусовершенствования возможно путем «Да-дао», то есть познания «Великого пути». По их представлениям, для того чтобы познать «Великий путь», нужно пройти ряд этапов созерцания, позволяющего добиться «высшей цели», то есть торжества духа над телом и плотью и вступления в определенный ранг праведника, обладающего той или иной чудодейственной силой.

Мы много праведников различаем || Всех девяти высоких ступеней. — Даосские святые, в подражание буддийским, часто изображаются на сидениях из лотоса в порядке, соответствующем рангу того или иного святого, причем нижшим рангом является девятый.

Три звездных колесницы. — Имеются в виду так называемые «Колес-

ницы бодисатв», на которых эти божества «нисходят с небес» к страждущим; колесницы праведников «Пратек Будды», достигших святости без наставлений Будды; колесницы десяти первых учеников Будды, Шравасти, среди которых почетное место по бокам Будды отводится Кашьяпе и Ананде.

Стр. 127. *Хотим тогда войти в Покоя сад.*—«Садом покоя» (Ци-юань) буддисты называли излюбленное обиталище Будды. Об этом саде существует легенда: когда-то в давние времена некий богатый благотворитель вздумал создать большой монастырский приют для сирот и обездоленных. Он выбрал место для приюта в красивом саду в княжестве Шравасти (Центральная Индия), принадлежащем наследнику князя. Наследник в шутку запросил столько золотых монет, сколько необходимо для того, чтобы усыпать все дорожки в саду. Благотворитель принял шутку всерьез и действительно усыпал все дорожки золотом.

Стр. 128. *Ученья Будды цвет.*— Имеются в виду буддийские проповеди, посвященные учению правил созерцания.

Письмо, которое с тоской в груди || Прислал под старость лянский царь У-ди.— Имеется в виду покаянное послание царя династии Лян, который (VI в.) только перед смертью принял учение Будды.

Данапати — милостынедатели и щедрые благотворители, поддерживавшие существование монастырей и храмов.

Стр. 129. *Восьмерых я бессмертных могуществом превосхожу...*— По даосским представлениям, восемь бессмертных вышли из знаменитых людей, живших в IX—X веках (эпоха Сун). Их имена и изображения весьма популярны в китайском народе, а именно: Хань Чжун-ли (с веером) — покровитель врачей; Люй Дун-бинь (с мечом) — покровитель военных; Цжан Го-лао (с кистью) — покровитель литераторов; Цао Го-цзю (с кастаньетами) — покровитель актеров; Хэ Сянь-гу (с вышивками) — покровительница домашнего уюта; Те-Гуай-ли (с горлянкой) — покровитель магов; Лань Цай-хэ (с флейтой) — покровитель музыкантов; Хань Сян-цзы (с корзинкой) — покровитель цветоводов. Славится художественная композиция, в которой изображены все восемь бессмертных, переправляющихся через море.

Стр. 132. *«Священный огонь»* — трубочка, скрученная из особой бумаги, которая часами тлеет и издает ароматный запах. Также светильник перед изображением Будды.

Солошу (или Хэуньшу) — название священного дерева, под которым почил Будда.

Нефритовый зайчонок.— Согласно древним китайским легендам, на луне, которая управляется богом Юэ-лао и богиней Чан-э, живет также нефритовый заяц, на обязанности которого лежит приготовление всевозможных сладостей.

Стр. 135. *Птица Цзинвэй.*— Имеется в виду легендарная птица, в которую, по преданию, превратилась прародительница людей и живых тварей Нюй-ва. Она повелевала черепахе Ао поддерживать горы. Чтобы никто больше не утонул, птица решила завалить море камнями.

Лэй Хуань — астролог, живший в III веке. Как говорит предание, по фиолетовому сиянию, появившемуся однажды между созвездиями Большой Медведицы и Тельца, он определил местонахождение двух драконов,

Стр. 136. *Махаричжа* — один из четырех хранителей Будды.

Стр. 137. *Лучше нам жить в дружбе, как жили Гуань Чжун и Бао Шу-я...* — С юных лет Гуань Чжун и Бао Шу-я (V в. до н. э.) были связаны крепкой дружбой.

Стр. 138. *Сунь Бинь и Пан Цюань* (IV в. до н. э.) — генералы, соперничавшие в военном искусстве и враждовавшие между собой.

Стр. 149. *Темные горы Инь-шань.* — Эти горы отделяют Китай от Монголии, за ними простирается пустыня Гоби. По преданию, горы Инь-шань считались краем земли.

Стр. 157. *Тай-чжэнь* — посмертное имя фаворитки Танского императора Ли Лун-цзи (712—755 гг.), погибшей в результате дворцового переворота, якобы превратившейся в небесную фею. Известна под прозвищем Ян Гуй-фэй.

Стр. 159. *Сад Вэй* — сад древней родовой семьи Вэй, прославившейся выращиванием редких ароматных цветов.

Стр. 161. *«Красные шнуры».* — В древнем Китае красными шнурами перевязывали руки младенцев, считая, что этим можно отогнать от них злых духов. Такими же шнурами перевязывались щиколотки ног у жениха и невесты в знак нерушимого брачного союза.

«Голубой мост» — название грота к юго-востоку от уездного города Лантянь в провинции Шэньси. По преданию, некий Пэй Хан, живший в годы Танской империи, проезжал это место, где тогда был мост через реку. Ему повстречалась женщина, которая через свою служанку передала листок с вещими стихами. В стихах говорилось, что он встретит здесь девушку и женится на ней. Пэй Хан зашел в корчму близ Голубого моста и попросил поесть. Хозяйка корчмы велела дочери Юнь Ин накормить путника. Пэй Хан сразу же влюбился в Юнь Ин. Он упросил хозяйку корчмы выдать за него дочь замуж и жил с ней очень счастливо.

Стр. 196. *Сушунан* — знаменитый конь мудрого Го Пу, прославившегося знанием черной магии (жил в III в.).

Стр. 202. *Страна Зарослей небесного бамбука* — иносказательное название Индии.

Стр. 203. *У Чао* (буквально: «Воронье гнездо») — имя одного из ревностных последователей учения Будды. Был причислен к рангу бодисатв.

Стр. 212. *Шраман* — буддийский проповедник; в данном случае имеется в виду Танский монах Сюань-цзан.

Красильных дел мастер — здесь: клеветник, ябедник.

Стр. 229. *Почтенный государь Ли* (Ли Лао-цзюнь) — считается третьим из первозданных людей после Сюань Лао и Тай Шана.

Птица Пэн. — Согласно древним китайским легендам, гигантская птица, переродившаяся из морского чудовища; ее спина выше горы Тайшань, а простертые крылья закрывают весь небосвод.

Стр. 246. *«Книга ста фамилий».* — Своеобразные китайские святыцы, в которые внесено около четырехсот родовых китайских фамилий.

Стр. 251. *Гэ Сянь-вэнь* — главный советник императора Юань-ди (317—322 гг.). По преданию, занимался тайной магией и причислен даосами к лику бессмертных наставников.

Сюй Цзин-ян (он же Сюй Чжэнь-цзюнь) — правитель области Цзинь-ян в провинции Сычуань. По преданию, занимался тайной магией. В 378 г. бе-

жал вместе с сорока двумя домочадцами в горы. С тех пор его считают вознесшимся на небеса.

Стр. 256. *Дэн, Синь, Чжан и Тао.*—Имеются в виду обожествленные и превращенные в даосских небожителей полководцы, сановники Дэн Ю и Синь Цинци (III—IV вв.), а также отшельники-маги Чжан Сянь и Тао Хун-цзин (VI в.).

Стр. 290. *Красотою сравнится с таким тайником только Персиковая пещера.*— Имеется в виду райская страна «Персиковый источник», воспетая поэтом Тао Юань-мином (372—427 гг.) эпохи Хань. По преданию, в этой стране обитали отшельники, покинувшие империю Цинь Ши-хуана (II в. до н. э.).

Стр. 292. *Аламбик*—тигель с перегонным кубом, применяемый алхимиками при изготовлении «пилюль бессмертия».

Стр. 297. *Лев Бо-цзэ* — порода львов, которая считалась наиболее смышленной.

Стр. 312. *Шивэй* — приближенные высшие чины из дворцовой стражи.

Стр. 313. *Трое Бессмертных мудрецов.*—Имеются в виду Лао-цзы, Конфуций и его ученик Янь Юань.

Царство Девяти источников. — Иносказательно загробный мир, царство Янь-вана.

Стр. 318. *Пять пороков*—бахвальство, кокетство, танцы, пение и стихотворство.

Три непростительных греха — поджог, грабеж и убийство.

Стр. 319. *Ступа* — храм в виде многоярусной башни.

Суковати (Западный рай) — название одного из трех высших буддийских раев, повелителем которого является Будда долголетия Амитабу.

Стр. 323. *Сад Золотой долины*—сооружен в III—IV вв. богатым сановником Ши Чуном близ столицы того времени Лояна. Шедевр садового искусства.

Красу картины видовой, что создана Ван Вэем... — Выдающийся поэт и художник эпохи Тан (VIII в.) Ван Вэй — создал панорамные картины «Ванчуаньту», ставшие образцом пейзажной живописи древнего Китая.

Стр. 324. *Смесливые цветы* — так в Китае образно называют аютины глазки.

Цветы Встреча весны — разновидность жасмина.

Стр. 327. *Пин-и* — имя духа, который, по преданию, первоначально управляет силами Ян и Инь.

Стр. 328. *Ли Бо* (701—766 гг.). — прославленный поэт эпохи Тан.

Стр. 330. *Стиракса* — ароматная смола.

Стр. 334. *А чтобы было полное соответствие со словами «Кай-тай», мы и взяли трех баранов.*— «Три барана» (по-китайски «сань ян») — звучит так же, как «первая луна». «Кай-тай» означает «процветать». Таким образом «сань ян кай-тай» значит — «желаю процветания в первой луне».

Стр. 336. *Благочинный*—здесь: лицо, назначаемое на должность главного наставника первого столичного монастыря.

Стр. 350. *Синю* — разновидность носорогов, у которых один рог на носу, а другой на макушке.

Сыню — малайский носорог.

Цветистый носорог — самая ценная порода носорогов.

Стр. 362. *Когда душа очнулась и прозрела, //Три башни строить нам уже не надо.*—В древнем Китае строили башни трех видов: Башню духов (Лин-тай —

для гадания по звездам; Башню времени (Ши-тай) — для определения времени года; Башню в зверинце (Ю-тай) — для осмотра животных, птиц и рыб.

Стр. 365. *Древо бодисатвы*—священное дерево, под которым, по буддийским преданиям, прозрел и стал Буддой царевич Сиддарта.

Стр. 366. *«Гата»* — буддийские песнопения и стихи, написанные в форме четверостиший.

Стр. 367. *Сад покоя* — принадлежал княжичу Джета Кумара.

Стр. 368. *Золотой талисман* — иносказательно учение Будды.

Стр. 370. *Вот уж третий сосуд // Постепенно, по капле иссяк.*— Имеются в виду водяные часы (клепсидры).

Стр. 372. *И-цзун* — имя мифического индийского царя (в китайской транскрипции).

Стр. 377. *Три правила*: 1. Усовершенствование духа; 2. Изгнание страстей; 3. Чистота души.

Шесть корней.— Так буддисты называют органы чувств: глаза, уши, нос, язык, тело, мозг.

Стр. 386. *Хвост пятнистого барса* — обычно служил регалией в свите императора.

И лучи заиграли // На гранитном оскале дракона.— Имеется в виду тот момент, когда император поднимался по дворцовым ступенькам, которые разделяются на две части плитой с изображением дракона, летающего в облаках.

Стр. 390. *«День заветный».*— Имеется в виду день Духа земли (Шэ-жи)— пятый день после осеннего равноденствия.

Стр. 394. *Мао Цян* — имя красавицы, воспетой выдающимся китайским мыслителем древности Чжуан-цзы (365—290 гг. до н. э.).

Стр. 395. *Чу*—название древнего княжества (740—330 гг. до н. э.), расположенного на территории нынешних провинций Цзянси, Цзянсу, Хубэй, Хунань, Чжэцзян и южной части Хэнань. Это княжество славилось красивыми женщинами.

Право, можно подумать, // Что явилась она в это утро // Не из царского дома, // А с далекой вершины Тяньтая.— Поэт сравнивает красавицу с легендарными обительницами этой горы, которые так обворожили своей красотой собирателя трав и врача Лю Чэнь-юаня, что последний не заметил, как прошло семь веков: они показались ему всего лишь двумя месяцами.

Стр. 410. *Две властительницы луны.*— Имеются в виду богини луны Чан-э и Хэн-э.

Стр. 411. *Черный иней* — порошок черного цвета, который, по представлениям древних алхимиков, являлся составной частью пилюль бессмертия.

Стр. 417. *Юй и Тан* — легендарные цари древности.

Стр. 424. *Восемь «сокровищ»* — символические изображения, олицетворяющие основные заповеди буддизма; соответствуют восьми частям человеческого тела и представляются в виде рисунков или предметов: 1. «Колесо закона» означает сердце; 2. «Звенящая раковинка» — желчный пузырь; 3. Зонт — селезенку; 4. Балдахин — легкие; 5. Цветок лотоса — печень; 6. Ваза — желудок; 7. Две рыбы — почки; 8. Сплетенные нити — кишки. Изображения этих предметов ставятся в храмах перед изваяниями Будд и другими священными фигурами буддийской религии.

Стр. 425. *Поставец* — шкаф с выдвижными полками.

Стр. 426. «*Борода дракона*». — По преданию, древнейший император Китая Хуан-ди изготовил сосуд для хранения государственных ценностей. Об этом проведаль небесный дракон и решил похитить сосуд. Он всунул в него голову, но Хуан-ди крепко вцепился ему в бороду и выдрал из нее большой клочок. С тех пор борода дракона является символическим предупреждением всем тем, кто покушается на чужое добро.

Стр. 428. *Сюцай* — низшая ученая степень в старом Китае, существовавшая до 1908 года.

Стр. 434. *Небесная флейта* — иносказательно ветер.

Стр. 441. *Правители Хуан и Гун* (Хуан Ба и Гун Суй) — два знатных правителя областей эпохи Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Гун Суй успешно подавлял пиратов, а Хуан Ба прославился искусством управления государством.

Чжо и Лу — фамилии прославленных древних судей: Чжо Мао (I в. до н. э.) и Лу Гун (I в. н. э.), причем последний был в старости призван ко двору в качестве пестуна наследника.

Стр. 457. *Деревья-мечи* — по преданию, растут в аду по дороге к судилищу и наносят раны грешникам своими ветвями-мечами.

Бурная река «Как быть?». — В эту реку, по буддийским верованиям, падают с моста грешники и потом долгое время не могут выбраться на берег.

Стр. 468. *Шесть порочных скверн* — все порочные влияния, проникающие через шесть органов чувств.

Стр. 472. *Муни*. — Имеется в виду Будда, которого величают также Сакья-муни. В древней Индии именем Муни называли подвижников, стрекшихся от мира и посвятивших себя проповеди Истины.

Стр. 473. *Восемь бодисатв*. — Имеются в виду Маньчжутра (отрок со свитком, слицетворяющий мудрость), Майтрея (бодисатва доброты и любви), Авалокитешвара (в Китае Гуаньинь), Самантабадра (бодисатва с жемчужиной в руке), Вачжранани (могущественный бодисатва), бодисатва силы («Вместилище пустоты», с мечом в руке), Притвигарба (бодисатва обетов, со свежим плодом в руке), бодисатва храбрости («Устраняющий преграды», с вазой в руке).

Одиннадцать светил. — Имеются в виду звезды, планеты и туманности, окружающие Северную Полярную звезду.

Стр. 474. *Три источника света* — солнце, луна и звезды.

Хоть и был у вас некто из рода Кун... — Имеется в виду Конфуций.

Стр. 475. *Жемчужный терем* — так в древности называли книгохранилища.

Стр. 476. *Бодидарма* — ярый сторонник и последователь учения Будды (VI в.). Жил в Китае и переводил буддийские книги.

Стр. 477. «*Вишнана*» — у буддистов означает «умственные и познавательные способности».

Стр. 491. *Сокровенная застава* — образное обозначение основ буддийского учения.

Стр. 500. — *Семь буддийских святынь* (или «Семь драгоценностей»): 1. Золотое колесо, которое перед полководцем поражает противника; 2. Белый слон с шестью клыками; 3. Рыжий конь, способный к дальнему походу; 4. Жемчужины, светящиеся ночью; 5. Красавицы, обладающие истинной красотой; 6. Хранитель всех земных сокровищ; 7. Воин, не знающий поражений.

Стр. 512. *Десять стран света*—восток, запад, юг, север, юго-восток, северо-восток, юго-запад, северо-запад, зенит, надир.

Стр. 513. *...особые приметы числом восемь на четыре.*— Имеются в виду внешние приметы Будды.

Пагубные «три пути» — три пути, ведущие грешников в ад.

«Десять земель» — образное название десяти степеней восхождения бодисатв. Первая называется «землей радости», а последняя — «землей духовных облаков».

«Три пустых мира» — пустота, абстрактность и бездействие.

«Четыре терпения»: 1. Не поддаваться на лесть и почести; 2. Быть бесстрастным по отношению к гневным, вспыльчивым и любострастным; 3. Терпеть укусы насекомых и не убивать их; 4. Не мстить злым, обезвреживать их своей снисходительностью.

«Врата сокровения» — иносказательно магия и колдовство.

Стр. 514. *Вода, обладающая «восемью добродетельными качествами»*: 1. Холодная; 2. Сладкая; 3. Мягкая; 4. Легкая; 5. Прозрачная и чистая; 6. Без запаха; 7. Не вызывает болезни горла; 8. Вылечивает от желудочных заболеваний.

Врата нирваны — образное обозначение шести средств, к которым прибегают буддисты для достижения созерцательного состояния: 1. Десять вдохов; 2. Следить за выдохами, не считая их; 3. Задержание дыхания; 4. Остановка мысли; 5. Возвращение мысли к источнику самосозерцания; 6. Конечное успокоение, достижение чистоты духа.

Шесть ладов — то есть шесть тонов музыкальной гаммы в буддийских псалмах.

Огненный дом — образное обозначение буддистами мира страстей, в котором живут на земле грешные люди.

«Золотые воды» — образное выражение, применяемое буддистами для обозначения мирской алчности.

Стр. 515. *Сяо Юй* (он же Сяо Лан)—известный придворный историограф, современник Танского императора Тай-цзуна.

Стр. 524. *Моксы Маха панджа парамита!* (санскр.) — эпитет, прилагаемый к бодисатвам. Обозначает премудрость, всеблагость и полное восприятие учения Будды, которое проповедует спасение живых существ от мучений бренного существования на земле.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Глава семьдесят пятая</i> , повествующая о том, как смышленная обезьяна пробуравила вазу, содержащую женское и мужское начала, и как главарь демонов вновь вступил на путь Истины . . .	3
<i>Глава семьдесят шестая</i> , в которой рассказывается о том, как Сунь У-кун пребывал в утробе дьявола, а также о том, как вместе с Чжу Ба-цзе он покорил второго дьявола	24
<i>Глава семьдесят седьмая</i> , повествующая о том, как были обмануты дьяволы-оборотни и как все они преклонились перед Буддой	42
<i>Глава семьдесят восьмая</i> , из которой читатель узнает о том, как странствующие монахи преисполнились жалостью к детям, вызвали для их спасения духов, а также о том, как в зале дворца распознали дьявола и вели беседу о добродетели	61
<i>Глава семьдесят девятая</i> , из которой вы узнаете о том, как Сунь У-кун нашел пещеру, поймал укрывшегося в ней злого оборотня и встретил почтенного духа Долголетия, а также о том, как правитель государства Нищенствующих монахов бикшу собственными глазами увидел возвращение детей	81
<i>Глава восемьдесят первая</i> , в которой повествуется о том, как дева-оборотень хотела обойтись с праведным монахом и как сметливый Сунь У-кун отстоял своего наставника и распознал в ней злого духа	100
<i>Глава восемьдесят вторая</i> , из которой читатель узнает о том, как смышленная обезьяна распознала оборотня и как в бору Черных сосен ученики искали своего наставника	121
<i>Глава восемьдесят третья</i> , в которой будет рассказано о том, как обольстительная дева хотела сочетаться с силой Ян и как непорочное начало защищалось от ее посягательств	143
<i>Глава восемьдесят четвертая</i> , повествующая о том, как смышленная обезьяна узнала, кому подвластна дева-оборотень и как эта дева возвратилась к своей истинной природе	164
<i>Глава восемьдесят пятая</i> , в которой повествуется о том, почему монахи-путники оказались неистребимыми, а также о том, как наступило великое прозрение у законного правителя	182
<i>Глава восемьдесят шестая</i> , из которой читатель узнает, как смышленная обезьяна решила подшутить над Чжу Ба-цзе и как владыка дьяволов умудрился похитить праведного монаха	200
<i>Глава восемьдесят седьмая</i> , в которой рассказывается о том, как Чжу Ба-цзе помог победить чудовище и как Сунь У-кун с помощью волшебства уничтожил злого оборотня	222
<i>Глава восемьдесят восьмая</i> , в которой говорится о том, как округ Бессмертного феникса постигла засуха и как Великий Мудрец Сунь У-кун, обратив жителей округа к добру, вызвал обильный дождь	244

<i>Глава восемьдесят восьмая</i> , в которой повествуется о том, как праведные монахи в княжестве Яшмовых цветов устроили волшебное представление, а также о том, как Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн обрели учеников	264
<i>Глава восемьдесят девятая</i> , в которой будет рассказано о том, как Желтый лев-оборотень напрасно готовился к пиру в честь волшебных граблей, а ученики Танского наставника, по прозвищу Золото, Дерево и Земля, учинили буйство на горе Барсова голова	283
<i>Глава девяностая</i> , повествующая о том, как закончилась борьба между монахами и оборотнями-львами, и о том, кто оказался обладателем девяти чудес	300
<i>Глава девяносто первая</i> , повествующая о том, как в округе Золотой покой путники любовались новогодними фонарями и как Танский монах держал ответ в Черной пещере	318
<i>Глава девяносто вторая</i> , в которой рассказывается о том, как трое монахов вступили в жестокую битву на горе Черного дракона и как духи-повелители четырех созвездий изловили оборотней-носо-рогов	342
<i>Глава девяносто третья</i> , из которой читатель узнает о том, как был создан сад для сирот и одиноких, и о том, как царь — правитель страны Зарослей небесного бамбука встретился с женихом своей дочери	362
<i>Глава девяносто четвертая</i> , повествующая о том, как четверо монахов-путников пировали в царском саду и как напрасно лелеял вождельные мечты оборотень в образе царевны	380
<i>Глава девяносто пятая</i> , из которой читатель узнает о том, как ложный образ заменил истинный, как был пойман Нефритовый заяц и как оборотень, встретившись с первородным духом, был направлен на истинный путь	400
<i>Глава девяносто шестая</i> , в которой рассказывается о том, как сверхштатный чиновник Коу Хун радушно принял Танского наставника и как Танский наставник не прельстился ни роскошью, ни почетом	420
<i>Глава девяносто седьмая</i> , в которой рассказывается о том, как Танского монаха из-за пышных проводов постигло несчастье, а также о том, как Великий Мудрец Сунь У-кун нашел душу умершего и вернул ему жизнь	439
<i>Глава девяносто восьмая</i> , в которой будет рассказано о том, как, обуздав мысль, быструю словно конь, и желания, светливые словно обезьяна, монах избавился наконец от своей оболочки и как, совершив подвиг, он лицеизрел живого Будду Татагату	461
<i>Глава девяносто девятая</i> , в которой рассказывается о том, как было выдержано последнее испытание из восьмидесяти одного, после чего исчезли злые чары, и как, закончив период испытаний, путники вернулись к первоначальному состоянию	487
<i>Глава сотая</i> , в которой рассказывается о том, как путники кратчайшим путем вернулись в восточные земли и как все пятеро обрели истинное прсзрение	503
Примечания	525

У ЧЭН-ЭНЬ
Путешествие на Запад,
том 4

Редактор *С. Хохлова*
Художественный редактор *Г. Клодт*
Технический редактор *М. Позднякова*
Корректоры *Г. Сурис* и *А. Шлейфер*

Сдано в набор 11/VI 1959 г.
Подписано к печати 7/VIII 1959 г.
Бумага 60×92¹/₁₆ — 33,5 печ. л.,
Уч.-изд. л. 36,31+5 вкл.=36,61 л.
Тираж 30 000. Заказ № 3227.

Цена 11 р. 50 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

ОПЕЧАТКИ

Том	Стр.	Строка	Напечатано	Нужно читать
II	22	5 сверху	... где тут есть жилое...	... где тут есть жилье...
II	32	2 снизу	«Теперь можно до трех раз».	«Терпеть можно до трех раз».
II	76	3 снизу	... швырнул в ме- ня фонарем...	... швырнул в не- го фонарем
III	482	9 снизу	стр. 425	стр. 435

Таблица традиционных китайских мер и весов

Длина	Площадь	Объем	Вес
<i>ли</i> — 576 м	<i>фанли</i> — 33,177 га	<i>инь</i> — 207,09 л	<i>инь</i> — 119,363 кг
<i>инь</i> — 32 м	<i>цин</i> — 6,144 га	<i>дань</i> — 103,55 л	<i>дань</i> — 59,682 кг
<i>чжан</i> — 3,2 м	<i>му</i> — 6,144 ар	<i>ху</i> — 51,77 л	<i>цзинь</i> — 596,82 г
<i>жэнь (сюнь)</i> — 2,56 м	<i>фэнь</i> — 61,44 м ²	<i>доу</i> — 10,35 л	<i>лян</i> — 37,301 г
<i>бу</i> — 1,6 м	<i>фанчжан</i> — 10,24 м ²	<i>шэн</i> — 1,035 л	<i>цянью</i> — 3,7301 г
<i>чи</i> — 0,32 м	<i>ли</i> — 6,144 м ²	<i>гэ</i> — 0,1035 л	<i>фэнь</i> — 0,37301 г
<i>цунь</i> — 3,2 см	<i>фанбу</i> — 2,56 м ²	<i>шао</i> — 0,01035 л	<i>ли</i> — 37,301 мг
<i>фынь</i> — 3,2 мм	<i>хао</i> — 0,6144 м ²		<i>хао</i> — 3,7301 мг
<i>ли</i> — 0,32 мм	<i>фанчи</i> — 0,102 м ²		<i>сы</i> — 0,37301 мг
<i>хао</i> — 0,032 мм			

Священная книга о пяти драконах — 32 тетради
Священная книга об основных деяниях Будды — 839 тетрадей¹
Священная книга о заповедях для бодисатв — 116 тетрадей
Священная книга о великих вселенских соборах — 130 тетрадей
Священная книга про кита «Моцзе» — 350 тетрадей
Священная книга про цветок Будды — 100 тетрадей
Священная книга об йогах — 100 тетрадей
Священная книга о драгоценном постоянстве — 220 тетрадей
Священная книга о Западном небе — 130 тетрадей
Священная книга о монашеском благочестии — 157 тетрадей
Священная книга о стране Будды — 1950 тетрадей
Священная книга, поднимающая веру — 1000 тетрадей
Священная книга о соразмерности благоразумия — 1080 тетрадей²

---

1 В бумажном издании эта строчка пропущена, количество тетрадей вычислено мной, исходя из общего количества в 15 144 тетради. По китайскому тексту — «800 тетрадей».

2 В бумажном издании ошибочно указано «1800 тетрадей» вместо «1080 тетрадей». Проверено по китайскому тексту.

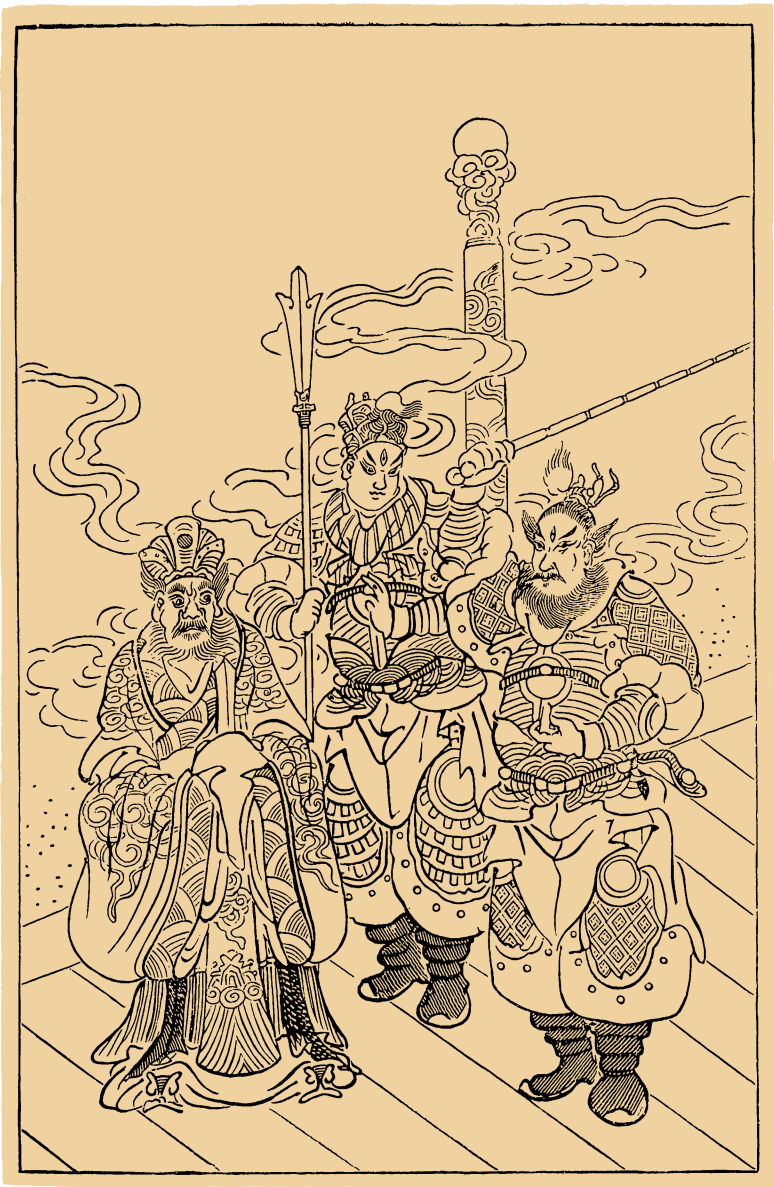
Дух Аллигатор.

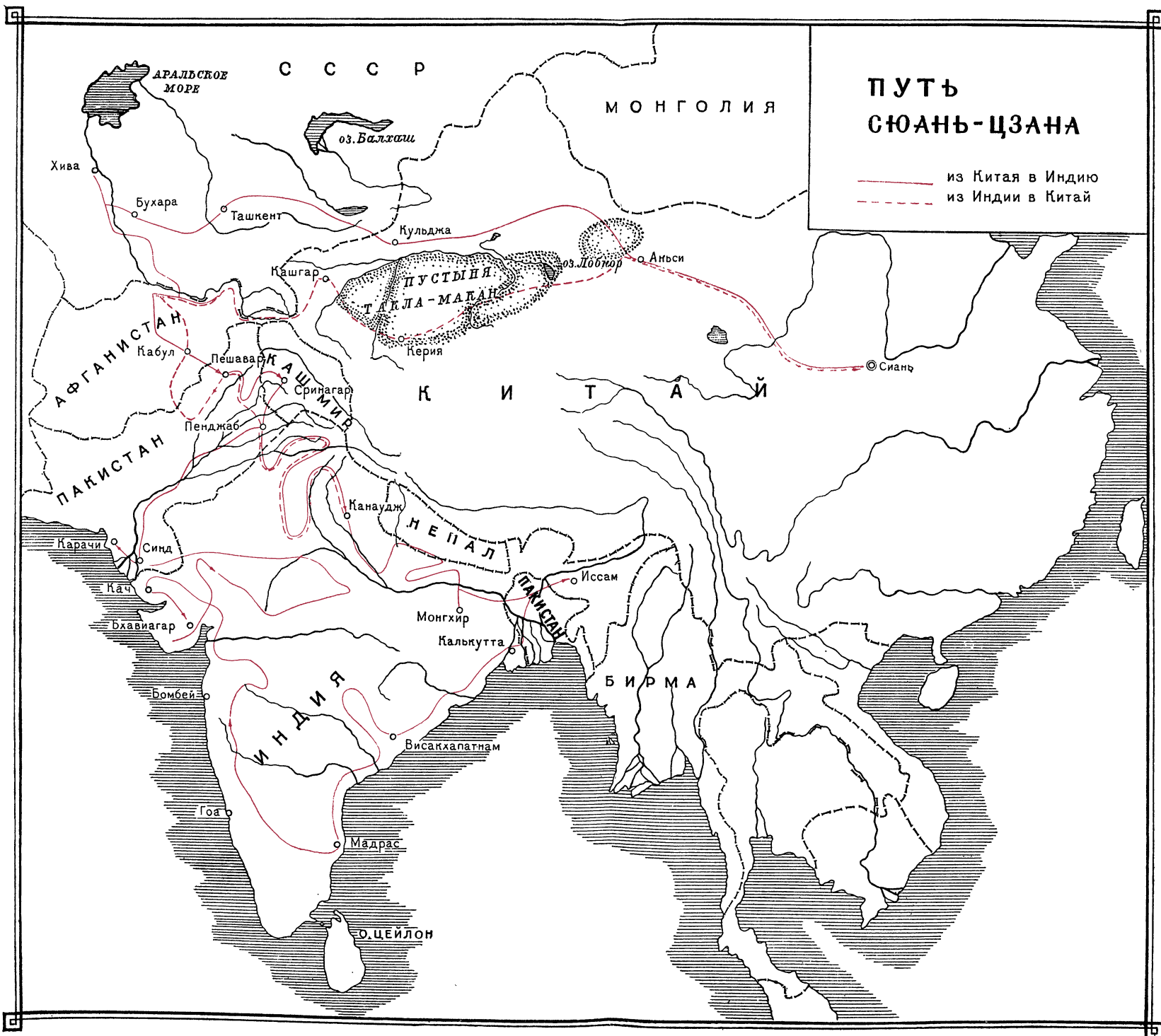
Принцесса Железный веер, Красный младенец — Священный князь
и Ню Мо-ван.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн.

Ао-гуан, Ван Лин-гуань и Эр-лан.

Карта составлена в современных границах.

УЧЭН-ЭНЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД

УЧЭН-ЭНЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА ЗАПАД

4

1750